

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

*ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!*

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Т О М

ХІІІ

Ч А С Т Ь ІІ

ПОЛИТІЗДАТ при ЦК ВКП(б)

1940

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ,
ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1870—1873

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящий том входят работы Маркса и Энгельса от начала франко-прусской войны (июль 1870 г.) по конец 1872 г. Сверх того, в томе помещена брошюра, вышедшая летом 1873 г., «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», — последняя из работ, относящихся к Интернационалу. В 1870—1872 гг. Марксу и Энгельсу пришлось, как и прежде, уделять очень много времени Международному Товариществу Рабочих — этой первой интернациональной пролетарской массовой партии. В особенности много времени поглощала эта работа в 1871 г. в связи с крупнейшим событием того времени — Парижской коммуной, — событием, поднявшим политический и моральный авторитет Интернационала на небывалую высоту.

Когда началась франко-прусская война, Маркс на время прервал свою работу над «Капиталом». В конце 1871 г. он снова стал заниматься «Капиталом», — именно, приступил к подготовке второго немецкого издания первого тома «Капитала». Эта работа была им в основном закончена к концу июня 1872 г. В то же время, с апреля 1872 г., Маркс приступил к работе над французским изданием первого тома «Капитала», что потребовало от него очень много труда.

Работы, собранные в настоящем томе, как и все другие работы основоположников научного коммунизма, неразрывно связаны с повседневной борьбой рабочего класса, с текущими историческими событиями, в большинстве своем они являются официальными документами Международного Товарищества Рабочих или написаны на темы, относящиеся к жизни и борьбе этой организации.

Первую часть настоящего тома заполняют военные статьи Энгельса — «Заметки о войне», печатавшиеся без подписи автора в лондонской вечерней «Pall Mall Gazette» (под некоторыми статьями стояла буква Z.). «Pall Mall Gazette» была аристократическим органом, обладавшим крайне редким для лондонской газеты свойством: по словам Маркса, это была «единственная непроданная газета в Лондоне». В силу этого Маркс считал возможным поддерживать

некоторое время связь с этой газетой. В самом начале войны один из сотрудников «Pall Mall Gazette» Таран (Н. Тиблин), с которым Маркс был знаком и которому давал материалы о Лассале, отправляясь в Париж в качестве военного корреспондента, предложил Марксу писать военные корреспонденции из Германии (см. письмо Маркса Энгельсу от 20 июля 1870 г.). Корреспонденции согласился писать Энгельс, которому для этого вовсе не надо было ехать в Пруссию. В то время Энгельс жил еще в Манчестере, но собирался переехать в Лондон на постоянное жительство, так как он тогда уже полностью ликвидировал свои коммерческие дела в Манчестере. Первые три статьи Энгельс посылал Марксу, и тот переправлял их редакции. Первая статья была отправлена Марксом редактору «Pall Mall Gazette» 28 июля и на следующий же день она появилась в газете. 1 августа Маркс написал Энгельсу, чтобы он в дальнейшем направлял статьи непосредственно редакции, что Энгельс и делал регулярно в течение всего того времени, пока продолжались военные операции, т. е. приблизительно до середины февраля 1871 г.

Статьи Энгельса имели огромный успех. Влиятельный английский еженедельник «Spectator» отмечал, что военные статьи «Pall Mall Gazette» — единственные значительные в английской прессе, и выражал только сожаление, что «автор так скуп на слова и факты» (письмо Маркса Энгельсу от 30 августа 1870 г.). «Times» в своих передовых статьях пользовался данными «Pall Mall Gazette», не ссылаясь на источник. «Сегодня, — писал Энгельс Марксу 3 августа 1870 г., — «Times» поместил передовую, целиком списанную с моих двух статей — со второй и третьей». В одной из своих «Заметок о войне» (см. стр. 23) Энгельс отмечает эти бесцеремонные плагиаты «Times'a».

В статьях Энгельса о франко-прусской войне полностью обнаружилось его огромная проницательность, его глубокие познания в военном деле. На основании косвенных данных Энгельс первый совершенно правильно разгадал стратегический план прусского командования (см. «Заметки о войне». — III). 31 июля Энгельс отправил Марксу свою третью статью, прося его немедленно же отвезти ее в редакцию. Публикация прусского плана «доставит «Pall Mall Gazette» и мне, — писал Энгельс, — огромную популярность; во вторник события могут развернуться так далеко, что всякий осел сможет сам представить себе дальнейший ход дела» (см. Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 363).

За пять дней до поражения французских войск при Седане Энгельс совершенно точно предсказал неизбежность катастрофы,

указав также приблизительно и место, где должна будет произойти капитуляция французской армии (см. «Заметки о войне». — XII). В связи с этими статьями за Энгельсом в кругу его ближайших друзей прочно укрепилось прозвище «Генерал».

Кроме объяснения текущих военных событий Энгельс в своих статьях дает множество ценнейших разъяснений по ряду вопросов военной техники, военной истории, стратегии и тактики; он знакомит читателя с принципами организации военного дела во Франции и в Пруссии; дает популярное изложение основ фортификации; приводит примеры обороны крепостей (Севастополя, Сарагоссы); пишет об организации партизанской войны в Пруссии в 1813—1814 гг. и т. д., и т. д.

В «Заметках о войне» Энгельс вскрывает также внутренние причины, приведшие бонапартовскую империю к позорному краху. Бонапарта, перед которым пресмыкались английские олигархи и вся реакционная буржуазия, использовавшая его как спасителя ее рент и прибылей, Маркс и Энгельс с самого начала оценивали по достоинству, видели всю его жалкую посредственность. «Толпа, и знатная и простая, — писал Маркс Кугельману 4 февраля 1871 г., — судит по внешности, по лицевой стороне, по непосредственному успеху. Так, она прославляла Луи Бонапарта на весь свет в течение 20 лет. Я же всегда, даже во время его апогея, разоблачал его как *посредственную каналью*». Подкупность и гнилость всего строя Второй империи были вскрыты и разоблачены в произведениях Маркса и Энгельса до конца. Еще в 1852 г. в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс указал основные принципы бонапартизма. «Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов... Ему хотелось бы украсть всю Францию, чтобы подарить ее Франции или, вернее, чтобы купить потом Францию на французские деньги»...

Как уже было указано выше, преобладающее место в томе занимают документы Интернационала: обращения, воззвания, манифесты, автором которых был по преимуществу Маркс, а отчасти и Энгельс. Здесь нужно в первую очередь отметить написанные Марксом два воззвания Генерального Совета по поводу франко-прусской войны: первое от 23 июля и второе от 9 сентября 1870 г., а также «Манифест» (как Маркс в своей переписке неоднократно сам называл это воззвание; см., например, письмо Кугельману от 18 июня 1871 г.) «Гражданская война во Франции в 1871 г.».

Оба воззвания, не менее чем «Гражданская война во Франции», говорит Энгельс, являются «образцами удивительного, впервые

проявившегося в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» дара Маркса верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились» (см. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 83).

В первом воззвании, которым открывается настоящий том, Маркс показывает, что война была начата не французским народом, а империей, и по существу Бисмарк в такой же мере является виновником этой войны, как и Бонапарт. В воззвании Маркс приветствовал протесты против грабительской династической войны, выраженные публично французскими и немецкими рабочими, и заявления их о своей интернационалистской солидарности. Он предсказал неизбежность близкой гибели бонапартовской империи: «Похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *реставрированной империи*».

Второе воззвание разоблачает завоевательные планы прусского правительства и призывает немецких и английских рабочих требовать почетного для Франции мира и признания французской республики, возникшей 4 сентября.

Воззвания Интернационала произвели большое впечатление особенно в Англии. Маркс в письме Энгельсу от 8 августа отметил это. Всякому мыслящему и непредубежденному человеку становилось ясно, что только пролетариат способен проводить настоящую международную политику.

Крупнейшим историческим событием XIX века, великим героическим подвигом пролетариата была Парижская коммуна, осуществившая впервые в истории диктатуру пролетариата. Среди произведений, собранных в настоящем томе, важнейшее значение имеет написанное Марксом воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о гражданской войне во Франции в 1871 г.

Маркс в своем изгнании, в Лондоне, «со всем свойственным ему пылом и страстью» принимал активное участие в борьбе парижского пролетариата, давал советы членам Интернационала, принимавшим участие в Коммуне, разъяснял пролетариям всего мира смысл парижских событий, смысл далеко не ясный даже самим участникам этих событий. «Времени не теряли, — писал Маркс в одном из писем в дни Коммуны. — Путем переписки различных секретарей

с секциями континента и Соединенных Штатов рабочим всюду был разъяснен истинный характер этой *великой революции Парижа*» (см. Соч. Маркса и Энгельса, т. XXVI, стр. 112). (Курсив наш. *Ред.*) «Я написал по вашему делу, — говорит Маркс в другом письме, — несколько сот писем во все концы света, где существуют наши секции» (письмо Франкелю и Варлену 13 мая 1871 г.). Маркс давал целый ряд ценных советов руководителям Коммуны. К сожалению, советы Маркса не были проведены в жизнь. Париж, оказавшийся в максимально неблагоприятном положении, окруженный с одной стороны немецкими войсками, с другой — войсками версальского правительства, отрезанный от Франции, пал. Через два дня после падения Парижской коммуны Маркс прочел в Генеральном Совете Интернационала свое гениальное произведение «Гражданская война во Франции в 1871 г.», в котором он выступил пламенным защитником дела Коммуны, заклеил ее палачей, разоблачил их ничтожество и гнусность и разъяснил великий исторический смысл пролетарской революции в Париже.

Среди произведений Маркса «Гражданская война во Франции в 1871 г.» имеет выдающееся значение потому, что в нем Маркс подвел итог опыта осуществившейся впервые в истории диктатуры пролетариата.

«В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели», — говорит Ленин в «Государстве и революции», — Маркс «видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 393).

На основе опыта Парижской коммуны Маркс развил и дополнил свое учение о государстве и диктатуре пролетариата. «Не передать бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а *разрушить* эту машину. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте, — писал Маркс Кугельману 12 апреля 1871 г. — Такова как раз попытка наших геройских парижских товарищей». В «Гражданской войне во Франции» Маркс охарактеризовал возникшие в результате пролетарской революции учреждения, которыми пролетариат заменил разбитую бюрократически-военную машину буржуазного государства. Маркс попытожил и проанализировал исторический опыт Коммуны и сделал вывод, что «не парламентарная республика, а политическая организация типа Парижской коммуны является наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата». Но это указание Маркса не получило дальнейшего развития в трудах Маркса и было

предано забвению. Только Ленин, «исходя из теории марксизма, пришел к выводу, что наилучшей политической формой диктатуры пролетариата является не парламентарная демократическая республика, а республика Советов» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 340)¹. Учение марксизма о государстве и диктатуре пролетариата получило дальнейшее развитие в трудах товарища Сталина, который показал все значение и роль пролетарской государственности при победе социализма и коммунизма в условиях, когда социалистическое государство находится в капиталистическом окружении.

При выходе в свет «Гражданской войны во Франции» попытка буржуазной печати замолчать это произведение Маркса не удалась. Маркс писал 18 июня 1871 г., что этот «Манифест» Интернационала «производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клеветают и которому более всего грозят... Правительственный орган «Observer» грозит мне судебным преследованием. Пусть осмелеют! Плюю я на этих каналий!»²

¹ Ленин, занявшись в конце 1916 — начале 1917 г. специально вопросом о государстве, тщательно изучил все, что Маркс и Энгельс писали по этому вопросу, и особенно подробно проанализировал содержание «Гражданской войны во Франции». В своей тетради «Марксизм о государстве» Ленин отметил, что «вся глава III, или почти вся, посвящена вопросу о государстве...», что «Коммуна = *«определенная форма»* пролетарской социалистической республики». Ленин перечисляет целых 19 пунктов, отмечая установленные Марксом важнейшие черты «пролетарской государственности», ломающей угнетательский аппарат буржуазного государства, создающей «правительство рабочего класса», которое своей целью ставит «экспроприацию экспроприаторов», установление «полной демократии», пробуждение революционной активности «трудящихся масс, *большинства населения*», обеспечить *«их активное участие вместо чиновников в государственных делах...»* (см. Ленин, «Марксизм о государстве», Лен. Сборник XIV, стр. 294—316). Третья глава «Государства и революции» Ленина целиком посвящена разбору анализа Маркса опыта Парижской коммуны в его «Гражданской войне во Франции в 1871 г.».

² См. также письмо Энгельса Либкнехту 22 июня 1871 г.: «Манифест вызвал здесь, в Лондоне, необычайный шум. Сперва попытались его замолчать, но это не удалось. В среду 14-го в «Evening Standard» появляется сообщение, 15-го «Daily News» дает выдержку, которая обходит большую часть газет. Затем следует отклик: в субботу «Spectator», «Graphic», «Pall Mall Gazette», «Daily Telegraph» (передовая), и, таким образом, дело было сделано. В понедельник «Times» дал очень жалкую передовую, «Standard» отозвался повторно, вчера — опять «Times», и во всем Лондоне только и разговору, что о нас. Разумеется, сплошной рев. Тем лучше».

Олигархическое правительство Англии не осмелилось привлечь Маркса к суду, так как отлично понимало, что таким путем с Марксом ему не справиться. Зато в печати была поднята против Маркса и против Интернационала целая кампания лжи и клеветы. С этой клеветнической кампанией Маркс вел борьбу, выступая в печати с рядом опровержений, которые собраны в настоящем томе.

В работах, собранных в томе, и письмах того времени Маркс и Энгельс неоднократно отзывались с похвалой о политической линии, проводимой немецкими рабочими в период 1870 — 1871 гг.

«Германские рабочие держались в этом последнем большом кризисе превосходно, лучше всех остальных, — писал Энгельс Либкнехту 22 июня 1871 г.—Отлично представлял их интересы и Бебель; его речь о Коммуне обошла всю английскую печать и произвела здесь большое впечатление».

Бебель в своей речи упомянул о высмеянном в «Гражданской войне во Франции» мнении Бисмарка, будто Коммуна «в сущности стремилась к прусскому городскому устройству». На самом деле, говорил Бебель, Коммуна ставила себе более высокие задачи. Если бы это было так, как говорит Бисмарк, то почему же тогда он включил в мирный договор пункт о возврате французских солдат из прусского плена для использования их в борьбе против Коммуны, т. е. непосредственно против «защитников прусского городского устройства». «Милостивые государи, — говорил Бебель, — пусть стремления Коммуны в ваших глазах кажутся чрезвычайно предосудительными, или, как вчера в кулуарах рейхстага говорили — безумными, будьте уверены, что весь европейский пролетариат и все, у кого в груди есть чувство свободы и независимости, заодно с Парижем. Милостивые государи, пусть даже в настоящий момент Париж подавлен, но не забывайте, что борьба в Париже только небольшая передовая стычка, что главное для нас в Европе впереди и что не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата: «Война дворцам, мир хижинам, смерть нужде и праздношатайству!» станет боевым кличем всего европейского пролетариата».

Значительная часть документов Интернационала, написанных Марксом и Энгельсом, помещенных в настоящем томе, относится к борьбе против злейшего врага революционной партии рабочего класса — бакунизма. Подробная характеристика бакунизма, его социальных корней, его «теорий», его происков и интриг дана в ряде произведений: прежде всего в «Конфиденциальном сообщении» (март 1870 г.) (напечатано в т. XIII, ч. I), в брошюре «Мнимые

расколы в Интернационале» (март 1872 г.)¹, в «Докладе об «Альянсе» (сентябрь 1872 г.) и в брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (21 июля 1873 г.)² (три последние работы помещены в настоящем томе), а также в ряде писем Маркса и Энгельса (важнейшие: Маркс — Фридриху Больте 23 ноября 1871 г.; Энгельс — Теодору Куно 24 января 1872 г.) (см. Соч. Маркса и Энгельса, т. XXVI).

Маркс в своих произведениях и письмах, говоря об основной задаче Интернационала, всегда указывал, что целью Интернационала было создание массовой пролетарской партии. Интернационал стремился «заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для борьбы» (Маркс, письмо Фридриху Больте 23 ноября 1871 г.). Одной из таких сект был бакунизм. Его борьба против Генерального Совета, против всего Интернационала была направлена к разрушению международной пролетарской партии. Это было реакционной попыткой повернуть рабочее движение вспять. «Программа Альянса, — говорит Маркс в «Мнимых расколах», — ...представляет собой лишь беспорядочное нагромождение давно погребенных идей, разукрашенных звонкими фразами, способными запугать лишь буржуазных кретингов или служить уликой против членов Интернационала в глазах бонапартистских и иных прокуроров» (см. настоящий том, стр. 418).

Бакунизм был выразителем не пролетарской, а мелкобуржуазной идеологии, идеологии отсталых слоев пролетариата, не порвавших еще со своим мелкобуржуазным прошлым. Б своей сектантской, дезорганизаторской деятельности Бакунин опирался как раз на такие страны, где пролетариат и мелкая буржуазия страдали не столько от капитализма, сколько от недостатка его развития, —

¹ Эта работа была доложена Марксом на заседании Генерального Совета 5 марта 1872 г. Разъяснив важнейшие положения документа, Маркс отметил его особое значение, состоящее в том, что в документе дано изложение «исторического развития принципов и политики Международного Товарищества Рабочих». На заседании было единогласно решено одобрить текст документа и опубликовать его в качестве негласного циркуляра Генерального Совета.

² Эта брошюра была написана по поручению Гаагского конгресса Марксом и Энгельсом с участием Лафарга (см. письмо Энгельса Зорге от 26 июля 1873 г. Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 350). 14 июня 1873 г. Энгельс сообщил в письме Зорге, что ««Альянс» почти готов — по-французски; адская работа на этом каверзном языке, зато попадет в точку, и даже вы будете поражены».

на Италию, Испанию. Для характеристики социального состава организаций Интернационала в Италии показательна выдержка из письма Бакунина к Франциско Мора, приводимая в брошюре об Альянсе: «В Италии есть то, чего не хватает другим странам: пылкая, энергичная молодежь, совершенно выбитая из колеи, без перспектив на карьеру, не видящая выхода... буржуазная молодежь... она очертя голову бросается в революционный социализм, принимая всю нашу программу, программу Альянса». Комментируя эту выдержку, Маркс и Энгельс замечают: «Святой отец (т. е. Бакунин. Ред.) прав. В Италии Альянс является не «Рабочим Союзом», а сбродом деклассированных элементов» (см. настоящий том, стр. 584). В письме Теодору Куно от 7—8 мая 1872 г. Энгельс писал: «Главная трудность в Италии заключается лишь в том, что там нелегко установить непосредственные отношения с рабочими. Эти проклятые бакунистские доктринеры — адвокаты, доктора и т. д. — пролезли всюду и ведут себя как прирожденные представители рабочих. Там, где нам удастся прорвать их ряды и притти в непосредственное соприкосновение с самими массами, все идет прекрасно, и дело быстро налаживается». То же самое было и в Испании.

Бакунин выступал представителем «бунтарства», неустойчивой, истеричной революционности мелкого буржуа, в отчаянии мечущегося из стороны в сторону, желающего освободиться от гнета крупного капитала, но совершенно неспособного к выдержанной политической борьбе.

Прикрываясь революционной фразой, Бакунин ставил своей целью овладеть изнутри организацией Интернационала и подчинить ее своему личному влиянию. Он не стеснялся в средствах, применяя методы двурушничества и обмана. На Западе, например, сторонники Бакунина с пеной у рта выступали против «Манифеста Коммунистической партии» как документа «немецкого», «авторитарного» коммунизма и предавали его анафеме. А в России Бакунин, желая использовать авторитет «Манифеста Коммунистической партии», рекомендовал его как «развитие основных наших положений» (см. настоящий том, стр. 622). В воззвании к русским офицерам Бакунин незаметно прикидывался не ведающим ни местопребывания, ни состава «Комитета», от имени которого он говорил, тогда как на деле весь этот комитет сосредоточивался в его собственной персоне.

Отличительной чертой бакунизма было то, что в его лице в истории рабочего движения появилось мелкобуржуазное течение, все свои силы направившее на борьбу не против буржуаз-

ных правительств, а против пролетарской партии. Бакунизм, сделавшись центром притяжения для всех антимарксистских, антипролетарских элементов, стал злейшим врагом пролетарской партии, на деле союзником и агентурой буржуазных правительств.

«Если представишь себе, — писал Энгельс Теодору Куно в письме от 24 января 1872 г., — в какой момент, — как раз тогда, когда Интернационал всюду подвергается ожесточенной травле, — эти люди начинают свой заговор, то никак не можешь отделаться от мысли, что господа из международной полиции (Mardocherei) замешаны в этом деле».

Ряд фактов свидетельствовал о тесном сотрудничестве бакунистов с буржуазными элементами и с полицией. Например, сонвильерский циркуляр бакунистов (ноябрь 1871 г.), полный гнусной клеветы против Генерального Совета, против всего Интернационала, перепечатывался в буржуазных органах, продавался во французских городах в базарные дни, что возможно было делать только с разрешения полиции. В Испании бакунисты стояли горой за буржуазных республиканцев и вели ожесточенную борьбу против всех попыток разоблачения их антинародных и антипролетарских тенденций — попыток, предпринимавшихся сторонниками Генерального Совета. Во Франции, Италии и других странах полиция сплошь и рядом оказывала поддержку бакунистам, производя аресты сторонников Генерального Совета и помогая дезорганизаторской деятельности бакунистов. Сторонники Генерального Совета подвергались арестам, бакунистов же полиция не трогала. А для травли Интернационала правительство и полиция использовали преимущественно именно бакунистские прокламации и документы. «Фразеология этих сектантов, — говорит Маркс, — весь радикализм которых заключается в громких фразах, наилучшим образом служит замыслам реакции» (см. «Мнимые расколы», настоящий том, стр. 418).

Вся деятельность Бакунина и его приверженцев такова, что с полным правом можно утверждать: ни один правительственный агент не сумел бы причинить больше вреда рабочему движению и послужить правительствам и буржуазии лучше, чем это делали бакунисты. Маркс был целиком прав, характеризуя всю поднятую бакунистами кампанию как «склоку, причиной которой было несколько тщеславных посредственностей, действовавших по указке правительственных агентов» (Маркс, письмо Фердинанду Йозевицу 1 февраля 1872 г.).

В заключение несколько слов о порядке, в каком публикуются материалы настоящего тома.

В брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», кроме текста самой брошюры, в качестве «оправдательных документов» были приложены три бакунистских документа: 1) «Секретные статуты Альянса»; 2) «Устав и регламент открытого Альянса»; 3) Письмо Бакунина к Франциско Мора. В томе эти приложения опущены, так как их публикация в настоящее время потеряла то политическое значение, которое она имела в 1873 г. Сейчас воспроизводить целиком весь этот анархистский хлам не имеет никакого смысла. Все существенное, что нужно для полной характеристики анархизма, из этих документов извлечено, обильно цитируется в тексте брошюры и находит там должную оценку и критику.

В особом отделе тома помещены записи речей Маркса и Энгельса. Из речей на Лондонской конференции помещены наиболее важные речи, имеющие большое принципиальное значение и помогающие лучшему пониманию документов, помещенных в томе. Из речей на Гаагском конгрессе не помещено ни одной, так как материалы этого конгресса еще не изданы. Помещена лишь речь, произнесенная Марксом на митинге в Амстердаме, состоявшемся после закрытия Гаагского конгресса. Все записи речей — это лишь изложение основных мыслей Маркса и Энгельса, сделанные не ими самими, а секретарями или корреспондентами. Запись речи в Амстердаме была немедленно же напечатана в ряде газет («La Liberté», «Allgemeen Handelsblad», «Volksstaat», «Emancipacion», «République française»). Со стороны Маркса не последовало возражений против того, как изложены в этой записи его мысли. Эта речь неоднократно публиковалась и стала широко известна. Что касается записей остальных речей, то они существуют в нескольких редакциях в секретарских записях, относительно которых неизвестно, были ли они просмотрены и утверждены Марксом. Речи эти при жизни Маркса не были опубликованы, и текст этих записей можно считать лишь приблизительно верно передающим то, что было сказано Марксом и Энгельсом. Относительно несовершенства секретарских записей Маркс специально говорил на заседании Генерального Совета 21 февраля 1871 г. Печатающиеся здесь тексты записей речей Маркса и Энгельса не содержат ничего такого, что вызвало бы какое-либо сомнение, не содержат решительно ничего такого, чего они не могли бы говорить, но так как записи этих речей сделаны не самими авторами, речи выделены в особый отдел.

Резолюции как Лондонской конференции, так и Гаагского конгресса I Интернационала были составлены при ближайшем участии Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс входили в состав редакционных комиссий, которым было поручено опубликовать резолюции. В архиве ИМЭЛ хранятся рукописи и тех и других резолюций, написанные Энгельсом. С этих рукописей были напечатаны официальные издания резолюций Лондонской конференции и Гаагского конгресса. Ввиду того что резолюции являются плодом коллективного творчества, они тоже помещены не в основном тексте произведений, а в особом отделе тома.

Кроме того, в приложении помещено письмо дочери Маркса Жени о преследованиях, которым она и ее сестра подвергались со стороны правительства Тьера. Статью эту Маркс направил в американский журнал «Woodhull and Claflin's Weekly», сопроводив письмом, текст которого печатается в основном тексте сочинений.

*Институт Маркса—Энгельса—Ленина
при ЦК ВКП(б)*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
СТАТЬИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ,
ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1870 — 1873

THE GENERAL COUNCIL
OF THE
International Workingmen's Association
ON THE WAR.

TO THE MEMBERS OF THE INTERNATIONAL WORKING-
MEN'S ASSOCIATION

IN EUROPE AND THE UNITED STATES.

In the inaugural Address of the INTERNATIONAL WORKINGMEN'S ASSOCIATION, of November, 1864, we said:—"If the emancipation of the working classes requires their fraternal concurrence, how are they to fulfil that great mission with a foreign policy in pursuit of criminal designs, playing upon national prejudices and squandering in piratical wars the people's blood and treasure?" We defined the foreign policy aimed at by the International in these words:—"Vindicate the simple laws of morals and justice, which ought to govern the relations of private individuals, as the laws paramount of the intercourse of nations."

No wonder that Louis Bonaparte, who usurped his power by exploiting the war of classes in France, and perpetuated it by periodical wars abroad, should from the first have treated the International as a dangerous foe. On the eve of the plebiscite he ordered a raid on the members of the Administrative Committees of the International Workingmen's Association throughout France, at Paris, Lyons, Rouen, Marseilles, Brest, &c., on the pretext that the International was a secret society dabbling in a complot for his assassination, a pretext soon after exposed in its full absurdity by his own judges. What was the real crime of the French branches of the International? They told the French people publicly and emphatically that voting the plebiscite was voting despotism at home and war abroad. It has been, in fact, their work that in all the great towns, in all the industrial centres of France, the working class rose like one man to reject the plebiscite. Unfortunately the balance was turned by the heavy ignorance of the rural districts. The Stock Exchanges, the Cabinets, the ruling classes and the press of Europe celebrated the plebiscite as a signal victory of the French Emperor over the French working class; and it was the signal for the assassination, not of an individual, but of nations.

The war plot of July, 1870, is but an amended edition of the *coup d'état* of December, 1851. At first view the thing seemed so absurd that France would not believe in its real good earnest. It rather believed the deputy denouncing the ministerial war talk as a mere stock jobbing trick. When, on July 15th, war was at last offici-

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ВОЙНЕ¹.

ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ
В ЕВРОПЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

В Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих от ноября 1864 г. мы говорили: «Если освобождение рабочего класса требует братского единения и сотрудничества рабочих, то каким образом они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народа?». И мы характеризовали внешнюю политику, которой добивается Интернационал, в следующих словах: «Чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами».

Не удивительно, что Луи Бонапарт, который свою власть узурпировал, используя классовую борьбу во Франции, и продлил свое господство посредством ряда внешних войн, с самого начала относился к Интернационалу как к опасному врагу. Накануне плебисцита он устраивает поход против членов распорядительных комиссий Международного Товарищества Рабочих в Париже, Лионе, Руане, Марселе, Бресте, — словом, во всей Франции, под тем предлогом, что Интернационал является тайным обществом и готовит заговор с целью убить его; нелепость этой выдумки была вскоре раскрыта его собственными судьями. В чем же состояло действительное преступление французских секций Интернационала? В том, что они открыто и настойчиво говорили французскому народу:

¹ Написано К. Марксом и утверждено на заседании Генерального Совета I Интернационала 26 июля 1870 г. Перевод дан с текста, изданного отдельной брошюрой на английском языке. *Ред.*

голосовать за плебисцит значит голосовать за внутренний деспотизм и за внешнюю войну. И действительно, делом их рук было то, что во всех больших городах, во всех промышленных центрах Франции рабочий класс, как один человек, восстал против плебисцита. К несчастью, голоса рабочих были подавлены ввиду глубокого невежества сельских округов. Биржи, кабинеты держав, господствующие классы и печать всей Европы торжествовали победу плебисцита как блестящую победу французского императора над французским рабочим классом; в действительности же плебисцит был сигналом к умерщвлению не одной личности, а целых народов.

Военный заговор июля 1870 г. является только улучшенным вариантом государственного переворота в декабре 1851 г. На первый взгляд дело казалось столь нелепым, что Франция не хотела верить в серьезность слухов о войне. Гораздо охотнее верила она депутату, который в воинственных речах министров видел простую биржевую уловку. Когда, наконец, 15 июля Законодательному корпусу было заявлено о войне официально, — вся оппозиция отказалась утвердить предварительные расходы; даже Тьер заклеил войну как нечто «гнусное»; все независимые парижские газеты осуждали ее, и, к удивлению, провинциальная печать почти целиком с ними соглашалась.

Между тем парижские члены Интернационала вновь взялись за работу. В «Réveil» 12 июля они опубликовали манифест «К рабочим всех наций», в котором сказано:

«Снова политическое честолюбие, под предлогом европейского равновесия и защиты национальной чести, грозит всеобщему миру. Французские, немецкие и испанские рабочие! Соединим свои голоса в один общий крик возмущения против войны!.. Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии не может в глазах рабочих быть чем-нибудь иным, кроме преступного безумия. Мы, — те, кто хочет мира, работы и свободы, — мы громко протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога крови» и для кого общественное несчастье служит источником новой спекуляции!.. Братья в Германии! Вражда между нами, французскими и немецкими рабочими, имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна... Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы, члены Международного Товарищества Рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, мы шлем вам, как залог

неразрывной солидарности, добрые пожелания и привет от рабочих Франции».

За этим манифестом наших парижских секций последовало множество подобных же французских воззваний, из которых мы здесь можем привести только одно, принадлежащее секции в Neuilly-sur-Seine [Нейи-на-Сене] и опубликованное в газете «Marseillaise» от 22 июля. «Справедлива ли эта война? Нет! Национальна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая. Во имя справедливости, во имя демократии, во имя истинных интересов Франции мы всецело и энергично присоединяемся к протестам Интернационала против войны».

Эти протесты выражали истинные чувства французских рабочих, как вскоре и показало ясно одно интересное происшествие. Когда банду «10 декабря», первоначально организованную во время президентства Луи Бонапарта, переодели в рабочие блузы и выпустили на улицы Парижа, чтобы посредством индейских военных плясок разжечь военную лихорадку, — действительные рабочие предместий ответили такими внушительными демонстрациями в пользу мира, что полицейский префект Пьетри счел нужным сразу положить конец всяким дальнейшим уличным демонстрациям под тем предлогом, что преданный парижский народ достаточно проявил свой долго сдерживаемый патриотизм и дал исход своему неиссякаемому военному энтузиазму.

Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией, — похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *реставрированной империи*.

Для Германии война эта является оборонительной. Но кто привел Германию в положение необходимости обороняться? Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии? *Пруссия!* Не кто иной, как Бисмарк, вступил в заговор с этим самым Луи Бонапартом в надежде подавить внутри Пруссии демократическую оппозицию и закрепить Германию за династией Гогенцоллернов. Если бы битва при Садовой не была выиграна, а проиграна, французские батальоны наводнили бы Германию в качестве союзников Пруссии. Разве Пруссия после победы хоть на минуту подумала о том, чтобы поращенной Франции противопоставить свободную Германию? Как раз наоборот! Она ревниво

оберегала исконные прелести своей старой системы и в добавление к ним позаимствовала у Второй империи все ее уловки: ее фактический деспотизм и фальшивую демократичность, ее политические фокусы и финансовые мошенничества, ее высокопарные фразы и самое низкое жульничество. Бонапартистский режим, который до сих пор процветал только на одном берегу Рейна, нашел себе, таким образом, двойника на другом берегу его. А при таком положении дел чего иного можно было ждать, кроме войны?

Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, — тогда и победа и поражение будут одинаково губельны. Все те несчастья, которые постигли Германию после освободительной войны, обрушатся на нее снова с еще большей жестокостью.

Принципы Интернационала, однако, слишком широко распространились и слишком глубокие корни пустили среди немецкого рабочего класса, чтобы мы должны были опасаться столь печального исхода. Голос французских рабочих нашел себе отклик в Германии. Громадное рабочее собрание в Брауншвейге 16 июля объявило себя вполне солидарным с парижским манифестом, решительно отвергло всякую мысль о национальной вражде к Франции и приняло резолюцию, в которой сказано: «Мы — враги всяких войн, но прежде всего — войн династических... С глубокой печалью и болью мы видим себя вынужденными принять участие в оборонительной войне, как в неизбежном зле; но в то же время мы призываем весь рабочий класс Германии сделать невозможным повторение столь ужасного социального несчастья, добиваясь при этом для народов власти самим решать вопрос о войне и мире и делая таким образом народы господами своей собственной судьбы».

В Хемнице собрание уполномоченных, представлявших 50 000 саксонских рабочих, единогласно приняло следующую резолюцию: «От имени немецкой демократии вообще, и в частности от имени рабочих социал-демократической партии, мы объявляем нынешнюю войну исключительно династической... С радостьюжимаем мы братскую руку, протянутую нам французскими рабочими. Памятуя лозунг Международного Товарищества Рабочих: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*, мы никогда не забудем, что рабочие всех стран — наши друзья, а деспоты всех стран — наши враги».

Берлинская секция Интернационала также ответила на парижский манифест: «Мы всей душой присоединяемся к вашему протесту... Мы даем великий обет в том, что ни звуки труб, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не отвратят нас от нашего общего дела объединения рабочих всех стран».

На заднем плане этой самоубийственной борьбы виднеется злобующая фигура России. Плохим признаком является то, что сигнал к нынешней войне был дан как раз в тот момент, когда русское правительство закончило постройку важных для него в стратегическом отношении железных дорог и уже сконцентрировало войска в направлении к Пруту. Хотя немцы и могут с полным правом рассчитывать на симпатии в своей оборонительной войне против бонапартистского нападения, — они потеряют эти симпатии сейчас же, как только допустят, чтобы прусское правительство призвало на помощь или хотя бы только приняло помощь казаков. Пусть они припомнят, что Германия после своей освободительной войны против Наполеона I целые десятилетия лежала распростертой у ног царя.

Английский рабочий класс братски протягивает руку французским рабочим, так же как и немецким. Он глубоко убежден, что, как бы ни кончилась предстоящая отвратительная война, союз рабочих всех стран, в конце концов, искоренит всякие войны. В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу друг с другом, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — *труд*! Предвозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих.

Г е н е р а л ь н ы й С о в е т :

Эпльгарт, Роберт; Бун, Мартин Т.; Бредник, Фред.; Степни Кауелл; Хейлз, Джон; Хейлз, Вильям; Гаррис, Джордж; Лесснер, Фрид.; Лэнтерн, В.; Легрелье; Морис, Зеви; Милнер, Джордж; Моттерсхед, Томас; Мэррей, Чарльз; Оджер, Джордж; Парнелль, Джемс; Пфендер; Рюль; Шеффер, Жозеф; Столл; Шмутц; Таунсхенд, В.

Секретари - корреспонденты:

Эжен Дюпон — для Франции; *Карл Маркс* — для Германии; *О. Серрайе* — для Бельгии, Голландии и Испании; *Герман Юнг* — для Швейцарии; *Джованни Бора* — для Италии; *Антон Жабицкий* — для Польши; *Джемс Кoen* — для Дании; *И. Г. Эккариус* — для Соединенных Штатов.

Бенджамен Лекрафт, председатель.

Джон Уэстон, казначей.

И. Георг Эккариус, генеральный секретарь.

Office: 256, High Holborn, W. C.

23 июля 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — I.

Едва успели раздаться выстрелы, как первый этап войны уже миновал, закончившись для французского императора неудачей. Достаточно беглого обзора политической и военной обстановки, чтобы это стало очевидным.

В настоящее время ясно для всех, что Луи-Наполеон надеялся изолировать Северо-германский союз от южных государств и использовать недовольство, имеющееся в областях, недавно присоединенных к Пруссии. Стремительный натиск на Рейн всеми силами, какие только возможно было бы собрать, переправа через эту реку где-либо между Гермерсгеймом и Майнцем и наступление в направлении на Франкфурт и Вюрцбург давали возможность достигнуть этого. Французы могли бы тогда завладеть коммуникациями между севером и югом и принудить Пруссию с величайшей поспешностью стянуть к Майну все наличные войска, независимо от степени их боевой готовности. Весь ход мобилизации в Пруссии был бы нарушен, и все шансы были бы на стороне вторгшихся французов, которые могли бы наносить пруссакам поражения по частям, по мере того как те прибывали из разных мест страны. Не только политические, но и военные соображения говорили за успех подобной операции. Французская кадровая система допускает гораздо более быстрое сосредоточение армии в 120 000—150 000 человек, чем прусская система ландвера. Состав французской армии мирного времени отличается от состава военного времени только числом людей, находящихся в отпуску, и отсутствием депо [запасных частей], которые формируются накануне выступления в поход. Прусская же армия мирного времени включает в себе менее одной трети состава военного времени; более того, не только рядовые, но и офицеры остальных двух третей в мирное время являются штатскими. Мобилизация такой огромной массы людей требует времени; кроме того, это сложный процесс, который был бы нарушен и превращен в полный хаос внезапным вторжением неприятельской армии. Вот почему император так поспешил с войной. Если бы в его расчеты не входило подобное

внезапное вторжение, резкий тон Грамона и поспешное объявление войны были бы лишены смысла.

Но внезапный сильный взрыв национального чувства у немцев расстроил все подобные планы: Луи-Наполеон очутился лицом к лицу не с королем Вильгельмом «Аннександером», а с немецкой нацией. А в таком случае нечего было и думать о стремительном движении через Рейн даже с армией в 120 000—150 000 человек. Захватить врасплох не удалось, и поэтому пришлось вести регулярную кампанию всеми наличными силами. Гвардия, парижская и лионская армии и армейский корпус в Шалонском лагере, которых вполне хватило бы для первоначальной цели, теперь оказались едва достаточными, чтобы образовать только ядро огромной армии, которая требуется для вторжения. Итак, наступил второй этап войны — этап подготовки большой кампании, и с этого дня шансы императора на безусловный успех начали падать.

Сравним теперь силы, которые имеются наготове для взаимного истребления; чтобы упростить сравнение, возьмем только пехоту. Пехота — это род войск, который решает сражение; а незначительная разница в силах кавалерии и артиллерии, включая митральезы и другие орудия, своим действием творящие чудеса, не будет иметь большого значения ни для одной из сторон.

Франция имеет 376 батальонов пехоты (38 батальонов гвардии, 20 егерских, 300 линейных, 9 зуавов, 9 тюркосов и пр.); в мирное время в батальоне восемь рот. В военное время каждый из 300 линейных батальонов оставляет в тылу для формирования депо [запасной части] две роты и выступает в составе только шести рот. В данном случае четыре из шести запасных рот каждого линейного полка (в составе трех батальонов) предназначаются для развертывания четвертого батальона, комплектующегося отпускными и резервистами. Остальные две роты, повидимому, должны играть роль депо и могут впоследствии образовать пятые батальоны. Но потребуется, конечно, некоторое время, по крайней мере недель шесть, прежде чем эти четвертые батальоны будут настолько организованы, чтобы быть готовыми для полевых операций; в настоящее время их, так же как и мобильную гвардию, можно считать только гарнизонными войсками. Таким образом, для первых решительных боев Франция располагает лишь вышеупомянутыми 376 батальонами.

Из них, судя по имеющимся у нас сведениям, в Рейнскую армию, состоящую из шести армейских корпусов, от 1-го до 6-го, и гвардии, входят 299 батальонов. Включая 7-й корпус (генерала Монтобана),

предназначенный, повидимому, для отправки в Балтику, мы получим цифру в 340 батальонов, следовательно только 36 батальонов остаются для охраны Алжира, колоний и внутри самой Франции. Отсюда следует, что Франция сосредоточила против Германии все свои наличные боевые силы и что она не сможет увеличить их новыми боеспособными частями раньше начала сентября.

Теперь обратимся к другой стороне. Северо-германская армия состоит из тринадцати армейских корпусов и насчитывает 368 батальонов пехоты, или, в среднем, по двадцати восьми батальонов на корпус. В каждом батальоне в мирное время около 540 и в военное время около 1 000 человек. По получении приказа о мобилизации каждый полк в три батальона выделяет несколько офицеров для формирования четвертого батальона. Резервисты призываются немедленно. Это люди, прослужившие от двух до трех лет в полку и остающиеся военнообязанными до 27-летнего возраста. Их более чем достаточно, чтобы пополнить три полевых батальона и снабдить хорошими кадрами четвертый батальон, который комплектуется из ландвера. Таким образом, полевые батальоны могут быть готовы к выступлению через несколько дней, а четвертые батальоны через 4—5 недель. Одновременно на каждый линейный полк формируется полк ландвера двухбатальонного состава из людей в возрасте от 28 до 36 лет, и, как только эти два батальона готовы, приступают к формированию третьих батальонов ландвера. Для всего этого, включая мобилизацию кавалерии и артиллерии, потребуется ровно тринадцать дней, а так как первый день мобилизации был назначен на 16 июля, то все уже готово или должно быть готово к сегодняшнему дню. В настоящий момент Северная Германия располагает, вероятно, 358 линейными батальонами для полевых операций и 198 батальонами ландвера в гарнизонах. Эти войска, безусловно, могут быть усилены не позднее второй половины августа 114 четвертыми линейными батальонами и 93 третьими батальонами ландвера. Во всех этих частях вряд ли найдется хотя бы один человек, не отбывавший установленного срока службы в армии. К ним следует добавить войска Гессен-Дармштадта, Бадена, Вюртемберга и Баварии, всего 104 линейных батальона; но так как система ландвера в этих государствах еще не успела получить полного развития, то там может оказаться не больше 70 или 80 батальонов, годных к полевой службе.

Ландвер предназначается преимущественно для несения гарнизонной службы, но в войне 1866 г. значительная часть его была отправлена в качестве резервной армии для полевых операций. Не подлежит сомнению, что то же будет сделано и на этот раз.

Из тринадцати корпусов северо-германской армии десять находятся в настоящее время на Рейне, составляя в общем 280 батальонов; кроме того, около 70 батальонов южно-германских войск, а всего 350 батальонов. Для береговой службы или в резерве остается три армейских корпуса, или 84 батальона. Для обороны побережья вполне достаточно одного корпуса вместе с ландвером. Остальные два корпуса, насколько нам известно, пожалуй, также находятся на пути к Рейну. Эти войска к 20 августа могут быть усилены, по крайней мере, сотней четвертых батальонов и 40—50 батальонами ландвера, личный состав которых превосходит [по боевой подготовке] французские четвертые батальоны и мобильную гвардию, сформированные преимущественно из почти необученных людей. Франция, таким образом, располагает не больше чем 550 000 обученных солдат, тогда как одна Северная Германия имеет их 950 000. И в этом преимущество Германии. Оно будет все более и более сказываться по мере отсрочки решительного сражения, пока не достигнет своего кульминационного пункта к концу сентября.

При таких обстоятельствах нас не должно удивлять сообщение из Берлина о том, что германское командование надеется предохранить немецкую территорию от бедствий войны; другими словами — немцы сами перейдут в наступление, если в ближайшее время не будут атакованы. Другой вопрос, как это наступление будет проводиться, если только его не опередит Луи-Наполеон.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «Pall Mall Gazette»

№ 1703, пятница, 29 июля 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — П.

В пятницу, 29 июля, утром должно было начаться наступление французской армии. В каком направлении, — беглый взгляд на карту это покажет.

Долина левого берега Рейна на западе примыкает к горной цепи Вогезов от Бельфора до города Кайзерслаутерна. К северу от этого последнего пункта холмы становятся более отлогими, постепенно переходя в равнину близ Майнца.

Долина Мозеля образует в Рейнской Пруссии глубокое и извилистое ущелье, которое проложила себе река через плато, переходящее к югу от долины в значительную горную цепь под названием Гохвальд. По мере приближения к Рейну эта цепь все более и более приобретает характер плато, пока самые крайние холмы ее не встретятся с отрогами Вогезов.

Ни Вогезы, ни Гохвальд нельзя считать абсолютно непроходимыми для армии. Их пересекают несколько хороших больших дорог, но ни один из этих горных районов не принадлежит к местностям, где армии в 200 000—300 000 человек могли бы с успехом вести операции. Местность между ними образует, однако, нечто вроде широкого прохода от 25 до 30 миль в ширину, с неровной поверхностью, во всех направлениях изрезанной большим количеством дорог и представляющей все удобства для движения больших армий. Кроме того, дорога из Меца в Майнц идет через этот проход, и Майнц является первым важным пунктом, на который, вероятно, двинутся французы.

Мы здесь имеем, следовательно, операционное направление, предписанное самой природой. В случае вторжения немцев во Францию и при условии готовности обеих армий первое крупное столкновение должно произойти на окраине Лотарингии, к востоку от Мозеля и к северу от железной дороги Нанси—Страсбург; точно так же в случае продвижения французской армии с позиций, где она была сосредоточена на прошлой неделе, первое серьезное столкновение будет иметь место где-либо в этом проходе или за ним, под стенами Майнца.

Французская армия была сосредоточена следующим образом: три корпуса (3-й, 4-й и 5-й) — в первой линии, у Тионвиля¹, Сент-Авольда и Бича; два корпуса (1-й и 2-й) — во второй линии, у Страсбурга и Меца; в качестве резерва — гвардия у Нанси и 6-й корпус у Шалона. За последние несколько дней вторая линия была выдвинута вперед в интервалы первой линии, гвардия передвинута к Мецу, а Страсбург был предоставлен для мобильной гвардии. Таким образом, вся масса французских войск была сосредоточена между Тионвилем и Бичем, т. е. в начале прохода между горами. Естественным выводом из этих предпосылок является то предположение, что французы намерены войти в этот проход.

Таким образом, вторжение начнется с занятия переправ на реках Саар и Блис; в ближайшие дни, вероятно, будет занята линия Толей — Гомбург, затем линия Биркенфельд — Ландштуль или Оберштейн — Кайзерслаутерн и т. д., пока, разумеется, это вторжение не будет приостановлено наступлением немцев. В горах, несомненно, появятся фланговые части обеих армий, и между ними также произойдет столкновение; однако настоящего сражения можно ожидать лишь в только что описанной местности.

О расположении немцев нам ничего неизвестно. Мы предполагаем, что если они намерены встретить неприятеля на левом берегу Рейна, то их район сосредоточения будет непосредственно у Майнца, т. е. в другом конце прохода. В противном случае они останутся на правом берегу, между Бингеном и Маннгеймом, сосредоточиваясь, в зависимости от обстоятельств, выше или ниже Майнца. Что касается Майнца, который прежде был открыт для бомбардировки нарезной артиллерией, то сооружение новой линии отдельных фортов в 4 000—5 000 ярдов от крепостных валов города, повидимому, достаточно обеспечило его безопасность.

Имеются все основания предполагать, что немцы будут готовы и начнут наступление не позднее чем через два-три дня после французов. В таком случае произойдет сражение, подобное сражению при Сольферино, — две армии, развернутые на полную ширину своих фронтов, будут двигаться навстречу одна другой.

Особенно умелого и искусного маневрирования здесь ждать не приходится. Имея дело с армиями таких размеров, очень трудно привести их хотя бы просто во фронтальное движение по заранее составленному плану. И та сторона, которая прибегла бы к риско-

¹ На немецких картах Диденгофен. *Ред.*

ванным маневрам, была бы разгромлена простым продвижением вперед неприятельских масс задолго до того, как эти маневры могли бы дать результаты.

В настоящее время в Берлине много говорят о книге фон Видерна о рейнских крепостях. По утверждению этого автора, Рейн от Базеля до Мурга совершенно не укреплен, и единственной защитой Южной Германии и Австрии от французского нападения в этом направлении служит сильная крепость Ульм, занятая с 1866 г. смешанным отрядом баварцев и вюртембержцев численностью в 10 000 человек. Этот гарнизон в случае войны может быть усилен до 25 000 человек, и сверх того 25 000 человек могут быть размещены в укрепленном лагере внутри крепостной ограды. Крепость Раштатт, на которую рассчитывают как на трудно преодолимое препятствие для французского продвижения, расположена в долине, через которую протекает р. Мург. Городские укрепления состоят из трех больших фортов, господствующих над окружающей местностью и соединенных оградой. Южный и западный форты — «Леопольд» и «Фридрих» — находятся на левом берегу р. Мург; северный форт, именуемый «Луи», — на правом берегу, где расположен укрепленный лагерь, рассчитанный на 25 000 человек. Раштатт находится в четырех милях от Рейна, и местность между рекой и крепостью покрыта лесом; поэтому крепость не может помешать переправе армии [через Рейн] в этом пункте. Следующей крепостью является Ландау, прежде состоявшая из трех фортов: одного — на юге, другого — на востоке и третьего — на северо-западе; эти форты отделены от города болотами по берегам маленькой речки Квейх. Южный и восточный форты были в последнее время заброшены, и лишь один северо-западный форт содержится в пригодном для обороны состоянии. Наиболее важной и наиболее выгодно расположенной крепостью в этом районе является Гермерсгейм на берегах Рейна. Она господствует над обоими берегами реки на значительном расстоянии и фактически является недоступной для неприятеля в такой же мере, как Майнц и Кобленц. Крепость могла бы значительно облегчить продвижение войск в Рейнский Пфальц, так как, кроме имеющегося плывучего моста, можно навести через реку еще два-три моста под прикрытием ее орудий. Гермерсгейм мог бы также служить операционной базой для левого фланга армии, расположенного по линии реки Квейх. Майнц — одна из самых важных рейнских крепостей, но над ним господствует несколько прилегающих к нему холмов;

это заставило увеличить число укреплений в городе, и поэтому там едва ли найдется достаточно места для расположения большого гарнизона. Вся местность между Майнцем и Бингеном ныне сильно укреплена, а далее к устью Майна (на противоположном берегу Рейна) имеются три больших укрепленных лагеря. Что касается Кобленца, то, по утверждению фон Виддерна, для успешной его осады потребовались бы силы, в шесть раз превосходящие его гарнизон. Неприятель, вероятно, начал бы наступление обстрелом форта «Александр» с холма, известного под названием «Кукопф», где его войска находились бы под прикрытием леса. Автор описывает также укрепления Кёльна и Везеля, но ничего нового не прибавляет к тому, что уже о них известно.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1705, понедельник, 1 августа
1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — III.

План кампании пруссаков начинает, наконец, выясняться. Следует учесть, что, хотя на правом берегу Рейна происходили большие переброски войск с востока на запад и юго-запад, однако о сосредоточении их в непосредственной близости к угрожаемой границе было очень мало слышно. Крепости получили сильные подкрепления от ближайших частей. У Саарбрюкена 500 человек 40-го пехотного полка и три эскадрона 7-го уланского полка (оба 8-го корпуса) имели перестрелки с неприятелем; баварские егеря и баденские драгуны выставили линию передовых постов до Рейна. Но в непосредственном тылу этого заслона, образованного из нескольких подвижных частей, повидимому, не было расположено большого количества войск. Ни одно сообщение не упоминало об участии артиллерии в этих стычках. В Трире совершенно не было войск. С другой стороны, мы слышали о наличии большого количества войск на бельгийской границе: о 30 000 кавалерии около Кёльна (где вся местность на левом берегу Рейна, почти до Аахена, изобилует фуражом), а также о 70 000 человек перед Майнцем. Все это казалось странным и производило впечатление почти преступного разбрасывания войск в противоположность компактному сосредоточению французов на расстоянии всего нескольких часов марша от границы. И вдруг из разных мест одно за другим проникают сведения, которые, повидимому, раскрывают тайну.

Корреспондент «Temps», рискнувший пробраться до самого Трира, был очевидцем прохождения через этот город 25-го и 26-го [июля] массы войск всех родов оружия в направлении на линию р. Саар. Приблизительно в это же время слабый гарнизон Саарбрюкена получил значительные подкрепления, вероятно, из Кобленца, где расположен штаб 8-го корпуса. Войска, следующие через Трир, входят, вероятно, в состав другого корпуса, прибывшего с севера через Эйфель. Наконец, из частного источника мы узнали, что 7-й армейский корпус 27-го [июля] был на марше через Трир из Аахена по направлению к границе.

Итак, мы видим, что, по крайней мере, три армейских корпуса, или около 100 000 человек, выдвинуты на линию Саара. Два из них,

7-й и 8-й, входят в состав Северной армии генерала Штейнмеца (7-й, 8-й, 9-й и 10-й корпуса). Можно с полной уверенностью предположить, что вся эта армия в настоящее время сосредоточена между Саарбургом и Саарбрюкеном. Если 30 000 человек конницы (или около этого) действительно находились в окрестностях Кёльна, то они должны были пройти через Эйфель и Мозель по направлению к Саару. Вся эта группировка войск как бы указывает, что главный удар немцев будет нанесен их правым флангом между Мецем и Саарлуи, в направлении долины верхнего Нида. Если конница резерва действительно *уже* прошла в указанном направлении, то это предположение превращается в уверенность.

Этот план предполагает сосредоточение всей германской армии между Вогезами и Мозелем. Центральная армия (принца Фридриха-Карла, в составе 2-го, 3-го, 4-го и 12-го корпусов) должна была бы занять позицию, примыкающую к левому флангу Штейнмеца, либо сосредоточиться у него в тылу в качестве резерва. Южная армия (кронпринца, в составе 5-го корпуса, гвардии и южно-германских войск) образовала бы левое крыло, примерно, в районе Цвейбрюкена. Где находятся сейчас все эти войска и как они были доставлены на свои позиции, нам неизвестно. Мы знаем только, что 3-й армейский корпус начал продвижение на юг через Кёльн по железной дороге по *левому* берегу Рейна. Но мы можем предположить, что та же рука, которая начертала план быстрого сосредоточения от 100 000 до 150 000 человек на Сааре из отдаленных и, повидимому, различных пунктов, укажет пути подобного же сосредоточения для остальных частей армии.

Это, несомненно, смелый план, и шансов на его успешное выполнение не меньше, чем у всякого другого плана, который мог бы быть предложен. Он предполагает такое сражение, в котором немецкое левое крыло, от Цвейбрюкена и почти до Саарлуи, ведет исключительно оборонительный бой, в то время как правое крыло, продвигаясь от Саарлуи и западнее этого пункта и поддержанное сильными резервами, атакует неприятеля всеми своими силами и фланговым движением всей резервной кавалерии прерывает его сообщения с Мецем. Если этот план удастся и немцы выиграют первое большее сражение, французская армия рискует оказаться не только отрезанной от своей ближайшей базы — Меца и Мозеля, но и быть отброшенной на такую позицию, которая позволит немцам очутиться между ней и Парижем.

В таком положении, при полной безопасности сообщений с Кобленцем и Кёльном, немцам не страшен даже риск поражения, так

как для них поражение не имело бы таких гибельных последствий, как для французов. Но все же это смелый план. Отвести разбитую армию, в особенности правое ее крыло, невредимо через дефиле Мозеля и его притоков было бы чрезвычайно трудно. При этом, несомненно, пришлось бы потерять большое количество солдат пленными и значительную часть артиллерии, а перегруппировка армии под прикрытием рейнских крепостей заняла бы много времени. Вообще было бы безумием принять подобный план, если бы у генерала Мольтке не было полной уверенности в том, что в его распоряжении имеются настолько подавляющие силы, что победа почти несомненна, и если бы он, кроме того, не знал, что французы не в состоянии напасть на его войска в то время, когда они еще только стягивают свои силы к месту, выбранному для первого сражения. Так ли это на самом деле, мы узнаем, вероятно, очень скоро, может быть, даже завтра.

А пока следует иметь в виду, что никогда нельзя быть твердо уверенным, что эти стратегические планы могут полностью дать весь тот эффект, которого от них ожидают. Всегда могут встретиться препятствия: части войск не прибывают точно в тот момент, когда они нужны; неприятель совершает непредвиденные передвижения или, оказывается, предпринял неожиданные меры предосторожности; и, наконец, ожесточенные, упорные бои или здравый смысл какого-либо генерала зачастую спасают разбитую армию от самого худшего из возможных последствий поражения, т. е. от потери коммуникаций со своей базой.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1706, вторник, 2 августа 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — IV.

28 июля император прибыл в Мец и на следующее утро принял командование Рейнской армией. Согласно наполеоновским традициям, эта дата должна быть отмечена началом активных операций; но прошла уже неделя, и мы еще не слышали, чтобы Рейнская армия в целом начала свое продвижение. 30-го небольшому прусскому отряду у Саарбрюкена удалось оттеснить французскую разведку. 2 августа 2-я дивизия (генерал Батайль) 2-го армейского корпуса (генерал Фроссар) заняла высоты к югу от Саарбрюкена и артиллерийским огнем выбила немцев из города, не делая, однако, попытки форсировать реку и атаковать господствующие над городом высоты северного берега. Таким образом, во время этой атаки линия Саара не была форсирована. С тех пор дальнейших сведений о продвижении французов не поступало, и пока преимущества, достигнутые ими в бою 2 августа, равны почти нулю.

Теперь едва ли можно сомневаться в том, что император, отправившись из Парижа в Мец, намеревался немедленно перейти границу. Если бы он так поступил, ему удалось бы весьма основательно расстроить мероприятия противника. 29 и 30 июля немецкие армии далеко еще не были сосредоточены. Южно-германские войска походным порядком и по железной дороге еще только стягивались к рейнским мостам. Прусская резервная конница проходила бесконечными колоннами через Кобленц и Эренбрейтштейн, направляясь к югу. 7-й корпус находился между Аахеном и Триром, вдалеке от каких-либо железных дорог. 10-й корпус только выступал из Ганновера, а гвардия отправлялась из Берлина по железной дороге. Решительное наступление в этот момент привело бы французов к передовым фортам Майнца и обеспечило бы им значительные преимущества над отступающими колоннами немцев; это, может быть, даже дало бы им возможность навести мост через Рейн и прикрыть его предмостным укреплением на правом берегу. Во всяком случае, война была бы перенесена на территорию противника, что оказало бы отличное моральное воздействие на французские войска.

Почему же в таком случае подобное наступление не состоялось? По той простой причине, что если французские солдаты и были готовы, то не было готово их интендантство. Нам нет нужды пользоваться какими-либо слухами, идущими со стороны немцев; мы имеем свидетельство капитана Жаннеро, старого французского офицера, ныне военного корреспондента «Temps» при действующей армии. Он определенно указывает, что снабжение армии для кампании началось только 1 августа; в войсках было мало походных фляг, котелков и другого походного снаряжения, мясо было гнилое, а хлеб нередко заплесневелый. Пожалуй, можно сказать, что армия Второй империи понесла поражение пока только от самой же Второй империи. При таком режиме (régime), при котором его сторонникам щедро платят всеми средствами издавна установившейся системы взяточничества, нельзя было ожидать, что эта система не коснется интендантства в армии. Настоящая война, по признанию г-на Руэра, была подготовлена давно; но заготовке запасов, в особенности снаряжения, повидимому, уделялось наименьшее внимание; и вот как раз теперь, в самый критический период кампании, беспорядок, царивший именно в этой области, вызвал задержку в действиях почти на неделю.

Эта недельная задержка создала огромное преимущество в пользу немцев. Она дала им время перебросить свои войска на фронт и сосредоточить их на намеченных позициях. Как известно нашим читателям, мы исходим из предположения, что все немецкие силы сосредоточены в настоящее время на левом берегу Рейна, в общем занимая позицию против французской армии. Этот взгляд подтверждается всеми официальными и частными сообщениями, полученными со вторника, когда мы полностью снабдили «Times» самыми подробными сведениями по данному вопросу, которые эта газета сегодня утром выдает за свои собственные. Три армии (Штейнмеца, принца Фридриха-Карла и кронпринца) составляют в общей сложности 13 армейских корпусов, или, по крайней мере, от 430 000 до 450 000 человек. Противостоящие им силы, при самом благоприятном подсчете, составляют не больше 330 000—350 000 обученных солдат. Если их больше, то излишек должен состоять из необученных и недавно сформированных батальонов. Но германские войска далеко не представляют собой всех сил Германии. Среди одних только полевых войск имеется три армейских корпуса (1-й, 6-й и 11-й), которые не включены в этот подсчет. Где они могут находиться, нам неизвестно. Мы знаем только, что они выступили из своих гарнизонов, и мы обнаружили полки 11-го корпуса на левом берегу Рейна

и в баварском Пфальце. Мы также достоверно знаем, что в Ганновере, Бремене и в их окрестностях в настоящее время нет других войск кроме ландвера. Это приводит к заключению, что, по крайней мере, бóльшая часть этих трех корпусов была также отправлена на фронт, а в таком случае численный перевес немцев увеличивается еще приблизительно на 40 000—60 000 человек. Мы не были бы удивлены, если бы даже несколько дивизий ландвера было отправлено на фронт на р. Саар; в настоящее время в ландвере имеется 210 000 вполне подготовленных бойцов ландвера, а в четвертых и других линейных батальонах 180 000 человек почти готовых, часть которых может быть использована для первого решительного удара. Не следует думать, что эти люди существуют в известной степени только на бумаге. Мобилизация 1866 г. служит доказательством того, что они действительно существуют, а нынешняя мобилизация снова доказала, что обученных людей, готовых к выступлению, больше чем требуется. Эти цифры кажутся невероятными; но даже и они не исчерпывают военной мощи Германии.

Таким образом, в конце этой недели император окажется лицом к лицу с численно превосходными силами противника. И если на прошлой неделе он хотел, но не мог двинуться вперед, то теперь он не имеет ни возможности, ни желания наступать. А что он не находится в неведении относительно сил противника, на это имеется намек в парижском сообщении, согласно которому 250 000 пруссаков сосредоточены между Саарлуи и Нейнкирхеном. О том, что происходит между Нейнкирхеном и Кайзерслаутерном, парижское сообщение ничего не говорит. Поэтому возможно, что бездействие французской армии, вплоть до четверга, отчасти вызвано изменением плана кампании и что вместо наступления французы намерены оставаться в оборонительном положении, чтобы использовать преимущества чрезвычайно возросшей силы огня, которую винтовки, заряжающиеся с казны, и нарезная артиллерия дают армии, ожидающей атаки на укрепленной позиции. Но принятие такого решения будет большим разочарованием для французов с самого начала кампании. Пожертвовать половиной Лотарингии и Эльзаса без единого сражения — дело серьезное для императора. К тому же мы сомневаемся, чтобы для такой большой армии можно было найти близко к границе лучшую позицию, чем окрестности Меца.

В случае такого движения французов немцы применили бы свой изложенный нами выше план действий. Они могли бы попытаться вовлечь своего противника в большое сражение, раньше чем он достигнет Меца, и продвинуться вперед между Саарлуи и Мецем. Во вся-

ком случае, они попытаются обойти с фланга французскую укрепленную позицию и прервать ее сообщения с тылом.

Армия в 300 000 человек требует большого количества продовольствия и не может допустить, чтобы пути подвоза были прерваны даже на несколько дней. При этих условиях она будет вынуждена покинуть позицию и принять бой в открытом поле, а тогда она потеряет выгоды обороны. Во всяком случае, мы можем быть уверены, что в ближайшее время произойдут серьезные события. Три четверти миллиона людей не могут долго оставаться сосредоточенными на территории в 50 квадратных миль. Невозможность прокормить такую массу людей заставит ту или другую сторону сдвинуться с места.

В заключение повторяем, что мы исходим из предположения, что как французы, так и немцы бросили на фронт все наличные силы для участия в первом большом сражении. И мы продолжаем придерживаться того мнения, что немцы будут иметь в таком случае значительный численный перевес, достаточный, чтобы обеспечить им победу, если только с их стороны не будет допущено крупных ошибок. В этом предположении нас убеждают все получаемые официальные и частные сообщения. Ясно, однако, что все это не дает оснований для абсолютной уверенности. Нам приходится делать заключение на основании данных, которые могут оказаться ложными. Мы не знаем, какое положение может создаться даже в тот момент, когда мы пишем эти строки; невозможно также предсказать, какие ошибки сделает или, наоборот, какую силу гения проявит командование обеих сторон.

Последние наши замечания сегодня будут относиться к атаке немцами линии Вейссенбурга в Эльзасе. Со стороны немцев принимали участие в наступлении части 5-го и 11-го прусских корпусов, а также 2-го баварского корпуса. Здесь мы имеем прямое подтверждение того, что не только 11-й корпус, но и все главные силы кронпринца находятся в Пфальце. Полк, упомянутый в сообщении как полк «королевских гвардейских гренадеров», является либо 7-м, либо 2-м западно-прусским гренадерским полком, входящим, как и 50-й полк, в состав 5-го корпуса. Прусская система всегда состоит в том, чтобы сначала полностью ввести в бой один армейский корпус, а затем уже подтянуть части другого корпуса. В данном случае в бой, который с успехом мог бы выполнить один корпус, были введены три корпуса пруссаков и баварцев. Повидимому, присутствие трех корпусов, угрожающих Эльзасу, должно было произвести впечатление на французов. Кроме того, наступление вверх по долине Рейна было бы задержано у Страсбурга, а фланговое движение через Вогезы

нашло бы проходы блокированными Бичем, Пфальцбургом и Питт Пьером—небольшими крепостями, которые вполне могут остановить движение по большим дорогам. Мы думаем, что в то время как три или четыре бригады этих трех германских корпусов атаковали Вейссенбург, главные силы этих корпусов могли бы двинуться через Ландау и Пирмазенс к Цвейбрюкену. Если бы упомянутые бригады добились успеха, то несколько дивизий Мак-Магона двинулись бы в противоположном направлении к Рейну. Там они оказались бы совершенно безвредными, так как всякое вторжение по равнине со стороны Пфальца было бы задержано у Ландау и Гермерсгейма.

Этот бой у Вейссенбурга происходил, очевидно, при таком численном превосходстве, которое почти наверняка обеспечивало успех. Моральное влияние этого первого за время войны серьезного столкновения должно быть безусловно велико, особенно если принять во внимание, что атака укрепленной позиции всегда считалась трудной операцией. Тот факт, что немцы, несмотря на наличие у французов нарезных орудий, митральез и ружей Шаспо, штыками выбили их из укрепленных линий, окажет свое влияние на обе армии. Это, несомненно, первый случай, когда штык действовал с успехом против заряжающейся с казны винтовки, и в этом отношении сражение останется памятным.

По той же причине это сражение расстроит планы Наполеона. Это такого рода известие, которое нельзя передать французской армии даже в весьма смягченной форме, если оно не сопровождается сообщениями об успехах в других пунктах. Его нельзя к тому же сохранить в тайне дольше, чем в течение двенадцати часов. Мы можем поэтому ожидать, что император двинет свои колонны в поисках этого успеха, и было бы удивительно, если бы мы вскоре не получили сообщений о французских победах. Но в то же время, вероятно, двинутся и немцы, и головные части неприятельских колонн войдут в соприкосновение в нескольких пунктах. Сегодня или самое позднее завтра нужно ожидать первого генерального сражения.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1710, суббота, 6 августа, 1870 г.*

ПРУССКИЕ ПОБЕДЫ.

Быстрота действий Третьей германской армии проливает все больше и больше света на планы Мольтке. Сосредоточение этой армии в Пфальце должно было произойти по дорогам через мосты Маннгейма и Гермерсгейма и, вероятно, также по расположенным между ними военным понтонным мостам. Прежде чем двинуться по дорогам через Гардт к западу от Ландау и Нейштадта, войска, сосредоточенные в Рейнской долине, были использованы для наступления против правого фланга французов. Такое наступление превосходными силами, имея Ландау близко в тылу, было совершенно безопасным и могло привести к большим результатам. Если бы при этом удалось оттянуть в Рейнскую долину значительную часть французских войск от их главных сил, разбить их и отеснить вверх по долине по направлению к Страсбургу, то эти силы были бы устранены от участия в генеральном сражении, тогда как Третья германская армия, находясь гораздо ближе к главным силам французов, сохранила бы возможность принять в нем участие. Во всяком случае, наступление на правый фланг французов могло бы ввести последних в заблуждение, если бы главный удар немцев, как мы все еще полагаем, вопреки противоположному мнению многочисленных военных и невоенных любителей потолковать о новостях, был бы направлен на левый фланг французов.

Внезапная и успешная атака на Вейссенбург показывает, что немцы имели такие сведения о расположении французов, которые побудили их произвести этот маневр. В погоне за реваншем французы опрометчиво бросились в ловушку. Маршал Мак-Магон немедленно стал стягивать свои корпуса к Вейссенбургу; для завершения этого маневра, как сообщают, ему требовалось два дня. Но кронпринц не намеревался предоставить ему это время. Он тотчас использовал свое преимущество и в субботу атаковал французов около Вёрта на р. Зауэр, приблизительно в пятнадцати милях к юго-западу от Вейссенбурга. У Мак-Магона, по его собственному описанию, была сильная позиция. Тем не менее приблизительно к пяти часам пополудни он был выбит из нее и, по предположению кронпринца, со всеми

частями отступил к Бичу. Таким путем он мог бы спасти положение, т. е. он не был бы отброшен эксцентрически к Страсбургу и сохранил бы связь с главными силами армии. Однако из позднейших французских телеграмм известно, что на самом деле он отступил к Нанси и что его штаб находится теперь в Саверне ¹.

Два французских корпуса, высланные навстречу наступающим немцам, состояли из семи пехотных дивизий, из которых, по нашему предположению, по крайней мере, пять участвовали в бою. Возможно, что и все они постепенно подошли к полю сражения, но восстановить равновесие они были уже не в состоянии, подобно тому как не удалось это сделать австрийским бригадам, появившимся последовательно одна за другой на поле сражения при Мадженте ². Во всяком случае, мы можем с уверенностью сказать, что здесь подверглось разгрому от одной пятой до одной четверти всех французских сил. Германские войска состояли, вероятно, из тех же частей, авангард которых одержал победу при Вейссенбурге, а именно из 2-го баварского, 5-го и 11-го северо-германских корпусов. Из них 5-й корпус состоит из двух познанских, пяти силезских и одного вестфальского полков, а 11-й корпус — из одного померанского, четырех гессен-кассельских и нассауских и трех тюрингенских полков; таким образом, в сражении участвовали войска из самых различных областей Германии.

В этих военных действиях больше всего нас поражает стратегическая и тактическая роль каждой из армий. Их роли как раз противоположны тому, чего можно было бы ожидать, согласно установившейся традиции. Немцы наступают, французы обороняются. Немцы действуют стремительно и большими массами, которыми они легко маневрируют; французы же сами признают, что после двухнедельного сосредоточения их войска были еще так разбросаны, что потребовалось два дня для сбора двух армейских корпусов. В результате они были разбиты по частям. Судя по тому, как французы передвигают свои войска, их можно принять за австрийцев. Чем это объяснить? Просто неизбежными последствиями режима Второй империи. Удара, полученного под Вейссенбургом, оказалось достаточно, чтобы привести в возбуждение весь Париж, а также, без сомнения, лишить армию хладнокровия. Несобходим был реванш: немедленно же посылают Мак-Магона с двумя корпусами, чтобы

¹ На немецких картах Цабери. *Ред.*

² Сражение при Мадженте произошло 4 июня 1859 г. во время франко-итало-австрийской войны. *Ред.*

добиться этого реванша; шаг безусловно ошибочный, но все равно его приходилось сделать, и он был сделан — с известным уже нам результатом. Если маршал Мак-Магон не сможет получить такого подкрепления, чтобы снова встретиться с кронпринцем, последний, пройдя каких-нибудь пятнадцать миль на юг, сможет захватить железную дорогу Страсбург — Нанси и двинуться к Нанси, охватывая этим движением любую оборонительную линию, которую французы могли бы надеяться удержать перед Мецем. Нет сомнения, что именно страх перед таким охватом заставляет французов оставить Саарскую область. И кронпринц, предоставив своему авангарду преследовать Мак-Магона, может немедленно двинуться вправо через холмы, к Пирмазенсу и Цвейбрюкену, чтобы соединиться с левым флангом армии принца Фридриха-Карла. Последний находился все это время где-то между Майнцем и Саарбрюкеном, тогда как французы настойчиво утверждали, что он находится у Трира. Как скажется на действиях кронпринца поражение корпуса генерала Фроссара у Форбаха, за которым, повидимому, последовало вчерашнее продвижение пруссаков к Сент-Авольду, мы пока определить не можем.

Если Второй империи безусловно нужна была победа после Вейссенбурга, то теперь, после Вёрта и Форбаха, победа ей необходима еще в большей степени. Если Вейссенбурга было достаточно, чтобы расстроить прежние планы в отношении действий правого крыла, то бои, происходившие в субботу, неизбежно опрокинули все мероприятия, выработанные для армии в целом. Французская армия лишилась всякой инициативы. Ее действия диктуются не столько военными соображениями, сколько политической необходимостью. Если армия в 300 000 человек, стоящая почти на виду у противника, должна в своих действиях руководствоваться не тем, что творится в неприятельском лагере, а тем, что происходит или может происходить в Париже, то она уже наполовину разбита. Никто, конечно, не может точно предсказать исхода генерального сражения, которое неизбежно предстоит, если оно уже не происходит; но можно сказать с уверенностью, что если Наполеон III будет еще в течение недели применять подобную стратегию, образцы которой он дал, начиная с четверга, то одного этого будет достаточно, чтобы уничтожить самую лучшую и самую большую армию в мире.

Телеграммы императора Наполеона только усугубляют впечатление, которое производят прусские отчеты об этих сражениях. В субботу в полночь он сообщал только голые факты: «Маршал Мак-Магон проиграл сражение. Генерал Фроссар был вынужден отступить». Три часа спустя были получены известия, что его связь

с маршалом Мак-Магоном прервана. В воскресенье в 6 часов утра серьезность поражения генерала Фроссара была, по существу, засвидетельствована признанием, что это поражение было нанесено значительно западнее Саарбрюкена, у самого Форбаха. Невозможность немедленно задержать дальнейшее продвижение пруссаков была признана следующим извещением: «Войска, оказавшиеся разбегенными, стягиваются к Мецу». Следующую телеграмму трудно понять: «Отступление произойдет в полном порядке». Чье же отступление? Не маршала Мак-Магона, так как связь с ним все еще остается прерванной. Не генерала Фроссара, потому что далее император сообщает: «От генерала Фроссара нет никаких известий». И если в 8 час. 25 мин. утра император мог говорить только в будущем времени о предстоящем отступлении войск, местонахождение коих ему еще не было известно, то какую ценность может иметь телеграмма, отправленная восьмью часами ранее, в которой он говорит в настоящем времени: «Отступление происходит в полном порядке». Все эти позднейшие сообщения были в том же духе, как и первое: «Tout peut se rétablir» [«Все поправимо»]. Победы пруссаков были слишком значительны, чтобы можно было прибегнуть к тактике, которую император, естественно, хотел применить. Он не мог рискнуть скрыть истину в надежде сгладить впечатление одновременным сообщением о позднейшем сражении с иным результатом. Пощадить гордость французского народа, скрыв от него, что две французских армии потерпели поражение, было уже невозможно, и поэтому ему оставалось только рассчитывать на то страстное желание вернуть утраченное, которое в прежние времена при подобных бедствиях рождалось в сердцах французов. В частных телеграммах императрице и министрам, несомненно, была намечена линия их публичных выступлений или, что даже более вероятно, из Меца им доставляли подлинный текст соответствующих воззваний. Из всего этого мы делаем вывод, что, каково бы ни было настроение французского народа, власти, начиная с императора, находятся в подавленном состоянии, что само по себе чрезвычайно знаменательно. Объявление осадного положения в Париже неопровержимо указывает на то, что может последовать за новой победой пруссаков, а министерское воззвание заканчивается следующими словами: «Будем же храбро сражаться, и Франция будет спасена». Спасена! Французы могут, пожалуй, спросить себя: спасена — от чего? От вторжения, предпринятого пруссаками для того, чтобы предотвратить французское вторжение в Германию? Если бы пруссаки были разбиты и подобный призыв раздавался из Берлина, его значение было бы ясно, так как

каждая новая победа французского оружия означала бы новую аннексию Францией германской территории. Но если прусское правительство будет достаточно благоразумно, то поражение французов будет означать только, что попытка помешать Пруссии беспрепятственно продолжать свою германскую политику потерпела неудачу, и мы с трудом можем поверить, что всеобщее ополчение, будто бы обсуждаемое французскими министрами, действительно позволит возобновить наступательную войну.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1711, понедельник, 8 августа
1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — V.

Суббота, 6 августа, была критическим днем для первого периода кампании. Первые немецкие сообщения, крайне сдержанные, скорее скрывали, чем подчеркивали значение достигнутых в этот день результатов. Только по позднейшим более полным отчетам, а также по некоторым косвенным признаниям во французских донесениях мы можем судить о полной перемене военной обстановки, происшедшей в субботу.

В то время как Мак-Магон потерпел поражение на восточных склонах Вогезов, три дивизии Фроссара и по крайней мере один 69-й полк из корпуса Базэна, всего сорок два батальона, были отброшены дивизией Камеке 7-го (вестфальского) корпуса и двумя дивизиями Барнекова и Штюльпнагеля 8-го (рейнского) корпуса, всего тридцать семь батальонами, с высот к югу от Саарбрюкена, за Форбах и дальше. Так как немецкие батальоны сильнее по своему составу, то численность войск, вступивших в бой, была приблизительно одинаковая, но на стороне французов были выгоды позиции. На левом фланге Фроссара находилось семь пехотных дивизий Базэна и Ладмиро, а в тылу его — две гвардейские дивизии. Но за исключением одного полка, о котором сказано выше, ни один человек из этих частей не пришел на помощь несчастному Фроссару. После жестокого поражения он должен был отступить и теперь, так же как Базэн, Ладмиро и гвардия, находится в полном отступлении к Мецу. Немцы преследуют отступающих и в воскресенье были уже в Сент-Авольде, причем для них открыта вся Лотарингия вплоть до Меца.

В это же время Мак-Магон, де Файи и Канробер отступали не к Бичу, как указывалось раньше, а к Нанси; а штаб Мак-Магона в воскресенье был в Саверне. Отсюда видно, что эти три корпуса не только разбиты, но и отброшены назад в направлении, расходящемся с путем отступления остальной армии. Таким образом, те стратегические выгоды, которых добивался кронпринц своим наступлением и которые мы разбирали вчера, были, повидимому, достигнуты, по крайней мере частично. Пока император отступает прямо

на запад, Мак-Магон все больше уклоняется на юг и вряд ли достигнет Люневилля к тому времени, когда остальные четыре корпуса будут сосредоточены под прикрытием Меца. Но от Сааргемюнда до Люневилля лишь на несколько миль дальше, чем от Саверна до Люневилля. И нельзя ожидать, чтобы, в то время как Штейнмец преследует императора, а кронпринц старается настигнуть Мак-Магона в узких горных проходах Вогезов, принц Фридрих-Карл, находившийся в воскресенье в Блискарстеле с авангардом где-то возле Сааргемюнда, оставался спокойным зрителем. Вся северная Лотарингия представляет отличное поле действий для конницы, а в Люневиле в мирное время был всегда штаб значительной части французской конницы, расквартированной в его окрестностях. При большом превосходстве немецкой конницы как в качественном, так и в количественном отношении трудно предположить, чтобы значительные массы этого рода войск не были сразу же брошены в направлении на Люневиль с целью прервать сообщение между Мак-Магоном и императором, разрушить железнодорожные мосты на линии Страсбург — Нанси и, если возможно, также и мосты через Мерту. Возможно даже, что немцам удастся вклинить части пехоты между этими двумя разъединенными частями французской армии и заставить Мак-Магона отступить еще дальше к югу и пойти еще более обходным путем для восстановления связи с остальной армией. О том, что нечто подобное уже произошло, видно из признания императора, что в субботу его связь с Мак-Магоном была прервана; в то же время опасение за более серьезные последствия зловеще выражено в сообщении о том, что имеется в виду перенести французскую главную квартиру в Шалон.

Таким образом, из восьми корпусов французской армии четыре в большей или меньшей степени разбиты, притом всякий раз по частям, а местонахождение одного из них, седьмого (Феликса Дуэ), и вовсе неизвестно. Стратегия, допустившая совершение подобных ошибок, достойна австрийцев во времена их наибольшей беспомощности. Это напоминает нам не Наполеона, а Болье, Мака, Дьюлая и им подобных. Представьте себе Фроссара, который целый день вел бой у Форбаха, в то время как слева от него, и не далее чем в десяти милях от линии Саара, семь дивизий оставались простыми зрителями! Это было бы непостижимо, если не предположить, что им противостояли немецкие силы, достаточные для того, чтобы воспрепятствовать им притти на выручку Фроссару или оказать ему помощь самостоятельной атакой. Но это единственно возможное оправдание допустимо лишь, как мы всегда говорили, при условии, что немцы

намеревались произвести решительное наступление своим крайним правым флангом. Поспешное отступление к Мецу снова подтверждает этот взгляд; оно чрезвычайно похоже на заблаговременную попытку отойти с позиции, связь которой с Мецем уже находилась под угрозой. Мы не знаем, какие германские части противостояли Ладмиро и Базэну или охватывали их с фланга, но мы не должны забывать, что из семи или более дивизий Штейнмеца в бою принимали участие только три.

Между тем, прибыл другой северо-германский корпус — 6-й или верхнесилезский. В четверг он прошел через Кёльн и находится теперь либо в распоряжении Штейнмеца, либо Фридриха-Карла, относительно которого «Times» продолжает настойчиво утверждать, что он находится на крайнем правом фланге у Трира, хотя в том же номере помещена телеграмма, что он двинулся из Гомбурга в Блискастель. Превосходство немцев как в численном и моральном, так и в стратегическом отношении в настоящее время так велико, что некоторое время они безнаказанно могут делать почти все, что им угодно. Если император намерен держать свои четыре армейских корпуса в укрепленном лагере в Меце, — а у него нет другого выбора, как сделать это, или продолжать непрерывное отступление до самого Парижа, — то это так же не остановит наступления немцев, как и попытка Бенедика в 1866 г. снова собрать свою армию под прикрытием Ольмюца и остановить прусское наступление на Вену. Бенедик! Какое сравнение с победителем при Мадженте и Сольферино! И, тем не менее, оно более уместно, чем всякое другое. Подобно Бенедеку, император сосредоточил свои войска на позиции, с которой они могли бы двигаться в любом направлении, и притом за целых две недели до сосредоточения противника. Подобно Бенедеку, Луи-Наполеон действовал так, что его корпуса были разбиты по частям один за другим благодаря численному превосходству или же превосходству командования противника. Но мы боимся, что на этом сходство прекращается. Бенедик после недели ежедневных поражений все же располагал достаточными силами, и они действовали с величайшим напряжением в битве при Садовой. У Наполеона же, судя по всему, после двух дней боев войска почти безнадежно разъединены, и он не в состоянии даже сделать попытки дать генеральное сражение.

Мы думаем, что в настоящее время будет покончено с предполагавшейся экспедицией войск в Балтику, если когда-либо она и замышлялась больше, чем простая демонстрация. Каждый батальон будет нужен на восточной границе. Из 376 батальонов

французской армии 300 входили в состав шести линейных корпусов и одного гвардейского, которые, как нам известно, находились между Медем и Страсбургом. 7-й линейный корпус (Дуз), насчитывающий более сорока батальонов, мог бы быть направлен либо в Балтику, либо на соединение с главными силами армии. Остальных тридцати шести батальонов едва было достаточно для Алжира и для несения разного рода службы внутри страны. Какими же источниками располагает император для получения подкреплений? Эти источники — 100 четвертых батальонов, которые в настоящее время формируются, и мобильная гвардия. Но они состоят — первые в своем большинстве, а вторая целиком — из необученных рекрутов. В какой срок четвертые батальоны будут готовы к выступлению, мы не знаем, но им придется выступать независимо от того, готовы они или нет. Что представляет собой в настоящее время мобильная гвардия, мы видели на прошлой неделе в Шалонском лагере. И те и другие являются, несомненно, хорошим солдатским материалом, но это еще не солдаты, это еще не войска, способные выдержать удар людей, научившихся брать атакой митральезы. С другой стороны, дней через десять немцы получают пополнение от 190 000 до 200 000 человек четвертых батальонов и др., т. е. цвет своей армии, и, кроме того, еще по крайней мере такой же численности ландвер, вполне готовый для службы на фронте.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1712, вторник, 9 августа 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — VI.

Теперь уже не остается никакого сомнения в том, что едва ли когда-нибудь война велась с таким крайним пренебрежением к обычным правилам благоразумия, как наполеоновская «военная прогулка в Берлин». Война за Рейн была последним и самым сильным козырем Наполеона; но в то же время ее неудача означала падение Второй империи. Это хорошо поняли в Германии. Постоянное ожидание войны с Францией было одним из главных соображений, заставивших очень многих немцев примириться с переменами, происшедшими в 1866 г. Если Германия была, с одной стороны, расчленена, то с другой, она была усилена; военная организация Северной Германии давала значительно бóльшую гарантию безопасности, чем военная организация более крупной, но вялой старой Конфедерации. Эта новая военная организация была рассчитана на то, чтобы в одиннадцать дней поставить под ружье 552 000 человек линейных войск и 205 000 ландвера, сформированных в батальоны, эскадроны и батареи, а через две или три недели — еще 187 000 человек запасных войск (Ersatztruppen), вполне готовых для действий на фронте. Это не было тайной. Весь план разделения этой армии на различные корпуса, с перечислением округов, из которых каждый батальон и т. п. должен был пополняться, опубликовывался неоднократно. Более того, мобилизация 1866 г. показала, что эта организация существует не только на бумаге. Каждый человек, подлежащий призыву, был должным образом взят на учет; было также хорошо известно, что в управлении каждого командира округа ландвера призывные ордера на каждого человека были уже заготовлены и оставалось только проставить в них дату. Но для французского императора эти огромные силы существовали только на бумаге. Все силы, собранные им к началу кампании, состояли самое большее из 360 000 человек Рейнской армии и от 30 000 до 40 000 человек, предназначенных для балтийской экспедиции, всего около 400 000 человек. При таком численном несоответствии и продолжительном времени, которое требуется для приведения новых французских формирований (четвертых батальонов) в боевую готовность, его единственной надеждой на

успех было внезапное нападение в то время, когда немцы были еще в разгаре своей мобилизации. Мы видели, как эта возможность ускользнула и что был упущен также и второй шанс на успех, т. е. наступление на Рейн; а теперь укажем еще на другую ошибку.

Расположение французской армии ко времени объявления войны было превосходно. Это, очевидно, являлось неотъемлемой частью тщательно продуманного плана кампании. Три корпуса в Тионвиле, Сент-Авольде и Биче — в первой линии, непосредственно у самой границы; два корпуса в Меце и Страсбурге — во второй линии; два корпуса в резерве, около Нанси, и восьмой корпус в Бельфоре. Пользуясь железными дорогами, можно было все эти войска в течение нескольких дней сосредоточить для наступления либо из Лотарингии через Саар, либо из Эльзаса через Рейн и нанести удар, смотря по обстоятельствам, в северном или в восточном направлении. Но это расположение армии было пригодно только для наступления. Для обороны оно абсолютно не годилось. Первое условие расположения армии для обороны таково: передовые части должны быть на таком расстоянии от главных сил, чтобы можно было своевременно получить сведения о наступлении противника и успеть сосредоточить войска до его появления. Предположим, что потребуется суточный переход для подхода ваших фланговых частей к центру; в таком случае ваш авангард должен находиться по крайней мере на расстоянии суточного перехода впереди вашего центра. А в данном случае три корпуса — Ладмиро, Фроссара и де Файи, а затем также часть корпуса Мак-Магона были расположены непосредственно у самой границы, и к тому же они были растянуты в линию от Вейссенбурга до Зирка по меньшей мере на девяносто миль. Чтобы подтянуть фланговые части к центру, потребовалось бы целых два дня, и тем не менее даже тогда, когда стало известно, что немцы находятся в нескольких милях впереди, не было сделано никаких шагов, чтобы сократить длину фронта или выдвинуть авангарды на такое расстояние, которое обеспечило бы своевременное получение сведений о готовящемся наступлении. Что же удивительного в том, что несколько корпусов было разбито по частям?

Затем ошибкой было помещение одной дивизии Мак-Магона к востоку от Вогезов, у Вейссенбурга, — на позиции, соблазнительной для атаки противника, располагающего превосходными силами. Поражение Дуэ повлекло дальнейшую ошибку Мак-Магона, который попытался возобновить бой восточнее Вогезов и таким путем еще более отдалил правый фланг от центра, оставив неприкрытыми свои коммуникации с ним. В то время как правый фланг (корпус

Мак-Магона и по меньшей мере части корпусов Файи и Канробера) был разбит при Вёрте, центр (Фроссар и две дивизии Базэна, как это теперь выяснилось) потерпел жестокое поражение перед Саарбрюкеном. Остальные войска находились слишком далеко, чтобы притти на помощь. Ладмиро все еще был близ Бузонвиля, остаток сил Базэна и гвардия находились около Булэ, главные силы Канробера очутились у Нанси, часть войск де Файи совершенно потерялась, а Феликс Дуэ, как мы узнаем теперь, 1 августа находился у Альткирха, в самой южной части Эльзаса, почти в 120 милях от поля сражения при Вёрте, имея, вероятно, в своем распоряжении недостаточные средства железнодорожного транспорта. Все мероприятия обнаруживают только колебания, нерешительность, шатания, — и это происходит в самый решительный момент кампании.

А какое представление давалось солдатам об их противнике? Правда, император в последний момент сказал своим солдатам, что им придется встретиться с «одной из лучших армий Европы»; но какое значение могли иметь эти слова после того, как французской армии годами внушалось презрительное отношение к пруссакам. Лучше всего это показывает свидетельство капитана Жаннеро в «Temps», на которого мы уже ссылались и который только три года тому назад ушел из армии. Он был взят в плен пруссаками при своем «боевом крещении» и провел среди них два дня, в продолжение которых он видел большую часть их восьмого армейского корпуса. Он был поражен, увидев, насколько его представления о них отличались от действительного положения вещей. Вот первое впечатление, какое у него получилось, когда его доставили в их лагерь:

Как только мы очутились в лесу, все оказалось коренным образом изменившимся. Под деревьями находились сторожевые посты, батальоны были расположены вдоль дорог; и пусть никто не пытается обманывать общественное мнение способом, недостойным нашей страны и нашего настоящего положения: с первых же шагов мне бросились в глаза черты, характерные для превосходной армии (*une belle et bonne armée*), а также и для нации, мощно организованной для войны. В чем заключались эти отличительные черты? Во всем. Поведение солдат, подчинение их малейших движений воле начальников при наличии гораздо более строгой дисциплины, чем у нас, веселость одних, серьезный и решительный вид других, патриотизм, который проявляло большинство из них, полное и неизменное усердие офицеров и кроме того, в чем мы можем позавидовать им, моральное достоинство унтер-офицеров — вот что поразило меня сразу и что у меня постоянно перед глазами с тех пор, как я провел два дня среди этой армии и в этой стране, где таблички с номерами местных батальонов ландвера, установленные на определенных расстояниях, напоминали о том, на какое напряжение всех сил способны здесь в момент опасности и честолюбивых замыслов.

У немцев все было совершенно иначе, чем у французов. Они должным образом учитывали, конечно, боевые качества французов. Сосредоточение германских войск было произведено быстро, но осмотрительно. Все годные к военной службе были отправлены на фронт; и теперь, когда первый северо-германский армейский корпус присоединился в Саарбрюкене к армии принца Фридриха-Карла, несомненно, что вся пехота, вся конница, вся артиллерия этой армии в 550 000 человек уже доставлены на фронт, где к ним должны присоединиться южно-германские войска. И результаты такого огромного численного превосходства еще более усилились благодаря превосходству военного командования.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «Pall Mall Gazette»

№ 1714, четверг, 11 августа 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — VII.

Всю эту неделю ожидали крупного сражения под Мецем, которое французский бюллетень изображал как неизбежное; и тем не менее ни один из наших военных критиков не счел нужным разъяснить, что это неизбежное сражение является бочонком, брошенным для забавы неугомонному киту — парижскому населению. Сражение под Мецем! Для чего оно понадобилось французам? Они собрали под прикрытием этой крепости четыре корпуса; они пытаются перебросить туда же некоторые из четырех дивизий Канробера; они рассчитывают вскоре получить сведения, что остальные три корпуса, Мак-Магона, де Файи и Дуэ, достигли Мозеля у Нанси и нашли за этой рекой прикрытия. Зачем же им добиваться решительного сражения, прежде чем вновь не соединится вся их армия, когда форты Меца защищают их от нападения? И с какой стати немцы стали бы ломать себе шею неподготовленным штурмом этих фортов? Лишь после того как вся французская армия соединится под стенами Меца, только тогда, но не раньше, можно было бы ожидать, что французы произведут вылазку на восток от Мозеля и дадут сражение перед своей крепостью. Но пока все это только еще предстоит выполнить, и сомнительно, что это когда-либо будет выполнено.

В прошлое воскресенье Мак-Магон вынужден был оставить Саверн, который в ту же ночь был занят немцами. С ним были остатки его собственного корпуса, остатки одной дивизии (Консей-Дюмениля) корпуса Дуэ и, кроме того, одна дивизия корпуса де Файи, прикрывавшая его отступление. В тот же самый вечер 1-я и 2-я немецкие армии двигались к Форбаху и почти достигли Сент-Авольда. Оба эти пункта находятся ближе к Нанси, чем Саверн; они также значительно ближе, чем Саверн к Понт-а-Муссону и Дьелуар, т. е. к пунктам, расположенным на Мозеле между Нанси и Мецем. Теперь, когда немцы должны возможно скорее обеспечить или создать переправу через эту реку, и притом *выше* Меца (по различным вполне ясным причинам); когда они ближе к реке, чем Мак-Магон, и, следовательно, быстрым продвижением могут помешать его соединению с Базэном; когда войск у них более чем достаточно, — неужели же не ясно, что они

попытаются предпринять что-либо в этом роде? Их конница, как мы и предсказывали, быстро прошла уже через всю северную Лотарингию и теперь скоро должна войти в соприкосновение с правым флангом Мак-Магона; в среду она прошла Гро-Танкен, находящийся всего лишь примерно в двадцати пяти милях от прямой дороги, соединяющей Саверн с Нанси. Поэтому немцы будут точно знать, где он находится, и соответственно действовать; вскоре мы узнаем, в каком месте между Нанси (или скорее Фруаром) и Мецем они достигли Мозеля.

Вот почему с прошлой субботы мы не слышали о каких-либо боях. Именно теперь всю работу совершают солдатские ноги; между Мак-Магоном и Фридрихом-Карлом идет состязание — кто первым переправится через реку. И если Фридрих-Карл выиграет это состязание, то мы можем ожидать, что французы выступят из Меца; правда, не для того, чтобы дать сражение под стенами этой крепости, а для того, чтобы защищать переправу через Мозель; это действительно может быть достигнуто атакой либо на правом, либо на левом берегу. Два понтонных парка, захваченных в Форбахе, быть может, очень скоро будут использованы по назначению.

Относительно де Файи нам ничего определенного неизвестно. Правда, в одном бюллетене из Меца сказано, что он присоединился к армии. Но к какой? Базэна или Мак-Магона? Если во всем этом сообщении есть хоть доля правды, то, очевидно, к армии последнего, потому что, с тех пор как связь с де Файи была прервана, между ним и Базэном находились головные части немецких колонн. Остальные две дивизии корпуса Дуэ, — который 4 августа все еще находился у швейцарской границы, близ Базеля, — в настоящее время должны быть отрезаны от остальных сил армии наступлением немцев на Страсбург; они могут присоединиться к ним только через Везуль. Из войск Канробера мы неожиданно обнаруживаем по крайней мере одну дивизию (Мартемпре) в Париже, обращенную не против немцев, а против республиканцев. Входящие в состав этой дивизии 25-й, 26-й и 28-й полки упоминаются в числе войск, принимавших во вторник участие в защите Законодательного собрания. Остальные должны находиться теперь в Меце, увеличивая численность армии в Меце до пятнадцати (пехотных) дивизий, три из которых, однако, совершенно разбиты в результате поражения при Шпихерне.

Что касается Шпихерна, то ошибочно было думать, что французы в этом бою были разбиты по причине численного превосходства противника. У нас теперь есть довольно подробное донесение генералов Штейнмеца и Альвенслебена, из которого ясно видно,

какие войска участвовали со стороны немцев. Атака была произведена 14-й дивизией, поддержанной нашими старыми друзьями — 40-м полком, всего пятнадцатью батальонами. Это были единственные части пехоты, которые в продолжение шести часов сражались против трех дивизий, или тридцати девяти батальонов, постепенно стянутых Фроссаром. Когда эти части были почти что разбиты, но все еще удерживали высоты Шпихерна, которые они взяли штурмом в начале боя, подошла 5-я дивизия 3-го или Бранденбургского корпуса и из четырех ее полков по крайней мере три приняли участие в бою, что составило всего-навсего от двадцати четырех до двадцати семи германских батальонов. Они выбили французов из их позиций, и только после того, как началось отступление, головные части 13-й дивизии, обойдя правый фланг французов, по долине Росселя, достигли поля сражения, атаковали Форбах и превратили правильное отступление французов в беспорядочное бегство, отрезав прямую дорогу на Мец. В конце боя немцы располагали еще одной дивизией (6-й), готовой вступить в бой и действительно принявшей в нем некоторое участие. Однако в то же самое время подошли еще две французские дивизии Монтодона и Кастанья (обе корпуса Базэна); и 69-й полк, входивший в состав дивизии последнего, жестоко пострадал. Таким образом, если при Вейссенбурге и Вёрте французы были подавлены численно превосходящей массой противника, то при Шпихерне они были разбиты численно меньшими силами. Что же касается их донесения о численном превосходстве противника, то не следует забывать, что отдельные участники боя вряд ли могут судить о численности и что это обычно утверждает всякая разбитая армия. Кроме того, не нужно забывать, что только теперь высокие качества германской армии начинают получать должное признание. Мы узнаем официально из французской главной квартиры, что огонь немцев значительно превосходит огонь французов по дисциплине и меткости, а Мак-Магон утверждает, что в боях в лесу французы не имеют успеха против немцев, так как последние умеют гораздо лучше пользоваться укрытиями. Что же касается конницы, то Жаннеро в четверг писал в «Temps» следующее: «Их кавалерия значительно превосходит нашу, их рядовые солдаты имеют лучшую посадку, чем многие офицеры нашей армии, и лучше ездят верхом... Я видел один из их кирасирских полков; он был прямо великолепен... Кроме того, их лошади значительно менее нагружены, чем наши. Кирасиры, которых я видел, имели гораздо меньше груза на своих крупных конях, чем мы на наших мелких арабских или южно-французских лошадях». Он также хвалит прекрасное знание местности

офицерами не только в собственной стране, но и во Франции. В этом нет ничего удивительного. Каждый лейтенант снабжен отличными французскими топографическими картами, тогда как французские офицеры располагают лишь жалким подобием карты (*une carte dérisoire*) театра военных действий. И так далее. Как было бы полезно для французской армии, если бы хоть один такой правдивый корреспондент был послан в Германию до войны.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «Pall Mall Gazette»

№ 1716, суббота, 13 августа 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — VIII.

Где же Мак-Магон? Германская конница во время своего рейда до самых ворот Люневилля и Нанси, повидимому, не встретила с ним; в противном случае мы бы слышали о происшедших стычках. С другой стороны, если бы он благополучно прибыл в Нанси и восстановил бы, таким образом, связь с армией в Меце, то о таком отрядном факте, несомненно, тотчас же было бы сообщено французской главной квартирой. Единственное заключение, которое мы можем сделать из этого абсолютного молчания о Мак-Магоне, состоит в том, что он счел слишком опасным двигаться прямым путем из Саверна в Люневиль и Нанси и, чтобы не подставлять неприятелю свой правый фланг, направился более кружным путем дальше к югу, перейдя Мозель у Байона или даже выше. Если это предположение верно, то у него будет очень мало шансов когда-либо достигнуть Меца, а в таком случае император или кто-либо другой, командующий в Меце, должен решить вопрос: не лучше ли для армии тотчас же отступить к Шалону на Марне — ближайшему пункту, где могло бы произойти соединение с Мак-Магоном. Мы склонны поэтому допустить правильность сообщения об общем отступлении французских войск в этом направлении.

В то же время до нас доходят слухи об огромных подкреплениях для французской армии. Новый военный министр заверяет Палату, что через четыре дня на фронт будут отправлены два армейских корпуса численностью каждый в 35 000 человек. Где же они? Мы знаем, что восемь корпусов Рейнской армии и войска, предназначенные для Балтики, вместе с гарнизоном Алжира, исчерпывают полностью всю французскую армию, включая и морскую пехоту. Мы знаем, что 40 000 человек корпуса Канробера и балтийской экспедиции находятся в Париже. Из речей генерала Дежана в Палате мы знаем, что четвертые батальоны далеко еще не готовы и нуждаются в пополнении, и это должно было быть достигнуто путем укомплектования их людьми из мобильной гвардии. Откуда же тогда взять эти 70 000 человек, особенно если генерал Монтобан де Паликао не захочет, что весьма вероятно, расставаться с 40 000 человек

и до последней возможности будет задерживать их в Париже? Однако если в том, что он говорил, имеется какой-либо смысл, то под этими двумя корпусами надо понимать войска в Париже и корпус Канробера, считавшийся до сих пор всегда частью Рейнской армии; в таком случае единственным действительным подкреплением будет лишь гарнизон Парижа, и общая численность действующей армии может быть увеличена с двадцати пяти до двадцати восьми дивизий, из которых, по крайней мере, семь понесли большие потери.

Мы узнаем далее, что генерал Трошиу назначен командиром 12-го корпуса, формирующегося в Париже, а генерал Вандэ (?) командиром 13-го корпуса, формирующегося в Лионе. До сих пор армия состояла из гвардии и корпусов от № 1 до № 7. О номерах 8, 9, 10 и 11 мы никогда не слышали, а теперь нам вдруг преподносят 12-й и 13-й корпуса. Мы видели, что не существует войск, из которых можно было бы сформировать хоть один из этих корпусов, за исключением только № 12, если подразумевать под ним гарнизон Парижа. Похоже на то, что это лишь жалкая уловка, имеющая целью поднять общественное доверие путем создания на бумаге воображаемых армий; ведь нельзя иначе истолковать это утверждение об организации пяти армейских корпусов, четыре из которых до сего времени не существовали.

Нет сомнения, что делаются попытки организовать новую армию, но какие имеются для этого ресурсы? Во-первых, жандармерия, из которой может быть сформирован один кавалерийский и один пехотный полк; это превосходные войска, но численность их не превышает 3 000 человек, и их надо еще собрать со всех концов Франции. То же можно сказать и о пограничной страже, из которой предполагают укомплектовать личный состав двадцати четырех батальонов; но мы сомневаемся, чтобы число их достигло даже половины этого количества. Затем идут старые солдаты призывов 1858—1863 гг., из числа которых холостые были уже призваны особым приказом. Последние могут дать контингент в 200 000 человек и составят самое ценное пополнение для армии. Меньше половины их достаточно для пополнения четвертых батальонов, остальные же могут пойти на формирование новых батальонов. Но здесь возникает затруднение: откуда взять офицеров? Их придется взять из действующей армии, что может быть достигнуто производством значительного количества сержантов в младшие лейтенанты, но это ослабит части, из которых они будут взяты. В общем все эти три категории дадут, самое большее, увеличение в 220 000—230 000 человек, и при благоприятных обстоятельствах потребуется, по крайней

мере, от четырнадцати до двадцати дней, пока хоть часть их окажется готовой для присоединения к действующей армии. Но, к несчастью, обстоятельства не благоприятствуют этому. Теперь признано, что не только интендантство, но и весь административный аппарат французской армии оказался совершенно непригодным даже для снабжения армии фронта. Как же будут обеспечены вооружением и обмундированием эти резервы, которые никто никогда не рассчитывал использовать на фронте? В самом деле, весьма сомнительно, чтобы помимо четвертых батальонов какие-либо новые формирования были готовы раньше, чем через несколько месяцев. Не следует далее забывать, что никто из этих людей никогда не держал в руках ружья, заряжающегося с казны, и что все они совершенно не знакомы с новой тактикой, введенной благодаря этому оружию. И если нынешние французские линейные войска, по их собственному признанию, стреляют поспешно, кое-как, зря растрачивают свои боевые припасы, то что будут делать эти вновь сформированные батальоны при наличии неприятеля, на дисциплину и меткость огня которого, повидимому, очень мало влияет шум боя?

Остается еще мобильная гвардия, призыв холостых мужчин в возрасте до тридцати лет и территориальная Национальная гвардия. Что касается мобильной гвардии, то даже та ничтожная формальная организация, которую она имела, повидимому, рухнула, как только она была отправлена в Шалон. Дисциплины там никакой не было, и офицеры, большинство которых было совершенно незнакомо со своими обязанностями, повидимому, теряли с каждым днем авторитет; для солдат не было даже оружия, и теперь как будто вся эта организация находится в состоянии полного разложения. Генерал Дежан косвенно признал это, предложив пополнить четвертые батальоны за счет мобильной гвардии. Но если эта, казалось бы, организованная часть всеобщего ополчения является совершенно негодной, то чего же ждать от остальных? Если бы даже для них нашлись офицеры, снаряжение и оружие, то сколько бы потребовалось времени, чтобы превратить их в солдат? Но на случай критических обстоятельств ничего не было предусмотрено. Каждый пригодный к службе офицер уже использован. Французы не имеют этого почти неиссякаемого резерва офицеров, доставляемого системой «одногодичников-вольноопределяющихся», которые в количестве, примерно, в 7 000 человек ежегодно вступают в германскую армию, причем почти каждый из них уходит со службы вполне подготовленным для несения офицерских обязанностей. Обмундирование и оружие, повидимому, также отсутствуют, — говорят, что даже

старые кремневые ружья будут извлечены из складов. А при таких обстоятельствах, какую ценность для Франции могут иметь эти 200 000 человек? Хорошо французам сослаться на Конвент, на Карно с его армиями фронта, созданными из ничего, и т. д. Хотя мы далеко не утверждаем, что Франция бесповоротно потерпела поражение, все же мы не должны забывать, что в успехах Конвента значительную роль сыграли союзные армии. Эти армии, нападавшие на Францию, насчитывали в то время в среднем по 40 000 человек каждая; их было три или четыре, и действовали они врозь, независимо друг от друга, — одна на Шельде, другая на Мозеле, третья в Эльзасе и т. д. Против каждой из этих небольших армий Конвент выставил огромное количество более или менее слабо обученных ополченцев, которые, действуя на флангах и в тылу неприятеля, целиком зависевшего в то время от своих складов, заставляли его держаться возможно ближе к границе; и пятилетнее участие в кампании выковало из этих ополченцев настоящих солдат, которым в конце концов удалось прогнать врага за Рейн. Но можно ли хотя бы на минуту допустить, что подобная тактика может быть успешной против данной огромной наступающей армии, которой, несмотря на то, что она сформирована в три самостоятельных войсковых соединения, всегда удавалось держаться сосредоточенно на расстоянии, обеспечивающем взаимную поддержку? Трудно также допустить, что германская армия даст французам время развернуть их еще не пробудившиеся силы. И развернуть эти силы в какой-нибудь степени возможно лишь в том случае, если французы будут готовы сделать то, чего они никогда еще не делали, — предоставить Париж и его гарнизон их собственной участи и продолжать борьбу, имея своей оперативной базой линию Луары. До этого, быть может, дело никогда не дойдет, но до тех пор, пока Франция не будет готова к этому, лучше ей не говорить о всеобщем ополчении.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1717, понедельник, 15 августа
1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — IX.

«Французская армия начала переправляться на левый берег Мозеля. Сегодня (воскресенье) утром разведывательные части донесли о наличии прусских авангардов. Когда половина армии переправилась, пруссаки атаковали нас большими силами, но после четырехчасового боя были отброшены со значительными потерями». Так гласит официальное императорское сообщение, опубликованное Рейтером в понедельник вечером. Оно содержит, однако, важную ошибку, так как император ранее ясно заявил, что разведывательные части не донесли о присутствии неприятеля, хотя последний находился вблизи и располагал значительными силами. За исключением этого ничто, казалось бы, не могло быть правдивее и деловитее этого бюллетеня. Перед нами ясная картина: французы целиком заняты рискованной операцией, а именно переправой через реку; коварные пруссаки, которые всегда знают, когда захватить своего противника в невыгодном положении, нападают на него, как только половина его сил переправилась на другую сторону; затем следует доблестная оборона французов, увенчанная в конце концов их сверхчеловеческие усилия стремительным наступлением, отбросившим неприятеля со значительными потерями. Это весьма живописно, не хватает только одного — названия местности, где все это произошло.

Из бюллетеня мы можем только предположить, что переправа через реку и попытка помешать ей, столь победоносно отраженная, происходили в открытом поле. Но как это могло произойти, когда у французов все мосты для переправы были внутри Меца — мосты, совершенно защищенные от какого бы то ни было воздействия противника, — когда, кроме того, там было достаточно места для наводки большого количества понтонных мостов в пунктах равно безопасных, на протяжении пяти или шести миль по реке, защищенной фортами, окружающими Мец? Ведь не собирается же французский штаб уверять нас в том, что французы легкомысленно пренебрегли всеми этими преимуществами, что они вывели армию из Меца, навели свои мосты на открытом месте и перешли реку на виду и

в пределах досягаемости неприятеля лишь для того, чтобы вызвать то «сражение под Мецем», которое они обещали нам в течение целой недели?

Если же переход через Мозель совершен по мостам, находящимся внутри укреплений Меца, то как же могли пруссаки атаковать французские войска, находящиеся на правом берегу, пока французы держались внутри линии отдельных фортов? Артиллерия этих фортов вскоре сделала бы это место слишком жарким для любых наступающих войск.

Все это кажется невероятным. Французский штаб, по крайней мере, должен был бы указать название этой местности, чтобы мы могли проследить по карте этапы этого славного боя. Но он не желает сообщить нам этого. К счастью для нас, пруссаки не такие любители таинственности, они сообщают, что бой произошел близ Панжа, на пути к Мецу. Мы смотрим на карту, и все становится ясным. Панж находится не на Мозеле, а в восьми милях от него, на реке Нид, на расстоянии около четырех миль от линии отдельных фортов Меца. Если бы французы форсировали Мозель и имели половину войск уже на другой стороне, то с тактической точки зрения им незачем было бы держать большие силы у самого Панжа или вблизи его. Но если они все же очутились там, то это вызывалось не военными соображениями.

Будучи вынужден оставить Мец и линию Мозеля, Наполеон не мог, конечно, без боя и, если возможно, без действительной или мнимой победы начать отступление, которое должно было продолжаться, по крайней мере, до самого Шалона. Случай же представился благоприятный. В то время как половина его войск переправлялась, другая могла бы выйти из интервалов фортов к востоку от Меца, отеснить назад передовые прусские части, завязать общее сражение, насколько это оказалось бы нужным, завлечь противника в зону досягаемости артиллерии фортов, а затем эффектным наступлением по линии всего фронта отбросить его назад на безопасное расстояние от укреплений. Такой план не мог бы оказаться полностью неудачным; он должен был дать нечто такое, чему можно было бы придать вид победы; это подняло бы дух армии, возможно даже и Парижа, и придало бы отступлению к Шалону менее унижительный характер.

Этим соображением и объясняется тот с виду простой, но в действительности нелепый бюллетень из Меца. Каждое слово этого бюллетеня правильно в известном смысле, тогда как весь контекст, как это заметно с первого взгляда, рассчитан на то, чтобы вызвать

совершенно ложное впечатление. Это соображение объясняет также, каким образом обе стороны могли претендовать на победу. Пруссаки отеснили французов под прикрытые их фортов, но, продвинувшись слишком близко к этим фортам, они в свою очередь были вынуждены отступить. Вот все, что можно сказать о знаменитом «сражении под Мецем», которое могло бы и вовсе не иметь места, так как его влияние на ход кампании равно нулю. Следует отметить, что граф де Паликао в своей речи в Палате был гораздо более осторожен. «То, что произошло, — сказал он, — нельзя было бы назвать сражением, это были отдельные стычки, из которых каждый, понимающий военное дело, должен усмотреть, что пруссаки потерпели неудачу и были вынуждены покинуть линию отступления французской армии». Последнее утверждение маршала, повидимому, было верным лишь на короткий промежуток времени, так как отступавшая группа французских войск, несомненно, была сильно потрепана пруссаками при Марс-ля-Туре и Гравелоте.

Для Наполеона и его армии действительно настало время оставить Мец. Пока французы медлили у Мозеля, германская конница перешла Маас у Коммерси и разрушила железную дорогу, идущую в Бар-ле-Дюк; она появилась также в Виньёле, угрожая с фланга колоннам, отступающим от Меца к Вердену. На что отваживались эти кавалеристы, мы видим на примере действий одного из эскадронов, который вошел в Нанси, собрал 50 000 франков и принудил городское население разрушить железную дорогу. Где же французская кавалерия, где 43 полка, присоединенные к восьми армейским корпусам, и 12 полков резервной кавалерии, которые числятся в составе Рейнской армии?

В настоящее время единственным препятствием на пути немцев является крепость Туль, и она не имела бы никакого значения, если бы она не господствовала над железной дорогой. Немцам, наверное, понадобится железная дорога, и они поэтому, несомненно, примут меры к быстрому овладению Тулем, представляющим собой устаревшую крепость, не имеющую пояса фортов и совершенно открытую для бомбардировки. Вероятно, мы скоро услышим, что эта крепость сдалась после обстрела ее из полевых орудий в течение двенадцати, а может быть, и менее часов.

Если верно, как пишут во французских газетах, что Мак-Магон, покинув свою армию, был в Нанси через два дня после боя при Вёрте, то мы можем предположить, что его корпус совершенно дезорганизован и что зараза охватила также и войска де Файи. Сейчас немцы ведут наступление по направлению к Марне, занимая линию

фронта, почти равную линии, занимаемой двумя французскими армиями, имея по одной из армий на каждом фланге. Базэн движется от Меца через Верден и Сен-Менэу к Шалону, немцы — из Нанси через Коммерси и Бар-ле-Дюк к Витри. Войска Мак-Магона (ибо если даже сам маршал присоединился к императору в Шалоне, то, конечно, без своей армии) движутся куда-то к югу, но, несомненно, также в направлении на Витри. Таким образом, соединение обеих французских армий с каждым днем становится все более сомнительным; если войска Дуэ не были своевременно направлены от Бельфора через Везуль и Шомон к Витри, им придется искать соединения с армией по дороге через Труа и Париж, так как попасть в Витри по железной дороге для французских солдат вскоре будет невозможно.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1720, четверг, 18 августа 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — X.

Нет сомнения в том, что хотя генерал Мольтке и стар, но планы его проникнуты всей энергией молодости. Не довольствуясь тем, что он однажды уже вклинил свою собранную в кулак армию между одним из флангов французской армии и остальной ее частью, теперь он снова повторяет тот же маневр и, повидимому, с одинаковым успехом. По мнению большинства военных критиков, если бы он продолжал свое прямое движение до Марны и только тревожил бы правый фланг и тыл французов во время их параллельного движения к той же самой цели, то этого было бы вполне достаточно. Но едва ли можно было тогда ожидать, что он использует ноги своих солдат с той необычной энергией, с какой он теперь, повидимому, это сделал. То, что мы принимали за простые нападения отдельных отрядов на открытые фланги и тыл этой длинной походной колонны, двигавшейся от Меца к Вердену, теперь, оказывается, было лишь разведкой, предшествовавшей наступлению на нее крупными силами. Три или четыре германских армейских корпуса двигались полукругом с южной стороны Меца; их передовые части во вторник утром достигли линии марша французов и сразу напали на них. Французская армия начала свое отступление из Меца в воскресенье; стычки, происшедшие вечером этого же дня между Панжем и фортом Белькруа, могли замедлить это движение, но оно все-таки продолжалось в понедельник и еще не закончилось во вторник. Отступление происходило, по крайней мере, двумя отдельными колоннами, следовавшими по двум дорогам, которые разделяются в Гравелоте, в пяти милях западнее Меца; из этих дорог северная проходит через Донкур и Этен; а южная — через Вионвиль, Марс-ля-Тур и Френ; обе затем снова соединяются у Вердена. Атака немцев произошла близ Марс-ля-Тура; бой продолжался весь день и закончился, согласно германскому сообщению, поражением французов, которые потеряли два знамени, семь пушек и 2 000 человек пленными и были отброшены обратно к Мецу. С другой стороны, Базэн также претендует на победу. Он говорит, что его войска от-

бросили немцев и провели ночь на захваченной позиции. Однако в его телеграмме, посланной в среду вечером, имеются два весьма зловещих заявления. В ней он говорит, что во вторник он сражался весь день между Донкурром и Вионвилем; это значит, что он сражался, имея фронт растянутым от Донкура до Вионвиля, направленным на запад, немцы же заграждали путь к Вердену по обеим дорогам. Какие бы претензии на успех он ни заявлял, он все же не может сказать, что очистил дороги на Верден или хотя бы одну из них. Если бы он это сделал, то его несомненной обязанностью было бы в ту же ночь и как можно быстрее продолжать свое отступление, так как противник почти наверное получил бы подкрепление к утру. Но он останавливается и проводит ночь «на захваченной позиции», что бы это ни означало. Не довольствуясь этим, он остается там и в среду до четырех часов пополудни и даже тогда заявляет не о своем намерении двигаться дальше, а об отсрочке дальнейшего движения еще на несколько часов в целях возможно большего пополнения своих боевых припасов. Таким образом, мы можем быть уверены, что и ночь на четверг также была проведена на том же самом месте; а так как единственным местом, откуда он мог пополнить свои боевые припасы, является Мец, то мы имеем полное право заключить, что «захваченные позиции» находились в тылу, что путь отступления к Вердену был и остается отрезанным и что в данный момент маршал Базэн должен был либо направиться обратно в Мец, либо попытаться ускользнуть путем, идущим еще дальше к северу.

Если это соображение правильно, — а мы не видим, как иначе можно было бы истолковать имеющиеся у нас данные, — то значит часть французской армии опять отрезана от остальных сил. Мы не знаем, какие войска могли пройти к Вердену в понедельник и во вторник утром до появления немцев. Но часть сил, отброшенная назад к Мецу, очевидно, значительна, и, каково бы ни было ее значение, большая армия, которую пытались сосредоточить у Шалона, уменьшилась на такое же количество войск. Правда, остается еще щель, через которую Базэн мог бы попытаться ускользнуть. Одна железная дорога проходит поблизости от бельгийской границы через Тионвиль к Лонгюйону, Монмеди и Мезьеру, где ее пересекает другая линия на Реймс и Шалон; но войска, которые воспользовались бы этой пограничной линией или только направились бы к ней, могли бы быть оттеснены преследующим неприятелем к границе и были бы принуждены либо сдаться, либо перейти границу и быть разоруженными бельгийцами. Кроме того, мало вероятно, чтобы

на этой отдаленной линии оказалось достаточно подвижного состава для перевозки значительных войсковых частей; и, наконец, мы имеем сведения из Вердена, что пруссаки, вероятно, перешедшие Мозель между Мецем и Тионвилем, в среду находились в Брие, на прямом пути из Меца к свободному еще участку этой железной дороги. Если бы Базэн попытался спасти свои разбитые войска в этом направлении, то в лучшем случае все они были бы доведены до состояния полного разложения. Продолжительное отступление при условии, когда противник находится на кратчайшем пути отхода разбитых войск,—это самый губительный прием. Доказательством этого служат войска Мак-Магона, остатки которых продолжают прибывать в Шалон по железной дороге. 12-го их прибыло около 5 000 человек; в каком состоянии — пусть скажет «Siècle». Это была смесь солдат всех родов войск и разных полков, без оружия, без патронов, без ранцев; у кавалеристов не было лошадей, у артиллеристов — пушек; пестрая, дезорганизованная, деморализованная толпа, для организации которой снова в батальоны, эскадроны и батареи понадобились бы недели. Достаточно того, что корреспонденты отказываются описывать состояние линейных войск в Шалоне из опасения разгласить сведения, которые могли бы оказаться полезными для противника.

Большая армия, которой было предназначено сосредоточиться в Шалоне, вероятно, никогда там не соберется. После того как войска Канробера были стянуты частью к Парижу, частью к Мецу, в Шалоне осталось только 18 батальонов мобилей, о которых в такой войне, как настоящая, не стоит и упоминать. С тех пор туда была послана из Парижа часть морской пехоты; две оставшиеся дивизии корпуса Дуэ — если остался еще какой-нибудь смысл в распоряжениях Базэна — должны были прибыть к этому времени и, может быть, еще несколько четвертых батальонов, но, конечно, немного. Некоторые полки, вновь сформированные из жандармов и пограничной охраны, могут прибыть в течение ближайших дней. Могут прибыть также небольшие отряды партизан; но, не считая всех необученных рекрутов, главная часть этой большой армии, которая может быть сосредоточена в Шалоне до прихода немцев, при всех обстоятельствах будет состоять из войск, отступающих из Меца. А что они теперь представляют собой после боев, происходивших во вторник, мы еще узнаем.

Назначение генерала Трошю командующим армией, предназначенной для защиты Парижа, последовавшее так быстро за назначением его командиром 12-го корпуса, «формирующегося в Париже»,

доказывает, что посылать на фронт массу войск, находящихся теперь в Париже, не собираются. Париж надо умирять. Однако, кто окажется в состоянии усмирить его, когда там станет известна правда о последнем сражении, происходившем во вторник?

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1721, пятница, 19 августа 1870 г.*

КРИЗИС ВОЙНЫ.

Император покинул армию, но с ней остался его злой гений — тот злой гений, который торопил его поспешно объявить войну, а когда это было сделано, оказался неспособным заставить его на что-нибудь решиться. Армия должна была быть готова к походу самое позднее к 20 июля. Настало 20 июля, но ничего еще не было сделано. 29-го Наполеон III принял в Меце верховное командование; тогда было еще время для почти беспрепятственного наступления до самого Рейна; однако армия не двинулась. Казалось даже, колебание зашло так далеко, что император не мог решить: наступать ли ему вообще или же занять оборонительную позицию. Головные части германских колонн стягивались уже со всех сторон к Пфальцу, и каждый день можно было ожидать их наступления. Несмотря на это, французы оставались у границы на своих позициях, предназначенных для наступления, которое так никогда и не состоялось, на позициях, совершенно непригодных для обороны, вскоре ставшей для них единственным выходом. Нерешительность, длившаяся с 29 июля по 5 августа, была характерна для всей кампании. Французская армия, расположенная у самой границы, не имела передовых частей на должном расстоянии от главных сил, и исправить эту погрешность можно было лишь двояким способом: либо выдвинуть передовые части вперед на неприятельскую территорию, либо оставить их на занимаемых пограничных позициях, а главными силами занять более сосредоточенное положение с отходом назад на расстояние суточного перехода. Но первый план привел бы к столкновениям с противником в условиях, совершенно не зависящих от императора, тогда как второй упирался в политическую невозможность отступления еще до первого сражения. Таким образом, колебания продолжались, и ровно ничего не было сделано; как будто рассчитывали, что и противник заразится нерешительностью и тоже воздержится от наступления. Но противник наступал. Как раз именно за день до прибытия всех его частей на фронт, 4 августа, им было решено использовать выгоды ошибочного расположения позиций французов. Бой при Вейссенбурге оттянул все

части корпусов Мак-Магона и де Файи еще дальше от центра французского расположения, а 6 августа, когда немцы были уже вполне готовы, их Третья армия нанесла поражение шести дивизиям Мак-Магона у Вёрта, отбросив их вместе с двумя оставшимися дивизиями де Файи через Саверн к Люневиллю. В то же время передовые части Первой и Второй германских армий разбили войска Фроссара и часть войск Базэна у Шпихерна, отбросив весь центр и часть левого крыла французов назад к Мецу. Таким образом, вся Лотарингия оказалась между двумя отступающими французскими армиями; и в этот широкий прорыв устремилась германская конница, а за нею и пехота, чтобы возможно лучше использовать достигнутый успех. Кронпринца порицали за то, что он не преследовал разбитую армию Мак-Магона до Саверна и далее. Но после Вёрта преследование велось совершенно правильно. Как только разбитые войска были отброшены на юг настолько, что присоединение их к остальной французской армии могло быть достигнуто лишь кружным путем, преследующие, направляясь прямо к Нанси, все время двигались между обеими армиями. Такой способ преследования (тот же, что у Наполеона после Иены) является, как показали теперь результаты, по крайней мере, таким же действенным, как и непосредственное движение за быстро отступающим противником. То, что еще уцелело от этих восьми дивизий, было либо отрезано от главных сил, либо присоединилось к ним в состоянии полного расстройства.

Таковы последствия нерешительности, ознаменовавшей начало кампании. После этого можно было бы, конечно, ожидать, что подобная ошибка больше не повторится. Император передал верховное командование маршалу Базэну, а маршал Базэн должен был бы знать, что, будет ли он действовать или не будет, неприятель все равно не даст ему долго стоять на одном месте.

Расстояние от Форбаха до Меца несколько меньше 50 миль. Большинству корпусов нужно было пройти менее чем 30 миль. В течение трех дней все они могли бы беспрепятственно дойти до Меца и воспользоваться его защитой, а на четвертый день мог бы начаться их отход к Вердену и Шалону, ибо не могло быть более никаких сомнений в необходимости такого отхода. Восемь дивизий маршала Мак-Магона и оставшиеся две дивизии генерала Дуэ (более чем одна треть всей армии) не могли, повидимому, соединиться с Базэном в другом более близком пункте, чем Шалон. Базэн располагал двенадцатью дивизиями, включая императорскую гвардию; таким образом, даже после присоединения к нему трех дивизий

Канробера численность его армии, вместе с конницей и артиллерией, не могла превышать 180 000 человек, — силы совершенно недостаточные для встречи с противником на поле сражения. Поэтому если он не был намерен предоставить всю Францию вторгнувшемуся противнику и позволить запереть себя в таком месте, где голод быстро принудил бы его сдаться, либо дать бой на условиях, диктуемых противником, то, казалось бы, у него не должно было быть ни минуты сомнения относительно необходимости немедленного отхода от Меца. И все-таки он не трогается с места. 11 августа германская конница находится уже в Люневиле, а он все еще не подает и признаков движения. 12-го конница переходит Мозель, производит реквизиции в Нанси, разрушает железную дорогу между Мецем и Фруаром и появляется в Понт-а-Муссоне. 13 августа германская пехота занимает Понт-а-Муссон, и с этого момента немцы становятся хозяевами обоих берегов Мозеля. Наконец, в воскресенье, 14-го, Базэн начинает перебрасывать свои войска на левый берег реки. Завязывается бой у Панжа, в результате которого отход, несомненно, снова задержался; можно полагать, что фактический отход к Шалону начался в понедельник отправкой тяжелых обозов и артиллерии. Но в этот же день германская конница перешла Маас у Коммерси и находилась у Виньёля на расстоянии 10 миль от линии отхода французов. Мы не можем сказать, сколько войск ушло в понедельник и рано утром во вторник, но, повидимому, следует считать несомненным, что главные силы были все еще позади, когда 3-й германский корпус и резервная кавалерия атаковали движущиеся колонны близ Марс-ля-Тура во вторник, 16 августа, около 9 часов утра. Результат известен: отход Базэна был полностью остановлен; его собственные телеграммы от 17-го показывают, что самое большее, чего он добился, — это лишь удержания позиции, в то время как его единственным желанием было оставить ее позади себя.

В среду, 18 августа, обе армии имели, повидимому, передышку, но в четверг все надежды, которые Базэн мог еще питать на благополучное отступление, окончательно рухнули. В это утро пруссаки атаковали его, и после девятичасового боя «французская армия была полностью разгромлена, отрезана от коммуникаций с Парижем и отброшена назад к Мецу». В тот же вечер или на следующий день Рейнская армия вынуждена была вернуться в крепость, которую она оставила в начале недели. Запертую там армию немцы легко смогут отрезать от всякого снабжения, тем более что местность уже совершенно опустошена продолжительным пребыва-

нием войск, а блокирующая армия, несомненно, сама заберет для себя все, что только можно достать. Таким образом, голод должен скоро принудить Базэна к выступлению; трудно только сказать, в каком направлении. Движение на запад будет наверняка задержано подавляющими силами противника, движении на север крайне опасно, движение на юго-восток могло бы отчасти иметь успех, но оно совершенно не дало бы немедленных результатов. Даже если бы ему удалось с расстроенной армией достигнуть Бельфора или Безансона, он не мог бы оказать сколько-нибудь заметного влияния на судьбу кампании. Таково положение, к которому привела французскую армию нерешительность во втором периоде кампании. Несомненно, правительству в Париже все это точно известно. Доказательством этого служит отозвание мобилей из Шалона в Париж. С того момента, как главные силы Базэна оказались отрезанными, положение Шалона, который был не чем иным, как только местом сбора войск, утратило все свое значение. Ближайшим пунктом сбора всех сил теперь является Париж, и туда отныне все они должны двигаться. Однако нет таких сил, которые могли бы противостоять Третьей германской армии, продвигающейся, вероятно, в настоящее время к столице. Французы скоро на опыте убедятся, насколько укрепления Парижа оправдают произведенные затраты.

Хотя угроза такой заключительной катастрофы была очевидна уже в течение нескольких дней, все же трудно представить себе, что она в самом деле произошла. Действительность превзошла все ожидания. Две недели тому назад англичане строили предположения о возможных последствиях, какие имел бы выигрыш французской армией первого крупного сражения. Угроза, которой они больше всего опасались, состояла в том, что Наполеон III мог превратить свой первоначальный успех в повод для поспешного заключения мира за счет Бельгии. Но в этом отношении они быстро успокоились. Сражения при Вёрте и Форбахе показали, что французскому оружию нечего рассчитывать на какие-либо театральные эффекты. Этот факт, обнаруживший, что Германии нечего было опасаться Франции, казалось, обещал быстрое окончание войны. Полагали, что скоро должно было наступить время, когда французы признают, что попытка противодействия объединению Германии под главенством Пруссии не удалась, что, следовательно, вести войну им незачем и что вряд ли немцы станут продолжать опасную и сомнительную войну после того, как они уже добились требуемого признания. В течение первых пяти дней этой недели все положение вещей снова изменилось. Военная мощь Франции, повидимому, полностью разрушена, и,

как кажется, теперь честолюбию немцев нет других пределов, кроме весьма сомнительной немецкой умеренности. Мы не можем пока еще оценить политических результатов этой огромной катастрофы. Мы можем только удивляться ее размерам и неожиданности и восхищаться тем, как ее перенесли французские войска. Тот факт, что после четырех дней почти непрерывных боев, при самых, какие только возможны, неблагоприятных условиях, они смогли на пятый день в течение девяти часов оказывать сопротивление наступлению противника, численно значительно превосходившего их, делает величайшую честь их мужеству и стойкости. Никогда еще, даже во времена самых победоносных кампаний, французская армия не покрывала себя более заслуженной славой, чем при ее катастрофическом отступлении от Меца.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1722, суббота, 20 августа 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XI.

Хотя мы еще не знаем всех подробностей о трех кровопролитных сражениях, происшедших на прошлой неделе вокруг Меца, но мы в достаточной мере осведомлены, чтобы дать теперь ясный отчет о том, что произошло в действительности.

Сражение, имевшее место в воскресенье, 14 августа, было начато немцами с целью задержать отступление французов к Вердену. В воскресенье после полудня было замечено, что остатки корпуса Фроссара перешли через Мозель в направлении к Лонгвиллю; признаки движения наблюдались также среди войск, расположенных лагерем к востоку от Меца. 1-й (восточно-прусский) и 7-й (вестфальский и ганноверский) армейские корпуса получили приказ наступать. Они преследовали французов до тех пор, пока сами не очутились в зоне обстрела фортов; но французы, предвидя такое движение, заранее сосредоточили крупные силы на укрепленных позициях в долине Мозеля и в узком овраге, по которому с востока на запад протекает ручей, впадающий в реку к северу от Меца. Эта масса войск внезапно обрушилась на правый фланг немцев, которые уже несли потери от огня фортов, и, как говорят, отбросила их в беспорядке назад. После этого французы, вероятно, снова отошли, так как известно, что немцы удержали за собой ту часть поля сражения, которая находится вне досягаемости огня фортов, и что на свои прежние бивуаки они возвратились лишь после рассвета. Мы знаем об этом как из частных писем лиц, участвовавших в бою, так и из помещенного в понедельник в «Manchester Guardian» письма корреспондента из Меца, который посетил поле сражения в понедельник утром и нашел его занятым пруссаками, оказывавшими помощь оставшимся там раненым французам. Обе стороны в известном смысле могут считать, что они достигли целей, поставленных ими в этом бою: французы завлекли немцев в засаду и нанесли им жестокие потери, немцы же задержали отход французов до тех пор, пока принц Фридрих-Карл не достиг той линии, по которой должно было произойти это отступление. Со стороны немцев участвовало в бою два корпуса, или четыре дивизии, со стороны французов —

корпуса Декана, Ладмиро и часть гвардии, т. е. свыше семи дивизий. Таким образом, в этом бою французы имели большое численное превосходство. Считают также, что позиция французов была значительно усилена стрелковыми гнездами и окопами, из которых они стреляли с большим хладнокровием, чем обычно.

До вторника 16 августа отступление Рейнской армии к Вердену в основном еще не было начато. К этому времени головы колонн принца Фридриха-Карла — 3-й армейский корпус (бранденбургский) — как раз достигли окрестностей Марс-ля-Тура. Они тотчас же атаковали французов и на шесть часов парализовали французскую армию. Поддержанные затем 10-м армейским корпусом (ганноверским и вестфальским) и частями 8-го (рейнского) и 9-го (шлезвиг-голлштадтского и мекленбургского) корпусов, они не только удержали свою позицию, но отбросили неприятеля назад, захватили два знамени, семь пушек и более двух тысяч пленных. Действовавшие против них силы состояли из корпусов Декана, Ладмиро, Фроссара и, по крайней мере, части корпуса Канробера (они прибыли в Мец из Шалона в течение последних дней, пока железная дорога на Фруар была еще открыта) и гвардии, в общей сложности от 14 до 15 дивизий. Таким образом, 8 германских дивизий опять имели против себя численно превосходные силы, даже если в этом бою участвовали не все войска Базэна, что весьма вероятно. Это следует иметь в виду, так как французские сообщения продолжают объяснять все неудачи постоянным численным превосходством противника. Что отступление французов было действительно остановлено, видно из того факта, что они сами говорят об арьергардных боях, имевших место 17-го у Гравелота, больше чем в 5 милях позади их позиций, которые они занимали 16-го. В то же самое время тот факт, что во вторник немцы могли ввести в бой только четыре корпуса, доказывает, что успех, достигнутый ими, был неполным. Капитан Жаннеро, 17-го прибывший из Брие в Конфлан, нашел здесь два кавалерийских полка французской гвардии, совершенно расстроенных и обращавшихся в бегство при одном только крике «пруссаки идут!». Это доказывает, что если даже 16-го вечером дорога через Этен не была занята немцами, то все же они были в такой близости, что всякое отступление по ней без нового боя становилось невозможным. Но Базэн, повидимому, оставил всякую мысль об отступлении, укрепившись на очень сильной позиции близ Гравелота, и там выжидал атаки немцев, которая последовала 18-го.

Плато, по которому пролегает дорога из Марс-ля-Тура через Гравелот на Мец, пересечено рядом глубоких оврагов, образован-

ных ручьями, протекающими с севера на юг к Мозелю. Один из этих оврагов находится непосредственно впереди Гравелота (западнее от него), два других идут параллельно позади первого. Каждый из них образует сильную оборонительную позицию, которая была еще более усилена земляными укреплениями, а также баррикадами и бойницами во дворах ферм и в деревнях, расположенных в пунктах, важных в тактическом отношении. Встретить противника на этой сильно укрепленной позиции, дать ему разбиться о нее, отбросить его назад мощным контрнаступлением и, таким образом, очистить дорогу на Верден — такова была, очевидно, единственная надежда, оставшаяся у Базэна. Но атака была произведена такими силами и с такой энергией, что противник овладевал одной позицией за другой, и Рейнская армия была отброшена назад к самым орудиям Меца. Против четырнадцати или пятнадцати французских дивизий действовали двенадцать немецких дивизий и еще четыре оставались в резерве. Количество войск, введенных в бой с обеих сторон, было почти равное с некоторым численным превосходством на стороне немцев, так как четыре или шесть их корпусов были почти нетронутыми; но это незначительное численное превосходство ни в какой мере не могло уравновесить силу французских позиций.

Французское общественное мнение все еще не решается признать всей серьезности положения, создавшегося для Базэна и его армии, сходного с положением, в которое генерал Бонапарт поставил Вурмзера в Мантуе в 1796 г. и Мака при Ульме в 1805 г. Чтобы блестящая Рейнская армия, надежда и сила Франции, после двухнедельной кампании была поставлена перед выбором: либо попытаться в самых губельных условиях прорваться сквозь неприятельский фронт, либо капитулировать, — это превосходит возможность того, во что французы могут заставить себя поверить. Они ищут всевозможных объяснений. Одна из их теорий гласит, что Базэн, так сказать, жертвует собой с целью дать Мак-Магону и Парижу выиграть время. Пока Базэн удерживает две из трех германских армий у Меца, Париж может организовать свою оборону, а Мак-Магон будет иметь время для создания новой армии. Базэн, следовательно, остается в Меце не потому, что у него нет другого выхода, а потому, что этого требуют интересы Франции. Но, спрашивается, где же составные части новой армии Мак-Магона? Его собственный корпус, насчитывающий теперь самое большее 15 000 человек; остатки войск де Файи, расстроенные и разбросанные продолжительным и кружным отступлением, — говорят, что он прибыл в Витри-ле-Франсуа только с 7 000 или 8 000 человек; — быть может одна из

дивизий Канробера; две дивизии корпуса Феликса Дуэ, о местонахождении которых никто, повидимому, не знает, — а всего приблизительно 40 000 человек, включая морскую пехоту, входившую в состав намечавшейся балтийской экспедиции. В это число входят все батальоны и эскадроны, оставшиеся у Франции от ее прежней армии, находившейся вне Меца. К ним могут присоединиться четвертые батальоны. Кажется, они прибывают теперь в Париж в довольно большом количестве, но пополненные в значительной степени рекрутами. Общая численность этих войск может достигнуть, примерно, от 130 000 до 150 000 человек; но по качеству эту новую армию нельзя сравнить со старой Рейнской армией. Прежние полки в ней сильно деморализованы. Новые батальоны сформированы наспех, имеют в своем составе много рекрутов и не могут быть пополнены таким офицерским составом, как в старой армии. Удельный вес конницы и артиллерии, повидимому, очень небольшой; основная масса конницы находится в Меце, а запасы, необходимые для формирования новых батарей, упряжь и т. д. в ряде случаев, повидимому, существуют только на бумаге. Жаннеро приводит один из таких примеров в воскресном номере «Temps». Что же касается мобильной гвардии, то после обратной переброски из Шалона в Сен-Мор, близ Парижа, она, кажется, совершенно рассеялась вследствие недостатка продовольствия. И для того чтобы выиграть время для создания подобных сил, Франция должна принести в жертву всю свою лучшую армию. И, действительно, эта армия принесена в жертву, если правда, что она заперта в Меце. Если Базэн преднамеренно поставил свою армию в ее нынешнее положение, то он совершил ошибку, по сравнению с которой все прежние ошибки, допущенные во время этой войны, — ничто. Что касается слухов об отступлении Базэна от Меца и о соединении его с Мак-Магоном в Монмеди, пущенных вчера газетой «Standard», то сегодня утром в военном обзоре той же газеты имеется достаточное опровержение. Если даже некоторым отрядам из войск Базэна и удалось ускользнуть на север после или во время последних боев около Марс-ля-Тура, то основная масса его армии все еще заперта в Меце.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1725, среда, 24 августа 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XII.

Два последних события войны таковы: кронпринц продвигается за Шалон, а Мак-Магон отвел всю свою армию из Реймса, но куда — в точности неизвестно. Согласно французским сообщениям, Мак-Магон находит, что война разворачивается слишком медленно; чтобы ускорить ее исход, он, как говорят, выступил из Реймса на выручку Базэна. Это, действительно, ускорило бы ход событий, вплоть до заключительного кризиса.

В среду в нашей статье мы определили численность войск Мак-Магона от 130 000 до 150 000 человек, предположив, что к нему присоединились все войска из Парижа. Мы оказались правы в предположении, что в Шалоне у него были остатки его собственных частей и войск де Файи и что там же были две дивизии корпуса Дуэ, прибывшие туда, как теперь известно, кружным железнодорожным путем через Париж, а также морская пехота и другие части балтийского корпуса. Но теперь мы узнаем, что в фортах вокруг Парижа все еще находятся линейные войска, что часть войск Мак-Магона и Фроссара, преимущественно конница, вернулась в Париж для переформирования и что в лагере у Мак-Магона осталось только около 80 000 человек регулярных войск. Поэтому мы можем сократить наш подсчет на целых 25 000 человек и установить максимальную численность войск Мак-Магона в 110 000—120 000 человек, третья часть которых состоит из необученных новобранцев. И с этой-то армией он, как говорят, выступил к Мецу выручать Базэна.

В настоящее время ближайшим и непосредственным противником Мак-Магона является армия кронпринца. 24 августа ее передовые части занимали бывший Шалонский лагерь, о чем нам сообщили по телеграфу из Бар-ле-Дюка. Из этого мы можем заключить, что тогда в этом городе находился штаб. Ближайший путь Мак-Магона к Мецу лежит через Верден. От Реймса до Вердена полных 70 миль почти прямой проселочной дороги; по большой проезжей дороге через Сен-Менэу больше 80 миль, последняя, кроме того, проходит через Шалонский лагерь, т. е. через расположение немцев. Расстояние от Бар-ле-Дюка до Вердена меньше 40 миль.

Таким образом, армия кронпринца не только может ударить по флангу Мак-Магона во время марша, если он использует одну из упомянутых дорог на Верден, но она может перейти Маас и присоединиться к остальным двум германским армиям между Верденом и Мецем еще задолго до того, как Мак-Магон успеет выйти из Вердена на правый берег Мааса. Если бы даже кронпринц продвинулся до Витри-ле-Франсуа или если бы ему потребовался лишний день для сосредоточения своих растянутых по фронту войск, все равно ничего не изменилось бы, настолько велика разница расстояний в его пользу.

При таких условиях можно сомневаться, чтобы Мак-Магон воспользовался одной из указанных дорог; не захочет ли он сразу уйти из непосредственной сферы действия армии кронпринца и не выберет ли он дорогу из Реймса через Вузье, Гран Пре и Варенн на Верден или через Вузье до Стенэ, где он перейдет Маас и затем направится к юго-востоку на Мец. Но это обеспечило бы для него лишь кратковременное преимущество, удвоив шансы окончательного поражения. Оба эти пути еще более кружные и дали бы кронпринцу еще больше времени для соединения своих сил с силами, находящимися у Меца, с целью противопоставить как Мак-Магону, так и Базэну подавляющее численное превосходство.

Итак, какой бы путь ни избрал Мак-Магон, чтобы выйти к Мецу, он не может избежать кронпринца, который, кроме того, не может быть лишен возможности выбора атаковать противника либо одними только своими силами, либо соединившись с другими германскими армиями. Отсюда ясно, что движение Мак-Магона на помощь Базэну было бы крупной ошибкой, пока он окончательно не избавился от кронпринца. Для него кратчайший, скорейший и вернейший путь в Мец лежит напрямик через Третью германскую армию. Если бы он двинулся прямо на нее, атаковал бы ее там, где встретит, нанес бы ей поражение и преследовал бы ее в течение нескольких дней в юго-восточном направлении, вклинившись со своей победоносной армией между нею и двумя другими германскими армиями (таким же способом, как ему это однажды показал кронпринц), тогда, но не раньше, он имел бы шансы достигнуть Меца и освободить Базэна. Но мы можем быть уверены, что, если бы он чувствовал себя достаточно сильным для этого, он сделал бы это сразу. Таким образом, отход из Реймса принимает иной характер. Это не столько движение в помощь Базэну против Штейнмеца и Фридриха-Карла, сколько попытка Мак-Магона избавиться от кронпринца. И с этой точки зрения ничего хуже нельзя было

сделать. В результате все прямые сообщения с Парижем передаются во власть противника; отвлекаются все наличные силы Франции от центра к периферии и преднамеренно размещаются на гораздо большем расстоянии от центра, чем расстояние, отделяющее противника от центра в данный момент. Можно было оправдать такое движение, если бы оно предпринималось при значительном превосходстве сил; но в данном случае оно было предпринято с безнадежно малыми силами, с перспективой почти верного поражения. К чему же приведет это поражение? Где бы оно ни случилось, оно отбросит остатки разбитой армии еще дальше от Парижа, к северной границе, где они могут быть отеснены на нейтральную территорию или принуждены к капитуляции. Если Мак-Магон в самом деле предпринял движение в указанном направлении, то он преднамеренно ставит свою армию в такое же точно положение, в какое Наполеон в 1806 г. поставил прусскую армию при Иене фланговым движением вокруг южного края Тюрингенского леса. Для численно и морально более слабой армии умышленно создается такое положение, при котором единственным путем отступления при поражении будет узкая полоса местности, ведущая к нейтральной территории или к морю. Наполеон принудил пруссаков к капитуляции тем, что он достиг Штеттина раньше их. Войскам Мак-Магона придется, быть может, сдаться на той узкой полосе французской территории, которая врывается в Бельгию между Мезьером и Шарлемон — Живе. В самом лучшем случае они могут спастись отступлением в северные крепости — Валансьен, Лилль и т. д., — где при любых обстоятельствах будут обезврежены. И тогда Франция окажется во власти завоевателя.

Весь план кажется настолько безумным, что его можно объяснить только политической необходимостью. Это более похоже на акт отчаяния (*coup de désespoir*), чем на что-либо другое. Получается впечатление, что пытаются что-то сделать, идти на какой-то риск, прежде чем дать Парижу возможность полностью осознать действительное положение вещей. Это план не стратега, а «алжирца», привыкшего сражаться против иррегулярных войск, план не солдата, а политического и военного авантюриста, какие господствовали во Франции в течение последних девятнадцати лет. Этому вполне соответствуют слова, приписываемые Мак-Магону, якобы высказанные им в оправдание такого решения: «Что сказали бы, если бы он не пошел на помощь Базэн? Да, но «что сказали бы, если бы он поставил себя в худшее положение, чем это сделал сам Базэн? Вот Вторая империя во всей своей красе. Сохранить

видимость, скрыть поражение — вот что требуется больше всего. Наполеон все поставил на одну карту и проиграл ее; а теперь Мак-Магон, когда его шансы на выигрыш составляют один против десяти, снова собирается играть «*va banque*». Чем скорее Франция избавится от таких людей, тем лучше для нее. В этом ее единственная надежда.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1727, пятница, 26 августа 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XIII.

Вчера телеграф принес известие, вызвавшее среди других органов печати большую сенсацию. Оно пришло из Берлина и содержало в себе сообщение, что королевская главная квартира переведена в Бар-ле-Дюк, что корпуса Первой и Второй армий остались на позициях против армии Базэна и что остальные германские силы «решительно двинулись на Париж».

До сих пор передвижения германских армий во время их выполнения сохранялись втайне. Лишь после того, как передвижение бывало закончено и удар нанесен, мы узнавали, куда направлялись войска. Кажется странным, что вдруг эту систему отменили; что молчаливый Мольтке, без всякого видимого повода для этого, вдруг объявляет всему миру, что он идет на Париж, и притом еще «решительно».

В то же самое время мы слышим, что передовые части кронпринца все ближе и ближе подходят к Парижу и что его конница продвигается все дальше и дальше к югу. Говорят даже, что в Шато-Тьерри, почти на полпути между Шалоном и Парижем, видели грозных улан.

Нет ли здесь особых причин, лишь с первого взгляда не вполне ясных; почему эти сообщения о намерениях прусского короля даются именно теперь и почему в то же самое время германская конница удваивает свою активность?

Сравним даты. В понедельник, 22-го, вечером Мак-Магон начал свое движение через Реймс по дороге в Ретель, и в продолжение более четырнадцати часов его колонны непрерывно проходили через город. Сведения об этом продвижении могли дойти до германской главной квартиры в среду вечером, если не раньше. Это движение могло означать лишь одно: намерение освободить Базэна из той западни, в которую он попал. Чем дальше Мак-Магон продвигался бы в избранном им направлении, тем большей опасности он подвергал бы свои коммуникации с Парижем и путь своего отступления и тем больше ставил бы себя между германской армией и бельгийской границей. Пусть он только перейдет за Маас,

который, как говорят, он намеревается форсировать в Ляневиле, против Стенэ, — и путь к отступлению легко может быть ему отрезан. Но что могло бы больше поддержать Мак-Магона в его намерении совершить этот опасный маневр, как не известие, что в то время, как он спешит на помощь Базэну, немцы, оставив сравнительно небольшую часть своих сил у Меца, «решительно» идут на Париж с большей частью своих войск? Таким образом, в среду вечером это самое известие передается по телеграфу из Понт-а-Муссона в Берлин, из Берлина в Лондон, из Лондона в Париж и Реймс, откуда Мак-Магон, несомненно, сразу же получил это сообщение; и в то время, как он продвигается в направлении Стенэ, Лонгюйон и Брие, армия кронпринца, оставив один или два корпуса в Шампани, где теперь ничто не противостоит им, может направить остальные к Сен-Мийелю, перейти там Маас и попытаться, заняв Френ, угрожать коммуникациям армии Мак-Магона с Маасом, но на расстоянии, обеспечивающем поддержку германских войск, находящихся у Меца. Если бы это удалось и если бы Мак-Магон понес поражение в таких условиях, то его армии пришлось бы либо перейти на нейтральную территорию, либо сдаться немцам.

Не может быть сомнений в том, что в германской главной квартире отлично известны передвижения Мак-Магона. С того момента, как в результате битвы у Резонвиля (или у Гравелота, как это официально указывалось) Базэн оказался запертым в Меце, армия Мак-Магона стала следующим очередным объектом не только для армии кронпринца, но и для всех других войск, которые могли бы быть оттянуты от Меца. Правда, в 1814 г. союзники после соединения Блюхера с Шварценбергом между Арсисом-сюр-Об и Шалоном двинулись на Париж, совершенно игнорируя движение Наполеона к Рейну, и это движение решило исход кампании. Но в то время Наполеон был разбит у Арсиса и не был в состоянии противостоять союзной армии; тогда не было французской армии, запертой союзными войсками в пограничной крепости, которую он мог бы освободить, и, кроме всего прочего, Париж не был укреплен. Теперь, наоборот, какова бы ни была военная ценность, как численная, так и моральная, представляемая армией Мак-Магона, несомненно то, что ее вполне достаточно, чтобы снять обложение Меца, если это обложение производится не более как только количеством войск, которое необходимо, чтобы задерживать Базэна. А с другой стороны, как бы ни расценивались укрепления Парижа, никто не будет настолько опрометчив, чтобы рассчитывать на то, что они падут, подобно стенам Иерихона, при первых трубных звуках напа-

дающих. Понадобится, по крайней мере, либо продолжительное обложение, чтобы взять обороняющихся измором, либо начало, если не больше, правильной осады. Таким образом, в то время, как немцы «решительно» подходили бы к Парижу и были бы прочно остановлены его фортами, Мак-Магон нанес бы поражение германским войскам под Мецем, соединился с Базэном, и тогда Франция имела бы армию на коммуникациях и путях снабжения немцев достаточно сильную, чтобы заставить их отступать еще более «решительно», чем они наступали.

Итак, если армия Мак-Магона слишком сильна, чтобы немцы могли пренебречь ею при данных обстоятельствах, то мы должны притти к заключению, что сведения о решительном движении короля Вильгельма на Париж, которое большинством других органов печати считается в высшей степени важным, являются либо ложным известием, пущенным намеренно, чтобы ввести в заблуждение неприятеля, либо, если это действительно необдуманное опубликование достоверных сведений, то оно представляет решение, принятое до ознакомления с последним движением Мак-Магона, и в таком случае скоро будет отменено. И в том и в другом случае один или два корпуса могут продолжать наступление на Париж, но основная масса всех наличных войск будет двигаться к северо-востоку, чтобы полностью использовать те выгоды, которые Мак-Магон почти что сам дает им в руки.

Вполне вероятно, что осада Страсбурга вскоре закончится капитуляцией крепости. Немцы, повидимому, совершенно серьезно взялись за дело. До вчерашнего утра бомбардировка со стороны Келя продолжалась непрерывно днём и ночью в течение трех суток. В то же самое время пруссаки продвинули свои передовые посты на расстояние от 500 до 800 ярдов от крепости. Арсенал подожен, и несколько тяжелых орудий, только что установленных на позициях, немедленно возьмут под обстрел данный участок.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1728, суббота, 27 августа 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XIV.

Немцы снова оказались более подвижными, чем Мак-Магон. Четвертая армия в составе, по крайней мере, двух корпусов (прусская гвардия и 12-й или королевский саксонский корпус), если не больше, под командованием кронпринца Альберта саксонского сразу продвинулась к Маасу, обеспечила переправы где-то между Стенэ и Верденом и переправила свою конницу. Проходы в Аргонах в их руках. В прошлый четверг у Сен-Менэу они взяли в плен 800 мобилей, а в субботу нанесли поражение французской кавалерийской бригаде под Бюзанси. В прошлый четверг они с пути своего движения выслали сильную разведку на Верден, но, установив, что крепость подготовлена к их встрече, отказались наступать на нее главными силами.

Между тем Мак-Магон, который 22-го и 23-го покинул Реймс, имея, согласно французским сообщениям, хорошо снаряженную, достаточно обеспеченную артиллерией, боевыми припасами и продовольствием армию в 150 000 человек, не продвинулся к вечеру 25-го дальше Ретеля, находящегося приблизительно в 23 милях от Реймса. Мы точно не знаем, сколько времени он там пробыл и когда он его покинул. Но кавалерийская стычка под Бюзанси, который находится приблизительно в 20 милях от Ретеля, по дороге в Стенэ, указывает, что даже в субботу его пехота туда еще не прибыла. Эта медлительность в продвижении составляет резкий контраст с активностью немцев. Нет никакого сомнения, что в значительной степени эта медлительность объясняется составом его армии, которая содержит более или менее деморализованные части или новые формирования, в которых преобладают новобранцы; некоторые из этих формирований являются просто добровольческими отрядами, в которых много некадровых офицеров. Ясно, что такая армия не может обладать ни дисциплиной, ни спайкой старой «Рейнской армии» и что 120 000—150 000 такого рода бойцов почти невозможно передвигать, обеспечивая и быстроту и порядок. Затем — обозы. Главная масса тяжелых обозов Рейнской армии наверное ушла из Меца 14-го и 15-го, но легко себе представить, что их состояние было далеко не из бле-

стящих; и можно считать, что запас боевых припасов и состояние лошадей оставляют желать много лучшего. И, наконец, можно считать несомненным, что французское интендантство не изменилось к лучшему с начала войны и что, следовательно, снабжение большой армии в чрезвычайно бедной провинции будет не легким делом. Но, даже полностью учтя все эти препятствия, приходится признать, что медлительность Мак-Магона в значительной мере вызвана нерешительностью. Поскольку он отказался от прямого пути на Верден, его ближайший путь на выручку Базэна лежал через Стенэ, и в этом направлении он и двинулся. Но он должен был знать еще до выступления из Ретеля, что немцы захватили переправы через Маас и что правый фланг его колонн на пути в Стенэ не был обеспечен. Быстрота продвижения немцев, повидимому, расстроила его планы. Мы имеем сведения, что в пятницу он все еще был в Ретеле, где получил свежие подкрепления из Парижа, и что на следующий день он собирался выступить на Мезьер. Это кажется вполне вероятным, так как мы не имеем достоверных сведений о каких-либо значительных столкновениях. Это означало бы почти полный отказ от плана освободить Базэна, так как движение по узкой полосе французской территории на правом берегу Мааса, между Мезьером и Стенэ, было бы чревато большими трудностями и опасностями, могло бы вызвать новую задержку и дать противнику достаточно времени, чтобы окружить его со всех сторон. Теперь уже не может быть никакого сомнения в том, что для этой цели из армии кронпринца были посланы на север вполне достаточные силы. Все, что мы слышим о местонахождении Третьей армии, указывает на движение в северном направлении по трем большим дорогам, наиболее удобным для этой цели: Эпернэ, Реймс, Ретель; Шалон, Вузье; Бар-ле-Дюк, Варенн, Гран Пре. То обстоятельство, что телеграмма о столкновении у Сен-Менэ была получена из Бар-ле-Дюка, дает возможность допустить, что это именно часть Третьей армии нанесла поражение мобильной гвардии и заняла город.

Но каковы же могут быть намерения Мак-Магона, если он действительно движется на Мезьер? Мы сомневаемся, чтобы у него самого было достаточно ясное представление о том, что ему делать. Теперь нам известно, что его движение на север, по крайней мере до некоторой степени, было вызвано неповиновением его солдат, роптавших по поводу «отступления» из Шалонского лагеря к Реймсу и довольно настойчиво требовавших, чтобы их вели навстречу противнику. Тогда-то и был начат поход для освобождения Базэна. К концу недели Мак-Магон мог достаточно хорошо убедиться, что

его армия не обладает подвижностью, необходимой для прямого марша на Стенэ, и что теперь ему лучше избрать более безопасную дорогу через Мезьер. Это, несомненно, задерживало предполагавшуюся выручку Базэна и могло бы сделать ее неосуществимой; но была ли когда-нибудь у Мак-Магона уверенность в том, что он способен осуществить ее? Мы в этом сомневаемся. Кроме того, движение на Мезьер, во всяком случае, могло бы задержать поход противника на Париж, дать парижанам больше времени, чтобы закончить оборонительные работы, и выиграть время для организации резервных армий за Луарой и в Лионе; а разве он не мог, в случае нужды, отступить вдоль северной границы в тройной пояс крепостей и попытаться найти между ними какой-нибудь «четырёхугольник»? Такие более или менее неопределенные мысли могли побудить Мак-Магона, который, конечно, нисколько не походит на стратега, сделать второй ложный шаг после того, как он попал впросак в результате первого; таким образом, мы видим, как эта последняя армия, которой Франция располагает на фронте и, повидимому, вообще будет располагать во время этой войны, сознательно идет к своей гибели, спасти от которой ее могут только грубейшие промахи врага; а этот враг до сих пор не совершил еще ни единой ошибки.

Мы говорим — последняя армия, которой Франция, вероятно, будет располагать на фронте во время войны. От Базэна надо отказаться, если только Мак-Магону не удастся помочь ему, а это более чем сомнительно. Армия Мак-Магона в лучшем случае окажется разбросанной среди крепостей северной границы, где она будет безвредной. Резервные армии, о которых теперь говорят, будут состоять из необученных рекрутов, вперемежку с некоторым количеством старых солдат, командовать которыми неизбежно будут, главным образом, некадровые офицеры; они будут вооружены оружием самых различных образцов; они будут совершенно не приучены обращаться с современной винтовкой, заряжающейся с казенной части, а это равносильно тому, что их боевые припасы будут израсходованы раньше, чем в этом будет действительная необходимость, одним словом, они будут совершенно непригодны для военных действий на поле боя, а будут годны только для обороны укреплений. В то время как немцы не только снова укомплектовали свои батальоны и эскадроны полностью, но и непрерывно посылают во Францию одну дивизию ландвера за другой, французские четвертые батальоны еще не укомплектованы. Только шестьдесят шесть из них сформированы в «маршевые полки» и отправлены либо в Париж, либо к Мак-Магону; остальные тридцать четыре батальона

несколько дней тому назад еще не были готовы к выступлению. Организация армии повсюду оказывается негодной; благородная и мужественная нация видит, что все ее усилия защитить себя оказываются тщетными, потому что она в течение двадцати лет терпела, чтобы ее судьбами управляла шайка авантюристов, которая превратила администрацию, правительство, армию, флот — фактически всю Францию — в источник своей личной наживы.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1731, среда, 31 августа 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XV.

26 августа, когда вся печать без единого исключения была настолько занята рассуждениями об огромном значении «решительного» марша кронпринца на Париж, что у нее не оставалось времени для Мак-Магона, мы осмелились указывать, что действительно важный в настоящее время маневр — это тот, который Мак-Магон предпринял, как сообщают, для освобождения Меца. Мы говорили, что в случае поражения «войскам Мак-Магона придется, быть может, сдаться на той узкой полосе французской территории, которая врежется в Бельгию между Мезьером и Шарлемон — Живе».

То, что мы тогда предполагали, теперь почти совершилось. У Мак-Магона имеются: 1-й (его собственный), 5-й (прежде де Файи, теперь Вимпфена), 7-й (Дузэ) и 13-й (Лебрена) корпуса, а также войска, которые до 29 августа можно было выделить из Парижа, включая даже мятежных мобилей из Сен-Мора; кроме того, конница из корпуса Канробера, оставленная в Шалоне. Вся армия составит, быть может, 150 000 человек, из которых вряд ли половина состоит из старых войск; остальное — четвертые батальоны и мобили почти в равных количествах. Говорят, что эта армия хорошо снабжена артиллерией, но большая часть последней состоит, вероятно, из вновь сформированных батарей; известно также, что конница в ней очень слаба. Даже если бы эта армия была численно сильнее, чем мы ее считаем, то этот излишек должен состоять из солдат новых призывов и не увеличит ее мощи, которая вряд ли равна силе армии в 100 000 хороших солдат.

Мак-Магон выступил из Реймса на Ретель и к Маасу вечером 22-го, но 13-й корпус был отправлен из Парижа только 28-го и 29-го; а так как прямой железнодорожный путь в Ретель через Реймс находился в это время под угрозой неприятеля, то эти войска пришлось послать круглым путем по Северной французской железной дороге, через Сен-Кантен, Авен и Ирсон. переброска войск не могла быть закончена раньше 30-го или 31-го, когда уже началось серьезное сражение, так что войска, которых ожидал Мак-Магон, вовсе не оказались в нужный момент на месте, ибо, пока

Мак-Магон терял время между Ретелем, Мезьером и Стенэ, немцы подходили со всех сторон. 27 августа бригада его передовой конницы потерпела поражение у Бюзанси; 28-го Вузье — важный узел дорог в Аргоннах — оказался в руках немцев; два их эскадрона атаковали селение Вризи и захватили его; там была пехота, которая принуждена была сдаться, — подвиг, кстати сказать, имеющий только один пример в прошлом: это захват в 1831 г. польской конницей Дембе Вельке, занятого русской пехотой и конницей. 29-го никаких сообщений о боях из достоверных источников не поступало, но 30-го (во вторник) немцы, сосредоточив достаточные силы, атаковали Мак-Магона и нанесли ему поражение. Немецкие донесения говорят о бое близ Бомона и о столкновениях около Нуара (по дороге от Стенэ к Бюзанси), а бельгийские сообщения упоминают о боях на правом берегу Мааса, между Музоном и Кариньяном. Оба сообщения можно легко согласовать, и если предположить, что бельгийские телеграммы в основном правильны, то Четвертая немецкая армия (4-й, 12-й и гвардейский корпуса) имела, повидимому, на левом берегу Мозеля 4-й и 12-й корпуса, где к ним присоединился 1-й баварский корпус, первая часть Третьей армии, идущей с юга. В Бомоне они встретили главные силы Мак-Магона, двигавшиеся, очевидно, по направлению Мезьер—Стенэ; они атаковали их, причем часть войск, вероятно баварцы, атаковала и охватила правый фланг, оттеснив французов от прямого пути отступления к Маасу у Музона, где трудности и промедление во время перехода через мост послужили причиной их огромных потерь пленными, артиллерией и провиантом. Пока все это происходило, авангард 12-го германского корпуса, посланный, повидимому, в другом направлении, встретил 5-й французский корпус (Вимпфена), направлявшийся, по всей вероятности, во фланг немцам по дороге Ле Шен Попюле, долиной Бар и через Бюзанси. Схватка произошла в Нуаре, примерно в 7 милях южнее Бомона, и оказалась успешной для немцев, т. е. им удалось остановить фланговое движение Вимпфена во время боя при Бомоне. Третья часть сил Мак-Магона, по бельгийским сообщениям, двигалась, вероятно, по правому берегу Мааса, где она, по слухам, в предыдущую ночь расположилась лагерем у Во, между Кариньяном и Музоном, но этот корпус был также атакован немцами (вероятно гвардией), совершенно разбит и потерял, как утверждают, 4 митральезы.

Эти три боя, вместе взятые (если считать бельгийские сведения в основном верными), означают полное поражение Мак-Магона, которое мы неоднократно предсказывали. Четыре германских

корпуса, противостоящих ему, в настоящее время насчитывают около 100 000 человек, но сомнительно, чтобы они все участвовали в бою. Войска Мак-Магона, как мы уже сказали, имели приблизительно такое же количество хороших солдат. Сопротивление их было совершенно не похоже на сопротивление старой Рейнской армии; это видно из замечания в официальной немецкой телеграмме, что «наши потери незначительны», а также из количества захваченных пленных. Однако еще слишком рано пытаться критиковать тактические распоряжения Мак-Магона как в период подготовки, так и во время этого боя, ввиду того что нам о них почти ничего неизвестно, но его стратегия заслуживает самого строгого осуждения. Он отказался от всех представлявшихся ему возможностей спасения. Его расположение между Ретелем и Мезьером давало ему возможность вести бой таким образом, чтобы обеспечить отход в Лан и Суассон и таким путем снова достигнуть Парижа или Западной Франции. Вместо этого он сражался так, как будто единственным путем отхода для него был Мезьер и как будто Бельгия принадлежала ему. Говорят, что он находится в Седане; победителями немцы тем временем займут всю линию левого берега Мааса не только перед этой крепостью, но также у Мезьера, откуда их левый фланг в один из ближайших дней протянется до бельгийской границы у Рокруа, а тогда Мак-Магон будет заперт на той узкой полосе территории, на которую мы указывали шесть дней тому назад.

Раз он оказался там, ему остается весьма небольшой выбор. Его окружают четыре крепости—Седан, Мезьер, Рокруа и Шарлемон; но на 12 квадратных милях территории, имея против себя подавляющие силы, а в тылу нейтральную страну, он не может воспользоваться этим четырехугольником, его заставят сдать голодом или выбьют оттуда, и он будет вынужден сдать или пруссакам или бельгийцам. Но для Мак-Магона открыт еще один путь. Мы только что сказали, что он действовал так, будто Бельгия принадлежала ему. А что если он в самом деле так думал? Что если вся тайна, лежащая в основе этой необъяснимой стратегии, состояла в твердом решении воспользоваться бельгийской территорией, как если бы она принадлежала Франции? Из Шарлемона имеется прямая дорога по бельгийской территории через Филиппвиль к французской границе у Мобежа. Эта дорога составляет лишь половину расстояния от Мезьера до Мобежа по французской территории. Что если Мак-Магон намеревался в крайнем случае воспользоваться этой дорогой для отступления? Он может рассчитывать, что бельгийцы не в состоянии будут оказать действительного сопротивления

такой сильной армии, как у него; а если немцы, что весьма вероятно, последуют за Мак-Магоном на бельгийскую территорию, в случае если бельгийцы не смогут остановить его, тогда возникнут новые политические осложнения, которые могут улучшить, но не ухудшить нынешнее положение Франции. Кроме того, если Мак-Магону удастся заманить хотя бы один германский патруль на бельгийскую территорию, то тем самым будет установлено нарушение нейтралитета, а это даст оправдание для его последующих нарушений прав Бельгии. Такие мысли могли притти в голову этому старому алжирцу: они соответствуют африканским способам ведения войны, и, пожалуй, только ими можно оправдать проводимую им стратегию. Но даже и эта возможность может быть у него отнята: если кронпринц будет действовать со свойственной ему быстротой, он сможет достигнуть Монтерме и слияния рек Семуа и Мааса раньше Мак-Магона, и тогда Мак-Магон окажется запертым между р. Семуа и Седаном на таком приблизительно пространстве, какое требуется для расположения его войск лагерем, и он будет лишен всякой возможности кратчайшим путем пересечь нейтральную территорию.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1733, пятница, 2 сентября 1870 г.*

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОРАЖЕНИЯ.

Большая армия, поставленная в безвыходное положение, не сдается сразу. Прежде всего понадобилось три сражения, чтобы войска Базэна поняли, что они действительно заперты в Меце, а затем потребовался отчаянный 36-часовой бой в течение дня и ночи, в минувшие среду и четверг, чтобы убедить их (если все же это их убедило), что у них нет никакого выхода из ловушки, в которую их поймали пруссаки. Оказалось недостаточно и боя, происходившего во вторник, чтобы заставить Мак-Магона сдаться. Понадобилось еще одно сражение в четверг, — повидимому, самое большое и кровопролитное из всех, — и ранение самого Мак-Магона, чтобы он понял свое действительное положение. Первое донесение о бое близ Бомона и Кариньяна оказалось в основном правильным, за исключением только того, что путь отступления французских корпусов, сражавшихся при Бомоне, идущий по левому берегу Мааса на Седан, еще не был окончательно отрезан. Некоторая часть этих войск, повидимому, отошла по левому берегу к Седану — по крайней мере, в четверг на том же самом берегу снова произошел бой. Затем возникает некоторое сомнение относительно даты боя при Нуаре, который, по мнению штаба в Берлине, произошел в понедельник. Эта дата, конечно, позволяет лучше согласовать германские телеграммы, а если это так, то обходное движение, приписываемое французскому 5-му корпусу, не имело места.

Результат боя, происходившего во вторник, оказался для участвовавших в нем французских корпусов катастрофическим. Свыше 20 пушек, 11 митральез и 7 000 пленных — это результаты, почти равные результатам сражения при Вёрте, но достигнутые гораздо легче и с гораздо меньшими жертвами. На обоих берегах Мааса французы были отброшены назад непосредственно к окрестностям Седана. На левом берегу после боя их расположение, повидимому, ограничивается: на западе — рекой Бар и Арденнским каналом, которые протекают по одной и той же долине и впадают в Маас у Виллер, между Седаном и Мезьером; на востоке — оврагом и ручьем, текущим из Рокура и впадающим в Маас у Ремийн.

Обеспечив себе, таким образом, оба фланга, главные французские силы, вероятно, заняли промежуточное плато, приготовившись встретить наступление с любой стороны. На правом берегу Мааса французы после боя, во вторник, должны были перешли реку Шьер, впадающую в Маас у Ремийи в четырех милях от Седана. В этой местности находятся три оврага, идущие параллельно с севера на юг от бельгийской границы: первый и второй по направлению к р. Шьер, третий, самый большой из них, проходящий непосредственно перед Седаном, — к Маасу. У второго оврага, близ верховья его, расположена деревня Сернэ; у третьего, там, где его пересекает дорога, идущая на Буйон, в Бельгию, находится Живонн; и ниже, где дорога в Стенэ и Монмеди пересекает овраг, расположен Базейль. Эти три оврага во время боя, в четверг, должны были явиться последовательно оборонительными линиями для французов, которые, естественно, с наибольшим упорством удерживали последнюю и самую сильную из них. Эта часть поля сражения несколько напоминает поле сражения у Гравелота, но, в то время как там овраги могли быть, и действительно были, обойдены через плато, где они берут свое начало, здесь близость бельгийской границы делала попытку их обхода очень рискованной и почти вынуждала к прямому фронтальному наступлению.

В то время как французы укреплялись на этой позиции и стягивали к себе те войска, которые во вторник не принимали участия в бою (среди них, вероятно, был 12-й корпус, включая мобилей из Парижа), у немцев был один день для сосредоточения их армии; и когда в четверг они повели наступление, то имели в этом пункте всю Четвертую армию (гвардия, 4-й и 12-й корпуса) и три корпуса (5-й, 11-й и один баварский) Третьей армии—силы морально, если не численно, превосходившие силы Мак-Магона. Сражение началось в половине восьмого утра, и в четверть пятого, когда прусский король послал телеграмму, оно еще продолжалось, причем немцы успешно наступали со всех сторон. По бельгийским сообщениям, деревни Базейль, Ремийи, Виллер и Сернэ были в огне, а часовня Живонн была в руках немцев. Это указывает, что обе деревни на левом берегу Мааса, на которые в случае отступления опирались бы оба фланга французов, либо были взяты, либо сделаны непригодными для обороны; тем временем первая и вторая линии обороны на правом берегу были захвачены немцами, а третью, между Базейль и Живонн, французы с минуты на минуту готовы были оставить. Не может быть сомнения в том, что при такой обстановке немцы с наступлением ночи окажутся победителями, а французы

будут отброшены назад к Седану. Это, действительно, подтверждается телеграммами из Бельгии, сообщающими, что Мак-Магон был совершенно окружен и что тысячи французских войск переходят границу и разоружаются.

При таких обстоятельствах Мак-Магону оставалось лишь одно из двух: либо капитуляция, либо прорыв через бельгийскую территорию. Разбитая армия, запертая в Седане и вокруг него, т. е. на участке в лучшем случае не большем, чем требуется для расположения лагерем, не может удержаться; и даже если бы она была в состоянии поддерживать сообщение с Мезьером, который находится приблизительно в 10 милях к западу, то она все же была бы окружена на очень ограниченной полосе территории и неспособна устоять. Таким образом, Мак-Магон, не будучи в состоянии пробиться через расположение противника, должен либо перейти на бельгийскую территорию, либо сдаться. Случилось так, что Мак-Магон, обессиленный от ран, был избавлен от мучительного решения. Объявить о сдаче французской армии выпало на долю генерала де Вимпфена. Если допустить, что армия Мак-Магона могла получить сведения о решительном отпоре, оказанном Базэну при его попытках вырваться из Меца, то эти сведения не могли не ускорить капитуляцию под Седаном. Немцы предвидели намерение Базэна и были готовы дать ему отпор во всех пунктах. Не только Штейнмец, но и принц Фридрих-Карл (это видно из упоминания о 1-м и 9-м корпусах) были настороже, а надежная сеть окопов еще более усилила барьер, окружающий Мец.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1734, суббота, 3 сентября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XVI.

Капитуляция Седана решает судьбу последней действующей французской армии. Она решает в то же время судьбу Меца и армии Базэна; об освобождении этой армии теперь не может быть и речи; ей также придется капитулировать, быть может, на этой неделе, во всяком случае не позже следующей недели.

Остается еще огромный укрепленный лагерь — Париж, последняя надежда Франции. Укрепления Парижа представляют из себя самый большой комплекс фортификационных сооружений, когда-либо построенных, но они еще ни разу не подвергались испытанию, и поэтому мнения об их значении не только расходятся, но даже совершенно противоречивы. Рассмотрим действительные факты, относящиеся к этому вопросу, и тогда мы будем иметь прочную основу для наших выводов.

Монталамбер, французский кавалерийский офицер и в то же время выдающийся военный инженер, а быть может, не имеющий себе равного гений, первый предложил и разработал во второй половине XVIII столетия план окружения крепостей отдельными фортами на таких расстояниях, чтобы форты могли защитить крепость от бомбардировки. До него внешние укрепления — цитадели, люнеты и т. д. — были в большей или меньшей степени связаны с крепостной оградой или валом данной крепости, находясь от них едва ли дальше, чем подошва гласиса. Он предложил создать большие и достаточно сильные форты, способные самостоятельно выдерживать отдельную осаду и отстоящие от крепостных валов города на расстоянии от шестисот до тысячи двухсот ярдов и даже более. Во Франции к этой новой теории в течение многих лет относились с презрением, между тем как в Германии, где после 1815 г. нужно было укрепить линию Рейна, она нашла ревностных последователей. Кёльн, Кобленц, Майнц и позже Ульм, Раштатт и Гермерсгейм были окружены отдельными фортами. При этом в планы Монталамбера были внесены небольшие изменения Астером и другими, и, таким образом, возникла новая система фортификации, известная под названием немецкой школы. Постепенно и французы стали замечать

пользу отдельных фортов, и во время работ по укреплению Парижа сразу стало ясно, что бесполезно окружать город огромным поясом крепостных валов, если не прикрыть его отдельными фортами, иначе брешь, проделанная в одном месте крепостного вала, повлекла бы за собой падение всей крепости.

Современные способы ведения войны показали на многих примерах ценность подобных укрепленных лагерей, окруженных поясом отдельных фортот, с главной крепостью в качестве их ядра. Мантуя по своему положению была укрепленным лагерем, таким же лагерем в 1807 г. в большей или меньшей степени был Данциг, и это были единственные крепости, которые задержали Наполеона I. В 1813 г. Данциг снова был в состоянии оказать продолжительное сопротивление благодаря своим отдельным фортам, которые преимущественно состояли из полевых укреплений. Вся кампания Радецкого в 1849 г. в Ломбардии зависела от укрепленного лагеря Вероны, который сам был ядром знаменитого четырехугольника крепостей. Точно так же ход всей Крымской войны зависел от судьбы укрепленного лагеря Севастополя, который держался так долго только потому, что союзники были не в состоянии обложить его со всех сторон и лишить осажденных возможности получать припасы и подкрепления.

На примере Севастополя мы лучше всего можем иллюстрировать нашу мысль, так как размеры его укрепленной площади были больше, чем во всех предыдущих случаях. Но укрепленная площадь Парижа еще гораздо больше, чем Севастополя. Линия его фортот имеет протяжение около 24 миль. Возрастает ли пропорционально сила крепости?

Укрепления сами по себе являются образцовыми. Они чрезвычайно просты: крепостная ограда, составленная из бастионов, даже без единого рavelина перед куртинами; форты по большей части четырехугольные или пятиугольные с бастионами, без каких бы то ни было рavelинов или других внешних укреплений; местами устроены горнверки или кронверки для прикрытия внешних возвышенных участков. Эти укрепления приспособлены не столько для пассивной, сколько для активной обороны. Предполагается, что парижский гарнизон выйдет в поле, использует форты в качестве опорных пунктов для своих флангов и постоянными вылазками в большом масштабе сделает невозможной правильную осаду любой группы из двух или трех фортот. Таким образом, форты защищают гарнизон города от чрезмерно близкого подхода неприятеля, гарнизон же должен защищать форты от осадных батарей; он должен по-

стоянно разрушать работу осаждающих. Добавим, что расстояние фортов от крепостных валов исключает возможность успешной бомбардировки города, пока не будут взяты, по крайней мере, два-три форта. Еще нужно добавить, что расположение города при слиянии Сены и Марны, вследствие чрезвычайной извилистости русла обеих рек и значительной цепи холмов на наиболее опасной северо-восточной стороне, представляет большие естественные преимущества, которые были наилучшим образом использованы при планировании крепостных сооружений.

Если указанные условия могут быть выполнены и двухмиллионное население будет регулярно получать продовольствие, то Париж, несомненно, явится исключительно сильной крепостью. Обеспечить жителей продовольствием — не особенно трудное дело, если взяться за него во-время и проводить его систематически. Весьма сомнительно, было ли это сделано в данном случае. То, что сделано прежним правительством, имеет характер судорожной и даже бессмысленной работы. Накопление запасов живого скота без фуража для него было явной нелепостью. Можно предполагать, что если немцы будут действовать со своей обычной решительностью, то они найдут Париж недостаточно обеспеченным продовольствием для продолжительной осады.

Но что можно сказать о главном условии — об активной обороне, при которой гарнизон выходит из крепости для нападения на неприятеля, вместо того чтобы поражать противника из-за крепостных валов? Чтобы полностью использовать силу своих укреплений и не дать неприятелю возможности воспользоваться слабой стороной крепости — отсутствием прикрывающих внешних укреплений у главных рвов, — Париж должен иметь среди своих защитников регулярную армию. Такова и была основная идея тех, кто разработал план этих укреплений. Они полагали, что разбитая французская армия, раз только ее неспособность удерживаться на поле сражения была установлена, должна отступать к Парижу и участвовать в обороне столицы либо непосредственно в качестве гарнизона, достаточно сильного, чтобы помешать постоянными атаками правильной осаде и даже полному обложению крепости, либо же косвенно, с тем чтобы, заняв позицию за Луарой, пополнить там свои силы и затем, как только представится удобный случай, произвести нападение на слабые пункты осаждающей стороны, которые неизбежно окажутся при такой растянутой линии обложения.

Однако все поведение французского командования в этой войне способствовало тому, чтобы лишить Париж этого единственно

существенного условия его обороны. Из всей французской армии сохранились лишь войска, оставшиеся в Париже, и корпус генерала Винуа (12-й, первоначально Трошю), всего быть может 50 000 человек войска, состоящего главным образом, если не полностью, из четвертых батальонов и мобильной гвардии. К ним можно добавить, пожалуй, еще 20 000—30 000 человек четвертых батальонов и неопределенное количество мобилей из провинций, необученных новобранцев, совершенно непригодных для полевых операций. У Седана мы видели, как ничтожна боевая ценность подобных войск. Несомненно, что они будут более надежными при наличии фортов, к которым они могли бы отойти, а несколько недель обучения, дисциплины и боев, конечно, повысили бы их боеспособность. Но активная защита такой большой крепости, как Париж, требует маневрирования большими силами в открытом поле, правильных боев на известном расстоянии впереди прикрывающих фортот и попыток прорваться через линию обложения или воспрепятствовать ее замыканию. Однако, для того чтобы атаковать более сильного противника, — а для этого требуется быстрота и натиск, и войска должны быть превосходно вымуштрованы для этой цели, — нынешний гарнизон Парижа вряд ли окажется пригодным.

Мы предполагаем, что соединенные Третья и Четвертая германские армии численностью в 180 000 человек появятся у Парижа в течение следующей недели, окружат его летучими отрядами конницы, разрушат железнодорожные пути, а тем самым и все шансы на планомерно развернутое снабжение и подготовят полное обложение, которое будет установлено с прибытием Первой и Второй армий после падения Меца. При этом у немцев останется достаточное количество войск для отправки за Луару, чтобы очистить эту область и помешать всякой попытке создания новой французской армии. Если Париж не сдастся, тогда начнется правильная осада, которая при отсутствии активной обороны может закончиться сравнительно быстро. Таков был бы нормальный ход вещей, если принять во внимание только военные соображения; но положение достигло теперь такого развития, что оно может быть совершенно изменено политическими событиями, предсказывать которые здесь не входит в нашу задачу.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1737, среда, 7 сентября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XVII.

Пока немецкие армии идут на Париж и, достигнув его, положат этим начало новой фазе войны, у нас есть время бросить ретроспективный взгляд на то, что происходило в тылу полевых войск перед крепостями.

Не касаясь Седана, падение которого естественно было связано с капитуляцией армии Мак-Магона, немцы захватили четыре крепости: Ля Птит Пьер и Витри — без единого выстрела, Лихтенберг и Марсаль — после непродолжительной бомбардировки. Бич они просто блокировали; Страсбург они осаждают; Пфальцбург, Туль и Монмеди они бомбардировали пока без результатов; через несколько дней они намерены начать правильную осаду Туля и Меца.

За исключением Меца, защищенного отдельными фортами, отстоящими далеко от города, все остальные крепости, оказавшие сопротивление, подверглись бомбардировке. Это мероприятие всегда являлось составной частью операций правильной осады; в прежние время ее основной целью было разрушение складов продовольствия и боевых припасов осажденных, но с тех пор, как стало обычным хранение их в специально построенных погребах, непроницаемых для бомб, бомбардировка все больше и больше стала применяться для поджога и разрушения возможно большего количества зданий внутри крепости. Уничтожение имущества и продовольствия жителей данного пункта стало средством давления на них, а через них на гарнизон и на коменданта. В тех случаях, когда гарнизон бывал слаб, плохо дисциплинирован и деморализован, когда комендант не был достаточно энергичен, часто одна лишь бомбардировка приводила к сдаче крепости. Так обстояло дело, — особенно в 1815 г. после Ватерлоо, — когда целый ряд крепостей с гарнизонами, состоявшими, главным образом, из Национальной гвардии, сдавался после непродолжительной бомбардировки, не дожидаясь правильной осады. Авен, Гиз, Мобеж, Ландреси, Мариенбург, Филиппвиль и др. — все они пали после нескольких часов, в лучшем случае нескольких дней обстрела. Несомненно, что воспоминание об этих успехах, а также сведения о том, что гарнизоны большинства пограничных крепостей

составлены преимущественно из мобилей и местной Национальной гвардии, натолкнули немцев на мысль испытать еще раз этот способ. Кроме того, введение нарезной артиллерии привело к тому, что гранаты стали почти единственными снарядами даже полевой артиллерии, и теперь сравнительно легче бомбардировать крепость и поджечь ее здания обыкновенными полевыми орудиями любого армейского корпуса, не ожидая, как прежде, прибытия мортир и тяжелых осадных гаубиц.

Хотя бомбардировка частных зданий в крепости и признана современным способом ведения войны, все же не следует забывать, что эта мера всегда является очень суровой и жестокой и к ней не следует прибегать, по крайней мере, без достаточной уверенности добиться сдачи крепости и без известной необходимости. Если бомбардируют такие крепости, как Пфальцбург, Лихтенберг, Туль, то это может быть оправдано тем, что они запирают горные проходы и железные дороги, непосредственное обладание которыми чрезвычайно важно для вторгающегося, причем есть основания ожидать, что результаты скажутся после нескольких дней обстрела. Если два из этих пунктов до сих пор выдерживают осаду, то это тем в большей степени делает честь гарнизону и жителям. Но что касается бомбардировки Страсбурга, предшествовавшей правильной осаде, то здесь дело обстоит совершенно иначе.

Страсбург — город с населением свыше 80 000 человек, окруженный устаревшего типа укреплениями XVI столетия, — был укреплен Вобаном, который построил цитадель вне города, ближе к Рейну, и соединил ее с крепостными валами города непрерывными линиями, что в то время называлось укрепленным лагерем. Так как цитадель командует над городом и способна к самостоятельной обороне после капитуляции города, то самый простой способ захватить цитадель и город — это начать сразу с атаки цитадели, с тем чтобы избежать двух последовательных осад; но укрепления цитадели гораздо сильнее, а ее положение в болотистой низменности близ Рейна настолько затрудняет проведение траншей, что обстоятельства могут, как это обычно и бывает, побудить к предварительной атаке города, с падением которого дальнейшая оборона одной только цитадели в глазах слабого коменданта в значительной мере теряет свой смысл за исключением лишь случая, когда это может обеспечить ему лучшие условия сдачи. Во всяком случае, если будет взят только город, остается еще взять цитадель, и настойчивый комендант сможет продолжать сопротивление и держать под огнем город и расположившегося в нем противника.

Какая была бы польза от бомбардировки города при подобных обстоятельствах? В лучшем случае жители могли бы деморализовать большую часть гарнизона и заставить коменданта покинуть город, перейти со своими отборными солдатами в количестве 3 000—5 000 человек в цитадель, продолжать оттуда оборону и держать город под обстрелом. Характер же генерала Урика (такова, — а вовсе не Ульрих — фамилия этого храброго старого солдата) достаточно хорошо известен, чтобы кто-нибудь мог рассчитывать запугать его и заставить сдать город и цитадель, какое бы количество снарядов ни было выпущено в них. Бомбардировка города, имеющего независимую цитадель, командующую над ним, сама по себе является бессмысленной и бесполезной жестокостью. Конечно, случайные снаряды и нечеткий артиллерийский обстрел при осаде всегда причиняют ущерб осажденному городу, но это ничто в сравнении с разрушением и жертвами среди гражданского населения во время регулярной и систематической шестидневной бомбардировки, которой был подвергнут злосчастный город.

Немцы говорят, что им необходим немедленный захват города по политическим соображениям. Они намерены удержать его за собой после заключения мира. Но если это так, то бомбардировка, жестокость которой не имеет себе равной, была не только преступлением, но и грубейшей ошибкой. В самом деле, прекрасный способ путем поджогов и убийств множества жителей разрывными снарядами добиваться симпатий жителей города, обреченного на аннексию! Ускорила ли бомбардировка сдачу хотя бы на один день? Этого не видно. Если немцы хотят аннексировать город и искоренить симпатии жителей к французам, им следовало бы захватить город посредством возможно более кратковременной правильной осады, а затем осадить цитадель и поставить коменданта перед дилеммой: либо отказаться от некоторых средств обороны, имеющихся в его распоряжении, либо подвергнуть город обстрелу.

Как бы то ни было, огромное количество снарядов, которыми был забросан Страсбург, не заменило необходимости настоящей осады. 29 августа было приступлено к заложению первой параллели на северо-западной стороне крепости, близ Шильтиггейма, на расстоянии 500—650 ярдов от укреплений. 3 сентября вторая параллель (некоторые корреспонденты ошибочно называют ее третьей) была заложена в 330 ярдах; бесцельная бомбардировка была приостановлена приказом прусского короля, и может быть понадобится срок до 17-го или 20-го, чтобы сделать достаточно большую брешь в крепостных валах. Но в данном случае рискованно высказывать

предположения. Это первый пример осады, когда при стрельбе из современных нарезных орудий по каменным сооружениям применяются снаряды с ударными трубками. В своих опытах при уничтожении оборонительных сооружений Юлиха пруссаки достигли необычайных результатов: в каменных стенах брешы были пробиты, а блокады были разрушены обстрелом не только с большой дистанции, но и перекидным огнем (т. е. огнем батарей, с которых не видно цели, по которой производится стрельба); однако это был лишь опыт мирного времени, и он должен был найти себе подтверждение в настоящей войне. Страсбург может служить нам прекрасным примером того, как действует во время осадных операций современная тяжелая нарезная артиллерия, и в этом отношении его осада заслуживает особого внимания.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1739, пятница, 9 сентября 1870 г.*

SECOND ADDRESS OF THE GENERAL COUNCIL
OF
The International Working-Men's Association
ON THE WAR.

TO THE MEMBERS OF THE INTERNATIONAL WORKING-
MEN'S ASSOCIATION

IN EUROPE AND THE UNITED STATES.

In our first manifesto of the 23rd of July we said :—

"The death-knell of the Second Empire has already sounded at Paris. It will end as it began, by a parody. But let us not forget that it is the Governments and the ruling classes of Europe who enabled Louis Napoleon to play during eighteen years the ferocious farce of the *Restored Empire*."

Thus, even before war operations had actually set in, we treated the Bonapartist bubble as a thing of the past.

If we were not mistaken as to the vitality of the Second Empire, we were not wrong in our apprehension lest the German war should "lose its strictly defensive character and degenerate into a war against the French people." The war of defence ended, in point of fact, with the surrender of Louis Bonaparte, the Sedan capitulation, and the proclamation of the Republic at Paris. But long before these events, the very moment that the utter rottenness of the Imperialist arms became evident, the Prussian military camarilla had resolved upon conquest. There lay an ugly obstacle in their way—*King William's own proclamations at the commencement of the war*. In his speech from the throne to the North German Diet, he had solemnly declared to make war upon the Emperor of the French, and not upon the French people. On the 11th of August he had issued a manifesto to the French nation where he said : "The Emperor Napoleon having made, by land and sea, an attack on the German nation which desired and still desires to live in peace with the French people, I have assumed the command of the German armies to *repel his aggression*, and I have been led by *military events to cross the frontiers of France*." Not content to assert the defensive character of the war by the statement that he only assumed the command of the German armies "to *repel aggression*," he added that he was only "led by military events" to cross the frontiers of France. A defensive war does, of course, not exclude offensive operations, dictated by "military events."

Thus this pious king stood pledged before France and the world to a strictly defensive war. How to release him from his solemn pledge? The stage-managers had to exhibit him as giving, reluctantly, way to the irresistible behest of the German nation. They at once gave the cue to the liberal German middle class, with its professors, its capitalists, its aldermen, and its penmen. That middle class, which in its struggles for civil liberty had, from 1846 to 1870, been exhibiting an unexampled spectacle of irresolution, incapacity, and cowardice, felt, of course, highly delighted to bestride the European scene as the roaring lion of German patriotism. It re-vindicated its civic independence by affecting to force upon the Prussian Government the secret designs of that same Government. It does penance for its long-continued and almost religious faith in Louis Bonaparte's infallibility, by shouting for the dismemberment of the French Republic. Let us for a moment listen to the special pleadings of those stout-hearted patriots!

They dare not pretend that the people of Alsace and Lorraine pant for the German embrace : quite the contrary. To punish their French patriotism, Strasbourg, a town with an independent citadel commanding it, has for six days been wantonly and fiendishly bombarded by "German" explosive shells, setting it on fire, and killing great numbers of its defenceless inhabitants! Yet, the soil of those provinces once upon a time belonged to the whilom German Empire. Hence, it seems, the soil and the human beings grown on it must be confiscated as imprescriptible.

ВТОРОЕ ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ВОЙНЕ ¹.

ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ
В ЕВРОПЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В нашем первом воззвании от 23 июля мы сказали: «Похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *реставрированной империи*».

Таким образом, еще раньше, чем начались военные операции, мы уже смотрели на бонапартистский мыльный пузырь, как на дело прошлого.

Мы не заблуждались насчет жизнеспособности Второй империи. Мы не были также неправы в своем опасении, что для Германии «война потеряет свой чисто оборонительный характер и выродится в войну против французского народа». Оборонительная война действительно кончилась сдачей Луи Бонапарта, капитуляцией при Седане и провозглашением республики в Париже. Но еще гораздо раньше этих событий, уже в тот самый момент, когда полная гнилость бонапартистского милитаризма выплыла наружу, прусская военная камарилья решила превратить войну в завоевательную. Правда, *собственная прокламация короля Вильгельма в начале войны* была весьма неприятным препятствием для этих господ. В своей тронной речи к северо-германскому рейхстагу Вильгельм торжественно заявил, что он ведет войну только против французского императора, а не против французского народа. 11 августа он выпустил манифест к французской нации, в котором говорил: «Император Наполеон произвел на море и на суше нападение на немецкую нацию, которая хотела и теперь еще хочет жить в мире с французским

¹ Написано К. Марксом и утверждено на заседании Генерального Совета I Интернационала 9 сентября 1870 г. Перевод дан с текста, изданного отдельной брошюрой на английском языке. *Ред.*

народом; я взял на себя командование немецкой армией, *чтобы отразить его нападение, и ход военных событий* привел меня к тому, *чтобы перейти границы Франции*». Не довольствуясь заявлением, что он взял на себя командование германской армией, «*чтобы отразить нападение*», Вильгельм, чтобы еще больше подтвердить чисто оборонительный характер войны, присовокупил, что только ход военных событий привел его к тому, чтобы перейти границы Франции. Оборонительная война, конечно, вовсе не исключает наступательных операций, продиктованных «ходом военных событий».

Таким образом, этот благочестивый король торжественно обещал пред Францией и пред всем миром вести чисто оборонительную войну. Как же освободить его от этого торжественного обещания? Режиссеры всей этой комедии должны были представить дело так, как будто бы он против своей воли подчиняется неотступным требованиям немецкого народа; для этого они сейчас же дали пароль немецкому либеральному среднему классу с его профессорами и капиталистами, с его депутатами и журналистами. Этот средний класс, который с 1846 по 1870 г. во время борьбы за гражданскую свободу выказал невиданную нерешительность, неспособность и трусость, был, конечно, чрезвычайно восхищен той ролью рыкающего льва немецкого патриотизма, в которой он должен был выступить на европейской сцене. Он надел на себя маску гражданской независимости, чтобы прикинуться, будто он принуждает прусское правительство выполнить тайные планы этого самого правительства. Он раскаивался в своей долголетней и почти религиозной вере в непогрешимость Луи Бонапарта и поэтому громко требовал раздробления французской республики. Остановимся хоть на минутку на благовидных доводах, пущенных в ход этими рыцарями патриотизма.

Они не осмеливаются утверждать, что население Эльзас-Лотарингии тоскует по немецким объятиям. Как раз наоборот. Чтобы наказать Страсбург за чувства патриотизма к Франции, его бесцельно и варварски, — ибо в военном отношении важен не город, а его самостоятельно расположенная командующая над ним цитадель, — бомбардируют в течение шести дней «немецкими» взрывчатыми снарядами, зажигают город и убивают массу беззащитных жителей! Еще бы! Земля под этими провинциями некогда принадлежала давным-давно почившей Германской империи. Не пришлось ли бы на этом основании конфисковать, как не потерявшую давности немецкую собственность, весь земной шар с его населением? Ведь если восстанавливать старую карту Европы, согласно капризам любителей

старины, то не следует ни в коем случае забывать, что в свое время курфюрст Бранденбургский состоял в качестве прусского владетельного князя вассалом польской республики.

Но изворотливые патршоты требуют Эльзаса и немецкой части Лотарингии как «материальной гарантии» против французских нападений. Так как эта гнусная уловка посеяла смуту в головах многих слабоумных людей, мы считаем своей обязанностью подробнее остановиться на ней.

Нет сомнения, что общее расположение Эльзаса и противоположного рейнского берега вместе с наличием, как раз почти на половине дороги между Базелем и Гермерсгеймом, такой большой крепости, как Страсбург, очень облегчает Франции вторжение в Южную Германию, между тем как со стороны Южной Германии, напротив, известным образом благодаря этому затрудняется вторжение во Францию. Нет, далее, сомнения в том, что присоединение Эльзаса и немецкой части Лотарингии сильно укрепило бы границы Южной Германии: она могла бы тогда распоряжаться хребтом Вогезских гор на всем его протяжении и завладеть крепостями, прикрывающими их северяе проходы. Если бы был присоединен также и Мец; то Франция сейчас, несомненно, была бы лишена двух важнейших операционных баз против Германии, но это не помешало бы ей создать новые при Нанси или Вердене. Германия имеет Кобленц, Майнц, Гермерсгейм, Раштатт и Ульм — все операционные базы, направленные специально против Франции. Германия прекрасно воспользовалась ими в последней войне. С какой же тенью права она может завидовать Франции, имеющей в этой области только две значительные крепости — Мец и Страсбург? Кроме того, Страсбург угрожает Южной Германии только до тех пор, пока она разъединена с Северной Германией. С 1792 до 1795 г. Южная Германия ни разу не подвергалась нападению с этой стороны, потому что Пруссия принимала участие в войне против французской революции; но как только Пруссия в 1795 г. заключила свой сепаратный мир и предоставила юг самому себе, начались нападения на Южную Германию и продолжались до 1809 г., причем Страсбург служил операционной базой. В сущности *объединенная* Германия может всегда обезвредить Страсбург и всякую французскую армию в Эльзасе, если она сконцентрирует все свои войска между Саарлуи и Ландау, как это было в настоящей войне, и двинет их вперед или примет бой по пути из Майнца в Мец. До тех пор, пока главная масса немецких войск находится там, всякой французской армии, вступающей из Страсбурга в Южную Германию, грозит опасность быть обойденной и отрезанной

от базы. Если последняя кампания что-нибудь доказала, то именно легкость вторжения во Францию из Германии.

Но, рассуждая честно, разве не является вообще нелепостью и анахронизмом возводить военные соображения в принцип, согласно которому должны определяться национальные границы? Если следовать этому правилу, то Австрия все еще могла бы предъявлять претензию на Венецию, на линию реки Минчио, а Франция — на линию Рейна для защиты Парижа, который безусловно больше подвержен опасности нападения с северо-востока, чем Берлин с юго-запада. Если бы национальные границы определялись военными интересами, то претензиям не было бы конца, ибо всякая военная линия по необходимости имеет свои недостатки и может быть улучшена посредством присоединения новых примыкающих к ней областей; а сверх того эти границы никогда не могли бы быть окончательно и справедливо установлены, ибо каждый раз победитель диктовал бы условия побежденному, и тут, следовательно, был бы уже зародыш новых войн.

С целыми нациями бывает то же самое, что и с отдельными людьми,— этому нас учит вся история. Чтобы отнять у них возможность нападения, нужно лишить их всех средств обороны. Нужно не только схватить их за горло, но и умертвить их. Если когда-нибудь победитель добивался «материальных гарантий», чтобы сломить силу нации, то это сделал Наполеон I своим Тильзитским договором и тем, как он применял его по отношению к Пруссии и к остальной Германии. И все-таки несколько лет спустя все его гигантское могущество рассеялось перед немецким народом, как дым. Но могут ли сравниться «материальные гарантии», которых Пруссия в самых диких мечтах своих надеется добиться от Франции, с теми, которые заполучил Наполеон I от самой Германии? Результаты и на этот раз будут не менее губельны. История воздаст не по числу оторванных от Франции квадратных миль земли, а по величине преступления, состоящего в том, что во второй половине XIX столетия вновь вызвали к жизни *политику завоеваний*.

Защитники тевтонского патриотизма говорят: но вы не должны смешивать немцев с французами. *Мы* хотим не славы, а только безопасности. Немцы — по существу миролюбивый народ. В своей рассудительной защите они даже превращают завоевания из причины будущей войны в залог вечного мира. Конечно, не Германия в 1792 г. вторглась во Францию с возвышенной целью раздавить революцию XVIII столетия при помощи штыков. Как будто не Германия замарала свои руки при порабощении Италии, при подавлении Венгрии

и при разделе Польши. Ее нынешняя милитаристская система, благодаря которой все здоровое мужское население делится на две части — постоянную армию на службе и вторую постоянную армию в запасе, — причем обе обречены на беспрекословное подчинение своему, божьей милостью, начальству, — эта система является, конечно, «материальной гарантией» мира и, кроме того, высшей целью цивилизации! В Германии, как и везде, прихвостни власть имущих отравляют общественное мнение фимиамом лживого самохвальства.

Их, этих немецких патриотов, очень раздражают французские крепости Мец и Страсбург, но они не видят ничего несправедливого в колоссальной системе русских укреплений Варшавы, Модлина и Ивангорода. Содрогаясь перед ужасами бонапартистских нападений, они закрывают глаза на весь позор царской опеки.

Точно так же, как в 1865 г. Луи Бонапарт обменялся обещаниями с Бисмарком, — так в 1870 г. Горчаков обменялся обещаниями с Бисмарком. Точно так же, как Луи-Наполеон льстил себя надеждой, что война 1866 г., истощив все силы обеих сторон — Австрии и Пруссии, сделает его вершителем судеб Германии, так Александр льстил себя надеждой, что война 1870 г., истощив все силы Германии и Франции, даст ему возможность стать вершителем судеб всей Западной Европы. Точно так же, как Вторая империя считала невозможным свое существование рядом с существованием Северо-германского союза, — так самодержавная Россия должна чувствовать для себя опасность со стороны Германской империи с Пруссией во главе. Таков закон старой политической системы. В пределах этой системы выигрыш одного государства является проигрышем для другого. Преобладающее влияние царя на Европу коренится в его традиционном верховенстве над Германией. В тот момент, когда вулканические социальные силы грозят в самой России потрясти самые глубокие основы самодержавия, может ли царь допустить такую потерю своего внешнего престижа? Московские газеты заговорили уже тем языком, которым говаривали бонапартистские газеты после войны 1866 г. Неужели тевтонские патриоты действительно думают, что свобода и мир для Германии будут обеспечены, если они принудят Францию броситься в объятия России? Если военное счастье, опьянение своими успехами и династические интриги толкнут Германию на путь грабительского присвоения французских областей, для нее останутся только два пути: либо она должна во что бы то ни стало сделаться *явным* орудием русской завоевательной политики, либо она должна после короткой передышки начать готовиться к другой «оборонительной» войне, но не к одной из тех вновь изобретенных

«локализованных» войн, а к *войне расовой*, к войне против объединенных славянской и романской рас.

Немецкий рабочий класс, не имея возможности помешать этой войне, энергично поддерживал ее как войну за независимость Германии, за освобождение Франции и всей Европы от гнетущего ига Второй империи. Немецкие промышленные рабочие вместе с сельскими рабочими составляли ядро геройских войск, тогда как дома оставались их полуголодные семьи. Кроме бедствий на поле брани за границей, их ожидают не менее великие бедствия дома от нищеты. И они теперь, в свою очередь, требуют «гарантий» в том, что их неисчислимые жертвы были не напрасны, что они действительно добились свободы, что их победы над армиями Бонапарта не будут превращены, как в 1815 г., в поражение немецкого народа. И в качестве первой такой гарантии они требуют *почетного для Франции мира и признания французской республики*.

Центральный комитет Германской социал-демократической рабочей партии опубликовал 5 сентября манифест, в котором он энергично настаивал на этих гарантиях. «Мы, — говорил он, — протестуем против присоединения Эльзас-Лотарингии. И мы сознаем, что говорим от имени немецкого рабочего класса. В общих интересах Франции и Германии, в интересах мира и свободы, в интересах борьбы западно-европейской цивилизации против восточного варварства немецкие рабочие никак не потерпят присоединения Эльзас-Лотарингии... Вместе с нашими товарищами, рабочими других стран, мы будем твердо и верно стоять за общее международное дело пролетариата!»

К несчастью, мы не можем рассчитывать на их непосредственный успех. Если французские рабочие не могли остановить агрессора в мирное время, то больше ли шансов у немецких рабочих удержать победителя во время военной горячки? Манифест немецких рабочих требует выдачи Луи Бонапарта как обыкновенного преступника в руки французской республики. А их эксплуататоры всеми силами стараются опять усадить его на тюильрийский престол как самого подходящего человека для того, чтобы привести Францию к гибели. Как бы там ни было, история покажет, что немецкие рабочие созданы не из такого дряблого материала, как немецкий средний класс. Они исполнят свой долг.

Вместе с ними мы приветствуем учреждение республики во Франции, но в то же время нас тревожат опасения, которые, будем надеяться, окажутся неосновательными. Эта республика не ниспровергла трон, она только заняла оставленное им пустое место. Она

провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны. Она находится в руках временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое пятно. Разделение труда между членами этого правительства обещает очень мало хорошего. Орлеанисты заняли сильнейшие позиции — армию и полицию, между тем как мнимым республиканцам предоставили функцию болтовни. Некоторые из первых шагов этого правительства довольно ясно показывают, что оно унаследовало от империи не только груды развалин, но также и ее страх перед рабочим классом. Если теперь от имени республики они широковещательно обещают невозможные вещи, то не делается ли это для того, чтобы поднять шум в пользу «возможного» правительства? Не должна ли республика, по замыслу некоторых ее буржуазных заправил, послужить лишь переходной ступенью и мостом к орлеанистской реставрации?

Таким образом, французский рабочий класс находится в самом затруднительном положении. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием. Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг, но они не должны позволить увлечь себя национальными *традициями* 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными *традициями* Первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело — освобождение пролетариата. От их силы и мудрости зависит судьба республики.

Английские рабочие уже сделали некоторые шаги в том направлении, чтобы посредством оздоровляющего давления извне сломить неохоту их правительства признать французскую республику. Теперешней медлительностью английское правительство хочет, должно быть, загладить антиякобинскую войну 1792 г. и ту непристойную поспешность, с которой оно признало государственный переворот Наполеона. Английские рабочие, кроме того, требуют от своего правительства, чтобы оно всеми силами противилось раздроблению Франции, которого бесстыдно требует часть английской печати. Это та самая печать, которая в течение целых двадцати лет боготворила Луи Бонапарта как провидение Европы и которая восторженно

аплодировала мятежу американских рабовладельцев. Теперь, как и тогда, она ратует за интересы рабовладельцев.

Пусть же секции *Международного Товарищества Рабочих* призовут рабочий класс во всех странах к деятельному выступлению. Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, землевладения и капитала.

Vive la République! [Да здравствует республика!]

Генеральный совет:

Роберт Эппльгарт; Мартин Т. Бун; Фред. Бредник; Кэйхиль; Джон Хейлз; Вильям Хейлз; Джордж Гаррис; Фрид. Лесснер; Легрелье; Б. Лекрафт; Джордж Милнер; Томас Моттерсхед; Чарльз Мэррей; Джордж Обзер; Джеймс Парнелль; Пфендер; Рюль; Жозеф Шеффер; Кауелл Степни; Столл; Шмутц.

Секретари-корреспонденты:

Эжен Дюпон — для Франции; *Карл Маркс* — для Германии и России; *О. Серрайе* — для Бельгии, Голландии и Испании; *Герман Юнг* — для Швейцарии; *Джованни Бора* — для Италии; *Зеве Морис* — для Венгрии; *Антон Жабицкий* — для Польши; *Джеймс Коен* — для Дании; *И. Г. Эккариус* — для Соединенных Штатов.

Вильям Таунсенд, председатель.

Джон Уэстон, казначей.

И. Георг Эккариус, генеральный секретарь.

Office — 256, High Holborn,
London, W. C., 9 сентября 1870 г.

РАСЦВЕТ И УПАДОК АРМИЙ.

Когда Луи-Наполеон, опираясь на голоса крестьян и на штыки их сыновей, солдат армии, основал империю, «которая означала мир», эта армия не занимала особо выдающегося положения в Европе, разве только по традиции. С 1815 г. наступил мир — мир, нарушенный для некоторых армий событиями 1848 и 1849 гг. Австрийцы провели удачную кампанию в Италии и неудачную кампанию в Венгрии; ни Россия в Венгрии, ни Пруссия в Южной Германии не стяжали лавров, достойных упоминания; Россия вела непрерывную войну на Кавказе, а Франция в Алжире. Но с 1815 г. не было случая, чтобы крупные армии встречались друг с другом на поле сражения. Луи-Филипп оставил после себя французскую армию далеко не в блестящем состоянии; правда, к алжирским войскам, особенно к излюбленным им частям, созданным в известной мере для африканских войн, — пешие стрелки, зуавы, тюркосы, африканские конные стрелки — относились с большим вниманием, но главная масса пехоты, кавалерия и материальная часть во Франции были в полном пренебрежении. Состояние армии не улучшилось в период республики. Но появилась империя, которая означала мир и — «*si vis pacem, para bellum*» (если хочешь мира, готовься к войне) — армия для нее сразу стала предметом особого внимания. В то время Франция обладала значительным количеством сравнительно молодых офицеров, занимавших высокие посты в Африке, когда там еще происходили серьезные бои. Французские алжирские специальные войска, несомненно, не имели равных себе в Европе. У Франции среди множества наемных заместителей призывников было гораздо больше, чем у какой-либо другой континентальной державы, профессиональных солдат-служаков, настоящих, побывавших в боях ветеранов. Надо было только поднять, насколько возможно, основную массу войск до уровня специальных частей. Это и было в значительной степени достигнуто. «Гимнастический шаг» («беглый» шаг у англичан), до того времени применявшийся только в этих специальных частях, сделан был обязательным для всей пехоты, и, таким образом, была достигнута быстрота маневрирования, до

того времени неизвестная в армиях. Кавалерия была снабжена, по мере возможности, лучшими лошадьми; материальная часть всей армии была проверена и пополнена. И, наконец, началась Крымская война. Организация французской армии обнаружила большие преимущества по сравнению с английской; благодаря численному соотношению союзных армий большая часть славы — какова бы она ни была, — естественно, выпала на долю французов; самый характер войны, в которой центральное место занимала осада крупной крепости, показал в наилучшем свете свойственный французам математический талант, примененный их военными инженерами. В итоге Крымская война снова подняла французскую армию до уровня первой армии в Европе.

Затем наступило время винтовки и нарезной пушки. Несравненное превосходство огня нарезного ружья над огнем гладкоствольного ружья привело к упразднению последнего, а в некоторых случаях к общей переделке его в нарезное. Пруссия заменила свои старые ружья винтовками меньше чем в год; Англия постепенно вооружила всю пехоту винтовками Энфильда, а Австрия превосходными мелкокалиберными винтовками (Лоренца). Одна лишь Франция сохранила старые гладкоствольные ружья, а винтовки попрежнему предназначались только для специальных частей. В то время как основная масса ее артиллерии сохраняла короткоствольные 12-фунтовые орудия, — это любимое изобретение императора, уступавшее, однако, в мощности старой артиллерии ввиду меньшего веса заряда, — было сформировано некоторое число батарей из 4-фунтовых нарезных пушек, которые держали в готовности на случай войны. Их конструкция была несовершенна, так как, с тех пор как в XV веке стали делать огнестрельное оружие, это были первые нарезные орудия; но их действие значительно превосходило действие любой из существовавших тогда гладкоствольных полевых пушек.

Таково было положение, когда вспыхнула итальянская война. Австрийская армия привыкла действовать спустя рукава; крепкий нажим редко ей удавался; в сущности это была многочисленная армия и больше ничего. В числе ее командиров имелись несколько из наилучших и очень много из самых худших генералов того времени. Большая часть последних была выдвинута на высокие командные посты благодаря придворным влияниям. Промахи австрийских генералов, более сильное честолюбие французского солдата дали французской армии довольно нелегко доставшуюся победу. Маджента не дала никаких трофеев; Сольферино дало лишь немного; а в силу политических событий занавес опустился, прежде чем

выступила на сцену настоящая трудность войны — борьба за четырехугольник крепостей.

После этой кампании французская армия считалась образцовой в Европе. Если после Крымской войны «beau idéal» [«идеалом»] пехотинца стали французские пешие стрелки, то теперь это восхищение было распространено на всю французскую армию в целом. Ее учреждения изучались; ее лагеря стали инструкторскими школами для офицеров всех наций. Почти вся Европа непоколебимо уверовала в непобедимость французской армии. Тем временем Франция переделала в нарезные все свои старые гладкоствольные ружья и вооружила всю свою артиллерию нарезными пушками.

Однако та же кампания, которая выдвинула французскую армию на первое место в Европе, дала толчок стремлениям, в результате которых у нее появился сначала соперник, а затем и победитель. С 1815 по 1850 г. прусская армия пережила такой же процесс ослабления от бездействия, как и все остальные европейские войска; но эта «ржавчина» мирного времени в Пруссии повредила ее боевой механизм больше, чем где бы то ни было. По прусской системе того времени в каждой бригаде был объединен один линейный полк и один полк ландвера; таким образом, в случае мобилизации половину полевых войск приходилось формировать заново. Материальная часть линейных войск и ландвера сделалась крайне недостаточной; среди ответственных лиц наблюдались частые случаи мелких хищений. В общем, когда в 1851 г. конфликт с Австрией принудил Пруссию произвести мобилизацию, вся система провалилась самым жалким образом, и Пруссии пришлось пройти сквозь «Кавдинские ущелья». Ценой больших расходов вся материальная часть была немедленно заменена, вся организация армии была пересмотрена, но это коснулось только одних деталей. Когда в 1859 г. итальянская война вызвала новую мобилизацию, материальная часть была уже в лучшем состоянии, хотя и тогда еще не в полном комплекте; а ландвер, настроение которого было превосходным на случай национальной войны, оказался совершенно недисциплинированным для военной демонстрации, которая могла привести к войне с той или иной из воюющих стран. Было решено произвести реорганизацию армии.

Эта реорганизация, которая была проведена за спиной парламента, сохраняла все тридцать два пехотных полка ландвера под ружьем, пополняя постепенно их ряды увеличенным набором рекрутов, и, наконец, переформировала их в линейные полки, число которых возросло с 40 до 72. Артиллерия была соответственно увеличена,

кавалерия тоже, но в гораздо меньшей степени. Это увеличение армии было приблизительно пропорционально приросту населения Пруссии с 1815 по 1860 г., которое возросло с $10\frac{1}{2}$ до $18\frac{1}{2}$ миллионов человек. Несмотря на оппозицию второй палаты, эта реорганизация фактически осталась в силе. Помимо этого армия сделалась более боеспособной во всех отношениях. Это была первая армия, в которой вся пехота была вооружена винтовками. Заряжающаяся с казны игольчатая винтовка, которой до тех пор была вооружена только небольшая часть пехоты, была теперь введена во всех ее частях, причем был заготовлен запас этих винтовок. Опыты с нарезными орудиями, которые велись в течение нескольких лет, были закончены, и принятые образцы постепенно заменили гладкоствольные пушки. Чрезмерная плацпарадная муштра, унаследованная от чопорного старого Фридриха-Вильгельма III, все больше и больше уступала место лучшей системе подготовки, при которой, главным образом, практиковались служба сторожевого охранения и действия в стрелковых цепях, причем образцами в обоих случаях служили, в первую очередь, французские алжирские войска. Для отдельно действующих батальонов ротная колонна была принята как главное боевое построение. Большое внимание было уделено стрельбе по мишеням, и были достигнуты превосходные результаты. Кавалерия также была значительно улучшена. В течение многих лет серьезное внимание было обращено на коневодство, особенно в Восточной Пруссии — в стране крупных конных заводов — было ввезено много чистокровных арабских производителей, и результаты оказались превосходными. Лошадь Восточной Пруссии, уступающая по росту и скорости английской кавалерийской лошади, значительно превосходит ее как военная лошадь и в пять раз более вынослива в походной обстановке. Специальное обучение офицеров, которое в течение долгого времени находилось в большом пренебрежении, было снова поднято до требуемого высокого уровня, и в целом вся прусская армия совершенно изменилась. Датской войны было достаточно, чтобы показать всем, кто был в состоянии понять, что дело обстояло именно так; но люди не хотели понимать этого. Тогда раздался громовой удар 1866 г., и не понимать это стало уже больше невозможно. Вслед за этим прусская система была принята северогерманской армией и в основных чертах также армиями Южной Германии; результаты показали, как легко было ввести эту новую систему. Затем наступил 1870 год.

Но в 1870 г. французская армия была уже не та, что в 1859 г. Хищения, спекуляция, всеобщие злоупотребления общественным по-

ложением ради личных интересов — все то, что составляло основу системы Второй империи, охватило и армию. Если Осман и его шайка нажили миллионы на огромной парижской афере, если весь департамент общественных работ, если каждый договор, заключаемый правительством, каждая гражданская должность открыто и бесстыдно превращались в средство ограбления народа, как могла армия одна оставаться добродетельной, армия, которой Луи-Наполеон был обязан всем, армия, управляемая людьми, которые точно так же любили богатство, как и более удачливые штатские придворные прихлебатели? А когда стало известно, что правительство, получая откупные деньги от граждан, подлежащих призыву на военную службу, не тратит их на наем заместителей, — факт безусловно известный каждому строевому офицеру; когда начались расхищения всякого рода казенных средств с целью составить фонды, секретно выплачиваемые военным министерством императору; когда в силу этого высшие должности в армии должны были оставаться за теми, кто был посвящен в эту тайну и кого поэтому нельзя было смещать, что бы они ни делали и как бы они ни пренебрегали своими обязанностями, — тогда деморализация распространилась и на строевых офицеров. Мы далеки от утверждения, что хищения общественного достояния были обычным явлением среди них; но презрение к своим начальникам, манкирование службой и упадок дисциплины были неизбежными последствиями. Если бы начальники внушали уважение, разве офицеры осмеливались бы, как это обычно делалось, ездить во время похода в каретах? Вся система прогнила насквозь; атмосфера коррупции, в которой жила Вторая империя, захватила, наконец, и главную опору этой империи — армию; и в час испытания эта армия не могла противопоставить противнику ничего кроме славных традиций и врожденной храбрости солдат, а этого одного недостаточно для того, чтобы армия продолжала оставаться перwokлассной.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1740, суббота, 10 сентября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XVIII.

Как видно, все еще существует совершенно неправильное представление об осадных действиях, которые ведутся теперь во Франции. Некоторые органы печати, например «Times», склоняются к мысли, что немцы, хотя и отличаются искусством в полевых операциях, не умеют вести осады; другие считают, что осада Страсбурга ведется не столько с целью овладеть городом, сколько в целях приобретения опыта и предоставления практики германским инженерам и артиллеристам. И все это говорится потому, что ни Страсбург, ни Туль, ни Мец, ни Пфальцбург до сих пор не сдались. Совершенно забыто, очевидно, что последняя осада, которая велась до этой войны, осада Севастополя, потребовала одиннадцати месяцев осадных траншейных работ, прежде чем крепость принуждена была к сдаче.

Чтобы исправить такие неправильные представления, которые могут быть только у людей, не знакомых с военным делом, необходимо напомнить им, что представляет собой на самом деле осада. Валы большинства крепостей имеют бастионы, т. е. у них по углам имеются пятиугольные выступы, называемые бастионами, защищающие своим огнем как пространство впереди укреплений, так и ров, расположенный непосредственно у их подножия. В этом рву между каждыми двумя бастионами имеется отдельное треугольное укрепление, называемое рavelинем и прикрывающее часть бастионов и куртину, т. е. часть ограды между ними; ravelин окружен рвом. На внешней стороне главного рва находится прикрытый путь — широкая дорога, защищенная гребнем гласиса, т. е. земляной насыпи высотой около семи футов, постепенно понижающейся с внешней стороны до уровня местности. Во многих случаях добавляются и другие сооружения, чтобы увеличить трудности штурма. Валы всех этих укреплений облицованы у основания каменной кладкой или защищены водой во рвах, чтобы сделать невозможным штурм неповрежденных укреплений; укрепления же расположены так, что внутренние всегда командуют над наружными, т. е. находятся выше последних, а наружные своими валами командуют, в свою очередь, над окружающей местностью.

Для наступления на такую крепость все еще пользуются методом, усовершенствованным Вобаном, хотя нарезная артиллерия осажденных может заставить видоизменить этот метод, если местность перед крепостью совершенно открыта на большом протяжении. Но так как почти все эти крепости были построены в период господства гладкоствольной артиллерии, то местность на расстоянии более 800 ярдов от укреплений обычно не принималась в расчет, и почти всегда возможен скрытый подход осаждающих до этой дистанции без обычных траншей. Следовательно, прежде всего необходимо обложить крепость, отеснить ее сторожевое охранение и другие отряды, произвести разведку укреплений, расположить осадные орудия, боевые и прочие припасы и организовать склады снабжения. В нынешней войне первая бомбардировка полевыми орудиями также относилась к этому первоначальному периоду, который может длиться продолжительное время. Страсбург был окружен небольшими силами 10 августа, около 20-го он был обложен плотным кольцом, бомбардирован с 23-го по 28-е, но правильная осада началась только 29-го. Эта правильная осада начинается с момента заложения первой параллели, т. е. траншеи, обращенной земляной насыпью к крепости так, чтобы скрывать и защищать людей, проходящих по ней. Эта первая параллель обычно окружает укрепления крепости на расстоянии от 600 до 700 ярдов. В ней устраиваются анфиладные батареи; они помещаются на продолжении всех фасов, т. е. тех линий валов, огонь с которых обстреливает впереди лежащую местность; и это производится против всей той части крепости, которая намечена для штурма. Назначение таких батарей — вести стрельбу вдоль крепостных фасов и таким способом уничтожать орудия и выводить из строя артиллеристов. Для этого требуется по меньшей мере двадцать анфиладных батарей двух- или трехорудийного состава, примерно всего до пятидесяти тяжелых орудий. Обычно в первой параллели устанавливалось также некоторое количество мортир для бомбардировки города или непроницаемых для бомб складов гарнизона; при нынешнем состоянии артиллерии они требуются только для последней цели, для первой же в настоящее время достаточно нарезных пушек.

От первой параллели прокладываются траншеи, но только по таким линиям, чтобы продолжение их не доходило до крепостных укреплений и, таким образом, ни одно из укреплений не могло бы открыть по ним анфиладного огня; траншеи прокладываются зигзагообразно вперед на расстоянии около 350 ярдов от укреплений, и тогда закладывается вторая параллель — траншея, подобная

первой, но несколько короче ее. Обычно это делается на четвертые или пятые сутки после начала траншейных работ. Во второй параллели устраиваются контрбатареи, по одной против каждого из атакуемых фасов и почти параллельно им с целью уничтожить орудия и разрушать валы непосредственно перед собой, а также скрещивать свой огонь с огнем анфиладных батарей. Все это потребует приблизительно 60 орудий крупного калибра. Затем осаждающие снова продвигаются вперед зигзагами, которые становятся все короче и ближе друг к другу по мере приближения к крепости. Примерно в 150 ярдах от укреплений закладывается полупараллель для мортирных батарей, а у основания гласиса, на расстоянии около 60 ярдов от укрепления — третья параллель, в которой также устанавливаются мортирные батареи. Это может быть закончено на девятые или десятые сутки после начала постройки траншей.

На таком близком расстоянии от укреплений начинаются настоящие трудности. К этому времени артиллерийский огонь осажденных, поскольку он командует над открытой местностью, будет уже почти подавлен, но ружейный огонь с крепостных валов теперь становится более действителен, чем когда-либо, и очень сильно замедляет работу в траншеях. Апроши должны теперь устраиваться с гораздо большей осторожностью и по иному плану, который мы не можем изложить здесь подробно. Одиннадцатые сутки могут привести осаждающих к исходящим углам прикрытого пути, прямо против выступов бастионов и рavelинов; а на шестнадцатые сутки они могут окончательно достигнуть вершины гребня гласиса, т. е. устроить свои траншеи вдоль этого гребня, параллельно прикрытому пути. Лишь тогда они окажутся в состоянии установить батареи для разрушения каменной кладки валов таким образом, чтобы обеспечить переход через ров в крепость и заставить замолчать орудия на флангах бастионов, которые обстреливают ров анфиладным огнем и препятствуют переходу через него. Эти фланкирующие укрепления с их орудиями могут быть разрушены, и брешь может быть пробита на семнадцатый день. На следующие сутки может быть закончен спуск в ров, устройство прикрытого прохода через него для защиты штурмовой части от фланкирующего огня и может быть начат штурм.

В этом очерке мы пытались дать обзор хода осадных операций против одного из самых слабых и простых типов крепостей (шестиугольник Вобана) и установить время, необходимое для различных стадий осады, если они не нарушались успешными вылазками, при условии, что оборона не проявляет исключительной активности,

решительности или находчивости. Однако даже при таких благоприятных обстоятельствах, как мы видим, это потребует по меньшей мере 17 дней, прежде чем в главных крепостных валах будут проделаны бреши и крепость тем самым будет открыта для штурма. Если численность гарнизона достаточна и он хорошо снабжен, то с военной точки зрения нет никаких причин, которые заставили бы его капитулировать раньше этого срока; с чисто военной точки зрения простой долг обязывает осажденных продержаться, по крайней мере, в течение такого времени. Между тем публика высказывает недовольство, что Страсбург, который лишь в течение 14 дней подвергался правильной осаде, который имеет на атакуемом фронте внешние укрепления, дающие ему возможность продержаться по крайней мере на пять дней дольше среднего срока, что Страсбург все еще не взят. Она недовольна тем, что Мец, Туль и Пфальцбург все еще не сдались. Но мы ведь не знаем, приступлено ли к сооружению хотя бы одной траншеи против Туля, а о других крепостях нам известно, что они еще вовсе не подвергались правильной осаде. Что касается Меца, то, повидимому, в данный момент никто не намеревается подвергать его правильной осаде. Наиболее действительным средством для овладения им является, повидимому, взятие армии Базэна измором. Нетерпеливые литераторы должны знать, что очень мало найдется таких комендантов крепостей, которые сдадутся разъезду из четырех улан или даже под действием бомбардировки, если в их распоряжении имеются мало-мальски достаточный гарнизон и военные запасы. Если Штеттин сдался в 1807 г. кавалерийскому полку, если французские пограничные крепости в 1815 г. капитулировали после непродолжительной бомбардировки или даже из страха перед ней, то мы не должны забывать, что Вёрт и Шпихерн, вместе взятые, не равнялись ни Иене, ни Ватерлоо и что, кроме того, было бы нелепо сомневаться в том, что во французской армии имеется очень много офицеров, которые могут выдержать правильную осаду даже с гарнизоном, состоящим из мобилей.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1744, четверг, 15 сентября 1870 г.*

КАК РАЗБИТЬ ПРУССАКОВ.

После итальянской войны 1859 г., когда военная мощь Франции достигла своего зенита, принц Фридрих-Карл Прусский, тот самый, который теперь осаждает армию Базэна в Меце, написал брошюру «Как разбить французов». В настоящее время, когда огромные военные силы Германии, организованные по прусской системе, сметают все на своем пути, люди начинают задавать себе вопрос: кто же в будущем и каким образом разобьет пруссаков. И когда война, в начале которой Германия только оборонялась против французского шовинизма, как видно, превращается постепенно, но верно, в войну в интересах нового германского шовинизма, этим вопросом стоит заняться.

«Провидение всегда на стороне больших батальонов», — таков был излюбленный способ Наполеона I объяснять, как выигрываются и проигрываются сражения. И Пруссия действовала по этому принципу. Она позаботилась обзавестись «большими батальонами». Когда в 1807 г. Наполеон запретил ей содержать армию численностью свыше 40 000 человек, она стала распускать своих рекрутов после шестимесячного обучения и на их место призывать новых людей; и в 1813 г. она оказалась в состоянии выставить на фронт армию в 250 000 солдат при населении в четыре с половиной миллиона. Впоследствии тот же самый принцип краткосрочной действительной службы и длительного пребывания в запасе был более полно разработан и, кроме того, приведен в соответствие с потребностями абсолютной монархии. Людей оставляли на действительной военной службе от двух до трех лет не только для того, чтобы хорошо обучить их военному делу, но также для того, чтобы вымуштровать их и приучить к безусловному повиновению.

В этом-то и заключается слабое место прусской системы. Она должна примирить две различные и, в конце концов, совершенно несовместимые задачи. С одной стороны, она претендует на то, чтобы каждого физически здорового мужчину сделать солдатом; иметь постоянную армию, единственная цель которой быть школой, где граждане учатся владеть оружием, и одновременно быть тем ядром, вокруг которого они сплачиваются в случае нападения извне. С этой стороны, эта система чисто оборонительная. Но, с другой

стороны, эта самая армия должна быть вооруженной поддержкой, главной опорой квази-абсолютистского правительства; для этой цели школа военного обучения граждан должна быть превращена в школу абсолютного повиновения начальству, в школу монархических чувств. Этого можно достигнуть только продолжительным сроком службы. Вот тут и становится очевидной несовместимость этих двух задач. Оборонительная внешняя политика требует обучения большого количества людей в короткий срок, чтобы располагать многочисленным резервом на случай нападения извне; внутренняя же политика требует подготовки ограниченного числа людей в течение более продолжительного времени, чтобы иметь надежную армию в случае внутреннего восстания. Квази-абсолютная монархия избрала средний путь. Она оставляла людей целых три года на действительной службе и ограничивала число призываемых сообразно своим финансовым средствам. Хваленая всеобщая воинская обязанность на деле не существует. Она превращена в рекрутский набор, отличающийся от набора в других странах лишь большей строгостью. Этот набор стоит больше денег, требует больше людей, оставляет их в запасе армии на значительно больший период, чем где бы то ни было. В то же самое время то, что первоначально представляло собою народ, вооруженный для собственной обороны, теперь превратилось в послушную армию, готовую для нападения, в орудие олигархической политики правительства.

В 1861 г. население Пруссии несколько превышало 18 миллионов человек, и ежегодно 227 000 молодых людей по достижении ими двадцатилетнего возраста подлежали призыву на военную службу. Добрая половина из них была физически годна для службы, если не сразу, то, по крайней мере, спустя один-два года. Но вместо 114 000 рекрутов в ряды армии ежегодно принималось не больше 63 000; таким образом, почти половина физически пригодного мужского населения освобождалась от военной подготовки. Всякий, побывавший в Пруссии во время войны, должен был быть поражен огромным количеством крепких, сильных парней в возрасте от 20 до 32 лет, которые преспокойно оставались дома. То состояние «временного отсутствия признаков жизни», которое специальные корреспонденты заметили в Пруссии во время войны, существует только в их собственном воображении.

С 1866 г. число ежегодно призываемых в Северо-германском союзе не превышало 93 000 человек при населении в 30 000 000. Если бы произвести полный отбор всех физически здоровых молодых мужчин, то, даже после самого строгого медицинского осмотра,

было бы отобрано по меньшей мере 170 000. С одной стороны, интересы характера династического, с другой — интересы характера финансового обусловили это ограничение числа призываемых. Армия оставалась послушным орудием для целей абсолютизма внутри страны и для войн за границей в интересах правящей олигархии; но далеко не все силы нации, которые можно было использовать для обороны, были организованы.

Эта система все же содержит в себе огромное преимущество перед устарелой кадровой системой других больших континентальных армий. По сравнению с ними Пруссия призывала вдвое больше солдат при таком же количестве населения. И она сумела подготовить из них хороших солдат своей системой, которая истощала ее ресурсы и с которой народ никогда не примирился бы, если бы не вечная угроза рейнской границе со стороны Луи-Наполеона и не стремление к объединению Германии, для чего, как это инстинктивно чувствовалось, эта армия была необходимым орудием. Но как только Рейн и объединение Германии будут обеспечены, эта военная система должна стать невыносимой.

Здесь мы находим ответ на вопрос, «Как разбить пруссаков». Если бы нация с таким же количеством населения, столь же способная, храбрая и цивилизованная, провела на деле то, что в Пруссии сделано только на бумаге, превратила бы каждого физически здорового гражданина в солдата; если бы эта нация ограничила срок действительной службы в мирное время тем, что действительно необходимо для обучения; если бы она сохранила штатную организацию военного времени тем же путем, как это в последнее время сделала Пруссия, — тогда, говорим мы, эта нация приобрела бы такое же огромное преимущество над опруссаченной Германией, какое опруссаченная Германия имела над Францией в этой войне. По мнению первоклассных прусских авторитетов (включая и генерала фон Роона, военного министра) двухгодичного срока службы вполне достаточно для превращения деревенского парня в хорошего солдата. С разрешения педантичных офицеров его величества мы склонны даже сказать, что для подготовки массы призываемых достаточно было бы восемнадцати месяцев, т. е. двух летних и одного зимнего периода. Но фактическая продолжительность службы — вопрос второстепенный. Пруссаки, как мы видели, достигали великолепных результатов после шестимесячной службы, притом с людьми, которые только что перестали быть крепостными. Главное состоит в том, чтобы действительно провести в жизнь принцип всеобщей воинской обязанности.

И если война будет продолжаться до ее печального конца, за который ратуют теперь немецкие филистеры, т. е. до расчленения Франции, то мы можем быть уверены, что французы примут этот принцип. До сих пор они были воинственной, но не военной нацией. Они ненавидели службу в своей армии, основанной на кадровой системе с продолжительным пребыванием в войсковых частях и небольшим количеством обученных резервов. Они очень охотно будут служить в армии с коротким сроком действительной службы и долгосрочным пребыванием в резерве, они сделают даже больше, если это даст им возможность смыть позор и восстановить целостность Франции. И тогда «большие батальоны» будут на стороне Франции, а производимое ими действие будет таким же, как и в нынешней войне, если только Германия не примет той же системы. Но тут будет разница вот в чем: подобно тому как прусская система ландвера была прогрессивной по сравнению с французской кадровой системой, так как она сократила срок службы и увеличила количество людей, способных защищать свою страну, так точно и эта новая система действительно всеобщей воинской обязанности будет шагом вперед по сравнению с прусской системой. Во время войны вооруженные силы колоссально увеличатся, но армии мирного времени станут меньше; каждый гражданин страны будет лично, а не через заместителя, участвовать в бою при разрешении конфликтов своих правителей; оборона станет сильнее, а наступление сделается более трудным делом, и самое увеличение армии в конечном счете приведет к сокращению расходов и превратится в гарантию мира.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1746, суббота, 17 сентября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XIX.

Укрепления Парижа уже показали свою ценность. Лишь благодаря им немцы не могли овладеть городом в течение больше чем недели. В 1814 г. полудневный бой у высот Монмартра принудил город к капитуляции. В 1815 г. ряд земляных укреплений, воздвигнутых с началом кампании, создал некоторую задержку; но сопротивление их было бы очень непродолжительным, если бы у союзников не было абсолютной уверенности в том, что город будет сдан им без боя. В теперешней войне немцы требовали от дипломатии лишь одного, чтобы она не вмешивалась в их военные действия. И эти самые военные действия, быстрые, энергичные и решительные до середины сентября, стали медлительными, колеблющимися, робкими с того дня, когда германские колонны вступили в сферу действия Парижа, этого огромного укрепленного лагеря. И это вполне естественно. Одно только обложение такого обширного города требует времени и осторожности, если даже вы приближаетесь к нему с армией в 200 000 или 250 000 человек. Данного количества сил едва ли будет достаточно для настоящей блокады его со всех сторон, хотя бы, как в данном случае, город и не имел армии, пригодной для больших сражений в открытом поле. Что такой армии в Париже нет, лучше всего было доказано плачевными результатами вылазки генерала Дюкро около Медона. Здесь линейные войска вели себя положительно хуже мобилей, они действительно «удирали» во главе с знаменитыми зуавами. Это легко объяснить. Старые солдаты, главным образом солдаты корпусов Мак-Магона, де Файи и Феликса Дув, сражавшиеся при Вёрте, были совершенно деморализованы в результате двух катастрофических отступлений и шести недель постоянных неудач; вполне естественно, что такие условия влияют гораздо сильнее на наемных солдат, потому что зуавы, состоящие, главным образом, из наемных заместителей привывников, не заслуживают другого названия. А при помощи этих людей надеялись придать устойчивость необученным рекрутам, которыми были пополнены поредевшие линейные батальоны. После этого случая можно ожидать мелких вылазок, которые могут быть

кое-где успешны, но едва ли будут какие-нибудь бои в открытом поле.

Есть еще одно обстоятельство: немцы говорят, что их орудия господствуют над Парижем с высот, расположенных близ Со (Sceaux), но это надо еще проверить. Ближайшие высоты, на которых они могли установить свои батареи на Фонтенэ-о-Роз, отстоят на 1 500 метров от форта Ванв и, следовательно, от центра города находятся на расстоянии 8 000 метров или 8 700 ярдов. У немцев нет более мощной полевой артиллерии, чем так называемые нарезные шестифунтовые орудия (вес снаряда — около 15 фунтов), но даже если бы у них имелись нарезные двенадцатифунтовые орудия со снарядами в 32 фунта, то наибольшая дальнбойность этих орудий не превышала бы 4 500—5 000 метров при тех углах возвышения, которые допускают их лафеты. Следовательно, вышеприведенное хвастовство не должно запугать парижан. Пока не будут взяты по меньшей мере два форта, Парижу нечего бояться бомбардировки; но и тогда снаряды так сильно рассеивались бы по огромному пространству города, что разрушения оказались бы сравнительно незначительными, а моральное действие почти ничтожным. Посмотрите на огромную массу артиллерии, которую применяли против Страсбурга; насколько больше артиллерии потребуется, чтобы принудить Париж к сдаче, если даже мы примем во внимание, что правильное наступление при помощи параллелей будет, разумеется, произведено против незначительного участка линии крепостных укреплений! А до тех пор, пока немцы не смогут стянуть к стенам Парижа всю эту артиллерию со снарядами и всеми прочими припасами, Париж находится в безопасности. Только с того момента, когда будут готовы все средства для осады, появится действительная опасность.

Теперь мы ясно видим, какова истинная мощь укреплений Парижа. Если бы к этой пассивной мощи, простой силе сопротивления, присоединилась активная мощь — сила наступления настоящей армии, то ценность первой немедленно возросла бы. В то время как войска осаждающих неизбежно разделены реками Сеной и Марной, по крайней мере на три отдельные части, которые не могут сообщаться друг с другом иначе как через мосты, построенные в тылу их боевых позиций, т. е. только посредством кружных путей, пользование которыми сопряжено с потерей времени, — основная масса армии Парижа могла бы обрушиться превосходными силами на любую из этих трех частей по своему выбору, нанести ей урон, разрушить все начатые укрепления и удалиться под прикрытие фортов раньше, чем подкрепления осаждающих успели бы подойти. Если бы

имеющаяся в Париже армия не была слишком слаба по сравнению с силами осаждающих, она могла бы воспрепятствовать полному обложению, либо прорвать его во всякое время. А насколько необходимо полное обложение осажденного пункта, если этот пункт имеет возможность получать подкрепления извне, это видно на примере Севастополя, где осада затягивалась исключительно благодаря постоянному подходу русских подкреплений через северную часть крепости, доступ к которой был отрезан только в самый последний момент. Чем больше будут разворачиваться события под Парижем, тем очевиднее станет полная безрассудность императорских генералов во время этой войны, безрассудность, из-за которой были принесены в жертву две армии, а Париж оставлен без главного средства защиты, без силы, способной отвечать ударом на удар.

Что касается снабжения такого большого города продовольствием, то трудности кажутся нам даже меньшими, чем в случае осады небольших пунктов. Столица, подобная Парижу, не только располагает хорошей торговой организацией для своего снабжения продовольствием во всякое время, но одновременно является главным рынком и складочным пунктом, где собираются и обмениваются земледельческие продукты обширного района. Энергичное правительство легко могло бы, пользуясь этими преимуществами, принять меры к заготовке обильных запасов на все время осады средней продолжительности. Было ли это сделано, мы не имеем возможности судить, но мы не видим причин, почему бы это не могло быть сделано и притом быстро.

Как бы то ни было, но если борьба будет продолжаться «до печального конца», как об этом нам сейчас говорят, сопротивление, вероятно, не будет длительным после начала правильной осады. Каменная кладка эскарпов почти открыта для обстрела, а отсутствие рavelинов перед куртинами благоприятствует продвижению осаждающих и устройству брешей в крепостной ограде. Малый размер фортов допускает только ограниченное число защитников; их сопротивление атаке, если только оно не поддерживается выдвиганием войск через промежутки между фортами, не может быть серьезным. Но если траншеи могут быть доведены до гласиса фортов, не будучи разрушены вылазками парижской армии, то этот факт доказывает, что армия слишком слаба численно, организационно или морально, чтобы произвести успешную вылазку накануне штурма.

После взятия хотя бы двух фортов следует ожидать, что город откажется от безнадежной борьбы. Если же нет, то осадные опера-

ции, вероятно, будут повторены, будет сделано несколько брешей, и городу снова будет предложено сдаться. Если это предложение будет снова отклонено, тогда может наступить такая же безнадежная борьба на баррикадах. Будем надеяться, что город будет избавлен от таких бесполезных жертв.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1754, вторник, 27 сентября 1870 г.*

ИСТОРИЯ ПЕРЕГОВОРОВ ¹.

Мы вполне допускаем, что история переговоров, сообщенная нами вчера нашим читателям, в том виде, как ее передает г. Жюль Фавр, соответствует действительности, за исключением, конечно, небольших погрешностей, вроде того, например, что Бисмарк якобы собирается аннексировать Мец, Шато-Сален и «Суассон». Г-н Фавр, очевидно, не имеет представления о географическом положении Суассона. Граф говорил о Саарбурге, поскольку в отношении этого города давно уже указывали, что через него проходит новая стратегическая пограничная линия, тогда как Суассон находится настолько же в стороне от нее, как Париж или Труа. Г-н Фавр, может быть, не вполне точен в передаче отдельных выражений этого разговора. Но когда он сообщает факты, оспариваемые официальной прусской прессой, то нейтральная Европа обыкновенно предпочитает верить его заявлениям. Таким образом, если в Берлине сейчас оспаривают то, что г. Фавр сказал о сдаче Мон Валерьена, то мало найдется людей, которые поверят, что г. Фавр или выдумал это или совершенно неправильно понял графа Бисмарка.

Сообщение, сделанное г. Фавром, слишком ясно показывает, как мало он понимал действительное положение вещей и какими смутными и неясными были его собственные взгляды в этом отношении. Он явился, чтобы вести переговоры о перемирии, которое должно было привести к миру. Мы охотно извиняем его предположение, что Франция все еще в состоянии заставить своих врагов отказаться от всяких притязаний на территориальные уступки; но трудно сказать, на каких условиях он надеялся добиться прекращения военных действий. Пунктами, на которых, в конце концов, настаивали немцы, были сдача Страсбурга, Туля и Вердена, причем гарнизоны их становились военнопленными. На сдачу Туля и Вердена, повидимому, более или менее соглашались. Но Страсбург?

¹ Свидание Фавра с Бисмарком произошло 18—20 сентября 1870 г. Упоминаемая здесь вначале заметка была напечатана в № 1757 «Pall Mall Gazette» от 30 сентября. *Ред.*

Это требование было принято г. Фавром просто-напросто как оскорбление: «Граф, вы забываете, что вы говорите с французом. Пожертвовать героическим гарнизоном, поведением которого восхищался весь мир, а мы в особенности, было бы малодушием, и я обещаю не говорить о том, что вы предложили нам такое условие». Мы видим, что фактическое положение вещей учитывается очень мало, в этом ответе нет ничего кроме вспышки патриотического чувства. Поскольку в Париже это чувство действительно чрезвычайно сильно, с ним, разумеется, в такой момент нельзя было не считаться; но следовало бы также хорошенько взвесить имеющиеся налицо факты. Страсбург достаточно подвергался правильной осаде, чтобы создалась полная уверенность в его скором падении. Крепость, подвергаясь правильной осаде, может сопротивляться в течение определенного времени; чрезвычайными усилиями она даже может продлить свою оборону на несколько дней; но если армия не придет ей на выручку, то математически ясна неизбежность ее падения. Трошю и весь военно-инженерный персонал в Париже отлично знают это; они знают, что нигде нет армии, которая пришла бы на помощь Страсбургу; и все-таки Жюль Фавр, коллега Трошю по участию в правительстве, повидимому, всего этого не учитывает. Единственное, что он увидел в требовании сдачи Страсбурга, — это оскорбление для себя, для страсбургского гарнизона и французского народа. Но главные заинтересованные стороны — генерал Урик и его гарнизон — несомненно, сделали достаточно для защиты своей чести. Избавить их от последних нескольких дней абсолютно безнадежной борьбы, если бы таким способом можно было улучшить слабые шансы Франции на спасение, было бы для них не оскорблением, а вполне заслуженной наградой. Генерал Урик, несомненно, предпочел бы сдаться по приказу, полученному от своего правительства, на более или менее выгодных условиях, чем сдаться под угрозой штурма и без получения чего-либо взамен.

Тем временем Туль и Страсбург пали, а Верден, поскольку Мец держится, немцам в военном отношении ни на что не нужен. Таким образом, они и без согласия на перемирие получили почти все, о чем Бисмарк торговался с Жюлем Фавром. В итоге могло бы казаться, что никогда еще победитель не предлагал перемирия на более умеренных и великодушных условиях и никогда еще оно не было более безрассудно отвергнуто побежденным. Конечно, нельзя сказать, чтобы Жюль Фавр блистал умом в этих переговорах, хотя инстинкт г. Фавра, повидимому, оказался правильным; зато Бисмарк выступает в новой роли великодушного победителя.

Предложение в том виде, как его понял г. Фавр, было исключительно выгодным, и если бы оно было только тем, что Фавр о нем думал, его следовало бы принять немедленно. Но в предложении было нечто большее, чем то, что он в нем усматривал.

Между двумя армиями, находящимися на поле битвы, перемирие устанавливается легко. Назначается демаркационная линия — быть может, полоса нейтральной территории между двумя воюющими сторонами — и дело сделано. Но тут на поле битвы находится только одна армия; другая, поскольку она все еще существует, заперта в крепостях, которые в большей или меньшей степени подвергнуты обложению. Что же произойдет со всеми этими крепостями? Каково будет их положение во время перемирия? Бисмарк старается не сказать обо всем этом ни слова. Если бы двухнедельное перемирие было заключено и в нем ничего не было бы сказано относительно этих городов, то, само собой разумеется, должно было бы сохраняться «status quo» [существующее положение], исключая враждебные действия против гарнизонов и укреплений. Таким образом, Бич, Мец, Пфальцбург, Париж и, кто знает, сколько других крепостей были бы попрежнему обложены и отрезаны от всякого снабжения и коммуникаций; находящиеся в них люди продолжали бы съедать свои запасы так же, как если бы никакого перемирия не было, и, таким образом, перемирие дало бы осаждающим почти то же, что им дала бы продолжающаяся борьба. Более того, может даже случиться, что во время перемирия у одной или у нескольких из этих крепостей истощатся все запасы, и им придется немедленно сдаться осаждающим, чтобы избежать голодной смерти. Отсюда вытекает, что граф Бисмарк, хитрый, как всегда, понимал, как использовать перемирие для того, чтобы принудить крепости противника к сдаче. Конечно, если бы переговоры зашли так далеко, что привели бы к выработке проекта соглашения, французский штаб обнаружил бы это и обязательно выставил бы такие требования в отношении обложенных городов, что вся эта затея, вероятно, провалилась бы. Но г. Жюль Фавр со своей стороны должен был основательно рассмотреть предложения Бисмарка и обнаружить его скрытые замыслы. Если бы он спросил, каково же будет во время перемирия положение обложенных городов, он не предоставил бы графу Бисмарку возможности похвастаться перед всем миром своим воображаемым великодушием, лживость которого г. Фавр не смог вскрыть, хотя сделать это было вовсе нетрудно. Вместо этого он так возмущился требованием сдачи Страсбурга с его гарнизоном в качестве военнопленных, что всему миру становится ясным, что даже после

суровых уроков двух последних месяцев представитель французского правительства не способен оценить фактическую обстановку, потому что он все еще находится под властью фразы (sous la domination de la phrase).

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1758, суббота, 1 октября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XX.

Если даже учесть фактическое уничтожение французской армии в результате непостижимых промахов, то все же представляется поразительным тот факт, что Франция оказалась в полной власти победителя, захватившего едва лишь одну восьмую ее территории. Часть страны, действительно занятая немцами, ограничена линией, проходящей от Страсбурга до Версаля и от Версаля до Седана. Внутри этой узкой полосы территории французы еще удерживают крепости Париж, Мец, Монмеди, Верден, Тионвиль. Бич и Пфальцбург. Наблюдением за этими крепостями, их блокадой или осадой заняты почти все силы, которые до сих пор были посланы во Францию. Возможно, что у немцев остается достаточно конницы для набегов на территорию вокруг Парижа до Орлеана, Руана и Амьена, а, быть может, и дальше; но о серьезной оккупации какого-нибудь обширного района в настоящий момент и думать нечего. Правда, в Эльзасе, к югу от Страсбурга, сейчас находится около 40 000 или 50 000 войск ландвера, и численность этой армии может быть удвоена присоединением большей части осадного корпуса из-под Страсбурга. Эти войска, повидимому, предназначаются для продвижения в южную часть Франции; утверждают, что они должны двинуться на Бельфор, Безансон и Лион. Каждая из этих трех крепостей представляет собой большой укрепленный лагерь с отдельными фортами на значительном расстоянии от главного крепостного вала; осада или даже серьезная блокада всех этих трех крепостей сразу потребовала бы большего количества войск, чем то, каким располагает эта армия. Поэтому мы считаем, что это утверждение—простая уловка и что новая германская армия уделит этим крепостям лишь минимальное внимание, она вступит в долину Соны, в богатейшую часть Бургундии, и объест ее, а затем двинется к Луаре, чтобы установить связь с армией, окружающей Париж, и получить назначение в зависимости от обстоятельств. Но даже эта сильная группа войск, пока она не имеет непосредственной связи с армией, находящейся под Парижем, для того чтобы быть в состоянии обходиться без прямой и самостоятельной связи с Рейном, даже эта сильная группа войск

используется только для простых набегов. и она не сможет удержать в своем подчинении обширную территорию. Таким образом, в течение ближайших двух недель ее операции не усилят фактической власти немцев над французской территорией, которая сводится попрежнему к одной восьмой всей территории Франции; и все-таки Франция, хотя она и не хочет этого признать, фактически завоевана. Как же это стало возможным?

Главной причиной этого является чрезмерная централизация всей административной системы Франции, особенно военной. Еще недавно Франция была разделена для военных целей на двадцать три округа; почти каждый из них содержал гарнизоны, состоящие из одной дивизии пехоты с придачей кавалерии и артиллерии. Между командующими этими дивизиями и военным министерством не было промежуточного звена. Кроме того, эти дивизии были чисто административными, а не военными организациями. Составлявшие их полки не предполагалось сводить во время войны в бригады; они только в мирное время подчинялись в административном отношении одному и тому же генералу. В случае войны их могли послать в совершенно различные армейские корпуса, дивизии или бригады. Дивизионного штаба, кроме административного, или штаба, состоящего лично при командующем генерале, вообще не существовало. При Луи-Наполеоне эти двадцать три дивизии были объединены в шесть армейских корпусов, каждый под командой маршала Франции. Но эти армейские корпуса, так же как и дивизии, не были постоянными формированиями на случай войны. Они были организованы для политических, а не для военных целей. Постоянного штаба у них не было. Они были полной противоположностью прусским армейским корпусам, каждый из которых имеет постоянную организацию для военного времени с определенной нормой пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск, а также с военным, санитарным, судебным и административным штатом, готовым для военных операций. Во Франции административная часть армии (интендантство и т. д.) получала приказы не от маршала или командующего генерала, а непосредственно из Парижа. Если при таких условиях Париж становится парализованным, если сообщение с ним будет отрезано, то в провинциях не останется никакого организационного ядра; они будут парализованы точно так же и даже, может быть, в большей степени, поскольку освященная давностью зависимость провинций от Парижа и его инициативы благодаря долгой привычке стала неотъемлемой частью национального символа веры, восставать против которого не только преступление, но и святотатство.

За этой основной причиной следует другая, хотя и второстепенная, но вряд ли менее важная для данного вопроса; суть ее в том, что вследствие внутреннего исторического развития Франции ее центр находится в опасной близости к ее северо-восточной границе. Триста лет тому назад этот момент играл еще гораздо большую роль. Париж тогда лежал на окраине страны. Почти непрерывный ряд войн против Германии и Испании, пока последняя владела Бельгией, имел своей целью прикрыть Париж более значительным пространством завоеванной территории по направлению к востоку и северо-востоку. С того времени, как Генрих II захватил в 1552 г. три епископства — Мец, Туль и Верден, до революции были завоеваны и присоединены к Франции — Артуа, часть Фландрии и Эно, Лотарингия, Эльзас и Монбельяр для того, чтобы служить буферами, которые примут на себя первый удар, направленный против Парижа. Мы должны признать, что почти все эти провинции по своей расовой принадлежности, языку и обычаям были предопределены для того, чтобы сделаться неотъемлемою частью Франции, и что Франция благодаря, главным образом, революции 1789—1798 гг. сумела всецело ассимилировать и остальные. Но даже и теперь Париж опасно обнажен. От Байонны до Перпиньяна и от Антиб до Женевы сухопутная граница страны находится на значительном расстоянии от Парижа. От Женевы через Базель до Лаутербурга в Эльзасе это расстояние не меняется; граница образует дугу, описанную из Парижа как из центра и имеющую одинаковый радиус в 250 миль. Но в Лаутербурге граница уходит от дуги и образует внутри ее хорду, которая в одном месте находится только в 120 милях от Парижа. «Опасность начинается там, где Рейн нас покидает», сказал в своем шовинистическом труде о границах Франции Лавале. Но если мы продолжим дугу в северном направлении от Лаутербурга, то мы заметим, что она почти точно идет по течению Рейна до моря. Вот в чем настоящая причина французских притязаний на весь левый берег этой части Рейна. Только после приобретения этой границы Париж будет прикрыт с его наиболее обнаженной стороны равно отстоящими границами, с рекой в качестве пограничной линии в придачу. И Франция, несомненно, получила бы право на это, если бы безопасность Парижа в военном отношении была руководящим принципом европейской политики. К счастью, дело обстоит не так; и если Франция хочет иметь своей столицей Париж, то она должна примириться с его невыгодными сторонами, так же как с его преимуществами; а одним из его недостатков является то, что оккупация небольшой части Франции, включая Париж, парализует всю

жизненную деятельность страны. Но если дело обстоит так, что Франция, хотя ее столица случайно находится в незащищенном положении, не получает все же права на Рейн, то Германии следовало бы помнить, что военные соображения подобного характера дают и ей не больше прав на французскую территорию.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1759, понедельник, 3 октября
1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXI.

Если верить сообщениям, посланным на аэростате из Парижа, этот город обороняется несметными силами. Там находится от 100 000 до 200 000 человек мобилей из провинций; 250 батальонов парижской Национальной гвардии, каждый из которых насчитывает 1 500, а некоторые говорят до 1 800 или 1 900 человек, т. е. по самому умеренному подсчету 375 000 человек; там же находится, по крайней мере, 50 000 человек линейных войск, кроме морской пехоты, матросов, партизан и т. д. И, как гласит последнее сообщение, если все это количество выйдет из строя, то за ним стоят еще 500 000 горожан, способных носить оружие и готовых в случае надобности занять их место.

Под Парижем находится немецкая армия, состоящая из шести северо-германских армейских корпусов (4-го, 5-го, 6-го, 11-го, 12-го и гвардии), двух баварских корпусов и вюртембергской дивизии, всего восемь с половиной корпусов, насчитывающих приблизительно от 200 000 до 230 000 человек, во всяком случае не больше. И все же эта немецкая армия, несмотря на то, что она растянута по линии обложения не меньше чем на восемьдесят миль, как известно, сдерживает эту несметную силу внутри города, отрезывает ее снабжение, охраняет все дороги и тропинки, ведущие из Парижа, и до сих пор победоносно отражает все вылазки гарнизона. Чем же это объяснить?

Во-первых, вряд ли можно сомневаться в том, что сведения об огромном количестве вооруженных людей в Париже являются вымышленными. Если это число в 600 000 вооруженных людей, о котором так много говорят, уменьшить до 350 000 или 400 000, то мы окажемся ближе к истине. Все же нельзя отрицать того, что внутри Парижа находится гораздо больше вооруженных людей для его обороны, чем вне Парижа для наступления.

Во-вторых, боеспособность защитников Парижа чрезвычайно неодинакова. Из них мы можем считать действительно надежными войсками лишь морскую пехоту и матросов, которые теперь занимают внешние форты. Линейные войска — остатки армии Мак-Магона,

пополненные резервистами, большая часть которых необученные рекруты, — показали в бою 19 сентября у Медона, что они деморализованы. Мобили — сами по себе хороший материал — лишь теперь проходят первоначальное обучение; они плохо обеспечены офицерским составом и вооружены тремя различными образцами винтовок: винтовкой Шаспо, переделанной и неперделанной винтовкой Минье. Никакие усилия, никакие стычки с неприятелем не могут дать им в имеющийся в их распоряжении короткий срок той стойкости, которая одна помогла бы им сделать то, что от них главным образом требуется: встретить и разбить противника в открытом поле. Основным недочетом в организации мобилей является недостаток опытных руководителей, офицеров и унтер-офицеров, препятствующий превращению их в хороших солдат. И все же они, повидимому, являются лучшим элементом в обороне Парижа; они, по крайней мере, готовы подчиняться дисциплине. Местная Национальная гвардия имеет чрезвычайно смешанный состав. Батальоны из предместий, состоящие из рабочих, будут охотно и достаточно решительно сражаться; они будут повиноваться и проявят своего рода инстинктивную дисциплину, если только ими будут руководить люди, пользующиеся лично и политически их доверием; никаким другим начальникам они не будут повиноваться. Кроме того, они не обучены и не имеют опытных офицеров, и если на самом деле решительный бой не будет происходить на баррикадах, то их лучшие боевые качества не найдут применения. Но значительная часть Национальной гвардии, сформированная Паликао, состоит из буржуазии, преимущественно из мелких лавочников, а эти люди принципиально не хотят воевать. Когда они вооружены, то считают своей обязанностью караулить свои лавки и дома; если же их дома и лавки подвергнутся обстрелу со стороны неприятеля, стреляющего с дальних расстояний, то их воинственный пыл, по всей вероятности, очень быстро угаснет. К тому же они представляют собой силу, организованную для борьбы не столько с внешним врагом, сколько с внутренним. Все их прошлые традиции говорят об этом, и девять десятых из них убеждены, что такой внутренний враг именно в данный момент скрывается в самом сердце Парижа и ждет только удобного случая, чтобы напасть на них. Большинство из них женатые люди, не привыкшие к лишениям и опасностям; и, на самом деле, они уже ворчат на суровость службы, которая вынуждает их проводить одну из трех ночей под открытым небом на крепостных валах города. Среди таких войск можно найти роты и даже батальоны, которые при особых обстоятельствах могут вести себя храбро;

но, если взять их в целом, на них нельзя положиться, в особенности для регулярной и утомительной службы.

Неудивительно, что при таком гарнизоне Парижа окружающие его немецкие войска, несмотря на свою малочисленность и разбросанность, не боятся никаких вылазок оттуда. В самом деле, все сражения, происходившие до сих пор, показывают, что парижская армия (если только ее можно так назвать) не способна для полевых операций. Первое большое наступление на блокирующие войска 19 [сентября] было достаточно характерно. Корпус генерала Дюкро, состоявший из 30 000 или 40 000 человек, был скован на полтора часа двумя прусскими полками (7-м и 47-м) до тех пор, пока на помощь к ним не подошли два баварских полка, а другая баварская бригада не обрушилась на фланг французов; последние в беспорядке отступили, оставив в руках неприятеля редут, вооруженный восемью орудиями, и большое количество пленных. Численность немецких войск, участвовавших в этом бою, не могла быть больше 15 000 человек. С того времени вылазки французов производились совершенно иначе. Они отказались от всякого намерения вступать в открытые бои; они ограничиваются высылкой небольших частей для нападения на сторожевое охранение и на другие мелкие отряды; если же бригада, дивизия или более крупное французское соединение выдвигается за линию фортов, то они ограничиваются лишь простой демонстрацией. Цель этих боев не столько нанесение ущерба неприятелю, сколько тренировка рекрутов в ведении боя. Несомненно, что последние постепенно приобретут боевые навыки, но лишь незначительная часть огромной массы людей, сосредоточенных в Париже, может получить практику при действиях в таком небольшом масштабе.

Воззвание генерала Трошю от 30 сентября, выпущенное после сражения 19-го, отчетливо показывает, что он достаточно осведомлен о характере войск, находящихся под его командованием. Он, конечно, приписывает вину почти исключительно линейным частям, а к мобильной гвардии относится очень снисходительно; но это только доказывает, что он считает ее (и правильно считает) лучшей частью войск, находящихся под его командой. Как его воззвание, так и перемена тактики, принятая с тех пор, определенно доказывают, что у него нет иллюзий относительно пригодности его войск для операций в открытом поле. Он должен кроме того знать, что все прочие силы, оставшиеся у Франции под именем Лионской армии, Луарской армии и т. д., все они такого же состава, как его собственные войска, и что поэтому он не может рассчитывать на снятие блокады или осады

Парижа армией, явившейся ему на выручку. Поэтому кажутся странными полученные сведения, будто Трошю в совете министров возражал против предложения начать мирные переговоры. Сообщение, наверное, исходит из Берлина, источника ненадежного для беспристрастной информации относительно того, что происходит внутри Парижа. Но как бы то ни было, мы не можем поверить, что Трошю питает надежды на успех. По своим взглядам на организацию армии в 1867 г. он был решительным сторонником полного четырехлетнего срока службы в войсках и трехлетнего пребывания в запасе, как это было при Луи-Филиппе. Он даже считал срок службы, принятый у пруссаков, — два или три года — совершенно недостаточным для подготовки хороших солдат. Ирония истории ставит его теперь в положение, когда он ведет войну с совершенно сырыми, почти необученными и недисциплинированными людьми против тех самых пруссаков, которых он только накануне считал лишь полуподготовленными солдатами; и это после того, как эти пруссаки в один месяц разгромили всю регулярную армию Франции.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1762, четверг, 6 октября 1870 г.*

ПРИНЦИПЫ ПРУССКОЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ.

Несколько недель тому назад мы указывали, что прусская система набора в армию далека от совершенства. Она претендует на то, чтобы из каждого гражданина сделать солдата. Армия, по официальному прусскому выражению, это — не что иное, как «школа, в которой вся нация воспитывается для войны», а между тем лишь очень небольшой процент населения проходит эту школу. Мы теперь возвращаемся к этому вопросу, чтобы иллюстрировать его несколькими точными цифрами.

Согласно данным прусского статистического бюро, с 1831 по 1854 г. фактически ежегодно принималось в армию в среднем 9,84% молодых людей призывного возраста; ежегодно оставалось 8,28% годных для службы; совершенно негодных к службе вследствие физических недостатков — 6,40%; временно негодных, подлежащих переосвидетельствованию в следующем году, 53,28%; остальные или отсутствовали или были отнесены к различным категориям в таких количествах, что о них не стоит здесь говорить. Таким образом, на протяжении этих двадцати четырех лет через национальную военную школу прошло менее одной десятой части молодых граждан; и это называется «вооруженным народом»!

За 1861 г. имеются следующие цифры: молодых людей 20 лет, призыва 1861 г., было 217 438; молодых людей предыдущих призывов, отпущенных до особого распоряжения, — 348 364; всего — 565 802. Из них отсутствовало 148 946, или 26,32%; совершенно негодных к службе — 17 727, или 3,05%; зачисленных в резерв запаса, т. е. освобожденных от службы в мирное время, но обязанных явиться во время войны, — 76 590, или 13,50%; освобожденных вследствие временной негодности для будущего переосвидетельствования — 230 236, или 40,79%; освобожденных по другим причинам — 22 369, или 3,98%; оставалось годных к службе 69 934 человека, или 12,36%; а из них только 59 459, или 10,50%, были действительно призваны в ряды армии.

С 1866 г. процент ежегодно призываемых в армию, несомненно, стал выше, но он не мог увеличиться в сколько-нибудь значительной

степени; в настоящее время в лучшем случае 12 или 13% мужского населения Северной Германии проходят военную службу. Это, конечно, находится в сильном противоречии с восторженными описаниями «специальных корреспондентов» во время мобилизации в Германии. По их словам, каждый физически здоровый мужчина надевал мундир, брал на плечо винтовку или садился верхом на коня; всякого рода деловая жизнь замирала: фабрики и лавки закрывались, урожай оставался на полях необработанным; фактически все производство приостанавливалось и вся торговля забрасывалась, наступало состояние «временного отсутствия признаков жизни». Если бы такое состояние невероятного национального напряжения продолжалось хотя бы несколько месяцев, это неизбежно должно было бы привести к полному истощению сил всей нации. Превращение гражданского населения в солдат производилось, конечно, в таких размерах, о которых люди, живущие вне Германии, не имели никакого представления; но если те же самые писатели посмотрят на Германию теперь, после того как свыше миллиона людей оторвано от гражданской жизни, то они увидят, что фабрики работают, урожай убран, лавки и конторы открыты. Если производство вообще приостановилось, то приостановилось оно из-за недостатка заказов, а не вследствие недостатка рабочих рук; на улицах можно видеть немало здоровых парней, настолько же годных для ношения оружия, как и те, которые ушли воевать во Францию.

Вышеприведенные цифры объясняют все. Численность людей, прошедших через армию, конечно, не превышает 12% всего взрослого мужского населения. Поэтому при мобилизации не может быть призвано больше 12%, и целых 88% населения остается дома; часть из них, если война продолжится, будет, конечно, призвана для пополнения потерь, причиненных сражениями и болезнями. Это составит еще 2—3% за полгода; все же огромное большинство мужчин никогда не будет призвано. «Вооруженный народ» — это сплошной обман.

Причину этого мы указывали раньше. До тех пор, пока прусская династия и прусское правительство будут продолжать свою традиционную политику, им нужна армия, являющаяся послушным орудием этой политики. Согласно опыту Пруссии, необходима трехгодичная служба в рядах армии для подготовки среднего гражданина к такому рода службе. Даже самые упрямые военные педанты Пруссии никогда серьезно не утверждали, что пехотинцы, — а они составляют главную массу армии, — не смогут усвоить всех своих

военных обязанностей в два года; но, как указывалось в дебатах в Палате с 1861 по 1866 г., истинный военный дух и привычка к безусловному повиновению приобретаются только на третьем году. А теперь, при установлении определенной суммы военного бюджета, чем дольше люди служат, тем меньше рекрутов может быть взято в солдаты. В настоящее время при трехгодичном сроке службы в армию ежегодно вступает 90 000 рекрутов; при двухгодичном — 135 000 человек; при восемнадцатимесячном ежегодно может быть призвано и обучено 180 000. Что для этого имеется достаточное количество физически годных людей, ясно уже из приведенных нами цифр, и это станет еще более очевидным из последующего. Мы видим, таким образом, что фраза «вооруженный народ» прикрывает в действительности создание большой армии в целях ведения олигархической внешней и реакционной внутренней политики. «Вооруженный народ» не был бы подходящим орудием для целей Бисмарка.

Население Северо-германского союза несколько меньше 30 000 000. Численность армии военного времени составляет в круглых цифрах 950 000 человек, т. е. лишь 3,17% населения. Число молодых людей, ежегодно достигающих двадцатилетнего возраста, составляет около 1,23% населения, т. е. 360 000. Из них, если судить по опыту мелких германских государств, половина пригодна для действительной службы тотчас же или через два года; это составляет 180 000 человек. Из остальных значительная часть пригодна для несения гарнизонной службы; но их мы в данный момент не будем принимать в расчет. Прусская статистика, повидимому, расходится с этими данными, но статистические данные Пруссии по очевидным причинам должны группироваться так, чтобы дать результат, который можно было бы внешне совместить с иллюзией о «вооруженном народе». Однако и здесь истина обнаруживается. В 1861 г., кроме 69 934 человек, годных для службы в армии, имелось 76 590 человек, зачисленных в эрац-резерв, что составляет общее количество пригодных к службе 146 524 человека, из которых только 59 459, или 40%, были зачислены в ряды армии. Во всяком случае, мы можем с полной уверенностью признать, что половина призываемых пригодна к службе в армии. В таком случае 180 000 рекрутов могли бы ежегодно вступать в ряды армии с двенадцатилетним пребыванием в запасе, как в настоящее время. Это дало бы армии 2 160 000 обученных солдат, количество, больше чем вдвое превышающее нынешнюю армию, даже если принять во внимание убыль вследствие смерти и других причин. Если же другая половина призывников до двадцатипятилетнего возраста была бы снова

освидетельствована, то из них можно было бы набрать еще 500 000—600 000, если не больше, хороших войск для несения гарнизонной службы. От 6 до 8% населения, заранее обученного и дисциплинированного, подлежащего призыву в случае нападения, кадровый состав для которого содержался бы и в мирное время, как это и теперь практикуется, — вот это действительно был бы «вооруженный народ»; но это не была бы армия для ведения войн в интересах правящей олигархии, для завоеваний или для реакционной политики внутри страны.

Все же это было бы просто превращением прусских фраз в действительность. Если одно лишь подобие вооруженного народа обладало такой силой, то какой же мощью обладал бы подлинный вооруженный народ? И мы можем быть уверены в том, что Франция в той или иной мере превратит это подобие в действительность, если Пруссия принудит ее к этому, настаивая на завоеваниях. Она организуется в нацию солдат и через несколько лет сможет так же удивить Пруссию подавляющей численностью своих войск, как этим летом Пруссия удивила весь мир. Но разве Пруссия не может сделать того же? Конечно, но тогда она перестанет быть нынешней Пруссией. Она выиграет в силе обороны и потеряет в силе нападения; у нее будет больше солдат, но ими нельзя будет так легко распоряжаться, для того чтобы производить нападение в начале войны; Пруссии пришлось бы отказаться от всякой мысли о завоеваниях, а что касается ее нынешней внутренней политики, то последняя подверглась бы серьезной опасности.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1764, суббота, 8 октября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXII.

В одной из наших предыдущих заметок мы обращали внимание читателей на тот факт, что даже теперь, после падения Страсбурга, почти вся огромная германская армия во Франции целиком использована, несмотря на то, что вторгшиеся войска заняли лишь меньше одной шестой части территории страны. Вопрос этот настолько значителен, что мы считаем необходимым к нему вернуться.

Мед с армией Базэна, запертой внутри пояса его фортов, требует восьми армейских корпусов (1-й, 2-й, 3-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, гессенская дивизия, дивизия ландвера генерала Куммера); всего это составляет шестнадцать пехотных дивизий. Семнадцать пехотных дивизий (гвардейский корпус, 4-й, 5-й, 6-й, 11-й, 12-й северогерманские, 1-й и 2-й баварские корпуса и вюртембергская дивизия) заняты осадой Парижа. Вновь сформированные 13-й и 14-й корпуса, состоящие большей частью из ландвера, и несколько отрядов из вышеупомянутых корпусов оккупируют завоеванную территорию и держат под своим наблюдением, блокируют или осаждают лежащие на ней укрепленные пункты, которые все еще находятся в руках французов. Для активных операций можно располагать только 15-м корпусом (баденская дивизия и, по крайней мере, одна дивизия ландвера), освободившимся вследствие капитуляции Страсбурга. Этот корпус должен получить пополнение свежими частями ландвера и затем предпринять в более южном направлении некоторые операции, характер которых все еще определенно неизвестен.

В настоящий момент эти силы включают почти все регулярные войска, имеющиеся в распоряжении Германии, за одним очень важным исключением, именно за исключением четвертых батальонов линейной пехоты. В противоположность тому, что было во время австрийской войны, когда они были двинуты против неприятеля, эти 114 батальонов на этот раз оставлены внутри страны; согласно их первоначальному назначению, они служат в качестве кадров для обучения и формирования команд, предназначенных для пополнения потерь, понесенных их соответственными полками в боях или от болезней. Как только батальон, состоящий из тысячи че-

людей, достаточно обучен для участия в боях, его отсылают на соединение с тремя полевыми батальонами полка; в широком масштабе это проводилось в середине сентября, после жестоких боев у Меца. Но офицеры и унтер-офицерский состав батальона остаются дома, образуя кадры, готовые к тому, чтобы принять и подготовить к боям новую тысячу человек, взятых из эрзац-резерва или из очередного рекрутского набора. Эта мера была абсолютно необходимой во время такой кровопролитной войны как настоящая, конца которой нельзя с уверенностью предсказать; но в данный момент она лишает Германию возможности использовать в действующей армии 114 батальонов и соответственное количество кавалерии и артиллерии, в общей сложности 200 000 человек. Не говоря об этом, оккупация менее чем одной шестой части территории Франции и осада двух крупных крепостей на этой территории, Меца и Парижа, требуют всех немецких войск, так что для дальнейших операций вне завоеванной уже территории у немцев остается самое большее 60 000 человек. И это в то время, когда у Франции совершенно отсутствует армия, способная оказать серьезное сопротивление.

Если вообще нужны были доказательства того огромного значения, которое в современной войне имеют большие укрепленные лагеря с крепостью в качестве их основного ядра, то здесь они налицо. В одной из наших дальнейших заметок мы покажем, что оба укрепленных лагеря, о которых идет речь, вовсе не были достаточно хорошо использованы осажденными. Гарнизон Меца чересчур велик, если принять в расчет размеры и значение этой крепости, а в Париже почти совсем нет армии, годной для маневренной войны. И все-таки первая из этих крепостей приковывает к себе, по крайней мере, 240 000 человек, а вторая 250 000 человек войск противника; и, если бы у Франции было за Луарой хотя бы 200 000 настоящих солдат, осада Парижа стала бы невозможной. К несчастью для Франции, у нее этих 200 000 человек нет; и очень мало вероятно, что они во-время будут собраны, организованы и дисциплинированы. Таким образом, падение этих двух крупных центров обороны является вопросом только нескольких недель. До сих пор армия Меца поддерживала свою дисциплину и проявляла свои боевые качества изумительно хорошо, но постоянный отпор, который встречают ее атаки, должен, в конце концов, отнять всякую надежду на избавление. Французские солдаты—превосходные защитники крепостей, и они могут перенести поражение во время осады гораздо лучше, чем поражение в поле; но, если только среди них начнется деморализация, она распространится быстро и непреодолимо. Что касается

Парижа, то мы не будем слишком буквально принимать за истину слова г. Гамбетты, что там имеется 400 000 человек Национальной гвардии, 100 000 мобилей и 60 000 линейных войск, так же как и его заявления относительно того бесчисленного количества пушек и митральез, которое сейчас изготавливается в Париже, или относительно необычайной прочности баррикад. Однако нет сомнения, что в Париже достаточно данных для весьма солидной обороны, хотя эта оборона, являющаяся ввиду характера своего гарнизона по необходимости пассивной, и будет лишена своего сильнейшего элемента — мощных атак против осаждающего неприятеля.

Как бы то ни было, совершенно ясно, что если бы у французов был жив подлинный национальный энтузиазм, то все могло бы еще быть выиграно. В то время как все силы врага, кроме 60 000 солдат и кавалерии, которая может производить только набеги, но не удерживать завоеванное, прикованы к захваченной территории, оставшиеся пять шестых Франции могли бы сформировать достаточное количество вооруженных отрядов для того, чтобы тревожить немцев повсюду, прерывать их сообщения, разрушать мосты и железные дороги, уничтожать продовольствие и боевые припасы в тылу, с тем чтобы принудить их выделить из своих обеих больших армий такое количество войск, что Базэн мог бы найти способ прорваться из Меца, а осада Парижа стала бы призрачной. Уже сейчас движение этих вооруженных партизанских отрядов является для немцев источником серьезного беспокойства, — хотя пока оно опасности не представляет, — и это беспокойство будет расти по мере того, как продовольствие и другие виды снабжения на территории вокруг Парижа будут истощаться и немцам придется прибегать к реквизиции их в более отдаленных районах. Новая немецкая армия, сейчас формирующаяся в Эльзасе, вскоре, вероятно, будет отозвана из экспедиции в южном направлении ввиду необходимости обеспечить немцам коммуникации и захватить большую полосу территории вокруг Парижа. Но какова была бы судьба немцев, если бы французский народ был воодушевлен таким же национальным фанатизмом, как испанцы в 1808 г., т. е. если бы каждый город и почти каждая деревня были превращены в крепость, каждый крестьянин и горожанин в бойца? Даже 200 000 солдат четвертых батальонов не хватило бы для покорения такого народа. Но теперь такой национальный фанатизм не обычен для цивилизованных народов. Его можно встретить среди мексиканцев и турок; в Западной Европе, занятой денежной наживой, его источники иссякли, а двадцать лет, в течение которых над Францией тяготел кошмар Второй империи, далеко

не закалили ее национального характера. В итоге мы видим: много разговоров и мало дела; много показного и почти полное пренебрежение к организации; очень мало действительного сопротивления и очень много покорности врагу; очень мало настоящих солдат и огромное количество партизан.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1766, вторник, 11 октября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXIII.

Прусские штабные офицеры в Берлине, повидимому, начинают терять терпение. Через берлинских корреспондентов «Times» и «Daily News» они информируют нас о том, что под Парижем уже в течение нескольких дней заготовлены осадные средства и что осада вскоре начнется. У нас есть сомнения насчет этой готовности. Во-первых, нам известно, что несколько туннелей на единственно доступной немцам железнодорожной линии вблизи Ля Ферте-су-Жуарр были взорваны отступавшими французами и что до сих пор они еще не восстановлены; во-вторых, нам известно и то, что осадные средства для правильной и эффективной осады такой громадной крепости, как Париж, настолько грандиозны, что нужно много времени, чтобы собрать их, даже если бы железнодорожный путь оставался все время открытым; и, в-третьих, хотя прошло уже пять или шесть дней, как это сообщение из Берлина было сделано, однако мы еще не слышали о заложении первой параллели. Поэтому мы должны вывести заключение, что под готовностью начать осаду или боевые операции по всем правилам [regular attack] следует понимать готовность начать эти боевые операции помимо всяких правил [irregular attack], т. е. бомбардировку.

Однако бомбардировка Парижа, сулящая какие-нибудь шансы на то, чтобы принудить его сдаться, потребовала бы гораздо больше пушек, чем регулярная осада. При осаде можно ограничить атаку одной или двумя точками линии обороны; при бомбардировке необходимо выбрасывать на все громадное пространство города такое количество снарядов, чтобы вызвать больше пожаров, чем население в состоянии будет потушить, и самый процесс тушения сделать слишком опасным для того, чтобы его можно было предпринять. А ведь мы видели, что даже Страсбург с 85 000 жителей смог отлично выдержать бомбардировку почти беспримерную по своей жестокости; что, за исключением нескольких отдельных и довольно точно определенных районов, которыми пришлось пожертвовать, можно было легко не давать пожарам распространяться. Это объясняется сравнительно боль-

шими размерами города. Небольшую крепость с пятью или десятью тысячами жителей легко заставить капитулировать бомбардировкой, если только она не имеет большого количества непроницаемых для бомб убежищ; но город, имеющий от 50 000 до 100 000 жителей, может выдержать сильный обстрел, особенно, если он построен, как большинство французских городов, из плитняка или имеет толстые кирпичные стены. Париж внутри укреплений занимает площадь в двенадцать километров на десять; в пределах старых застав, где находится наиболее тесно застроенная часть города,— в девять километров на семь; это значит, что эта часть города охватывает пространство приблизительно в пятьдесят миллионов квадратных метров, или около шестидесяти миллионов квадратных ярдов. Выбрасывание в среднем одного снаряда в час на каждую тысячу квадратных ярдов этой поверхности потребовало бы 60 000 снарядов в час, или полтора миллиона снарядов в сутки, что предполагает применение для этой цели, по крайней мере, 2 000 тяжелых орудий. Однако один снаряд в час на пространство почти в сто футов длины при ста футах ширины— это было бы слабой бомбардировкой. Правда, можно было бы временно сосредоточить огонь на одном или больше кварталах до тех пор, пока они не будут окончательно разрушены, а затем перенести его на соседние кварталы; но, для того чтобы быть эффективным, этот образ действия отнял бы почти столько же времени или даже больше, чем правильная осада, в то же время он несомненно дал бы меньше уверенности в том, что крепость будет вынуждена сдаться.

Кроме того, Париж фактически находится вне досягаемости эффективной бомбардировки, пока его форты не сдались. Ближайшие высоты вне города, вблизи Шатийона, которые находятся теперь в руках у осаждающих, расположены на расстоянии полных 8 000 метров = 8 700 ярдов, или пяти миль от «Palais de Justice» [здание суда], который расположен почти точно в центре города. На всей южной стороне эта дистанция будет примерно такой же. На северо-востоке линия фортов находится на расстоянии 10 000 метров, или свыше 11 000 ярдов от центра города, поэтому всякие бомбардирующие батареи должны были бы быть расположены на 2 000 ярдов дальше, т. е. в семи-восьми милях от «Palais de Justice». На северо-западе изгибы Сены и форт Мон Валерьен так хорошо защищают город, что бомбардирующие батареи могли бы быть установлены только в закрытых редутах или в построенных по всем правилам параллелях, т. е. не раньше, чем начнется правильная осада, для которой мы эту бомбардировку считаем предварительной подготовкой.

Мы, конечно, не сомневаемся в том, что прусские тяжелые нарезные пушки калибром в пять, шесть, семь, восемь и девять дюймов, выбрасывающие снаряды весом от двадцати пяти до трехсот и свыше фунтов, могут иметь дальнобойность в пять миль. В 1864 г. у Гаммельмарка нарезные 24-фунтовые пушки бомбардировали Зондербург на расстоянии в 5 700 шагов=4 750 ярдов, или почти трех миль, хотя это были старые бронзовые пушки, которые могли выдержать заряд пороха не больше чем в 4 или 5 фунтов для снаряда весом в 68 фунтов. Угол возвышения по необходимости должен был быть значительным и достигался при помощи специального приспособления лафета, который не выдержал бы, если бы употребляли более сильные заряды. Современные прусские пушки из литой стали могут выдержать гораздо более сильный заряд по сравнению с весом их снаряда, но, для того чтобы получить дальность в пять миль, угол возвышения все еще должен быть очень значительным, и лафеты должны быть соответственно переделаны, а если бы их стали применять для целей, для которых они не были сконструированы, они были бы быстро приведены в негодность. Ничто так быстро не разрушает лафета, как стрельба даже под таким незначительным углом возвышения, как пять-шесть градусов, при полных зарядах; между тем, в данном случае угол возвышения в среднем равнялся бы по крайней мере пятнадцати градусам, и лафеты были бы разрушены так же быстро, как и дома в Париже. Оставляя, однако, это затруднение в стороне, надо признать, что бомбардировка Парижа батареями, находящимися на расстоянии пяти миль от центра города, в лучшем случае могла бы быть только частичной. Разрушений было бы достаточно, чтобы озлобить, но недостаточно, чтобы утратить. При такой дистанции снаряды не могли бы быть направлены на какую-нибудь определенную часть города с достаточной точностью. Даже если бы были даны директивы избегать определенные районы, вряд ли удалось бы пощадить госпитали, музеи, библиотеки, как бы они ни были заметны с высот, на которых могли бы находиться батареи. Что касается военных зданий, арсеналов, пороховых складов, материальных складов, то нельзя было бы с достаточной уверенностью их выделить для разрушения, даже если бы они были видны осаждающим; таким образом, обычное объяснение, что целью бомбардировки является разрушение оборонительных средств осажденного, оказалось бы несостоятельным. Все это говорится, имея в виду, что осаждающие располагают средствами для действительно серьезной бомбардировки, т. е., примерно, двумя тысячами нарезных пушек и мортир крупных калибров. Но если, как мы предполагаем, немецкий осадный

парк располагает только четырьмя- или пятьюстами пушками, то этого будет недостаточно для создания такого впечатления, чтобы сделать вероятной сдачу города.

Хотя бомбардировка крепости все еще считается действием, допускаемым законами войны, — она все-таки является мерой, приносящей столько страданий гражданскому населению, что история осудит всякого, кто будет прибегать к бомбардировке, не имея веских оснований добиться таким образом сдачи крепости. У нас вызывает улыбку шовинизм Виктора Гюго, который считает Париж священным городом — в высшей степени священным! — а всякую попытку атаковать его — святотатством. Мы смотрим на Париж, как на любой другой укрепленный город, и, если он предпочитает обороняться, то должен быть готовым ко всем действиям, сопряженным с открытой атакой, с применением осадных траншей и осадных батарей, а также с действием случайных снарядов, попадающих в невоенные здания. Но если бомбардировка Парижа все-таки состоится, несмотря на то, что одной только бомбардировкой нельзя принудить город к сдаче, это будет военной ошибкой, ответственность за которую немногие будут возлагать на штаб Мольтке. Будут говорить, что Париж был подвергнут бомбардировке из политических, а не из военных соображений.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1768, четверг, 13 октября 1870 г.*

СУДЬБА МЕЦА.

Если верить сообщениям из Берлина, прусский штаб предполагает, что Париж будет взят раньше, чем Мец. Но это мнение, очевидно, основано в такой же мере на политических, как и на военных соображениях. Волнения в Париже, которых ожидал граф Бисмарк, еще не начались; однако рассчитывают, что, как только тяжелая артиллерия осаждающих начнет грохотать над городом, в последнем неизбежно вспыхнут раздоры и гражданская война. До сих пор парижане не подтвердили мнения, которого держатся на их счет в немецкой главной квартире; возможно, что так будет и впредь. А если так, то расчеты на взятие Парижа к концу этого месяца почти наверное окажутся иллюзией, и Мец, может быть, сдастся раньше Парижа.

Как крепость, Мец несравненно сильнее Парижа. Последний укреплен с расчетом, что вся или, по крайней мере, большая часть разбитой французской армии сможет отступить к нему и вести оборону посредством непрерывных атак против неприятеля, попытки которого окружить город будут неизбежно ослаблять его в каждом пункте занятой им длинной линии обложения. Поэтому сила сопротивления парижских укреплений не особенно велика, и это вполне естественно. Постройка укреплений в предвидении такого случая, который произошел теперь в результате ошибок бонапартистской стратегии, увеличила бы стоимость укреплений до огромной суммы; а срок обороны можно было бы благодаря этому удлинить едва ли больше чем на две недели. Кроме того, земляными укреплениями, возводимыми во время осады или до нее, можно значительно увеличить сопротивляемость крепостных сооружений. С Мецем дело обстоит совсем иначе. Современное поколение получило Мец от Кормонтеня и других выдающихся инженеров прошлого столетия в качестве очень сильной крепости, — сильной своими оборонительными сооружениями. Вторая империя дополнила их поясом из семи очень больших отдельных фортов на расстоянии от двух с половиной до трех миль от центра города, в целях защиты его от бомбардировки даже парезными орудиями и превращения всей крепости в большой

укрепленный лагерь, уступающий только Парижу. Поэтому осада Меца была бы весьма продолжительной операцией, даже если бы в городе находился только обычный гарнизон военного времени. Но осада при наличии 100 000 человек, укрывающихся теперь за его фортами, стала бы почти невозможной. Полоса, все еще остающаяся в распоряжении французов, простирается на целые две мили за линию фортов; чтобы отеснить французов назад к линии фортов и овладеть местностью для рытья траншей, потребовался бы ряд таких рукопашных боев, какие наблюдались только под Севастополем; если же предположить, что гарнизон не деморализован постоянными боями и что осаждающие согласны нести большие жертвы людьми, то борьба может продолжаться многие месяцы. Поэтому-то немцы и не пытаются вести правильной осады, а стараются взять крепость измором. Армия в 100 000 человек, городское население, примерно, в 60 000, а также многочисленные сельские жители, искавшие убежища за фортами, рано или поздно должны истощить продовольственные запасы, если только блокада будет поддерживаться строго; есть шансы, что даже раньше, чем это произойдет, деморализация среди гарнизона принудит крепость к сдаче. Когда армия видит, что она совершенно заперта, что все попытки прорваться через линию обложения бесплодны, что все надежды на помощь извне рухнули, — тогда даже самая лучшая армия будет постепенно терять дисциплину и сплоченность под гнетом страданий, лишений, трудностей и опасностей, перенесение которых, повидимому, вызывается лишь желанием поддержать честь знамени.

Некоторое время мы напрасно ждали симптомов такой деморализации. Запасы продовольствия внутри города оказались гораздо более значительными, чем предполагалось, и, следовательно, армия Меца имела их на достаточно долгий срок. Но запасы, хотя и обильные, были, повидимому, плохо подобраны, что совершенно естественно, так как они представляли собой случайные ресурсы, оставшиеся в городе и никогда не предназначавшиеся для той цели, для которой их теперь используют. В результате этого пища солдат становится, в конце концов, не только отличной от той, к которой они привыкли, но совершенно несоответствующей установленным требованиям и вызывает разного рода заболевания, усиливающиеся с каждым днем; причины же этих болезней с каждым днем действуют все сильнее и сильнее. Повидимому, эта стадия блокады теперь наступила. К предметам, которых не хватает в Меце, относятся хлеб, обычно основная пища французского крестьянства, и соль. Последняя абсолютно необходима для поддержания здоровья, а так как

хлеб является почти единственным потребляемым французами продуктом, содержащим крахмал для образования жиров, то в данном случае он так же необходим, как и соль. Вынужденное питание солдат и жителей преимущественно мясом вызвало, говорят, дизентерию и цыngu. Не слишком доверяя сообщениям дезертиров, которые обычно говорят то, что, по их мнению, должно понравиться захватившим их в плен, мы все же можем допустить нечто подобное, ибо именно это и должно иметь место при таких обстоятельствах. Само собою разумеется, что именно поэтому шансы на деморализацию должны быстро возрастать.

Очень талантливый корреспондент «Daily News», находящийся под Мецем, сообщает в своем описании вылазки Базэна 7 октября, что, после того как французы укрепились в деревнях севернее форта Сент-Элуа (к северу от Меца, в долине Мозеля), на их правом фланге, ближе к реке, была создана группа численностью не менее 30 000 человек, которая двинулась против немцев. Эта колонна или группа колонн намеревалась, очевидно, прорваться через кольцо осаждающих войск. Такая задача требовала крайне решительных действий. Колоннам пришлось бы идти прямо на полукруг войск и батарей, сосредоточивших свой огонь на них; сила этого огня возрастала бы вплоть до момента непосредственного соприкосновения с силами противника. В случае, если бы французам удалось разгромить противника, сила огня сразу значительно уменьшилась бы, тогда как, если бы им пришлось отступить, они вторично подверглись бы тому же перекрестному огню. Солдаты, повидимому, понимали это; кроме того, Базэн для этой операции, требовавшей высшего напряжения сил, вероятно, использовал самые лучшие свои войска. Говорят, однако, что они даже не дошли до сферы немецкого ружейного огня. Прежде чем они достигли ее, огонь артиллерии и стрелковой цепи расстроил их ряды: «густые колонны сперва дрогнули, а затем рассыпались».

Впервые за эту войну мы слышали такие отзывы о тех людях, которые были в состоянии смело выдерживать как сильный огонь, так и удар холодным оружием у Вионвиля, Гравелота и во время последних вылазок. Эта неспособность даже попытаться как следует выполнить порученную им задачу, повидимому, показывает, что армия Меца уже не та, что была прежде. Это, вероятно, еще не разложение, а лишь упадок духа и безнадежность — сознание бесполезности всяких попыток. Отсюда недалеко и до действительного разложения, в особенности для французских солдат. И хотя было бы преждевременно предсказывать на этом основании быстрое паде-

ние Меца, но все же будет достойным удивления, если мы вскоре не обнаружим еще симптомов, указывающих на падение его обороноспособности.

Сдача Меца имела бы гораздо меньшее моральное, но гораздо большее материальное влияние на ход войны, чем падение Парижа. Если будет взят Париж, Франция, может быть, и пойдет на уступки, но необходимости в этом было бы не больше, чем теперь. Ибо значительно бо́льшая часть войск, окружающих Париж, понадобилась бы для удержания города и его окрестностей, и более чем сомнительно, чтобы немцы смогли выделить достаточное количество войск для продвижения до Бордо. Но, если бы капитулировал Мец, освободилось бы более 200 000 немцев, а такая армия при нынешнем состоянии французских действующих войск вполне достаточна, чтобы двинуться куда угодно по незащищенной стране и делать там что угодно. Дальнейшее развитие оккупации, которую задерживали два больших укрепленных лагеря, успешно продолжалось бы, а всякие попытки ведения партизанских действий, которые могут быть теперь очень эффективными, были бы тогда быстро подавлены.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1771, понедельник, 17 октября
1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXIV.

Обложение Парижа длится ровно месяц. За это время в полном соответствии с нашими предсказаниями фактически выяснились два обстоятельства. Первое из них — что Париж не может надеяться на своевременную помощь извне от какой-либо французской армии. Луарская армия страдает от недостатка кавалерии и полевой артиллерии, а ее пехота, за ничтожным исключением, состоит или из молодых войск, или из старых деморализованных войск с неудовлетворительным офицерским составом и с полным отсутствием спайки; только такая спайка могла бы сделать их пригодными для встречи в открытом поле со старыми, окрыленными постоянным успехом солдатами, которых ведет на них фон-дер Танн. Даже если бы Луарская армия была увеличена до 100 000 или 120 000 человек, что еще возможно сделать до падения Парижа, она не была бы в состоянии заставить снять осаду. Значительная часть полевой артиллерии может быть взята из-под Парижа со времени прибытия туда артиллерийских и инженерных частей, предназначенных для осады. Таким образом, у немцев будет значительное превосходство не только в кавалерии, но и в полевой артиллерии, в силу чего, а также благодаря качественному превосходству своей пехоты, немцы могут противопоставить французам армию меньшей численности, не опасаясь за конечный результат. Кроме того, в подкрепление фон-дер Танну временно могли бы быть посланы войска, которые теперь совершают набеги на территории в 50—60 миль к востоку и к северу от Парижа, а также одна или две дивизии из армии, осаждающей Париж. Что же касается Лионской армии, то все, что от нее осталось, найдет себе достаточно хлопот в борьбе с 14-м северо-германским корпусом генерала Вердера, находящимся теперь в Эпинале и Везуле, и с 15-м корпусом, который следует за 14-м в тылу у него или на правом фланге. Северная армия, которой командует Бурбаки, еще не сформирована. По нашим сведениям, мобили в Нормандии и Пикардии испытывают крайний недостаток в офицерах и плохо обучены; местная же Национальная гвардия, да, вероятно, также и большая часть мобилей потребуются для образования гарнизонов

в двадцати пяти или больше крепостях, расположенных в пространстве между Мезьером и Гавром. Поэтому с этой стороны вряд ли можно ожидать значительной помощи, и Париж должен будет рассчитывать только на свои собственные силы.

Вторым выяснившимся обстоятельством является неспособность гарнизона Парижа вести наступательные операции в широком масштабе. Этот гарнизон состоит из тех же элементов, что и войска вне Парижа, и ему так же не хватает кавалерии и полевой артиллерии. Три вылазки 19 и 30 сентября и 13 октября вполне доказали их неспособность произвести сколько-нибудь серьезное давление на осаждающие войска. Как говорил противник: «Они так и не смогли прорваться даже через первую линию наших окопов». Хотя генерал Трошю публично заявляет, что его нежелание атаковать противника в поле вызывается отсутствием полевой артиллерии и что он не выйдет из крепости до тех пор, пока эта артиллерия не будет доставлена, он не может не знать, что никакая полевая артиллерия в мире не могла бы предотвратить полного разгрома его крупной первой вылазки. А к тому времени, когда его полевая артиллерия может быть готова, — если это не просто предлог для того, чтобы отказываться от вылазок, — огонь немецких батарей против фортов и замыкание линии обложения сделают применение ее в открытом поле невозможным.

Повидимому, это хорошо известно и Трошю и его штабу. Все их мероприятия сводятся к чисто пассивной обороне, без всяких крупных вылазок, кроме тех, которые приходится делать для удовлетворения настойчивых требований недисциплинированного гарнизона. Валы фортов не смогут долго сопротивляться снарядам тяжелых германских пушек, о которых будет сейчас идти речь особо. Возможно, что двух или трех дней, как надеется берлинский штаб, будет достаточно, чтобы уничтожить орудия на валах южных фортов, разбить в одном-двух местах каменную облицовку их эскарпов перекидным огнем с известного расстояния, а затем идти на штурм фортов, в то время как огонь с батарей, расположенных на командных высотах, будет мешать тыловым укреплениям оказать действительную помощь. В конструкции фортов и конфигурации местности нет ничего, что могло бы помешать этому. Во всех фортах вокруг Парижа эскарп, т. е. внутренняя сторона рва или внешний фас вала, выложен каменной кладкой только до уровня горизонта, что обычно считается недостаточным для того, чтобы обеспечить укрепления от штурма. Это отклонение от общего правила оправдывалось предположением, что армия всегда будет защищать Париж активно. В данном

случае это может даже оказаться преимуществом, так как трудно попасть в низкую каменную облицовку перекидным огнем батарей, с которых ее не видно. Таким образом, образование бреши с расстояния окажется еще более трудным, если только с высот, на которых расположены эти батареи, нельзя будет вести обстрела прямой наводкой; но судить об этом можно только на месте.

Во всяком случае, не следует ожидать, что сопротивление этих южных фортов, над которыми господствуют высоты и которые находятся в зоне досягаемости огня нарезной тяжелой артиллерии, будет длительным. Но непосредственно за ними, между фортами и оградой, гарнизон, главным образом, и проявлял активность. Повсюду были сооружены многочисленные земляные укрепления; и хотя, само собой разумеется, мы не знаем всех деталей, но можно быть уверенным, что они были спланированы и выполнены со всей той тщательностью, предусмотрительностью и научностью, благодаря которым французские инженерные войска в течение двухсот с лишним лет занимают первое место. Очевидно, здесь находится местность, выбранная обороной для сражения; местность, где овраги и скаты холмов, фабрики и деревни, построенные большей частью из камня, облегчают работу инженера и благоприятствуют сопротивлению молодых и лишь полудисциплинированных войск. Мы думаем, что именно здесь немцам предстоит наиболее трудная работа. Мы информированы через «Daily News» из Берлина, что немцы удовлетворятся захватом части фортов, предоставив голоду довершить остальное. Но мы предполагаем, что они не смогут этого добиться до тех пор, пока не взорвут фортов и не отойдут снова на свои теперешние позиции обложения; а если они это сделают, то французы контр-апрошами постепенно могут вернуть утраченное. Поэтому мы предполагаем, что немцы имеют в виду занять столько фортов, сколько они смогут захватить, чтобы использовать их как удобные позиции для бомбардировки, наводя ужас на жителей случайными снарядами, или же используют их для такой сильной бомбардировки, какую они смогут провести имеющимися в их распоряжении средствами. А в этом случае они не смогут уклониться от предлагаемого им обороной боя на заранее выбранной и подготовленной для этой цели местности, потому что форты будут находиться под близким и действительным огнем новых укреплений. Здесь мы, быть может, будем свидетелями последней в этой войне схватки, представляющей научный интерес, может быть самой интересной для военной науки. Здесь оборона снова получит возможность вести наступательные действия, хотя и в меньшем

масштабе, и, восстановив таким образом до известной степени равновесие борющихся сил, она сможет продлить сопротивление до тех пор, пока голод не принудит ее к сдаче. Мы должны иметь в виду, что из заготовленного продовольствия Париж уже использовал месячный запас, а никому из тех, кто находится вне Парижа, неизвестно, имеются ли там запасы больше чем еще на один месяц.

В отношении немецких осадных орудий среди «специальных корреспондентов» царит большая путаница, и это вполне понятно, если принять во внимание, что номенклатура различных калибров основана у немецких артиллеристов на принципах, во всяком случае, настолько же абсурдных и противоречивых, как и принятая в Англии. Теперь, когда тяжелые орудия могут заговорить в любой день, следует несколько разъяснить этот вопрос. Из осадных орудий старого образца при осаде Страсбурга применялись 25- и 50-фунтовые мортиры, переправленные теперь к Парижу. Они были названы так по весу мраморного шара, соответствующего калибру канала их ствола. Калибр одной из них равняется $8\frac{1}{2}$, а другой $8\frac{3}{4}$ дюйма, а действительный вес сферических снарядов, которые они выбрасывают, равняется в первом случае 64 фунтам, а во втором 125 фунтам. Затем имелась нарезная мортира калибром в 21 сантиметр, или $8\frac{1}{4}$ дюйма, выбрасывающая продолговатый снаряд длиной в 20 дюймов и весом немного больше 200 фунтов. Эти мортиры производят огромный эффект не только потому, что нарезка дает их снарядам большую меткость, а, главным образом, потому, что продолговатый ударный снаряд, падающий всегда вперед своей головной частью, где выдается ударная трубка, обеспечивает взрыв заряда в самый момент проникновения, сочетая, таким образом, в один и тот же момент эффект удара с эффектом взрыва. Из нарезных пушек там были 12- и 24-фунтовые пушки, названные так по весу сферического сплошного чугунного ядра, которым они обычно стреляли до того, как были нарезаны. Калибр первой из них равняется приблизительно $4\frac{1}{2}$, а второй — $5\frac{1}{2}$ дюймам, при весе снаряда в 33 и 64 фунта. Помимо них к Парижу были посланы несколько тяжелых нарезных пушек, предназначенных для броненосных кораблей и для береговой обороны против таких кораблей. Точное и подробное описание их конструкции никогда не было опубликовано, но калибры их равняются приблизительно 7, 8 и 9 дюймам, а снаряды весят соответственно около 120, 200 и 300 фунтов. Наиболее тяжелые орудия, которые применялись в Севастополе или против него, были морские английские 68-фунтовые и 8- и 10-дюймовые пушки и французские $8\frac{3}{4}$ - и 12-дюймовые пушки, причем наиболее тяжелый 12-дюймовый

сферический снаряд для этих пушек весил около 180 фунтов. Таким образом, осада Парижа по весу и массе использованных снарядов превзойдет Севастополь в такой же мере, в какой Севастополь превзошел все прежние осады. Мы можем добавить, что германский осадный парк будет располагать количеством пушек согласно нашим предположениям, именно — около четырехсот.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1775, пятница, 21 октября 1870 г.*

САРАГОССА — ПАРИЖ.

Для правильного представления о такой огромной операции, как осада и оборона Парижа, следует заглянуть в военную историю, чтобы найти там какую-нибудь из прежних осад крупного масштаба, которая послужила бы, хотя бы до некоторой степени, примером того, чему, возможно, мы будем свидетелями. Таким примером мог бы послужить Севастополь, если бы оборона Парижа происходила в нормальных условиях, т. е. если бы налицо была полевая армия, могущая прийти на помощь Парижу или усилить его гарнизон, как это было в Севастополе. Но Париж обороняется при совершенно ненормальных условиях: у него нет ни гарнизона, способного вести активную оборону и бой вне укреплений, ни серьезной надежды на помощь извне. Таким образом, самая большая осада в истории — осада Севастополя, уступающая по своим размерам только той, начало которой мы скоро увидим, — не дает правильного представления о том, что будет происходить у Парижа; и только в более поздних стадиях осады и преимущественно путем сопоставления можно будет прибегнуть к сравнению с ходом Крымской войны.

Осады времен американской войны также не дают подходящих примеров. Они происходили в такой период борьбы, когда не только Южная армия, но вслед за ней и войска Севера уже утратили характерные черты необученного ополчения и приобрели характер регулярных войск. При всех этих осадах велась чрезвычайно активная оборона. У Виксбурга, как и у Ричмонда, предварительно происходили длительные бои за обладание территорией, на которой только и можно было расположить осадные батареи, и всегда, за исключением последней осады Грантом Ричмонда, делались попытки оказать помощь осажденным. Но здесь, в Париже, мы имеем гарнизон из только что набранных рекрутов, слабо поддержанный разбросанными вне города такими же рекрутами, против которых действует регулярная армия, применяющая все средства современной войны. Чтобы найти подходящий пример, мы должны вернуться к той последней войне, в которой вооруженный народ должен был

сражаться против регулярной армии и действительно сражался в большом масштабе, т. е. к войне на Пиренейском полуострове. Здесь мы находим замечательный пример, который, как увидим, подходит во многих отношениях, это — Сарагосса.

Сарагосса имела лишь одну треть диаметра и одну девятую поверхности Парижа, но ее укрепления, хотя и возведенные наспех и без отдельных фортов, были по своей общей оборонительной силе похожи на укрепления Парижа. Город был занят гарнизоном в 25 000 испанских солдат, нашедших здесь убежище после поражения у Тудела, среди них было не больше 10 000 солдат линейных частей, остальные новобранцы; кроме того, там находились вооруженные крестьяне и местные жители, увеличившие гарнизон до 40 000 человек. В городе имелось 160 орудий. Вне города, в соседних провинциях, было собрано до 30 000 человек для оказания ему помощи. С другой стороны, французский маршал Сюше имел не более 26 000 человек для окружения крепости по обеим сторонам реки Эбро и кроме того 9 000 человек, прикрывавших осаду в Калатауде. Таким образом, численное соотношение сил было почти таким же, как и соотношение армий, находящихся теперь в Париже и под Парижем: осажденных почти вдвое больше, чем осаждающих. Однако сарагосцы, так же как и теперь парижане, не в состоянии были выйти и встретить осаждающих в открытом поле. Испанцы, находившиеся вне осажденного города, также ни разу не смогли серьезно помешать осаде.

Обложение города было закончено 19 октября 1808 г., первая параллель могла быть заложена уже 29-го на расстоянии всего 350 ярдов от главного крепостного вала. 2 января 1809 г. была открыта вторая параллель на расстоянии 100 ярдов от укрепления; 11-го были уже пробиты бреши, и весь атакованный фронт был взят штурмом. Но в данном случае там, где сопротивление обыкновенной крепости с гарнизоном, состоящим из регулярных войск, было бы прекращено, — сопротивление народной обороны только начиналось. Та часть крепостного вала, которую штурмовали французы, была отрезана от остального города вновь возведенными оборонительными укреплениями. Земляные укрепления под прикрытием артиллерии были воздвигнуты поперек всех улиц, ведущих к валу, а также и на определенном расстоянии в тылу. Дома, построенные в массивном стиле зданий жаркой полосы южной Европы, с чрезвычайно толстыми стенами, в которых были проделаны бойницы, служили укреплениями для пехоты. Французы вели непрерывный обстрел, но так как у них было мало тяжелых мортир, то их

действия против города не имели решающих последствий. Однако бомбардировка продолжалась беспрерывно в течение сорока одного дня. Чтобы принудить город к сдаче, чтобы занять один дом за другим, французам пришлось прибегнуть к самому медленному способу, а именно к закладке мин. Наконец, после того как третья часть городских зданий была разрушена, а остальные стали непригодными для жилья, Сарагосса 20 февраля сдалась. Из 100 000 человек, находившихся в городе в начале осады, погибло 54 000.

Эта оборона является в своем роде классической и вполне заслуживает известности, которую она приобрела. Но все же город сопротивлялся в общей сложности только 63 дня. Обложение потребовало 10 дней, осада крепости — 14 дней, осада внутренних укреплений и борьба за овладение домами — 39 дней. Число жертв ни в какой мере не соответствует продолжительности обороны и достигнутым положительным результатам. Если бы Сарагосса оборонялась 20 000 хороших предприимчивых, все время производящих вылазки солдат, то Сюше со своими силами не мог бы продолжать осаду, и крепость могла бы оставаться в руках испанцев до окончания австрийской войны 1809 г.

Мы, конечно, не думаем, что Париж окажется второй Сарагоссой. Парижские дома, как бы прочны они ни были, нельзя сравнивать по массивности с домами испанского города; у нас нет также никаких оснований предполагать, что парижское население проявит фанатизм испанцев 1809 г. или что половина жителей терпеливо согласится погибнуть в бою или от болезней. Однако эта фаза борьбы, которая началась в Сарагоссе после штурма крепостного вала, на улицах, в домах и монастырях города, до известной степени может повториться в укрепленных деревнях и на земляных укреплениях между фортами Парижа и поясом укреплений. Как мы уже сказали вчера, в нашей XXIV статье из серии заметок о войне, в этом лежит центр тяжести обороны. Там молодые мобили могут встретить своего наступающего противника почти в равных условиях, заставив его действовать более систематически, чем это представлял себе берлинский штаб. Ведь он еще недавно надеялся принудить город к сдаче через 12 или 14 дней после открытия огня осадных батарей. Борьба с обороняющимися потребует такого сильного огня мортир и пушек со стороны наступающих, что даже частичная бомбардировка города, по крайней мере, в крупном масштабе, может в течение некоторого времени оказаться невозможной. Деревни, лежащие вне пояса укреплений, в каком бы пункте между германским фронтом наступления и французским фронтом обороны они

ни находились, придется во всяком случае принести в жертву. Если, пожертвовав ими, можно уберечь город, то это тем лучше для обороны.

Мы не можем даже приблизительно сказать, как долго продолжится оборона местности вне пояса укреплений. Это будет зависеть от прочности этих самых укреплений, от состояния духа защитников, а также от способа атаки. Если сопротивление станет серьезным, немцы, чтобы сберечь свои войска, будут рассчитывать, главным образом, на огонь своей артиллерии. Как бы то ни было, принимая во внимание страшную силу артиллерийского огня, который они будут в состоянии сосредоточить в любом пункте, им едва ли потребуется больше двух-трех недель, чтобы дойти до пояса укреплений. Разрушить и взять его будет делом нескольких дней. Но даже и тогда для обороняющихся не будет абсолютной необходимости отказываться от сопротивления; впрочем, лучше отложить рассмотрение этих возможностей до того времени, когда осуществление их станет более вероятным. До той поры мы позволим себе также умолчать о достоинствах и недостатках баррикад г. Рошфора. В общем мы полагаем, что если новые укрепления между фортами и крепостной оградой помогут оказать действительно серьезное сопротивление, то нападение ограничится, насколько это будет возможно (в значительной мере в зависимости от энергии обороняющихся), навесным и настильным артиллерийским огнем, а также попыткой взять Париж измором.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1776, суббота, 22 октября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXV.

В то время как ведутся переговоры о заключении перемирия, целесообразно было бы разобраться в расположении различных корпусов немецких армий, которое, повидимому, не для всех понятно. Мы говорим немецких армий, так как о французских почти нечего сказать. Помимо гарнизона, запертого в Меце, французские войска состоят почти исключительно из новобранцев, относительно организации которых никогда ничего не опубликовывалось, и она не может не изменяться со дня на день. Кроме того, характер этих войск, которые во всех боях оказываются более или менее непригодными для маневренной войны, делает вопрос и об их организации и об их численности почти вовсе лишним интереса.

Что касается немцев, то нам известно, что они выступили в поход с тринадцатью армейскими корпусами Северной Германии (включая гвардию), одной дивизией гессенцев, одной баденцев, одной вюртембержцев и двумя армейскими корпусами баварцев. 17-я дивизия 9-го северо-германского корпуса (одна бригада которого состоит из мекленбуржцев) оставалась на побережье до тех пор, пока французский флот находился в Балтийском море. Вместо нее 25-я, или гессенская, дивизия была присоединена к 9-му корпусу, где и остается до настоящего времени. Внутри страны остались вместе с 17-й дивизией девять дивизий ландвера (одна гвардейская и затем по одной на каждую из восьми старых провинций Пруссии; так как время, истекшее с 1866 г., когда прусская система была введена во всей Северной Германии, оказалось достаточным лишь для подготовки необходимого количества резервистов, но пока еще не ландвера). Когда отозвание французского флота и пополнение четвертых линейных батальонов дало возможность располагать этими силами, из них были сформированы новые армейские корпуса и посланы во Францию. Едва ли до окончания войны мы будем знать подробности о составе всех этих корпусов, но то, что стало известно до сих пор, дает нам довольно ясное представление об общем характере плана расположения сил. У Меца под командованием принца Фридриха-Карла находятся 1-й, 2-й, 3-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й корпуса, из которых

9-й состоит в настоящее время из 18-й и 25-й дивизий, кроме двух дивизий ландвера, из которых одна, 1-я (восточно-прусская), находится под командованием генерала Куммера; номер другой неизвестен; всего же здесь находится шестнадцать дивизий пехоты.

Под Парижем находятся 5-й, 6-й и 11-й северо-германские, два баварских корпуса и гвардейская дивизия ландвера, ими командует кронпринц; под командованием кронпринца саксонского — 4-й и 12-й северо-германские корпуса и прусская гвардия; под командованием великого герцога Мекленбургского — 13-й корпус и вюртембергская дивизия. 13-й корпус сформирован из вышеупомянутой 17-й дивизии и одной дивизии ландвера. Из этих войск, составляющих всего двадцать дивизий, четыре дивизии были выделены для отдельных задач. Во-первых, фон-дер Танн с двумя баварскими дивизиями и 22-й северо-германской дивизией (из 11-го корпуса) был направлен на юг и запад, чтобы совместно с баварцами удерживать Орлеан и линию Луары; в то же время 22-я дивизия (генерала Виттиха) заняла последовательно Шатоден и Шартр. Во-вторых, 17-я дивизия была направлена к северо-востоку от Парижа; она заняла Лан, Суассон, Бовэ, Сен-Кантен и т. д., между тем как другие войска, — очевидно, летучие отряды, состоящие преимущественно из конницы, — продвинулись почти до ворот Руана. Если мы численность последних приравняем к дивизии, то получим в общем пять дивизий, выделенных из армии, находящейся под Парижем, для совершения набегов на разные местности страны, для реквизиции скота и продовольствия, для предотвращения образования вооруженных отрядов и удержания на расстоянии всех новых частей войск, которые могли бы быть посланы правительством, находящимся в Туре. Таким образом, для действительного окружения остается пятнадцать дивизий пехоты, или семь с половиной армейских корпусов.

Кроме 13-го корпуса, великий герцог Мекленбургский командует всеми войсками в Шампани и других оккупированных областях к западу от Лотарингии, гарнизонами Седана, Реймса, Эпернэ, Шалона, Витри и войсками, осаждающими Верден. Они состоят из ландвера, главным образом, из 8-й дивизии ландвера. Гарнизоны Эльзаса и Лотарингии, состоящие почти целиком из ландвера, находятся под командованием военных губернаторов этих провинций. Кроме того, имеются войска, эшелонированные по линиям железнодорожных и шоссежных дорог, и на них возложена исключительная обязанность содержать эти дороги в порядке и готовности для перевозок армии; эти войска, сформированные из отрядов различных линейных корпусов и по численности равные,

по крайней мере, дивизии, находятся под командованием «этапного коменданта».

Баденская дивизия и другая дивизия ландвера были объединены в 14-й корпус, который теперь, под командованием генерала фон-Вердера, движется на Безансон, в то время как генерал Шмелинг с 4-й резервной дивизией только что успешно закончил осаду Шлетштадта и теперь захватывает Ней-Брейзах. Здесь мы впервые встречаем упоминание о «резервной дивизии», что на прусском военном языке представляет собой нечто существенно отличное от дивизии ландвера. В самом деле, до сих пор мы насчитали шесть из девяти дивизий ландвера и можем с успехом предположить, что остальные три дивизии используются в качестве гарнизонов Эльзаса, Лотарингии и части рейнских крепостей. Употребление термина резервная дивизия доказывает, что четвертые батальоны линейных полков теперь постепенно прибывают на французскую территорию. Их будет девять, а в некоторых случаях десять на каждый армейский корпус; они были сформированы в такое же количество резервных дивизий и, по всей вероятности, обозначены теми же самыми номерами, как и армейские корпуса, к которым они принадлежат. Таким образом, 4-я резервная дивизия будет одной из дивизий, сформированных из четвертых батальонов 4-го армейского корпуса, набранного в прусской Саксонии. Эта дивизия составляет часть нового 15-го армейского корпуса. Что представляет собой другая дивизия, мы не знаем, — вероятно, это одна из тех трех, с которыми генерал Левенфельд только что выступил из Силезии в Страсбург; остальные две составят тогда 16-й корпус. Эти расчеты относятся к четырем из тринадцати резервных дивизий, остальные девять дивизий находятся, вероятно, еще в Северной Германии.

Что же касается численности этих войсковых частей, то северогерманские батальоны под Парижем наверное вновь были доведены в среднем до 750 человек; баварцы, судя по сообщениям, слабее. Конница едва ли насчитывает в среднем больше 100 сабель на эскадрон вместо 150; а в общем армейский корпус под Парижем насчитывает в среднем 25 000 человек, так что во всей армии, фактически там находящейся, около 190 000 солдат. Батальоны под Мецем, вероятно, слабее ввиду большого количества больных, в среднем они едва ли насчитывают по 700 человек. В батальонах ландвера едва насчитывается 500 человек.

За последнее время польская печать стала приписывать себе довольно значительную долю славы прусского оружия. Истина заключается в следующем: общая численность говорящего по-польски

населения Пруссии составляет около двух миллионов, или одну пятнадцатую часть всего населения Северной Германии, сюда мы включаем «поляков-сплавщиков» из Верхней Силезии и мазуров из Восточной Пруссии, которые были бы очень удивлены, услышав, что их называют поляками. 1-й, 2-й, 5-й и 6-й корпуса имеют примесь польских солдат, но польский элемент действительно преобладает в одной только дивизии, в 5-й, и, быть может, в одной из бригад 6-го корпуса. Прусское правительство придерживалось политики как можно больше рассеивать в армии польский элемент по разным корпусам. Таким образом, поляки Западной Пруссии распределены между 1-м и 2-м корпусами, а познанцы — между 2-м и 5-м, причем в каждом отдельном случае были приняты меры, чтобы большинство солдат в каждом корпусе было немецкой национальности.

Покорение Вердена энергично подвигается вперед. Город и цитадель укреплены не очень сильно, но имеют глубокие рвы, наполненные водой. 11 и 12 октября гарнизон был выбит из деревень, окружающих крепость, и завершилось полное обложение; 13-го началась бомбардировка из сорока восьми пушек и мортир (французских, захваченных в Седане), расположенных на расстоянии 700—1 300 ярдов от укреплений. 14-го прибыло несколько старых французских 24-фунтовых орудий из Седана и на следующий день несколько новых прусских нарезных 24-фунтовых орудий, при помощи которых был взят Туль. 18-го они уже начали действовать в полном объеме. Город, повидимому, сильно пострадал, так как он очень тесно застроен.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1780, четверг, 27 октября 1870 г.*

ПАДЕНИЕ МЕЦА.

Нынешняя война — это война капитуляций, каждой из которых как будто суждено по своим размерам превзойти предшествующую. Сначала 84 000 человек сложили свое оружие в Седане, событие, равного которому или даже приближающегося к нему не отмечено ни в одной из прежних войн, даже в войнах Австрии. Теперь произошла капитуляция 170 000 человек вместе с крепостью Меца, превосходящая Седан настолько же, насколько Седан превзошел все предыдущие капитуляции. Будет ли Мец в свою очередь превзойден Парижем? Если война будет продолжаться, то в этом не придется сомневаться.

Три коренные ошибки, которые привели Наполеона от 2 августа к 2 сентября, от Саарбрюкена к Седану, и которые фактически лишили Францию всех ее армий, заключались, во-первых, в принятии атаки неприятеля на такой позиции, которая позволила победоносным немцам вклиниться между разбросанными корпусами французской армии и, таким образом, разделить ее на две отдельные части, причем ни одна из них не могла ни соединиться с другой, ни даже согласовать с ней свои действия; во-вторых, в задержке армии Базэна в Меце, вследствие чего она была безнадежно заперта в этой крепости; и в-третьих, в движении на выручку Базэна с такими силами и по такому пути, что этот маневр прямо приглашал неприятеля взять в плен всю эту двигавшуюся на помощь армию. Результаты первой ошибки бросались в глаза в продолжение всей кампании; результаты третьей — окончательно сказались в Седане; результаты второй мы только что наблюдали в Меце. Вся эта «Рейнская армия», которой Наполеон сулил перспективу трудной кампании в стране, полной крепостей, находится теперь в тех же крепостях или по дороге к ним, но уже в качестве военнопленных, а Франция не только вероятно, но и действительно лишена почти всех своих регулярных войск.

Потери в людском составе и в сданной вместе с Мецем материальной части должны быть огромны и являются достаточно тяжелым ударом. Но это не самый тяжелый удар. Самое худшее для Франции состоит в том, что вместе с этими людьми и материальной частью она

лишилась той военной организации, в которой она нуждается больше, чем в чем-либо другом. Люди имеются в избытке, даже обученных в возрасте от 25 до 35 лет должно быть не менее 300 000. Материальная часть может быть восстановлена из складов и фабрик внутри страны и закупками за границей. При подобных обстоятельствах полезно любое заряжающееся с казны оружие независимо от его образца или от пригодности боевых припасов одного образца для других образцов. Все годное было бы уместным, и при надлежащем использовании телеграфа и пароходов в распоряжении правительства могло бы оказаться больше оружия и патронов, чем можно было бы использовать. Даже полевая артиллерия могла бы быть доставлена в течение этого времени. Но более всего необходима крепкая организация, могущая из этих вооруженных людей создать армию. Эта организация олицетворяется в офицерах и унтер-офицерах регулярной армии и прекращает свое существование с их потерей. Число французских офицеров, выбывших из строя вследствие потерь в бою и капитуляций, в настоящее время не может быть менее 10 000—12 000 человек, потери же среди унтер-офицерского состава приблизительно в три раза больше. После того как такое количество организующих сил сразу выбыло из состава национальной обороны, становится чрезвычайно трудным делом превращать массы людей в роты и батальоны солдат. Кто видел народные ополчения на учении или в бою, — будь то баденские вольные отряды (Freischaaren), американские добровольцы времен гражданской войны, сражавшиеся у Булль-Рена, французские мобили или британские волонтеры, — тот сразу поймет, что главная причина беспомощности и неустойчивости этих войск лежит в том, что офицеры не знают своих обязанностей; а кто в данном случае может во Франции научить их своим обязанностям? Небольшого числа старых офицеров запаса, состоящих на половинном жалованье или признанных негодными к службе по состоянию здоровья, недостаточно для этой цели; они не могут быть вездесущими; обучение же должно быть не только теоретическим, но и практическим; оно должно быть не только на словах, но и сопровождаться действием и примером. Небольшое число молодых офицеров или только что произведенных унтер-офицеров в батальонах может очень быстро освоиться со своей работой, постоянно видя пример старых офицеров. Но что делать, если почти все офицеры молодые и если нет даже достаточного количества старых унтер-офицеров для производства в офицеры? Те самые люди, которые почти при каждом столкновении оказывались непригодными для действия в составе больших масс в открытом бою, скоро научились бы

сражаться, если бы возможно было включить их в старые батальоны Базэна; даже если бы у них была только возможность состоять под командованием его офицеров и унтер-офицеров. И этой окончательной потерей почти последнего следа своей военной организации для данной кампании Франция больше всего обязана капитуляции Меца.

Возможность составить себе определенное мнение о поведении обороны явится только тогда, когда мы услышим, что скажут в свое оправдание сами оборонявшиеся. Но если действительно окажется, что сдалось 170 000 человек, способных носить оружие, тогда надо сделать вывод, что оборона не была на должной высоте. Никогда, начиная с конца августа, армия осаждающих не достигала двойного численного превосходства над силами осаждаемых. Численность ее колебалась между 200 000 и 230 000 человек, растянутых по окружности протяжением даже для передовых войск не менее 27 миль; это означает, что окружность, занятая главными силами, простиралась от 36 до 40 миль. Эта окружность была разделена на две части р. Мозель, которую можно перейти только по мостам, находящимся на некотором расстоянии в тылу от первой линии. Если армия в 170 000 человек ни на одном пункте этой окружности не могла сосредоточить превосходных сил и прорваться, прежде чем смогут прибыть достаточные подкрепления, то мы должны сделать вывод, что либо мероприятия осаждающих войск были выше всякой похвалы, либо не было сделано надлежащих попыток пробиться сквозь их фронт. Мы, вероятно, узнаем, что в данном случае, как и во всей этой войне, политические соображения парализовали военные действия.

Если мир теперь не будет заключен, последствия этого нового бедствия будут чувствоваться скоро во всей Франции. Мы предполагаем, что две дивизии ландвера останутся в Меце в качестве гарнизона. Второй корпус находится уже на пути к Парижу, что вовсе не значит, что его предполагают использовать для осады столицы. Но если допустить, что это произойдет, то останется 6 корпусов или, по крайней мере, 130 000—140 000 человек, которых Мольтке может направить куда угодно. Коммуникации с Германией поддерживались без особого участия войск принца Фридриха-Карла; для этой цели он или вовсе не выделит людей или выделит незначительное количество. Остальными можно располагать для вторжения на запад и юг Франции. Не будет необходимости держать их всех вместе. Они, вероятно, будут разделены на две или три части, которые вместе с корпусами фон-дер Танна составят не меньше 150 000 человек и получат приказ продвинуться в те области Франции, которые до сих пор не были оккупированы немцами. Один корпус весьма

вероятно займет богатые провинции Нормандии и Мэна (Le Maine) вплоть до Луары, имея центром Ле Ман (Le Mans), где сходятся пять железных дорог. Другой корпус двинется в направлении Бордо, очистив предварительно линию Луары от Тура до Невера, и займет или разрушит арсеналы и военные заводы Буржа. Этот корпус может направляться от Меца через Шомон и Оксерр, где местность еще не опустошена реквизициями. Третий корпус может двинуться прямо на юг, чтобы установить прямую связь с генералом Вердером. Так как центральная Франция почти совершенно лишена крепостей, заслуживающих этого названия, то здесь нельзя встретить противодействия за исключением непродолжительного сопротивления новобранцев и более пассивного, но более упорного сопротивления населения. Предпримет ли Мольтке осаду каких-либо новых крепостей, используя сразу освободившиеся войска, или даже попытается овладеть укрепленным морским портом, например Шербургом, покажет будущее; теперь ему больше незачем брать крепости, за исключением Пфальцбурга и Бельфора, преграждающих главные железнодорожные линии, и, конечно, — Парижа.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1732, суббота, 29 октября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXVI.

Не может быть больше никакого сомнения в том, что армия, сдавшаяся в Меце, действительно насчитывала 173 000 человек, из которых 140 000 были способны носить оружие и свыше 30 000 человек было больных и раненых. «Daily News» в телеграмме из Берлина сообщает нам, повидимому, исчерпывающие подробности относительно состава этих войск: 67 пехотных полков, 13 стрелковых батальонов, 18 четвертых и запасных батальонов, 36 кавалерийских полков, а именно: 10 кирасирских, 1 конвойный, 11 драгунских, 2 уланских, 3 гусарских, 6 конно-егерских и 3 африканских конных егерей, кроме того 6 запасных эскадронов. Надо полагать, что это сообщение исходит из прусского штаба в Берлине и содержит общую сводку состава французских сил в Меце, сделанную либо на основании предварительных и косвенных данных, либо по французским спискам, переданным победителям при сдаче. Последнее кажется нам более вероятным. Мы знаем, что в Меце были следующие части пехоты: гвардия (8 полков = 30 батальонам и 1 батальон стрелков), 2-й корпус (Фроссара, 3 дивизии), 3-й (Декана, прежде Базэна, 4 дивизии), 4-й (Ладмиро, 3 дивизии), 6-й (Канробера, 3 дивизии) и одна дивизия 5-го корпуса (де Файи) — всего 14 пехотных дивизий, из которых каждая имела в своем составе один стрелковый батальон и четыре полка, или двенадцать линейных батальонов, за исключением двух дивизий Канробера, в которых стрелков не было. Это составляет 12 батальонов стрелков и 168 линейных батальонов, а считая и гвардию, 13 батальонов стрелков и 198—линейной пехоты, вместе же с 18 запасными батальонами — всего 229 батальонов, т. е. несколько превышает цифру 221, указанную в качестве общей численности в «Daily News». Кроме того, в этом перечне указано лишь 64 полка пехоты, в то время как указываемая нами газета дает цифру 67. Мы должны заключить, что три недостающих полка составляли гарнизон Меца и по этой причине не фигурируют в списках «Рейнской армии». Что же касается разницы в количестве батальонов, то ее легко объяснить. Потери во многих полках во время сражений в августе и вылазок в сентябре и октябре, а также вследствие

болезней, очевидно, были таковы, что три батальона переформировывались в два, а, быть может, даже в один.

Что такая сила, которая была равна армии Наполеона под Лейпцигом, могла быть вообще принуждена к сдаче — это факт, неслыханный в истории войн и почти невероятный даже теперь, после того как это случилось. Однако этот факт становится еще более непостижимым, если мы сравним силы этой армии с силами победителей. 18 августа Базэн был отброшен с высот Гравелота под прикрытие фортов Меца; несколько дней спустя обложение крепости было закончено. Но из армии, сражавшейся у Гравелота, было выделено 3 корпуса, или 75 батальонов, под командованием кронпринца саксонского; сделано это было не позднее 24 августа, так как три дня спустя их конница разбила конных егерей Мак-Магона у Бюзанси. У Меца оставалось 7 корпусов, или 175 батальонов, и 12 батальонов ландвера, всего 187 батальонов для обложения армии, состоящей не менее чем из 221 батальона! В это время Базэн должен был иметь в своем распоряжении 160 000 бойцов, если не больше. Пруссаки, конечно, приняли все меры для пополнения потерь в последних сражениях свежими силами из своих резервных частей; но трудно предполагать, что их батальоны снова были доведены до полного состава в 1 000 человек. Если даже допустить, что это имело место, то за исключением ландвера, батальоны которого формируются лишь в составе 500—600 человек, это дает пруссакам не больше 182 000 человек или вместе с кавалерией и артиллерией около 240 000 человек, т. е. лишь в полтора раза больше армии, запертой в Меце. Эти 240 000 человек были растянуты на фронте длиной в 27 миль, причем имелась непроходимая вброд река, разделявшая их на две отдельные части. При таких обстоятельствах нельзя сомневаться, что Базэн, если бы он сделал действительную попытку прорваться с массой своих войск через кольцо блокады, смог бы это выполнить, если не предполагать, конечно, что французы после Гравелота утратили свою прежнюю солдатскую доблесть, а для этого предположения нет никаких оснований.

Для автора этих заметок представляется совершенно несомненным, что после провозглашения республики Базэн по политическим соображениям воздерживался от того, чтобы прорваться из Меца. Несомненно также, что каждый день отсрочки уменьшал возможность успешного выполнения им этой операции; хотя, повидимому, сами пруссаки теперь полагают, что, если бы они очутились в таком положении, они смогли бы разрешить эту задачу. Но что остается необъяснимым, так это бездеятельность или по меньшей мере нер-

пительность Базена в течение последних дней августа и в первых числах сентября. 31 августа он сделал попытку наступать в северо-восточном направлении и продолжал ее всю ночь и следующее утро; однако трех прусских дивизий оказалось достаточно, чтобы отбросить его назад под прикрытие фортов. Попытка, вероятно, была чрезвычайно слабой, если принять во внимание огромную силу, с которой он мог ее произвести. Генерал, имеющий под своим командованием 16 дивизий превосходной пехоты, отброшен тремя неприятельскими дивизиями. Это уже совсем никуда не годится!

Что касается политических мотивов, которые, как говорят, обусловили бездействие Базена после революции 4 сентября, а также тех политических интриг, в которых он при потворстве неприятеля участвовал в продолжение последнего периода осады, то они полностью соответствовали интересам Второй империи, которую в той или иной форме намеревались восстановить. Это показывает, до какой степени Вторая империя потеряла всякое понимание характера французов, если генерал, командовавший единственной регулярной армией, находившейся тогда в распоряжении Франции, мог думать о восстановлении павшей династии при поддержке вторгшегося в его страну врага.

Предыдущая военная карьера Базена была отнюдь не блестящей. Его мексиканская экспедиция только доказала, что он больше заботился о наградах, чем о славе или репутации своей страны. Его назначение главнокомандующим Рейнской армией произошло вследствие случайных обстоятельств: он получил это назначение не потому, что оказался наиболее подходящим, а потому, что он был наименее неподходящим из числа возможных кандидатов; решающими были какие угодно соображения, только не чисто военные. Базен будет увековечен как человек, совершивший самый позорный акт в военной истории Франции, помешавший 160.000 французов прорваться через блокировавшую их армию, в данных условиях значительно уступавшую им по силе, и сдавший их в качестве военнопленных, когда больше нечего было есть.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1787, пятница, 4 ноября 1870 г.*

АПОЛОГИЯ ИМПЕРАТОРА.

Подобно другим великим людям в несчастье, Луи-Наполеон сознает, повидимому, что он обязан объяснить народу причины, которые привели его, в значительной мере против его воли, от Саарбрюкена к Седану; и в результате мы получили сейчас то, что следует считать его объяснением. Так как нет оснований ни внешних, ни внутренних заподозрить подложность этого документа, даже напротив, то мы в данный момент будем считать его подлинным. В самом деле, мы почти обязаны поступить так из простой любезности, так как если существовал когда-либо документ, подтверждающий как в целом, так и в деталях точку зрения «Pall Mall Gazette» на данную войну, то это и есть это самое императорское самооправдание.

Луи-Наполеон сообщает нам, что он был прекрасно осведомлен о большом численном превосходстве немцев, что он надеялся противодействовать этому быстрым вторжением в Южную Германию для того, чтобы принудить эту область оставаться нейтральной и первым успехом обеспечить себе союз с Австрией и Италией. Для этой цели 150 000 человек должны были быть сосредоточены в Меце, 100 000 — в Страсбурге и 50 000 — в Шалоне. С первыми двумя быстро сосредоточенными армиями предполагалось перейти Рейн около Карлсруэ, в то же время 50 000 человек продвинуть из Шалона к Мецу для противодействия возможному враждебному движению против флангов и тыла наступающих армий. Но этот план рухнул, как только император прибыл в Мец. Он нашел там лишь 100 000 человек, в Страсбурге было только 40 000 человек, в то время как резервы Канробера были где угодно, но только не в Шалоне, где они должны были находиться. Войска не были обеспечены для похода предметами первой необходимости: ранцами, походными палатками, чайниками и котелками. Кроме того, о местонахождении неприятеля ничего не было известно. Действительно, смелое и быстрое наступление с самого начала превратилось в очень скромную оборону.

Едва ли во всем этом найдется что-нибудь новое для читателей «Pall Mall Gazette». В наших «Заметках о войне» вышеприведенный план нападения был уже изложен как наиболее рациональный для

французов, причем были приведены и причины, по которым от него пришлось отказаться. Но существует один факт, бывший ближайшей причиной первых поражений, который император не объясняет: зачем он оставил несколько своих корпусов в ложном положении вблизи границы якобы для наступления, когда намерение наступать давно уже было оставлено? Что касается его цифр, то мы подвергнем их последовательному критическому разбору.

Причины провала французского военного управления император находит в «недостатках нашей военной организации за последние 50 лет ее существования». Но ведь известно, что эта организация подвергалась испытанию не впервые. Она довольно хорошо отвечала своему назначению во время Крымской войны. Она дала блестящие результаты в начале итальянской войны, когда в Англии, так же как и в Германии, французская военная организация считалась самой образцовой организацией армии. Несомненно, что даже и в то время в ней был обнаружен ряд недостатков. Однако есть разница между тем, что было тогда и что есть теперь: тогда она действовала, теперь же отказывается служить. Но император не желает разъяснять причину этой перемены, хотя как раз об этом и нужно было говорить, так как именно в ней заключается самое слабое место Второй империи, которая затормозила работу этой организации всеми способами подкупа и взяточничества.

Когда отступающая армия достигла Меца, «ее наличные силы после прибытия маршала Канробера с двумя дивизиями и резервом, были доведены до 140 000 человек». Это утверждение при сравнении с численностью войск, недавно сложивших оружие в Меце, заставляет нас более внимательно рассмотреть цифровые данные императора. Страсбургскую армию предполагалось сформировать из корпусов Мак-Магона, де Файи и Дуэ, всего из десяти дивизий численностью в 100 000 человек; но теперь говорят, что она не превышала 40 000 человек. Оставляя совершенно в стороне три дивизии корпуса Дуэ, хотя одна из них пришла на помощь Мак-Магону во время или после боя у Вёрта, это дало бы нам менее 6 000 человек на дивизию (13 батальонов) или только 430 человек на батальон, даже если мы будем считать, что в это число не входит ни один кавалерист или артиллерист. И вот при всем доверии, которое мы склонны оказать Второй империи, когда дело идет о взяточничестве и казнокрадстве, мы не можем заставить себя поверить, чтобы через двадцать дней после призыва запасных и уволенных в отпуск в армии оказалось 90 батальонов, численность которых в среднем составляла бы 430 человек вместо 900. Что касается армии Меца, то она имела в гвардии и в

десяти линейных дивизиях 161 батальон; а если принять, что 100 000 человек, указанных в брошюре, состояло только из пехоты, причем ничего не оставалось для конницы или артиллерии, то и это все же составит не больше 620 человек на батальон — цифра, несомненно, ниже действительной. Еще более удивительно то, что, отступив к Мецу, эта армия после прибытия двух дивизий Канробера и резервов увеличилась до 140 000 человек. Новые пополнения состояли, таким образом, из 40 000 человек. И вот, так как «резервы», пришедшие в Мец после Шпихерна, могли состоять только из конницы и артиллерии, ибо гвардия прибыла туда гораздо раньше, то численность их не могла превышать 20 000 человек. Следовательно, 20 000 остается для двух дивизий Канробера, что для 25 батальонов составляет по 800 человек на батальон, т. е. батальоны Канробера, наименее укомплектованные из всех, при таком расчете оказываются гораздо сильнее тех, которые уже были сосредоточены и подготовлены много раньше. Но если армия Меца до сражений 14, 16 и 18 августа насчитывала только 140 000 человек, то как же случилось, что после потерь, составлявших за эти три дня, конечно, не меньше 50 000 человек, после потерь от последующих вылазок и вследствие смертности от болезней Базэн все же смог сдать пруссакам 173 000 пленных? Мы занялись этими цифрами только для того, чтобы показать, как они противоречат друг другу и всем известным фактам кампании. Их можно сразу отбросить как совершенно неверные.

Кроме организации армии, существовали и другие обстоятельства, мешавшие орлиному полету императора навстречу победе. Это были, во-первых, «плохая погода», затем «затруднения с обозами» и, наконец, «абсолютная постоянная неосведомленность относительно расположения и сил вражеских армий». В самом деле, это три очень досадных обстоятельства. Но плохая погода была одинакова для обеих сторон, потому что при всех благочестивых ссылок на провидение король Вильгельм ни разу не упомянул о том, что солнце сияло над германскими позициями, в то время как французов поливало дождем. И разве у немцев тоже не было затруднений с обозами. Что же касается неведения о местонахождении неприятеля, то существует письмо Наполеона I к его брату Жозефу, сетовавшему в Испании на такую же трудность; это письмо не является лестным для генералов, изливающих подобные жалобы. В письме указывается, что если генералы не знают местонахождения неприятеля, то это их собственная вина и свидетельствует лишь о том, что они не знают своего дела. При чтении подобных оправданий такого скверного командова-

ния иногда возникает сомнение, действительно ли для взрослых людей написана эта брошюра.

Описание роли, которую сыграл сам Луи-Наполеон, не очень понравится его друзьям. После сражений при Вёрте и Шпихерне он «решил немедленно отвести армию назад к Шалонскому лагерю». Но этот план, хотя он сперва и был одобрен советом министров, два дня спустя рассматривался как «могущий произвести неблагоприятное впечатление на общественное мнение» и был оставлен императором по получении письма в этом смысле от г. Э. Оливье (1). Он ведет армию на левый берег Мозеля, а затем, «не предвидя генерального сражения и рассчитывая только на отдельные столкновения», покидает ее и уезжает в Шалон. Тотчас же после его отъезда произошли бои 16 и 18 августа, в результате которых Базэн со своей армией оказался запертым в Меце. Тем временем императрица и кабинет превысили свою власть и за спиной императора созвали Палату, а с созывом этого чрезвычайно авторитетного законодательного корпуса аркадских простачков судьба империи была решена. Оппозиция, состоявшая, как известно, из двадцати пяти членов, стала всемогущей и «парализовала патриотизм большинства и успешную работу правительства», которое, как все мы помним, было правительством не сладкоречивого Оливье, а грубого Паликао.

«С этого момента министры, казалось, боялись произносить имя императора; и сам он, покинувший армию и отказавшийся от командования лишь для того, чтобы снова взять в свои руки бразды правления, вскоре обнаружил, что доиграть до конца принадлежащую ему роль было бы для него невозможно». В самом деле, ему дали понять, что он в сущности низложен, что он стал ненужным. Многие люди с некоторым самолюбием при таких обстоятельствах отреклись бы от престола. Но не тут-то было; его нерешительность, мягко выражаясь, продолжается; он следует за армией Мак-Магона, являясь просто помехой, пользы от него никакой, а, напротив, вредить он может. Правительство в Париже настаивает на том, чтобы Мак-Магон шел на выручку Базэну. Мак-Магон отказывается, так как это было бы равносильно движению его армии на верную гибель; Паликао настаивает. «Что же касается императора, он не противился ничему. В его планы не входило сопротивление указаниям правительства и императрицы-регентши, которая проявила столько ума и энергии в условиях величайших затруднений». Мы удивляемся покорности этого человека, в течение двадцати лет утверждавшего, что подчинение его индивидуальной воле было единственным путем спасения для Франции, а теперь, когда «из Парижа навязывают

план кампании, противоречащий самым элементарным правилам военного искусства», уже не оказывающего никакого противодействия потому, что в его намерения якобы никогда не входило сопротивление указаниям императрицы-регентши, которая и т. д. и т. д.!!

Описание состояния армии, с которой был предпринят этот роковой поход, является во всех деталях точным подтверждением нашей оценки, данной в свое время. В нем есть лишь одна смягчающая подробность. Корпус де Файи во время своего отступления форсированным маршем умудрился растерять без боя «почти весь свой обоз»; но корпус, повидимому, не оценил всего преимущества этого обстоятельства.

Армия направилась в Реймс 21 августа. 23-го она дошла до реки Сюинп у Бетенивиля, на прямой дороге к Вердену и Мецу. Но затруднения в снабжении заставили Мак-Магона немедленно вернуться к линии железной дороги; в результате 24-го было предпринято движение влево и достигнут Ретель. Весь день 25-го прошел здесь в распределении продовольствия войскам. 26-го штаб переходит в Туртерон, на двенадцать миль дальше к востоку; 27-го в Ле Шен-Популе — еще на шесть миль. Здесь Мак-Магон, узнав, что восемь немецких армейских корпусов собираются окружить его, отдал приказ снова отступить к западу; но ночью из Парижа пришли настойчивые приказы направиться к Мецу. «Не подлежит сомнению, что император мог бы отменить этот приказ, но он решил не сопротивляться решению регентства». Этот добродетельный отказ от власти принудил Мак-Магона повиноваться; таким образом, 28-го он достиг Стонн в 6 милях далее к востоку. Однако «эти приказы и контрприказы привели к задержке продвижения». В то же время «прусская армия двигалась форсированным маршем, тогда как мы, обремененные обозом (опять!), с утомленными войсками употребили шесть дней, чтобы пройти 25 лье». Затем наступили бои 30, 31 августа и 1 сентября, и произошла катастрофа, описанная очень полно, но без каких бы то ни было новых подробностей. А затем идет мораль, которую можно извлечь из этого: «Конечно, борьба была неравной, но она продолжалась бы дольше с меньшими неудачами для нашей армии, если бы военные операции не подчинялись все время политическим соображениям».

Падение Второй империи и всего, что с нею связано, не вызвало сожаления ни в ком, — вот ее судьба. Сострадание, т. е. самое малое, что выпадает обычно на долю потерпевших большое несчастье, ни в какой мере на нее не распространяется. Даже об «honneur au courage malheureux» нельзя теперь сказать по-французски без некоторой

доли иронии; даже и в этой «чести побежденных героев» Второй империи тоже отказано. Мы сомневаемся, извлечет ли Наполеон при данных обстоятельствах большую пользу из документа, согласно которому его выдающаяся стратегическая интуиция каждый раз превращается в ничто из-за бессмысленных приказов, продиктованных политическими соображениями правительства в Париже, в то время как его власть отменить эти бессмысленные приказы в свою очередь превращается в ничто вследствие его безграничного почтения к регентству императрицы. Лучшее, что может быть сказано об этой на редкость жалкой брошюре, это то, что она признает, как плохо приходится на войне в тех случаях, когда «военные операции все время подчинены политическим соображениям».

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1788, суббота, 5 ноября 1870 г.*

БОИ ВО ФРАНЦИИ.

В течение первых шести недель войны, когда победы немцев быстро следовали одна за другой, когда способность вторгшегося противника к захвату еще не была целиком использована и когда на поле битвы все еще были французские армии, которые могли оказать ему сопротивление, борьба, вообще говоря, оставалась борьбой армий. Население захваченных районов принимало в боях лишь незначительное участие. Правда, с дюжину эльзасских крестьян были преданы военному суду и расстреляны за участие в боях или за изувечение раненых; но трагедии, подобные той, которая произошла в Базейле, были редким исключением. Это лучше всего доказывается тем огромным впечатлением, которое она произвела, и той страстной полемикой, которая велась в печати относительно того, насколько действия немцев в этой деревне заслуживали оправдания или осуждения. Если бы стоило снова начинать эту полемику, мы могли бы на основании показаний безупречных свидетелей доказать, что жители Базейля действительно напали на баварских раненых, мучили их и бросали в пламя домов, зажженных снарядами; и в результате этого генерал фон-дер Танн отдал бессмысленный и варварский приказ уничтожить все село — бессмысленный и варварский, главным образом, потому, что по этому приказу следовало поджечь дома, в которых сотнями лежали его же собственные раненые. Но как бы то ни было, Базейль был разрушен в пылу боя и в борьбе, которая больше, чем всякая другая, способна привести в возбуждение, — а именно, в схватках, которые велись в домах и на улице, — когда надо действовать немедленно после получения донесений, немедленно принимать решения и когда нет времени проверять показания и выслушивать мнение сторон.

В течение последних шести недель в характере этой войны произошла замечательная перемена. Исчезли французские регулярные армии; борьба ведется рекрутами, которые уже в силу своей неопытности являются в большей или меньшей степени иррегулярными войсками. Они легко терпят поражение каждый раз, когда они в массе пытаются выйти на открытую местность, но, сражаясь под

прикрытием забаррикадированных городов и деревень, в домах которых устроены бойницы, они могут оказывать серьезное сопротивление. Такого рода бои, внезапные ночные нападения и другие партизанские действия находят поощрение в воззваниях и распоряжениях правительства, которое также предписывает населению районов, где действуют партизаны, оказывать им всяческое содействие. Если бы противник располагал силами, достаточными для того, чтобы занять всю страну, это сопротивление было бы легко сломлено. Но до сдачи Меца таких сил у него не было. Силы нападающего были израсходованы еще до того, как он дошел до Амьена, Руана, Ле Мана, Блуа, Тура и Буржа, с одной стороны, и Безансона и Лиона — с другой. То, что силы противника истощились так быстро, объясняется в значительной степени все усиливающимся сопротивлением окружающей среды. Неизбежные «четыре улана» теперь уже не могут врываться в деревню или город, расположенные далеко от их линии фронта, и добиваться абсолютного подчинения своим приказам без риска быть захваченными или убитыми. Для сопровождения реквизиционных отрядов нужны внушительные силы, а отдельным ротам или эскадронам, когда они расквартированы в деревне, приходится чрезвычайно остерегаться внезапных ночных нападений, так же как и нападений из засад во время похода. Вокруг германских позиций находится полоса оспариваемой территории, и именно тут народное сопротивление чувствуется сильнее всего. Для того чтобы подавить это народное сопротивление, немцы прибегают к способу войны, который является столь же устарелым, сколь и варварским. Они взяли за правило, что каждый город или деревня, где один или несколько жителей принимают участие в обороне, стреляют по их войскам или вообще помогают французам, должны быть сожжены, что каждый человек, захваченный с оружием в руках и не являющийся, по их понятиям, солдатом регулярной армии, должен быть расстрелян на месте; и всюду, где есть основание предполагать, что сколько-нибудь значительная часть населения города повинна в подобного рода проступках, все физически годные мужчины должны быть немедленно истреблены. Эта система безжалостно проводится уже в течение шести недель и действует с полной силой и сейчас. Вы не можете открыть немецкой газеты без того, чтобы не наткнуться на полдюжину сообщений о подобного рода военных экзекуциях, которые производятся как нечто вполне естественное, как обычные меры военного правосудия, предпринимаемые с благодетельной строгостью «честными солдатами» по отношению к «подлым убийцам и разбойникам». Нет никакого беспорядка, никаких грабежей, ни

насилий над женщинами, никаких нарушений приказов. Ничего подобного. Все делается систематически и по приказу: окружают обреченную деревню, выводят жителей, захватывают продовольствие и поджигают дома, а настоящие или подозреваемые виновники предстают перед военным полевым судом, где их без всяких проволочек наверняка ожидает полдюжины пуль. В Абли, деревне, насчитывающей 900 жителей и расположенной на пути в Шартр, эскадрон 16-го (Шлезвиг-гольштинского) гусарского полка подвергся ночью внезапному нападению французских партизан и потерял половину своих людей; в наказание за такую дерзость вся кавалерийская бригада двинулась на Абли и сожгла деревню; два различных сообщения, — оба исходящие от участников драмы, — утверждают, что из числа жителей были отобраны все здоровые мужчины, и все они без исключения были расстреляны или зарублены. Но это только один из очень многих фактов. Один баварский офицер в окрестностях Орлеана пишет, что его отряд в течение двенадцати дней сжег пять деревень; можно без преувеличения сказать, что всюду, где в центре Франции проходят летучие немецкие отряды, их путь слишком часто отмечен огнем и кровью.

Сейчас, в 1870 г., вряд ли достаточно заявления, что это законный способ ведения войны и что вмешательство гражданского населения или людей, официально не признанных солдатами, равносильно разбою и может быть подавлено огнем и мечом. Все это могло применяться во времена Людовика XIV и Фридриха II, когда борьба велась только между армиями, но, начиная с американской войны за независимость вплоть до гражданской войны в Америке, участие населения в войне стало — как в Европе, так и в Америке — не исключением, а правилом. Всяду, где народ допускал свое порабощение только потому, что его армии не были способны оказать сопротивление, к нему относились с всеобщим презрением, как к нации трусов; и всюду, где народ энергично вел партизанскую борьбу, там противник очень быстро убеждался в том, что руководствоваться старинным кодексом крови и огня невозможно. Англичане в Америке, французы при Наполеоне в Испании, австрийцы в 1848 г. в Италии и Венгрии были очень скоро вынуждены, опасаясь репрессий по отношению к своим военнопленным, считаться с народным сопротивлением, как с совершенно законным явлением. Даже пруссаки в 1849 г. в Бадене или папа после Ментаны не решались без разбора расстреливать военнопленных, несмотря на то, что последние были партизанами и «бунтовщиками». Существует только два современных примера безжалостного применения этого устарелого закона «иско-

ренения» — подавление англичанами мятежа сипаев в Индии и методы, применявшиеся Базэном и его французскими войсками в Мексике.

Из всех армий мира возобновление такого образа действий наименее всего подобает прусской. В 1806 г. Пруссия была разгромлена только потому, что во всей стране не было и следа этого духа национального сопротивления. Для оживления его после 1807 г. реорганизаторы управления и армии сделали все, что было в их власти. Испания в это время показала славный пример того, как народ может сопротивляться вторгшейся армии. Все военные руководители Пруссии указывали своим согражданам на этот пример, как на пример, достойный подражания. Шарнгорст, Гнейзенау, Клаузевиц — все были одного мнения на этот счет; Гнейзенау даже отправился сам в Испанию, чтобы сражаться против Наполеона. Вся новая военная система, введенная тогда в Пруссии, была попыткой организовать народное сопротивление противнику, по крайней мере, в такой степени, в какой это было возможно при абсолютной монархии. Не только все физически годные мужчины должны были пройти военное обучение в армии, а потом служить в ландвере до сорока лет, но и юноши в возрасте от семнадцати до двадцати лет и мужчины от сорока до шестидесяти лет должны были войти в состав ландштурма, или *levée en masse*¹, чтобы поднимать восстания в тылу и на флангах противника, мешать его движениям, перехватывать предметы снабжения и курьеров, пользоваться всяким оружием, которое можно было достать, без разбора применять все имеющиеся под рукой средства для того, чтобы тревожить противника, — «чем эффективнее эти средства, тем лучше», — а самое главное — «не носить никакой формы, чтобы ландштурмисты могли в любой момент снова принять вид частных граждан и не быть заподозренными противником». Все это «Положение о ландштурме», — как назывался изданный о нем в 1813 г. закон, автором которого был не кто иной, как Шарнгорст, организатор прусской армии, — было составлено в духе непримиримого народного сопротивления, для которого допустимы все средства, и чем более они эффективны, тем лучше. Но все это применялось тогда пруссаками против французов, а если этими же методами французы действуют против пруссаков, то это уже совсем другое дело. То, что в одном случае считалось патриотизмом, в другом оказывается подлым убийством и разбоем.

Дело в том, что теперешнее прусское правительство стыдится этого старого полуреволюционного «Положения о ландштурме» и

¹ — всенародного ополчения. *Ред.*

своим поведением во Франции старается заставить забыть о нем. Но каждый акт необузданной жестокости, совершаемый им во Франции, все больше и больше будет напоминать нам об этом «Положении»; а оправдание подобного позорного способа ведения войны только доказывает, что если со времени Иены прусская армия неизмеримо выросла, то само прусское правительство быстро создает такое же положение вещей, которое сделало возможной Иену.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1793, пятница, 11 ноября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXVII.

Те, кто вместе с Гамбеттой думали, что искусное, хорошо согласованное движение, при помощи которого Луарская армия вытеснила баварцев фон-дер Танна из Орлеана, тотчас же повлечет за собой продвижение на Париж, были обречены на разочарование. Столкновение у Кульмье, или как бы его потом ни называли, произошло 9 ноября, а до вечера 13-го баварские передовые части, по-видимому, преспокойно оставались у Тури, лишь в 25 милях от Орлеана.

Генералу д'Орель де Паладин делает большую честь то, что после своего первого успеха он не только обнаружил здравый смысл, но и моральную силу, — во-время остановившись. Имея за спиной Гамбетту, заявляющего его солдатам, что они идут на Париж, что Париж ждет их и должен быть освобожден от варваров, не легким делом было сдерживать эти молодые и полудисциплинированные войска, которые немедленно готовы кричать об «измене», если их сразу же не ведут против неприятеля, и бежать без оглядки, когда этот неприятель даст им серьезно почувствовать свое присутствие. Тот факт, что д'Орелю удалось задержать своих солдат по пути в Париж, показывает, что его усилия дисциплинировать их были не безуспешны и что своим первым успехом он завоевал себе их доверие. Его распоряжения, приведшие к этой первой французской победе, были во всех отношениях целесообразными. У фон-дер Танна не могло быть более 25 000 человек в окрестностях Орлеана, и эту выдвинутую позицию он мог продолжать удерживать в полной уверенности, что его обученные войска при всех обстоятельствах будут в состоянии проложить себе путь через любое количество противопоставленных им новобранцев. Д'Орель мог действовать против баварцев с численным превосходством, по крайней мере, в четыре раза, и он поступил так, как обычно поступают в подобном случае: он обошел их с флангов и развернул, особенно в тылу их правого фланга, такие силы, что фон-дер Танн сразу же принужден был отступить назад к своим подкреплениям. Они присоединились к нему в Тури 11-го или самое позднее 12-го и состояли из 22-й северо-германской пехотной дивизии

Виттиха, кавалерийской дивизии принца Альбрехта и 13-го корпуса (17-й северо-германской дивизии и вюртембергской дивизии). Таким образом, силы, по крайней мере 65 000—70 000 человек, были сосредоточены в Тури под командованием великого герцога Мекленбургского, и генералу д'Орель придется серьезно взвесить все обстоятельства, прежде чем решиться напасть на немецкие войска, хотя они и находятся под командованием весьма посредственного начальника.

Но, кроме этого, есть еще и другие причины, которые должны заставить генерала д'Ореля выжидать, прежде чем предпринять какое-нибудь новое наступление. Если он действительно намерен идти на выручку Парижа, то он должен очень хорошо знать, что его собственных сил для выполнения этой цели недостаточно, если одновременно изнутри крепости не будут предприняты энергичные действия для его поддержки. Мы знаем, что генерал Трошю подобрал самую дисциплинированную и наилучше организованную часть своих войск, образовал из них то, что может быть названо активной армией Парижа. Находясь под командованием генерала Дюкро, она, очевидно, предназначена для тех крупных вылазок, без которых оборона такой крепости, как Париж, подобна солдату, сражающемуся, имея правую руку на перевязи.

Вероятно, не случайно и то, что эта реорганизация парижской армии совпадает по времени с продвижением Луарской армии. Генерал Трошю и генерал д'Орель несомненно попытались при помощи воздушных шаров и почтовых голубей организовать согласованное выступление в заранее назначенное время; и если только немцы не нападут на Луарскую армию раньше, то мы можем ожидать вылазки из Парижа в крупном масштабе в то самое или же почти в то же самое время, когда д'Орель совершит свое дальнейшее продвижение вперед. Эта вылазка будет, вероятно, совершена, по крайней мере, всеми тремя корпусами Дюкро на южной стороне города, где в случае успеха могла бы быть установлена связь с Луарской армией. Вместе с тем, одновременно на северо-восточной и северо-западной сторонах, «Третья армия» Трошю предпримет демонстративные наступления и нападения, поддерживаемые огнем с фортвов, чтобы помешать блокирующей армии послать подкрепление на юг. С другой стороны, мы можем быть уверены, что все это учтено генералом Мольтке и он не будет застигнут врасплох. Несмотря на огромное численное превосходство, которое французы будут в состоянии выставить на поле сражения, мы твердо убеждены, что разница в качестве войск и командовании будет иметь еще большее значение.

Чтобы такая попытка освободить Париж из тисков «варваров» могла рассчитывать на какой-либо успех, ее надо произвести как можно скорее. Кроме пяти дивизий пехоты, противопоставленных Луарской армии, под Парижем в настоящее время находится шестнадцать дивизий пехоты (2-й, 4-й, 5-й, 6-й, 12-й корпуса, гвардия, 1-й баварский корпус, 21-я дивизия и дивизия гвардейского ландвера). Этих сил, по расчетам Мольтке, должно быть совершенно достаточно для поддержания действительной блокады Парижа; в противном случае из состава армии, освободившейся после сдачи Меца, он двинул бы к Парижу больше войск, чем один 2-й корпус. А если принимать во внимание также и то, что немецкие позиции у Парижа везде сильно укреплены и вскоре окажутся под прикрытием мощных осадных батарей, мы должны допустить правильность расчетов Мольтке. Сейчас, однако, мы начинаем получать известия о принце Фридрихе-Карле, который с тремя армейскими корпусами (3-м, 9-м и 10-м) после капитуляции Меца исчез из поля зрения. Первое известие, полученное с тех пор нами о его войсках, заключалось в коротком сообщении, что 7 ноября «9-й полк» имел столкновение с мобилиями непосредственно за Шомоном у Верхней Марны. 9-й полк принадлежит к 7-й бригаде (второго) корпуса, который уже прибыл к Парижу, что сделало все сообщение непонятным. С тех пор установлено, что в телеграмме по ошибке был указан 9-й полк вместо 9-й бригады. И это разъясняет дело: 9-я бригада является первой в 3-м армейском корпусе, следовательно, принадлежит к армии принца Фридриха-Карла. Если принять в расчет местность, где произошла стычка, а также сопоставить это с сообщением, считающимся в военных кругах Берлина достоверным, о том, что принц шел к Труа, куда он якобы прибыл 7-го или 8-го, то не остается почти никаких сомнений, что он избрал путь, по которому, согласно нашему предположению, должны были пойти его главные силы, т. е. «от Меца через Шомон и Оксерр и затем в направлении Бордо, очистив предварительно линию Луары от Тура до Невера». Теперь мы узнаем, что эта армия заняла линию р. Ионны у Сан, приблизительно в 50 милях от Жиен на Луаре и лишь в 30 милях от Монтаржи, откуда любая французская позиция к северу от Орлеана может быть взята во фланг после форсированного суточного перехода. Возможно, что отряды, находящиеся, по имеющимся сведениям, в Мальзербе и Немуре, посланы принцем Фридрихом-Карлом для установления связи с левым флангом фон-дер Танна, или же это могут быть отряды, прикрывающие слева походную колонну 13-го корпуса. Во всяком случае теперь мы можем ожидать, что принц при помощи

летучих отрядов очень скоро установит связь с фон-дер Танном в Тури, с одной стороны, и с Вердером в Дижоне — с другой. Если Луарская армия промедлит с наступлением до тех пор, пока подойдет принц Фридрих-Карл, то против нее будут кроме 70 000 человек, находящихся непосредственно перед ней, еще 75 000 на ее правом фланге и в тылу, и тогда придется отказаться от всякой мысли о помощи Парижу. У нее будет достаточно забот о своей собственной безопасности, ее положение станет безнадежным, и ей придется отступать перед этим широким потоком вторгающихся войск, которые тогда будут наступать на центральную Францию широким фронтом на протяжении от Шартра до Дижона.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1797, среда, 16 ноября 1870 г.*

УКРЕПЛЕННЫЕ СТОЛИЦЫ.

Если можно сказать, что благодаря опыту настоящей войны какой-либо военный вопрос был разрешен окончательно, то это именно вопрос о целесообразности укрепления столицы большого государства. С первого момента, когда было принято решение об укреплении Парижа, в военной литературе всех стран ведется полемика о целесообразности или нецелесообразности и даже просто о возможности оборонять такую огромную крепость, как Париж. Этот вопрос мог быть разрешен только практикой при фактической осаде Парижа — единственно существующей укрепленной столицы, — и хотя настоящая осада Парижа еще не началась, укрепления Парижа успели оказать Франции такие огромные услуги, что этот вопрос можно уже считать решенным в утвердительном смысле.

Опасная близость Парижа к северо-восточной границе Франции — границе, лишенной вдобавок какой-либо естественной оборонительной линии в виде рек или гор, — повела, во-первых, к завоеванию ближайших пограничных земель; во-вторых, к сооружению тройного пояса крепостей от Рейна до Северного моря и, в-третьих, к постоянному страстному стремлению овладеть всем левым берегом Рейна, которое, в конце концов, и привело Францию к ее теперешнему положению. Завоевания были урезаны и определены договорами 1814 и 1815 гг.; крепости, — как доказали оба нашествия противника в те же годы, — оказались почти бесполезными и совершенно неспособными задержать крупные армии; наконец, призывы к захвату Рейна были в 1840 г. временно приостановлены европейской коалицией против Франции. И тогда Франция, как и подобало великой нации, попыталась компенсировать опасное положение Парижа единственным средством, которое было в ее власти, а именно — его укреплением.

В теперешней войне Франция была прикрыта со своей наиболее уязвимой стороны нейтралитетом Бельгии. И тем не менее одного короткого месяца было достаточно, чтобы прогнать с поля битвы все ее организованные силы. Одна половина сдалась в плен, другая оказалась безнадежно заперта в Меце, причем сдача ее была вопросом

недель. При обычных условиях война была бы окончена. Немцы заняли бы Париж и такую часть остальной Франции, какую они пожелали бы, и после капитуляции Меца, если не до нее, мир был бы заключен. Почти все крепости Франции находятся близко к границе; как только этот пояс укрепленных городов был бы прорван на достаточно широком фронте, чтобы предоставить противнику свободу движения, остальными крепостями на границе или на побережье можно было бы пренебречь, и вся центральная часть страны могла бы быть оккупирована; после этого было бы легко принудить пограничные крепости к сдаче одну за другой. Между тем даже для партизанской войны крепости внутри страны в культурных странах являются необходимыми как безопасные центры для отступления. В войне на Пиренейском полуострове народное сопротивление испанцев оказалось возможным, главным образом, благодаря крепостям. В 1809 г. французы вытеснили английские войска сэра Джона Мура из Испании; в открытом бою они повсюду одерживали победы, и все-таки страны они не завоевали. Сравнительно небольшая англо-португальская армия не могла бы при своем вторичном появлении противостоять французам, если бы не бесчисленные испанские вооруженные отряды, которые легко терпели поражение в открытом бою, но тревожили фланги и тыл каждой французской колонны и этим сковывали большую часть вторгнувшейся армии противника. Эти отряды не могли бы удержаться в течение сколько-нибудь длительного времени, если бы не большое количество крепостей в стране, крепостей большей частью небольших и устарелых, но все-таки требующих правильной осады для взятия их и поэтому являющихся надежными убежищами для этих отрядов, когда они подвергались нападению в открытом поле. Так как во Франции такие крепости отсутствуют, то тут даже партизанская война не могла бы быть очень опасной, если бы не было каких-нибудь других условий, могущих возместить их отсутствие. И одним из таких условий является укрепление Парижа.

2 сентября последняя французская действующая армия капитулировала. А сегодня, 21 ноября, почти одиннадцать недель спустя, приблизительно половина всех немецких войск во Франции все еще основательно задерживается вокруг Парижа, в то время как большую часть остальных войск поспешно отправляют из Меца для того, чтобы обезопасить войска, блокирующие Париж от новосформированной Луарской армии, которая, какова бы ни была ее ценность, не смогла бы даже появиться, если бы не было укреплений Парижа. Эти укрепления обложены уже ровно два месяца, а приготовления к открытию правильной осады все еще не закончены; это означает,

что осада крепости таких размеров, как Париж, даже если она обороняется только новобранцами и полным решимости населением, может начаться только к тому времени, когда осада обыкновенной крепости была бы давно приведена к успешному завершению. Это доказывает, что снабжать продовольствием город в два миллиона жителей, пожалуй, легче, чем крепость меньших размеров, не являющуюся центром сбыта для продукции прилегающих сельских местностей, несмотря на то, что за снабжение Парижа продовольствием серьезно взялись только после 4 сентября, т. е. всего за две недели до того, как обложение было закончено, Париж после девяти недель блокады все еще не взят измором. Французские армии фактически сопротивлялись только один месяц; Париж сопротивляется уже два месяца и все еще сковывает главные силы противника. Это несомненно больше, чем было достигнуто какой-либо крепостью до сих пор, и полностью оправдывает расходы на укрепления. К тому же не следует забывать того, на что мы уже неоднократно указывали, а именно, что на этот раз оборона Парижа ведется в совершенно ненормальных условиях, т. е. что ей приходится обходиться без активной полевой армии. Каково же было бы это сопротивление, насколько оно задержало бы обложение, а возможно и вовсе помешало бы ему, и насколько больше людей из армий противника было бы сковано вокруг Парижа, если бы армия Мак-Магона пошла к столице, вместо того чтобы пойти к Седану?

Но это не все. Оборона Парижа не только дала Франции двухмесячную передышку, что при менее катастрофических обстоятельствах было бы неопенимо и даже теперь может оказаться очень полезным, но она также дала те возможности политических перемен, которые могут произойти во время осады. Мы можем сколько угодно повторять, что Париж такая же крепость, как и всякая другая, но остается несомненным фактом, что действительная осада такой крепости, как Париж, вызовет во всем мире гораздо большее возбуждение, чем осада ста крепостей меньшего размера. Каковы бы ни были законы войны, наше современное сознание не может примириться с тем, чтобы с Парижем обращались так, как обращались с Страсбургом. Можно смело сказать, что при таких обстоятельствах нейтральные страны попытаются вмешаться; политическая подозрительность и ревность по отношению к завоевателю почти наверняка возникнут еще до того, как произойдет окончательная ликвидация крепости; по существу весьма вероятно, что операция таких размеров и такой продолжительности, как осада Парижа, будет в такой же мере решаться при помощи союзов и контр-союзов в кабинете какой-нибудь нейтральной державы, как и в траншеях — посредством батарей,

подбивающих орудия противника и пробивающих бреши в его укреплениях. Пример этого мы, может быть, вскоре увидим. Вполне возможно, что неожиданное обострение в Европе Восточного вопроса сможет сделать для Парижа то, что Луарская армия сделать не в состоянии, а именно спасти его от сдачи и освободить от блокады. Если, что более чем вероятно, Пруссия не сможет в какой бы то ни было степени очистить себя от подозрений в сообщничестве с Россией, если Европа решила не допустить русского вероломства, тогда чрезвычайно важно, чтобы Франция не была окончательно обессилена и чтобы Париж не был занят пруссаками. Поэтому совершенно необходимо сейчас же заставить Пруссию определенно высказаться и, если она попытается уклониться от ответа, немедленно принять меры к тому, чтобы увеличить надежды на успех и усилить сопротивление Парижа. Тридцать тысяч английских солдат, высаженных в Шербурге или Бресте, будучи влиты в Луарскую армию, придали бы этой армии стойкость, доселе ей неизвестную. Английская пехота своею необычной устойчивостью и даже в силу связанного с этим недостатка, т. е. ее неприспособленности к быстрым переходам, чрезвычайно подходит, таким образом, для того, чтобы придать стойкость вновь сформированным рекрутам; эту роль она изумительно выполняла под командой Веллингтона в Испании; такую же роль она играла во время всех индийских войн по отношению к менее надежным туземным войскам. При таких обстоятельствах влияние подобного английского армейского корпуса в значительной степени превзошло бы то значение, которое он мог бы иметь только благодаря своей численности; и так фактически всегда и бывало, когда английский корпус был использован таким способом. Две итальянские дивизии, брошенные в качестве авангарда итальянской армии в направлении Лиона и долины Соны, вскоре отвлекли бы на себя войска принца Фридриха-Карла; существует Австрия; существуют Скандинавские королевства, которые могли бы угрожать Пруссии на других фронтах и отвлекать ее войска; получив такие известия, Париж сам безусловно предпочел бы пережить почти любую голодовку, чем сдаться, — а хлеба там, повидимому, вполне достаточно, — и, таким образом, укрепления города могли бы действительно спасти страну даже в ее теперешнем бедственном положении, дав ей возможность продержаться до прибытия подкреплений.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1801, понедельник, 21 ноября
1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXVIII.

Если когда-либо были шансы на освобождение Парижа, то именно в течение последних восьми дней. Решительное наступление Дуарской армии против наблюдательной армии герцога Мекленбургского, подкрепленное всеми войсками, какие могли бы быть подтянуты с востока Франции, поддержанное массовой вылазкой всех дисциплинированных войск Трошю, при одновременном действии обеих атак и до того, как принц Фридрих-Карл мог бы подойти со Второй армией, — таков был единственный план, позволявший рассчитывать на успех. А если мы ознакомимся с контр-мероприятиями немцев, то должны будем прийти к заключению, что этот план имел больше шансов на успех, чем можно было ожидать с первого взгляда.

На прошлой неделе под Парижем было семнадцать немецких пехотных дивизий, включая вюртембержцев, которые, вопреки ошибочному первоначальному сообщению, не оставили своих позиций между Сеной и Марной. Наблюдательная армия под командой герцога Мекленбургского состояла из двух северо-германских и двух баварских дивизий, не считая кавалерии. После боя у Кульмье, вместо того чтобы преследовать арьергарды баварцев, д'Орель пошел на север и на запад в направлении к Шартру, где мы пока потеряли его из виду. Немцы ответили на это движение переменой фронта на запад, баварцы фон-дер Танна удерживали территорию от Этампа до Абли, в то время как 17-я и 22-я дивизии двинулись в направлении к Шартру и Дрё. Дрё в это время был снова занят французскими войсками; предполагалось, что д'Орель с помощью войск генерала Кератри и других подкреплений попытается обойти наблюдательную армию и внезапно обрушиться на армию, блокирующую Париж. Графу Мольтке эта попытка показалась настолько серьезной, что он немедленно отправил на помощь герцогу Мекленбургскому ближайшие войска, части 5-го и 12-го корпусов, и отдал приказ 2-му баварскому и 6-му северо-германскому корпусам, а также 21-й и вюртембергской дивизиям быть в готовности к выступлению на юг,

если потребуется. Ранее посланные подкрепления дали возможность герцогу Мекленбургскому 17-го снова захватить Дрё и 18-го преследовать противника за Шатонеф. Какие именно французские войска потерпели здесь поражение — установить невозможно. Может быть это были части Луарской армии, но, конечно, не сама Луарская армия. С тех пор нет никаких сообщений о дальнейших движениях французов; а между тем время идет, и принц Фридрих-Карл подходит все ближе и ближе и должен быть теперь на таком расстоянии от левого фланга герцога Мекленбургского, что ему может быть оказана поддержка.

Не приходится, повидимому, сомневаться в том, что французами был упущен чрезвычайно благоприятный случай. Наступление Луарской армии произвело такое громадное впечатление на Мольтке, что он, не колеблясь ни минуты, отдал приказ, который, — в случае, если бы его пришлось выполнить, — означал не что иное, как снятие обложения Парижа. Части 5-го и 12-го корпусов, которые наступали в направлении на Дрё, по нашим подсчетам составляли не больше бригады каждая, или всего одну дивизию; но, кроме них, две баварские, три северо-германские и вюртембергская дивизии были выделены, чтобы быть наготове по первому требованию выступить против д'Ореля. Таким образом, из семнадцати дивизий, которые находятся под Парижем, по крайней мере, семь должны были, в случае необходимости, выступить против идущей на выручку армии, и эти семь дивизий были именно те, которые занимали район к югу от Парижа. Кронпринц удержал бы только 2-й и большую часть 5-го корпуса для того, чтобы при их помощи охранять территорию на протяжении, начиная от Сены у Шуази через Версаль до Сен-Жермена, в то время как гвардейский корпус, 4-й корпус и большая часть 12-го должны были бы удерживать всю северную линию от Сен-Жермена, огибая Гонес и Сен-Брис через Марну и снова до Сены выше Парижа. Таким образом, десять пехотных дивизий удерживали бы фронт обложения в сорок миль, или на каждую дивизию приходилось бы четыре мили фронта. Такое распыление сил свело бы обложение к простой наблюдательной линии; и войска Трошю, включая восемь дивизий, состоящих под командой Дюкро, и семь дивизий из Третьей армии Трошю, находящихся под его непосредственной, личной командой, могли бы численно превзойти противника, имея, по крайней мере, трех бойцов против одного в любой точке, которую он выбрал бы для атаки. Имея такой перевес, он должен был быть уверен в победе. Он мог прорваться сквозь фронт немцев, захватить и уничтожить их осадные парки, боевые припасы и склады и нанести им такие потери в людях, что

полное обложение Парижа, не говоря уже об осаде, стало бы на некоторое время невозможным.

Мы до сих пор рассматривали только возможности Трошю, независимо от возможностей Луарской армии. Последняя, конечно, не могла бы быть равноценной одиннадцати германским дивизиям, выделенным против нее, если бы эти дивизии были сосредоточены в одном месте. Но такая концентрация была почти невозможна. Весьма возможно, что быстрое и смелое наступление д'Ореля, соединенное с одновременной крупной вылазкой Трошю, внесло бы расстройство в распоряжения Мольтке. Ни один из корпусов, который Трошю удалось бы атаковать, не мог бы двинуться против д'Ореля. Таким образом, было бы делом случая, которому из двух французских командующих пришлось бы сражаться с главной массой немцев, но остается фактом, что силы французов, вместе взятые, значительно превосходили бы любые силы, которые немцы могли бы выставить против них. Расстояние между Парижем и Дрё меньше чем в пятьдесят миль. В случае одновременного наступления на немцев с обоих концов и со всеми имеющимися в распоряжении французов силами, по всей вероятности, несколько немецких дивизий оказались бы на марше между обеими конечными точками, поэтому использовать их немедленно не было бы возможности. Если бы наступление было действительно одновременным, то почти подавляющее численное превосходство французов — со стороны Дрё или со стороны Парижа — было бы несомненным, и поэтому не одержать хотя бы одной победы было почти невозможно. Мы отлично знаем, как много недостатков и затруднений связано с согласованными выступлениями и как часто они терпят неудачу. Но следует заметить, что в данном случае для успеха требовалось лишь одно условие: чтобы оба наступления были произведены точно в одно и то же время. И, кроме того, ясно, что, учитывая расстояние между армиями в сорок миль, пруссаки тоже должны были бы согласовывать свои передвижения.

Почему ни д'Орель, ни Трошю не воспользовались возможностями, которые им представлялись, объяснить невозможно. Мелкие стычки вблизи Дрё и Шатонёф не были, конечно, такого характера, чтобы отбросить Луарскую армию; в них участвовало не больше трех немецких дивизий, в то время как Луарская армия насчитывает, по крайней мере, восемь. Ожидает ли д'Орель дальнейших подкреплений; не сбились ли с пути его почтовые голуби в доставке донесений; нет ли разногласий между ним и Трошю, — мы сказать не можем. Во всяком случае это промедление является роковым для их дела. Принц Фридрих-Карл продолжает двигаться вперед и в настоящий момент

находится, пожалуй, настолько близко к армии великого герцога Мекленбургского, что может действовать совместно с ней, и шесть дивизий, которые находятся под Парижем, могут быть там оставлены. А с того момента, как это произойдет, оба французских генерала потеряют еще один шанс на победу, а, быть может, и свой последний шанс.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1803, среда, 23 ноября 1870 г.*

ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА ВО ФРАНЦИИ.

Вчера мы обратили внимание на тот факт, что со времени капитуляции Седана перспективы Франции значительно улучшились и что даже падение Меца и освобождение тем самым до 150 000 немецких солдат в настоящее время не являются таким сокрушительным бедствием, каким оно казалось вначале. Если сегодня мы возвращаемся к тому же вопросу, то делаем это для того, чтобы некоторыми деталями военного характера еще лучше доказать правильность этого взгляда.

Расположение германских армий к 24 ноября, насколько это можно установить, было нижеследующим:

Обложение Парижа: Третья армия (2-й, 5-й, 6-й и 2-й баварские корпуса, 21-я, вюртембергская и гвардейская дивизии ландвера) и Четвертая армия (4-й, 12-й и гвардейский корпуса); всего семнадцать дивизий.

Обсервационная армия, прикрывающая обложение: с севера, Первая армия (1-й и 8-й корпуса); с запада и юго-запада, армия герцога Мекленбургского (17-я и 22-я дивизии и 1-й баварский корпус); с юга, Вторая армия (3-й, 9-й и 10-й корпуса и дивизия ландвера, часть которой потерпела поражение от Рпчотти Гарибальди у Шатийона); всего пятнадцать дивизий.

Со специальным назначением: на юго-востоке Франции, 14-й корпус (Вердера, состоящий из $2\frac{1}{2}$ дивизий) и 15-й корпус; в Меце и у Тионвиля, 7-й корпус; на линии связи, по крайней мере $1\frac{1}{2}$ дивизии ландвера; всего не меньше восьми дивизий.

Из этих сорока пехотных дивизий первые семнадцать в настоящее время целиком заняты у Парижа; по неподвижности последних восьми дивизий можно судить о том, что они с трудом справляются с стоящей перед ними задачей. Для боевых действий остается еще пятнадцать дивизий, составляющих три обсервационные армии и представляющих собой вместе с конницей и артиллерией силу численностью не свыше 200 000 бойцов.

Таким образом, до 9 ноября казалось, что не существовало серьезных препятствий, чтобы помешать этой массе людей наводнить

большую часть центральной и даже Южной Франции. Но с тех пор положение вещей значительно изменилось. Не так важен факт, что фон-дер Танн был разбит и вынужден отступить или что д'Орель показал свое умение хорошо командовать своими войсками, что внушило нам значительно большее уважение к Луарской армии, чем мы, признаться, питали к ней раньше; важны, главным образом, энергичные меры, принятые Мольтке против ожидаемого похода Луарской армии на Париж, что выставило эту армию в совершенно ином свете. Мольтке не только считал необходимым держать наготове против нее, даже с риском фактически снять обложение Парижа, большую часть блокирующих сил с южной стороны города, но сразу изменил направление движения двух армий, идущих от Меца, с тем чтобы стянуть их ближе к Парижу и сосредоточить все немецкие войска вокруг этого города; теперь же мы узнаем, кроме того, что были приняты меры для окружения осадного парка оборонительными укреплениями. Каково бы ни было мнение других лиц, но Мольтке, очевидно, считает Луарскую армию не просто сбродом вооруженных людей, а настоящей серьезной и грозной армией.

Прежняя неосведомленность относительно характера этой армии в значительной степени была результатом сообщений английских корреспондентов, находящихся в Туре. Среди них, повидимому, нет ни одного военного человека, способного подметить характерные черты, которыми армия отличается от толпы вооруженных людей. Ежедневно получались самые противоречивые сведения относительно дисциплины, успехов в обучении, численности, вооружения, снаряжения, артиллерии, транспорта, — короче говоря, все те существенные сведения, на основании которых можно было составить себе мнение о Луарской армии. Все мы знаем об огромных трудностях при формировании этой новой армии: недостаток офицеров, вооружения, лошадей, всякого рода материальной части и в особенности недостаток времени. Сообщения, поступавшие к нам, касались, главным образом, этих трудностей, и в результате Луарская армия вообще недооценивалась людьми, которые не позволяют своим симпатиям влиять на их суждения.

Теперь те же самые корреспонденты единодушно расхваливают эту армию. Говорят, что она располагает лучшими офицерами и более дисциплинирована, чем армия, погибшая при Седане и Меце. Несомненно, до известной степени это так. Дух этой армии, повидимому, значительно лучше, чем когда-либо был дух бонапартистских армий; чувствуется решимость выполнить свой долг перед страной, действовать согласованно, повиноваться приказам, данным на этот

счет. Затем, эта армия вновь научилась некоторым очень важным вещам, которые армия Луи-Наполеона совершенно забыла: сторожевой службе, искусству прикрывать фланги и тыл от неожиданных нападений, производить разведку неприятеля, застигать врасплох его отряды, добывая сведения и захватывая пленных. Корреспондент «Times» при герцоге Мекленбургском приводит доказательства этому. Теперь именно пруссаки не могут узнать местонахождения своего врага и должны действовать наугад; прежде было как раз наоборот. Армия, которая научилась этому, научилась очень многому. Все же мы не должны забывать, что Луарская армия, так же как и ее сестры — Западная и Северная армии, все еще должна доказать свою храбрость в крупном сражении против равной по численности армии. Но в общем она подает большие надежды, и существуют обстоятельства, создающие уверенность, что даже крупное поражение не нанесет ей такого серьезного вреда, какой обыкновенно оно наносит большинству молодых армий.

Факт таков, что зверства и жестокости пруссаков вместо подавления народного сопротивления удвоили его энергию, и настолько, что пруссаки, кажется, сами поняли свою ошибку; теперь мы почти не слышим о сжигании деревень и избиении крестьян. Но жестокое обращение уже оказало свое действие, и партизанская война с каждым днем принимает все большие размеры. Когда мы читаем в «Times» сообщение о продвижении герцога Мекленбургского к Ле Ману, где неприятеля не видно, где никакие регулярные войска не оказывают сопротивления, где лишь на фланги нападают конница и партизаны, когда нет никаких сведений о местонахождении французских войск, а прусские войска держатся скученно большими отрядами, то мы невольно вспоминаем походы наполеоновских маршалов в Испании или войск Базэна в Мексике. А раз пробудился этот дух народного сопротивления, то даже армии в 200 000 человек не так много значат при оккупации враждебной страны. Они быстро достигают предела, за которым их отряды оказываются слабее сил обороняющихся; от энергии народного сопротивления целиком зависит, как скоро будет достигнута эта линия. Таким образом, даже разбитая армия находит вскоре безопасное от преследований неприятеля место, если только народ этой страны восстанет, а именно это и может произойти теперь во Франции. И если население районов, оккупированных неприятелем, восстанет или же только коммуникационные линии неприятеля будут постоянно прерываться, то грань, за которой вторжение становится бессильным, еще более приблизится. Нас, например, не удивит, что наступление герцога

Мекленбургского, если только он не получит сильной поддержки от принца Фридриха-Карла, окажется уже теперь зашедшим слишком далеко вперед.

В настоящее время все, конечно, зависит от Парижа. Если Париж выдержит еще месяц (а сообщения о состоянии запасов продовольствия внутри города вовсе не исключают этой возможности), то Франция сможет создать действующую армию достаточно большую, чтобы с помощью народного сопротивления снять обложение успешным нападением на коммуникации пруссаков. Механизм организации армии, повидимому, работает во Франции в настоящее время достаточно хорошо. Людей больше чем нужно; благодаря ресурсам современной промышленности и скорости современных средств сообщения вооружение появляется в неожиданно больших размерах; из одной Америки прибыло 400 000 винтовок; артиллерия изготавливается во Франции с быстротой, до сих пор совершенно неизвестной; находят даже офицеров или как-то готовят их. В общем усилия, сделанные Францией после Седана для реорганизации своей национальной обороны, беспрецедентны в истории и для обеспечения успеха нуждаются только в одном — во времени. Если Париж продержится хотя бы еще один месяц, то это будет сильно содействовать успеху. А если Париж не будет обеспечен продовольствием на такой период времени, Трошю может попытаться прорваться через линию обложения с теми из своих войск, которые окажутся пригодными для этого; и слишком смелым было бы теперь сказать, что он не может иметь успеха. А если он достигнет успеха, то для поддержания порядка в Париже немцам все-таки еще потребуется гарнизон, по крайней мере, из трех прусских армейских корпусов, так что Трошю освободил бы большее количество французов, чем сдача Парижа освободила бы немцев. То, что могли сделать французы, защищая Париж, того никогда не смогли бы сделать немцы, взяв эту крепость и обороняя ее от французов. Понадобилось бы столько же людей для подавления народного сопротивления внутри города, сколько для занятия крепостных валов и отражения нападений извне. Таким образом, падение Парижа может, но не обязательно должно, повлечь за собой падение Франции.

Теперь самое неподходящее время для высказывания предположений о вероятности того или другого хода войны. Нам приблизительно известен лишь один факт — численность прусских армий. О другом, о численности и действительной боеспособности французских сил, мы знаем слишком мало. И более того, теперь действуют моральные факторы, не поддающиеся никаким вычислениям, о ко-

торых мы можем только сказать, что все они благоприятны для Франции и неблагоприятны для Германии. Кажется бесспорным одно: борющиеся силы уравниваются как раз теперь больше чем когда бы то ни было после Седана, и сравнительно небольшое усиление французов обученными войсками могло бы установить равновесие окончательно.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1806. суббота, 26 ноября 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXIX.

Долгожданная буря, наконец, разразилась. После продолжительного периода маршей и маневров с обеих сторон, когда разнообразие вносилось только мелкими стычками и партизанской борьбой, война снова вступила в один из тех критических периодов, когда удар следует за ударом. 27 ноября Северная французская армия потерпела поражение под Амьеном; 28-го значительная часть Луарской армии была разбита принцем Фридрихом-Карлом под Бон-ля-Роланд; 29-го Трошю предпринял неудачную вылазку с южной стороны Парижа, а 30-го он, повидимому, атаковал всеми имеющимися в его распоряжении войсками саксонцев и вюртембергцев, которые облагают Париж с северо-восточной стороны.

Эти различные действия являются результатом согласованных операций, которые, как мы неоднократно указывали, являются для французов единственными, имеющими шансы на успех. Если бы Северная армия, уступающая врагу по своей численности, могла бы удерживать оба корпуса Мантейфеля, не позволяя последнему послать подкрепления кронпринцу саксонскому, облагающему Париж с северной стороны, то эта армия была бы использована надлежащим образом. Но дело обстояло иначе. Ее наступление на открытой местности было вскоре остановлено численно уступавшими ей пруссаками, ибо из сопоставления различных сообщений представляется, повидимому, несомненным, что Мантейфель бросил в этот бой только один из своих корпусов. Северная армия была бы лучше использована, если бы ее полевые войска были отправлены по железной дороге на юг к Ле Ману или если бы она постоянно тревожила сторожевое охранение и отряды Мантейфеля, но не принимала бы боя иначе, как под стенами одной из многочисленных северных крепостей, составляющих базу для ее операций. Но при теперешнем состоянии Франции и с молодыми солдатами, которые образуют ее армию, командующий генерал не всегда может начать отступление, даже если это стратегически необходимо; такой способ действий мог бы деморализовать его войска больше, чем полное поражение. В данном случае Северная армия находит надежное убежище в своих кре-

постях, где она может переформироваться и куда Мольтке вряд ли захочет именно сейчас посылать Мантейфеля ей вдогонку. Но в то же время Мантейфель может теперь свободно двигаться в любом ином направлении, и, если, как сообщают из Лилля (хотя это сообщение опровергается), он снова эвакуировал Амьен и поспешно повернул на Париж, мы не можем не признать, что Северная армия не выполнила своего назначения.

На западе 21-му французскому корпусу в Ле Мане и 22-му (которым прежде командовал Кератри) в лагере Конли до сих пор удавалось оттянуть войска великого герцога Мекленбургского на большое расстояние от Парижа, не подвергая себя опасности серьезного поражения. Наше предположение, что наступление этих немецких войск зашло, пожалуй, слишком далеко, повидимому, единодушно подтверждается французскими сообщениями, согласно которым немцы опять очистили позиции, недавно занятые ими к востоку и юго-востоку от Ле Мана, и эти позиции теперь снова заняты французами. Однако последние, повидимому, не использовали своих регулярных войск для очень энергичного преследования врага, так как мы не слышали о каких-нибудь значительных столкновениях; таким образом, Западная армия не имела большего успеха, чем Северная в попытке задержать своего противника. Где Западная армия теперь и что она делает, нам не сообщают; возможно, что неожиданная ссора между Кератри и Гамбеттой парализовала ее движения как раз в самый решительный момент. Во всяком случае, если она не сумела ни разбить, ни задержать войска герцога Мекленбургского, она поступила бы благоразумнее, если бы послала те части своих войск, которые снаряжены и организованы для кампании, по железной дороге навстречу Луарской армии, с тем чтобы главное наступление велось сосредоточенными силами.

Это главное наступление могло бы быть произведено только Луарской армией, которая является основной частью всех французских полевых войск, и оно могло быть направлено только против принца Фридриха-Карла, так как его армия является самой многочисленной из трех армий, прикрывающих обложение Парижа. По имеющимся сведениям, Луарская армия состоит из 15-го, 16-го, 17-го и 19-го французских корпусов, которые в течение некоторого времени находились перед Орлеаном, имея 18-й (теперь под командой Бурбаки) и 20-й в резерве за Луарой. Так как в боях 28-го [ноября] 18-й и 20-й принимали участие, целиком или частично, то они, повидимому, перешли Луару до этого числа, и, таким образом, все эти шесть корпусов могли быть использованы для наступления

против Второй германской армии. Во время этой войны французский корпус всегда состоял из трех или четырех пехотных дивизий. Согласно боевому приказу, опубликованному приблизительно две недели тому назад венским военным журналом «Kamerad», 15-й корпус насчитывал пять бригад в двух дивизиях; 16-й — четыре бригады в двух дивизиях; 18-й — десять бригад в трех дивизиях. Даже если мы не примем во внимание сообщение «Journal de Bruxelles», который приписывает Луарской армии полный состав в восемнадцать пехотных дивизий (или три на корпус), тогда как многие из них должны все еще быть в процессе формирования, то все же нет сомнения, что наступление 28-го могло быть произведено двенадцатью или пятнадцатью дивизиями вместо пяти или, в лучшем случае, шести. Характерно для войск, из которых состоит Луарская армия, что они были разбиты противником, значительно уступавшим ей в численности, так как против нее действовали только три пехотные дивизии (две 10-го корпуса и 5-я), или меньше чем половина Второй армии. Во всяком случае, понесенное ею поражение должно было быть очень серьезным: об этом свидетельствуют не только немецкие сообщения, но также и то, что Луарская армия с тех пор не сделала попытки предпринять новое наступление более сосредоточенными силами.

Из всего этого следует, что попытка освободить Париж извне пока потерпела неудачу. Она потерпела неудачу, во-первых, потому, что были упущены неocenимые шансы на успех во время той недели, которая предшествовала прибытию Первой и Второй германских армий; во-вторых, потому, что наступательные действия, когда они были предприняты, были проведены без необходимой энергии и сосредоточения сил. Молодые войска, из которых состоят новые французские армии, с самого начала не могут, если только они вдвое не превышают врага численностью, рассчитывать на успех в боях с испытанными солдатами, которые действуют против них; и поэтому вдвойне неправильно вести их в бой, не позаботившись о том, чтобы каждый боец, лошадь и орудие, которыми можно располагать, действительно были посланы на поле битвы.

С другой стороны, мы не думаем, что поражения под Амьеном и Бон-ля-Роланд будут иметь еще какие-нибудь серьезные последствия кроме того, что они разрушат надежды на освобождение Парижа. Линии отступления Западной и Луарской армий вполне обеспечены, если только не будут совершены грубейшие ошибки. Подавляющая часть обеих этих армий не пострадала от поражения. Насколько действующие против них немецкие войска смогут их пре-

следовать, зависит от энергии народного сопротивления и партизанской войны, т. е. от факторов, которые пруссаки обладают особой способностью вызывать всюду, где бы они ни проходили. Теперь нечего опасаться, что принц Фридрих-Карл пройдет от Орлеана до Бордо, не встречая сопротивления, как кронпринц прошел от Меца до Реймса. Ввиду обширности пространства, которое необходимо сначала вполне оккупировать, прежде чем может быть предпринято дальнейшее наступление на юг (не только крупными летучими отрядами), семь дивизий принца Фридриха-Карла будут быстро распылены, и их наступательная сила будет полностью исчерпана. Франции сейчас более всего необходимо время. А раз пробудился дух народного сопротивления, это время она еще может выиграть. Вооружение, изготовляемое в течение последних трех месяцев, вероятно, везде будет скоро готово, а добавочное число бойцов, которое дает каждая неделя, должно в течение некоторого времени непрерывно возрастать.

Что касается двух вылазок из Парижа, то сведения, полученные до момента, когда пишется эта заметка, слишком противоречивы и слишком неопределенны, чтобы можно было составить об этих вылазках какое-либо определенное мнение. Повидимому, однако, результаты, которые были достигнуты вплоть до вечера 30-го, вовсе не оправдывали, как признает сам Трошю, победных криков, поднятых в Туре. Итак, пункты, все еще удерживаемые французами к югу от Марны, защищены огнем парижских фортов; единственное место вне досягаемости этих фортов, которое они одно время удерживали, — Мон Мели — им опять пришлось оставить. Более чем вероятно, что бои под Парижем вчера возобновились, а сегодня, может быть, было сражение у Орлеана и Ле Мана; во всяком случае в течение ближайших нескольких дней должен наступить второй кризис войны, который, по всей вероятности, решит судьбу Парижа.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1811, пятница, 2 декабря 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXX.

Вторая парижская армия начала свое наступательное движение 29 ноября вылазкой со стороны южной части города в направлении на Л'Э и Шуази-ле-Руа. По прусским сообщениям, первый корпус армии Дюкро, под командой Винуа, атаковал здесь 6-й прусский корпус Тюмплинга. Это наступление было, повидимому, только демонстрацией, имевшей целью возбудить тревогу у пруссаков и заставить их усилить эту часть своего фронта, благодаря чему в случае успеха осажденные могли бы кратчайшим путем соединиться с Луарской армией. В противном случае Винуа был бы, несомненно, поддержан другими корпусами и потерял бы не менее нескольких сот человек убитыми и ранеными и сотню пленными. Подлинное наступление началось на следующее утро. На этот раз Дюкро повел наступление по правому берегу Сены, близ ее слияния с Марной, в то время как вторая вылазка на левом берегу была направлена против Тюмплинга, а демонстративные атаки к западу от Сен-Дени — против 4-го и гвардейского корпусов. Какие войска были использованы для этих демонстративных атак, мы не знаем, но, согласно официальному французскому сообщению, вылазка против Тюмплинга была произведена адмиралом де Ларонсьер де Нури. Этот офицер командует одной из семи дивизий Третьей парижской армии, которая находится под непосредственным командованием Трошю, а потому возможно, что все второстепенные атаки были поручены этой армии, с тем чтобы оставить все восемь дивизий Дюкро для действительного наступления на Марне.

Это наступление тоже должно было вестись по двум расходящимся направлениям. Одна часть войск была по необходимости направлена на восток, на Шелль, вдоль правого берега реки Марны, для того чтобы не подпускать 12-й, или саксонский, корпус, который облагает Париж с восточной стороны. Это представляло собой еще одно второстепенное наступление; о его истории мы знаем очень мало, за исключением утверждений саксонцев, что они удержали свои позиции; вероятно, так оно и было. Между тем главные силы

войск Дюкро, имея впереди второй корпус под командой Рено, переправились по восьми мостам через Марну и атаковали три вюртембергские бригады, которые удерживали участок между Марной и Сеной. Как мы уже указывали, течение Марны перед ее впадением в Сену образует громадную букву S, причем верхний или северный изгиб ее приближается к Парижу, а нижний отходит от него. Над обоими этими изгибами господствует огонь фортов; но в то время, как верхний, или приближающийся к Парижу, изгиб благодаря своему очертанию очень удобен для вылазок, над нижним, или отходящим от Парижа, командуют не только форты, но и весь левый берег; кроме того, река по направлению своего течения и обилию рукавов неудобна для наводки мостов под огнем. Ввиду этого большая часть этого изгиба осталась, повидимому, чем-то вроде нейтрального пространства, по обеим сторонам которого шли действительные бои.

Войска, предназначавшиеся для наступления на западе, шли под прикрытием огня с форта Шарантон и редута Ля Гравель в направлении на Мели и Бонейль. Между этими двумя деревнями находится одинокий холм, Мон Мели, который на целых сто футов возвышается над окружающей равниной и который по необходимости был первым пунктом, подвергшимся атаке французов. В телеграмме генерала Оберница, командующего вюртембергской дивизией, указано, что атака была произведена «дивизией»; но, принимая во внимание, что французы сначала оттеснили 2-ю и 3-ю вюртембергские бригады, которые действовали против них и не могли быть отбиты, пока не подошли подкрепления, а также принимая во внимание, что генерал Дюкро, имевший в своем распоряжении достаточно войск, не предпринял бы такого важного наступления только с двумя бригадами, совершенно очевидно, что здесь налицо еще один из тех многих случаев, когда слово «Abteilung», обозначающее любое подразделение армии, неправильно переводится как «дивизия», что означает особое подразделение, состоящее из двух и не более трех бригад. Но как бы то ни было, французы взяли Мон Мели и деревни, расположенные у его подножья, и, если бы они смогли удержать и укрепить этот холм, они достигли бы результата, достойного боев этого дня. Но прибыли подкрепления в виде прусских войск из второго корпуса, а именно седьмая бригада; утраченные позиции были захвачены снова, и французы отброшены обратно под прикрытием форта Шарантон.

Далее, слева французы предприняли второе наступление. Под прикрытием огня с редута де-ля-Фезандри и с форта Ножан они

переправились через Марну у верхнего изгиба S и захватили деревни Бри и Шампиньи, которые находятся на двух его крайних точках. Действительные позиции первой вюртембергской бригады, которая удерживала этот район, были расположены несколько в тылу, на краю возвышенности, простирающейся от Вийе до Нейи. Сомнительно, было ли Вийе хотя временно в руках французов; король Вильгельм говорит «да», генерал Оберниц говорит «нет». Известно только, что французы не удержали Вийе и наступление непосредственно за пределы досягаемости фортов было отбито.

Результаты этих боев армии Дюкро, «имевшей позади себя Марну», т. е. находившейся к югу от нее, в официальной французской депеше резюмированы следующим образом: «Армия затем переправилась по восьми мостам через Марну и удержала взятые позиции, захватив два орудия». Это означает, что она снова отступила на правый или северный берег реки, где она «удержала» те или другие позиции, которые, конечно, были ею «взяты», но только не у противника. Очевидно, официальные донесения для Гамбетты все еще фабрикуют те же люди, которые это делали для Наполеона.

1 декабря французы дали еще одно доказательство того, что они считают свою вылазку неудачной. Хотя «Moniteur» и объявил, что в тот день должно было быть произведено под командой генерала Винуа наступление в южном направлении, но мы получили известие из Версаля от 1 декабря (час не указан), что в тот день французы не предпринимали никаких военных действий; напротив, они обратились с просьбой о перемирии, которое дало бы им возможность убрать убитых и раненых с поля боя между позициями обеих армий. Если бы они считали, что в состоянии снова захватить это поле боя, то они несомненно возобновили бы борьбу немедленно. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в том, что эта первая вылазка Трошю была отбита и, вдобавок, противником, значительно уступавшим ему в численности. Мы можем предположить, что он вскоре возобновит свои усилия. Мы слишком мало знаем о том, как была проведена эта первая попытка, чтобы судить, будет ли она на этот раз иметь больше шансов на успех; но, если он снова будет отброшен, это должно будет иметь чрезвычайно деморализующее влияние и на войска и на население Парижа.

А между тем Луарская армия, как мы и ожидали, снова проявляет признаки оживления. Столкновения около Луаньи и Патэ, о которых сообщается из Тура, очевидно, те же, о которых упоминается в телеграмме из Мюнхена, а, судя по ней, фон-дер Танн имел успех к западу от Орлеана. В данном случае обе стороны точно так

же претендуют на победу. Вероятно, через день или через два мы получим из этого района больше сведений, а так как мы все еще ничего не знаем об относительном расположении обеих сторон, то было бы бесполезно заниматься предсказаниями.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1812, суббота, 3 декабря 1870 г*

ШАНСЫ ВОЙНЫ.

Последнее поражение французской Луарской армии и отступление Дюкро за Марну (предполагая, что это отступление имело такой решающий характер, как сообщалось в субботу) окончательно определяют судьбу первой комбинированной операции, предпринятой для освобождения Парижа. Она совершенно не удалась, и публика снова начинает спрашивать, не доказывает ли эта новая серия неудач неспособность французов к дальнейшему успешному сопротивлению, не лучше ли сразу прекратить игру, сдать Париж и подписать уступку Эльзаса и Лотарингии.

Дело в том, что люди потеряли всякое представление о том, что значит настоящая война. Крымская, итальянская и австро-прусская войны — все они были просто обычными войнами, войнами правительств, которые заключали мир, как только их военный механизм разрушался или изнашивался. Настоящей войны, войны, в которой участвует сама нация, мы не видели в центре Европы уже в течение нескольких поколений. Мы видели ее на Кавказе, в Алжире, где борьба продолжалась свыше двадцати лет почти непрерывно; мы могли бы видеть ее в Турции, если бы турки получили от своих союзников разрешение защищаться своими собственными замороженными способами. Но факт таков, что наши условности дают право действительной самообороны одним лишь варварам; мы рассчитываем, что цивилизованные государства будут сражаться соответственно этикету и что подлинная нация не будет повинна в такой неучливости, как продолжение борьбы после того, как официальная нация вынуждена была сдаться.

И вот в данный момент французы совершают такую неучливость. К досаде пруссаков, считающих себя самыми лучшими знатоками военного этикета, французы действительно продолжают сражаться в течение трех месяцев после того, как официальная французская армия изгнана с поля сражения; они даже сделали то, чего их официальная армия во время этой войны никогда не могла сделать. Они добились одного крупного успеха и множества мелких; они захватывали у неприятеля орудия, обозы и пленных.

Правда, они только что понесли ряд тяжелых поражений; но эти поражения ничто в сравнении с теми, которые испытывала их официальная армия при всяком столкновении с тем же противником. Правда, их первая попытка прорвать блокаду Парижа посредством одновременного наступления изнутри и извне потерпела полную неудачу, но разве отсюда непременно следует, что у них не осталось шансов для второй попытки?

Обе французские армии, как Парижская, так и Луарская, по свидетельству самих же немцев, сражались хорошо. Правда, они были разбиты силами, численно меньшими, но этого и следовало ожидать от молодых, только что организованных войск, противопоставленных ветеранам. Их тактические движения под огнем, по словам корреспондента «Daily News», который знает, о чем он пишет, были быстры и уверенны; если им недоставало четкости, то это общий недостаток многих победоносных французских армий. Одно не подлежит сомнению: эти армии доказали, что они подлинные армии, к которым их противники должны будут относиться с должным уважением. Несомненно, что они составлены из самых разнообразных элементов. Имеются линейные батальоны с различным количеством старых солдат; есть мобили различной боевой ценности, от обученных и вооруженных батальонов, хорошо укомплектованных офицерами, до батальонов необученных рекрутов, не имеющих еще элементарной строевой подготовки и не знающих ружейных приемов; есть партизаны всех сортов: хорошие, плохие и посредственные, большинство из них, вероятно, принадлежит к последней категории. Но во всяком случае имеется ядро хороших боевых батальонов, вокруг которых могут группироваться остальные; если они в течение месяца будут участвовать в различных боях, избегая при этом крупных поражений, то из всех них выработаются отличные солдаты. При лучшей стратегии они и теперь могли бы иметь успех, а единственная стратегия, которая требуется в данный момент, заключается в отсрочке решительного сражения, что, как нам кажется, может быть достигнуто.

Но войска, сосредоточенные в Ле Мане и близ Луары, еще далеко не представляют собою всей вооруженной силы Франции. Имеется еще, по крайней мере, 200 000—300 000 человек, из которых сейчас формируются отряды в более отдаленных пунктах тыла. Каждый день их боеспособность все увеличивается. На протяжении, по крайней мере, некоторого времени каждый день должен давать фронту непрерывно возрастающее количество свежих солдат. За ними уже стоит множество людей, готовых занять их места. Оружие

и боевые припасы прибывают ежедневно в больших количествах; при наличии современных орудийных и сталелитейных заводов, при наличии телеграфа и пароходов, господствуя на море, недостатка в этом нечего опасаться. В течение месячного срока произойдет также огромная перемена в боеспособности этих людей; а если бы им было предоставлено два месяца, они представляли бы из себя армию, способную сильно нарушить спокойствие Мольтке.

За этими более или менее регулярными силами стоит многочисленное народное ополчение, масса народа, доведенная пруссаками до оборонительной войны, которая, по словам отца короля Вильгельма, освящает всякие средства. Когда «Фриц» двигался от Меца к Реймсу, от Реймса к Седану, а оттуда к Парижу, о восстании народа не говорилось ни слова. Поражения императорских армий воспринимались со своеобразным равнодушием; двадцать лет императорского режима приучили народные массы к тупому и пассивному подчинению официальному руководству. Кое-где встречались крестьяне, участвовавшие в действительных боях, как в Базейле, но они были исключением. Однако едва только пруссаки расположились вокруг Парижа и подвергли окружающие местности опустошающей системе реквизиций, проводимых без всякого снисхождения, едва лишь они приступили к расстрелам партизан и к сожжению деревень, оказавших помощь партизанам, как только они отвергли мирные предложения французов и заявили о своем намерении вести завоевательную войну, все это изменилось. Повсюду вокруг них вспыхнула партизанская война, вызванная их собственными жестокостями, и теперь стоит лишь им вступить в новый департамент, как повсюду поднимается народное ополчение. Кто читает в немецких газетах отчеты о продвижении армий герцога Мекленбургского и принца Фридриха-Карла, тот сразу заметит, какое исключительное влияние на их движение имело это неуловимое, то исчезающее, то снова возникающее, но всегда грозное восстание народа. Даже многочисленная конница, которой французам почти нечего противопоставить, в значительной мере обезврежена этой всеобщей активной и пассивной враждебностью населения.

Рассмотрим теперь положение пруссаков. Из семнадцати дивизий, расположенных у Парижа, они, конечно, не могут выделить ни одной, пока Трошю может в любой день повторить свои массовые вылазки. Для четырех дивизий Мантейфеля в Нормандии и Пикардии на некоторое время будет еще столько дела, что они едва смогут с ним справляться; к тому же их могут оттуда и отозвать.

Две с половиной дивизии Вердера могут продвинуться за Дижон разве только набегами, и так будет продолжаться до тех пор, пока Бельфор не будет вынужден к сдаче. Невозможно выслать ни одного солдата из частей войск, назначенных охранять длинную и узкую коммуникационную линию: железную дорогу Нанси—Париж. У 7-го корпуса достаточно дел, так как он должен снабдить гарнизонами крепости Лотарингии и вести осаду Лонгви и Монмеди. Для полевых операций против большей части центральной и Южной Франции остается 11 пехотных дивизий Фридриха-Карла и герцога Мекленбургского, наверное, не больше 150 000 человек, включая конницу.

У пруссаков, таким образом, действуют около двадцати шести дивизий для оккупации Эльзаса и Лотарингии, для обеспечения двух длинных коммуникационных линий до Парижа и Дижона и для обложения Парижа, и все же непосредственно они владеют, быть может, даже меньше чем одной восьмой частью, а косвенно, наверное, не больше чем одной четвертью Франции. Для остальной части страны у них остается 15 дивизий, из которых 4 находятся под командованием Мантейфеля. Как глубоко они окажутся в состоянии проникнуть в страну, всецело зависит от той энергии народного сопротивления, которую они могут встретить. Но ввиду того, что все их коммуникации идут через Версаль — ибо поход Фридриха-Карла не открыл новой линии через Труа — и проходят в самой середине восставшей страны, этим войскам придется распылять свои силы на широком фронте, оставлять в тылу отряды для охраны дорог и для того, чтобы удерживать в подчинении население; в результате они быстро достигнут такого предела, когда силы их настолько уменьшатся, что окажутся в равновесии с противостоящими им силами французов, и тогда шансы снова окажутся благоприятными для французов; или же эти немецкие армии должны будут действовать большими подвижными колоннами, двигающимися по всей стране вдоль и поперек, но не оккупируя ее окончательно. В таком случае регулярные французские войска могут, отступая перед ними в течение некоторого времени, найти затем достаточно удобных моментов для нападения на их фланги и тыл.

Несколько летучих отрядов, какие, например, посылал в 1813 г. Блюхер в обход французских флангов, были бы весьма полезны, если бы они служили для разрушения коммуникационной линии немцев. Эта линия уязвима почти на всем своем протяжении от Парижа до Нанси. Несколько отрядов, каждый в составе одного или двух эскадронов конницы и некоторого количества отличных

стрелков, нападая на эту линию, разрушая рельсовые пути, тоннели и мосты, нападая на поезда и т. д., заставили бы отозвать немецкую конницу с фронта, где она особенно опасна. Хотя, конечно, французы не обладают настоящей «гусарской лихостью».

Все это мы говорим в предположении, что Париж продолжает держаться. До сих пор, за исключением голода, нет ничего такого, что могло бы заставить Париж сдаться. Но помещенное во вчерашнем номере «Daily News» сообщение от корреспондента, находящегося в этом городе, если оно верно, рассеивает много опасений. Там еще имеется 25 000 лошадей, помимо принадлежащих Парижской армии, которые, при весе в 500 килограммов каждая, дали бы $6\frac{1}{4}$ килограмма, или 14 фунтов, мяса на каждого жителя, или около $\frac{1}{4}$ фунта мяса в день в продолжение двух месяцев. Учитывая это, а также хлеб и вино *ad libitum* [сколько угодно], значительное количество солонины и других съестных припасов, Париж может отлично продержаться до начала февраля. А это дало бы Франции два месяца, имеющие для нее теперь больше значения, чем два года в мирное время. При более или менее разумном и энергичном руководстве, как в центре, так и на местах, Франция, таким образом, была бы в состоянии к этому времени освободить Париж и оправиться.

А если Париж падет? — у нас еще будет достаточно времени для рассмотрения этой возможности, когда она станет более вероятной. Как бы то ни было, Франция сумела обойтись без Парижа в течение более двух месяцев и может продолжать сражаться без него. Конечно, падение Парижа способно деморализовать французов и подорвать дух сопротивления, но такое же влияние могут оказать и в настоящее время известия о неудачах последних семи дней. Ни то, ни другое не должно обязательно иметь таких последствий. Если французы укрепят несколько хороших маневренных позиций, как Невер, что у слияния Луары и Алье, если они возведут форты вокруг Лиона, чтобы сделать его столь же сильным, как Париж, то война может вестись даже после падения Парижа; но теперь еще не время говорить об этом.

Таким образом, мы имеем смелость заявить, что, если дух сопротивления в народе не ослабнет, позиция французов, даже после последних поражений, еще очень сильна. Владя морем для подвоза оружия, имея достаточное количество людей, которых можно превратить в солдат, проделав в течение трех месяцев — первых и самых трудных трех месяцев — организационную работу, имея шансы получить еще один месяц, если не два, передышки, притом

в такое время, когда пруссаки проявляют уже признаки истощения, — сдаваться при таких условиях было бы явным предательством. А кто знает, какие случайности могут произойти, какие дальнейшие осложнения могут возникнуть в Европе за это время? Во что бы то ни стало французам следует продолжать борьбу.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1816, четверг, 8 декабря 1870 г.*

ПРУССКИЕ ПАРТИЗАНЫ.

За последнее время сообщения о поджогах пруссаками французских деревень почти совершенно исчезли из печати. Мы стали надеяться, что прусские власти поняли свою ошибку и прекратили подобный способ действий в интересах своих же собственных войск. Но мы ошиблись. Газеты снова пестрят сообщениями о расстреле пленных и разрушении деревень. Берлинский «Börsen Courier» сообщает из Версаля от 20 ноября:

«Вчера прибыли первые раненые и пленные после боя у Дрё, происходившего 17-го. Расправа с партизанами была короткой и должна была послужить хорошим примером: они были поставлены в ряд и один за другим получили пулю в лоб. По армии был опубликован общий приказ, категорически запрещающий брать их в плен и предлагающий расстреливать их на месте военно-полевым судом, где бы они ни показывались. По отношению к этим гнусным, подлым разбойникам и негодям подобный способ действия сделался абсолютной необходимостью».

Далее, венская «Tagespresse» от того же числа сообщает, что «в лесу Вильнев на прошлой неделе вы могли бы увидеть четырех партизан, повешенных за то, что они стреляли в наших уланов».

Официальное сообщение из Версаля, помеченное 26 ноября, констатирует, что все сельское население вокруг Орлеана, подстрекаемое к борьбе священниками, получившими от епископа Дюпанлу приказ проповедывать крестовый поход, начало вести партизанскую борьбу против немцев. Они стреляют по разездам; крестьяне, делающие вид, что работают в поле, убивают офицеров, везущих приказы. В отмщение за эти убийства все невоенные, имеющие при себе оружие, немедленно расстреливаются. Немало священников ожидает теперь суда — семьдесят семь человек.

Это только несколько примеров, число их может быть увеличено до бесконечности; таким образом, у пруссаков имеется, повидимому, твердое намерение продолжать эти зверства до конца войны. Ввиду этого может быть полезно еще раз обратить их внимание на некоторые факты из новейшей истории Пруссии.

Нынешний король Пруссии отлично может припомнить времена глубочайшего унижения своей страны, сражение при Иене, продолжительное бегство к Одеру, постепенную капитуляцию почти всех прусских войск, отступление остальных за Вислу, полное крушение всей военной и политической системы страны. И тогда под прикрытием одной из померанских береговых крепостей инициатива и патриотизм частных лиц положили начало новому активному сопротивлению неприятелю. Простой драгунский корнет Шилль приступил к формированию в Кольберге добровольческого отряда (по-французски — вольных стрелков), с которым он, при поддержке населения, нападал внезапно на разъезды, отряды, полевые посты, захватывал казенные деньги, продовольственные, военные материалы, взял в плен французского генерала Виктора, подготовлял всеобщее восстание в тылу французов и на их коммуникационных линиях и вообще проделывал все то, что теперь ставится в вину французским партизанам, которых пруссаки наделяют кличкой разбойников и негодяев, награждая безоружных пленных «пулей в лоб». Отец нынешнего прусского короля вполне одобрял действия Шилля и повысил его в чине. Хорошо известно, что тот же самый Шилль в 1809 г., когда Пруссия находилась в состоянии мира, а Австрия воевала с Францией, повел свой полк для действия против Наполеона на свой собственный риск, совсем на манер Гарибальди; он был убит при Штральзунде, а его солдаты были взяты в плен. Согласно прусским военным законам, Наполеон имел полное право расстрелять всех, но расстрелял в Везеле всего одиннадцать офицеров. На могилах этих одиннадцати партизан отец нынешнего прусского короля, вопреки своей воле, под давлением общественного мнения в армии и вне ее, должен был воздвигнуть в их честь памятник.

Как только в Пруссии фактически стали создаваться отряды партизан, пруссаки, как это и подобает народу мыслителей, приступили к систематизации этого дела и выработке его теории. Теоретиком партизан, великим философом в этой области был не кто иной, как Антон Нейдгарт фон-Гнейзенау, бывший некоторое время фельдмаршалом на службе его величества прусского короля. Гнейзенау оборонял Кольберг в 1807 г.; под его командованием находилась некоторая часть партизан Шилля; сильную поддержку в обороне ему оказывали местные жители, которые даже не могли претендовать на звание национальной, мобильной или местной гвардии и которые поэтому, согласно новейшим прусским понятиям, заслуживали «расстрела на месте». Но огромные ресурсы,

которые завоеванная страна черпает из энергичного народного сопротивления, произвели на Гнейзенау столь сильное впечатление, что он в течение ряда лет изучал вопрос о наилучшей организации этого сопротивления. Партизанская война в Испании, восстания русских крестьян по пути отступления французов из Москвы дали ему новые примеры, и в 1813 г. он смог приступить к проведению своей теории на практике.

Уже в августе 1811 г. Гнейзенау составил план подготовки народного восстания. Предполагалось организовать милицию без какой-либо военной формы, кроме военной фуражки (по-французски кепи) и чернобелого пояса и, быть может, военной шинели; короче говоря, это была почти такая же форма, какую имеют современные французские партизаны. «При появлении превосходных сил неприятеля оружие, кепи и пояса должны быть спрятаны, и милиционеры превращаются в простых жителей страны». Это как раз то, что в настоящее время пруссаки считают преступлением и за что наказывают пулей или веревкой. Эти милиционные войска должны тревожить неприятеля, прерывать его сообщения, захватывать или уничтожать его обозы с продовольствием, избегать серьезного боя и уходить в леса или болота при появлении массы регулярных войск. «Духовенство всех наименований должно получить приказ проповедывать восстание, как только начнется война, рисовать самыми мрачными красками картину угнетения, чинимого французами, напоминать народу о евреях во времена Маккавеев и призывать его следовать их примеру... Каждый священник должен привести к присяге своих прихожан, чтобы они не сдавали неприятелю ни продовольствия, ни оружия и т. п., пока их не принудят к этому силой», т. е. фактически немецкие священники должны были проповедывать такой же крестовый поход, какой приказал своим священникам проповедывать епископ орлеанский, за что немало французских священников ждут теперь суда.

Всякий, кто возьмет второй том книги профессора Пертца «Жизнь Гнейзенау», увидит на первой странице второго тома выдержку из вышеприведенного отрывка в виде факсимиле Гнейзенау. Против него на полях имеется сделанное рукою короля Фридриха-Вильгельма примечание: «Как только один из священников будет расстрелян, все это кончится». Очевидно, король не особенно верил в героизм своего духовенства. Но это не помешало ему специально санкционировать планы Гнейзенау; это не помешало также тому, что спустя несколько лет, когда те самые люди, которые изгнали

французов, были арестованы и подвергались преследованиям как «демагоги», один из просвещенных охотников за демагогами того времени, в чьи руки попал оригинал этого документа, возбудил дело против неизвестного автора, обвиняя его в подстрекательстве народа к расстрелу духовенства!

Вплоть до 1813 г. Гнейзенау неутомимо подготовлял не только регулярную армию, но и народное восстание как средство для свержения французского ига. Когда, наконец, война началась, то она сразу же начала сопровождаться восстаниями, сопротивлением крестьян и выступлениями партизан. В местности между Везером и Эльбой вооруженное восстание началось в апреле; немного позднее вспыхнуло народное восстание возле Магдебурга; сам Гнейзенау написал друзьям во Франконию письмо, опубликованное Пертцем, с призывом поднять восстание вдоль коммуникационной линии неприятеля. Тогда, наконец, появилось и официальное признание этой народной войны — закон о ландштурме от 21 апреля 1813 г. (опубликованный лишь в июле), согласно которому каждый физически здоровый мужчина, не находящийся в рядах линейных войск или ландвера, призывается вступить в свой батальон ландштурма, чтобы подготовиться к священной борьбе самообороны, в которой оправдываются все средства. Ландштурм должен тревожить неприятеля как во время его продвижения вперед, так и во время его отступления, постоянно держать его в тревоге, нападать на его обозы с боевыми припасами и продовольствием, на его курьеров, рекрутов и госпитали, внезапно нападать на него по ночам, уничтожать отстающих солдат и небольшие отряды, парализовать неприятеля и добиваться того, чтобы все его движения были неуверенными; а с другой стороны, ландштурм обязан помогать прусской армии, конвоировать перевозки денег, продовольствия, боевых припасов, пленных и т. д. Закон этот действительно может быть назван настоящим справочником партизана, и так как он составлен недюжинным стратегом, то в настоящее время он применим во Франции так же, как в свое время в Германии.

К счастью для Наполеона I, этот закон проводился крайне слабо. Король был напуган работой своих собственных рук. Позволить самому народу вести борьбу помимо королевских приказов было совсем не в прусском духе. Поэтому формирование ландштурма было приостановлено впредь до момента, когда король потребует этого, но король такого требования никогда не предъявлял. Гнейзенау злился, но в конце концов начал обходиться без ландштурма. Если бы он теперь был жив, имея за собой весь опыт Пруссии, то он,

вероятно, во французских партизанах увидел бы если не полное, то приблизительное осуществление своего прекрасного идеала народного сопротивления. Ибо Гнейзенау был человеком, и притом гениальным человеком.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1817, пятница, 9 декабря 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXI.

В Луарской кампании, повидимому, наступило временное затишье, которое дает нам возможность сопоставить сообщения и даты и создать из этих беспорядочных и противоречивых материалов настолько ясное повествование о действительных событиях, насколько это, при данных обстоятельствах, возможно.

Луарская армия начала свое существование в качестве отдельного соединения 15 ноября, когда д'Орель де Паладин, командовавший до тех пор 15-м и 16-м корпусами, был назначен командующим новым соединением, которое было сформировано под этим названием. Какие еще войска входили в то время в это соединение, мы сказать не можем; эта армия фактически непрерывно получала подкрепления, по крайней мере, вплоть до конца ноября, когда она номинально состояла из следующих корпусов: 15-го (Пальер), 16-го (Шанзи), 17-го (Сони), 18-го (Бурбаки), 19-го (Барраль, по прусским сведениям) и 20-го (Круза). Из них 19-й никогда не упоминался ни во французских, ни в прусских сообщениях, и поэтому мы не можем предполагать, что он принимал участие в боях. Кроме этих корпусов, под Ле Маном и в соседнем лагере Конли находились 21-й армейский корпус (Жорес) и армия Бретани, которая после отставки Кератри была передана Жоресу. Мы можем добавить, что на севере под командой генерала Федерба находится 22-й корпус; базой его операций является город Лилль. Мы не включили сюда кавалерийский корпус генерала Мишеля, приданный Луарской армии, хотя этот отряд конницы и считается очень многочисленным, однако, ввиду того что сформирован он недавно и состав его необучен, его нельзя рассматривать иначе как добровольческую или любительскую конницу.

Эта армия состояла из чрезвычайно разнородных элементов, — начиная от старых солдат, вновь призванных в ряды войск, до неопытных рекрутов и добровольцев, питающих отвращение ко всякой дисциплине; от крепких батальонов, как, например, папские зуавы, до банд, которые были батальонами только по названию. Хотя некоторая дисциплина и была установлена, армия в целом все

еще сохраняла отпечаток той огромной поспешности, с которой производилось ее формирование. «Если бы этой армии было дано еще четыре недели для подготовки, она была бы грозным противником», — говорили немецкие офицеры после знакомства с ней на поле битвы. За вычетом всех тех неопытных рекрутов, которые служат только помехой, мы можем установить, что в пяти корпусах д'Ореля (не считая 19-го) было приблизительно от 120 000 до 130 000 человек, заслуживающих названия бойцов. Войска под Ле Маном могли дать еще около 40 000.

Против них стоит армия принца Фридриха-Карла, в которую входят также и войска под командой великого герцога Мекленбургского; от капитана Хозье мы теперь знаем, что все они вместе составляли, пожалуй, меньше чем 90 000 человек. Но благодаря военному опыту своей организации и испытанному руководству командиров эти 90 000 вполне могли вступать в бой с двойным числом таких войск, какие действовали против них. Таким образом, шансы были почти равные, а то, что это было так, делает большую честь французскому народу, который из ничего в течение трех месяцев создал эту новую армию.

Кампания началась со стороны французов атакой на фон-дер Танна под Кульмье и взятием обратно Орлеана 9 ноября. Затем мы видим движение герцога Мекленбургского на помощь фон-дер Танну и маневры д'Ореля в направлении на Дрё, что заставило герцога Мекленбургского стянуть сюда все свои войска и предпринять марш на Ле Ман. Во время этого марша французские иррегулярные войска тревожили немцев так энергично, как никогда в эту войну. Население оказывало самое решительное сопротивление, партизаны непрерывно тревожили фланги противника; но регулярные войска ограничивались демонстрациями и не принимали боя. Письма немецких корреспондентов при армии герцога Мекленбургского, их ярость и возмущение этими проклятыми французами, которые упорно применяют в войне способы, наиболее удобные для себя и наименее удобные для противника, являются лучшим доказательством того, что эта короткая кампания в окрестностях Ле Мана была прекрасно проведена оборонявшимися. Французы заставили герцога Мекленбургского, как в какой-то охоте на диких гусей, гнаться за невидимой армией до тех пор, пока он оказался на расстоянии приблизительно в двадцать пять миль от Ле Мана. Зайдя так далеко, он не решился идти дальше и повернул на юг. Очевидно, первоначальный план состоял в том, чтобы нанести сокрушительный удар Ле Манской армии, затем повернуть к югу на Блуа и обойти

левый фланг Луарской армии, в то время как Фридрих-Карл, как раз тогда подходивший, атаковал бы ее с фронта и тыла. Но этот план, как и многие другие, составленные впоследствии, не удался. Предоставив герцога Мекленбургского своей судьбе, д'Орель двинулся против Фридриха-Карла и 24 ноября атаковал под Ладонем и Мезьером 10-й прусский корпус, а 28-го под Бон-ля-Роланд крупную прусскую часть. Очевидно, здесь д'Орель плохо использовал свои войска. Несмотря на то, что это была его первая попытка прорваться сквозь прусскую армию и силой проложить себе путь на Париж, только небольшая часть его войск была в готовности. Единственно, что ему удалось сделать, — это внушить противнику уважение к своим войскам. Он отошел на укрепленные позиции перед Орлеаном, где сосредоточил все свои силы. Он расположил их справа налево следующим порядком: 18-й корпус — на крайнем правом фланге, затем 20-й и 15-й, все они находились к востоку от железной дороги Париж — Орлеан; к западу от нее — 16-й и на крайнем левом фланге — 17-й. Если бы эти войска были сосредоточены во-время, вряд ли можно было бы сомневаться в том, что они разбили бы армию Фридриха-Карла, которая тогда насчитывала менее 50 000 человек. Но к тому времени, когда д'Орель основательно укрепился на своих позициях, герцог Мекленбургский снова двинулся на юг и присоединился к правому крылу армии своего кузена, который получил теперь верховное командование. Таким образом, 40 000 бойцов герцога Мекленбургского приняли участие в наступлении против д'Ореля, в то время как французская Ле Манская армия, удовлетворившись славой, что она «отбила» противника, спокойно оставалась на своих местах, в каких-нибудь 60 милях от пункта, где решались судьбы кампании.

После этого совершенно неожиданно пришло известие о вылазке Трошу 30 ноября. Надо было сделать новые усилия, чтобы поддержать его. 1 декабря д'Орель начал общее наступление на пруссаков, но было слишком поздно. В то время как немцы встретили его всеми своими войсками, его 18-й корпус, на крайнем правом фланге, был, повидимому, послан по неверному направлению и не принял участия в боевых действиях. Таким образом, д'Орель сражался, имея только четыре корпуса, а это значит, что число его фактических бойцов, вероятно, лишь немного превышало число бойцов противника. Он был разбит и, кажется, счел себя побежденным даже раньше того, чем это произошло в действительности. Этим и объясняется нерешительность, которую он проявил, когда, отдав вечером 3 декабря приказ об отступлении через Луару, он на следующее утро отменил его

и решил оборонять Орлеан. Результат был обычный: «ordre, contre-ordre, désordre» (приказ, отмена приказа, беспорядок). Так как прусское наступление сосредоточивалось против его левого фланга и центра, то оба его правофланговые корпуса, очевидно, вследствие полученных ими противоречивых приказов, потеряли путь отступления на Орлеан и должны были переправиться через реку у Жаржо (20-й корпус) и еще восточнее, у Сюлли (18-й корпус). Небольшая часть последнего была, повидимому, отброшена еще более на восток, так как 7 декабря она была обнаружена под Невуа, вблизи Жиен, 3-м прусским корпусом, который отсюда преследовал ее в направлении на Бриар, все время по правому берегу реки. Орлеан попал в руки немцев вечером 4 декабря, причем преследование французов было организовано немедленно. В то время, как 3-й корпус должен был идти по правому берегу Верхней Луары, 10-й был послан на Вьерзон, а войска герцога Мекленбургского по правому берегу на Блуа. Не дойдя до этого пункта, последние были встречены под Божанси, по крайней мере, частью Ле Манской армии, которая, наконец, соединилась теперь с войсками Шанзи и оказала упорное и отчасти успешное сопротивление. Но оно вскоре было сломлено, так как 9-й прусский корпус шел по левому берегу реки на Блуа, где он отрезал бы Шанзи отступление на Тур. Это обходное движение достигло своей цели. Шанзи ушел от опасности, и Блуа попал в руки противника. Наступившая оттепель и сильные дожди размыли дороги, и это приостановило дальнейшее преследование.

Принц Фридрих-Карл телеграфировал в главную квартиру, что вся Луарская армия рассеяна в разных направлениях, ее центр прорван и как армия она перестала существовать. Все это звучит превосходно, но далеко не соответствует действительности. Даже согласно немецким отчетам, не может быть никакого сомнения в том, что взятые под Орлеаном 77 орудий почти все были морскими орудиями, оставленными в укреплениях. Возможно, что 10 000, — а включая раненых и 14 000, — было взято в плен и большинство из них было в значительной степени деморализовано; но состояние баварцев, которые 5 декабря, также деморализованные, без оружия и ранцев, толпами шли по дороге от Артенэ на Шартр, было немногим лучше. Во время преследования, 5-го и после, не было захвачено никаких трофеев; если армия разбита, то не может быть, чтобы такая активная и многочисленная кавалерия, как прусская, не приводила в плен солдат этой армии целыми толпами. Тут, мягко выражаясь, кроется какая-то необычная неточность. Оттепель — не оправдание: она наступила около 9-го, и, таким образом, для активного пресле-

дования имелось четыре или же пять дней, когда замерзшие дороги и поля были в прекрасном состоянии. Наступление пруссаков остановлено не столько оттепелью, сколько сознанием, что силы их войск, насчитывавших 90 000 человек, доведенных до 60 000, вследствие потерь и из-за того, что приходилось оставлять войска для несения гарнизонной службы, почти истощены. Они почти дошли до предела, за которым преследовать даже разбитого противника становится неосторожностью. Набеги крупного масштаба в южном направлении возможны, но дальнейшее занятие территории вряд ли будет иметь место. Луарская армия, разделенная теперь на две армии, — одна под командой Бурбаки, а другая Шанзи, — будет иметь достаточно времени и пространства для реорганизации и пополнения своего состава вновь сформированными батальонами. Из-за своего разделения она перестала существовать как армия; но это первая французская армия в данной кампании, которая вела себя не бесславно. О двух армиях, пришедших ей на смену, мы, вероятно, еще услышим.

А между тем Пруссия обнаруживает признаки истощения. Призывают ландвер до 40 лет и старше, хотя по закону эти люди после 32 лет свободны от военной службы. Обученные резервы страны истощены. В январе во Францию будут посланы новобранцы из Северной Германии, их будет приблизительно 90 000. Это все вместе взятое, быть *может*, и составит те 150 000 человек, о которых мы так много слышим, но пока их еще нет; а когда они действительно придут, их появление существенно изменит характер армии. Истощение сил, вызванное данной кампанией, ужасно и возрастает с каждым днем. Это доказывается как меланхолическим тоном писем из армии, так и списками потерь. Судя по этим спискам, главные потери причиняются не крупными боями, а мелкими стычками, во время которых погибает один, два, пять человек. Волны народной войны с течением времени разрушают по частям самую крупную армию и, что особенно важно, без какой-либо видимой убыли противной стороны. Пока Париж держится, положение французов улучшается с каждым днем, и нетерпение, с которым в Версале ждут сдачи Парижа, является лучшим доказательством того, что этот город может еще оказаться опасным для осаждающих его.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1824, суббота, 17 декабря 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXII.

Бои прошлой недели доказали, насколько правильно мы оценивали положение каждой из воюющих сторон, когда утверждали, что армии, прибывшие из Меца на Луару и в Нормандию, уже в значительной мере утратили способность к захвату новой территории. Пространство, оккупированное с тех пор немцами, почти совсем не расширилось. Великий герцог Мекленбургский с баварцами фон-дер Танна (без которых, несмотря на их дезорганизацию и отсутствие обуви, нельзя обойтись на фронте), с 10-м корпусом и 17-й и 22-й дивизиями преследовал войска Шанзи, отступавшие медленно и все время с боями от Божанси на Блуа, от Блуа на Вандом, Эпюизе и далее. Шанзи оборонял каждую позицию, какую представляли ему речки, впадающие в Луару с севера, а когда 9-й корпус (или, по крайней мере, его гессенская дивизия), подойдя с левого берега реки, обошел его правый фланг под Блуа, он отступил к Вандому и занял позицию на линии Луара¹. Он удерживал эту позицию в течение 14-го и 15-го, несмотря на атаки противника, но покинул ее 15-го вечером и медленно отступил к Ле Ману, все еще оказывая сопротивление. 17-го под Эпюизе, у места соединения дорог, идущих из Вандома и Морэ на Сен-Калэ, он имел еще один арьергардный бой с войсками фон-дер Танна, а затем отступил, причем немцы, повидимому, не преследовали его на большое расстояние.

Все это отступление проводилось, как видно, с большой осмотрительностью. После того, как было решено разделить прежнюю Луарскую армию на две части, одна из них под командой Бурбаки должна была действовать к югу от Орлеана, а другая под командой Шанзи, которому передавались также и войска в окрестностях Ле Мана, должна была оборонять Западную Францию к северу от Луары. После того, как это мероприятие было проведено, Шанзи не было выгодно вызывать решительные боевые действия. Его план, наоборот, по необходимости заключался лишь в том, чтобы оспаривать у противника каждую пядь земли, не вступая, однако, в решительный бой,

¹ Луар — приток р. Сарты, впадающей в р. Луару. *Ред.*

наносить противнику таким способом, насколько возможно, тяжелые потери и приучить свои собственные молодые войска к порядку и стойкости под огнем. При отступлении он, естественно, должен был потерять больше людей, чем противник, особенно много могло быть дезертиров, но это были худшие люди его батальонов, без которых он отлично мог обойтись. Он мог поднять дух своих войск, поддерживая в то же время в противнике то чувство почтения к республиканским войскам, которое уже завоевала Луарская армия. И он вскоре мог достигнуть того предела, когда преследующие войска, ослабленные потерями, болезнями и выделением отрядов, которые приходится оставлять в тылу на своих путях снабжения, должны будут отказаться от преследования или, в свою очередь, рисковать поражением. Этим пределом, по всей вероятности, мог бы быть Ле Ман; там находились два учебных лагеря в Ивре л'Эвек и в Конли и неизвестное число войск различной степени организованности и с разнородным вооружением; но тут безусловно должно было находиться больше организованных батальонов, чем Шанзи мог потребовать для того, чтобы отбить любую атаку герцога Мекленбургского. Это, повидимому, почувствовал прусский командующий или, вернее, его начальник штаба, генерал Стош, который фактически руководит движением армии герцога Мекленбургского. И действительно, после того как мы узнали, что 18-го 10-й северо-германский корпус преследовал Шанзи за Эпюизе, мы теперь слышим, что 21-го генерал Фойгтс-Ретц (командующий этим самым 10-м корпусом) разбил отряд французов в окрестностях Монне и отгеснил их за Нотр-Дам-д'Оэ. Между тем Монне находится приблизительно в тридцати пяти милях к югу от Эпюизе, на дороге из Вандома в Тур, а Нотр-Дам-д'Оэ на несколько миль ближе к Туру. Таким образом, после того как войска Мекленбургского преследовали главные французские силы вплоть до Ле Мана, теперь они, повидимому, направлены, по крайней мере, частично на Тур, к которому в данный момент, вероятно, они уже подошли, но который вряд ли смогут удержать на продолжительное время.

Прусские критики порицали эксцентрическое отступление Луарской армии после боев у Орлеана и утверждали, что этот ошибочный шаг французы должны были сделать только под влиянием мощного удара принца Фридриха-Карла, который «прорвал» их центр. Мы охотно верим тому, что это эксцентрическое отступление и последовавшее за ним разделение армии на две отдельные части были в значительной степени вызваны неправильными распоряжениями д'Ореля в момент, когда противник нанес ему удар. Но тут была и другая

причина: Франции для организации сил прежде всего нужно время и пространство, т. е. как можно больше территории, чтобы собрать средства для организации людей и материальной части. Не будучи пока в состоянии давать решительные сражения, она должна пытаться спасти возможно большую территорию от оккупации неприятелем. А так как вторжение достигло теперь той линии, когда силы наступления и силы обороны почти уравновешены, нет надобности сосредоточивать войска обороны таким образом, как это требуется для решительного удара. Их, наоборот, можно без большого риска разделить на несколько крупных отрядов, чтобы они могли защищать возможно большую территорию и противопоставить врагу в любом направлении, где бы ему ни вздумалось наступать, достаточно крупные силы и, таким образом, помешать длительной оккупации. А так как вблизи Ле Мана все еще находится примерно 60 000, а может быть и 100 000 человек (правда, в чрезвычайно скверном состоянии в отношении снаряжения, обучения и дисциплины, но это состояние улучшается с каждым днем) и так как средства для их снаряжения, вооружения и снабжения организованы и сосредоточиваются в Западной Франции, то было бы большой ошибкой оставить их только потому, что теория стратегии требует, чтобы, при обычных обстоятельствах, разбитая армия отступала как одно целое; в данном случае это могло бы быть достигнуто только отступлением на юг, оставив запад незащищенным. Наоборот, в самих лагерях вблизи Ле Мана находится достаточное количество людского материала, который может с течением времени сделать новую Западную армию даже сильнее, чем была старая Луарская армия, а тем временем весь юг формирует подкрепления для войск Бурбаки. Таким образом, то, что на первый взгляд кажется ошибкой, в действительности было правильной и необходимой мерой, которая несколько не мешает тому, чтобы через некоторое время все французские войска были в состоянии принять участие в согласованных решительных действиях.

Значение Тура заключается в том, что он образует самый крайний железнодорожный узел на западе между северо-западом и югом Франции. Если Тур будет постоянно находиться в руках пруссаков, Шанзи не будет иметь железнодорожного сообщения ни с правительством в Бордо, ни с Бурбаки в Бурже. Но своими наличными силами пруссаки не имеют шансов удержать Тур. Их положение там будет слабее, чем положение фон-дер Танна в Орлеане в начале ноября; хотя временная потеря Тура и влечет за собой неудобства, все же с ней можно примириться.

О других немецких войсках у нас мало сведений. Принц Фридрих-Карл с 3-м корпусом и, может быть, с половиной 9-го корпуса совершенно исчез из виду, а это говорит о том, что у него нет сил, чтобы вести наступление. Мантейфель принужден играть роль огромного летучего отряда для производства реквизиций; повидимому, он не может длительно оккупировать местности, лежащие за Руаном. Вердер со всех сторон подвергается нападениям партизанских отрядов, и, в то время как он может удержаться в Дижоне только благодаря исключительной активности, он вдруг узнает, что, если он хочет обеспечить свой тыл, ему необходимо блокировать также и Лангр. Нам неизвестно, где он возьмет войска для этого; сам он не может выделить никаких войск, а у войск ландвера в окрестностях Бельфэра и в Эльзасе достаточно своего дела. Таким образом, везде силы, повидимому, почти уравновешены. Теперь идет состязание на то, кто получит больше подкреплений, но в этом состязании Франция имеет гораздо больше шансов, чем она имела три месяца тому назад. Если бы мы могли с уверенностью сказать, что Париж продержится до конца февраля, мы могли бы, пожалуй, допустить, что Франция выйдет победительницей из этого состязания.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1829, пятница, 23 декабря 1870 г.*

VI КОНГРЕССУ БЕЛЬГИЙСКИХ СЕКЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Лондон 23 декабря 1870 г.

Граждане!

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих шлет свой привет вашему VI конгрессу. Самый факт созыва этого конгресса служит новым доказательством того, что бельгийский пролетариат неустанно продолжает свою борьбу за освобождение рабочего класса даже тогда, когда кровопролитная братоубийственная война наполняет ужасом всю Европу и отвлекает на время общественное внимание от всего остального.

С особым удовлетворением мы констатировали, что в отношении этой войны бельгийские секции усвоили ту линию поведения и провозгласили те идеи, которые диктуются интересами пролетариата всех стран: отказ от каких бы то ни было замыслов о завоеваниях и поддержка республики во Франции. Впрочем, наши бельгийские друзья действуют в этом отношении в полном согласии с рабочими других стран.

С тех пор, как пруссаки заняли Руан, последние связи, которые еще были у нас с Францией, оказались на время прерванными. Но в Англии, Америке и Германии среди рабочих очень быстро развернулось движение против завоевательной войны и за поддержку французской республики. В особенности в Германии это движение приняло такие размеры, что прусское правительство сочло для себя необходимым, в интересах своей завоевательной и реакционной политики, расправиться с рабочими. Центральный комитет германской социал-демократической партии, находящийся в Брауншвейге, был арестован; многие члены этой партии подверглись той же участи; в довершение всего два депутата Северо-германского рейхстага, граждане Бебель и Либкнехт, представлявшие в нем взгляды и интересы рабочего класса, были заключены в тюрьму. Интернационал обвиняется в том, что он будто бы призвал всех этих граждан к осуществлению обширного революционного заговора. Перед нами несомненно второе издание пресловутого заговора Интернационала в Па-

риже, заговора, который якобы раскрыла бонапартистская полиция и который оказался потом такой жалкой, провалившейся полицейской выдумкой. Наперекор всем этим преследованиям международное рабочее движение идет все вперед и вперед.

Настоящий конгресс дает вам возможность установить количество секций и других примыкающих организаций, а также число членов, входящих в состав каждой из них, и, таким образом, составить себе правильное представление об успехах нашего движения в Бельгии. Мы хотели бы, чтобы вы сообщили Генеральному Совету итоги этого численного подсчета, характеризующего положение нашего Товарищества в Бельгии; мы постараемся добавить к этой статистике сведения и по другим странам. Само собою разумеется, что это сообщение мы будем считать конфиденциальным и что факты, которые мы отсюда почерпнем, не будут преданы гласности.

Далее, Генеральный Совет позволяет себе надеяться, что в 1871 г. у бельгийских секций будет возможность вспомнить о резолюциях различных международных конгрессов, касающихся взносов, предназначенных для Совета. Настоящая война делает невозможным поступление денег от большинства континентальных стран, и мы прекрасно знаем, что бельгийские рабочие также чувствуют на себе общую депрессию, явившуюся результатом этой войны; поэтому Генеральный Совет поднимает этот вопрос только для того, чтобы напомнить бельгийским секциям, что без материальной поддержки он не будет в состоянии развить пропаганду в таких размерах, в каких он бы этого хотел.

За отсутствием секретаря по бельгийским делам, гражданина Серрайе, Генеральный Совет уполномочил нижеподписавшегося направить это сообщение конгрессу.

С братским приветом

Фридрих Энгельс.

Напечатано в «L'Internationale» 1 января 1871 г. без трех последних абзацев, перевод которых дан по черновику письма, хранящемуся в Архиве ИМЭЛ.

ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЦЕВ ВО ФРАНЦИИ

Истощение сил от этой войны начинает сказываться в Германии. Численность первой вторгшейся армии, включая все северные и южные линейные войска, достигала приблизительно 640 000 человек. За два месяца войны эта армия настолько уменьшилась, что пришлось из запасных батальонов и эскадронов отправить на фронт первые пополнения, около одной трети первоначального количества. Они прибыли в конце сентября и начале октября, и, хотя их было, вероятно, около 200 000 человек, однако, батальоны действующей армии далеко не были укомплектованы до их первоначального состава в 1 000 человек каждый. Батальоны под Парижем насчитывали от 700 до 800 человек, а батальоны под Мецем были еще слабее. Вскоре болезни и бои произвели дальнейшее опустошение, и, когда принц Фридрих-Карл дошел до Луары, его три корпуса насчитывали меньше чем половину своего штатного состава, имея в среднем по 450 человек на батальон. Бои за этот месяц, а также суровая и изменчивая погода должны были сильно отразиться на войсках под Парижем и на армиях, прикрывающих обложение; поэтому теперь батальоны несомненно насчитывают в среднем меньше чем 400 человек. В начале января, после трех месяцев обучения, новобранцы призыва 1870 г. будут готовы к отправке в действующую армию. Их будет приблизительно 110 000 человек, что составит несколько меньше чем 300 человек на батальон. Мы теперь узнаем, что часть их уже прошла Нанси и что новые пополнения прибывают ежедневно; таким образом, вскоре батальоны могут снова быть доведены приблизительно до 650 человек. Если, как это представляется вероятным по многим признакам, оставшиеся в распоряжении необученные запасные (из эрзац-резерва) более молодых возрастов действительно обучались вместе с новобранцами очередного призыва, то пополнение увеличилось бы еще на 100 человек на батальон, что дало бы в целом 750 человек на батальон. Это будет приблизительно три четверти первоначальной численности и составит армию в 480 000 бойцов из миллиона людей, которые были отправлены из Германии на фронт. Таким образом, больше половины людей, выступивших

из Германии в составе линейных полков или влившихся в них впоследствии, было убито или сделалось инвалидами меньше чем за четыре месяца. Если это кому-нибудь покажется невероятным, пусть он сравнит потери, истощение сил в прежних кампаниях, например 1813 и 1814 гг., и пусть он примет во внимание, что непрерывные продолжительные и быстрые марши пруссаков во время этой войны должны были крайне тяжело отразиться на их войсках.

До сих пор мы рассматривали только линейные войска. Кроме них, во Францию был отправлен почти весь ландвер. Вначале в гвардейских батальонах ландвера было по 800 человек, а в других — по 500; но их численность была постепенно доведена до 1 000 человек в среднем. Включая кавалерию и артиллерию, это даст общий итог в 240 000 человек. Значительно бóльшая часть из них в течение некоторого времени уже находится во Франции, охраняя сообщения, блокируя крепости и т. п. И даже для этой цели их оказалось недостаточно, так как в данный момент формируются еще четыре дивизии ландвера (вероятно, путем образования третьего батальона в каждом полку ландвера), составляющие, по крайней мере, пятьдесят батальонов, или еще 50 000 человек. Все они должны быть посланы теперь во Францию; те, которые все еще оставались в Германии, неся сторожевую службу при лагерях французских пленных, должны быть заменены в этой службе вновь сформированными «гарнизонными батальонами». Каков будет их состав, мы не можем определенно сказать до тех пор, пока не получим полного текста приказа об их формировании, а он пока известен только по краткому телеграфному сообщению. Но если, как мы знаем, вышеупомянутые четыре новые дивизии ландвера могут быть сформированы только путем призыва людей сорока лет и даже старше, то кто же из обученных резервов останется для гарнизонных батальонов, кроме людей в возрасте от сорока до пятидесяти лет? Нет никакого сомнения, что эта мера исчерпывает в Германии полностью резервы обученных людей и, кроме того, новый призыв за целый год.

На долю ландвера, действовавшего во Франции, пришлось гораздо меньше маршей, ночлегов на бивуаке и боев, чем на долю линейных войск. У него большей частью были приличные квартиры, достаточное питание и умеренное количество обязанностей, поэтому общее число его потерь убитыми и ранеными может быть оценено приблизительно в 40 000 человек. Эти силы ландвера, включая новые, ныне формирующиеся батальоны, составят 250 000 человек; но совершенно неизвестно, как скоро, — если это вообще когда-нибудь произойдет. — все они смогут быть освобождены для несения службы за

границей. Можно сказать, что на ближайшие два месяца боеспособных войск ландвера во Франции будет не больше 200 000 человек.

Всего в линейных войсках и в ландвере, вместе взятых, во второй половине января будет под ружьем во Франции приблизительно от 650 000 до 680 000 немецких солдат, из них от 150 000 до 200 000 находятся сейчас в пути или готовятся к отправке. Но эти войска будут чрезвычайно отличаться от тех, которые до сих пор были там использованы. Хорошая половина линейных батальонов будет состоять из молодых людей двадцати или двадцати одного года — неиспытанных бойцов такого возраста, в котором трудности зимней кампании особенно тяжело отражаются на состоянии здоровья. Эти люди скоро переполнят госпитали, а численность батальонов снова начнет таять. С другой стороны, ландвер будет все более состоять из людей старше 32 лет, почти без исключения женатых и отцов семейств, т. е. из людей в том возрасте, когда жизнь в лагерях на открытом воздухе в холодную или сырую погоду может почти наверняка очень скоро вызвать повальный ревматизм. И не может быть никакого сомнения в том, что большая часть ландвера будет гораздо чаще участвовать в маршах и боях, чем до сих пор, вследствие увеличения территории, которую он должен оккупировать. Состав линейных полков становится значительно моложе, состав ландвера значительно старше, чем до сих пор; у отправляемых в линейные полки новобранцев было мало времени, чтобы пройти военное обучение и усвоить правила дисциплины; у пополнения ландвера было вполне достаточно времени, чтобы забыть и то и другое. Таким образом, в силу тех элементов, которые германская армия теперь получает, она по своему характеру в гораздо большей степени, чем раньше, становится похожей на новые французские наборы, действующие против нее; однако немцы имеют то преимущество, что эти элементы вливаются в сильные и стойкие кадры старой армии.

Какие же людские резервы, кроме этих, остаются у Пруссии? Новобранцы, которым в 1871 г. будет двадцать лет, и эрзац-резерв старшего возраста, причем последние все необученные, почти все женаты и находятся в таком возрасте, когда у людей мало склонности или способностей начинать солдатскую службу. Призыв в армию людей, которые в течение долгого времени привыкли считать свое отношение к ней только номинальным, был бы чрезвычайно непопулярен. Еще менее популярной мерой был бы призыв тех физически годных мужчин, которым удалось по тем или иным причинам совершенно избежать военной службы. В чисто оборонительной войне все они выступили бы без малейших колебаний; но в за-

воевательной войне, а особенно в такой, когда успех этой завоевательной политики становится сомнительным, этого нельзя от них ожидать. Нельзя в течение долгого времени вести завоевательную войну с ее переменным успехом с помощью армии, которая, главным образом, состоит из женатых людей; в таком деле одно или два больших поражения должны деморализовать эти войска. Чем более, — в силу того, что война затягивается, — прусская армия становится действительно «вооруженным народом», тем менее она становится способной на завоевания. Пусть немецкие филистеры неистово кричат об Эльзасе и Лотарингии, но все же несомненно, что Германия не может ради их завоевания переносить такие же лишения, такое же расстройство общественной жизни и такую же приостановку в национальном производстве в стране, какие Франция готова перенести ради собственной обороны. Пыл этого самого немецкого филистера, как только он наденет мундир и будет отправлен на фронт, быстро остынет на каком-нибудь французском поле битвы или в сильный мороз на бивуаке. И, может быть, для обеих наций будет, в конце концов, всего лучше, если они на самом деле встретятся лицом к лицу с оружием в руках.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1830, суббота, 24 декабря 1870 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXIII.

С рождества началась действительная осада Парижа. До этого времени происходило лишь обложение этой гигантской крепости. Правда, были построены батареи для тяжелых осадных орудий и собран осадный парк, но ни одного орудия не было поставлено на позицию, не было проделано ни одной амбразуры, не было произведено ни одного выстрела. Все эти приготовления были выполнены с южной и юго-западной сторон. С других сторон были также сооружены брустверы, но они, очевидно, предназначались лишь для оборонительных действий против вылазок и для прикрытия пехоты и полевой артиллерии осаждающих. Эти укрепления устраивались, разумеется, на большей дистанции от парижских фортов, чем должны были находиться осадные батареи; между ними и фортами проходила широкая полоса никем не занятого пространства, которым можно было пользоваться для вылазок. Когда большая вылазка Трошю 30 ноября была отбита, он все еще продолжал оставаться хозяином некоторой части этого пространства с восточной стороны Парижа, в особенности изолированного плато Аврон, перед фортом Рони. С какого числа Трошю начал укреплять это плато, мы точно не знаем, но 17 декабря мы встречаем упоминание о том, что как Монт Аврон, так и высоты Варенн (в петле, образованной Марной) были уже укреплены и вооружены тяжелыми орудиями.

За исключением нескольких передовых редутов с южной стороны близ Витри в Вильжюйф, которые, повидимому, не имеют большого значения, мы имеем здесь первую в крупном масштабе попытку обороняющихся расширить свои позиции контр-апрошами. Здесь мы должны, естественно, прибегнуть к сравнению с Севастополем. Спустя больше четырех месяцев после начала осадных работ, к концу февраля 1855 г., когда союзники ужасно страдали от холода, Тотлебен начал возведение передовых укреплений на значительном для того времени расстоянии впереди своих линий. 23 февраля он построил Селенгинский редут в 1 100 ярдах от главного крепостного вала, и в тот же самый день атака нового укрепления союзниками потерпела неудачу; 1 марта был закончен другой редут (Волынский),

еще более выдвинутый вперед, в 1 450 ярдах от крепостного вала. Эти два укрепления были названы союзниками «Белыми укреплениями». 12 марта в 800 ярдах от вала был закончен Камчатский люнет, названный союзниками «Зеленый курган» [«Mamelon vert»], и впереди всех этих укреплений были вырыты земляные окопы для стрелков. Атака 22 марта была отбита, и все укрепления, а вместе с ними и укрепления правее кургана, а именно «Каменоломня», были закончены; все редуты были соединены прикрытыми путями. Тщетно в течение всего апреля и мая союзники делали попытки вернуть территорию, на которой были расположены эти укрепления. Они должны были продвигаться к ним лишь с помощью систематически устраиваемых осадных апрошей, и только 7 июня, когда прибыли значительные подкрепления, они смогли взять эти укрепления штурмом. Таким образом, падение Севастополя было задержано этими выдвинутыми вперед полевыми укреплениями на целых три месяца, хотя они подвергались обстрелу самых мощных морских орудий того времени.

По сравнению с этим историческим примером оборона Монт Аврона выглядит очень жалкой. 17 декабря, после того как французы имели свыше двух недель для постройки своих укреплений, батареи были закончены. Тем временем осаждающие послали за осадной артиллерией, состоявшей, главным образом, из старых орудий, уже применявшихся в предыдущих осадах. 22-го было закончено сооружение осадных батарей против Монт Аврона, но никаких боевых действий не предпринималось до тех пор, пока не миновала всякая опасность массовой вылазки французов и пока позиции Парижской армии вокруг Дранси не были очищены 26-го. 27 декабря немецкие батареи открыли огонь, продолжавшийся 28-го и 29-го. Огонь французских укреплений скоро замолк, а 29-го укрепления были покинуты, так как, по официальным французским сообщениям, в них не было блиндажей для укрытия гарнизона.

Это, несомненно, жалкая оборона и еще более жалко ее оправдание. Главный недостаток кроется, очевидно, в конструкции укреплений. Из всех описаний можно заключить, что на Монт Авроне не было ни одного крытого редута, а были только батареи, открытые с тыла, даже не имевшие действительного прикрытия с флангов. Кроме того, эти батареи были, очевидно, обращены только в одну сторону, к югу или к юго-востоку; между тем как тут же рядом, к северо-востоку, расположены высоты Рэнси и Монфермейль — самые удобные из всех пунктов для батарей против Аврона. Осаждающие воспользовались этим, чтобы окружить Аврон полукругом

батареи, которые скоро заставили смолкнуть его огонь и вытеснили его гарнизон. Но почему же не было укрытия для гарнизона? Мороз — это только половина оправдания, ибо французы имели достаточно времени, и то, что русские сумели сделать зимой в Крыму на скалистой почве, должно было быть возможным также и в декабре этого года у Парижа. Артиллерия, применявшаяся у Аврона, была, конечно, значительно более эффективной, чем артиллерия союзников под Севастополем; но это была та же артиллерия, которая применялась против редутов Дюпеля, тоже полевых укреплений, а они продержались три недели. Существует предположение, что пехотный гарнизон бежал, оставив артиллерию без защиты. Это возможно, но это не оправдывает инженеров, строивших укрепления. Инженерный штаб в Париже должно быть очень скверно организован, если судить по этому образчику его работы.

Быстрое разрушение Монт Аврона возбудило аппетит осаждающих к еще большим успехам подобного рода. Они открыли огонь по восточным фортам, в особенности по Нуази, Рони и Ножан. После двухдневной бомбардировки все эти форты почти замолкли. Что еще было предпринято против них помимо этого, мы не знаем. Также ничего не говорится об огне укреплений, построенных в промежутках между этими фортами. Но мы можем быть уверены, что осаждающие приложат все усилия, чтобы продвинуть вперед свои апроши, хотя бы и примитивного типа, против этих фортов и тем обеспечить за собой прочное положение на Монт Авроне. Нас не удивило бы, если бы они, несмотря на погоду, достигли в этом отношении большего, чем французы.

Но каково влияние всех этих событий на ход осады? Несомненно, что, если эти три форта попадут в руки пруссаков, это будет значительным успехом и позволит им придвинуть свои батареи на расстояние в 3 000—4 000 ярдов от крепостной ограды. Впрочем, нет никакого основания ожидать, чтобы они так быстро сдались. Все эти форты имеют блиндажи для своих гарнизонов; осаждающие же до сих пор еще не получили нарезных мортир, которые у них вообще имеются в ничтожном количестве. Эти мортиры представляют собой единственный вид артиллерии, могущей в очень короткий срок разрушить непроницаемые для бомб блиндажи; старые мортиры слишком ненадежны по меткости, чтобы дать быстрый результат, а 24-фунтовые орудия (со снарядом весом в 64 фунта) не может быть придан достаточно большой угол возвышения, чтобы обеспечить навесный огонь. Если кажется, что огонь этих фортов замолк, то это свидетельствует лишь о том, что орудия были поставлены за

прикрытия, чтобы держать их наготове в случае штурма. Прусские батареи могут разрушить брустверы валов, но это не будет означать, что пробита брешь. Для того чтобы пробить перекидным огнем хорошо прикрытую каменную кладку эскарпов, им придется расположить батареи не дальше 1 000 ярдов от фортвов, а это может быть сделано только посредством правильных параллелей и апрошей. «Ускоренный» процесс осады, о котором пруссаки так много говорят, заключается лишь в том, чтобы привести к молчанию неприятельскую артиллерию с больших дистанций с целью приготовить апроши с меньшим риском и потерей времени; за этим следует сильнейшая бомбардировка и пробивание брешей в валу перекидным огнем. Если все эти меры не принудят французов к сдаче, — а в отношении парижских фортвов трудно понять, как это могло бы заставить их сдаться, — то не остается ничего другого, кроме как двигаться сапой обычным путем до гласиса, а затем решиться на штурм. Штурм Дюпеля был предпринят после того, как апроши были доведены приблизительно до 250 ярдов от разрушенных укреплений, а у Страсбурга сапы пришлось подводить совершенно старомодным способом до гребня гласиса и за него.

Учитывая все это, мы должны еще и еще раз возвратиться к точке зрения, так часто защищавшейся на этих столбцах, что оборону Парижа следует вести активно, а не только пассивно. Если когда-либо был удобный момент для вылазок, так это именно теперь. В данный момент речь идет не о прорыве неприятельской линии, а лишь о том, чтобы принять местный бой, который осаждающие навязывают осажденным. Что почти при всех обстоятельствах можно добиться того, чтобы огонь осаждающих превосходил в любом избранном пункте огонь осажденных, это старая и бесспорная истина; и если осажденные не возмещают этого присущего им недостатка своей активностью, смелостью и энергией в вылазках, они теряют лучшие свои шансы. Говорят, что войска, находящиеся в Париже, пали духом; однако для этого нет никаких причин. Войска могли потерять доверие к своим начальникам, но это совсем другое дело; если Трошю будет продолжать бездействовать, то они имеют для этого полное основание.

Мы считаем нужным в нескольких словах указать на замысловатую гипотезу некоторых лиц, будто Трошю после падения Парижа намерен отойти со своими войсками на укрепленный полуостров Мон Валерьен, как в цитадель. Эта глубокомысленная догадка была состряпана какими-то сверхумными штабными прихлебателями в Версале и основана, главным образом, на том факте, что между

Парижем и указанным полуостровом происходит оживленное движение повозок взад и вперед. Надо быть действительно необыкновенно умным генералом, чтобы избрать для постройки своей цитадели низкий наносный полуостров, окруженный со всех сторон командующими высотами, с которых можно видеть расположенные на полуострове войска, как на ладони, и, следовательно, можно их обстреливать с удобных позиций. Но с тех пор как существует прусский штаб, он всегда страдал от входивших в его состав людей, отличавшихся сверхчеловеческою прозорливостью. Им постоянно кажется, что неприятель будет всегда проделывать самые невероятные вещи. Согласно немецкой поговорке, «они слышат, как трава растет». Всякий, кто изучал прусскую военную литературу, должен был наталкиваться на людей такого сорта, но удивительно лишь одно, что находятся еще люди, которые им верят.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1841, пятница, 6 января 1871 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXIV.

С тех пор как мы в последний раз рассматривали положение каждой из враждующих сторон в провинциях, боев было довольно много, однако перемен произошло очень мало. Это подтверждает правильность нашего взгляда, что в данный момент силы обеих сторон почти уравновешены.

Западная армия Шанзи удерживает позиции перед Ле Маном; армия герцога Мекленбургского находится против нее на линии, которая тянется от Блуа через Вандом на Вернейль. В окрестностях Вандома было много отдельных боев, но в положении армий каждой из сторон не произошло никаких перемен. Тем временем Шанзи стянул к себе всех обученных и вооруженных людей из лагеря Конли, который был расформирован; сообщают, что он укрепил сильную позицию вокруг Ле Мана в качестве опорного пункта на случай отхода и снова собирается предпринять наступление. Так как г. Гамбетта 5-го выехал из Бордо в Ле Ман, то это предположение вполне может соответствовать действительности. Относительно действительной численности и организации войск Шанзи мы знаем только то, что до своего отступления к Ле Ману он имел три армейских корпуса. Не лучше мы осведомлены и относительно войск, действующих непосредственно против него; войска герцога Мекленбургского и войска первоначальной армии принца Фридриха-Карла настолько перемешались, что первоначального боевого порядка больше не существует. Мы будем их рассматривать как одну армию, чем они по существу и являются с тех пор, как Фридрих-Карл осуществляет общее командование; разница только в том, что герцог Мекленбургский командует теми войсками, которые находятся по обеим сторонам Луара фронтом к западу, в то время как под непосредственным командованием принца находятся те войска, которые расположены вдоль Луары от Блуа до Жиен фронтом на юг и которые наблюдают за Бурбаки. В обеих этих армиях находятся десять дивизий пехоты и три дивизии кавалерии, причем значительные отряды были оставлены по пути от Коммерси через

Труа до Луары; отряды эти прибывают постепенно, по мере того как их сменяют новые отряды ландвера.

11 декабря принц Фридрих-Карл прибыл в Бриар. Он предполагал выступить на Невер, с тем чтобы обойти правый фланг Бурбаки и отрезать ему непосредственную связь с войсками, действующими против Вердера. Но мы только недавно узнали, что, получив сообщение о решительном и неожиданном сопротивлении, которое Шанзи оказал герцогу Мекленбургскому, он тотчас же отказался от этого плана и повернул со всей массой своих войск обратно, в направлении на Тур, к которому, как мы знаем, его войска подошли, но в город не вступили. Таким образом, мы теперь узнаем, что искусное и смелое отступление Шанзи обеспечило безопасность не только ему, но и Бурбаки, который все еще, повидимому, находится в окрестностях Буржа и Невера. Если бы, как предполагалось, он выступил на восток против Вердера или наперерез прусской коммуникационной линии, то мы теперь уже имели бы о нем известия. Он, по всей вероятности, реорганизует и пополняет свою армию, и если Шанзи перейдет в наступление, то мы безусловно о нем услышим.

К северу от Сены Мантейфель, имея в своем распоряжении 1-й корпус, удерживает Руан и его окрестности, в то же время 8-й корпус он отправил в Пикардию. Там этому корпусу не поздоровилось. Генерал Федерб не допускает, чтобы его Северная армия долго оставалась в бездействии. Три департамента на крайнем севере Франции, от Соммы до бельгийской границы, имеют около двадцати крепостей различных размеров; хотя эти крепости в настоящий момент совершенно бесполезны в случае вторжения крупных сил со стороны Бельгии, все же в данном случае они создают чрезвычайно удобную и почти неприступную базу для операций. Когда Вобан, почти двести лет тому назад, составлял план этого тройного пояса крепостей, ему, конечно, в голову не приходило, что они будут служить для французской армии огромным укрепленным лагерем — чем-то вроде целого ряда четырехугольников крепостей — против неприятеля, наступающего из центра Франции. Но это так, и как бы ни была мала эта территория, она именно в данном случае является неприступной; к тому же этот район очень важный в промышленном отношении и густо заселенный. Загнанный боем под Виллер Бретонне (27 ноября) в это безопасное убежище, Федерб реорганизовал и укрепил свою армию; к концу декабря он снова выступил на Амьен и 23-го дал Мантейфелю бой у Аллю, окончившийся вничью. В этом бою у него участвовало четыре дивизии (35 000 человек по его расчету) против двух дивизий 8-го прусского корпуса (24 000 че-

люек согласно прусским данным). То, что при таком соотношении сил он мог устоять против такого прославленного генерала, как фон-Гебен, доказывает, что его мобили и его новобранцы делают успехи. Как он сам говорит, из-за морозов и недостатков в его интендантстве и в обозах, а, вероятно, также и потому, что он не был уверен в том, что его войска сохраняют стойкость также в течение и второго дня тяжелых боев, он отступил почти без потерь за р. Скарп. Фон-Гебен преследовал его, оставив большую часть 16-й дивизии для охраны коммуникационных линий и обложения Перонны. Он продвигался на Бапом и дальше, имея в своем распоряжении только 15-ю дивизию и летучий отряд принца Альбрехта младшего (численность которого в лучшем случае равна бригаде). Таким образом, тут шансы были на стороне четырех дивизий Федерба. Не колеблясь ни минуты, он выступил со своих оборонительных позиций и атаковал пруссаков. После предварительного боя, 2 января, главные силы обеих сторон в течение следующего дня вели бой под Бапомом. Ясные донесения Федерба, большое численное превосходство французов (восемь бригад, или, по крайней мере, 33 000 человек против трех прусских бригад, составляющих от 16 000 до 18 000 человек, если придерживаться вышеприведенных для обеих армий цифровых данных), неопределенный язык Мантейфеля не оставляют сомнения в том, что в этом бою победа была на стороне французов. Кроме того, хвастовство Мантейфеля хорошо известно в Германии; все помнят, как он, будучи губернатором Шлезвига и отличаясь довольно высоким ростом, предлагал «покрыть своим телом каждые семь футов страны». Из всех прусских сообщений его сообщения, даже после цензуры Версаля, несомненно заслуживают наименьшего доверия. С другой стороны, Федерб не использовал своего успеха, а отступил после боя к деревне, расположенной в нескольких милях в тылу поля сражения, поэтому Перонна не была освобождена, и, как мы уже указывали в этой заметке, пруссаки пожали все плоды этого боя. Нельзя принять всерьез мотивы Федерба, которыми он оправдывает свое отступление. Но, каковы бы ни были эти мотивы, если он может использовать свои войска только для того, чтобы нанести поражение трем прусским бригадам, а затем отступить, то он не освободит Парижа.

Тем временем Мантейфель получает значительные подкрепления. 14-я дивизия (Камеке) 17-го корпуса после занятия Монмеди и Мезьера в сопровождении осадного парка подходит к району его боевых действий. Бой вблизи Гиз, повидимому, является этапом этого наступления; Гиз находится на прямом пути между Мезьером

и Перонной, которая, естественно, является следующей крепостью, подлежащей бомбардировке. За Перонной, вероятно, последует Камбрэ, если у пруссаков дела будут идти удачно.

На юго-востоке Вердер непрерывно отступал, начиная с 27 декабря, когда он эвакуировал Дижон. Прошло некоторое время, прежде чем немцы упомянули об этом, а пруссаки и тогда продолжали хранить полное молчание; это сообщение проскользнуло в незаметном уголке «*Karlsruher Zeitung*». 31-го, после боя, он эвакуировал также и Грэ, а теперь в Везуле прикрывает осаду Бельфора. Лионская армия под командой Кремера (являющегося; по слухам, эмигрировавшим ганноверским офицером) преследует его, а Гарибальди, повидимому, действует в направлении более к западу против главной прусской линии коммуникаций. Положение Вердера, который, как говорят, ожидает подкреплений в 36 000 человек, будет довольно безопасным в Везуле, но его коммуникационная линия, повидимому, далеко не обеспечена. Теперь мы узнаем, что туда послан командир 7-го корпуса генерал Цастров и что он установил связь с Вердером. Если он не получит совершенно нового назначения, то под его командой будет 13-я дивизия, которую заменил в Меце ландвер; кроме того, для активных операций в его распоряжении будут и другие силы. Один из его батальонов был, повидимому, атакован и, как говорят, разгромлен вблизи Солье, по дороге из Оксерра на Шалонна-Сонэ. Каково состояние коммуникаций на второстепенных линиях железной дороги (не считая главной линии между Нанси и Парижем, которая хорошо охраняется и пока находится в безопасности), видно из письма, посланного из Шомона (Верхняя Марна) в «*Cologne Gazette*»; автор письма жалуется, что партизаны в третий раз разрушили железную дорогу между Шомоном и Труа; в последний раз, 24 декабря, они развинули рельсы, так что поезд, в котором было пятьсот человек ландвера, сошел с рельсов и был остановлен, после чего партизаны открыли огонь из лесу, но были отбиты. Корреспондент считает это не только нечестным, но и «подлым». Совсем как австрийский кирасир в Венгрии в 1849 г.: «Ну разве эти гусары не подлецы? Они же видят, что на мне кираса, и все-таки рубят меня по лицу».

Для армии, осаждающей Париж, состояние этих коммуникационных линий — вопрос жизни и смерти. Прекращение движения на несколько дней будет чувствоваться этой армией в течение многих недель. Пруссакки это знают и сосредоточивают теперь весь свой ландвер в северо-западной Франции; это делается для того, чтобы держать в подчинении достаточно широкую полосу территории

и этим обеспечить безопасность своих железных дорог. Падение Мезьера откроет им вторую железнодорожную линию от границы через Тионвиль, Мезьер и Реймс; но эта линия опасна тем, что фланг ее со стороны Северной армии обнажен. Если еще есть возможность французам освободить Париж, то это, пожалуй, легче всего сделать путем разрыва этой коммуникационной линии.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1842, суббота, 7 января 1871 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXV.

Действующие армии предприняли две операции, которые легко могут иметь своим последствием кризис войны. Первая из них — марш Бурбаки против Вердера; вторая — марш принца Фридриха-Карла против Шанзи.

Слухи о походе Бурбаки в восточном направлении циркулировали почти целую неделю, но они ничем не отличались от других слухов, которых теперь распространяется так много. То, что это движение само по себе могло быть удачным, еще не давало основания верить в его реальность. Однако в настоящее время не может быть никаких сомнений, что Бурбаки, по крайней мере, с 18-м и 20-м корпусами, а также новым 24-м корпусом достиг восточной части Франции, обошел позицию Вердера в Везуле, двигаясь через Безансон на Люр, между Везулем и Бельфором. Недалеко от Люра Вердер атаковал его в Виллерсекселе 9 января; в результате произошел бой, причем обе стороны претендуют на победу. Очевидно, это был арьергардный бой, которым Вердер, повидимому, обеспечил себе отступление. Но кто бы ни одержал победу в этом первом столкновении, за ним через день или два последуют наверно другие, и притом более решительные, бои и доведут здесь дело до кризиса.

Если это движение Бурбаки будет предпринято с достаточными силами, т. е. если будет использован каждый человек, лошадь и орудие, в которых не было абсолютной необходимости в другом месте, и если оно будет проведено с необходимой энергией, то это может оказаться поворотным пунктом в войне. Мы еще раньше указывали на слабость растянутой коммуникационной линии немцев и на возможность оказания помощи Парижу сильным ударом по этой линии. Теперь как раз именно это и является ставкой в игре, и от того, как игра будет разыграна, будет зависеть, удастся ли это осуществить в действительности.

Из общего количества сил противника, находящихся в настоящее время во Франции, почти все линейные войска заняты либо осадой Парижа, либо прикрытием этой осады. Из тридцати пяти дивизий (включая гвардейский ландвер, который все время был

использован в качестве линейных войск) заняты, таким образом, тридцать две. Две находятся в распоряжении Вердера (три баденские бригады, одна прусская), и одна под командованием Цастрова направилась на соединение с ним. Кроме них Вердер располагает еще, по меньшей мере, двумя дивизиями ландвера для ведения осады Бельфора и для занятия крепостей в Южном Эльзасе. Таким образом, всю местность северо-восточнее линии, идущей от Мезьера через Лан и Суассон до Парижа и оттуда через Оксерр и Шатийон до Гюнингена, возле Базеля, вместе со всеми взятыми крепостями должны удерживать остальные войска ландвера, поскольку они еще не получили другого назначения. А если мы примем во внимание, что в Германии имеются военнопленные, требующие охраны, и собственные крепости, нуждающиеся в гарнизонах, что только девять прусских армейских корпусов (существовавших до 1866 г.) имели достаточное количество старых солдат для пополнения батальонов ландвера, тогда как придется ждать еще пять лет, прежде чем остальные корпуса смогут дать такое пополнение, — то мы можем представить себе, что оставшиеся в распоряжении силы для оккупации этой части Франции не могут быть очень многочисленными. Правда, восемнадцать запасных батальонов отправляются теперь в качестве гарнизонов для крепостей в Эльзасе и Лотарингии, а вновь формирующиеся «гарнизонные батальоны» должны сменить ландвер внутри Пруссии. Но формирование этих гарнизонных батальонов, по сообщению немецкой печати, идет очень медленно, и, таким образом, оккупационная армия в течение некоторого времени будет все еще сравнительно слабой и способной лишь держать в подчинении население охраняемых ею провинций.

Как раз против этой части германской армии движется Бурбаки. Он пытался, очевидно, продвинуть свои войска между Везулем и Бельфором, чем изолировал бы Вердера, которого в таком случае мог бы разбить в отдельности, отеснив его в северо-западном направлении. Но так как Вердер, вероятно, находится теперь у Бельфора и соединился с Тресковым, то Бурбаки для снятия осады должен разбить обоих и отеснить осаждающих обратно в долину Рейна. После этого Бурбаки смог бы продвинуться по восточной стороне Вогезов к Люневиллю, где он оказался бы на главной линии германских сообщений. Разрушение железнодорожных тоннелей вблизи Пфальцбурга прервало бы на значительный период Страсбургскую линию; разрушение железнодорожного узла в Фруаре прервало бы линию из Саарбрюкеца и Меца; было бы возможно даже выслать легучий отряд к Тионвиллю для разрушения линии

и у этого пункта, чтобы прервать последнюю остающуюся у немцев сквозную линию. Этот отряд всегда мог бы отступить в Люксембург или Бельгию и сложить там свое оружие; это вполне окупило бы себя.

Таковы цели, которые, вероятно, имеет в виду Бурбаки. В связи с тем, что окрестности Парижа уже истощены, прекращение сообщений Парижа с Германией даже на несколько дней оказалось бы чрезвычайно серьезным делом для 240 000 немцев, находящихся у Парижа, а наличие 120 000—150 000 французских солдат в Лотарингии могло бы стать более действительным средством для снятия осады, чем даже победа Шанзп над Фридрихом-Карлом, в результате которой последний был бы, в конце концов, вынужден отойти к осаждающим войскам, чтобы получить от них поддержку. Правда, у немцев имеется еще одна железнодорожная линия через Тионвиль, Мезьер и Реймс, которой Бурбаки, вероятно, не в состоянии будет достигнуть даже с помощью летучих отрядов, но как только Бурбаки удалось бы проникнуть в Лотарингию, тогда налицо полная уверенность во всенародном восстании в оккупированных районах; нам нет необходимости говорить, какой опасности подверглась бы в таком случае эта вторая железнодорожная линия. Кроме того, успех Бурбаки прежде всего принудил бы Гебена отступить; следовательно, для Северной армии представился бы случай перерезать эту линию сообщения между Суассоном и Мезьером.

Мы считаем это движение Бурбаки самым важным и самым многообещающим из всех, которые были проделаны французскими генералами в эту войну. Но мы повторяем, что оно должно быть проведено надлежащим образом. Самые лучшие планы ничего не стоят, если они выполняются слабо и нерешительно, и мы, вероятно, не узнаем ничего определенного о силах Бурбаки или о способах их использования до исхода его борьбы с Вердером.

Но мы получили сведения, что в предвидении такого рода операций корпус Вердера решено развернуть в большую «пятую армию» под командованием Мантейфеля, который должен передать свою «первую армию» Гебену и привести в помощь Вердеру 2-й, 7-й и 14-й корпуса. Но 13-я дивизия 7-го корпуса уже отправлена к Везулю под командой Цастрова; 14-я дивизия только что заняла Мезьер и Рокруа и поэтому не может так скоро прибыть в Везуль; 14-й корпус — это как раз тот корпус, который все время находился под командой Вердера (Баденская дивизия, 30-й и 34-й прусские полки под командой Гольца); относительно же 2-го корпуса, находящегося у Парижа, мы полагаем, что он не тронется с места до тех

пор, пока город не капитулирует, так как обойтись без него там трудно. Но даже, если его и отправят сейчас, он прибудет лишь после того, как произойдет решительное сражение между Вердером и Бурбаки. Что касается других подкреплений для Вердера из резервов, которые могут быть в Германии, то мы должны принять во внимание, во-первых, что весь ландвер, которым можно было располагать, уже отправлен или отправляется теперь, и, во-вторых, что запасные батальоны, единственные еще имеющиеся резервные силы, только что лишились своих обученных людей и в данный момент имеют лишь одни учебные кадры. Таким образом, при всех условиях Бурбаки предстоит вести свое первое и самое решительное сражение, прежде чем к немцам смогут подойти ожидаемые ими подкрепления; в случае победы он окажется в благоприятном положении, чтобы справиться и с этими подкреплениями с каждым в отдельности, по мере того как они будут прибывать с различных направлений.

С другой стороны, принц Фридрих-Карл, несмотря на победоносный поход к Ле Ману, быть может, сделал первую ошибку, совершенную немцами в этой войне, когда, с целью сосредоточить все свои силы против Шанзи, он предоставил полную свободу действий Бурбаки. Шанзи был несомненно непосредственным его противником и в данный момент даже самым опасным. Но район, занимаемый Шанзи, не является таким, где можно добиться решающего успеха над французами. Шанзи только что потерпел жестокое поражение, и для данного момента это означает конец его попыткам оказать помощь Парижу. Но это не лишает его других возможностей. Шанзи может отступить, если ему угодно, либо к Бретани, либо к Кальвадосу. В обоих случаях в конечной точке своего отступления он будет иметь большой морской арсенал, Брест или Шербург, с отдельными фортами для укрытия его войск до тех пор, пока французский флот сможет перевезти их к югу от Луары или к северу от Соммы. Следовательно, запад Франции — это область, где французы могут вести военные действия для отвлечения сил неприятеля, то наступая, то отступая без опасения быть поставленными в безвыходное положение. Не будет ничего удивительного в том, что Гамбетта, — который, по имеющимся сообщениям, уже прибыл к Шанзи и который, несомненно, подчинит военные интересы политическим, — побудит Шанзи принять бой. После своей неудачи и потери Ле Мана Шанзи не мог сделать ничего лучшего, как оттянуть Фридриха-Карла возможно дальше на запад, с тем чтобы эта часть прусских сил была совершенно обезврежена, когда начнет развертываться кампания Бурбаки.

Федерб, находящийся на севере, очевидно, слишком слаб для того, чтобы предпринять решительные действия против Гебена. Так как очевидно, что Шанзи не может разбить Фридриха-Карла и оказать таким путем помощь Парижу, то было бы лучше послать достаточное количество войск на север, чтобы ликвидировать Гебена как в Амьене, так и в Руане и попытаться затем сосредоточенными силами продвинуться к железнодорожной линии, идущей от Мезьера к Парижу, в особенности теперь, когда Бурбаки угрожает другой немецкой железнодорожной линией. Коммуникации являются самым чувствительным местом в расположении армии; и, если бы северная линия, на которую особенно легко произвести нападение с севера у Суассона и Ретеля, сразу подверглась серьезной угрозе в тот момент, когда Бурбаки начал действовать в южной части Лотарингии, мы все были бы свидетелями внезапного и довольно сильного волнения в Версале.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1848, суббота, 14 января 1871 г.*

О СВОБОДЕ СЛОВА И ПЕЧАТИ В ГЕРМАНИИ.

РЕДАКТОРУ «DAILY NEWS».

Когда Бисмарк обвинял французское правительство в том, что «оно сделало невозможным во Франции свободное выражение мнений в прессе и с депутатской трибуны», то он, очевидно, хотел лишь отпустить берлинскую остроту. Если вы хотите узнать «действительное» общественное мнение Франции, обратитесь, пожалуйста, к г. Штиберу, редактору версальского «Moniteur» и известному прусскому полицейскому шпиону!

Гг. Бебель и Либкнехт были арестованы по личному приказу Бисмарка по обвинению в государственной измене только за то, что посмели исполнить свой долг в качестве представителей германского народа, т. е. протестовать в рейхстаге против присоединения Эльзаса и Лотарингии, голосовать против новых кредитов на войну, выразить свои симпатии французской республике и разоблачить попытку превратить Германию в сплошную прусскую казарму. С членами Брауншвейгского комитета социал-демократической партии с начала сентября прошлого года обращаются, как с каторжниками, за то, что они выразили подобные же взгляды, и до сих пор над ними висит курьезное обвинение в государственной измене. Подобная же участь постигла массу рабочих, распространявших Брауншвейгский манифест. Под аналогичным предлогом возбуждено обвинение в государственной измене против г. Гепнера, второго редактора лейпцигской газеты «Volkstaat». Немногочисленные независимые германские газеты, которые издаются вне Пруссии, запрещены в гогенцоллернских владениях. Рабочие собрания в Германии, устраиваемые для того, чтобы требовать почетного мира с Францией, ежедневно разгоняются полицией. Согласно официальной прусской доктрине, наивно изложенной генералом Фогель фон Фалькенштейном, каждый немец подлежит обвинению в государственной измене, если он пытается противодействовать войне, которую Пруссия ведет во Франции. Если бы г. Гамбетта и К^о были принуждены подобно

Гогенцоллернам силой подавлять общественное мнение, то им следовало бы применить прусский метод и под предлогом войны ввести во всей Франции осадное положение. Французские солдаты, находящиеся на немецкой территории, томятся в прусских тюрьмах. Но, несмотря на это, прусское правительство чувствует себя обязанным строго соблюдать осадное положение, т. е. наиболее грубую и возмутительную форму военного деспотизма — уничтожение всех законов. Французская территория наводнена почти миллионом германских захватчиков. И все-таки французское правительство оказалось в состоянии отказаться от прусского способа «делать возможным свободное выражение общественного мнения». Пусть сравнят картину немецких порядков с французскими! Одной Германии оказалось, однако, слишком мало для всеобъемлющей любви Бисмарка к свободе мнений. Когда люксембуржцы стали открыто выражать свои симпатии Франции, Бисмарк использовал это в качестве одного из предложений, чтобы отречься от Лондонского договора о нейтралитете. Когда подобный же грех совершила бельгийская пресса, прусский посол в Брюсселе, г. фон-Балан, потребовал от бельгийского министерства запрещения не только всех антипрусских газетных статей, но и задержки опубликования известий, имеющих целью поощрять французов в их освободительной борьбе. Поистине очень скромное требование — уничтожить бельгийскую конституцию «*pour le roi de Prusse*» [ради прусского короля]. Как только некоторые стокгольмские газеты позволили себе невинные остроты на тему об общеизвестном ханжестве Вильгельма-Аннександера, — Бисмарк обратился к шведскому кабинету с яростными посланиями. Ему удалось открыть даже под Санкт-Петербургским меридианом чересчур свободную прессу. По его униженной просьбе, редакторы важнейших петербургских газет были призваны к обер-цензору, который предписал им воздержаться от каких бы то ни было критических заметок о верном прусском вассале царя. Один из этих редакторов, г. Загуляев, был настолько неосторожен, что раскрыл тайну этого предостережения на страницах «Голоса». Русская полиция сейчас же набросилась на него и выслала его в какую-то отдаленную губернию. Было бы ошибкой думать, что эта жандармская политика объясняется только пароксизмом военной лихорадки. Напротив того, это настоящее, методическое применение самого духа прусских законов. В прусском уголовном кодексе действительно существует оригинальная статья, в силу которой каждый иностранец за свои действия или писания в своей или в какой-нибудь другой стране может быть преследуем за «оскорбление прусского короля» и за «государ-

ственную измену в отношении Пруссии». Франция борется теперь не только за свою собственную национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы, и ее дело, к счастью, может считаться далеко не безнадежным.

С уважением

Карл Маркс.

Лондон, 16 января 1871 г.

Напечатано в «Daily News» от 19 января 1871 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXVI.

С тех пор как после Седана Парижу впервые стала угрожать опасность наступления противника, мы доказывали, что такая укрепленная столица, как Париж, обладает большой силой, но в то же время мы всегда добавляли, что для полного развития ее оборонительной мощи ей необходима большая регулярная армия; армия настолько мощная, что ее нельзя было бы запереть в укреплениях крепости и нельзя было бы ей помешать маневрировать на открытой местности вокруг крепости, служащей ей осью и отчасти базой для ее операций.

При нормальных условиях такая армия, разумеется, почти всегда могла бы быть налицо. Французские армии, потерпев поражение вблизи границ, могли бы отойти к Парижу как к своему последнему и главному оплоту; при нормальных обстоятельствах они прибыли бы сюда, имея достаточную численность, и могли бы получить достаточно подкреплений, чтобы выполнить возложенную на них задачу. Но на этот раз стратегия Второй империи явилась причиной того, что все французские армии исчезли с поля сражения. Одну из них она умудрилась довести до блокады в Меце, по всем признакам без какой-либо надежды на освобождение; другая в это же время капитулировала в Седане. Когда пруссаки появились под Парижем, то всего лишь несколько полуукомплектованных запасных батальонов, некоторое число мобилей (только что набранных) и местная Национальная гвардия (менее чем наполовину сформированная) составляли все силы, готовые для его обороны.

Даже при таких обстоятельствах присущая этой крепости мощь показалась противнику настолько внушительной, а задача атаковать по всем правилам искусства этот огромный город с его внешними укреплениями настолько гигантской, что он сразу отказался от нее и предпочел взять крепость измором. В это время Анри Рошфору и другим лицам, из которых была составлена «комиссия баррикад», было поручено сооружение третьей внутренней линии обороны, которая должна была приготовить местность для специфически париж-

ских боев, а именно для обороны баррикад и борьбы за каждый дом. Печать в то время высмеивала эту комиссию; но полуофициальные сообщения прусского штаба с несомненностью подтверждают, что именно уверенность в том, что им придется иметь дело с решительной борьбой на баррикадах, заставила немцев предпочесть взятие крепости измором. Пруссаки отлично знали, что форта, а за ними и пояс укреплений, если они обороняются только артиллерией, должны пасть через определенный промежуток времени, а тогда должен был наступить период борьбы, в котором рекруты нового набора и даже штатские оказались бы под стать ветеранам; в этой борьбе пришлось бы отвоевывать дом за домом и улицу за улицей, а принимая во внимание большое число обороняющихся, можно было бы не сомневаться в том, что это было бы связано с огромными потерями. Всякий, кто поинтересуется постановкой этого вопроса в газетах, увидит в прусской «Staats-Anzeiger», что именно этот момент играл решающую роль в отказе от правильной осады.

Обложение началось 19 сентября, ровно четыре месяца тому назад. На следующий день генерал Дюкро, который командовал регулярными войсками в Париже, с тремя дивизиями сделал вылазку в направлении Кламара и потерял семь пушек и 3 000 пленными. За этой вылазкой последовали другие 23 и 30 сентября и 13 и 21 октября; в результате всех этих вылазок французы понесли значительные потери без всякой пользы, кроме, пожалуй, той, что их молодые войска приучались к огню противника. 28-го была произведена еще одна вылазка против Ле Бурже с большим успехом: деревня была взята и удержана в течение двух дней; но 30-го вторая прусская гвардейская дивизия — тринадцать батальонов, составлявших в то время меньше чем 10 000 человек, — взяла деревню обратно. Очевидно, французы очень плохо использовали эти два дня, в течение которых они могли бы превратить эту прочно построенную деревню в крепость; они также не позаботились о том, чтобы иметь наготове резервы, которые во-время поддерживали бы обороняющихся; в противном случае такие незначительные силы не могли бы отнять у них этот пункт.

После такого напряжения сил последовал месяц затишья. Очевидно, Трошю, прежде чем снова предпринимать большие вылазки, намеревался улучшить обучение и укрепить дисциплину среди своих войск, что было совершенно правильно. Но в то же время он не обратил должного внимания на организацию сторожевого охранения, на действия разведывательных отрядов и дозоров, на устройство засад и внезапных нападений, вообще он не делал всего того, что теперь

входит в число постоянных обязанностей солдат, находящихся на французском фронте вокруг Парижа; — он пренебрег тем родом войны, который лучше всего приспособлен для того, чтобы внушить молодым войскам веру в своих офицеров и в себя и приучить их хладнокровно встречаться с противником. Войска, убедившиеся, что они небольшими отрядами — взводами, полуротами и ротами — могут производить внезапные нападения, наносить поражение таким же небольшим отрядам противника и брать их в плен, вскоре научатся встречаться с ним батальон против батальона. Кроме того, они, таким образом, узнают, что такое служба сторожевого охранения, чего многие из них в декабре, повидимому, еще не знали.

Наконец, 28 ноября был предпринят ряд вылазок, который закончился крупной вылазкой через Марну 30 ноября и наступлением на всем восточном фронте Парижа. 2 декабря немцы снова захватили Бри и часть Шампиньи, а на следующий день французы обратно перешли Марну. Как попытка прорваться сквозь укрепленную линию осаждающих это наступление потерпело полную неудачу; оно было проведено без надлежащей энергии. Но после него французы сохранили за собой значительную часть до тех пор никем не занятого пространства перед своими линиями. Им досталась полоса приблизительно в две мили шириной от Дранси до Марны, вблизи Нейи — местность, над которой всецело господствует огонь французских фортов, покрытая прочно построенными селениями, очень удобными для обороны, и обладающая новой командующей позицией в виде Авронского плато. Таким образом, здесь была возможность непрерывного расширения круга обороны; прочно обосновавшись в этой местности, можно было предпринять дальнейшее наступление с целью либо «вдавить» линию осаждающего настолько, чтобы сделать возможной успешную атаку на его линию, либо заставить его сосредоточить здесь крупные силы, тем самым ослабить его фронт на других участках и, таким образом, облегчить французам наступление. Это пространство оставалось в руках французов целый месяц. Немцы были вынуждены выставить против Аврона осадные батареи, и двухдневной бомбардировки было достаточно, чтобы заставить французов очистить его; а раз Аврон был потерян, то и другие позиции были оставлены. Правда, 21-го были предприняты новые атаки по всему северо-восточному и восточному фронту; Ле Бурже был наполовину захвачен, Мезон Бланш и Виль Эврар были взяты; но вся эта тактически выгодная местность была снова потеряна в ту же ночь. Войска были оставлены впереди фортов, где они расположились

бивуаком при температуре от 9 до 21° ниже нуля, но были, в конце концов, уведены в укрытие, так как они, само собой разумеется, не могли переносить такого холода. Весь этот эпизод, больше чем какой-либо другой, является характерным для того отсутствия решительности и энергии — той вялости, мы бы даже сказали апатии, — с которой проводится оборона Парижа.

Случай с Авроном заставил, наконец, пруссаков превратить обложение в подлинную осаду и использовать осадную артиллерию, которая была подготовлена на непредвиденный случай. 30 декабря началась регулярная бомбардировка северо-восточных и восточных форт; 5 января — южных. Обе эти бомбардировки велись без перерыва, а недавно за ними последовала бомбардировка самого города, что является образцом бесцельной жестокости. Никто не знает этого лучше, чем штаб в Версале, и никто, как тот же самый штаб, не давал столько поводов для разъяснений в печати, что бомбардировка такого большого города, как Париж, не может даже на один момент ускорить его капитуляцию. За канонадой по фортам следует заложение регулярных параллелей, по крайней мере, против Исси; сообщают, что орудия передвигаются на батареи, более близкие к фортам, и если оборона не будет действовать более решительно, чем до сих пор, то, возможно, мы вскоре услышим, что одному или нескольким фортам причинены действительные повреждения.

Однако Трошю продолжает пребывать в вольном или невольном бездействии. Те немногие вылазки, которые были произведены в течение нескольких последних дней, были, повидимому, слишком «платоническими», как их называет обвинитель Трошю в газете «Siècle». Говорят, что солдаты отказались следовать за своими офицерами. Если это так, то это только доказывает, что солдаты потеряли всякое доверие к верховному командованию. И мы, действительно, не можем не прийти к заключению, что назрела необходимость в перемене верховного командования в Париже. Нерешительность, сонливость, полное отсутствие энергии во всех операциях обороны — этого нельзя целиком объяснять качеством войск. В том, что позиции, удерживавшиеся в течение месяца, — за этот месяц было только около десяти действительно морозных дней, — не были надлежащим образом укреплены, можно обвинять только Трошю, чьей обязанностью было позаботиться о том, чтобы это было сделано. А этот месяц был также критическим периодом осады; к концу его должен был решиться вопрос, кто — осаждающие или осажденные — выиграет территорию. Бездействие и нерешительность

главнокомандующего, а не войск, перетянули чашу весов не в пользу осажденных.

Но почему же это бездействие и нерешительность продолжают даже теперь? Форты находятся под обстрелом противника, батареи осаждающих продвигаются все ближе и ближе; французская артиллерия, по признанию самого Трошю, уступает артиллерии противника. Если обороняться только артиллерией, то можно даже точно высчитать день, когда при этих обстоятельствах валы фортов, каменная кладка и прочее должны будут рухнуть. Бездействием и нерешительностью спасти их нельзя. Что-то должно быть сделано, а если Трошю на это неспособен, то пусть он предоставит испытывать это кому-нибудь другому.

У Кинглека сохранилась записка, в которой характер Трошю выступает в таком же свете, как и в этой обороне Парижа. Когда наступление на Варну было уже решено как лордом Рагланом, так и Сент-Арно и британская легкая дивизия была уже отправлена, лорд Раглана посетил полковник Трошю — «осторожный, вдумчивый человек, сведущий в стратегической науке», о котором «высказывалось предположение, что в его миссию входило сдерживать сумасбродные поступки французского маршала». Трошю вступил с Рагланом в переговоры, в результате чего Сент-Арно заявил, что он решил «послать в Варну только одну дивизию, а остальную часть своей армии расположить не впереди Балканского хребта, а позади него» и приглашал лорда Раглана последовать его примеру. И это в тот момент, когда турки едва не одержали победу на Дунае без посторонней помощи!

Могут сказать, что войска в Париже пали духом, что они больше не годятся для крупных вылазок, что теперь слишком поздно предпринимать такие вылазки против прусских осадных укреплений, что Трошю, может быть, бережет свои войска для того, чтобы в последний момент пустить в ход все силы и т. д. Но если 500 000 вооруженных людей в Париже должны сдать противнику, не достигавшему даже и половины этого числа и расположившемуся к тому же на позиции неблагоприятной на случай обороны, то они этого, конечно, не сделают до тех пор, пока всему миру, да и им самим не станет ясно, что они в качественном отношении уступают своему противнику. Совершенно ясно, что им нельзя сидеть спокойно, доедать последние остатки своих запасов, а затем сдать! Если же они пали духом, то происходит ли это потому, что они считают себя безнадежно разбитыми, или потому, что они потеряли всякое доверие к Трошю? Если уже теперь поздно предпринимать вылазки, то через месяц это будет

еще менее осуществимо. Что касается великого финала Трою, то чем раньше это произойдет, тем лучше; в настоящее время солдаты еще довольно прилично питаются и сравнительно крепки, а каково будет их состояние в феврале — этого предсказать нельзя.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1852, четверг, 19 января 1871 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXVII.

Эта неделя была чрезвычайно несчастлива для французского оружия. За поражением Шанзи последовало отражение атаки Бурбаки у Бельфора, а теперь и Федерб, согласно прусским сообщениям, потерпел неудачу перед Сен-Кантенем.

Не может быть сомнений в неудаче Бурбаки; со времени стычки под Виллерсекселем 9-го он проявлял медлительность, которая свидетельствовала либо о нерешительности генерала, либо о недостаточной силе войск. Наступление на укрепленные позиции, которые Вердер подготовил для обеспечения осады Бельфора за р. Лизен (или по другим картам Изель), началось только 15-го, а 17-го вечером Бурбаки, отчаявшись в успехе, отказался от него. Теперь не может быть никакого сомнения в том, что эта операция была предпринята с недостаточными силами. 15-й корпус был оставлен вблизи Невера, о 19-м мы не слышали в течение месяца; войска, приведенные из Лиона, составляют только один армейский корпус — 24-й. Теперь мы слышим, что в Дижон поспешно отправляются значительные подкрепления, но, ввиду того что сильные подкрепления быстро прибывают также и к противнику, это не дает Бурбаки возможности немедленно возобновить наступление.

Можно задать вопрос, следовало ли Бурбаки вести свои молодые войска на штурм укрепленных позиций, обороняемых орудиями, заряжающимися с казенной части, но мы все еще очень мало знаем о тактических условиях, при которых велся этот трехдневный бой; возможно, что Бурбаки не мог поступить иначе.

То, что прусский штаб не относился к наступлению Бурбаки с таким пренебрежением, с каким большинство относилось к нему здесь, в Лондоне, видно по той чрезвычайной поспешности, с какой он принял меры для его отражения. Судя по этим мерам, не может быть сомнения в том, что в Версале знали о марше Бурбаки на восток, как только он его предпринял, если не раньше. 2 января 2-й корпус получил приказ выступить в юго-восточном направлении от Парижа, к бассейну Верхней Сены. Приблизительно в то же самое время Цастров с 13-й дивизией выступил из окрестностей Меца на

Шатийон. 9-го, непосредственно после падения Рокруа, 14-я дивизия (оставшаяся из 7-го корпуса Цастрова) получила приказ отправиться из Шарлевиля к Парижу, а отсюда следовать за 2-м корпусом; а уже 15-го мы узнаем, что ее головные части (батальон 77-го полка) вели бой вблизи Лангра. В то же самое время ландвер был поспешно отправлен из Германии в Южный Эльзас, а Мантейфель, очевидно, обязан своим новым назначением этому первому серьезному движению против наиболее слабого пункта всей немецкой линии. Если бы Бурбаки имел достаточно войск, чтобы разбить Вердера, он мог бы отбросить его обратно в долину Рейна, расположить свои войска так, чтобы между ними и Вердером находилась горная цепь Вогезов, и двинуться с большей частью своих войск против тех подкреплений, которые он мог бы атаковать по частям, по мере того, как они прибывали с разных сторон. Он мог бы продвинуться по линии железной дороги Париж — Страсбург, а при таких условиях возможность продолжать обложение Парижа стала бы сомнительной. Поражение Бурбаки не является доказательством неправильности его движения с стратегической точки зрения; оно доказывает только, что это движение было проведено с недостаточными силами. Автор этих заметок попрежнему придерживается того мнения, что самый короткий и верный план освобождения Парижа — это наступление на железную дорогу Страсбург — Париж; это единственная сквозная железнодорожная линия, которой располагают немцы, так как известно, что вторая линия, через Тионвиль и Мезьер, все еще недоступна для эксплуатации и в течение некоторого времени останется в таком же состоянии из-за взрыва тоннеля в Арденнах. Это, между прочим, второй случай в данной войне, когда разрушение тоннеля останавливает железнодорожное сообщение на месяцы, в то время как разрушенные мосты и виадуки каждый раз исправляются в невероятно короткий срок.

Что касается Шанзи, то он, повидимому, совершил большую ошибку вообще, приняв сражение. Он, вероятно, знал о движении Бурбаки почти в течение месяца; он должен был знать, что действительной целью этого движения было освобождение Парижа и что в это время армия Фридриха-Карла могла бы всей своей тяжестью обрушиться на него. Он не был вынужден принять бой; наоборот, медленно отступая и все время ведя арьергардные бои, подобные тем, которыми он в декабре впервые создал себе известность, он мог бы завлечь своего противника дальше, чем это было бы безопасно для последнего. У него было вполне достаточно времени, чтобы отослать свои запасы в надежное место, а также была

возможность отойти либо в Бретань с ее укрепленными морскими портами, либо через Нант к югу от Луары. Более того, Фридрих-Карл не мог бы со всеми своими войсками преследовать его на далекое расстояние. Такое оперативное отступление с боем больше соответствовало бы тому представлению, которое мы, по опыту прежних боев, составили себе о Шанзи; а так как он должен был знать, что полученные им новые подкрепления по снаряжению, вооружению и дисциплине еще не пригодны для генерального сражения, то мы не можем не прийти к заключению, что бой под Ле Маном был вызван не военными, а политическими соображениями и что ответственным за него является не Шанзи, а Гамбетта. Что касается теперешнего отступления Шанзи, то оно, конечно, чрезвычайно затруднено предыдущим поражением; но Шанзи отличается большим умением проводить отступления, и победителям до сих пор, повидимому, не удалось существенно расстроить сплоченность его армии. В противном случае они могли бы привести реальные доказательства своего утверждения, что эта армия «обнаруживает признаки разложения». Является ли отступление Шанзи действительно эксцентрическим, достоверно неизвестно. Во всяком случае из того, что часть его войск отступила на Алансон, а другая часть на Лаваль, еще не обязательно следует, что эта часть будет отеснена на полуостров Котантен в направлении на Шербург, а другая в Бретань в направлении на Брест. Так как французский флот может в течение нескольких часов перейти из одного порта в другой, то даже это не было бы серьезным несчастьем. Благодаря своим многочисленным прочным изгородям — таким же прочным, как на острове Уайт, только гораздо более многочисленным — Бретань чрезвычайно пригодна для обороны, особенно с неопытными войсками; их низкие боевые качества становятся почти незаметными. Фридрих-Карл вряд ли захочет запутаться в лабиринте, в котором армии первой республики много лет боролись с обыкновенным крестьянским восстанием.

По поводу всей январской кампании мы можем прийти к следующему заключению: французы повсюду проиграли ее, потому что пытались предпринимать слишком много дел одновременно. Они могут надеяться на победу, только сосредоточив массу своих войск в одном пункте с риском быть временно отброшенными назад на других участках, где они, конечно, должны избегать открытых боев. Если они этого не сделают и притом быстро, то Париж можно считать обреченным. Но, если они будут действовать по этому давно установленному принципу, они все еще могут победить — каким бы мрачным их положение ни казалось сегодня. В данный момент немцы

получили все подкрепления, на которые они могут рассчитывать в течение последующих трех месяцев; в то же время в лагерях у французов должно быть, по меньшей мере, от 200 000 до 300 000 человек, которые за это время будут подготовлены для встречи с противником.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1854, суббота, 21 января 1871 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXVIII.

Война опять вступает в один из критических периодов, который может оказаться на этот раз последним. С того момента, как мы узнали, что в Париже правительством установлена норма выдачи хлеба, не может быть больше никакого сомнения в том, что это начало конца. Как скоро последует за этим предложение о капитуляции — это второстепенный вопрос. Мы предполагаем, таким образом, что осажденной армии силою в 500 000 вооруженных людей предстоит сдаться 220 000 осаждающих на любых условиях, какие осаждающим заблагорассудится предложить. Окажется ли возможным осуществить это без новой борьбы, видно будет впоследствии, во всяком случае, никакая борьба не может существенно изменить положения вещей. Продержится ли Париж еще две недели, удастся ли части этих 500 000 вооруженных людей проложить себе путь через линию обложения, это не окажет большого влияния на дальнейший ход войны.

Мы считаем генерала Трошю главным виновником такого результата осады. Он оказался безусловно неспособным сформировать армию из того бесспорно превосходного материала, который был в его распоряжении. У него было почти пять месяцев для того, чтобы из своих людей сделать солдат; но оказалось, что теперь они сражаются не лучше, чем в начале осады. Заключительная вылазка из Валерьяна была проведена с гораздо меньшей стремительностью, чем предыдущая вылазка через Марну; в ней, повидимому, очень много театральной эффектности и очень мало ярости отчаяния. Этого нельзя оправдывать тем, что войска были непригодны для атаки укреплений, защищаемых немецкими ветеранами. А почему они были непригодны? Пять месяцев — достаточный срок, чтобы превратить людей, которыми командовал Трошю, в очень приличных солдат, причем трудно представить себе обстановку, более соответствующую этой цели, чем осада большого укрепленного лагеря. Несомненно, после ноябрьских и декабрьских вылазок люди потеряли мужество; но произошло ли это потому, что они сознали превосходство противника над собой, или же потому, что они совершенно пере-

стали верить в мнимую решимость Трошю сражаться до последней крайности? Все сообщения из Парижа единогласно приписывают недостаток успехов отсутствию доверия у солдат к высшему командованию. И это правильно. Мы не должны забывать, что Трошю орлеанист и как таковой боится, как огня, Ля Виллета, Бельвиля и других «революционных» кварталов Парижа. Он боится их больше, чем пруссаков. Это не просто наше предположение или вывод. Мы знаем это из источника, не вызывающего никаких сомнений: из письма, посланного из Парижа членом правительства, в котором говорится, что от Трошю со всех сторон требовали энергичного наступления, но последний неизменно от этого отказывался, говоря, что подобный образ действий мог бы передать Париж в руки «демагогов».

Падение Парижа, таким образом, является теперь почти несомненным. Тотчас же после Сен-Кантена, Ле Мана и Эрикура это будет тяжелым ударом для французской нации, и моральное действие его при таких обстоятельствах будет очень велико. Более того, события, надвигающиеся на юго-востоке, могут придать этому удару морально сокрушающую силу. Бурбаки, повидимому, задерживаются в окрестностях Бельфора слишком долго, и это наводит на мысль, что он совершенно не понимает своего положения. 24-й корпус под командой Брессоля еще 24-го находился в Бламоне, приблизительно в двенадцати милях южнее Монбельяра, у самой швейцарской границы; даже допуская, что это был лишь арьергард Бурбаки, все-таки нельзя рассчитывать на то, что два другие его корпуса были бы далеко оттуда. В то же самое время мы узнаем, что прусские отряды уже 21-го прервали у Доль железную дорогу между Безансоном и Дижоном; что с тех пор они заняли Сен-Ви, другую станцию на этой же линии ближе к Безансону; что они ограничили путь отступления Бурбаки к Лиону узкой полосой между рекой Ду (Doubs) и швейцарской границей, местностью, прорезанной параллельно идущими продольными горными цепями и долинами, где сравнительно небольшие силы могут найти достаточно позиций, чтобы быть в состоянии остановить отступление такой армии, какой показала себя армия Бурбаки. Мы полагаем, что эти отряды на Ду представляют собою 13-ю дивизию 7-го корпуса Цастрова, быть может, части 2-го корпуса Франзецкого, который 23-го появился у Дижона. 60-й полк, составляющий вместе с 21-м 8-ю бригаду (или 4-ю бригаду 2-го корпуса), был отброшен Гарибальди у этого города и потерял свое знамя. Так как Гарибальди располагает не больше чем 15 000 человек, то он не будет в состоянии удержать город против численно превосходящих сил, которые тем временем, вероятно, уже успеют подойти. Он будет

отброшен назад, и наступление пруссаков будет продолжаться к реке Ду и далее. Если Бурбаки не использует в этот промежуток времени с наибольшим эффектом ноги своих солдат, то он рискует быть загнанным со всей своей армией либо в крепость Безансон, чтобы еще раз повторить Мец, либо в какой-нибудь угол Юры, примыкающий к швейцарской территории, и будет принужден сложить оружие по эту или по другую сторону границы. В случае же, если он сумеет ускользнуть с большей частью своих войск, то ему почти наверное придется пожертвовать значительным числом отставших, обозом и, быть может, артиллерией.

После трехдневного боя у Эрикура Бурбаки не следовало оставаться ни одного дня дольше в своем опасном положении вблизи границы, поскольку прусские подкрепления продвигались по направлению к его коммуникациям. Его попытки освободить Бельфор не удались; всякие шансы дальнейшего наступательного движения в этом направлении исчезли; положение его с каждым днем становилось все опаснее, и ничто, кроме быстрого отступления, не могло бы спасти его. По всем данным, он также пренебрег этим, и если его неосторожность приведет ко второму Седану, это нанесет жестокий моральный удар французскому народу.

Мы говорим моральный, так как материальным он может и не быть. Хотя Германия, конечно, не настолько истощена, как уверяет Гамбетта, но все же она как раз в данный момент действует абсолютно и относительно гораздо большими силами, чем будет в состоянии действовать в ближайшие месяцы. Через некоторое время немецкие силы должны уменьшиться, между тем как французским ничто не мешает снова возрасти даже и после сдачи парижского гарнизона и армии Бурбаки, если бы дело дошло до этого. Пруссаки, очевидно, сами оставили всякую надежду на возможность завоевать и оккупировать всю Францию; и до тех пор, пока плотно заселенное пространство на юге остается свободным и пока пассивное, а при случае и активное (например, взрыв моста на Мозеле, близ Туля) сопротивление на севере еще имеет место, мы не видим причин, могущих заставить Францию сдаться, если только она не слишком утомлена войной.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1858, четверг, 26 января 1871 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXIX.

Только дважды со времени Седана операции французской армии причинили серьезное беспокойство генералу Мольтке. В первый раз это случилось приблизительно в середине ноября, когда Луарская армия после поражения фон-дер Танна под Кульмье передвинулась влево для того, чтобы подойти к Парижу с запада, и дошла до Дрё. Тогда Мольтке с решительностью, достойной этого критического момента, был готов немедленно снять осаду, если бы герцог Мекленбургский, даже со всеми временно отправленными ему в помощь подкреплениями, оказался бы не в силах остановить продвижение противника. Это продвижение было остановлено, и осада могла продолжаться. Во второй раз покой штаба в Версале был нарушен маршем Бурбаки на восток. Насколько серьезным пруссаки считали это движение, можно было судить по мерам, которые они тотчас же приняли для его отражения. Войска Вердера — 14-й корпус и резервные дивизии Трескова и Шмелинга — были сразу усилены еще двумя корпусами, один из которых — второй, уже 2 января выступил из-под Парижа. Тон полуофициальных сообщений сделался осторожным; 11-го «*Provinzial-Correspondenz*» обращает внимание на тот факт, что «на востоке Франции предстоят важные и решительные бои» и что Бурбаки намерен, освободив Бельфор, перерезать прусскую коммуникационную линию у Нанси. Неофициальные корреспонденты высказываются откровеннее, хотя тоже осторожно; мы приведем только одного из них, а именно Викаде из «*Cologne Gazette*». Тотчас же после боя у Виллерсекселя, который обеспечил Вердеру связь с войсками Трескова перед Бельфором и отступление к ним, он говорит: «Были приняты меры, чтобы французам не удалось освободить Бельфор, а после последних успешных боев мы можем считать вероятным, что им не удастся подойти через Шомон к Нанси или к какому-нибудь другому пункту нашей железнодорожной линии, хотя еще недавно были основания опасаться, что они могут это сделать». А 16 января он пишет из Нанси, что после продвижения Мантейфеля с тремя дивизиями за Шатийон «опасение, что корпус противника может захватить Нанси — опасение, которое мы вправе были испытывать

несколько дней тому назад — теперь совершенно исчезло». (Вслед за этим следует письмо из Бадена, начинающееся словами: «Не может быть никакого сомнения в том, что положение под Бельфором является очень серьезным».) Но г. Викаде было суждено снова переживать опасения, так как на следующий день ему пришлось сообщать, что получено известие о занятии французскими войсками Флавины (в одиннадцати милях от Нанси). Охрана была тотчас же усилена, были высланы сильные патрули, на вокзале все двадцать паровозов развели пары, офицеры, правительственные служащие и другие немцы упаковали свои чемоданы и приготовились к немедленному отъезду. Войска в Флавины были приняты за авангард Гарибальди; оказалось, что это человек двадцать партизан из Вогезов, которые вскоре снова скрылись. Но прусский гарнизон в Нанси совершенно успокоился только 19-го, когда появилось сообщение об окончательном поражении Бурбаки на р. Лизен; и тогда, наконец, Викаде мог снова заговорить своим прежним тоном.

Не следовало ли французам после всех этих поражений притти к заключению, что дальнейшее сопротивление безнадежно? Таково было мнение наиболее непосредственно заинтересованных в операции, которую, после того как она не удалась, «Times» считает просто абсурдной. Можно спорить о том, была ли данная операция предпринята с достаточными силами, можно ли было в случае успеха использовать ее результаты до того, как голод принудил бы Париж к сдаче, и было ли данное направление наилучшим для движения на немецкие коммуникационные линии. Но назвать такое движение, — наиболее эффективное из известных в стратегии, — просто «абсурдным», могли только Мольтке из «Times».

Тем временем граф Мольтке действовал со своим обычным мастерством. Усилить Вердера до прихода Бурбаки было уже поздно; он избрал самую выгодную комбинацию из возможных и сосредоточил свои подкрепления под Шатийоном, где 15-го или еще раньше Мантейфель имел три дивизии (3-ю, 4-ю и 13-ю) и где к ним присоединился 60-й полк (3-го корпуса), оставленный в этом районе принцем Фридрихом-Карлом. Можно рассчитывать, что к этому времени к Вердеру уже присоединилась и 14-я дивизия. Во всяком случае во время наступления на юг он имел, по крайней мере, 41, если не 53 батальона. С этими войсками он выступил на р. Ду, обойдя город Дижон с севера, где он 23-го просто сковал Гарибальди атакой, очевидно, не имея намерения задержать свое наступление серьезным боем или овладеть городом. Он, наоборот, настойчиво преследовал свою главную цель — отрезать отступление Бурбаки. Судя по послед-

ним телеграммам, эта цель почти достигнута. Его войска перешли р. Ду у Кенжэ и Мушара, где (в последнем из этих пунктов) скрещиваются железные дороги из Дижона на Понтарлье и в Швейцарию и из Безансона на Лион. Остается еще пока одна хорошая дорога, по которой Бурбаки мог бы спастись, но она проходит через Шампаньоль, расположенный не дальше чем в 25 милях от Мушара, и в данный момент может быть уже занята. В таком случае Бурбаки остается только одна проселочная дорога, проходящая у истоков р. Ду, но он вряд ли смог бы пройти по ней с артиллерией, к тому же и эта дорога может быть отрезана раньше, чем он будет в безопасности. А если ему не удастся прорваться через войска противника в местности, чрезвычайно благоприятной для обороны, то ему остается либо отойти под укрытие фортов Безансона, либо сдаться на открытой местности — выбор между Мецем или Седаном, — если он не сдается швейцарцам.

Непостижимо, почему он так долго задержался у Бельфора: судя по последним прусским телеграммам, он все еще находится к северо-востоку от Безансона. Если он не смог нанести поражения Вердеру до прибытия Мантейфеля, то как он может надеяться на это после прибытия последнего? Бурбаки, после того как его наступление было окончательно отражено у Бельфора, очевидно, сразу должен был отойти на безопасные позиции. Почему он этого не сделал, совершенно необъяснимо. Но если с ним случится самое худшее после его таинственного путешествия из Меца в Чизлхерст и после того, как он в Лилле отказался приветствовать республику, то он, как бывший командующий императорской гвардией, безусловно вызывает сомнения в своей лойальности.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1860, суббота, 28 января 1871 г.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XI.

Если верить только что полученной телеграмме из Берна, — а в настоящее время нет основания ей не доверять, — то наши предположения относительно судьбы армии Бурбаки оправдались. Сообщают, что Швейцарский федеральный совет получил официальное извещение о том, что эта армия, численностью около 80 000 человек, перешла на швейцарскую территорию, где она должна была, конечно, сложить оружие. Пункты, в которых это имело место, точно не указаны, но, вероятно, это произошло где-то к югу от Бламона, но не южнее Понтарлье. Отдельные отряды, вероятно, перешли границу в различных пунктах, но основная масса войск перешла эту границу, повидимому, у Ле Брене, где дорога из Безансона в Невшатель переходит на швейцарскую территорию.

Таким образом, еще одна французская армия перестала существовать вследствие, выражаясь мягко, нерешительности ее руководителя. Бурбаки мог быть отличным офицером во главе дивизии; самообладание, необходимое для того, чтобы в решительную минуту напрячь силы для принятия смелого решения, совершенно отличается от самообладания, дающего возможность человеку блестяще командовать дивизией под неприятельским огнем; Бурбаки, подобно многим людям, обладающим несомненным и блестящим личным мужеством, повидимому, недостает моральной силы, необходимой для того, чтобы принять твердое решение. Самое позднее 17 января вечером, когда его неспособность прорвать фронт Вердера стала вполне очевидной для него самого, ему следовало тотчас же остановиться на каком-нибудь определенном способе действий. Он должен был знать, что с северо-запада к его линии отступления приближаются прусские подкрепления; что его положение, при наличии победоносного неприятеля перед фронтом и при длинном пути отступления вдоль нейтральной границы в тылу, становится чрезвычайно опасным; что цель его экспедиции уже сделалась безнадежной и что при таких обстоятельствах самой настоятельной, более того, даже единственной его обязанностью является спасение вверенной ему армии. Другими словами, он должен был отступать с та-

кой быстротой, какую только допускало состояние его армии. Но это решение отступить, признать на деле, что он потерпел неудачу в своей операции, повидимому, оказалось ему не по плечу. Он терял время в районе своих последних сражений; не будучи в состоянии идти вперед и не желая отступать, он давал этим Мантейфелю время отрезать ему отступление. Если бы он сразу отошел, делая лишь по пятнадцати миль в день, он мог бы достигнуть Безансона 20 января, окрестностей Доля 21-го, т. е. как раз тогда, когда там появились первые части пруссаков. Эти прусские части не могли быть очень сильными; даже авангардов Бурбаки было бы достаточно, если не для того, чтобы совершенно их отбросить, то все же для того, чтобы удерживать их на правом или западном берегу р. Ду, что вполне обеспечило бы путь отступления Бурбаки, в особенности при таком противнике, как Мантейфель, который действует достаточно правильно лишь до тех пор, пока исполнение приказаний Мольтке не встречает сопротивления неприятеля, и который опускается ниже уровня посредственности, как только это сопротивление требует проявления его собственных умственных способностей.

Один из самых любопытных пунктов документа, составленного Бисмарком и Жюлем Фавром, это тот, согласно которому четыре департамента, где действуют Бурбаки и Гарибальди, не включаются в общее перемирие, причем пруссаки фактически оставляют за собой право продолжать там военные действия столько времени, сколько им вздумается. Это не имеющее прецедентов условие лучше всего показывает, что победитель, по истинно прусскому обычаю, вымогал всякого рода уступки, навязывать которые позволяло ему его временное превосходство. Перемирие распространено на запад, где Фридрих-Карл находит, что для него лучше не двигаться за Ле Ман, на север, где Гебен задержан крепостями, но не на юго-восток, где продвижение Мантейфеля обещает второй Седан. Жюль Фавр, соглашаясь на эту оговорку, фактически согласился на сдачу Бурбаки либо пруссакам, либо швейцарцам, с той лишь разницей в свою пользу, что ответственность за этот акт он переложил со своих плеч на плечи Бурбаки.

В общем, условия капитуляции Парижа являются документом, не имеющим прецедентов. Когда Наполеон сдался в Седане, он отказался вступить в переговоры о том, что не касалось сдачи его самого и армии; как военнопленный он был лишен возможности связывать правительство и Францию. Сдавая Париж и его армию, Жюль Фавр идет на условия, связывающие остальную Францию, хотя он находится точно в таком же положении, как Наполеон в Седане, пожалуй,

даже в худшем. Наполеон почти до момента своей капитуляции пользовался свободой сообщения с остальной Францией; напротив, Жюль Фавр в течение пяти или шести недель лишь изредка имел возможность узнавать о том, что происходит вне Парижа. Сведения о ходе военных действий за линией фортон он мог получать только от Бисмарка, и он решил действовать на основании этих односторонних сообщений, доставленных ему неприятелем.

Жюль Фавр должен был выбирать одно из двух зол. Он мог поступить или так, как поступил, т. е. заключить перемирие на три недели на условиях, предложенных противником, связав этим фактическое правительство Франции, находящееся в Бордо, или он мог отказаться вести переговоры от лица остальной Франции, выступая лишь от одного Парижа, и, в случае препятствий, чинимых осаждающими, поступить так, как поступил комендант Пфальцбурга, — раскрыть ворота и предложить победителям войти. Последний способ более соответствовал бы как его достоинству, так и интересам его политической будущности.

Что касается правительства в Бордо, то ему придется согласиться на перемирие и объявить выборы в Национальное собрание. Оно не располагает средствами, чтобы принудить генералов отказаться от перемирия, и не решится вызвать разногласия в народе. Сдача Бурбаки Швейцарии является еще одним сильным ударом в дополнение ко многим другим, полученным Францией за последнее время, и, как мы говорили в предвидении события, мы полагаем, что этот удар, последовавший немедленно за сдачей Парижа, вызовет у нации такое угнетенное состояние духа, что мир будет заключен. Что касается материальных ресурсов Франции, то они так далеки от истощения, что борьба могла бы продолжаться месяцами. Следующий поразительный факт показывает, какие огромные трудности стоят на пути полного завоевания Франции. Принц Фридрих-Карл после семидневного боя отбросил армию Шанзи, находившуюся в состоянии полного разложения. За исключением нескольких бригад не оставалось положительно никаких войск, чтобы противостоять ему. Перед ним была богатая, сравнительно мало истощенная страна. И все же он останавливает свой поход в Ле Мане, отправляя дальше лишь свои авангарды и то на небольшие расстояния. Наши читатели вспомнят, что иных результатов мы и не ожидали, так как с вероятностью можно сказать, что при завоевании большой страны, когда занимаемое пространство растет в арифметической прогрессии, трудности оккупации увеличиваются в геометрической прогрессии.

Все же мы считаем, что повторные неудачи январской кампании должны были до такой степени поколебать моральное состояние нации, что намечаемое Национальное собрание не только соберется, но, вероятно, и заключит мир; тем самым вместе с войной закончатся и эти заметки о войне.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1864, четверг, 2 февраля 1871 г.*

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ ВО ФРАНЦИИ С ВОЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Если ряд неудач французской армии, которыми отмечена январская кампания — поражения Федерба и Шанзи, падение Парижа, поражение Бурбаки и его сдача швейцарцам, — если все эти потрясающие события, происшедшие в течение короткого трехнедельного периода, сломили, — как это можно определенно считать, — дух сопротивления во Франции, то нет ничего невероятного в том, что немцы своими непомерными требованиями могут теперь снова пробудить этот дух. Если стране грозит полное разорение в результате заключения мира в такой же мере, как и в результате продолжения войны, тогда к чему вообще заключать мир? Имущие классы, мелкая буржуазия городов, крупные землевладельцы и часть крестьян-собственников составляли до сих пор партию мира; можно было ожидать, что они изберут в Национальное собрание депутатов, стоящих за мир; но если неприятель настаивает на таких неслыханных требованиях, то клич к войне не на жизнь, а на смерть может раздаться так же и из их рядов, как и из рядов рабочих крупных городов. Во всяком случае не следует пренебрегать возможными шансами на возобновление войны после 19 февраля; в особенности ввиду того, что сами немцы, если верить сегодняшнему номеру «Daily News», не настолько удовлетворены перспективой дальнейшего хода дел, чтобы воздержаться от серьезных приготовлений к возобновлению военных действий. Поэтому разберем еще раз вопрос о военном положении.

Двадцать семь департаментов Франции, занятых в настоящее время пруссаками, составляют площадь в 15 800 000 гектаров с населением (исключая еще несдавшиеся крепости) почти в 12 500 000 человек. Площадь всей Франции составляет 54 240 000 гектаров, а ее население 37 382 000 человек. Отсюда, округляя цифры, следует, что 38 500 000 гектаров с населением в 25 000 000 человек остались еще незавоеванными — целых две трети населения и значительно больше двух третей территории. Париж и Мец, сопротивление которых так долго задерживало дальнейшее продвижение неприятеля, правда, пали. Внутри незавоеванной страны, кроме Лиона, нет ни

одного укрепленного пункта, могущего играть такую роль, какую играли эти две крепости. Почти 700 000 французов (не считая парижской Национальной гвардии) превратилось в военнопленных или интернировано в Швейцарии. Но существуют и другие обстоятельства, могущие возместить этот недостаток даже в том случае, если бы трехнедельное перемирие не было использовано для устройства новых пунктов, окруженных временными укреплениями; хотя для этой цели времени было вполне достаточно.

Большая часть незавоеванной Франции лежит южнее линии Нант — Безансон; она образует сплошной массив, прикрытый с трех сторон морем или нейтральными границами, и только северная пограничная линия ее открыта для неприятельского наступления. Здесь — сила национального сопротивления; здесь должны быть найдены люди и средства для продолжения войны, если она возобновится. Для завоевания и оккупации этого огромного прямоугольника размерами 450 на 250 миль, при отчаянном сопротивлении как регулярных, так и иррегулярных сил населения, нынешних войск пруссаков было бы недостаточно. Сдача Парижа, при оставлении четырех корпусов в качестве гарнизона этой столицы, освобождает девять дивизий; сдача Бурбаки освобождает шесть линейных дивизий Мантейфеля, т. е. всего 15 дивизий, или 150 000—170 000 солдат, для полевых операций, в дополнение к четырем дивизиям Гебена и восьми дивизиям Фридриха-Карла. Но у Гебена руки достаточно связаны на севере, а Фридрих-Карл своей остановкой в Туре и Ле Мане показал, что его наступательные силы полностью исчерпаны; таким образом, для завоевания юга остаются только упомянутые пятнадцать дивизий; а в течение нескольких ближайших месяцев дальнейшие подкрепления прибыть не могут.

Этим пятнадцати дивизиям французы должны будут вначале противопоставить, главным образом, новые формирования. Возле Невера и Буржа находились 15-й и 25-й корпуса; там же в окрестностях должен был находиться 19-й корпус, о котором мы ничего не слышали с начала декабря. Затем существует еще 24-й корпус, спасшийся при крушении Бурбаки, и войска Гарибальди, недавно увеличенные до 50 000 человек, хотя нам неизвестно, какими частями и из каких пунктов. В общем это составляет тринадцать или четырнадцать дивизий, может быть, даже шестнадцать, но количественно и качественно совершенно недостаточных, чтобы задержать продвижение новых армий, которые, наверное, будут посланы против них, если срок перемирия истечет, а мир не будет заключен. Но три недели перемирия не только дадут этим французским дивизиям время,

чтобы сплотиться; они дадут возможность более или менее необученным рекрутам, находящимся теперь в учебных лагерях, число которых по подсчету Гамбетты доходит до 250 000 человек, превратиться, по крайней мере лучшим из их батальонов, в боеспособные части, которые будут в состоянии встретить неприятеля. Таким образом, в случае возобновления войны французы оказались бы в состоянии отразить всякое серьезное вторжение на юг, если и не на пограничной линии Луары или далеко к северу от Лиона, то все же в таких пунктах, где присутствие врага не сможет существенно ослабить силу их сопротивления.

Несомненно, что перемирие дает массу времени для того, чтобы восстановить снабжение, дисциплину и моральное состояние армий Федерба и Шанзи, так же как и всех других частей в Шербурге, Гавре и т. д. Вопрос только в том, будет ли время использовано надлежащим образом. В то время как силы французов, таким образом, значительно возрастут как количественно, так и качественно, немцы едва ли получают какое-нибудь подкрепление. В этом отношении перемирие окажется выгодным для французов.

Но кроме сплошного массива Южной Франции, незавоеванными остаются два полуострова — Бретань с Брестом и Котантен с Шербургом — и сверх того два северных департамента с их крепостями. Гавр также представляет незавоеванный, хорошо укрепленный пункт на побережье. Каждая из этих четырех областей имеет, по крайней мере, одно хорошо укрепленное убежище на побережье для отступающей армии; так что флот, которому в настоящее время абсолютно нечего делать, может поддерживать сообщение между ними и югом и перевозить по мере надобности войска из одного пункта в другой и таким способом сразу сделать разбитую армию способной возобновить наступление с превосходными силами. Таким образом, пока эти четыре северных и западных округа остаются в известной мере неприступными, они создают такое же число слабых мест на флангах пруссаков. Линия, где французам угрожает действительная опасность, тянется от Анжера до Безансона; для немцев она, кроме того, тянется от Анжера через Ле Ман, Руан и Амьен к бельгийской границе. Если только французы проявят достаточно здравого смысла, то на этой линии немцы не смогут добиться решающих результатов, но зато преимущества, приобретенные тут французами, при известных условиях могут стать действительно решающими.

Таково стратегическое положение. Выгодно используя свой флот, французы могут перебрасывать войска на запад и на север,

с тем чтобы принудить немцев держать в этой местности значительно превосходящие силы и ослабить войска, посланные для завоевания юга, воспрепятствовать чему было бы главной задачей французов. Сосредоточивая свои армии в большей степени, чем это делалось до сих пор, и, с другой стороны, высылая большее число мелких партизанских отрядов, французы могут добиться лучших результатов при тех же силах. Оказывается, что в Шербурге и Гавре было значительно больше войск, чем требовалось для обороны; а хорошо выполненное разрушение моста в Фонтенуа около Туля, в центре области, занятой противником, показывает, что может быть достигнуто смелыми партизанами. Если война вообще возобновится после 19 февраля, она должна быть в действительности войной на истребление, войной, подобной испанской войне против Наполеона, войной, в которой противнику никакими расстрелами и поджогами не удастся сломить дух сопротивления.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1869, среда, 8 февраля 1871 г.*

КАТАСТРОФА БУРБАКИ.

Благодаря корреспонденту «Standard» мы получили, наконец, сообщение очевидца о том, что произошло с армией Бурбаки во время ее злополучной январской кампании. Корреспондент находился в дивизии генерала Кремера, которая составляла крайний левый фланг при наступлении и арьергард во время отступления. Его сообщение, хотя, разумеется, одностороннее и полное неточностей в отношении того, что не происходило непосредственно перед его глазами, является очень ценным, так как дает факты и даты, до сих пор неизвестные, бросая, таким образом, яркий свет на эту фазу войны.

Армия Бурбаки, численностью в 133 000 человек с 330 орудиями, как оказывается, едва ли заслуживала названия армии. Линейные войска, имевшие посредственных офицеров, в физическом отношении были ниже мобилей, но у последних едва ли были офицеры, знакомые с азбукой своих обязанностей. Отчеты, полученные из Швейцарии, подтверждают это; если о физическом состоянии людей они дают худшие отзывы, то мы не должны забывать о влиянии месячной кампании в условиях голода и холода. Обмундирование — и одежда и обувь — оказалось по всем сообщениям в жалком состоянии. Интендантства или даже просто какой-либо организации, производящей в известном порядке и с известной регулярностью реквизиции и распределение полученного таким путем продовольствия, как оказывается, совершенно не было.

Из четырех с половиною корпусов, находившихся в действии, три (15-й, 18-й и 20-й) были переданы Бурбаки еще 5 декабря; вероятно, очень скоро после этой даты был принят план наступления на восток. Все его передвижения, вплоть до 5 января, были простыми маршами с целью сосредоточения и не нарушались противником; поэтому они не были препятствием на пути улучшения организации этой армии, как раз напротив. Наполеон в 1813 г. за время похода в Германию превратил своих необученных рекрутов в солдат. Таким образом, Бурбаки имел целый месяц для подготовки, и если по истечении предоставленного ему времени его войска встретились с

неприятелем в описанном выше состоянии, его нельзя не порицать. Он не обнаружил способностей как организатор.

Первоначальный план состоял, как говорят, в том, чтобы идти к Бельфору четырьмя колоннами — одна восточнее реки Ду, через Юру, чтобы занять или обойти Монбельяр и левый прусский фланг; вторая колонна — вдоль долины реки для атаки фронта; третья колонна — западнее, по дороге через Ружмон и Виллерсексель против правого крыла неприятеля; дивизия же Кремера должна была прибыть из Дижона через Люр и обойти правый фланг пруссаков. Но это было изменено. Вся масса первых трех колонн двинулась вперед одной дорогой по долине, из-за чего, как утверждают, было потеряно пять дней, в течение которых Вердер получил подкрепление, и вся армия Бурбаки была отброшена на один путь для отступления, снова потеряла время и была поэтому отрезана от Лиона и прижата к швейцарской границе. Совершенно очевидно, что переброска до 120 000 человек, столь слабо организованных, одной колонной и по одной только дороге должна была вызвать путаницу и задержку; но предположение, что эта ошибка была действительно допущена в таком объеме, не так уж достоверно. По всем предыдущим сообщениям, войска Бурбаки подошли к Бельфору широким фронтом, от Виллерсекселя до швейцарской границы, что предполагает использование различных дорог, упомянутых в первоначальном плане. Но как бы то ни было замедление имело место и было главной причиной проигрыша сражения у Эрикура. Бой у Виллерсекселя произошел 9 января. Виллерсексель находится приблизительно в двадцати милях от прусской позиции у Эрикура, и Бурбаки понадобилось пять дней, вплоть до вечера 14-го, чтобы подвести свои войска к этой позиции и получить возможность атаковать ее на следующее утро! На это мы указывали в одной из предыдущих статей как на первую крупную ошибку кампании, а теперь из сообщений корреспондента мы видим, что офицеры Кремера поняли это даже раньше, чем начался бой у Эрикура.

В этом трехдневном сражении 130 000 французов действовали против 35 000—40 000 немцев и не могли взять их укрепленную позицию. При таком численном превосходстве возможны были самые смелые фланговые движения. Сорок или пятьдесят тысяч человек, решительно брошенных в тыл немцев, в то время как остальные сковали бы их с фронта, безусловно, могли заставить противника отступить со своих позиций. Но вместо этого был атакован лишь укрепленный фронт позиций, что вызвало огромные и бесплодные потери. Фланговые атаки велись настолько слабо, что одной немецкой

бригады (Келлера) оказалось не только достаточно, чтобы отбить их на правом фланге немцев, но и удержать Фрайе и Шенебье, а затем в свою очередь обойти французов с фланга. Молодым войскам Бурбаки пришлось, таким образом, выполнять самую трудную задачу, которая только может быть поставлена перед солдатом в сражении, в то время как их собственное численное превосходство давало более легкую возможность занять позиции путем маневрирования. Но, вероятно, опыт последних пяти дней показал Бурбаки, что бесполезно было ожидать подвижности от его армии.

После окончательного отражения атаки 17 января последовало отступление к Безансону. Весьма вероятно, что это отступление происходило, главным образом, по одной дороге в долине Ду, но мы узнаем, что крупные части отступали и по другим дорогам ближе к швейцарской границе. Как бы то ни было 22-го пополудни арьергард под командой Кремера прибыл в Безансон. Следовательно, авангард должен был прибыть туда уже 20-го готовым к выступлению 21-го против пруссаков, которые в этот день достигли Доля. Но нет! На этот авангард не обращали никакого внимания до прихода Кремера, который сразу же превратился из арьергарда в авангард и был 23-го послан навстречу немцам к Сен-Ви. На следующий день Кремер получил приказ вернуться в Безансон; два дня были потеряны в нерешительности и бездействии, пока 26-го, после смотра 18-му корпусу, Бурбаки не совершил покушения на самоубийство. Тогда начинается беспорядочное отступление в направлении на Понтарлье. Но в этот день немцы, бывшие в Мушаре и Сален, находились ближе к швейцарской границе, чем отступающие, и отход последних был, в сущности, отрезан. Это уже не было более состязанием на скорость; немцы смогли не спеша занять выходы из всех продольных долин, через которые еще возможно было бегство, в то время как другие войска теснили французов с тыла. Затем последовали бои вокруг Понтарлье, которые нанесли разбитой армии последний удар, результатом чего была конвенция в Ле Веррьер и сдача всей армии швейцарцам.

Все поведение Бурбаки с 15 по 26 января показывает, что он потерял всякое доверие к своим людям и, как следствие, потерял всякую веру в самого себя. Почему он до прихода Кремера задержал движение своих колонн в Безансоне, упустив, таким образом, всякую возможность к отступлению; почему он отозвал самую лучшую в армии дивизию Кремера немедленно вслед за тем, как послал ее из Безансона навстречу пруссакам, занимавшим прямую дорогу в Лион; почему после этого он промедлил еще два дня, в результате

чего в общем было потеряно у Безансона целых шесть дней, — все это невозможно объяснить, если только не предположить, что Бурбаки был в полной мере лишен той решимости, которая является самым основным качеством самостоятельно действующего начальника. Старая история августовской кампании повторилась снова. И любопытно, что эта странная нерешительность опять-таки обнаружилась у генерала, унаследованного от империи, тогда как ни один из генералов республики, каковы бы ни были их ошибки, не обнаружил подобной нерешительности, за которую он так бы поплатился.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «Pall Mall Gazette»

№ 1878, суббота, 18 февраля 1871 г.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ. ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РОССИИ.

РЕДАКТОРУ «PALL MALL GAZETTE».

Милостивый государь!

Английское правительство заявляет, что ему ничего неизвестно о союзе между Россией и Пруссией. В Германии же существование такого союза никем не отрицается; наоборот, пруссофильская печать торжествует по этому поводу, в то время как антипруссские газеты негодуют на это. Одна из последних, «Volksstaat», полагает, что своим отрицанием г-н Гладстон хотел только намекнуть на то, что это не договор о союзе, а скорее соглашение о вассальной зависимости и что в данном случае он прав. Действительно, обмен телеграммами между Версалем и Петербургом — между «до гроба Вашим Вильгельмом» и его более сдержанным племянником Александром — не оставляет никакого сомнения в характере отношений между двумя крупными военными монархиями континента. Телеграммы эти были, кстати, прежде всего опубликованы в «Journal de St. Pétersbourg»; и не менее знаменательным является тот факт, что в немецкой печати они полностью не были воспроизведены, — причем в особенности замалчивалось уверение императора Вильгельма в его преданности до гроба. Во всяком случае подробный текст переписки не оставляет никакого сомнения, что император Вильгельм хочет выразить, как он глубоко чувствует себя обязанным по отношению к России и готов, в свою очередь, предоставить свои услуги в ее распоряжение. Так как императору больше семидесяти лет, а настроения его предполагаемого наследника вызывают сомнения, — то у России достаточно серьезные основания ковать железо пока горячо.

А к тому же и внутреннее положение в России далеко не удовлетворительно. Финансы почти безнадежно расстроены; особая форма, в которой было проведено освобождение крепостных и связанные с ним социальные и политические перемены, расстроила сельскохозяйственное производство почти до невероятной степени. Полумеры либерального характера, которые правительство то принимало, то отказывалось от них, то вновь к ним возвращалось, пре-

доставили образованным классам достаточный простор, чтобы создать ясно выраженное общественное мнение; а это общественное мнение по всем пунктам расходится с тем курсом иностранной политики, которого настоящее правительство, повидимому, до сих пор придерживалось. Общественное мнение в России по существу имеет ярко выраженный панславистский характер, а это значит, что оно враждебно настроено против трех крупных «угнетателей» славянской расы: немцев, венгров и турок. Союз с Пруссией для него так же неприемлем, как был бы неприемлем союз с Австрией или Турцией. Кроме того, оно требует немедленных военных действий в духе панславизма. Спокойные, медленные, но в высшей степени безошибочно ведущие к желанным результатам действия традиционной русской тайной дипломатии жестоко испытывают его терпение. Как бы ни были значительны сами по себе успехи, достигнутые на конференции, они не имеют никакого значения для русских панславистов. Они слышат только «отчаянный вопль» своих угнетенных братьев по национальности; они ничего так сильно не чувствуют, как необходимость восстановить потерянное преобладание святой Руси сильным ударом, завоевательной войной. Кроме того, им известно, что предполагаемый наследник принадлежит к числу их единомышленников. Если же принять все это во внимание, а также и то, что строительство больших стратегических железных дорог на юг и юго-запад доведено до такого состояния, что они вполне могут служить целям наступления против Австрии или Турции или против обеих стран вместе, то разве это не является достаточно сильным побуждением для русского правительства и лично для императора Александра, чтобы применить старый бонапартистский способ и, пока союз с Пруссией все еще является надежным, отсрочить внутренние затруднения внешней войной?

В такой обстановке новый русский заем в двенадцать миллионов фунтов стерлингов приобретает особое значение. Правда, на фондовой бирже распространялся патриотический протест, — по слухам, он был без подписей и, повидимому, так без подписей и остался, — но говорят, что заем был более чем полностью размещен. Для каких целей, среди прочих, эти двенадцать миллионов предназначались, нам сообщает штеттинская «*Ostsee Zeitung*», газета, обладавшая в течение многих лет не только наилучшей информацией о русских делах, но и независимостью, необходимой для того, чтобы опубликовывать эту информацию. По словам петербургского корреспондента этой газеты (от 4 марта нового стиля), русские военные власти во время франко-прусской войны убедились, что фортификационная система,

которой до сих пор придерживались при сооружении русских крепостей, является совершенно непригодной и военное министерство уже разработало план необходимых изменений. «Как сообщают, новая система, основанная на сооружении отдельных фортов, должна быть прежде всего использована для наиболее важных пограничных крепостей, к реконструкции которых следует приступить немедленно. Отдельные форты должны быть сооружены прежде всего в крепостях Брест-Литовске, Демблине и Модлине». В настоящее время Брест-Литовск, Демблин (или Ивангород) и Модлин (или Ново-Георгиевск согласно его официальному русскому названию) являются именно теми тремя крепостями, которые, имея в центре Варшаву, господствуют над большей частью Царства Польского; а Варшава не получает ныне отдельных фортов по той простой причине, что она имеет их уже в течение многих лет. Итак, Россия, не теряя времени, укрепляет свою власть в Польше и усиливает базу своих операций против Австрии, а поспешность, с которой это проводится, не предвещает ничего хорошего для дела мира в Европе.

Пока все это можно называть чисто оборонительными вооружениями. Но корреспондент, о котором идет речь, продолжает: «Военные приготовления в России, начавшиеся, когда вспыхнула франко-германская война, продолжаются с неослабевающим рвением. Недавно военное министерство издало приказ о четвертых батальонах. Выполнение этого приказа началось уже во всех полках, включая полки, находящиеся в Царстве Польском. Уже организованы отряды, назначенные для несения военной службы по охране железных дорог и телеграфа, так же как и санитарные роты. Людей усиленно тренируют и обучают разнообразным обязанностям, и санитарным ротам показывают даже, как надо накладывать первые повязки раненым, как останавливать кровотечение и как приводить в чувство людей, потерявших сознание».

По штатам мирного времени пехотные полки почти во всех больших армиях на континенте имеют по три батальона, и первый шаг, который, при переходе от штатов мирного времени к штатам военного, обязательно предпринимается, — это формирование четвертых батальонов. В день объявления войны Луи-Наполеон тоже издал приказ о формировании четвертых батальонов. Их формирование было первым шагом, предпринятым в Пруссии после получения приказа о мобилизации. Точно так же обстоит дело и в Австрии и в России. Как бы ни толковать внезапно обнаруженную необходимость сооружения отдельных фортов для польских крепостей и не менее внезапное усердие, с которым в русскую службу вводятся прусские

санитары и отряды железнодорожной телеграфной службы (в стране, где и железные дороги и телеграф довольно редки),—здесь в формировании четвертых батальонов мы имеем явный признак того, что Россия фактически перешла ту грань, которая отделяет мирное положение от военного. Никто не может думать, что Россия предприняла бы этот шаг без определенной цели; а если этот шаг что-нибудь означает, то лишь нападение на кого-то. Быть может этим и можно объяснить, зачем понадобились эти двенадцать миллионов фунтов стерлингов.

Ваш и пр.

Э.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
№ 1900, четверг, 16 марта 1871 г.*

В РЕДАКЦИЮ «VOLKSSTAAT».

«Paris-Journal», один из наиболее преуспевающих органов парижской полицейской прессы, опубликовал в номере от 14 марта статью под сенсационным заголовком: «Le Grand Chef de L'Internationale» («Grand Chef» — это, вероятно, французский перевод штиберовского «Haupt-Chef»). «Он, — так начинается статья, — как известно, немец и, что еще хуже, пруссак. Зовут его Карл Маркс, живет он в Берлине и т. д. И что же! Этот Карл Маркс недоволен поведением французских членов *Интернационала*¹. Уже одно это характеризует его. Он находит, что они бесконечно много занимаются политикой и совершенно недостаточно — социальными вопросами. Таково его убеждение, и он только что весьма решительно сформулировал его в письме к своему брату и другу, гражданину *Серрайе*, одному из парижских первосвященников *Интернационала*. Карл Маркс просит французских членов Интернационала и в особенности парижан не упускать из виду, что их общество имеет одну единственную цель: организацию труда и будущность рабочих обществ. Но, вместо того чтобы организовать труд, они дезорганизуют его, и он считает нужным внушить преступникам уважение к уставу Товарищества. Мы заявляем, что будем в состоянии опубликовать это

¹ По этому же вопросу от имени Маркса была написана заметка в «Times», которая дается ниже по черновику, составленному Энгельсом:

«Редактору «Times».

Милостивый государь!

В Вашей газете от 16 марта Ваш парижский корреспондент сообщает: «Карл Маркс... написал одному из своих главных приверженцев в Париже письмо, где заявляет, что он недоволен позицией, которую заняли члены этого общества («Интернационала») в этом городе и т. д.». Ваш корреспондент, повидимому, заимствовал это сообщение из «Paris-Journal», где оно было напечатано в номере от 14 марта и где было также обещано опубликовать полностью это приписываемое мне письмо. В «Paris-Journal» от 19 марта действительно приводится письмо, датированное Лондоном 28 февраля 1871 и якобы подписанное мною, содержание которого совпадает с сообщением Вашего корреспондента. Я должен заявить, что письмо это от начала до конца является наглой подделкой». *Ред.*

достопримечательное письмо г. Карла Маркса, как только оно будет сообщено членам *Интернационала*.

В номере от 19 марта «Paris-Journal» действительно поместил письмо, якобы подписанное мною: оно тотчас же было перепечатано всей парижской реакционной прессой, а затем проникло и в лондонские газеты. Но тем временем «Paris-Journal» пронюхал, что я проживаю в *Лондоне*, а не в *Берлине*. Поэтому на сей раз, в противоречии с первым сообщением, письмо помечено Лондоном. Эта запоздалая поправка страдает, однако, тем пороком, что заставляет меня переписываться с моим другом Серрайе, находящимся в Лондоне, окольным путем через Париж. Письмо, как я уже заявил «Times», представляет собой от начала до конца наглую *подделку*.

Тот же «Paris-Journal» и другие парижские органы «благонамеренной печати» распространили слух, что Парижский федеральный совет *Интернационала* принял лежащее вне пределов его компетенции решение об исключении немцев из Международного Товарищества Рабочих. Лондонские газеты быстро подхватили эту приятную новость и со злорадством расписывали в своих передовицах о совершившемся, наконец, самоубийстве *Интернационала*. К сожалению, «Times» приводит сегодня следующее заявление *Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих*¹:

«Английскую печать обошло сообщение, будто парижские члены Международного Товарищества Рабочих объявили об исключении всех немцев из *Интернационала* и, следовательно, действовали в духе *анти-немецкой лиги*. Это сообщение находится в вопиющем противоречии с фактами. Ни Федеральный совет нашего Товарищества в Париже, ни какая-либо из парижских секций, представляемых им, никогда не помышляли о подобном решении. Так называемая *анти-немецкая лига*, поскольку она вообще существует, есть дело рук исключительно аристократии и буржуазии. Она возникла по инициативе жокей-клуба и продолжала существовать благодаря поддержке, оказываемой ей академией, биржей, некоторыми банкирами и фабрикантами и т. д. Рабочий класс никогда не имел к ней никакого отношения. — Цель этой клеветы бросается в глаза. Незадолго до начала последней войны *Интернационал* пытались превратить в козла отпущения, на которого возлагалась ответственность за все неприятные события. Та же тактика снова применяется и те-

¹ Заявление составлено Марксом и по его предложению послано в «Times». См. Протокол Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих от 21 марта 1871 г. *Ред.*

перь. Так; например, в то время как швейцарские и прусские газеты объявляют его виновником оскорблений, причиненных немцам в Цюрихе, французские газеты вроде «*Courrier de Lyon*», «*Courrier de la Gironde*», парижской «*Liberté*» и т. д. сообщают о каких-то тайных собраниях «членов Интернационала» в *Жене* и *Берне*, происходивших *под председательством прусского посла*; на этих собраниях был якобы разработан план передачи *Лиона* на совместное разграбление объединившимся пруссакам и членам Интернационала».

Таково заявление Генерального Совета. Вполне естественно, что высокопоставленные лица и господствующие классы старого общества, которые в состоянии поддерживать свою власть и эксплуатацию трудящихся масс лишь посредством *национальной* борьбы и *национальных* противоречий, видят в *Международном Товариществе Рабочих* своего общего врага. Чтобы уничтожить его, *все* средства хороши.

Карл Маркс.

Лондон, 23 марта 1871 г.

Секретарь Генерального Совета

Напечатано в «*Der Volksstaat*» № 26
от 29 марта 1871 г.

Международного Товарищества Рабочих
для Германии.

РЕДАКТОРУ «DE WERKER» КУНЕНУ.

Лондон, 31 марта 1871 г.

Гражданин!

Мое так называемое письмо парижским членам Интернационала является, — как я уже заявил в «*Times*» от 22 марта, — вымыслом газеты «*Paris-Journal*», принадлежащей к числу бульварных газет, расплодившихся в навозе империи. Впрочем, все органы европейской «*благонамеренной печати*» получили директиву прибегать к *фальсификации*, как к самому сильному оружию в борьбе против Интернационала. В глазах честных поборников религии, порядка, семьи и собственности преступление, именуемое подлогом, не представляет собою ничего предосудительного.

С братским приветом

Карл Маркс.

Напечатано в «*De Werker*» 8 апреля
1871 г.

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES».

Милостивый государь!

Разрешите мне снова использовать столбцы Вашей газеты для опровержения получившей широкое распространение лжи.

В телеграмме из Парижа от 30 марта есть выдержка из «Gaulois», которая под сенсационным заголовком «Доказано, что парижская революция организована из Лондона» украшала лондонские газеты в прошлую субботу.

Повидимому «Gaulois», успешно соперничавший во время последней войны с «Figaro» и «Paris-Journal» в изготовлении мюнхгаузиад, сделавших парижскую бульварную прессу притчей во языцах во всем мире, более чем когда-либо убежден, что падкая до новостей публика всегда будет придерживаться правила: «Credo quia absurdum est». [Верю, ибо это нелепость.]

Но взялся ли бы сам барон Мюнхгаузен организовать в Лондоне «в начале февраля», когда г-н Тьер еще не занимал официального поста, «восстание 18 марта», вызванное попыткой того же г-на Тьера разоружить парижскую Национальную гвардию? «Gaulois», не довольствуясь тем, что отправил гг. Асси и Бланки в воображаемое путешествие в Лондон, чтобы там на тайном совещании они организовали вместе со мною заговор, он причисляет к участникам этого совещания еще две вымышленные фигуры — некоего «Бентини, генерального агента для Италии» и некоего «Дермотта, генерального агента для Англии». «Gaulois» милостиво санкционирует также титул «верховного главы Интернационала», впервые дарованный мне газетой «Paris-Journal».

Боюсь, что, вопреки этим двум достопочтенным господам, Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих будет по-прежнему делать свое дело, не обременяя себя ни «главой», ни «президентом».

Имею честь, милостивый государь, быть Вашим покорнейшим слугой.

Лондон, 3 апреля.

Карл Маркс.

*Напечатано в «Times» от 4 апреля
1871 г.*

[ОБ АНТВЕРПЕНСКИХ СИГАРОЧНИКАХ.]

В Антверпене 500 рабочих-сигарочников остались без работы. Фабриканты предложили им: или пусть они распускают свой профессиональный союз, принадлежащий к Международному Товариществу Рабочих, или они будут уволены. Все без исключения решительно отвергли это требование, и фабриканты закрыли свои предприятия.

В кассе рабочих имеется 6 000 франков (1 600 талеров); они уже установили связь с рабочими-сигарочниками Голландии и Англии, и всякому притоку штрейкбрехеров оттуда поставлена преграда. Из Англии они получают довольно солидную денежную поддержку; 176 фунтов стерлингов (1 200 талеров) уже отправлены; помощь будет обеспечена и в дальнейшем. Впрочем, антверпенцы просят только *ссуду*, заявляя, что они в состоянии возместить всякую оказанную им помощь. Если немецкие рабочие-сигарочники или другие профессиональные союзы в состоянии оказать поддержку своим антверпенским братьям, то надо надеяться, что они не преминут сделать это. Деньги следует направлять по адресу: *Ф. Кунен, Boomgaardsstraat, 3, Антверпен*. Во всяком случае их обязанностью является воспрепятствовать отправке немецких рабочих-сигарочников в Антверпен, пока фабриканты настаивают там на своих требованиях.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Der Volksstaat»
от 12 апреля 1871 г. Без подписи.*

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ
ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ТОЛЭНА.**

Лондон, заседание от 25 апреля 1871 г.

Рассмотрев поступившую на утверждение Генерального Совета резолюцию Федерального совета парижских секций об исключении гражданина Толэна из Товарищества за то, что этот гражданин, будучи выбран в Национальное собрание, чтобы представлять там интересы рабочего класса, подлейшим образом предал рабочее дело; принимая во внимание, что место каждого французского члена Международного Товарищества Рабочих, несомненно, в рядах Парижской коммуны, а не в узурпаторском и контрреволюционном Версальском собрании, —

Генеральный Совет утверждает резолюцию Парижского федерального совета и объявляет гражданина Толэна исключенным из Международного Товарищества Рабочих.

Генеральный Совет не имел возможности вынести это постановление раньше, так как он получил подлинный текст этой резолюции только 21 апреля.

С подлинным верно.

Временный Секретарь для Бельгии

Ф. Энгельс.

*Постановление напечатано в ряде
органов Интернационала.*

Перевод дан по тексту «L'Internationale» от 14 мая 1871 г.

ЕЩЕ РАЗ «ГОСПОДИН ФОГТ».

Со времени аугсбургской кампании 1859 г., когда г-н Фогт был так жестоко побит, он, повидимому, почувствовал себя пресыщенным политикой. Со всей энергией он принялся за естественные науки, в которых, по его собственным словам, он совершал еще прежде «паразитические» открытия. Так, в то же самое время, когда Кюхенмейстер и Лейкарт выяснили в высшей степени сложную историю развития паразитических червей, глистов, и тем, действительно, сильно подвинули вперед науку, г-н Фогт сделал паразитическое открытие, что глисты разделяются на два класса: круглых, которые круглы, и плоских, которые плоски. Теперь к этому великому достижению он прибавил новое, еще более великое.

Обнаружение большого количества окаменелых костей человека доисторических времен сделало модным сравнительное изучение черепов различных человеческих рас. Ученые измеряли черепа по всем направлениям, сравнивали их, спорили, но не приходили ни к какому результату, пока, наконец, Фогт с обычной самоуверенностью не объявил решение загадки, заключающееся в том, что все человеческие черепа разделяются на два класса: на такие, которые продолговаты (длинноголовые, долихоцефалы), и на такие, которые кругловаты (короткоголовые, брахицефалы). Чего не могли сделать, несмотря на многолетнюю упорную работу, самые внимательные и самые трудолюбивые исследователи, то сделал Фогт с помощью простого применения своего червячного принципа. Если к этим паразитическим открытиям прибавить еще открытие одного нового вида в области политической зоологии, именно открытие «серной банды», то и самый требовательный человек вынужден будет признать, что трудов Фогта на один человеческий век вполне достаточно.

Но великий дух нашего Фогта не знает покоя. Политика сохранила неотразимую прелесть для этого человека, который даже и в пивной творил великие дела. Следы от побоев, полученных в лето 1860, благополучно исчезли, брошюры Маркса «Господин Фогт» не имелось более в продаже, все неприятные истории давно быльем поросли; под гром аплодисментов немецких филистеров наш Фогт совершал

лекционные поездки, важно восседал на всех собраниях естествоиспытателей, на этнографических и антикварных конгрессах и протискивался в среду действительно крупных ученых. Он мог, следовательно, снова вообразить себя человеком более или менее «приличным» и считать себя призванным натаскивать немецких филистеров в политике так же, как он натаскивал их в естественно-научных вопросах. Совершались крупные события. Наполеон Маленький капитулировал при Седане, пруссаки стояли под Парижем, Бисмарк требовал Эльзас и Лотарингию. Настала самая пора Фогту сказать свое веское слово.

Слово это имеет заглавие: «Политические письма Карла Фогта к Фридриху Кольбу» (Биль, 1870 г.). В них имеется двенадцать писем, появившихся первоначально в венской «Tagespresse» и перепечатанных, кроме того, в официальном органе Фогта — «Bieler Handelskouurier». Фогт высказывается против аннексии Эльзас-Лотарингии и против опруссачения Германии и его страшно злит, что в данном случае ему приходится идти по стопам ненавистных социал-демократов, т. е. «серной банды». Было бы излишне излагать все содержание памфлета, ибо совершенно неинтересно, что думает какой-то Фогт о подобных вещах. К тому же аргументы, приводимые им, — те самые, которые обыкновенно употребляются филистерами во время болтовни о политике за кружкой пива, с той лишь разницей, что на этот раз Фогт отражает взгляды швейцарских, а не немецких филистеров.

Нас интересует только симпатичная личность самого г-на Фогта, продельвающая свои разнообразные повороты и превращения.

Итак, берем брошюру Фогта и кладем с нею рядом его «Этюды о современном положении Европы» (1859 г.) — роковую книгу, причинившую ему столь тяжкие и столь продолжительные страдания. Мы видим, что при всей идейной близости, при совершенно одинаковой стилистической неряшливости (на стр. 10 Фогт говорит о своих «взглядах», приобретенных «собственными ушами»; уши у него, должно быть, совсем особенные), г-н Фогт говорит теперь как раз противоположное тому, что он проповедывал одиннадцать лет тому назад. «Этюды» имели целью убедить немецкого филистера в том, что Германии нет никакого расчета вмешиваться в войну, которую Луи Бонапарт замышлял тогда против Австрии. Для этой цели Луи Бонапарта нужно было изобразить «человеком, предназначенным судьбою» быть освободителем народов; нужно было защитить его от ходячих нападок республиканцев и даже некоторых буржуазных либералов. Мнимый республиканец Фогт пошел и на это;

он это сделал хоть и с кислосладкой миной и с таким видом, как будто у него колики в животе. Злые языки и люди из «серной банды» утверждали, что бравый Фогт только потому подверг себя всем этим неприятностям, что он получил от Бонапарта то, что англичане называют «компенсацией» (Consideration), т. е. попросту получил наличными. Выплыли наружу разные подозрительные вещи. Фогт предлагал разным лицам деньги, если они согласятся выступить в печати в его духе, т. е. прославлять народо-освободительные замыслы Луи Бонапарта. Г-н Брасс, добродетели которого, с тех пор как он руководит «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», вне всяких сомнений, даже г-н Брасс и тот публично оттолкнул «французское корыто, которое хотел ему подставить Фогт». Но мы не будем распространяться об этих неприятных историях и предположим пока, что и колики в животе и гримасы — все это у Фогта наследственное от рождения.

Но с тех пор, как стряслась беда в Седане, с Фогтом произошла полная перемена. Французского императора — «освободителя народов» — он еще несколько щадит. О нем он только пишет: «Революция уже стояла у него за плечами. Если бы даже война не разразилась, империи все же не удалось бы встретить новый, 1871, год в Тюильри» (стр. 1).

Но его жена! Послушаем:

«Несомненно, если бы Евгения победила (ведь эта необразованная испанка, не умеющая даже писать грамотно, ведет или, вернее, вела войну, имея за собой целый драконов хвост фанатичных попов и сельского населения), если бы Евгения победила, то положение сразу сделалось бы еще более ужасным», чем после прусских побед и т. д.

Итак, победа французов в 1859 г. над Австрией означала победу «освободителя народов» — Бонапарта; победа же в 1870 г. над пруссаками означала бы победу полуграмотной Евгении с ее драконовым хвостом. Прогресс очевидный.

Еще более достается драконову хвосту Луи Бонапарта, ибо оказывается, что и у него имеется таковой. Уже на стр. 2 идет речь об «ужасном мотовстве империи». На стр. 16 мы читаем о «сброде, стоявшем во главе императорской армии и администрации». Это мотовство и этот сброд существовали и расцветали пышным цветом уже в 1859 г. и даже много раньше; Фогт, совсем не замечавший их тогда, теперь видит их совершенно отчетливо. Опять-таки большой шаг вперед. Но это еще не все.

Если Фогт и не ругает прямо своего прежнего «освободителя», то он все-таки не может не привести выдержки из письма одного

французского ученого, где говорится: «Если вы имеете какое-либо влияние, то постарайтесь избавить нас от величайшего бесчестия — celle de ramener l'infâme (т. е. от возвращения *бесчестного* — Луиз Бонапарта). Лучше Генрих V, Орлеаны, какой-нибудь Гогенцоллерн, кто угодно, но только не этот *коронованный злодей, отравлявший все, к чему он прикасался*» (стр. 13).

Однако как ни плох бывший император и его полуграмотная супруга вместе с их драконовыми хвостами, все же Фогт утешает нас тем, что есть в этой семье еще один человек, составляющий исключение, — принц Наполеон, более известный под именем Плон-Плона. По словам Фогта (на стр. 33), Плон-Плон говорил самому Фогту, что «он перестал бы уважать южных немцев, если бы они поступили иначе» (т. е. если бы они не пошли вместе с пруссаками против французов), что он был вполне уверен в несчастном исходе войны и нисколько этого не скрывал. Кто же теперь упрекнет еще Фогта в неблагодарности? Разве не трогательно видеть, как он, «республиканец», протягивает руку помощи «принцу» даже и в дни невзгод и выдает ему свидетельство, на которое принц может сослаться в том случае, если когда-либо будет объявлен конкурсу на вакантное место «бесчестного»?

О России и русской политике в «Этюдах» говорится не иначе, как в хвалебном тоне; это государство со времени уничтожения крепостного права является «скорее другом освободительного движения, нежели врагом его»; Польша готова слиться с Россией (что и доказало польское восстание 1863 г.), — и Фогт находит вполне естественным, что Россия «образует крепкое ядро, вокруг которого все более стремятся сгруппироваться славянские национальности». То, что тогда, в 1859 г., русская политика шла рука об руку с политикой Луи-Наполеона, было, конечно, в глазах Фогта огромной заслугой. Теперь все переменялось, теперь мы читаем: «Я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что мы стоим перед конфликтом между славянским и германским миром, ...и что Россия в этом конфликте выступит во главе одной из сторон» (стр. 30, 31). Далее указывается, что после присоединения Эльзаса к Германии Франция немедленно встанет в этом конфликте на сторону славян и даже постарается насколько возможно ускорить наступление этого конфликта, чтобы возвратить себе Эльзас; таким образом, тот же самый франко-русский союз, который в 1859 г. являлся будто бы счастьем для Германии, выставляется теперь перед ней в виде пугала и страшного призрака. Но Фогт знает своего немецкого филистера. Он знает, что может преподнести ему что угодно, не смущаясь противоречиями. Мы только невольны-

спрашиваем: почему же 11 лет тому назад Фогт имел бесстыдство трубить, что союз России с бонапартистской Францией является лучшей гарантией развития Германии и Европы.

А Пруссия! В «Этюдах» Пруссии ясно давалось понять, что она должна косвенно поддерживать замыслы Луи-Наполеона против Австрии, ограничиться защитой территории Германского союза и затем, «когда начнутся мирные переговоры, получить себе вознаграждение в северо-германских равнинах». Границы будущего Северо-германского союза — Рудные горы, Майн и море уже тогда выставлялись в виде приманки для Пруссии. В послесловии ко второму изданию, появившемуся во время итальянской войны, в момент, когда бонапартистам приходилось плохо и нельзя было более влиять и заниматься болтовней, — Фогт говорит уже без обиняков; он убеждает Пруссию начать в Германии междоусобную войну для создания единой центральной власти, для превращения всей Германии в Пруссию. Для такого объединения Германии, утверждает он, потребуется меньше недель, чем месяцев для войны в Италии. И вот, ровно семь лет спустя, и опять по соглашению с Луи-Наполеоном, Пруссия действует именно в духе бонапартистских тайных наущений, которые разболтал Фогт; она бросается в междоусобную войну, раздобывает себе вознаграждение в северо-германских равнинах, создает, — по крайней мере, для германского севера, — единую центральную власть. И что же? Теперь г-н Фогт вдруг начинает сетовать, что «война 1870 года была необходимым, неизбежным последствием войны 1866 года!» (стр. 1). Он жалуется на ненасытную завоевательную политику Пруссии, которая всегда «набрасывалась на подвернувшуюся добычу, как акула на кусок сала» (стр. 20). — «Никогда и нигде, — пишет он, — не видал я государства и народа, которые бы более заслуживали этого названия (разбойничье государство), чем Пруссия» (стр. 35). Он оплакивает поглощение Германии Пруссией как величайшее несчастье, какое только могло постигнуть Германию и Европу (восьмое и девятое письма). Вот что вышло из того, что Бисмарк последовал совету Фогта, и вот что получилось из того, что Фогт подал совет Бисмарку.

Тем не менее до сих пор все, казалось, шло еще хорошо для нашего Фогта. Старые темные делишки действительно изгладились из памяти филистеров: «Этюды» были совершенно забыты; Фогт снова мог выдавать себя за приличного бюргера и демократа не хуже других и мог даже немножко потешить свое тщеславие тем, что его «Политические письма» шли против банального филистерского течения в Германии.

Даже роковое совпадение взглядов Фогта по вопросу об аннексии Эльзас-Лотарингии со взглядами социал-демократов могло только сделать ему честь: так как Фогт не переходил на сторону «серной банды», то отсюда с неизбежностью должно было вытекать, что «банда» пошла за Фогтом. Но вдруг нам попадаетея на глаза маленькая строчка в недавно опубликованных списках расходов из тайных фондов Луи-Наполеона:

«Vogt — il lui a été remis en Août 1859 ... fr. 40 000».

«Фогт — ему было выдано в августе 1859 г. 40 000 франков».

Фогт? Какой это Фогт? Какое несчастье для Фогта, что при этом не сделано более точного указания! Конечно, если бы здесь было написано: профессор Карл Фогт из Женевы, улица и номер дома такие-то, тогда Фогт мог бы сказать: «Это не я, это мой брат, моя жена, мой старший сын, кто угодно — только не я». А то просто «Фогт»! Фогт без примет, без имени, без адреса — это может быть только один Фогт, всемирно известный ученый, великий естествоиспытатель, открывший круглых и плоских глистов, длинные и короткие черепа, а также «серную банду», человек, реномэ которого так хорошо известно даже полицейским, распорядившимся тайным фондом, что по отношению к нему было бы излишне всякое более точное обозначение! А затем, разве существует какой-нибудь другой Фогт, оказавший в 1859 г. такие услуги бонапартистскому правительству, что оно в августе этого года (*а Фогт как раз в то время был в Париже*) заплатило ему за них 40 000 франков? Что именно Вы оказали такие услуги, г-н Фогт, это достоверно известно, доказательством тому служат Ваши «Этюды»; первое издание этих «Этюд» появилось весной, второе — летом; Вы сами признали, что с 1 апреля 1859 г. до лета Вы предлагали многим лицам за вознаграждение действовать в бонапартистских интересах; *в августе 1859 г., после окончания войны, Вы были в Париже*, и после всего этого мы должны верить, что тот «Фогт», которому Бонапарт распорядился уплатить в августе 1859 г. 40 000 франков, — какой-то другой, никому неизвестный Фогт? Это немислимо. Клянемся всеми круглыми и плоскими глистами: пока вы не докажете нам обратного, мы принуждены думать, что этот загадочный Фогт — не кто иной, как Вы.

Но, быть может, Вы скажете, что такое утверждение ни на чем не основано, кроме заявления теперешнего французского правительства, т. е. коммунаров, или — что то же, коммунистов, которые называются также «серной бандой», а кто же поверит таким людям? На это можно ответить, что опубликование «Correspondance

et papiers de la famille impériale» [«Переписка и документы императорской семьи»] произведено «*Правительством национальной обороны*» и является его *официальным* актом, за который оно отвечает. А какого были Вы мнения об этом правительстве, о Жюле Фавре, Трошию и др.? «Люди, выдвинутые сейчас событиями, никому не уступят по своему уму, энергии и стойкости убеждений; но они не в состоянии сделать невозможного», — пишете Вы о них на стр. 52. Да, г-н Фогт, невозможного они сделать не могут, но они могли бы, по крайней мере, вычеркнуть Ваше имя в благодарность за эту теплую похвалу, так редко выпадавшую на их долю!

Однако, как говорите Вы сами, г-н Фогт, «золото является эквивалентом того ущерба, который наносится личности индивидуума» (стр. 24); и если Ваша драгоценная персона потерпела из-за Ваших политических скачков 1859 года какой-нибудь «ущерб» (надеюсь, только моральный), то будьте добры, утешьтесь «эквивалентом».

Когда прошлым летом началась военная шумиха, Вы были «убеждены, что весь этот шум поднят французским правительством исключительно для того, чтобы покрыть страшные растраты империи притворными приготовлениями к войне. При Луи-Филиппе эту функцию выполняли *древесные черви*: сверхсметные тайные расходы записывались в счет расходов на лес для флота; при империи древесных червей всего земного шара не хватило бы для того, чтобы покрыть все перерасходы» (стр. 4).

Таким образом, мы снова вернулись к столь любезным Вашему сердцу червям, и именно к древесным червям.

К какому классу принадлежат они, к круглым червям или к плоским? Кто может решить этот вопрос? Только Вы, г-н Фогт — и Вы действительно его разрешаете. Как свидетельствует «Correspondance etc.» («Переписка и т. д.»), Вы сами принадлежите к «древесным червям», ибо Вы тоже приняли участие в поедании «сверхсметных тайных расходов» на сумму в 40 000 франков. А что Вы принадлежите к классу «круглых червей» известно всякому, кто Вас знает.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «*Volksstaat*» № 38
от 10 мая 1871 г. Без подписи.

THE
CIVIL WAR IN FRANCE.

ADDRESS
OF
THE GENERAL COUNCIL
OF THE
INTERNATIONAL WORKING-MEN'S
ASSOCIATION.

SECOND EDITION, REVISED

Printed and Published for the Council by
EDWARD TRUELOVE, 256, HIGH HOLBORN.

1871.

Price Twopence.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ.

ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ¹

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ТОВАРИЩЕСТВА В ЕВРОПЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

I.

4 сентября 1870 г., когда парижские рабочие провозгласили республику, которую тотчас же почти единодушно приветствовала вся Франция кликом восторга, шайка честолюбивых адвокатов, — государственным деятелем ее был Тьер, а генералом — Трошю, — завладела городской ратушей. Эти люди были настолько полны тогда фанатической веры в призвание Парижа быть представителем всей Франции во все времена исторических кризисов, что для оправдания насильно захваченного ими титула правителей Франции они считали совершенно достаточным предъявить свои истекшие уже полномочия на звание парижских депутатов. Во втором нашем воззвании по поводу последней войны, спустя пять дней после того, как движение подняло наверх этих людей, мы объяснили вам, кто они такие. Но Париж, захваченный врасплох, когда действительные вожди рабочих еще сидели в тюрьмах Бонапарта, а пруссаки быстро шли на него, позволил этим людям присвоить себе власть, но с неперемнным условием, чтобы они пользовались этой властью исключительно для целей национальной обороны. Защищать Париж можно было, только вооружив его рабочих, образовав из них действительную военную силу, научив их военному искусству на самой войне. Но вооружить Париж значило вооружить революцию. Победа Парижа над прусским агрессором была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами. Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной измены.

¹ Написано К. Марксом. Текст был утвержден Генеральным Советом на заседании от 30 мая 1871 г. Об авторстве Маркса см. ниже стр. 341, 347, 349, 350, 364, 376. *Ред.*

Прежде всего оно отправило Тьера в странствование по европейским дворам выпрашивать у них, как милостыню, посредничество, обязываясь за то променять республику на короля. Четыре месяца спустя после начала осады Парижа оно сочло своевременным завести речь о капитуляции; Трошю в присутствии Жюль Фавра и других своих коллег обратился к собравшимся парижским мэрам со следующими словами:

«Первый вопрос, который задали мне мои коллеги вечером же 4 сентября, был вопрос о том, имеет ли Париж какие-нибудь шансы успешно выдержать осаду прусской армии. Я, не колеблясь, ответил на этот вопрос отрицательно. Ссылаюсь на некоторых из присутствующих здесь моих коллег; они могут вам подтвердить, что я говорю правду; я постоянно оставался при мнении, высказанном тогда мною. Я сказал им точно то же, что говорю теперь вам: при настоящем положении дел попытка отстоять Париж от прусской армии — чистое безумие, — конечно, геройское безумие, — прибавил я, — но все-таки не больше, как безумие... События (он сам ими управлял) оправдали мои предсказания».

Эту прелестную маленькую речь Трошю один из присутствовавших мэров, Корбон, впоследствии напечатал.

Итак, уже вечером в день провозглашения республики коллеги Трошю знали, что «план» его состоит в капитуляции Парижа. Если бы национальная оборона не была только предлогом для личного господства Тьера, Фавра и К^о, то выскочки 4 сентября сложили бы уже 5-го свою власть, сообщили бы парижскому населению «план» Трошю и предложили бы ему или немедленно сдаться, или взять свою судьбу в собственные руки. Но эти бесчестные обманщики решили излечить Париж от геройского безумия голодом и убийством, а пока что водили его за нос своими напыщенными манифестами. Трошю, «губернатор Парижа, никогда не капитулирует», — писалось в одном из этих манифестов. «Министр иностранных дел Жюль Фавр никогда не уступит ни одной пяди земли, ни одного камня наших крепостей». А Гамбетте этот же самый Жюль Фавр признавался в письме, что они «обороняются» не от прусских солдат, а от парижских рабочих. Бонапартистские разбойники, которым предусмотрительный Трошю поручил командование парижской армией, нагло глумились в своей частной переписке во все продолжение осады над этой якобы обороной, тайну которой они знали. (За доказательствами недалеко ходить: достаточно просмотреть опубликованную Коммуной в «Journal Officiel» переписку главного командира артиллерии Парижской армии, кавалера

ордена большого креста почетного легиона, Альфонса Симона Гло, с Сюзанном, артиллерийским дивизионным генералом). Наконец, 28 января 1871 г. мошеники сбросили маску. Правительство национальной обороны в деле капитуляции Парижа выступило с настоящим героизмом глубочайшего самоунижения, оно выступило как правительство Франции, состоящее из пленников Бисмарка, — роль до того подлая, что ее не решился взять на себя даже сам Луи Бонапарт в Седане. Спасаясь паническим бегством в Версаль после событий 18 марта, *капитулянты* оставили в руках Парижа документы, свидетельствовавшие об их измене, для уничтожения которых, как писала Коммуна в манифесте к провинциям, «эти люди не остановились бы перед превращением Парижа в груды развалин, затопленную морем крови».

К такой развязке толкали многих влиятельнейших членов правительства национальной обороны и совершенно особые, личные соображения.

Вскоре после заключения перемирия парижский депутат Национального собрания Мильер, теперь по специальному приказу Жюль Фавра уже расстрелянный, опубликовал целый ряд подлинных юридических документов, доказывавших, что Жюль Фавр, живя с женою одного спившегося алжирского проходимца, захватил при помощи самых наглых подлогов, совершенных им в продолжение нескольких лет кряду, от имени своих незаконнорожденных детей, огромное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что в процессе, который вели с ним законные наследники, он только потому не был уличен в подлогах, что пользовался особым покровительством бонапартистских судов. Так как против этих сухих юридических актов было бессильно какое угодно красноречие, то Жюль Фавр нашел нужным в первый раз в своей жизни не раскрывать рта, а ожидать, пока возгорится гражданская война, чтобы бешено выругать парижских жителей беглыми каторжниками, дерзко восставшими против семьи, религии, порядка и собственности. В то же время этот подделыватель документов тотчас после 4 сентября, едва захватив власть, освободил, из чувства братства, Пиза и Тайефера, которые были осуждены за подлог даже при империи в связи со скандальной историей с газетой «L'Étendard». Один из этих досточтимых господ, Тайефер, был настолько дерзок, что вернулся во время Коммуны в Париж, но Коммуна тотчас же заключила его в тюрьму. И после этого Жюль Фавр кричал всему миру с трибуны Национального собрания, что парижане освободили всех каторжников!

Эрнест Пикар, этот Джо Миллер¹ правительства национальной обороны, который после неудачных попыток попасть в министры внутренних дел империи произвел сам себя в министры финансов республики, это брат некоего Артура Пикара, субъекта, выгнанного с парижской биржи за мошенничество (см. донесение парижской префектуры от 13 июля 1867 г.) и осужденного, на основании собственного признания, за кражу 300 000 фр., совершенную им в бытность его директором филиального отделения торгового «Генерального общества», улица Палестро, № 5 (см. донесение парижской префектуры от 11 декабря 1868 г.). И вот этого-то Артура Пикара Эрнест Пикар назначил редактором своей газеты «L'Électeur Libre». Официальная ложь этой министерской газеты вводила в заблуждение обыкновенных биржевых спекулянтов, а Артур Пикар беспрестанно бегал с биржи в министерство, из министерства на биржу и наживал себе барыши при всяком поражении французских армий. Вся деловая переписка этой парочки почтенных братьев досталась Коммуне.

Жюль Ферри, бывший до 4 сентября нищим адвокатом, ухитрился сколотить себе во время осады, как мэр Парижа, состояние за счет голода столицы. Тот день, когда он должен будет дать отчет о своем хозяйничании, будет днем его осуждения.

Такие люди могли получить tickets-of-leave² только на развалинах Парижа; они как раз годились для целей Бисмарка. Карты были немного перетасованы, и Тьер, до сих пор втайне руководивший правительством, вдруг стал во главе его, а ticket-of-leave men сделались министрами.

Тьер, этот карлик-чудовище, в течение более чем полувека очаровывал французскую буржуазию, потому что он представлял собою самое совершенное идейное выражение ее классовой испорченности. Прежде чем он стал государственным мужем, он уже обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Летопись его общественной деятельности есть история бедствий Франции. Связанный до 1830 г. с республиканцами, он проскочил при Луи-Филиппе в министры в награду за то, что предал своего покровителя Лафита.

¹ В немецком издании — Карл Фогт, во французском — Фальстаф. Джо Миллер (1684—1738) — известный английский актер-номик. *Ред.*

² В Англии преступникам, после того как они уже отбыли большую часть наказания, дают иногда отпускные билеты, с которыми они могут жить на свободе, но под надзором полиции. Такие билеты называются tickets-of-leave (отпускной билет), а владельцы их — ticket-of-leave men. (*Примечание к немецкому изданию 1872 г.*)

К королю он подольстился подстрекательством черни против духовенства, — подстрекательством, которое привело к разграблению церкви Сен-Жермен-Локсерруа и дворца архиепископа, — и тем, что по отношению к герцогине Беррийской он выполнял роль министра-шпиона и тюремщика-акушера. Резня республиканцев на улице Трансноэн, последовавшие затем гнусные сентябрьские законы против печати и права собраний и союзов были его делом. В марте 1840 г. он выступил на сцену уже министром-президентом и удивил всю Францию своим проектом укрепления Парижа. На обвинения республиканцев, которые считали этот проект злостным заговором против свободы Парижа, он в палате депутатов отвечал:

«Как? Вы воображаете, что укрепления когда-нибудь могут стать опасными для свободы! Прежде всего вы клеветаете, допуская, что какое-нибудь правительство решится когда-нибудь бомбардировать Париж, чтобы удержать власть в своих руках... Такое правительство стало бы после победы во сто раз невозможнее, чем до нее». Да, никакое правительство не решилось бы бомбардировать Париж с фортов, кроме правительства, сдавшего раньше эти форты пруссакам.

Когда в январе 1848 г. Король-бомба испробовал силу своего кулака на Палермо, Тьер, с давних пор не являвшийся тогда министром, снова произнес в палате депутатов такую речь:

«Милостивые государи! Вы знаете, что происходит в Палермо. Вы все содрогаетесь от ужаса (в парламентском смысле) при вести, что большой город был в течение 48 часов подвергнут бомбардировке. И кем? Чужеземным неприятелем, осуществлявшим право войны? Нет, милостивые государи, своим же правительством. И за что? За то, что этот несчастный город требовал своих прав. За требование своих прав он подвергся 48-часовой бомбардировке... Я апеллирую к общественному мнению Европы. Я думаю, что заклеить с величайшей из трибун Европы словами (да, действительно словами) негодования такие действия — это будет заслугой перед человечеством. Когда регент Эспартеро, оказавший услуги своей родине (чего Тьер никогда не делал), вознамерился бомбардировать Барселону для подавления вспыхнувшего там восстания, со всех концов мира поднялся общий крик негодования».

Через полтора года Тьер был уже в числе самых рьяных защитников бомбардировки Рима французской армией. На самом деле ошибка Короля-бомбы, повидимому, состояла только в том, что он ограничился лишь 48 часами бомбардировки.

За несколько дней до февральской революции Тьер, раздраженный тем, что Гизо надолго отстранил его от власти и наживы, и почуяв в воздухе приближение народной бури, заявил в палате депутатов своим напыщенным слогом, за который его прозвали *Migabeau-touche* [«Мирабо-муха»]: «Я принадлежу к партии революции не только во Франции, но и во всей Европе. Я желал бы, чтобы революционное правительство оставалось в руках умеренных людей... но если бы оно перешло в руки людей горячих, даже в руки радикалов, я бы из-за этого не отказался от своего дела. Я всегда буду принадлежать к партии революции». Разразилась февральская революция. Вместо того чтобы поставить на место министерства Гизо министерство Тьера, о чем мечтал этот ничтожный человек, революция заменила Луи-Филиппа республикой. В первый день народной победы он весьма старательно прятался, забывая, что от ненависти рабочих спасло бы его их презрение к нему. Как легендарный храбрец он избегал общественной арены, пока июньская резня не очистила места для людей такого сорта, как он. Он стал тогда идейным вождем «партии порядка» и ее парламентарной республики — этого анонимного междуцарствия, во время которого все враждующие между собой фракции господствующего класса входили друг с другом в тайные сношения с целью подавления народа и интриговали друг против друга, чтобы каждой восстановить свою собственную монархию. Тьер тогда, как и теперь, обвинял республиканцев в том, что они — единственная помеха к установлению республики на прочных основаниях; тогда, как и теперь, он говорил республике, как палач Дон Карлосу: «Я убью тебя для твоего же блага». И теперь, как и тогда, ему на другой день после своей победы придется воскликнуть: *L'Empire est fait* — империя готова. Тьер забыл свои лицемерные речи о необходимых свободах, свою личную неприязнь к Луи Бонапарту, который оставил его в дураках и выкинул за борт парламентаризм (вне искусственной атмосферы парламентаризма этот человечек превращается в ничто, и он это хорошо знает); забыв все это, Тьер принимал участие во всех позорных делах Второй империи — от занятия Рима французскими войсками до войны с Пруссией; он подстрекал к этой войне, разжигая страсти своими нисстовыми нападками на единство Германии, в котором он видел не маску для прусского деспотизма, а нарушение наследственного права Франции на разъединенность Германии. Этот карлик любил перед лицом Европы размахивать мечом Наполеона I. В своих исторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона. На деле же его внешняя политика всегда, начиная от

Лондонской конвенции 1841 г. до капитуляции Парижа 1871 г., приводила к крайнему унижению Франции и, наконец, довела до гражданской войны, во время которой он, с высочайшего соизволения Бисмарка, натравил на Париж пленных Седана и Меца. Несмотря на свои гибкие способности и изменчивость своих стремлений, он всю свою жизнь был самым закоренелым рутинером. Нечего и говорить, что более глубокие движения, происходящие в современном обществе, всегда оставались для него непостижимой тайной; его мозг, все силы которого ушли в язык, не мог освоиться даже с самыми простыми изменениями, совершающимися на поверхности общества. Он, например, считал святотатством всякое уклонение от устаревшей французской протекционистской системы. Когда он был министром Луи-Филиппа, он издевался над железными дорогами, как над фантазией большого ума; будучи в оппозиции при Луи Бонапарте, он клеймил, как кощунство, всякую попытку преобразовать гнилую французскую военную систему. Ни разу в продолжение всей своей долговременной политической деятельности он не провел ни одной сколько-нибудь практически полезной, пусть даже самой мелкой, меры. Тьер был верен только своей ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство. Он был беден, как Иов, когда вступил в первый раз в управление министерством при Луи-Филиппе, а оставил он это министерство миллионером. Во время последнего его управления министерством при упомянутом короле (с 1 марта 1840 г.) он был публично обвинен в палате депутатов в растрате казенных сумм. В ответ на это обвинение он ограничился тем, что заплакал, — ответ дешевый, которым легко отделявались и Жюль Фавр и всякий иной крокодил. В Бордо, в 1871 г., его первой мерой к спасению Франции от грозившего ей банкротства было назначение себе трехмиллионного годового оклада; это было первым и последним словом той «бережливой республики», идеал которой он выставил в манифесте к своим парижским избирателям в 1869 г. Один из его бывших коллег по палате 1830 г., сам капиталист и тем не менее преданный член Парижской коммуны, — Белэ, недавно в одной из своих публичных прокламаций обратился к Тьеру со следующими словами: «Порабощение труда капиталу было всегда краеугольным камнем вашей политики. С тех пор как в Парижской городской ратуше утвердилась республика труда, вы без устали кричите Франции: вот они, преступники!» Мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве и предательстве, набивший руку в банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской

борьбы партий; не останавливающийся перед тем, чтобы раздуть революцию, как только слетит с занимаемого места, и затопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки; напичканный классовыми предрассудками вместо идей, вместо сердца наделенный тщеславием, такой же грязный в частной жизни, как гнусный в жизни общественной, даже и теперь, разыгрывая роль французского Суллы, Тьер не может удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзости своих деяний своим смешным чванством.

Капитуляция Парижа, отдавшая во власть Пруссии не только Париж, но и всю Францию, закончила собою длинный ряд изменческих интриг с врагом, начатых узурпаторами 4 сентября, по словам самого Трошю, в самый день захвата ими власти. С другой стороны, эта капитуляция была началом гражданской войны, которую они повели при содействии Пруссии против республики и Парижа. Ловушка была уже в самих условиях капитуляции. В тот момент более трети страны было в руках врага; столица была отрезана от провинции, пути сообщения испорчены. При таких обстоятельствах избрание лиц, могущих явиться действительными представителями Франции, возможно было лишь после длительной подготовки. Именно поэтому в тексте капитуляции и был установлен недельный срок для выборов в Национальное собрание, так что в некоторых частях Франции известие о предстоящих выборах было получено лишь накануне самих выборов. Далее, как гласит одна из статей этой капитуляции, Собрание должно было быть избрано единственно с целью решения вопроса о мире и войне, а в случае необходимости — и для заключения мирного договора. Население не могло не почувствовать, что условия перемирия делали далее немислимым продолжение войны и что для заключения мира, предписанного Бисмарком, наихудшие люди Франции окажутся самыми пригодными. Но, не довольствуясь этими мерами предосторожности и прежде чем тайна перемирия была сообщена Парижу, Тьер предпринял избирательную поездку по всей стране, чтобы оживить труп партии легитимистов; эта партия вместе с орлеанистами должна была заменить бонапартистов, которые в этот момент были совершенно неприемлемы для страны. Легитимистов он не боялся. Как правительство современной Франции они были немислимы, а потому и не были опасны как соперники; вся деятельность этой партии, по словам самого Тьера (в палате депутатов 5 января 1833 г.), «постоянно держалась на трех столпах: иноземном вторжении, гражданской войне и анархии»; эта партия поэтому являлась как нельзя более удобным орудием контрреволюции. Но легитимисты всерьез

уверовали в наступление вновь их тысячелетнего царства. И в самом деле, Франция снова была брошена под ноги иноземным врагам, империя была опять испровергнута; Бонапарт опять попал в плен, и они опять воскресли. Очевидно, колесо истории повернуло назад, чтобы докатиться до *Chambre introuvable* [бесподобной палаты] 1816 г. В 1848—1851 гг. в Национальном собрании во время республики их вождями выступали образованные и опытные в парламентской борьбе люди; теперь выступили на первый план заурядные личности партии — всякая сволочь Франции.

Как только открылась в Бордо палата «помещичьих депутатов», это собрание «деревенщины», Тьер не допустил их даже к парламентским прениям, а просто заявил им, что они немедленно должны принять предварительные условия мира, так как это неперемное условие, на котором Пруссия только и позволит начать войну против республики и ее оплота — Парижа. И в самом деле, контрреволюции некогда было раздумывать. Вторая империя увеличила государственный долг вдвое, все большие города были обременены тяжелыми местными долгами. Война увеличила задолженность до крайних пределов и страшно истощила источники доходов нации. Мало того: прусский Шейлок стоял на французской почве со своими квитанциями на провиант для 500-тысячного войска, с требованием уплаты контрибуции в 5 миллиардов и 5 процентов неустойки за просроченные взносы. Кто должен был платить за все это? Только посредством насильственного низвержения республики собственники богатства могли свалить тяжесть ими же вызванной войны на плечи производителей этого богатства. Таким образом, невиданное дотоле разорение Франции побудило этих патриотов — представителей земельной собственности и капитала — открыто завершить внешнюю войну, под высоким покровительством чужеземного завоевателя и на глазах у него, гражданской войной, бунтом рабовладельцев.

На пути этого заговора стояло одно громадное препятствие — Париж. Обезоружение Парижа было первым условием успеха. Вследствие этого Тьер и обратился к Парижу с требованием сложить оружие. Все было сделано, чтобы вывести Париж из терпения: помещичья палата раздражалась самыми неистовыми антиреспубликанскими воплями; Тьер сам двусмысленно острил над правом республики на существование; Парижу угрожали обезглавить его и лишить звания столицы (*decapitate and decapitalize*); орлеанистов назначали посланниками; Дюфюр издавал свои законы о неоплаченных в срок векселях и квартирных неустойках, законы, грозившие подорвать в корне торговлю и промышленность Парижа; по настоя-

нию Пуйэ-Кертье на каждый экземпляр какого бы то ни было издания вводился двухсантимный налог; Бланки и Флуранс были приговорены к смерти; республиканские газеты закрывались; Национальное собрание перевели в Версаль; осадное положение, объявленное Паликао и снятое 4 сентября, было возобновлено; Винуа, герой 2 декабря, был назначен губернатором Парижа, бонапартистский жандарм Валантен—префектом полиции и генерал-иезуит Орель де Паладин — главнокомандующим парижской Национальной гвардии.

Теперь мы спросим у г. Тьера и членов правительства национальной обороны, его приказчиков, о следующем. Известно, что г. Тьер заключил при посредстве своего министра финансов Пуйэ-Кертье заем в два миллиарда, который подлежал немедленной оплате. Так вот, правда это или нет:

1) что дельце было устроено таким образом, что несколько сот миллионов «комиссионных» очутились в карманах Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пшкарра, Пуйэ-Кертье и Жюля Симона?

2) что уплату обязывались произвести только после «умиротворения» Парижа?

Во всяком случае, что-то заставляло их очень торопиться с этим делом, так как Тьер и Жюль Фавр самым бесстыдным образом настаивали от имени большинства Бордоского собрания на немедленном занятии Парижа прусскими войсками. Но такой шаг не входил в политику Бисмарка, как это он, по возвращении своем в Германию, насмешливо и во всеуслышание рассказывал изумленным франкфуртским филистерам.

И.

Вооруженный Париж являлся единственным серьезным препятствием для контрреволюционного заговора. Стало быть, Париж надо было обезоружить. По этому вопросу Бордоская палата высказалась с полнейшей откровенностью. Даже если бы яростный рев депутатов «помещичьей палаты» и не был так ясен, то отдача Парижа Тьером под начало триумvirата из декабрьского убийцы Винуа, бонапартистского жандарма Валантена и генерала-иезуита Ореля де Паладина не оставляла места ни малейшему сомнению. Не скрывая истинного смысла обезоружения Парижа, заговорщики нагло требовали этого от самого Парижа под таким предлогом, который являлся самой вопиющей и наглой ложью. Артиллерия парижской Национальной гвардии, заявлял Тьер, есть собственность государства, посему подлежит возврату ему. На самом же деле факты

были таковы: Париж был под ружьем с самого дня сдачи, когда пленники Бисмарка предали ему Францию, выговорив для себя значительную военную силу с очевидной целью усмирения Парижа. Национальная гвардия реорганизовалась и передала верховное командование Центральному комитету, избранному всей массой национальных гвардейцев, за исключением кое-каких остатков старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет сделал распоряжение о перевозке на Монмартр, в Ля Виллет и в Бельвиль пушек и митральез, изменнически оставленных капитулянтами именно в тех кварталах, в которые должны были вступить пруссаки, или в кварталах, лежащих от них поблизости. Эта артиллерия была создана на суммы, собранные самой Национальной гвардией. В тексте капитуляции 28 января она была официально признана частной собственностью Национальной гвардии и как таковая не была включена в общую массу государственного оружия, подлежавшего выдаче победителю. Тьер не имел ни малейшего повода начать войну с Парижем, и потому он должен был прибегнуть к наглому лжи, будто артиллерия Национальной гвардии являлась государственной собственностью!

Захват артиллерии должен был бы служить, очевидно, только сигналом ко всеобщему разоружению Парижа, а следовательно, к обезоружению революции 4 сентября. Но эта революция была законной государственной формой Франции. Республика, результат этой революции, была признана победителем в тексте капитуляции. После этой капитуляции ее признали все иностранные державы; от имени республики было созвано Национальное собрание. Единственным законным основанием Бордоского национального собрания и его исполнительной власти являлась революция парижских рабочих 4 сентября. Если бы не революция 4 сентября, это Национальное собрание немедленно должно было бы уступить свое место Законодательному корпусу, который был избран в 1869 г. всеобщей подачей голосов при французском, а не при прусском правлении, и позднее был насильно разогнан революцией. Тьер и его *ticket-of-leave men* должны были бы капитулировать, чтобы этим добиться охранных грамот за подписью Луи Бонапарта, избавлявших их от необходимости путешествовать в Кайенну. Национальное собрание с его полномочием заключить мир с Пруссией было тогда одним из эпизодов этой революции, действительным воплощением ее был все-таки вооруженный Париж, тот Париж, который произвел революцию, Париж, выдержавший пятимесячную

осаду со всеми ужасами голода, Париж, который, невзирая на план Трошю, своим продолжительным сопротивлением дал провинциям возможность вести упорную оборонительную войну. И ныне этот же Париж по оскорбительному приказу мятежных бордоских рабовладельцев должен был или разоружиться и признать, что революция 4 сентября была не более чем простой передачей власти из рук Луи Бонапарта в руки его соперников-роялистов, или же Парижу предстояло самоотверженно бороться за дело Франции, которую спасти от полного падения и возродить к новой жизни можно было только революцией, разрушением того политического и социального строя, который привел ко Второй империи и сам под ее покровительством дошел до полного разложения. Париж, измученный пятимесячным голодом, не задумывался ни на минуту. Он был полон геройской отваги, он приготовился перенести все тяжести борьбы с французскими заговорщиками контрреволюции, несмотря на то, что прусские пушки угрожали ему с высоты его же фортов. Но из отвращения к гражданской войне, которую старались навязать Парижу, Центральный комитет продолжал придерживаться чисто оборонительного положения, не обращая внимания ни на провокационные выходы Национального собрания, ни на непрошенное вмешательство исполнительной власти в его дела, ни на угрожающую концентрацию войск в Париже и вокруг него.

И вот Тьер сам начал гражданскую войну: он отправил Винуа во главе отряда полицейских и нескольких линейных полков в разбойничий поход ночью на Монмартр, чтобы, напав врасплох, захватить артиллерию Национальной гвардии. Всем известно, что эта попытка не удалась из-за энергичного отпора Национальной гвардии и братания между войсками и народом. Орель де Паладин напечатал уже было заранее извещение о победе, а у Тьера были наготове объявления, возвещавшие о принятых им мерах к совершению государственного переворота. Эти объявления пришлось заменить манифестом, сообщавшим о благородной решимости Тьера даровать Национальной гвардии ее же оружие в надежде, что оно будет употреблено на защиту правительства от бунтовщиков. Из 300 тысяч национальных гвардейцев только 300 человек отозвались на призыв маленького Тьера присоединиться к нему для защиты его от самих себя. Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем. Ее временным правительством был Центральный комитет. Европа, казалось, на минуту усомнилась в действительности совершившихся перед ее глазами поразительных государственных и военных событий: не сон ли это из области давно минувшего.

С 18 марта до вторжения версальских войск в Париж революция пролетариата не была запятнана теми насилиями, которыми отличаются революции и особенно контрреволюции «высших классов». Враги ее не смогли найти никакого предлога для своего возмущения, кроме казни генералов Леконта и Клемана Тома и стычки на Вандомской площади.

Один из бонапартовских офицеров, участвовавших в ночной экспедиции против Монматра, генерал Леконт четыре раза отдавал 81-му линейному полку приказание стрелять по безоружной толпе на площади Пягаль; когда же солдаты отказались исполнить его приказание, он обругал их площадной бранью. Вместо того чтобы направить оружие против беззащитных женщин и детей, они расстреляли его же самого. Укоренившиеся привычки, приобретенные солдатами в школе врагов рабочего класса, не могли, разумеется, бесследно исчезнуть в них в ту же минуту, как только они перешли на сторону рабочих. Те же солдаты расстреляли и Клемана Тома.

«Генерал» Клеман Тома, недовольный своей карьерой, бывший вахмистр, завербованный в последние годы царствования Луп-Филиппа в редакцию республиканской газеты «Le National», исполнял двойные обязанности: в качестве ответственного болвана (*gérant responsable*)¹ и в качестве бреттера-дуэлиста при этом задорном органе. После февральской революции, когда люди из «National» пришли к власти, старый вахмистр был превращен ими в генерала. Это было накануне июньской бойни, злостным подготовителем которой он был, подобно Жюлю Фавру, и в которой играл самую гнусную роль палача. После этого он со своим генеральством надолго исчез из виду и не появлялся на поверхности уже до 1 ноября 1870 г. Накануне этого дня правительство обороны, захваченное в ратуше, торжественно обещало Бланки, Флурансу и другим представителям рабочих передать захваченную им власть в руки свободно избранной Парижской коммуны. Вместо исполнения обещания оно натравило на Париж бретонцев генерала Трошу, занявших теперь место корсиканцев Бонапарта. Только генерал Тампье не захотел запятнать себя этим вероломством и отказался от звания главнокомандующего Национальной гвардии. Заменивший его Клеман Тома снова оказался генералом. В продолжение всего своего командования он воевал не против пруссаков, а против парижской Национальной гвардии. Он всеми силами противился ее всеобщему вооружению,

¹ Лицо в редакции газеты, обязанностью которого является отсиживание в тюрьме. *Ред.*

науськивал буржуазные батальоны на рабочие, устранял офицеров, не сочувствовавших «плану» Трошю, упразднял пролетарские батальоны, позоря их обвинением в трусости, и это те самые пролетарские батальоны, доблести которых удивляются теперь самые ярые их враги. Клеман Тома страшно кичился тем, что ему снова удалось доказать на деле свою личную ненависть к парижскому пролетариату, которая так ярко проявилась в июньской бойне 1848 г. За несколько дней до 18 марта он представил военному министру Лефлю свой проект раз навсегда «покончить с цветом парижской сволочи». После поражения Винуа он не мог отказать себе в удовольствии появиться на сцене в качестве шпиона из любви к искусству. Центральный комитет и парижские рабочие были так же виноваты в смерти Клемана Тома и Леконта, как принцесса Уэльская в гибели людей, раздавленных в толпе при въезде ее в Лондон.

Избиение безоружных граждан на Вандомской площади есть сказка. Недаром упорно молчали о ней Тьер и депутаты помещичьего собрания; распространять эту сказку они поручили лакеям европейской журналистики. «Люди порядка», парижские реакционеры, содрогнулись при известии о победе 18 марта. Для них она означала близость народной расправы. Призраки жертв, замученных ими начиная с июньских дней 1848 г. до 22 января 1871 г., восстали перед ними. Но они отделались одним испугом. Полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа для бегства их в Версаль. «Людей порядка» не только оставили в покое, но им дана была возможность объединиться и захватить многие сильные позиции в самом сердце Парижа. Эта снисходительность Центрального комитета, это великодушие вооруженных рабочих, столь не свойственное нравам «партии порядка», были приняты ею за сознание рабочими своего бессилия. Вот почему у «партии порядка» явился бессмысленный план — попробовать под видом якобы невооруженной демонстрации добиться того, чего не достиг Винуа с его пушками и митральезами. 22 марта из богатейших кварталов появилась шумная толпа «фешенебельных господ»: она состояла из всяких пшютов, а во главе ее были известнейшие выкорышки империи, как Геккерен, Коэтлогон, Анри де Пен и им подобные. Трусливо прикрывшись лозунгами мирной демонстрации, но втайне вооружившись оружием наемных убийц, эта сволочь маршировала, обезоруживая и оскорбляя попутно встречавшиеся им посты и патрули Национальной гвардии. Выйдя с улицы Rue de la Paix с криками: «Долой Центральный комитет! Долой убийц! Да здравствует Национальное собрание!»,

они попытались прорвать линию караульных постов и захватить врасплох Генеральный штаб Национальной гвардии на Вандомской площади. На выстрелы из револьверов им ответили обычным требованием разойтись, и, когда это требование осталось без последствий, генерал Национальной гвардии скомандовал стрелять. Один залп обратил в беспорядочное бегство эту толпу пустых голов, воображавших, будто одно появление «приличного общества» подействует на парижскую революцию, как трубы Иисуса Навина на стены Иерихона. Демонстрантами были убиты два национальных гвардейца и тяжело ранены девять (в числе последних — один из членов Центрального комитета); вся местность, где произошел этот подвиг партии порядка, была усеяна револьверами, кинжалами, палками со стилетами и тому подобными вещественными доказательствами «безоружного» характера их «мирной» демонстрации. Когда 13 июня 1849 г. Национальная гвардия, протестуя против разбойничьего захвата Рима французскими войсками, устроила действительно мирную демонстрацию, генерал партии порядка того времени Шангарнье был провозглашен Национальным собранием и особенно Тьером спасителем отечества за то, что он бросил отовсюду свои войска на беззащитную массу, которую те расстреливали, рубили саблями и топтали лошадьми. Париж объявили тогда на осадном положении. Дюфор поспешно провел в Национальном собрании целый ряд новых драконовских законов; произвели массу арестов и ссылок; снова воцарился террор. Низшие классы поступают в таких случаях иначе. Центральный комитет 1871 г. просто не обратил внимания на пустившихся в бегство героев «мирной демонстрации», так что через два дня они могли устроить уже *вооруженную демонстрацию* под предводительством адмирала Сэссэ, закончившуюся знаменитым паническим бегством в Версаль. Центральный комитет, упорно отказываясь вести гражданскую войну, начатую Тьером ночной экспедицией против Монмартра, сделал роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль — Версаль не имел тогда средств к обороне — и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его помещицкой палаты. Вместо этого партии порядка дали снова возможность испытать свои силы на выборах в Коммуну 26 марта. В этот день «люди порядка» усердствовали в мэриях Парижа с речами примирения, давая себе, разумеется, втайне торжественную клятву в свое время кроваво отомстить своим чрезмерно великодушным победителям.

Посмотрим теперь на обратную сторону медали. Тьер предпринял второй поход против Парижа в начале апреля. С первой

партией пленных парижан, приведенных в Версаль, поступили с возмутительной жестокостью. Эрнест Пикар, запустив руки в карманы штанов, шнырял между их рядами и всячески насмехался над ними; а жены Тьера и Фавра, окруженные своей женской свитой, рукоплескали с балкона подлым выходкам версальской черни. Пленных солдат линейных полков просто расстреливали. Наш храбрый друг генерал Дюваль, литейщик, был расстрелян без всякого суда и следствия. Галифе, «альфонс» своей жены, столь известной тем, что она бесстыдно выставляла напоказ свое тело на оргиях Второй империи, кичился в своей прокламации тем, что это он приказал убить нескольких застигнутых врасплох и обезоруженных его егерями национальных гвардейцев вместе с их капитаном и лейтенантом. Винуа, бежавший из Парижа, получил от Тьера большой крест ордена почетного легиона за издание приказа, предписывавшего расстреливать каждого линейного солдата, захваченного среди коммунаров. Жандарма Демарэ наградили орденом за то, что он изменнически, как мясник, изрубил в куски рыцарски великодушного Флуранса — того самого Флуранса, который 31 октября 1870 г. спас головы членов правительства национальной обороны. Об «ободряющих подробностях» этого убийства Тьер с явным удовольствием разглагольствовал на одном из заседаний Национального собрания. С надутым тщеславием парламентского мальчика-с-пальчик, которому позволили позировать в роли Тамерлана, он отказался признать за людьми, восставшими против его карлицкого величия, право воюющей стороны и не хотел соблюдать даже нейтралитета относительно их перевязочных пунктов. Не было ничего гнуснее этой обезьяны, которой дали власть удовлетворять ее инстинкты тигра, — обезьяны-тигра, портрет которой нарисовал Вольтер.

После декрета Коммуны от 7 апреля, в котором она приказывала производить репрессии, объявляя, что считает своей обязанностью «защищать Париж от каннибальства версальских разбойников и требовать око за око и зуб за зуб», Тьер ничем не поступил в своем варварском обращении с пленными; он все так же глумился над ними, печатая в своих бюллетенях, что «никогда печальный взор честных людей еще не видел более бесчестных лиц, более бесчестной демократии», — взор честных людей, вроде Тьера и его ticket-of-leave men, в роли министров. Тем не менее расстрел пленных временно прекратился. Но как только Тьер и его генералы — герои декабрьского [1851 г.] переворота — узнали, что декрет Коммуны о репрессиях был простой угрозой, что были пощажены даже шпионы-

l'étouffèrent

avant-postes parisiens et témoigna de ce fait devant une commission de la Commune. — Le député Tolain ayant interpellé le ministre de la guerre au sujet du rapport de cette commission, les ruraux ~~font~~ sa voix et défendirent à Dieff de répondre. Ce serait, disent-ils; insulter notre « glorieuse » armée que de parler de ses actes. Le ton dégagé dont les bulletins de Thiers annonçaient que les ~~fidèles~~ surpris dans leur sommeil au moulin-Saquet avaient été lardés à coups de baïonnette et les exécutions sommaires de Clamart blessèrent les nerfs mêmes du Times donc le sensibilité est le moindre défaut.

Mais il serait ridicule aujourd'hui d'essayer de raconter les atrocités par lesquelles débütèrent les bombardeurs de Paris et les instigateurs d'une rébellion d'esclavagistes, protégés par les baïonnettes étrangères. — ~~ans cette atmosphère~~ horrents, Thiers oubli ~~de se~~ sur la terrible responsabilité qui ~~charge~~ ses épaules de ~~nan~~ ses ballottés ~~de~~ tant que l'Assemblée siège paisiblement et, banquetant sans cesse, tantôt avec les généraux Décapistes, tantôt avec les princes allemands, il ~~pr~~ prouve que rien, pas même les ombres de Ledecomte et de Clément Thomas ne peut troubler sa digestion.

tant 19/13 / lions parlent
l'écrase
amener dans
19 10

le milieu
de ces
Frontiers
19/13

III

Le 18 mars, dès l'aube, Paris se leva aux cris de tonnerre de vive la Commune! Qu'est-ce que la Commune, ce sphinx qui torture l'esprit des bourgeois

« Les prolétaires de la capitale, disait le Comité central dans son manifeste du 18 mars, au milieu des défaillances et des trahisons des classes gouvernantes ont compris que l'heure était arrivée pour eux de sauver la situation en prenant en mains la direction des affaires publiques..... Ils ont compris que c'était leur devoir impérieux et leur droit absolu de prendre en mains leurs destinées et d'en assurer le triomphe en s'emparant du pouvoir. » Mais la classe ouvrière ne

L'Etat centralisé avec ~~les~~ puissants et multiples organes l'armée permanente, la police, l'administration, le clergé, la magistrature, organes ~~qui~~ d'après un plan systématique et hiérarchique de division du travail, date de la monarchie ab

que l'Etat ~~avec~~ armes ~~de~~ la lutte contre la féodalité. Mais son développement demeurait entravé par toutes sortes de débris du moyen-âge, les droits seigneuriaux, les privilèges locaux, les monopoles, les villes ~~de~~ corporation et les constitutions provinciales. ~~La~~ la révolution française balaya les vestiges des temps passés. Ainsi le sol social se trouva nettoyé de ses derniers obstacles et l'état moderne s'éleva sous le premier empire ~~qui~~ lui-même ~~de~~ de la vieille Europe féodale contre la France moderne.

Sous les régimes qui suivirent, le gouvernement placé sous le contrôle parlementaire, c'est-à-dire sous le contrôle direct des classes ~~qui~~ — devint non-seulement une pépinière de dettes nationales énormes et d'impôts écrasants; non-seulement, avec ses attractions irrésistibles de places, de budgets et de domination, il devint l'objet que se disputèrent les factions rivales et les aventuriers des classes gouvernantes, mais encore son caractère politique changea en même temps que changeaient les conditions économiques de la société. Au fur et à mesure que l'industrie moderne développait, agrandissait et rendait

Des idées
Fines à la

19/13

à s'emparer de
pour la faire fonctionner à son profit
T 19 19 19

Ferri
19 mai 19 dans ses 13

Au XVIII siècle

19 T de son balai gigantesque
T, armée 19 T

manties

Piaffluente 19 13

peut se borner
T toute montée
T le pla multiplié est
l'ubiquité se ses

T la société bourgeois
T 19 19
T ni 19

жандармы, арестованные в Париже переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, — как только они узнали об этом, они начали снова массовые расстрелы пленных, продолжавшиеся беспрерывно до конца. Дома, в которых укрывались национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином (здесь он был в первый раз употреблен в этой войне) и поджигали; обугленные трупы были извлечены впоследствии полевым лазаретом работников печати в квартале Терн. Четыре национальных гвардейца, сдавшихся при Бель-Эли 25 апреля отряду конных стрелков, были расстреляны поодиночке капитаном этих стрелков, достойным холопом Галифе. Один из этих гвардейцев, Шеффер, которого приняли за мертвого, кое-как дополз до парижских фортов и засвидетельствовал этот факт перед одной из комиссий Коммуны. Когда Толэн запросил по поводу отчета этой комиссии военного министра Леффло, «помещичьи депутаты» заглушили его слова криком и не дали Леффло отвечать: было бы оскорблением для их «славной» армии говорить о ее подвигах. Небрежный тон бюллетеней Тьера, сообщавших о заколотых штыками сонных коммунарах в Мулэн-Саке, о массовом расстреле в Кламаре, повлиял на нервы даже лондонского «Times», не отличающегося обыкновенно особенной чувствительностью. Но было бы тщетной попыткой пересчитать все жестокости людей, бомбардировавших Париж, зачинщиков рабовладельческого бунта под покровительством чужеземного завоевателя. Среди всех этих ужасов Тьер забывает свои парламентские фразы о страшной ответственности, возложенной на его плечи карлика; он кичится в своих бюллетенях тем, что l'Assemblée siège paisiblement (собрание заседает благополучно) и доказывает парадными обедами, то со своими генералами, героями декабрьского переворота, то с немецкими принцами, что его пищеварение не испортили даже призраки Леконта и Клемана Тома.

III.

Утром 18 марта 1871 г. Париж был разбужен громовыми криками: «Да здравствует Коммуна!» Что же такое эта Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую задачу буржуазным мозгам?

«Парижские пролетарии, — писал в манифесте от 18 марта Центральный комитет, — видя поражения и измену господствующих классов, поняли, что настал час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот долг, что им принадлежит

неоспоримое право стать господами собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть». Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами, основанными на принципе систематического и иерархического разделения труда: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом. Но поместные и дворянские привилегии, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполинская метла французской революции XVIII столетия смела все эти остатки давно минувших веков и очистила таким образом общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства. Это здание воздвигнуто было при Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы против новой Франции. При последующих режимах правительство было подчинено парламентскому контролю, т. е. непосредственному контролю имущих классов. С одной стороны, оно превратилось в рассадник неисчислимых государственных долгов и тяжелых налогов, оно стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями и авантюристами господствующих классов, которых непреодолимо влекла к нему его административная сила, его доходы и должности, которыми оно располагало; с другой стороны, под влиянием экономических изменений в обществе изменился и его политический характер. По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто. Революция 1830 г. отняла власть у земельных собственников и отдала ее капиталистам, т. е. из рук более отдаленных врагов рабочего класса передала ее более непосредственным его врагам. Буржуазные республиканцы именем февральской революции захватили государственную власть и употребили ее на то, чтобы устроить июньскую

бойню; они этой бойней доказали рабочему классу, что «социальная» республика есть не что иное, как социальное порабощение его республикой, а монархически настроенной массе буржуазии и классу землевладельцев, — что они могут беспрепятственно предоставить буржуазным республиканцам заботы и денежные выгоды управления. Но после июньского подвига буржуазные «республиканцы» должны были перейти из передовых рядов в последние ряды «партии порядка», этой коалиции, образовавшейся из всех враждующих фракций и партий имущих классов, ставших теперь в открытую противоположность к классам производительным. Самой подходящей формой для их совместного управления оказалась *парламентарная республика* с Луи Бонапартом в качестве президента во главе ее; это было правительство неприкрытого классового террора и умышленного оскорбления «подлой черни». По словам Тьера, парламентарная республика была такой формой правления, которая «меньше всех других разделяла различные фракции господствующего класса», но зато она открыла пропасть между этим немногочисленным классом и всем общественным организмом, существующим вне его. Если при прежних правительствах раздоры внутри этого класса возлагали известные ограничения на государственную власть, то теперь благодаря объединению имущего класса эти ограничения отпали. Ввиду угрожавшего восстания пролетариата объединившийся имущий класс стал бессовестно и нагло пользоваться государственной властью как национальным орудием войны капитала против труда. Но его непрекращающийся крестовый поход против массы производителей заставил, с одной стороны, давать исполнительной власти все больше и больше прав для подавления сопротивления, с другой — постепенно отнимать у своей собственной парламентской твердыни — Национального собрания — все его средства обороны против исполнительной власти; и Луи Бонапарт, представлявший собой эту исполнительную власть, разогнал представителей имущего класса. Вторая империя явилась естественным следствием республики «партии порядка».

Империя, которой государственный переворот служил удостоверением о рождении, всеобщая подача голосов — санкцией, а сабля — скипетром, заявляла претензии на то, что она опирается на крестьянство, на эту обширную массу производителей, которая не участвовала непосредственно в борьбе между капиталом и трудом. Империя выдавала себя за спасительницу рабочего класса на том основании, что она разрушила парламентаризм, а вместе с ним и неприкрытое подчинение правительства имущим классам, и за

спасительницу имущих классов на том основании, что она поддерживала их экономическое господство над рабочим классом. И, наконец, она заявляла претензии на объединение всех классов вокруг вновь ожившего призрака национальной славы. В действительности империя была единственно возможной формой правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности. Весь мир приветствовал империю как спасительницу общества. Под ее господством буржуазное общество, освобожденное от политических забот, достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах; биржевая спекуляция праздновала свои космополитические оргии; нищета масс резко выступала рядом с нахальным блеском беспутной роскоши, нажитой надувательством и преступлением. Государственная власть, которая, казалось, высоко парит над обществом, была в действительности самым вопиющим скандалом этого общества, рассадником всяческой мерзости. Штыки Пруссии, жаждавшей перенести центр тяжести этой системы управления из Парижа в Берлин, обнажили всю гнилость этой государственной власти и одновременно гнилость спасенного ею общества. Империализм есть самая prostituiрованная и самая последняя форма той государственной власти, которая была создана зарождавшимся буржуазным обществом как орудие его освобождения от феодализма и которую буржуазия, когда она вполне развилась, превратила в орудие порабощения труда капиталом.

Прямой противоположностью империи была Коммуна. Лозунг «социальной республики», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и явилась именно определенной формой такой республики.

Париж, бывший резиденцией и центром старой правительственной власти, а вместе с тем и общественным центром французского рабочего класса, восстал с оружием в руках против попытки Тьера и его помещичьей палаты восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, оставшуюся в наследство от империи. Париж мог сопротивляться только потому, что осада освободила его от армии, место которой заняла Национальная гвардия, комплектовавшаяся большею частью из рабочих. Этот факт надо было превратить в прочное учреждение, и потому первым декретом Коммуны

было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом.

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. Та же судьба постигла чиновников всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей, чтобы подобно их предшественникам-апостолам кормиться милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для всех и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость, которая служила только маской для сокрытия их низкого подхалимства перед поочередно сменявшимися правительствами; они каждому правительству приносили присягу на верность и каждому изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми.

Парижская коммуна, разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй водворился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинциях. В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно быть заменено по всей стране народной милицией с самым кратким сроком службы. Собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведывать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать уполномоченных в Национальное собрание, заседающее в Париже; уполномоченные должны были строго придерживаться инструкции своих избирателей (императивный мандат) и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, — такое утверждение было сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным, чиновникам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над ней стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать эти функции ответственным слугам общества. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю. Ведь предприятия, точно так же как и отдельные лица, всегда умеют находить для своих целей подходящих людей на подходящее место, а если иногда и ошибаются, то умеют очень скоро исправлять свою ошибку. С другой стороны,

Коммуна по самому существу своему была безусловно враждебна замене всеобщей подачи голосов иерархической инвеститурой¹.

Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его ошибочно принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает современную государственную власть, была ошибочно рассматривается как воскрешение средневековых коммун, предшествовавших возникновению этой государственной власти и составивших основу ее. Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств (о котором мечтали Монтескье и жирондисты) то единство великих наций, которое хотя и создано было насилием, но стало теперь могущественным фактором общественного производства. Антагонизм между Коммуной и государственной властью ошибочно считали преувеличенной формой старой борьбы против чрезмерной централизации. В некоторых странах полному развитию той буржуазной формы правления, образцом которой является Франция, мешали некоторые особые исторические условия; эти условия создали, например, то, что в Англии главные центральные государственные органы дополняются продажными приходскими собраниями (*vestries*), корыстолюбивыми членами городских советов, свирепыми попечителями о бедных в городах и фактически наследственными мировыми судьями в деревнях. Коммунальное устройство вернуло бы обществу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции. Буржуазия провинциальных городов видела в Коммуне попытку восстановить то господство над деревней, которым она пользовалась при Луи-Филиппе и которое при Луи Бонапарте было вытеснено мнимым господством деревень над городами. В действительности коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней. Только какому-нибудь Бисмарку, употребляющему все время, свободное от интриг, в ко-

¹ *Инвеститура* — система назначения должностных лиц. *Ред.*

торых на первом месте всегда кровь и железо, своему старинному, больше всего подходящему к его умственным способностям сотрудничеству в «Kladderadatsch'e» (в берлинском «Punch'e»), только такому человеку могло притти в голову, что Парижская коммуна в сущности стремилась к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское городское устройство 1791 г., — низводящему городские самоуправления до роли второстепенных колес прусского государственного полицейского механизма. Уничтожив две крупнейшие статьи расходов: армию и чиновничество, Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций — дешевое правительство. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является, в Европе по крайней мере, обычным балластом и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений. Но ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были конечной целью ее; и то и другое явилось само собою, между прочим.

Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом. Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно и классовое господство. С освобождением труда все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса.

Странная вещь: стоит только рабочим где-нибудь взять дело в свои руки, и тотчас, несмотря на все, что за последние 60 лет писалось и говорилось об освобождении рабочих, против них начинает раздаваться апологетическая фразеология защитников современного общества с его двумя противоположными полюсами: капиталом и рабством наемного труда (земельные собственники являются теперь лишь безгласными компаньонами капиталистов). Как будто бы капиталистическое общество пребывало еще в девственной чистоте

и непорочности! Как будто бы не развиты были еще его противоположности, не вскрыты его самообманы, не разоблачена вся его протуированная действительность! Коммуна, говорят они, хочет уничтожить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые государи, Коммуна хотела уничтожить эту классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела создать индивидуальную собственность взаправду, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного и ассоциированного труда. Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако нашлись же среди господствующих классов люди, — и их немало, — которые поняли, что настоящее положение вещей не может долго существовать; они стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство не звук пустой и не обман, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведывание и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизм, «возможный» коммунизм?

Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества. Вполне сознавая свое историческое призвание, полный героической решимости стоять на высоте этого призвания, рабочий класс может ответить презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев и на ученые назидания благонамеренных буржуа-доктринеров, которые тоном непогрешимого оракула изрекают свои лживые общие места и преподносят свои высиженные рецепты.

Когда Парижская коммуна взяла на себя руководство революцией; когда простые рабочие впервые решились посягнуть на

привилегию своего «естественного начальства» — имущих классов, — именно на привилегию управления, они взялись за работу при неслыханно тяжелых условиях и исполняли ее скромно, добросовестно и успешно; высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, получаемого, по словам известного авторитета в науке [проф. Гексли], секретарем лондонского школьного совета. Старый мир скорчило от бешенства, когда он увидел красное знамя над городской ратушей — символ республики труда.

И все же это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы — все, за исключением богатых капиталистов. Мудро разрешая вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе, — вопрос о должниках и кредиторах, — Коммуна спасла этот класс. Эта часть среднего класса участвовала в 1848 г. в подавлении июньского восстания рабочих, и сейчас же за тем Учредительное собрание бесцеремонно отдало ее в жертву ее кредиторам. Но она примкнула теперь к рабочим не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и империей, какой бы ярлык она ни носила. Империя разорила эту часть среднего класса в материальном отношении своим расхищением общественного богатства, покровительством биржевой спекуляции, искусственным ускорением централизации капитала и вызываемой ею экспроприацией значительной части этого среднего класса. Империя политически угнетала ее и нравственно возмущала своими оргиями; она оскорбляла ее вольтерьянство, поручая воспитание ее детей «невежественным патерам»; она возмутила ее национальное чувство французов, затеяв эту войну, которая вознаградила за все ее бедствия только одним — ниспровержением империи. После бегства из Парижа шайки высших бонапартовских сановников и капиталистов, истинная «партия порядка» среднего класса, выступившая под именем «Республиканского союза», стала под знамя Коммуны и защищала ее от клеветы Тьера. Выдержит ли признательность этой массы среднего класса теперешние тяжелые испытания — это покажет будущее.

Коммуна имела полное право объявить крестьянам: «Наша победа — ваша единственная надежда!» Самой наглой клеветой, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему свету distinguished башибузуками европейской печати, было утверждение, что «помещичьи депутаты» являлись представителями французских

крестьян. Не правда ли, как правдоподобна эта внезапно вспыхнувшая во французских крестьянах любовь к людям, которым они после 1815 г. должны были заплатить миллиард вознаграждения! В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного земельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 г. В 1848 г. буржуа обложили землю крестьян добавочным налогом в 45 сантимов на франк, но это сделали именем революции; теперь они затеяли гражданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тягость пятимиллиардной контрибуции, которую они обязались уплатить пруссакам. Коммуна, напротив, заявила в одной из первых же своих прокламаций, что бремя войны должны нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы крестьянина от налога кровью, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы таких кровопийц, как нотариус, адвокат, судебный пристав, и других судебных вампиров наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она освободила бы его от произвола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем. Французский крестьянин прежде всего расчетлив. Он нашел бы вполне разумным платить попам не из сумм, взимаемых сборщиками податей, а из добровольных пожертвований, размер которых зависел бы от степени набожности общины. Вот какие существенные блага обещало непосредственно господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам. Поэтому излишне останавливаться здесь на тех более сложных и действительно жизненных вопросах, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян — таковы вопросы об ипотечном долге, который как кошмар тяготел на клочке крестьянской земли, о сельском пролетариате, возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия.

Луи Бонапарт был избран французским крестьянством в президенты республики. Вторую же империю создала «партия порядка». В 1849 и 1850 гг. французский крестьянин, противопоставляя своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя — правительственному священнику, себя самого — правительственному жандарму, начал этим показывать, что ему нужно на самом деле. Все законы, изданные «партией порядка» в январе и феврале 1850 г., были направлены, по ее собственному признанию, против

крестьян. Крестьянин был бонапартистом, потому что он отождествлял великую революцию и принесенные ему ею выгоды с именем Наполеона. Этот самообман при Второй империи быстро исчезал. Этот предрассудок прошлого (по существу своему он был враждебен «помещичьим депутатам») — как мог бы он устоять против призыва Коммуны к жизненным интересам и насущным потребностям крестьян?

«Помещичьи депутаты» отлично понимали (и этого они больше всего боялись), что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинциями, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание. Потому-то они так трусливо спешили окружить Париж полицейской блокадой, чтобы помешать распространению заразы.

Если Коммуна была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, то она была поэтому действительно национальным правительством. Но, будучи правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась в то же время интернациональной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединяла к Франции рабочих всего мира.

Вторая империя была праздником космополитического мошенничества. На ее призыв из всех стран бросились грабители, чтобы принять участие в ее оргиях и в ограблении французского народа. Даже в настоящую минуту правой рукой Тьера является Ганеско, валахский плут, а левой — Марковский, русский шпион. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело. Буржуазия успела в промежуток между внешней войной, проигранной из-за ее измены, и гражданской войной, вызванной ее заговором с чужеземным завоевателем, показать свой патриотизм полицейской травлей против немцев по всей Франции. Коммуна назначила немецкого рабочего министром труда. И Тьер, и буржуазия, и Вторая империя постоянно обманывали поляков громогласными выражениями своего сочувствия, на деле предавая их России и выполняя ее грязное дело. Коммуна почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа. Чтобы резко оттенить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, Коммуна перед лицом пруссаков-победителей, с одной стороны, и бонапартовской армии с бонапартовскими генералами во главе — с другой, низвергла колоссальный символ военной славы — Вандомскую колонну.

Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. К числу их принадлежали: запрещение ночной работы пекарей; запрещение под страхом наказания понижать заработную плату наложением штрафов на рабочих под всевозможными предлогами — обычный прием работодателей, которые, соединяя в своем лице законодательную, судебную и исполнительную власть, кладут штрафные деньги себе в карман. Подобной же мерой была и передача рабочим товариществам всех мастерских и фабрик, владельцы которых бежали или приостановили работы, с предоставлением им права на вознаграждение.

Финансовые меры Коммуны отличались расчетливостью и умеренностью; она должна была ограничиться только мерами, совместимыми с осадным положением города. Под управлением Османа Париж так обкрадывали банкирские компании и строительные подрядчики, что Коммуна имела значительно большие права конфисковать их имущества, чем Луи Бонапарт — имущество Орлеанов. Гогенцоллерны и английские олигархи, большая часть богатств которых состоит из награбленных церковных имуществ, были, конечно, сильно возмущены Коммуной, которая получила от конфискации церковных имуществ всего только 8 000 франков.

Версальское правительство, как только оно немного приободрилось и окрепло, стало принимать против Коммуны самые насильственные меры; оно подавило во всей Франции всякое свободное выражение мнений, запретило даже собрания делегатов больших городов; оно завело шпионов в Версале и во всей Франции, и притом в более широких размерах, чем при Второй империи; его жандармы-инквизиторы сжигали все издававшиеся в Париже газеты, вскрывали все письма из Парижа и в Париж; Национальное собрание на самую робкую попытку сказать слово в защиту Парижа отвечало неистовым воем, неслышанным даже в бесподобной палате 1816 г. Версальцы не только вели кровожадную войну против Парижа, но еще старались действовать подкупами и заговорами внутри Парижа. Могла ли Коммуна при таких условиях, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как при глубоком мире, условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны было таково же по духу, как и правительство Тьера, то не было бы причин запрещать газеты партии порядка в Париже и газеты Коммуны в Версале.

Естественно, что депутаты «помещичьей палаты» бесились, когда они объявляли единственным средством для спасения Франции возвращение в лоно церкви, а неверующая Коммуна раскрывала тайны женского монастыря Пикпуса и церкви св. Лаврентия. Разве это не было едкой сатирой на Тьера, сыпавшего кресты почетного легиона на генералов Бонапарта за их отличное умение проигрывать сражения, подписывать капитуляции и делать папиросы в Вильгельмсгæе, что Коммуна смещала и арестовывала своих генералов при малейшем подозрении в небрежном исполнении своих обязанностей? Разве это не было пощечной фабриканту фальшивых документов Жюлю Фавру, министру иностранных дел Франции, продававшему ее Бисмарку, диктовавшему приказы несравненному бельгийскому правительству, если Коммуна изгнала из своей среды и арестовала одного из своих членов, который пролез в нее под вымышленным именем после шести дней ареста в Лионе за банкротство? Но Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала все отчеты своих заседаний, оглашала все свои действия; она посвящала публику во все свои несовершенства.

Во всякую революцию, в ряды ее истинных представителей, проникают люди другого покроя. Таковы, с одной стороны, участники и суеверные поклонники прежних революций, не понимающие смысла настоящего движения, но еще имеющие влияние на народ вследствие своей всем известной честности и своего мужества или просто в силу традиций; таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие свои стереотипные декламации против существующих правительств и получающие поэтому имя революционеров высшей пробы. Такие люди появились и после 18 марта, и им случилось играть первоклассную роль, и, насколько они были в силах, они задерживали истинное движение рабочего класса, как раньше они мешали полному развитию всех прежних революций. Они — неизбежное зло; от них можно освободиться только со временем, но этого-то времени Коммуна не имела.

Коммуна каким-то чудом преобразила Париж! Распутный Париж Второй империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских крупных земельных собственников, ирландских абсентеистов, американских экс-работладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В морге — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского. «Мы уже не

слышим, — говорил один из членов Коммуны, — ни об убийствах, ни о грабежах, ни о нападениях на отдельных лиц; можно подумать, что полиция увезла с собой в Версаль всех консервативных друзей своих». Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и особенно собственности. Их место заняли снова истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!

И лицом к лицу с этим новым миром Парижа стоял старый мир Версаля — это сборище отребья всех отживших режимов — легитимистов и орлеанистов, жаждущих растерзать труп народа, — с хвостом из допотопных республиканцев, поддерживавших своим присутствием в Национальном собрании рабовладельческий бунт; они надеялись, что благодаря тщеславию старого шута, находившегося во главе правления, они отстоят свою парламентарную республику; они занимались тем, что пародировали 1789 г. своими таинственными собраниями в *Jeu de Paume* (зал для игры в мяч, где Национальное собрание 1789 г. приняло свои знаменитые решения). Это сборище, — этот труп, представляющий собою всю отжившую Францию, — продолжало жить призрачной жизнью исключительно благодаря саблям генералов Луи Бонапарта, которые были для него подпорою. Париж — весь истина; Версаль — весь ложь; и глашатаем этой лжи был Тьер.

Тьер обратился к депутации мэров департамента Сены и Уазы со следующими словами: «Вы можете довериться моему слову; я *никогда* не нарушал его». Он говорил собранию, что «оно самое либеральное и наиболее свободно избранное из всех собраний, которые Франция когда-либо имела»; своему разношерстному воинству он говорил, что оно «чудо мира и наилучшая из армий, которую когда-либо имела Франция»; провинциям, — что бомбардировка Парижа по его приказу — только сказка: «Если и упало несколько бомб, то они были пущены не версальской армией, а инсургентами, которые хотели показать, что они сражаются, хотя на самом деле они боялись нос показать». Позже он объявлял провинциям: «Версальская артиллерия не бомбардирует Париж, а только стреляет в него из пушек». Парижскому архиепископу он говорил, что все расстрелы и репрессивные меры ⁽¹⁾, в которых обвиняют версальцев, —

одна ложь. Он объявил Парижу, что хочет «только освободить его от угнетающих его отвратительных тиранов» и что Париж Коммуны есть «не больше, не меньше, как кучка преступников».

Париж Тьера не был действительным Парижем «подлой черни», он был фантастическим Парижем, Парижем шулеров, Парижем бульварных завсегдатаев обоего пола, богатым, капиталистическим, позолоченным, тунеядствующим Парижем; тем Парижем, который со своими лакеями, жуликами, литературной богемой, кокотками наполнял теперь Версаль, Сен-Дени, Рюэй и Сен-Жермен, который считал гражданскую войну только интересной интермедией, который в подзорную трубу любовался битвой, вел счет пушечным выстрелам и клялся честью своей и своих публичных женщин, что спектакль здесь гораздо лучше, чем в театре Porte St. Martin. Ведь убитые действительно были мертвы, крепки раненых не были поддельны, и, кроме того, драма, происходившая перед ними, была всемирно-исторической драмой.

Таков был Париж Тьера, точно так же, как кобленцкая эмиграция была Францией де Калонна.

IV.

Только из-за отказа Бисмарка не удалась первая попытка рабовладельческого заговора покорить Париж, заняв его прусскими войсками. Вторая попытка, сделанная 18 марта, окончилась поражением армии и бегством правительства в Версаль, куда за ним последовала и вся администрация. Прикрываясь мирными переговорами с Парижем, Тьер выигрывал время для приготовления к войне с ним. Но где ему было взять армию? Остатки линейных полков были малочисленны, а настроение их сомнительно; на настойчивые воззвания Тьера к провинциям помочь Версалю Национальной гвардией и волонтерами ему ответили открытым отказом. Только Бретань послала кучку шуанов, которые сражались под белым знаменем, с сердцем Христа в белой ладанке на груди; их боевой клич был: «Да здравствует король!» Таким образом, Тьер мог только наскоро собрать разношерстную толпу матросов, морских солдат, папских зуавов, жандармов Валантена, полицейских и шпионов Пьетри. Если бы не постепенно прибывавшие военнопленные бонапартовской армии, которых Бисмарк отпускал в количестве, достаточном, чтобы, с одной стороны, могла вестись гражданская война и чтобы можно было держать Версаль в рабской зависимости от Пруссии, с другой стороны, — если бы не эти пленные, армия Тьера

была бы ничтожна до смешного. Версальская полиция должна была во время этой войны наблюдать за версальской армией, а жандармы должны были всегда увлекать за собой эту армию, становясь на самые опасные пункты. Павшие форты были не завоеваны, а куплены. Геройство коммунаров показало Тьеру, что для преодоления сопротивления Парижа недостаточно ни его стратегического гения, ни находящегося в его распоряжении количества штыков.

Между тем его отношения с провинциями становились все более натянутыми. В Версале не получили ни одного сочувственного адреса, который мог бы хоть сколько-нибудь ободрить Тьера и его «помещичьих депутатов». Наоборот, со всех сторон прибывали депутации и письменные обращения, настаивавшие далеко не в почтительном тоне на примирении с Парижем на основе недвусмысленного признания республики, утверждения коммунальных свобод и роспуска Национального собрания, срок полномочий которого уже истек. Депутаций и письменных обращений появлялось столько, что Дюфор, министр юстиции Тьера, приказал государственным прокурорам в циркуляре от 23 апреля считать «воззвания к примирению» преступлением. Видя безнадежность похода против Парижа, Тьер решил переменить тактику и назначил на 30 апреля муниципальные выборы для всей страны по новому закону, навязанному им Национальному собранию. Действуя то интригами своих префектов, то угрозами своей полиции, он был уверен, что выборы в провинциях дадут Национальному собранию такую нравственную силу, которой оно никогда не имело; он надеялся также, что провинции дадут ему материальную силу для покорения Парижа.

Свою разбойничью войну против Парижа, восхваляемую в его собственных бюллетенях, и попытки его министров установить террор во всей Франции Тьер решил дополнить маленькой комедией примирения, которая должна была служить нескольким целям: она должна была обмануть провинцию, привлечь к нему элементы среднего класса Парижа и, главное, дать возможность мнимым республиканцам Национального собрания прикрыть доверием к Тьеру свою измену по отношению к Парижу. 21 марта, когда у Тьера еще не было армии, он сказал перед Национальным собранием: «Будь что будет, а я не пошлю войска в Париж». 27 марта он снова объявил: «Я вступил в должность, когда республика была уже совершившимся фактом, и я твердо решил охранять ее». В действительности же он именем республики подавил революцию в Лионе и в Марселе, а его «помещичьи депутаты», заслышав слово «республика», заглушали его воем. После этого он «совершившийся факт» стал считать

лишь предполагаемым фактом. Орлеанские принцы, которых он из предосторожности выжил из Бордо, теперь интриговали в Дрё, открыто нарушая закон. Условия, о которых Тьер говорил в своих бесконечных совещаниях с парижскими и провинциальными депутатами, — как ни противоречивы были его заявления по тону и оттенку, меняясь в зависимости от времени и обстоятельств, — всегда сводились к тому, что необходимо отомстить «той кучке преступников, которые виновны в убийстве Клемана Тома и Леконта». Конечно, при этом само собою подразумевалось, что Париж и Франция считают самого Тьера лучшей республикой, подобно тому как Тьер в 30-х годах признавал наилучшей республикой Луи-Филиппа. Однако даже и эти уступки он старался сделать сомнительными теми официальными комментариями, которые давались его министрами в Национальном собрании. Но, не удовлетворяясь этим, он действовал еще и через Дюфора. Старый орлеанистский адвокат Дюфор постоянно при осадном положении играл роль верховного судьи как теперь, в 1871 г., при Тьере, так и в 1839 г. при Луи-Филиппе и в 1849 г. во время президентства Луи Бонапарта. Когда он не занимал должности министра, он обогащался, защищая парижских капиталистов, а нападая на законы, изданные им же, он наживал политический капитал. Не довольствуясь поспешным проведением через Национальное собрание ряда репрессивных законов, которые должны были в случае падения Парижа уничтожить последние остатки республиканской свободы во Франции, он как бы указывал на будущую участь Парижа следующей мерой: делопроизводство военных судов казалось ему чересчур длинной процедурой — он сократил ее и издал новый драконовский закон о ссылке. Революция 1848 г., уничтожив смертную казнь за политическое преступление, заменила ее ссылкой. Луи Бонапарт не решился, по крайней мере открыто, восстановить гильотину. Версальскому помещицкому собранию, которое еще не осмеливалось даже намекнуть, что парижане в его глазах не бунтовщики, а разбойники, пришлось пока ограничить подготовку мести против Парижа новым дюфоровским законом о ссылке. При таких обстоятельствах Тьер не мог бы долго тянуть свою комедию примирения, да к тому же эта комедия вызвала — чего он в сущности и желал — бешеную ярость «помещицких депутатов», которые из-за своего тупоумия не могли понять ни его игры, ни необходимости его лицемерия, притворства и медлительности.

Ввиду предстоявших 30 апреля муниципальных выборов Тьер разыграл 27 апреля одну из своих сцен примирения. Среди потока

сентиментальных фраз он, между прочим, воскликнул с трибуны Национального собрания: «Существует только один заговор против республики — парижский заговор, вынуждающий нас проливать французскую кровь. Но я повторяю еще и еще раз: пусть сложат свое нечестивое оружие те, которые его подняли, и мы, остановив меч правосудия, заключим мирный договор, из которого будет исключена только кучка преступников». В ответ на яростные крики «помещичьих депутатов», перебивавших его речь, он сказал: «Скажите мне, господа, убедительно прошу вас, разве я не прав? Разве вы действительно жалеете, что я мог сказать по справедливости, что преступников только кучка? Разве среди наших бедствий вы не почтете счастьем, что люди, которые были способны пролить кровь генералов Леконта и Клемана Тома, являются редким исключением?»

Однако Франция оставалась глуха к речам Тьера, льстившего себя надеждой пленить всех пением парламентской сирены. Из 700 000 муниципальных советников, выбранных в оставшихся французскими 35 000 общин, легитимисты, орлеанисты и бонапартисты не могли вместе провести даже 8 000 своих приверженцев. Дополнительные выборы и перебаллотировки привели к результатам, еще более враждебным правительству Тьера. Национальное собрание не только не получило необходимой ему материальной поддержки от провинции, но потеряло последнее право на роль нравственной силы: право служить выражением всеобщей подачи голосов Франции. В довершение поражения вновь избранные муниципальные советники всех французских городов угрожали узурпировавшему власть Версальскому собранию контрсобранием в Бордо.

Для Бисмарка настала тогда долгожданная минута энергичного вмешательства. Тонем повелителя он приказал Тьеру немедленно прислать во Франкфурт уполномоченных для окончательного заключения мира. Униженно и покорно поспешил Тьер исполнить приказание своего хозяина и господина и послал во Франкфурт верного ему Жюля Фавра в сопровождении Пуйэ-Кертье. Пуйэ-Кертье — «известный» руанский хлопчатобумажный фабрикант, горячий, даже холопский, сторонник Второй империи, не видевший в ней ничего скверного, кроме торгового договора с Англией, который вредил интересам его как фабриканта. Как только Тьер еще в Бордо назначил его министром финансов, он начал нападать на этот «злосчастный» договор, намекать на то, что он будет скоро отменен, и был настолько бесстыден, что попробовал, хотя и безуспешно (так как не спросил разрешения Бисмарка), снова ввести старые

протекционные пошлины против Эльзаса, чему, по его словам, не мешали тогда никакие прежние международные договоры. Этот человек смотрел на контрреволюцию, как на средство понижения заработной платы в Руане, а на уступку французских провинций, как на средство повысить цены на свои товары во Франции. Разве этот человек не был предназначен для того, чтобы Тьер выбрал его в помощники Жюля Фавра для последнего, увенчавшего все его дело предательства?

Когда эта милая пара уполномоченных приехала во Франкфурт, Бисмарк по-солдатски, как обыкновенно, скомандовал: «Или восстановление империи, или беспрекословное принятие моих условий мира!» Условия его состояли в сокращении сроков уплаты военной контрибуции и занятии парижских фортов прусскими войсками до тех пор, пока Бисмарк не будет иметь оснований быть довольным положением дел во Франции. Таким образом, Пруссия была признана верховным судьей внутренних дел Франции. Зато он выразил полную готовность отпустить из плена бонапартовскую армию для истребления Парижа и в случае нужды подкрепить ее войсками императора Вильгельма. В залог того, что он сдержит свое слово, он отсрочил уплату первой части контрибуции до «умиротворения» Парижа. Тьер и его уполномоченные набросились, конечно, на такую приманку с жадностью. 10 мая они подписали договор, и уже 21 мая он был благодаря их стараниям утвержден Национальным собранием.

В промежуток времени от заключения мира до возвращения из плена бонапартовских войск Тьер, более чем когда-либо, находил нужным продолжать свою комедию примирения. Это было тем более необходимо, что его республиканские приспешники крайне нуждались в подходящем предлоге, чтобы смотреть сквозь пальцы на подготовку кровавой бойни в Париже. Еще 8 мая он ответил депутации среднего класса, пришедшей уговаривать его примириться: «Как только инсургенты согласятся на капитуляцию, ворота Парижа будут на неделю открыты для всех, кроме убийц генералов Леконта и Клемана Тома».

Несколько дней спустя, когда «помещичьи депутаты» потребовали от него объяснения по поводу этого обещания, он уклонился от ответа, но многозначительно заметил: «Говорю вам, что между вами есть нетерпеливые люди, которые слишком уже спешат. Пусть потерпят еще неделю; в конце недели уже не будет никакой опасности, и задача будет как раз по силам их решимости и способностям». Как только Мак-Магон смог дать ему обещание, что он скоро

вступит в Париж, Тьер заявил Национальному собранию, что он «войдет в Париж с *законом* в руках и заставит мерзавцев, проливших кровь солдат и разрушивших публичные памятники, поплатиться за свои преступления». Когда наступила решительная минута, он заявил Национальному собранию, что он «не даст пощады» Парижу, что приговор ему уже произнесен, а своим бонапартовским разбойникам, — что правительство позволяет им мстить Парижу сколько им угодно. Наконец, когда измена открыла 21 мая генералу Дуэ ворота Парижа, Тьер открыл 22 мая своим «помещичьим депутатам» «цель» своей комедии примирения, которой они так упорно не хотели понять: «Я говорил вам несколько дней назад, что мы приближаемся к *нашей цели*: сегодня я пришел сказать вам, что мы достигли *ее*. Порядок, справедливость и цивилизация, наконец, одержали победу!»

Да, это была победа. Цивилизация и справедливость буржуазного строя выступают в своем истинном, зловещем свете, когда рабы и угнетенные восстают против господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и незаконной мстью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатство против присваивающих его показывает этот факт все с большей яркостью. Перед небывальными гнусностями 1871 г. бледнеют даже зверства буржуазии в июне 1848 г. Самоотверженный героизм, с которым весь парижский народ — мужчины, женщины и дети — еще целую неделю сражался после того, как версальцы ворвались в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские подвиги солдатчины отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были. Поистине великолепно эта цивилизация, которая очутилась перед трудной задачей, куда девать груды трупов людей, убитых ею уже после окончания боя!

Чтобы найти что-либо похожее на поведение Тьера и его кровавых собак, надо вернуться ко временам Суллы и обоих римских триумvirатов. То же хладнокровное массовое избиение людей; то же безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв; та же пытка пленных; те же гонения, только на этот раз уже против целого класса; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы никто из них не спасся; те же доносы на политических и личных врагов; то же равнодушное избиение людей, совершенно непричастных к борьбе. Разница только в том, что римляне не имели митральез, чтобы расстреливать пленных толпами, что у них не было «в руках закона», а на устах слова «цивилизация».

Наряду с этими зверствами посмотрите теперь на другую, еще более омерзительную сторону этой буржуазной цивилизации, описанную ее собственной печатью!

Парижский корреспондент одной лондонской консервативной газеты пишет: «Вдали раздаются еще выстрелы; раненые, брошенные на произвол судьбы, умирают между памятниками кладбища Père la Chaise; 6 000 инсургентов в предсмертной борьбе отчаяния бродят, заблудившись в лабиринтах катакомб; по улицам гонят толпы несчастных, чтобы расстрелять их митральезами. Возмутительно видеть в такую минуту, как различные господа себя увеселяют в кафе, попивая абсент, играя на биллиарде и в домино, а котки нагло разгуливают по бульварам; возмутительно слышать, как громкие крики оргий, раздающиеся из отдельных кабинетов богатых ресторанов, нарушают ночную тишину!» Г-н Эдуард Эрве пишет в «Journal de Paris», версальской газете, запрещенной Коммуной: «Форма, в которой парижское население (!) вчера выражало свою радость, действительно более чем легкомысленна, и мы боимся, что дальше будет еще хуже. Париж имеет праздничный вид, что совершенно неуместно; если мы не хотим заслужить имени парижан «времен упадка», то надо это прекратить». Затем он приводит выдержку из Тацита: «И вот на следующее утро после этой ужасной борьбы и даже раньше, чем она была совершенно закончена, Рим, подлый и развратный, снова опустился в то болото распутства, которое разрушало его тело и оскверняло его душу — *alibi proelia et vulnera, alibi balnea porinaeque* [здесь битвы и раны, там бани и рестораны]. Г-н Эрве забывает лишь, что то «парижское население», о котором он говорит, есть только население тьеровского Парижа, Парижа шулеров, набежавших толпами из Версаля, Сен-Дени, Рюэй и Сен-Жермена; это действительно Париж «времен упадка».

Эта преступная цивилизация, основанная на порабощении труда, при каждом кровавом триумфе заглушает крики своих жертв, самоотверженных борцов за новое, лучшее общество, воем травли и клеветы, которая отдается эхом во всех концах света. Спокойный Париж рабочих, Париж Коммуны, превращается внезапно, под руками этих алчущих крови сторожевых псов «порядка», в какой-то ад. Что говорит это чудовищное превращение рассудку буржуазии всех стран? Только то, что Коммуна устроила заговор против цивилизации! Парижский народ с воодушевлением жертвует собою за Коммуну: ни в одной из происходивших до сих пор битв не было столько убитых. Что это значит? Только то, что Коммуна эта была не правительством народа, а насильственным захватом власти кучкой

преступников! Парижские женщины с радостью умирают и на баррикадах и на месте казни. Что это значит? Только то, что злой дух Коммуны сделал из них Мегер и Гекат! Умеренность Коммуны во все время ее двухмесячного полного господства может сравниться только с геройским мужеством ее защиты. Что это значит? Только то, что Коммуна в течение двух месяцев скрывала под личиной умеренности и гуманности свою дьявольскую кровожадность, с тем чтобы дать ей свободно вылиться во время предсмертной агонии!

Рабочий Париж в своем геройском самопожертвовании предал огню также здания и памятники. Когда поработители пролетариата рвут на куски его живое тело, то пусть они не надеются с торжеством вернуться в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: «Поджог!» и нашептывает своим прихвостням вплоть до самых далеких деревень такой лозунг: «Травите всех моих врагов, как простых поджигателей». Буржуазия всего мира наслаждается массовым убийством людей после битвы, и она же возмущается, когда «оскверняют» кирпич и штукатурку!

Когда правительства дают своим военным флотам официальное разрешение «убивать, жечь и разрушать», есть ли это разрешение поджогов? Когда английские войска бессмысленно сожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора, — был ли это поджог? Когда пруссаки не из военных соображений, а просто из чувства злобной мести, облив керосином, как это было в Шатоден, сжигали города и многочисленные деревни — был ли это поджог? Когда Тьер в течение шести недель бомбардировал Париж, уверяя, что желает разрушить только те дома, в которых есть люди, был ли это поджог? — На войне огонь — вполне законное оружие, как и всякое другое. Здания, которые занял неприятель, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставлять эти здания, они сами их поджигают, чтобы нападающие не могли укрепиться в них. Неизбежная судьба всех зданий, мешающих какой бы то ни было регулярной армии, — быть сожженными. Но в войне рабов против их угнетателей, в этой единственной справедливой войне, какую только знает история, такой поступок считают, видите ли, преступлением! Коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле слова; она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман предусмотрительно приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же как версальцы, наступая, посылали впереди себя гранаты, которые разрушили не меньше домов, чем

огонь Коммуны. Еще до сих пор остается спорным вопрос, какие здания зажжены были наступавшими, какие — оборонявшимися. Да и оборонявшиеся только тогда стали пользоваться огнем, когда версальские войска уже начали свои массовые расстрелы пленных. К тому же Коммуна открыто объявила заранее, что если ее доведут до крайности, то она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву; такое же обещание давало раньше правительство национальной обороны, но, конечно, только для того, чтобы замаскировать свою измену. Для этого Трошю и приготовил запас керосина. Коммуна знала, что враги ее очень мало интересовались парижским народом, но очень дорожили своими домами в Париже. А Тьер, со своей стороны, объявил, что он будет мстить беспощадно. Когда, с одной стороны, армия его уже была готова к бою, а с другой — пруссаки запирали все выходы, он воскликнул: «Я буду беспощаден! Искупление должно быть полное, суд строгий!» Если парижские рабочие поступали, как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, каким был тот вандализм, в котором повинны христиане, истребившие действительно бесценные памятники искусства древнего языческого мира; но даже этот вандализм историк оправдал, потому что он был неизбежным и сравнительно незначительным моментом в титанической борьбе нового, нарождавшегося общества против разлагавшегося старого. И уже всего менее походил поступок Коммуны на вандализм Османа, уничтожившего исторический Париж, чтобы очистить место Парижу проходимцев!

А совершенная Коммуной казнь шестидесяти четырех заложников, во главе с парижским архиепископом! В июне 1848 г. буржуазия и ее армия восстановили давно уже исчезнувший военный обычай расстрела беззащитных пленнх. После этого этот зверский обычай более или менее часто практиковался при всех расправах с народными восстаниями в Европе и Индии, что ясно доказывает, что он является действительным «прогрессом цивилизации!» С другой стороны, пруссаки во Франции снова ввели обычай брать заложников — ни в чем не повинных людей, которые своей жизнью должны были отвечать за действия других. Когда Тьер, как мы видели, еще в начале войны ввел гуманный обычай расстрела пленнх коммунаров, Коммуне не оставалось больше никаких средств для спасения жизни этих пленнх, как прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников. Продолжая, тем не менее, расстреливать пленнх, версальцы сами отдавали на казнь своих заложников. Как же можно было еще дельше щадить их жизнь после той кровавой банн. которой

преторианцы Мак-Магона отпраздновали свое вступление в Париж? Неужели и последняя защита от не останавливающегося ни перед чем зверства буржуазного правительства — взятие заложников — должна была остаться только шуткой? Истинный убийца архиепископа Дарбуа — Тьер. Коммуна несколько раз предлагала обменять архиепископа и многих других попов на одного только Бланки, которого так крепко держал Тьер. Но последний упорно отказывался от этой мены. Он знал, что в лице Бланки он даст Коммуне голову, архиепископ же гораздо более будет полезен ему, когда будет трупом. В этом случае Тьер подражал Кавеньяку. Как были в июне 1848 г. возмущены Кавеньяк и его «люди порядка», когда они обвиняли инсургентов в убийстве архиепископа Аффра! На деле они прекрасно знали, что архиепископ был застрелен солдатами «партии порядка». Жакмэ, генеральный викарий архиепископа, бывший очевидцем, сейчас же после происшествия публично засвидетельствовал им это.

То, что «партия порядка» после всех своих кровавых оргий распространяла столько клеветы о своих жертвах, доказывает лишь, что наши буржуа считают себя законными наследниками прежних феодалов, которые признавали за собой право употреблять против плебеев всякое оружие, но считали преступлением, если плебеи брались сами за какое бы то ни было оружие.

Заговор господствующего класса для подавления революции при помощи гражданской войны под покровительством чужеземного завоевателя, заговор, который мы проследили с 4 сентября до вступления преторианцев Мак-Магона в ворота Сен-Клу, этот заговор закончился кровавой бойней в Париже. Бисмарк самодовольно смотрит на развалины Парижа и, вероятно, видит в них первый шаг ко всеобщему разрушению больших городов; ведь он любил мечтать об этом, когда он был еще только простым помещиком — депутатом прусской *Chambre introuvable* [бесподобной палаты] 1849 г. Он самодовольно любит трупы парижских пролетариев. Для него это не только искоренение революции, но и уничтожение Франции, которая теперь в самом деле обезглавлена, и притом самим же французским правительством. Поверхностный, как все преуспевающие государственные мужи, он видит лишь внешнюю сторону этого громадного исторического события. Разве видели до сих пор в истории победителя, который решился бы увенчать свою победу ролью жандарма и наемного убийцы в руках побежденного правительства? Между Пруссией и Коммуной не было войны. Наоборот, Коммуна согласилась на предварительные условия мира, и Пруссия объявила нейтралитет. Значит, Пруссия не была воюющей стороной. Она

действовала, как подлый наемный убийца, потому что взялась за такое дело, которое не представляло для нее никакой опасности, как наемный убийца — потому, что она обусловила падением Парижа уплату ей 500 миллионов — этой кровавой цены убийства. Вот тут-то и проявился истинный характер войны, которая была послана провидением для наказания безбожной и развратной Франции рукой глубоконравственной и набожной Германии! Это небывалое нарушение международного права даже с точки зрения юристов старого мира вместо того, чтобы заставить «цивилизованные» правительства Европы объявить вне закона преступное прусское правительство, бывшее простым орудием в руках Петербургского кабинета, дало им только повод обсуждать вопрос, — не выдать ли версальскому палачу и те немногие жертвы войны, которым удалось проскользнуть через двойную цепь, окружающую Париж!

После самой ужасной войны новейшего времени победившая армия и побежденная армия соединяются, чтобы вместе избивать пролетариат. Такое неслыханное событие доказывает не то, что новое, пробивающее себе дорогу общество потерпело окончательно поражение, как думал Бисмарк, — нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства едино суть.

После троицына дня в 1871 г. не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Хотя железная рука наемной солдатчины и может придавить на время оба эти класса, но борьба их снова загорится и неизбежно будет разгораться все сильнее, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. Французские рабочие являются лишь авангардом всего современного пролетариата.

Европейские правительства подавлением Парижа показывают на деле международный характер классового господства, а сами волят в то же время на весь мир, что главной причиной этого несчастья является Международное Товарищество Рабочих, т. е. международная организация труда против всемирного заговора

капитала. Тьер обвиняет эту организацию в том, что она — деспот труда, а выдает себя за освободителя труда. Пикар запретил все сношения французских членов Интернационала с заграничными членами его; граф Жобер, ставший уже мумией, бывший соучастник Тьера по 1835 г., заявил, что каждое правительство должно ставить своей главной задачей искоренение Интернационала. «Помещичьи депутаты» поднимают против него рев, а европейская печать хором поддерживает их. Один почтенный французский писатель, ничего общего не имеющий с нашим Товариществом, сказал о нем: «Члены Центрального комитета Национальной гвардии и большая часть членов Коммуны — самые деятельные, ясные и энергичные головы Международного Товарищества Рабочих. Это — люди вполне честные, искренние, умные, полные самоотвержения, чистые и фанатичные в *лучшем* смысле этого слова». Буржуазный рассудок, пропитанный полицейщиной, разумеется, представляет себе Международное Товарищество Рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого время от времени назначает восстания в разных странах. На самом же деле наше Товарищество есть лишь международный союз, объединяющий передовых рабочих разных стран цивилизованного мира. Где бы ни проявлялась классовая борьба, какие бы формы она ни принимала, при каких бы условиях она ни происходила, каково бы ни было ее содержание, — везде на первом месте стоят, само собой разумеется, члены нашего Товарищества. Та почва, из которой вырастает это Товарищество, есть само современное общество. Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить прежде всего деспотическое господство капитала над трудом, т. е. искоренить основу своего собственного паразитического существования.

Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов.

Генеральный совет:

М. Т. Бун; Фред. Бредник; Г. Х. Беттери; Кэйпиль; Вильям Хейлз Кольб Фрид. Лесснер; Джордж Милнер. Томас Моттерсед; Чарльз Мэррей; Пфендер; Роч; Рюль; Садлер, Кауелл Степни; Альф. Тейлор; Вильям Таунсенд.

Секретари-корреспонденты:

Эжен Дюпон — для Франции; *Карл Маркс* — для Германии и Голландии; *Фридрих Энгельс* — для Бельгии и Испании; *Герман Юнг* — для Швейцарии; *П. Джозаккини* — для Италии; *Зевин Морис* — для Венгрии; *Антон Жабицкий* — для Польши; *Джозеф Коен* — для Дании; *И. Г. Эккартс* — для Соединенных Штатов.

Герман Юнг, председатель.

Джон Уэстон, казначей.

Джордж Гаррис, финансовый секретарь.

Джон Хейлз, генеральный секретарь.

Office — 256, High Holborn,
London, W. C. 30 мая 1871 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ ¹

«Колонна арестованных остановилась на Авеню Урик и выстроилась по четыре или пять человек в ряд на тротуаре вдоль улицы. Генерал маркиз де-Галифе и его штаб спешили и начали осмотр с левого фланга. Медленно двигаясь и осматривая ряды, генерал останавливался то тут, то там, хлопая какого-нибудь человека по плечу или вызывая кивком головы кого-либо из задних рядов. В большинстве случаев, без дальнейших разговоров, человек, выбранный таким образом, выходил на середину улицы, где вскоре образовалась отдельная колонна. ... Ясно, что тут был значительный простор для ошибок. Офицер верхом на лошади указал генералу Галифе на мужчину и женщину, будто бы виновных в особом преступлении. Женщина, выбежав из рядов, бросилась на колени с вытянутыми вперед руками и в страстных выражениях уверяла в своей невинности. Генерал выждал некоторое время и с бесстрастным лицом и безучастным видом сказал: «Мадам, я бывал во всех театрах Парижа, — не утруждайте себя и не играйте комедии». ... Было плохо в этот день оказаться значительно выше, грязнее, чище, старше или некрасивее своих соседей. Один человек особенно поразил

¹ В издании «Гражданской войны во Франции», вышедшем в 1891 г. под ред. Энгельса, даны два приложения: I—печатающаяся здесь выписка из газеты «Evening Standard» и II—письмо в редакцию «Times». (См. ниже стр. 339.) *Ред.*

меня. Очевидно, он скорее других избавился от бремени жизни благодаря сломанному носу. ...Когда больше сотни было выбрано таким образом и был назначен отряд расстреливающих, колонна двинулась вперед, оставив их позади. Несколько минут спустя позади нас раздался залп, и огонь продолжался в течение приблизительно четверти часа. Это была казнь тех наспех осужденных бедняг» (парижский корреспондент «Daily News», 8 июня). Этот Галифе, «альфонс» своей жены, столь известной тем, что она бесстыдно выставляла напоказ свое тело на оргиях Второй империи», во время войны был известен под названием французского «прапорщика Пистоля».

«Temps» — газета осторожная и не падкая на сенсации, рассказывает ужасную историю о людях, не застреленных до смерти и похороненных прежде, чем их жизнь угасла. Большое количество из них было зарыто в сквере вокруг St. Jacques la Bouchière, многие из них очень неглубоко. Днем уличный шум мешал это слышать, но в тишине ночи обитатели домов, находящихся по соседству, просыпались от отдаленных стонов, а утром они видели, как сжатая в кулак рука высовывается из-под земли. Вследствие этого было предписано откопать зарытых. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что многих раненых похоронили еще при жизни. Один факт я могу засвидетельствовать. Когда Брюнель был застрелен вместе со своей возлюбленной 24-го во дворе одного дома на Вандомской площади, тела лежали там до вечера 27-го. Когда погребальный отряд явился, чтобы убрать тела, он увидел, что женщина еще жива, и отвез ее в больницу. Хотя в нее попали четыре пули, она теперь вне опасности» (парижский корреспондент «Evening Standard», 8 июня).

РЕДАКТОРУ «PALL MALL GAZETTE».

Лондон, 8 июня 1871 г.

Из парижской корреспонденции, помещенной во вчерашнем номере Вашей газеты, я узнал, что, в то время как я воображал, будто живу в Лондоне, меня, оказывается, по требованию Бисмарка-Фавра арестовали в Голландии. Не кажется ли Вам, что это сообщение лишь один из тех сенсационных вымыслов об Интернационале, которые за последние два месяца неустанно фабриковались франко-прусской полицией, публиковались версальской прессой и перепечатывались всей остальной европейской прессой.

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой

Карл Маркс.

*Напечатано в «Pall Mall Gazette»
от 9 июня 1871 г.*

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES».

Милостивый государь!

6 июня 1871 г. Жюль Фавр разослал циркуляр всем европейским державам, в котором он призывал их к борьбе с Международным Товариществом Рабочих — к борьбе не на живот, а на смерть. Для характеристики этого документа достаточно всего лишь нескольких замечаний.

Уже во введении к нашему уставу указывалось, что Интернационал был основан 28 сентября 1864 г. на публичном собрании в St. Martin's Hall, Long Acre, London. По причинам, лучше всего известным ему самому, Жюль Фавр переносит дату его возникновения на время до 1862 г.

Для иллюстрации наших принципов он берется цитировать «его (Интернационала) листовку от 25 марта 1869 г.». Но что же он в действительности цитирует? Листовку одного общества, которое вовсе не является Интернационалом. Такого же рода маневры он уже проделывал, будучи еще довольно молодым адвокатом, во время защиты парижской газеты «National» от обвинения в клевете, возбужденного против нее Кабе. Тогда он, пообещав привести выдержки из брошюр Кабе, прочитал в действительности им же самим вставленные предложения. Этот подлог был обнаружен еще во время судебного заседания, и если бы не снисходительность Кабе, Жюль Фавр был бы наказан исключением из парижской адвокатской корпорации. Из всех документов, которые Жюль Фавр цитирует в качестве документов Интернационала, ни один не принадлежит Интернационалу. Так, например, он заявляет: «Альянс объявляет себя атеистическим, как это говорит Генеральный Совет, учрежденный в Лондоне в июле 1869 г.». Генеральный же Совет никогда не выпускал такого документа. Напротив, он опубликовал документ, объявлявший недействительным настоящий устав «Альянса» — Альянса социалистической демократии в Женеве, — устав, который как раз Жюль Фавр и цитирует.

Во всем этом циркуляре, направленном как будто бы в известной части также и против империи, Жюль Фавр лишь повторяет те

полицейские вымыслы наполеоновских прокуроров, которые были опровергнуты даже перед судом самой империи.

Известно, что в своих двух воззваниях (от июля и сентября прошлого года) о последней войне, Генеральный Совет Интернационала разоблачил завоевательные планы Пруссии против Франции. Впоследствии г. Рейтлингер, личный секретарь Жюль Фавра, обращался и, разумеется, напрасно, к некоторым членам Генерального Совета с просьбой демонстративно выступить против Бисмарка для поддержки правительства национальной обороны; при этом их особенно просили не упоминать о республике. Приготовления к демонстрации, ввиду ожидавшегося прибытия Жюль Фавра в Лондон, были сделаны, — несомненно с самыми лучшими намерениями, — но вопреки желанию Генерального Совета, который в своем воззвании от 9 сентября определенно и заранее предостерегал парижских рабочих в отношении Жюль Фавра и его коллег.

Что сказал бы тот же Жюль Фавр, если бы Генеральный Совет Интернационала обратился в свою очередь с циркуляром о Жюль Фавре ко всем европейским кабинетам, предлагая их особому вниманию документы, опубликованные в Париже покойным Мильером?

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

256, High Holborn, W. C. London.
42 июня 1871 г.

*Джон Хейлз*¹.
Секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих.

В статье о «Международном Товариществе и его целях» лондонский «Spectator» (24 июня) в качестве благочестивого доносчика цитирует вместе с другими подобными же художествами, — делая это еще более основательно, чем это сделал Жюль Фавр, — упомянутый выше документ «Альянса» как произведение Интернационала. Он напечатал это одиннадцать дней спустя после того, как вышеприведенное опровержение было опубликовано в газете «Times». Это нас не удивляет. Уже Фридрих Великий говорил, что из всех иезуитов протестантские хуже всех².

¹ Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом (см. письмо Кугельману от 18 июня 1871 г., т. XXVI, стр. 126), напечатано в «Times» от 13 июня. Текст был предложен на утверждение Генерального Совета Ф. Энгельсом (протокол Генерального Совета от 13 июня 1871 г.). *Ред.*

² Весь этот последний абзац имеется в тексте приложения II к «Гражданской войне во Франции» (см. второе, пересмотренное издание 1871 г. на английском языке). *Ред.*

РЕДАКТОРУ «DAILY NEWS».

Милостивый государь!

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих в ответ на письмо г. Джорджа Джекоба Холиока, помещенное во вторник в «Daily News», поручил мне сделать следующее заявление:

1. Что касается инсинуации, будто «Манифест», выпущенный Советом, «может стать в Версале причиной казней или ссылок», то Совет полагает, что его парижские друзья могут судить об этом лучше, чем г. Холиок.

2. В Совете принято за правило, чтобы под всеми публикуемыми им документами были подписаны имена всех его членов, как присутствующих, так и отсутствующих.

3. Что касается утверждения, будто этот Манифест «не может быть произведением англичанина, хотя он и был очевидно проредактирован каким-то саксонским или кельтским пером», Совет просит учесть, что произведения интернациональной организации не могут, само собой разумеется, носить специфически национального характера. Впрочем, Совету тут нечего скрывать. Манифест, как и многие ранее опубликованные издания Совета, был составлен секретарем-корреспондентом для Германии, д-ром Карлом Марксом. Он был принят единогласно и никто его не «редактировал».

4. В прошлом году Джордж Джекоб Холиок выставлял свою кандидатуру в члены Совета, но кандидатура его была отвергнута.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга.

Секретарь Генерального Совета М[еждународного] Т[оварище-
ства] Р[абочих].

256, High Holborn, W. C.

21 июня [1871].

Печатается по черновику Ф. Энгельса, хранящемуся в Архиве ИМЭЛ. Напечатано в «Daily News» от 23 июня 1871 г. за подписью Джона Хейлла.

РЕДАКТОРУ «STANDARD».

Лондон, конец июня 1871.

Редактору «Standard».

В передовой об «Интернационале» от 19 июня Вы пишете:

«Из двух обращений (лондонского и парижского), недавно опубликованных в защиту Коммуны, обращение парижской организации имеет ту заслугу, что оно более правдиво и более откровенно».

Но к Вашему несчастью, «парижский» манифест издан не нашей организацией, а «версальской полицией».

Вы пишете:

«Лондонские интернационалисты не менее, чем их парижская братия настаивают на том, что «старое общество должно быть разрушено и будет разрушено». Они говорят о поджоге общественных зданий и расстреле заложников, как о гигантском усилии, чтобы разрушить общество, усилии, которое в данный момент, может быть, и не увенчается успехом, но будет повторяться, пока не достигнет цели».

Генеральный Совет Товарищества предлагает Вам точно процитировать страницы и строки нашего Воззвания, где находятся слова, которые Вы нам приписываете! ¹

Написано К. Марксом.

Печатается по черновику, хранящемуся в Архиве ИМЭЛ.

РЕДАКТОРУ «СПЕКТАТОР» (ИЛИ «EXAMINER»).

[Лондон, конец июня 1871 г.]

Милостивый государь!

Вы весьма обяжете Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих, дав место для опубликования того факта, что все мнимые манифесты и другие издания «Интернационала» в Париже, которыми ныне кишит английская пресса (а впервые они публикуются в пресловутом «Paris-Journal»), все без единого исключения сфабрикованы версальской полицией.

Печатается по черновику Энгельса.

Остаюсь и т. д.

¹ В последнем абзаце есть поправки, сделанные рукой Энгельса. *Ред.*

РЕДАКТОРУ «TIMES».

[Лондон, конец июня 1871 г.]

Генеральный Совет нашего Товарищества поручил мне в ответ на передовую об Интернационале, помещенную в номере от 19 июня 1871 г., сообщить Вам следующее.

Мнимые парижские манифесты, публикуемые «Paris-Journal» и тому подобными органами, манифесты, которые просто фабрикуются версальской полицией, Вы ставите на одну доску с нашим «Манифестом о гражданской войне во Франции».

Вы говорите:

«Политические заметки», опубликованные профессором Бизли и цитированные на-днях в нашей газете, цитируются с полным одобрением и в Манифесте Совета, и теперь мы можем понять, как справедливо было наградить бывшего императора титулом спасителя общества». Но Совет в своем Манифесте ничего не цитирует из «Политических заметок». Он берет лишь оттуда показания автора, который является известным и почтенным французским ученым, о личных качествах членов Интернационала, принимавших участие в последней парижской революции. Какое это имеет отношение к «бывшему императору» и к обществу, спасителем которого он является? «Программа» Товарищества вовсе не была «подготовлена» Толэном и Оджером «семь лет тому назад», как вы это утверждаете. Она была принята Временным советом, избранным на открытом митинге в St. Martin's Hall, на улице Long Acre, 28 сентября 1864 г. Г-н Толэн никогда не был членом этого Совета и вообще не был в Лондоне, когда составлялась эта программа.

Вы говорите, что «Мильер» был одним «из самых жестоких членов Коммуны», но Мильер никогда не был членом Коммуны. «Мы, говорите вы далее, должны также указать на Асси, бывшего до недавнего времени председателем Товарищества» и т. д.

Асси никогда не был членом Интернационала, а что касается звания «председателя Товарищества», то оно давным-давно уничтожено.

Написано К. Марксом.

*Рукопись с поправками Энгельса
хранится в Архиве ИМЭЛ.*

В РЕДАКЦИЮ «NEUE FREIE PRESSE».

В венской «Presse» под заглавием «Социалистическая вечеринка» помещен фельетон, помеченный инициалом *W.*; в этом фельетоне имею честь фигурировать я. Как утверждает *W.*, он встречал меня на вечеринке у *Герцена*. Он даже вспоминает речи, которые я там произносил.

Будучи решительным противником *Герцена*, я не имел ни малейшего желания с ним встречаться и потому *никогда* в жизни не был лично знаком с этим человеком.

Вообще я сомневаюсь в том, что *W.*, обладающий такой пылкой фантазией, когда-либо бывал в Лондоне. «Мраморные лестницы», которые *W.* видел даже в «коттедже» *Герцена*, здесь бывают только во дворцах.

Настоящим предлагаю этому *W.*, которому не дают покоя лавры «*Paris-Journal*» и тому подобных полицейских органов, назвать себя.

Карл Маркс.

Лондон, 30 июня 1871 г.

Напечатано в «*Neue Freie Presse*»
от 4 июля 1871 г.

РЕДАКТОРУ «DAILY NEWS».

Милостивый государь,

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих уполномочил меня ответить на опубликованные в понедельник письма гг. Дж. Дж. Холиока и Б. Лекрафта. Из протокола заседания Совета видно, что г-н Холиок, на основании полученного им разрешения, присутствовал на заседании Совета 16 ноября 1869 г. и на этом же заседании изъявил желание стать членом Совета и принять участие на ближайшем общем конгрессе Интернационала, который должен состояться в Париже в сентябре 1870 г. После ухода г-на Холиока с заседания Совета г-н Джон Уэстон выставил его кандидатуру в члены Совета, но это предложение встретило такой прием, что Уэстон не настаивал на своем предложении и снял его. Что касается заявления г-на Лекрафта о том, что он не присутствовал на заседании, когда голосовалось воззвание, я должен сказать, что г-н Лекрафт присутствовал на заседании Совета, состоявшемся 23 мая 1871 г., когда в официальном порядке было объявлено, что проект воззвания в связи с «Гражданской войной во Франции» будет зачитан и обсужден на следующем очередном заседании Совета 30 мая. Поэтому г-н Лекрафт имел полную возможность решить, будет ли он присутствовать на заседании по этому вопросу или не будет. Он не только знал, что, согласно установленному правилу, Совет давал в виде приложения к своим официальным документам список присутствующих и отсутствующих на его заседаниях членов Совета, но Лекрафт был одним из самых ярых сторонников этого правила и много раз протестовал против попыток его нарушения; между прочим и 23 мая он вместе с другими высказался против таких попыток. Тогда же он не побуждаемый никем сообщил Совету, что «все его симпатии на стороне Парижской коммуны». На заседании Совета во вторник вечером 20 июня г-н Лекрафт вынужден был признать, что даже и к тому времени он не прочитал самого воззвания, но судит о нем только на основании отзывов печати. Касаясь опровержения г-на Оджера,

могу только сказать, что на заседании Совета ожидали его прихода и ему было сообщено, что Совет намерен выпустить воззвание; у него спросили, не возражает ли он против того, что в связи с этим будет фигурировать его имя, на что он ответил «нет». Пусть общественное мнение само делает выводы. Я могу добавить, что отставку гг. Лекрафта и Оджера Совет принял единогласно.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Джон Хейлз.

Секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих.

Написано Ф. Энгельсом.

*Утверждено на заседании Генерального
Совета 27 июня 1871 г.*

*Напечатано в «Eastern Post» от 1 июля
1871 г.*

РЕДАКТОРУ «THE EASTERN POST».

Милостивый государи!

Совет, состоящий из 30 с лишком членов, не может, конечно, непосредственно сам составлять свои документы. Ему приходится поручать эту работу тому или иному из своих членов, оставляя за собой право отвергнуть документ или внести в него свои поправки. Манифест о «Гражданской войне во Франции», написанный мною, был единогласно принят Генеральным Советом Интернационала и является, следовательно, официальным выражением его взглядов. Что же касается личных обвинений, выдвинутых против Жюль Фавра и К^о, то в этом отношении дело обстоит иначе. В этом пункте подавляющему большинству Совета пришлось положиться на мою добросовестность. Вот почему я поддержал предложение одного из членов Совета, чтобы г. Джон Хейлз в своем ответе г. Холиоку назвал меня автором Манифеста. Ответственность за эти обвинения несу один лишь я и настоящим своим заявлением предлагаю Жюлю Фавру и К^о возбудить против меня судебное преследование за клевету¹. В своем письме г. Левелин Дэвис пишет: «Печально читать обвинения в личной подлости, столь щедро расточаемые французами по отношению друг к другу». Не отдает ли эта сентенция духом той фарисейской непогрешимости, которую так часто высмеивал у англичан Вильям Коббет? Разрешите спросить г. Левелин Дэвиса, что хуже: французская ли *бульварная пресса*, которая, находясь на службе у полиции, фабрикует гнуснейшую клевету против коммунаров, — убитых, захваченных в плен или скрывающихся, — или же английская пресса, которая до сих пор продолжает повторять эту самую клевету, несмотря на свое лицемерное презрение к *бульварной прессе*? Ведь не для французов же унизителен тот факт, что именно в Англии, а не во Франции можно было замять такие, например, серьезные обвинения, какие выдвигались в продолжение целых 25 лет против покойного лорда Пальмерстона таким человеком, как Давид Уркарт.

Написано К. Марксом.

Напечатано в «Eastern Post»
от 1 июля 1871 г.

¹ Эта часть заявления К. Маркса была помещена за его подписью в «Daily News» от 27 июня 1871 г. *Ред.*

В РЕДАКЦИЮ «PALL MALL GAZETTE».

Милостивый государь!

Вы перепечатали в «Pall Mall Gazette» мое заявление, помещенное в «Daily News», о том, что ответственность за обвинения, выдвинутые против Жюля Фавра и К^о, несу лишь я один.

Во вчерашнем номере газеты Вы заявили, что эти обвинения являются клеветой. Я заявляю, что *клеветник* Вы. Не моя вина, что Вы *так же невежественны, как и наглы*. Если бы Вы жили на континенте, я привлек бы Вас к ответу иным способом.

Ваш покорный слуга

Карл Маркс.

Haverstock-hill N. W
30 июня 1871 г.

*Напечатано в «The Eastern Post»
от 8 июля 1871 г.*

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ В «VOLKSSTAAT».

Лондон, 30 июня. — С тех пор как существует Лондон, ни одно печатное произведение не производило такого сильного впечатления, как Манифест Генерального Совета Интернационала¹. Большая пресса попыталась было сначала пустить в ход свой излюбленный прием замалчивания, но уже через несколько дней она убедилась, что на сей раз это ей не удастся.

«Telegraph», «Standard», «Spectator», «Pall Mall Gazette», «Times» должны были, одна за другой, посвятить этому «замечательному документу» свои передовые. Затем появились в газетах письма читателей, особо отмечавших те или другие места Манифеста. Затем — снова передовые, а в конце недели — отзывы в еженедельниках. Вся печать должна была единодушно признать, что Интернационал — это европейская великая держава, с которой приходится считаться и которую нельзя устранить, замалчивая ее существование. Все должны были признать также мастерский «стиль», которым написан Манифест; по словам «Spectator», язык Манифеста отличается такой же мощью, как язык Вильяма Коббета. Что буржуазная печать почти единодушно ополчилась против документа, который так энергично отстаивает пролетарскую точку зрения и решительно берет под защиту Парижскую коммуну, — этого следовало ожидать. Вполне естественно также, что сфабрикованные парижскими полицейскими газетками штибериады и документы совершенно другой организации (бакунинского «Альянса социалистической демократии»), ответственность за которые Жюль Фавр хотел свалить на Интернационал, несмотря на публичный протест Генерального Совета, все же были приписаны Интернационалу. Однако подконец вся эта шумиха надоела даже филистеру. «Daily News» забила отбой, а «Examiner» — единственная газета, которая вела себя действительно прилично, — в пространной статье решительно вступилась за Интернационал.

Под влиянием газетной шумихи два английских члена Генераль-

¹ Речь идет о «Гражданской войне во Франции». Ред.

ного Совета, — из которых один (Оджер) уже давно находился в слишком близких отношениях с буржуазией, а другой (Лекрафт), с тех пор как был выбран в лондонский школьный совет, стал, повидимому, гораздо больше прислушиваться к мнению «респектабельных» людей, — заявили о своем выходе из Генерального Совета, и отставка их была принята единогласно. Они уже заменены двумя другими английскими рабочими и вскоре почувствуют, что значит изменить пролетариату в решительный момент.

Один английский поп, Левелин Дэвис, сетовал в «Daily News» на оскорбительные выпады Манифеста по адресу Жюль Фавра и К^о; он высказал пожелание, чтобы правильность или лживость этих обвинений была определена хотя бы путем судебного процесса французского правительства против Генерального Совета. На следующий день *Карл Маркс заявил в той же газете, что он как автор Манифеста берет на себя личную ответственность за содержащиеся в нем обвинения*; однако французское посольство не получило, повидимому, приказа выступить против него с обвинением в клевете. Наконец «Pall Mall Gazette» заявила, что это и не нужно, что личные дела государственного деятеля есть нечто священное, нападкам могут подвергаться лишь его публичные действия. Разумеется, если бы личные дела *английских* государственных деятелей стали известны широким кругам, то пробил бы последний час олигархического и *буржуазного* мира.

Появившаяся в «Wiener Wanderer» статья негодяя Нечаева о Нечаеве обошла всю немецкую прессу; в ней прославляются его подвиги вместе с подвигами Серебренникова и Элпидина. Если это повторится, мы выскажемся подробнее об этой почтенной троице. А пока заметим только, что Элпидин — известный *русский шпион*.

Написано Ф. Энгельсом¹.

*Напечатано в «Volksstaat» от 5 июля
1871 г.*

¹ Энгельс ссылается на эту заметку в своей корреспонденции в «Volksstaat» от 10 ноября 1871 г. (см. наст. том, стр. 358). *Ред.*

Г-Н УОШБЕРН, АМЕРИКАНСКИЙ ПОСОЛ В ПАРИЖЕ

НЬЮ-ЙОРКСКОМУ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ СЕКЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Граждане!

Генеральный Совет Товарищества считает своим долгом сообщить Вам через печать данные о поведении американского посла г. Уошберна во время гражданской войны во Франции.

I. Нижеследующее заявление сделано г. Робертом Ридом, шотландцем, который прожил в Париже 17 лет и во время гражданской войны состоял корреспондентом лондонского «Daily Telegraph» и «New York Herald». Следует отметить, кстати, что «Daily Telegraph» искажал в интересах версальского правительства даже краткие телеграфные сообщения, которые посылал ему г. Рид.

Г-н Рид, находящийся теперь в Англии, готов подтвердить свое заявление под присягой.

«Звон набата, смешиваясь с грохотом пушек, продолжался всю ночь. Спать было невозможно. Где же находятся, думал я, представители Европы и Америки? Возможно ли, чтобы при виде этого потока невинно пролитой крови они не сделали попыток к примирению? Эта мысль для меня была невыносима и, зная, что г. Уошберн в городе, я решил немедленно же повидаться с ним. Кажется, это было 17 апреля; впрочем, точная дата может быть установлена по моему письму лорду Лайонсу, которому я писал в тот же день. Направляясь к Уошберну, я встретил по дороге, когда пересекал Елисейские поля, множество санитарных повозок, переполненных ранеными и умирающими. Снаряды рвались вокруг Триумфальной арки, и к длинному списку жертв Тьера прибавилось еще множество невинных людей.

«Дойдя до № 95 улицы Шайо, я спросил привратника, как пройти к послу Соединенных Штатов, и был направлен на второй этаж. В Париже ваше имущественное и общественное положение почти безошибочно определяется лестницей или этажом, где расположена ваша квартира; это своего рода социальный барометр. В квартире

первого этажа с окнами на улицу вы найдете маркиза, а на пятом этаже с окнами во двор — скромного мастерового; разделяющие их лестницы указывают на существующую между ними социальную пропасть. Не встретив, поднимаясь по лестнице, дюжих лакеев в красных штанах и шелковых чулках, я подумал: «Да! американцы тратят свои деньги с наибольшей для себя выгодой, — мы же их просто расточаем».

«Войдя в комнату секретаря, я спросил г. Уошберна. — «Желаете ли вы видеть его лично?» — «Да». Обо мне доложили, и я был допущен к нему. Он сидел, развалясь в кресле, и читал газету. Я ожидал, что он встанет, но он продолжал сидеть по-прежнему, не выпуская из рук газеты, — поступок крайне грубый в стране, где люди обычно так вежливы.

«Я сказал г. Уошберну, что было бы с нашей стороны бесчеловечно, если бы мы не попытались добиться примирения. Удастся нам это или нет — во всяком случае, наш долг попытаться это сделать; и момент для этого казался особенно благоприятным, так как пруссаки в то время настойчиво требовали от Версаля заключения окончательного договора. Совместное воздействие Америки и Англии склонило бы чашу весов в пользу мира.

«Парижане — бунтовщики, — ответил г. Уошберн, — пусть они сложат оружие». Я возразил, что Национальная гвардия имеет законное право носить свое оружие, но что вопрос не в этом. Когда гуманность поругана, цивилизованный мир имеет право вмешаться, и я прошу Вас о сотрудничестве с лордом Лайонсом в этом деле. Г-н Уошберн: «Эти версальцы ничего не желают слушать». — «Если они откажутся, моральная ответственность ляжет на них». — Г-н Уошберн: «Я этого не нахожу. Я тут ничего не могу сделать. Вы бы лучше сами повидались с лордом Лайонсом».

Так кончилось наше свидание. Я покинул г. Уошберна глубоко разочарованный. В его лице я встретил грубого и надменного человека, абсолютно лишённого тех братских чувств, которых можно было бы ожидать от представителя демократической республики. Я имел честь дважды беседовать с лордом Каули, когда он был нашим представителем во Франции. Его открытое, любезное обращение представляло разительный контраст с холодным, надменным и лжеаристократическим тоном американского посла.

«Я убеждал также и лорда Лайонса, что Англия обязана во имя человечности всемерно содействовать примирению, так как был уверен, что британское правительство, если оно не желает навлечь на себя проклятия каждого гуманного человека, не может

равнодушно смотреть на такие зверства, как резня на станции Клямар и в Мулен-Сакэ, не говоря уже об ужасах в Нейи. Лорд Лайонс ответил мне устно через своего секретаря, г. Эдуарда Мейлета, что он препроводил мое письмо правительству и охотно перешлет любое мое сообщение, которое я мог бы сделать по данному вопросу. Был момент, когда обстоятельства складывались особенно благоприятно для примирения, и, если бы наше правительство бросило тогда на чашу весов свое влияние, мир был бы избавлен от парижской резни. Во всяком случае, не вина лорда Лайонса, если британское правительство не исполнило своего долга.

Но вернемся к г. Уошберну. В среду утром, 24 мая, я проходил по Бульвару Капуцинов; услышав свое имя, я обернулся и увидел д-ра Госсарта, стоящего около г. Уошберна, который сидел в открытом экипаже, окруженный большой группой американцев. После обычных приветствий я вступил в разговор с д-ром Госсартом. Вскоре завязался общий разговор об ужасах, происходивших вокруг; г. Уошберн, обращаясь ко мне с видом человека, уверенного в правоте своих слов, сказал: *«Все, кто принадлежит к Коммуне, и те, кто ей сочувствуют, будут расстреляны»*. Увы, я знал, что они убивали стариков и детей, все преступление которых состояло лишь в том, что они *сочувствовали* Коммуне, но я не ожидал услышать об этом полуофициально от г. Уошберна; а между тем, когда он *повторял* эту кровавадную фразу, у него еще было время спасти архиепископа».

II. «24 мая секретарь г. Уошберна явился на заседание Коммуны, собравшейся в мэрии 11-го округа, с предложением от пруссаков о посредничестве между версальцами и коммунарами на следующих условиях:

«Приостановление враждебных действий.

«Переизбрание Коммуны, с одной стороны, и Национального собрания — с другой.

«Версальские войска оставляют Париж и размещаются в укреплениях и вокруг них.

«Национальная гвардия продолжает охранять Париж.

«Никто из тех, кто служит или служил в армии Коммуны, не подвергается наказанию».

«Коммуна на чрезвычайном заседании приняла эти предложения с оговоркой, что Франции должен быть предоставлен 2-месячный срок для подготовки всеобщих выборов в Учредительное собрание.

«Состоялось и второе свидание с секретарем американского посольства. На своем утреннем заседании 25 мая Коммуна решила

послать в качестве уполномоченных 5 граждан — в том числе Вермореля, Делеклюза и Арнольда — в Венсенн, где согласно сообщению секретаря г. Уошберна, должен был находиться прусский делегат. Однако эта депутация не была пропущена караулом Национальной гвардии у Венсеннских ворот. В результате еще одного и последнего свидания с тем же секретарем американского посольства гражданин Арнольд, которому тот вручил пропуск, 26 мая отправился в Сен-Дени, где он... *не* был принят пруссаками.

«Результатом этого американского вмешательства (которое возбуждало веру в возобновление нейтралитета пруссаков и в их предстоящее посредничество между воюющими сторонами) было то, что в самый критический момент оборона на два дня была парализована. Несмотря на предосторожности, принятые к сохранению этих переговоров в тайне, они вскоре стали известны национальным гвардейцам, которые, вполне доверяя прусскому нейтралитету, убегали к прусским линиям, сдаваясь в плен. Известно, как злоупотребляли этим доверием пруссаки; часть беглецов была расстреляна их часовыми, а сдавшиеся в плен были выданы версальскому правительству.

«В течение всей гражданской войны г. Уошберн не переставал через своего секретаря уверять Коммуну в своей горячей симпатии к ней, открыто проявить которую препятствовало ему только его положение дипломата, и в своем решительном осуждении версальского правительства».

Это второе сообщение сделано одним членом Парижской коммуны, который, как и г. Рид, готов в случае надобности подтвердить его под присягой.

Чтобы вполне оценить поведение г. Уошберна, необходимо рассматривать заявления г. Рида и члена Парижской коммуны, как нечто единое, как составные части единого плана. Заявляя г. Риду, что коммунары — «бунтовщики», достойные своей участи, г. Уошберн в то же время заверяет Коммуну в своем сочувствии ее делу и в своем презрении к версальскому правительству. *В тот же самый день, 24 мая*, когда в присутствии д-ра Госсарта и многих американцев он заявляет г. Риду, что не только коммунары, но даже просто им сочувствующие лица будут безусловно осуждены на смерть, он вместе с тем сообщает Коммуне через своего секретаря, что не только ее члены, но и все входящие в армию Коммуны будут пощажены.

Мы просим вас, дорогие граждане, сообщить эти факты рабочему классу Соединенных Штатов и призвать его высказаться относительно

того, является ли г. Уошберн подходящим представителем Американской республики.

Генеральный Совет Международного Товарищества рабочих:

М. Т. Бун; Фред. Вредник; Г. Х. Веттери; Кэйхиль; Вильям Хейлз; Кольб; Ф. Лесснер; Джордж Милнер; Т. Моттерсхед; Ч. Мэррей; П. Мак-Доннель; Пфендер; Джон Роч; Рюль; Садлер; Кауелл Степни; Альфред Тейлор; В. Таунсенд.

Секретари-корреспонденты:

Эжен Дюпон — для Франции; Карл Маркс — для Германии и Голландии; Ф. Энгельс — для Бельгии и Испании; Г. Юнг — для Швейцарии; П. Джисоваккини — для Италии; Морис Зеви — для Венгрии; Антон Жабицкий — для Польши; Джемс Коен — для Дании; И. Г. Эккартус — для Соединенных Штатов.

Герман Юнг — председатель.

Джон Уэстон — казначей.

Джордж Гаррис — финансовый секретарь.

Джон Хейлз — генеральный секретарь.

256, High Holborn, London, W. C.
11 июля 1871 г.

Написано К. Марксом.

*Утверждено на заседании Генерального
Совета 11 июля 1871 г.*

Перевод с английского.

РЕДАКТОРУ «MORNING ADVERTISER».

Милостивый государь!

В одной из сегодняшних передовых Вы цитируете ряд фраз, вроде «Лондон, Ливерпуль и Манчестер восстали против ненавистного капитала» и т. д., причем авторство этих выражений Вы любезно приписываете мне.

Позвольте мне заявить, что все цитаты, на которых основана Ваша статья, представляют собою от начала до конца фальсификацию. Вас, вероятно, ввели в заблуждение некоторые из фальшивок, которые парижская полиция взяла за обыкновение чуть ли не ежедневно выпускать от моего имени, чтобы иметь улики против пленных членов Интернационала в Версале.

Примите, милостивый государь, и пр.

Карл Маркс.

1, Modena-Villas, Maitland Park,
Haverstock-hill, N. W.
11 июля 1871 г.

*Напечатано в «Morning Advertiser»
13 июля 1871 г.*

РЕДАКТОРУ «STANDARD».

[Лондон, 13 июля.]

В сегодняшнем утреннем номере «Standard» Ваш парижский корреспондент приводит письмо из «Gazette de France», датированное 28 апреля 1871 г., «Берлин» и якобы подписанное мною. Настоящим заявляю, что это письмо от начала до конца подделка, совершенно такая же, как и все предыдущие письма, приписываемые мне, которые недавно были опубликованы в «Paris-Journal» и других полицейских листках. Если «Gazette de France» утверждает, что это письмо взято из немецких газет, то и тут она лжет. Немецкая газета никогда не пометила бы фальшивку Берлином.

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой

*Напечатано в «Standard» от 17 июля
1871 г.*

Карл Маркс.

РЕДАКТОРУ «TIMES».

Милостивый государь!

Ввиду того что заметка французского «Правительственного вестника» («Journal Officiel»), возражавшая на статью «Times» об отсрочке версальского процесса, вызвала широкое обсуждение в европейской печати, цитируемое письмо может представить для Ваших читателей известный интерес. Это письмо адвоката, взявшего на суде защиту нескольких лиц из числа арестованных.

Остаюсь Вашим покорным слугой

Карл Маркс.

Редактору «Times».

Лондон, 7 августа 1871 г.

Заметки «Times» по поводу новой отсрочки судебного процесса пленных коммунистов в Версале, несомненно, попали в цель и выразили чувства французской публики. Сердитый ответ на эти заметки в «Journal Officiel» еще лишний раз это подтверждает. В связи с появлением статьи «Times» в парижскую прессу было направлено множество протестов, но при современных условиях эти протесты, конечно, напечатаны не будут. Передо мной письмо одного француза, официальное положение которого дает ему возможность быть в курсе дела, и поэтому его показания о причинах непонятной отсрочки процесса могут представить известную ценность. Вот несколько выдержек из этого письма:

«До сих пор никому не известно, когда начнется заседание 3-го Военного суда. Причина этого, повидимому, заключается в том, что капитан Грималь, комиссар республики (общественный обвинитель) заменен другим, более надежным лицом. В последнюю минуту, когда обвинительный акт, подлежащий оглашению на суде, был уже утвержден, выяснилось, что обвинитель, пожалуй, в некотором роде республиканец, что он служил под командованием Федерба и т. п. в Северной армии и т. д. Внезапно в его кабинет в служебное время является другой офицер, предъявляет ему свои полномочия и заявляет, что он его преемник. Для бедняги капитана это было такой неожиданностью, что он чуть не сошел с ума...

Г-н Тьер решительно все желает делать сам. Эта мания заходит у него так далеко, что он не только вопреки установленным правилам независимости суда собирает в своем кабинете всех судебных следователей, но старается подобрать также и состав публики, допускаемой в зал суда. Он сам распределяет входные билеты через г. де Сент-Илера...

А между тем арестованные в Сатори мрут, как мухи, — безжалостная смерть действует быстрее, чем правосудие этого крохотного государственного человечка. В версальской одиночной тюрьме находится один рослый человек, не говорящий ни слова по-французски. Предполагают, что он ирландец. Каким образом он очутился там, остается тайной. Среди арестованных есть один весьма почтенный человек по имени... Он сидит в своей камере уже два месяца и до сих пор не был допрошен. Чистое безобразие.

Ваш покорный слуга

Юстиция».

*Печатается по рукописи, хранящейся
в Архиве ИМЭЛ.*

Первое письмо написано рукой К. Маркса.

*Второе письмо переписано рукой
Ф. Энгельса.*

РЕДАКТОРУ «L'INTERNATIONALE».

Милостивый государь!

В помещенной в Вашей газете статье, озаглавленной «Общество Интернационала», Вы заявляете:

«Рабочие в своем ослеплении, урывая от своих трудовых грошей, предоставляют всяческий комфорт членам Совета, чтобы те могли жить в Лондоне в свое удовольствие».

Должен Вам заметить, что за исключением генерального секретаря, получающего вознаграждение в размере 10 шиллингов в неделю, все члены Совета всегда выполняли и выполняют свои обязанности *безвозмездно*.

Требую опубликования этих строк в ближайшем же номере.

Если Ваша газета будет продолжать распространять подобного рода клевету, она будет привлечена к судебной ответственности.

Имею честь кланяться.

K. Маркс.

[Лондон], 17 августа 1871 г.

*Печатается по рукописи, хранящейся
в Архиве ИМЭЛ.*

*Напечатано в «Der Volksstaat» от
23 августа 1871 г. без первых двух
абзацев.*

РЕДАКТОРУ «PUBLIC OPINION»¹

[Брайтон, 19 августа 1871 г.]

Милостивый государь!

В сегодняшнем номере газеты Вы переводите из пресловутого органа Бисмарка «National Zeitung» невероятно злостный пасквиль, направленный против Международного Товарищества Рабочих, в котором имеется следующее место:

«Капитал, — говорит Карл Маркс, — торгует рабочей силой и жизнью рабочего», но этот новый Мессия сам недалеко ушел от этого; он берет у мастерового деньги, которые последний получает у капиталиста за свой труд, а взамен великодушно выдает ему вексель на государство, которое, быть может, будет существовать тысячу лет спустя. Какие назидательные факты сообщают нам о подлой продажности социалистических агитаторов, как бесстыдно злоупотребляют они доверенными им деньгами и какие взаимные обвинения бросают они друг другу в лицо, — обо всем этом мы достаточно узнали благодаря конгрессам и из партийных органов печати. Это чудовищный вулкан грязи, из извержений которого не могло выйти ничего лучшего, чем Парижская коммуна.

Будет совершенно достаточно ответить продажным писакам из «National Zeitung», что я *никогда* не просил и не получал ни одного гроша от рабочего класса Англии или какой-либо другой страны. За исключением генерального секретаря, который получает заработную плату в размере десяти шиллингов в неделю, все члены Генерального Совета Интернационала выполняют свою работу *безвозмездно*. Финансовые отчеты Генерального Совета, которые ежегодно представлялись конгрессу Товарищества, всегда утверждались единогласно, не вызывая никаких прений.

Ваш покорный слуга

Карл Маркс.

Напечатано в «Public Opinion»
от 26 августа 1871 г.

¹ Текст сопроводительного письма к настоящему заявлению см. Соч. М. и Э., т. XXIV, стр. 406. *Ред.*

РЕДАКТОРУ «LE GAULOIS».

Брайтон, 24 августа 1871 г.

Милостивый государь!

Так как Вы опубликовали выдержки из моего интервью с одним из корреспондентов «New York Herald», я надеюсь, что Вы не откажетесь поместить следующее мое заявление, которое я отправил по адресу редакции «New York Herald». Прилагаю при сем это заявление на английском языке в том виде, в каком оно мною было послано в редакцию «New York Herald».

Карл Маркс.

Редактору «New York Herald».

Лондон, 17 августа 1871 г.

Милостивый государь!

В «Herald» от 3 августа помещен отчет о моем интервью с одним из корреспондентов Вашей газеты. Прошу Вас довести до всеобщего сведения, что я вынужден снять с себя ответственность за те положения, которые приписываются мне в отчете как в отношении характеристики отдельных лиц в связи с последними событиями во Франции, так и в отношении якобы высказанных мною политических и экономических взглядов. Из того, что мне приписывается в отчете, одна часть содержит то, о чем я действительно говорил, но сказал иначе, другая же часть приписывает мне то, чего я вообще не говорил.

Ваш покорный слуга

Карл Маркс.

Напечатано в «Le Gaulois» от 27 августа 1871 г.

РЕДАКТОРУ «LA VÉRITÉ».

30 августа 1871 г.

Господин редактор!

Прочитав в сегодняшнем номере «Daily News», что г. Рено приписывает *Интернационалу* манифест, призывающий французских крестьян сжигать все замки и т. п., Джон Хейлз, генеральный секретарь Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, немедленно послал г. Л. Бито, защитнику Асси, следующую телеграмму:

«Приписываемый *Интернационалу* манифест, призывающий к поджогам, является подделкой. Мы готовы подтвердить это заявление под присягой перед английским магистратом».

В связи с этим я спешу через посредство Вашей уважаемой газеты предупредить французскую публику о том, что все манифесты, печатаемые в Париже от имени *Интернационала* со времени вступления войск французского правительства в Париж, — без всякого исключения, поддельны. Я подтверждаю это заявление не только своим честным словом, но готов подтвердить его под присягой перед английским магистратом. Я имею все основания считать, что эта гнусная продукция исходит от полиции не непосредственно, а через господина Б..., субъекта, связанного с одной из тех парижских газет, которые «Standard» (торийская газета) называет в одном из своих последних номеров «органами полусвета».

Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном почтении.

Карл Маркс.

Напечатано в «La Vérité» от 3 сентября 1871 г.

Перевод сделан с рукописи Маркса, хранящейся в Архиве ИМЭЛ.

РЕДАКТОРУ «EVENING STANDARD».

4 сентября 1871 г.

Милостивый государь!

В Вашей газете от 2 сентября Ваш берлинский корреспондент публикует «перевод интересной статьи об Интернационале из «Cologne Gazette»». В этой статье на меня возводятся обвинения в том, будто я живу за счет рабочего класса. До 30 августа, даты, помеченной Вашим корреспондентом, в «Cologne Gazette» такой статьи не появлялось, следовательно, Ваш корреспондент никак не мог дать перевод этой статьи из «Cologne Gazette». В действительности, статья, о которой идет речь, более двух недель тому назад появилась в берлинской «National Zeitung», а английский перевод ее, слово в слово совпадающий с переводом Вашего корреспондента, был помещен еще 19 августа в лондонском еженедельнике «Public Opinion». Но следующий номер «Public Opinion» уже содержал мое опровержение этой клеветы, и настоящим я требую, чтобы Вы напечатали в ближайшем номере Вашей газеты мое опровержение, копию которого при сем прилагаю. Существует достаточно причин, почему прусское правительство в своих собственных интересах всеми доступными ему средствами добивается распространения этой подлой клеветы через английскую прессу. Эта статья — лишь предвестник подготавливаемых правительством преследований против Интернационала.

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой

Карл Маркс.

Haverstock-hill, 4 сентября 1871 г.

*Напечатано в «Evening Standard»
от 6 сентября 1871 г.*

[ОБ АРЕСТЕ ЛАФАРГА¹.]

Лафарг был действительно арестован и под конвоем жандармов препровожден сперва в Барбастро (где он провел ночь в городской тюрьме), затем в Уэску, губернатор которой, на основании телеграфного распоряжения испанского министра внутренних дел, должен был доставить его в Мадрид. Согласно «Daily News» от 23 августа, он был, наконец, освобожден.

Все происшедшее в Любоне и Испании было лишь жалкой попыткой г. Тьера и К^о отомстить мне как автору Манифеста Генерального Совета Интернационала о «Гражданской войне». Между их мщением и моими дочерьми стоял *английский* паспорт, а ведь г. Тьер настолько же труслив в своих сношениях с иностранными державами, насколько он неразборчив в средствах, когда он имеет дело со своими безоружными земляками.

*Печатается по рукописному тексту
К. Маркса, хранящемуся в Архиве
ИМЭЛ.*

Перевод с английского.

¹ Подробности об этом и о преследованиях, которым подвергались во Франции дочери Маркса, см. на следующей, 365-й странице и в приложении. *Ред.*

**[СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО К ПОСЛАННОЙ
ИЗДАТЕЛЬНИЦАМ «WOODHULL AND CLAFLIN'S WEEKLY»
СТАТЬЕ Ж. МАРКС.]**

Лондон, N. W., 23 сентября 1871 г.

Милостивые государыни!

Честь имею препроводить Вам для помещения в Вашем еженедельнике — если Вы сочтете это достаточно интересным для Ваших читателей — краткий отчет моей дочери Женни о преследованиях, которым подвергались она и ее сестры со стороны французского правительства во время пребывания их в Баньер-де-Люшон (Пиренеи)¹. Этот трагикомический эпизод, по-моему, характерен для республики Тьера.

Известие о моей смерти было состряпано в Париже бонапартистской газетой «Avenir Libéral».

С воскресенья в Лондоне заседает закрытая конференция делегатов Международного Товарищества Рабочих. Сегодня она заканчивает свою работу.

С искренней благодарностью за весьма интересные газеты, которые Вы любезно посылаете мне,
честь имею остаться, милостивые государыни,
с глубоким уважением

Карл Маркс.

¹ Письмо Женни Маркс см. в приложении к данному тому на стр. 711. *Ред.*

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ДЮРАНА¹

«Получив исчерпывающие доказательства того, что Гюстав Дюран из Парижа, рабочий-ювелир, бывший делегат ювелиров в федеральной камере парижских рабочих обществ, бывший начальник батальона Национальной гвардии, бывший главный кассир финансовой комиссии Коммуны, выдавая себя в Лондоне за эмигранта, состоял и продолжает состоять на службе у французской полиции, занимаясь шпионажем в отношении эмигрантов Коммуны и в особенности Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, и уже получил за свои услуги 725 франков, —

Генеральный Совет клеймит вышеозначенного Гюстава Дюрана как предателя и исключает его из Международного Товарищества.

Эта резолюция подлежит опубликованию во всех органах Интернационала».

Печатается по протоколу Генерального Совета от 6 октября 1871 г.

¹ Резолюция была предложена Ф. Энгельсом и принята Генеральным Советом на заседании 6 октября 1871 г. Она была опубликована в ряде органов Интернационала за подписями секретарей-корреспондентов соответствующих стран. *Ред.*

РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 19 ОКТЯБРЯ 1871 г.

Конференция делегатов Международного Товарищества Рабочих, состоявшаяся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г., поручила Генеральному Совету заявить публично:

что *Нечаев* никогда не был ни членом, ни представителем *Международного Товарищества Рабочих*;

что его утверждение (ставшее известным благодаря политическому процессу в Санкт-Петербурге), будто он основал секцию *Интернационала* в Брюсселе и получал от брюссельской секции поручение в Женеву, является ложью;

что упомянутый *Нечаев* узурпировал имя *Международного Товарищества Рабочих* и использовал его в своих целях, обманывая народ в России и создавая там жертвы.

По поручению Генерального Совета Секретарь для Германии и России

Карл Маркс.

Лондон, 25 октября 1871 г.

Напечатано в «*Der Volksstaat*»
от 1 ноября 1871 г.

**[КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ЛОНДОНА
В ГАЗЕТУ «VOLKSSTAAT».]**

Лондон, 4 ноября. — Мы сейчас находимся в разгаре процветания и коммерческого оживления — мы, т. е. официальная Англия, крупные капиталисты. На рынке избыток капитала, и он ищет повсюду прибыльного вложения; жульнические компании, учреждаемые для благодетельствования человечества и обогащения предпринимателей, растут, как грибы после дождя. Повидимому, больше всего сейчас в моде рудники, разработки залежей асфальта, конные железные дороги в больших городах, металлургические заводы; есть объявления о продаже рудников на Волге и в Новой Мексике; в Савоие, в Юрской области, в Ганновере скупаются месторождения асфальтов; возвещается о прокладке конных железных дорог в Лиссабоне и Буэнос-Айресе и т. д. У всех этих акционерных обществ, разумеется, одна только цель — добиться кратковременного повышения акций, с тем чтобы предприниматели могли их выгодно сбыть; а что потом будет с акционерами, это их не интересует: «после нас хоть потоп!». Через три-четыре года пять шестых всех этих жульнических компаний сгинут бесследно вместе с деньгами попавшихся на удочку акционеров. В эти «весьма солидные и выгодные» предприятия вкладывают свои сбережения, как всегда, главным образом маленькие люди, и вкладывают как раз в тот момент, когда акции жульнически взвинчиваются до наибольшей высоты, — и поделом им. Биржевой ажиотаж — одно из самых сильных средств для перекладывания в карманы крупных капиталистов состояния маленьких людей, приобретенного якобы, а отчасти и на самом деле, ими лично. При этом даже отъявленным дуракам становится очевидным, что при нынешнем общественном строе вовсе не может быть капитала, «приобретенного собственным трудом», и что, напротив, всякий существующий капитал есть не что иное, как присвоенный продукт чужого неоплаченного труда. И если грюндерский ажиотаж широко развернулся в последнее время также в Германии и Австрии,

если князья и ростовщики, рейхсканцлеры и попы взапуски гоняются за сбережениями маленьких людей, то это нам только на руку.

Избыток капиталов на денежном рынке — это лишь отражение того процветания, которое переживает сейчас крупная промышленность. Почти во всех отраслях производства царит давно уже небывалое оживление, особенно же в двух главных отраслях английской промышленности, для которых сырьем являются железо и хлопок.

У ланкаширских бумагопрядильных фабрикантов наконец-то опять достаточно хлопка для массового расширения производства, — и они не зевают. В одном только маленьком Ольдгеме строится пятнадцать новых бумагопрядильных фабрик в среднем на пятьдесят тысяч веретен каждая, что составляет 750 000 веретен, т. е. почти столько же, сколько их имеется во всем Таможенном союзе (без Эльзаса)! К этому надо прибавить соответствующее количество ткацких станков. Так же обстоит дело и в других городах Ланкашира. Машиностроительные заводы завалены заказами на несколько месяцев, иногда на год вперед, и им платят любую цену, лишь бы они доставили требуемые машины. Короче говоря, повторяется 1844 год, когда, после открытия китайского рынка, фабриканты заботились лишь о том, чтобы выпускать как можно больше товара: ведь они думали, что должны снабдить одеждой 300 миллионов человек! Неожиданный удар пришелся на 1845 и 1847 гг., когда вдруг обнаружилось, что 300 миллионов китайцев до сих пор изготовляли себе одежду сами. Произведенные в чрезмерном количестве английские товары кучами лежали на складах всех рынков, не находя себе сбыта, а заводчики и спекулянты прогорали сотнями. То же самое произойдет и теперь; эти люди ничему не научились; впрочем, если бы они и научились чему-нибудь, имманентный закон капиталистического производства все равно заставит их непрестанно повторять все тот же давно известный кругооборот промышленного подъема, перепроизводства и кризиса, повторять во все большем масштабе, пока восстание пролетариата не освободит, наконец, общество от неизбежности этого бессмысленного круговращения.

Некий г-н *Швицгелль* от имени какого-то неизвестного мне Федерального комитета романской Швейцарии требует в «*Volksstaat*», чтобы я дал дополнительные объяснения к тому, что мною напечатано в «*Volksstaat*» о г-не *Элпидине*. Мне не о чем разговаривать с г-ном Швицгеллем, и вообще я не могу вступать в объяснения по этому

делу с первым встречным. Но если бы сам г-н Элпидин пожелал обратиться по этому поводу в редакцию «*Volksstaat*», то я к его услугам и прошу редакцию в этом случае сообщить г-ну Элпидину мой адрес, чтобы он мог снестись непосредственно со мной.

Написано Ф. Энгельсом¹.

*Напечатано в «Der Volksstaat» № 91
от 10 ноября 1871 г.*

¹ Об авторстве Энгельса см. его письмо В. Либкнехту от 4 ноября 1871 г., Соч., т. XXVI, стр. 160. *Ред.*

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EASTERN POST».

Милостивый государы!

31 октября в «Times» было напечатано за подписью Александра Бэйли Кокрэна письмо об Интернационале. Прошу Вас поместить в Вашей газете ответ на это письмо. Начнем с того, что г-ну А. Б. К. «неизвестно, остается ли г-н Оджер председателем английского отделения названного Товарищества». Еще в сентябре 1867 г. должность председателя Генерального Совета Интернационала, который г-н А. Б. К. называет английским отделением Товарищества, была уничтожена. Как известно, после опубликования нашего манифеста о гражданской войне во Франции (в июне этого года) г-н Оджер вышел из Генерального Совета.

Прочтя где-то различные сплетни из европейских газет относительно состава нашей конференции, состоявшейся в сентябре этого года в Лондоне, г-н А. Б. К. относит эти сведения к публичному митингу, состоявшемуся в St. Martin's Hall 28 сентября 1864 г. На этом митинге, как совершенно правильно было отмечено в «Times» от 27 октября, был выбран временный Совет Международного Товарищества Рабочих, но вовсе не был выбран «г-н Оджер председателем, а г-н Кример и г-н Уилер секретарями», как это утверждает г-н А. Б. К.

Г-н А. Б. К. подтверждает достоверность своей информации следующим «подлинным документом».

Во-первых, — «красное знамя — символ всеобщей любви». Этот подлинный документ есть всего-навсего вступление к одному из бесчисленных поддельных документов, недавно опубликованных от имени Интернационала парижской полицией и своевременно опровергнутых Генеральным Советом.

Во-вторых, — «Женевская программа, под председательством (непонятно, как программа может быть под председательством) русского Михаила Бакунина, была принята лондонским Генеральным Советом в июле 1869 г.»

Эта женевская программа есть не что иное, как устав женевского «Альянса социалистической демократии»; она уже цитирова-

лась в циркуляре Жюля Фавра об Интернационале. В ответ на этот циркуляр мной было заявлено (см. «Times» 13 июня), что Генеральный Совет никогда не опубликовывал этого документа. Наоборот, он опубликовал документ, в котором подверг устав Альянса уничтожающей критике.

Могу прибавить к этому, что конференция, недавно состоявшаяся в Лондоне, вынесла окончательное решение, осуждающее Альянс, основанный Михаилом Бакуниным, и что газета «Journal de Genève» — достойная представительница догматов той партии, к которой принадлежит г-н А. Б. К., взяла под защиту Альянс против Интернационала.

В-третьих, — г-н А. Б. К. вытащил из своей пачки «подлинных документов» исковерканную выдержку из одного частного письма, написанного нашим другом Эженом Дюпоном, и давным-давно опубликованную бывшим бонапартистским прокурором Оскаром Тестю. Эта выдержка обошла всю английскую печать задолго до того, как г-н А. Б. К. отправился в Европу на поиски подобных «достоверных данных».

Г-н Александр Бэйли Кокрэн называет наше общество «гнусным» (Infamous). Как я должен назвать общество, поручающее дело законодательства этому самому Александру Бэйли Кокрэну?

Остаюсь, милостивый государь, вашим покорным слугой

216, High Holborn.

Джон Хейлз ¹

Напечатано в «The Eastern Post»
от 11 ноября 1871 г.

Генеральный секретарь
Международного Товарищества Рабочих.

¹ В протоколах Генерального Совета от 31 октября 1871 г. указывается, что ответ на письмо Кокрэна в «Times», напечатанное 31 октября 1871 г., был подготовлен и зачитан на заседании Генерального Совета Ф. Энгельсом. *Ред.*

[В РЕДАКЦИЮ «FRANKFURTER ZEITUNG».]

Лондон, 24 ноября.

В № 326 «Frankfurter Zeitung», на втором листе, под заголовком «Лондон, 18 ноября» напечатано следующее: Лондонская секция *Интернационала* приняла на своем последнем заседании следующую резолюцию: «Выдающиеся заслуги сэра Чарльза Дилка в борьбе за дело народа дают ему право на признательность со стороны народа; поэтому ему предлагается принять звание почетного члена Международного рабочего союза. На одном из прежних собраний в почетные члены был избран Кошут». *Интернационал* не знает института почетных членов. Вышеупомянутые резолюции исходят, вероятно, от одного небольшого лондонского общества, которое вначале именовало себя «Международной демократической ассоциацией», а затем приняло название «Общереспубликанской лиги». Оно не состоит ни в каких отношениях с *Интернационалом*.

От имени Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих: секретарь-корреспондент для Германии

Карл Маркс.

Напечатано в «Frankfurter Zeitung»
от 28 ноября 1871 г.

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «LA ROMA DEL POPOLO».

6 декабря 1871 г.

Г-н редактор!

В расчете на Вашу беспристрастность прошу Вас опубликовать прилагаемое заявление. Если уж воевать, так воевать честно.

Примите уверение в совершенном почтении

Ф. Энгельс.

Секретарь Генерального Совета
по делам Италии.

Международное Товарищество Рабочих в редакцию газеты «La Roma del Popolo».

В № 38 «La Roma del Popolo» г-н Дж. Мадзини публикует первую из серии статей, озаглавленных «Документы об Интернационале». Он предупреждает читателей:

«Я... собрал из всех источников, которые были мне доступны, все его постановления, все устные или письменные заявления его влиятельных членов». Вот каковы документы, опубликование которых он предпринимает. Начинает он с приведения двух образцов.

I. «Отказ от политического действия доходит до такой степени, что некоторые из французских организаторов Интернационала обещали Луи-Наполеону полное прекращение всякого политического действия, как только он предоставит рабочим те или иные (не знаю, какие) материальные выгоды».

Мы требуем от г-на Мадзини доказательств этих утверждений, которые мы квалифицируем как клеветнические.

II. Бакунин в одной из речей, произнесенных им на конгрессе «Лиги мира и свободы» в Берне в 1868 г., сказал: «Я хочу уравнения индивидуумов и классов; без этого невозможна идея справедливости, и не может быть установлен мир. Довольно обманывать рабочего длинными речами. Надо сказать ему, чего он должен хотеть, если он этого сам не знает. Я коллективист, но не коммунист. Я требую

упразднения права наследования, для того чтобы скорее прийти к социальному равенству».

Произнес гражданин Бакунин эти слова или нет, нас совершенно не касается. Генеральному Совету важно лишь констатировать следующее:

1) что эти слова, как говорит сам Мадзини, были произнесены не на конгрессе Интернационала, а на конгрессе буржуазной «Лиги мира и свободы»;

2) что конгресс Интернационала, собравшийся в Брюсселе в сентябре 1868 г., принял специальное постановление, в котором совершенно отклонил какую бы то ни было связь с конгрессом «Лиги мира и свободы»;

3) что когда гр-н Бакунин произносил эти слова, он вовсе не был членом Интернационала;

4) что Генеральный Совет всегда боролся против неоднократных попыток подменить широкую программу Интернационала (открывавшую доступ в его ряды и приверженцам Бакунина) узкой и сектантской программой Бакунина, принятие которой сразу повлекло бы за собой исключение огромного большинства членов Интернационала;

5) что, следовательно, Интернационал отнюдь не может взять на себя ответственность за индивидуальные акты и декларации гр-на Бакунина.

Что касается других документов об Интернационале, опубликование которых в ближайшем будущем возвещает гр-н Мадзини, то Генеральный Совет заблаговременно заявляет, что Интернационал несет ответственность только за выпущенные им официальные документы.

По распоряжению и от имени Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих

Секретарь по делам Италии

Фридрих Энгельс.

*Напечатано в «La Roma del Popolo»
от 21 декабря 1871 г.*

РЕДАКТОРУ «EASTERN POST».

Лондон, 20 декабря 1871 г.

Милостивый государь!

В своем последнем послании к Вам г. Чарльз Бредлоу дает отчет о заседании Генерального Совета от 12 декабря, на котором я по болезни не присутствовал; отчет этот служит ему предлогом для того, чтобы яростно обрушиться на меня. Он пишет: «Я весьма обязан Карлу Марксу за его вражду ко мне». Моя вражда к г. Чарльзу Бредлоу! Со времени опубликования «Манифеста о гражданской войне во Франции» голос г. Бредлоу слился с всемирным хором клеветы против Интернационала и лично против меня. Я отвечал ему, как и прочим клеветникам, презрительным молчанием. Смешное тщеславие этого чрезвычайно самовлюбленного человека не могло этого вынести. Я «оклеветал» его тем, что не обращал внимания на его клевету. Мое молчание привело его в исступление; на публичном собрании он объявил меня *бонапартистом* потому, видите ли, что в «Манифесте о гражданской войне» я раскрыл исторические условия, породившие Вторую империю. Теперь он делает еще один шаг и превращает меня в *полицейского агента Бисмарка*. Бедняга! Он обязательно должен показать, что уроки, которые он недавно получил в Париже у подлого Эмиля де Жирардена и его *клики*, не пропали для него даром. А теперь, позаботившись о самом широком распространении его послания, я «предаю его» немецкой публике. Если он будет настолько любезен, что облечет свои пасквили в более осязательную форму, то я «предам его» и английскому суду.

Ваш покорный слуга

Карл Маркс.

Напечатано в «Eastern Post»
от 23 декабря 1871 г.

КОНГРЕСС В СОНВИЛЬЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Едва ли нужно говорить о том, каково в настоящее время положение Международного Товарищества Рабочих. С одной стороны, грандиозные парижские события придали ему такую мощь и такое распространение, каких оно никогда еще не имело; с другой — мы видим, что против него объединились почти все европейские правительства: Тьер и Горчаков, Бисмарк и Бейст, Виктор-Эммануил и папа, Испания и Бельгия. Интернационал травят со всех сторон: все силы старого мира, суды военные и гражданские, полиция и пресса, помещики и буржуа соревнуются в преследованиях Интернационала, и на всем континенте вряд ли найдется такое место, где не пускались бы в ход все средства, чтобы поставить вне закона это вселяющее ужас великое братство рабочих.

И вот как раз в этот момент, когда все силы старого общества объединились, чтобы насильственным путем дезорганизовать Интернационал, когда единодушие и сплоченность нужны нам больше, чем когда бы то ни было, как раз в этот момент небольшая и, по ее собственному признанию, с каждым днем все уменьшающаяся группа членов Интернационала в каком-то уголке Швейцарии сочла нужным выступить с гласным циркуляром, чтобы посеять раздор в нашей среде. Эта группа, именующая себя *Юрской федерацией*, состоит в основном из тех же людей, которые под руководством Бакунина вот уже больше двух лет непрерывно подрывают единство во французской Швейцарии и своей усердной тайной перепиской с кое-какими родственными им элементами в разных странах противодействуют единодушной деятельности Интернационала. Пока эти интриги ограничивались Швейцарией или велись втихомолку, мы не хотели давать им более широкой огласки, но упомянутый циркуляр вынуждает нас к этому.

Ссылаясь на то, что Генеральный Совет созвал в этом году не конгресс, а конференцию, Юрская федерация на своем конгрессе в Сонвилле 12 ноября выработала циркулярное обращение ко всем секциям Интернационала, которое было отпечатано во множестве экземпляров и распространено затем по всем странам мира и в

котором секциям предлагалось настаивать на немедленном созыве конгресса. Почему конгресс *надо* было заменить конференцией, это для нас, по крайней мере в Германии и Австрии, ясно, как день. Если бы мы послали своих делегатов на конгресс, то тотчас же после своего возвращения они были бы арестованы и брошены в тюрьму; в таком же положении оказались бы делегаты из Испании, Италии, Франции. Конференция же, на которой не бывает открытых дискуссий, а только деловые заседания, была вполне возможна, потому что имена ее делегатов не стали бы достоянием гласности. Отрицательный момент заключался в том, что конференция не могла решать программных вопросов или вносить изменений в устав и вообще касаться вопросов законодательного порядка: она должна была ограничиться принятием деловых решений, обеспечивающих лучшее проведение в жизнь организационных принципов, предписываемых уставом и решениями конгрессов. Но при данных условиях только это и требовалось: дело шло о мероприятиях, крайне необходимых в данный момент, а для этого было достаточно и конференции.

Впрочем, нападки на конференцию и ее постановления были только предлогом. Да и сами авторы данного циркуляра говорят об этом только мимоходом. Наоборот, они видят источник зла гораздо глубже. Они утверждают, что, согласно уставу и первоначальным резолюциям конгрессов, Интернационал является якобы не чем иным, как «свободной федерацией автономных (самостоятельных) секций», ставящей себе целью освобождение рабочих усилиями самих рабочих, «без всякого, хотя бы и созданного по свободному соглашению, руководящего авторитарного органа». Поэтому и Генеральный Совет якобы представляет собой не что иное, как «простое информационно-статистическое бюро». Но эта первоначальная основа была-де вскоре искажена — сперва предоставлением Генеральному Совету права самому пополнять свой состав новыми членами, а затем еще в большей степени резолюциями Базельского конгресса, согласно которым Генеральный Совет получил право временно исключать отдельные секции впредь до созыва следующего конгресса и предварительно, до решения конгресса, разрешать спорные вопросы. Этим самым Генеральному Совету была-де предоставлена опасная власть, а свободное объединение самостоятельных секций было превращено в иерархическую и авторитарную организацию «подчиненных дисциплине секций», так что «секции целиком очутились в руках Генерального Совета, который может по своему произволу отказать им в приеме или распустить их».

Нашим немецким читателям, достаточно хорошо понимающим, какую цену имеет организация, способная постоять за себя, все это покажется весьма странным. И это вполне понятно, так как теории г. Бакунина, развернувшиеся тут во всей своей красе, не успели пока проникнуть в Германию. Выходит, что рабочая организация, начертанная на своем знамени прежде всего лозунг борьбы за освобождение рабочего класса, должна возглавляться не исполнительным комитетом, а простым информационно-статистическим бюро! Но борьба за освобождение рабочего класса для Бакунина и его сподвижников — пустой предлог; подлинная их цель совсем иная.

«В основе будущего общества будет лежать та же организация, которую установит для себя Интернационал, но только эта организация получит всеобщее распространение. Мы должны поэтому добиться того, чтобы эта организация была возможно ближе к нашему идеалу... Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации и должен отбросить всякий принцип, имеющий тенденцию к власти, к диктатуре».

Нас, немцев, ославили за наш мистицизм, но до такого мистицизма даже нам далеко. Интернационал — прообраз грядущего общества, в котором не будет больше ни версальских расстрелов, ни военных судов, ни постоянных армий, ни черных кабинетов, ни брауншвейгского уголовного суда! Как раз теперь, когда мы должны всеми силами отбиваться от своих врагов, пролетариату предлагают организовать не в соответствии с потребностями борьбы, ежедневно и ежечасно ему навязываемой, а в соответствии с тем, как некоторые фантазеры представляют себе общество будущего! Представим себе нашу собственную, германскую организацию, какую она была бы согласно этому образцу. Вместо того чтобы бороться против правительств и буржуазии, мы стали бы ломать себе голову над тем, является ли каждый параграф нашего устава, каждое постановление конгресса точным отображением будущего общества. Вместо нашего Исполнительного комитета у нас было бы простое информационно-статистическое бюро. Пусть уж оно справляется, как знает, с самостоятельными секциями, — настолько самостоятельными, что они не должны признавать никакого руководящего авторитарного органа, хотя бы даже созданного по их собственному свободному соглашению, — ведь этим они нарушили бы свою первейшую обязанность — быть точным прообразом будущего общества! О сплочении сил, о совместных действиях не может быть и речи. Если в каждой отдельной секции меньшинство подчиняется большинству, то оно совершает преступление

против принципов свободы и признает принцип, ведущий к авторитарной власти и к диктатуре! Если Штибер со всеми своими сподручными, если весь черный кабинет, если все прусские офицеры вступят по приказу свыше в социал-демократическую организацию, чтобы взорвать ее изнутри, то комитет, или, вернее, информационно-статистическое бюро, ни в коем случае не сумеет воспрепятствовать этому; ведь это значило бы ввести иерархическую и авторитарную организацию! А главное — никаких подчиненных дисциплине секций! И никакой партийной дисциплины, никакой централизации сил в одном пункте, никаких орудий борьбы! Во что превратился бы при таких условиях прообраз будущего общества? Короче говоря, к чему привела бы нас такая новая организация? К трусливой, подхалимской организации первых христиан, этих рабов, которые с благодарностью принимали каждый пинок и которые, правда, своим пресмыкательством добились через триста лет победы своей религии, т. е. к такому методу революции, подражать которому пролетариат во всяком случае не станет! Подобно тому как первые христиане взяли за образец для своей организации свое воображаемое небо, точно так же и нам предлагают, видите ли, сделать своим образцом будущий общественный рай г. Бакунина, а вместо того чтобы бороться, нам предлагают молиться и надеяться. И эти люди, проповедующие нам подобный вздор, выдают себя за единственных подлинных революционеров!

Возвращаясь к Интернационалу, мы должны все-таки сказать, что пока дела его обстоят вовсе не плохо. Генеральный Совет обязан, до принятия решения новым конгрессом, проводить в жизнь базельские резолюции, и он свою обязанность выполнит. И так же, как он не постеснялся выбросить вон Толанов и Дюранов, так и сейчас он позаботится о том, чтобы Штиберам и К^о был закрыт доступ в Интернационал, хотя бы Бакунин и усмотрел в этом диктаторство.

Но как же состоялось принятие этих ужасных базельских решений? Очень просто. Они были предложены бельгийскими делегатами, и никто не высказывался за них так горячо, как Бакунин и его друзья, Швидгемель и Гильом, подписавшие сонвильерский циркуляр! Правда, тогда дело обстояло иначе. Тогда эти господа надеялись получить большинство и захватить в свои руки Генеральный Совет. Тогда никакое расширение прав Генерального Совета не казалось им достаточным. Ну, а теперь совсем другое дело! Теперь, оказывается, виноград зелен. Теперь они требуют низведения Генерального Совета до роли простого информационно-статистического бюро лишь бы только не пострадала репутация бакунинского общества будущего.

И эти люди, сектанты по призванию, за которыми с их мистической доктриной раннего христианства стоит ничтожно малая часть членов Интернационала, не стыдятся упрекать Генеральный Совет в том, что его члены хотят «утвердить в Интернационале свою особую программу, свою личную доктрину; что свои приватные взгляды они считают официальной теорией, которая одна только имеет право гражданства в Товариществе». Это уж действительно чересчур! Кто имел возможность следить за внутренней историей Интернационала, тот знает, что эти самые люди уже почти три года занимаются главным образом тем, что стараются навязать Товариществу свои сектантские догмы в качестве общей программы; а когда это не удалось, они начинают жульнически выдавать бакунистские фразы за общую программу Интернационала. И, тем не менее, Генеральный Совет только протестовал против этой фальсификации, но не оспаривал у них до сих пор права принадлежать к Интернационалу или распространять, сколько им угодно, их сектантские выдумки под их собственной маркой. Как Генеральный Совет отнесется к сонвильерскому циркуляру, об этом сейчас говорить преждевременно.

Эти люди сами блестяще доказали, чего им удалось добиться посредством своей новой организации. Везде, где этому не препятствовали насильственные мероприятия реакционных правительств, Интернационал сделал со времени Парижской коммуны гигантские успехи. А как обстоит дело в швейцарской Юре, где в течение последних полутора лет эти господа безраздельно хозяйничали? Послушаем их собственный отчет на конгрессе в Сонвилле (см. женевский еженедельник «*Révolution Sociale*» от 23 ноября): «Эти ужасные события должны были оказать *отчасти деморализующее*, а *отчасти благотворное* влияние на наши секции... Затем наступает начало гигантского боя, который пролетариат должен дать буржуазии, и люди начинают задумываться... Одни отходят, чтобы скрыть свою трусость, другие тверже чем когда-либо поддерживают обновляющие принципы Интернационала. — Таковы основные особенности нынешнего внутреннего положения Интернационала вообще и нашей федерации в частности».

Ново здесь утверждение, что нечто подобное происходило в Интернационале вообще, в то время как на самом деле происходило как раз обратное. Но совершенно верно, что так обстояло дело в Юрской федерации. Послушайте самих этих господ! Секция в Мутье пострадала меньше всего, но и она ничего не добилась: «Если и не было основано новых секций, то все же надо надеяться и т. д.»; а между тем эта секция «находилась в особенно благоприятных

условиях благодаря превосходному настроению населения». — «Секция Гранж свелась к небольшому ядру рабочих»; две секции в Биле ни разу не ответили на письма комитета, равно как и невшательские секции и секции в Локле; третья секция в Биле «в настоящий момент мертва», хотя «есть еще некоторая надежда, что Интернационал снова оживет в Биле»; секция в Сен-Блезе распалась; секция в Валь-де-Рюз исчезла неизвестно как; центральная секция в Локле после длительной агонии распалась, но теперь с грехом пополам восстановлена, очевидно, для выборов на конгресс; секция в Шо-де-Фоне находится в критическом положении; секция часовщиков в Куртелари превращается сейчас в профессиональный союз с уставом союза швейцарских часовщиков, она принимает, стало быть, устав общества, не принадлежащего к Интернационалу; центральная секция того же округа временно прекратила свою работу, потому что ее члены в Сент-Имье и Сонвилье основали какую-то сепаратную секцию (что не помешало этой центральной секции послать на конгресс двух делегатов наряду с делегатами от обеих секций в Сент-Имье и Сонвилье); секция в Катеба после блестящих успехов распалась вследствие интриг местных буржуа, так же как и секция в Корже-моне; наконец, в Женеве существует пока еще одна секция.

Вот что сделали в полтора года представители свободной федерации независимых секций, с информационно-статистическим бюро во главе, из не очень обширной и многочисленной, но все же цветущей федерации. И это в стране, где они имели полную свободу действий, и в такое время, когда во всех других местах Интернационал делал гигантские успехи! И в тот самый момент, когда они сами демонстрируют перед нами эту плачевную картину своих неудач, когда они издают этот вопль бессилия и отчаяния, — они требуют от нас, чтобы мы столкнули Интернационал с того пути, идя по которому, он стал тем, чем является теперь; они требуют от нас, чтобы мы вступили на путь, который привел Юрскую федерацию от относительного процветания к полнейшему распаду!

Написано Ф. Энгельсом¹.

Напечатано в «Volksstaat» от 10 января 1872 г.

¹ Об авторстве Энгельса см. его письмо к В. Либкнехту от 3 января 1872 г., т. XXVI, стр. 193. *Ред.*

РЕДАКТОРУ «EASTERN POST».

16 января 1872 г.

Милостивый государь!

В «National Reformer» от 7 января г. Чарльз Бредлоу пишет: «Мы хотели лишь доказать, что в прежние времена д-р Маркс осведомлял свое собственное правительство».

Настоящим заявляю, что это клевета настолько же нелепая, насколько и подлая. От г. Бредлоу я требую, чтобы он опубликовал хотя бы один факт, который давал бы ему малейший повод для такого заявления. Для его личного спокойствия добавляю, что «вызывать на дуэль» я его не собираюсь.

Ваш покорный слуга

Карл Маркс.

*Напечатано в «Eastern Post»
от 20 января 1872 г.*

РЕДАКТОРУ «EASTERN POST».

Милостивый государь!

Данте в своей бессмертной поэме говорит, что одна из самых жестоких пыток изгнанника — это необходимость сталкиваться со всяким сбродом. Я глубоко почувствовал правдивость этой жалобы, когда вынужден был вступить в публичную полемику с субъектами, вроде гг. Чарльза Бредлоу и К^о. Но как бы то ни было я не допущу, чтобы ему удалось использовать затеянный им против меня скандал в качестве дешевого и удобного средства для его саморекламы за границей.

Он опубликовал против меня обвинение. Если бы это было сделано в Германии, он стал бы посмешищем в глазах всех партий. Я тогда же потребовал от него, чтобы он огласил факты, дающие хоть ничтожнейший повод для клеветы, которая является в равной мере и смешной и подлой. Поступил я так вовсе не для того, чтобы оправдываться, а для того, чтобы разоблачить его. Как записной стряпчий он изворачивается и пытается ускользнуть от ответственности, приглашая меня на «суд чести».

Неужели же он воображает на самом деле, что какому-нибудь Бредлоу или редакторам парижской кафе-шантанной прессы, или бисмарковских газет в Берлине, или «Tagespresse» в Вене, или «Kriminal-Zeitung» в Нью-Йорке, или «Московским Ведомостям» достаточно меня оклеветать, чтобы я был обязан защищать свою общественную репутацию и даже перед «судом чести», в состав которого должны будут войти друзья этих «почтенных господ».

Расчеты мои с г. Чарльзом Бредлоу покончены, и пусть он наслаждается безмятежным созерцанием своей собственной особы, получая от этого занятия всю ту сумму наслаждений, которую оно способно ему доставить.

Ваш покорный слуга

Карл Маркс.

*Напечатано в «Eastern Post»
от 28 января 1872 г.*

РЕДАКТОРУ «GAZZETTINO ROSA».

7 февраля 1872 г.

Гражданин редактор!

Вот уже несколько месяцев, как флорентийская «Libero Pensiero» ведет непрерывные атаки на Интернационал, словно ревность к великому Товариществу не дает покоя защищаемому этой газетой обществу рационалистов, любителей доходных местечек. До сих пор мне казалось излишним отвечать на все эти выпады, но когда упомянутый листок пал так низко, что стал распространять в Италии клеветнические измышления бисмарковской печати по адресу Интернационала и его Генерального Совета, то наступило время заявить протест. Вот почему я обратился к «Libero Pensiero» с прилагаемым письмом, и прошу Вас также опубликовать его в «Gazzettino Rosa».

С братским приветом

Ф. Энгельс.

Секретарь Генерального Совета
по делам Италии.

Редактору «Libero Pensiero», г-ну Луиджи Стефанони.

Милостивый государь!

В № 1 «Libero Pensiero» от 4 января 1872 г. помещена статья «Интернационал и Лондонский верховный совет», по поводу которой я хочу сделать несколько замечаний.

В этой статье задается вопрос: «Желательно бы знать, каким мандатом располагает г-н Энгельс для того, чтобы быть представителем Италии?»

Я не имею и никогда не имел никаких претензий на то, чтобы быть представителем Италии. Я имею честь быть секретарем Генерального Совета и как раз тем секретарем, на которого специально возложена переписка с Италией. В силу этого поручения я являюсь представителем Совета, а не Италии.

Далее, в статье приводятся некоторые лондонские корреспонденции, заимствованные из берлинского «Neuer Sozial-Demokrat», полные самых наглых клеветнических измышлений, направленных против Генерального Совета и всего Интернационала в целом. На них я отвечать не буду. С подобной газетой не вступают в полемику. Всей Германии известно, что представляет собою «Neuer Sozial-Demokrat», что это газета, оплачиваемая Бисмарком, орган прусского правительственного социализма. Если вам нужны более точные сведения об этой газете, напишите своему лейпцигскому корреспонденту Либкнехту, и он представит их Вам в достаточном количестве. Я позволю себе только добавить, что если Вы так жаждете ознакомиться с подобной клеветой на Интернационал, то найдете тысячи ее образчиков в «Figaro», «Gaulois», «Petit-Journal» и в остальных парижских бульварных газетах; в лондонском «Standard»; в «Journal de Genève»; в венской «Tagespresse» и в «Московских Ведомостях», — авторитеты, которые Вас избавят от необходимости цитировать беднягу Шнейдера.

В примечании от редакции сказано: «Может быть это намек на тайное коммунистическое общество, которое было создано Карлом Марксом в 1850 г. в Кёльне и, как обычно, было раскрыто, причем многие бедняги попали в руки прусской полиции, в то время как главные действующие лица спаслись, сбежав в Лондон».

Тот, кто сказал Вам это, сказал ложь. Я принадлежал к этому обществу. Основано оно было не Марксом, не в 1850 г., и не в Кёльне. Оно существовало более чем за 10 лет до этого. Мы с Марксом в качестве эмигрантов, преследуемых прусским правительством, были уже год в Англии, когда кёльнская секция, по собственной неосторожности, попала в руки полиции. Если Вы желаете более подробных сведений, Вы можете прибегнуть к услугам г. Беккера, дортмундского городского головы и члена прусского и германского парламентов; Клейна, врача, муниципального советника в Кёльне; Бюргерса, редактора «Wiesbadener Zeitung»; портного Лесснера, члена Генерального Совета в Лондоне. Все они были осуждены по этому процессу коммунистов.

Прошу Вас опубликовать в ближайшем номере Вашей газеты настоящее опровержение.

Остаюсь с совершенным почтением

Фридрих Энгельс.

*Дается по тексту, напечатанному
в «Gazzettino Rosa» от 21 февраля
1872 г.*

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

[ОБ ОБЫСКЕ У УТИНА.]

20 февраля 1872 г.

Швейцарские власти сочли уместным по простому требованию русского министерства иностранных дел, направленному, в нарушение федеральной конституции, непосредственно судье в Иверден, произвести обыск на квартире гражданина Утина в Женеве под гнусным предлогом, что он может быть замешан в подделке русских кредитных билетов, — скандальное дело, в котором, как это ни странно, русский статский советник Каменский, получивший поручение вести преследование виновных в подделке кредитных билетов, в то же самое время фигурирует в качестве вожака этих поддельвателей. На все бумаги Утина был наложен арест, и вся его русская, немецкая и английская корреспонденция была передана для рассмотрения русскому переводчику, причем власти отказываются даже назвать фамилию этого переводчика. Гражданин Утин до декабря 1871 г. был редактором международного органа «L'Égalité», и, следовательно, его корреспонденция была большей частью корреспонденцией Интернационала, и на бумагах его была печать различных комитетов Товарищества. Если бы в дело не вмешался его поверенный, юрист, гражданин Амберни, которому Генеральный Совет выражает свою глубокую благодарность, то и бумаги Утина и он сам были бы выданы русскому правительству, с которым Швейцария даже не заключила договора о выдаче.

Русское правительство, имея дело с увеличивающейся с каждым днем оппозицией внутри страны, пользуется «мнимыми заговорами» людей, вроде Нечаева, не имеющего никакого отношения к *Интернационалу*, чтобы предавать суду своих противников под тем предлогом, что они являются членами Интернационала. Теперь оно сделало еще шаг вперед. При поддержке Пруссии, своего верного вассала, оно начинает вмешиваться во внутренние дела западных народов, требуя, чтобы их судьи, в угоду ему, преследовали Интернационал.

Свою кампанию оно начало в республике, и республиканские власти поспешили сделаться покорнейшими слугами России. Генеральный Совет считает достаточным публично довести до сведения рабочих всех стран о намерениях русского правительства и об угодливости его западных помощников.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Напечатано в «Eastern Post»

от 24 февраля 1872 г.

LES
PRÉTENDUES SCISSIONS

DANS
L'INTERNATIONALE

CIRCULAIRE PRIVÉE
DU
CONSEIL GÉNÉRAL
DE
L'ASSOCIATION INTERNATIONALE DES TRAVAILLEURS

GENÈVE
IMPRIMERIE COOPÉRATIVE, RUE DU CONSEIL-GÉNÉRAL, 8
—
1872

МНИМЫЕ РАСКОЛЫ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

НЕГЛАСНЫЙ ЦИРКУЛЯР ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ¹.

До сих пор Генеральный Совет считал совершенно излишним касаться внутренней борьбы в Интернационале и никогда не отвечал публично на открытые нападки, которым он подвергается вот уже более двух лет со стороны некоторых членов Товарищества.

Пока дело ограничивалось происками нескольких интриганов, добивавшихся изо всех сил, чтобы Интернационал путали с обществом ², бывшим с самого своего возникновения ему враждебным, еще можно было молчать. Но теперь, когда в скандалах, вызываемых этим обществом, начинает находить себе опору европейская реакция, а Интернационал переживает кризис, какого он не испытывал с самого своего основания, Генеральному Совету приходится дать исторический обзор всех этих интриг.

I.

Первое, что Генеральный Совет сделал после падения Парижской коммуны, было опубликование Манифеста о «Гражданской войне во Франции», в котором он выражал свою солидарность со всеми действиями Коммуны, в то время как буржуазия, печать и европейские правительства распространяли по адресу побежденных парижских коммунаров гнуснейшую клевету. Даже некоторая часть рабочего класса все еще не понимала, что пролетариат потерпел поражение. Одним из доказательств этого для Совета послужил выход из его состава двух его членов, граждан Оджера и Лекрафта, которые полностью отреклись от какой бы то ни было солидарности с этим Манифестом. Можно сказать, что с момента его опублико-

¹ Доложено К. Марксом на заседании Генерального Совета 5 марта 1872 г. Издано отдельной брошюрой на французском языке (Женева, 1872 г.). *Ред.*

² Имеется в виду бакунистский «Международный альянс социалистической демократии». *Ред.*

вания во всех цивилизованных странах мира начинается единство взглядов рабочего класса на события в Париже.

С другой стороны, Интернационал нашел одно из самых могучих средств пропаганды, принудив опубликованием Манифеста буржуазную, особенно же большую английскую, прессу вступить в полемику, которая поддерживалась возражениями Интернационала.

Прибытие в Лондон многочисленных эмигрантов Коммуны заставило Генеральный Совет превратиться в Комитет помощи и выполнять эту, совершенно не входящую в его обычные обязанности, функцию в течение восьми с лишним месяцев. Само собой разумеется, что побежденные изгнанники Коммуны не могли рассчитывать на помощь буржуазии. Что касается рабочего класса, то требование о помощи поступило в тяжелый для него момент. Швейцария и Бельгия уже предоставили убежище той части эмигрантов, которая приходилась на их долю и которой нужно было либо оказывать поддержку, либо облегчить переезд в Лондон. Суммы, собранные в Германии, Австрии и Испании, были отправлены в Швейцарию. В Англии как индивидуальные пожертвования рабочих, так и фонды тред-юнионов, которые, кстати сказать, согласно уставам, могут употребляться только для целей профессиональной борьбы, были израсходованы на напряженную борьбу за 9-часовой рабочий день, решающим моментом которой были события в Ньюкэстле. Однако благодаря неустанной деятельности и переписке Совету удавалось собирать мелкими суммами деньги, которые он еженедельно распределял. Американские рабочие более щедро откликнулись на его призыв. Как было бы кстати использовать те миллионы, которыми так щедро наделило кассу Интернационала испуганное воображение буржуазии!

После мая 1871 г. в состав Совета было введено несколько эмигрантов Коммуны, поскольку вследствие войны французы не имели в нем своих представителей. В числе кооптированных были и старые члены Интернационала, а также несколько лиц, составлявших меньшинство и известных своей революционной энергией, избрание которых было данью уважения к Парижской коммуне.

Среди всех этих забот Совету пришлось вести подготовительные работы к созываемой им конференции.

Жестокое репрессии бонапартистского правительства против Интернационала помешали тому, чтобы очередной конгресс собрался в Париже, как это было предусмотрено постановлением Базельского

конгресса. Генеральный Совет, воспользовавшись правом, предоставленным ему 4 статьей устава, циркуляром от 12 июля 1870 г. объявил о созыве конгресса в Майнце. В письмах, направленных различным федерациям одновременно с этим, он предлагал перенести местопребывание Генерального Совета из Англии в какую-либо другую страну и просил по этому вопросу снабдить делегатов императивными мандатами. Федерации единодушно высказались за оставление Совета в Лондоне. Вспыхнувшая несколько дней спустя франко-немецкая война сделала созыв конгресса вообще невозможным. И тогда запрошенные нами федерации дали нам полномочия назначить срок созыва очередного конгресса в зависимости от хода событий.

Как только позволила политическая обстановка, Генеральный Совет созвал закрытую конференцию, опираясь на прецеденты конференции 1865 г. и закрытых заседаний по организационным вопросам, происходивших во время каждого конгресса. Открытый конгресс был невозможен в такой момент, когда европейская реакция справляла свои оргии; когда Жюль Фавр требовал от всех правительств, даже от английского, выдачи эмигрантов как уголовных преступников; когда Дюфор предлагал помещицкой палате принять закон, ставивший Интернационал вне закона, — закон, лицемерную подделку которого Малу впоследствии преподнес бельгийцам; когда в Швейцарии один из эмигрантов Коммуны в связи с требованием о его выдаче был подвергнут предварительному аресту еще до решения федерального правительства; когда травля членов Интернационала послужила основой союза между Бейстом и Бисмарком, причем к пункту соглашения, направленного против Интернационала, поспешил присоединиться Виктор-Эммануил; когда испанское правительство, предоставив себя всецело в распоряжение версальских палачей, заставило Федеральный совет Испании искать себе убежище в Португалии; в тот момент, наконец, когда первой обязанностью Интернационала было сплотить свою организацию и принять вызов, брошенный ему правительствами, — созыв открытого конгресса в такой момент привел бы лишь к тому, что выдал бы делегатов с континента в руки правительств.

Все секции, состоявшие в регулярной связи с Генеральным Советом, были своевременно приглашены на конференцию, созыв которой, хотя это и не был открытый конгресс, встретил все же серьезные препятствия. Само собой разумеется, что Франция при том положении, в котором она находилась, не могла избрать делегатов.

В Италии единственной организованной секцией тогда была неаполитанская секция; к моменту выборов делегата она была разогнана вооруженной силой. В Австрии и Венгрии наиболее активные члены Интернационала были заключены в тюрьму. В Германии несколько наиболее видных его членов подверглись преследованиям по обвинению в государственной измене, другие находились в тюрьмах, и денежные средства партии целиком уходили на помощь их семьям. Американцы ограничились тем, что послали на имя конференции подробный отчет о положении Интернационала в их стране, употребив средства, предназначенные для посылки делегации, на поддержку эмигрантов. Впрочем, все федерации признали необходимость замены открытого конгресса закрытой конференцией.

Конференция, состоявшаяся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г., поручила Генеральному Совету опубликовать принятые ею резолюции, составить организационный регламент и опубликовать его на трех языках вместе с пересмотренным и исправленным общим уставом, выполнить постановление о замене членских карточек членскими марками, реорганизовать Интернационал в Англии и, наконец, изыскать необходимые средства для выполнения всех этих работ.

Как только были опубликованы материалы конференции, реакционная печать от Парижа до Москвы и от Лондона до Нью-Йорка подняла крик, что резолюция о политике рабочего класса преследует-де столь опасные цели («Times» обвинял ее в «хладнокровно обдуманной дерзости»), что Интернационал необходимо немедленно же поставить вне закона. С другой стороны, резолюция, осудившая сектантские секции, возникшие контрабандным путем, дала повод международной полиции, выжидавшей подходящего случая, поднять шум в защиту возврата свободы автономии для рабочих, покровителем которых она-де является, против унижительного деспотизма Генерального Совета и конференции. Рабочий класс чувствовал себя столь «тяжко угнетенным» Генеральным Советом, что из Европы, Америки, Австралии и даже из Восточной Индии Генеральный Совет получал заявления о присоединении и извещения об образовании новых секций.

II.

Клеветнические заявления буржуазной прессы и причитания международной полиции нашли сочувственный отклик даже в нашем Товариществе. Интриги, с виду направленные против Генерального

Совета, а на деле против всего Товарищества, были затеяны внутри него. За этими интригами неизменно стоит *Международный альянс социалистической демократии*, детище русского — Михаила Бакунина. Вернувшись из Сибири, Бакунин на страницах герценовского «Колокола» стал проповедывать, как плод своего многолетнего опыта, панславизм и войну рас. Позднее Бакунин, во время его пребывания в Швейцарии, был избран в руководящий комитет «Лиги мира и свободы», которая была основана в противовес Интернационалу. Так как дела этого буржуазного общества шли все хуже и хуже, то его президент, г-н Г. Фогт, по совету Бакунина, предложил конгрессу Интернационала, собравшемуся в Брюсселе в сентябре 1868 г., заключить союз с Лигой. Конгресс единогласно заявил, что одно из двух: либо Лига преследует те же цели, что и Интернационал, — тогда нет никакого смысла в ее существовании, либо ее цели являются иными, — в таком случае союз невозможен. На конгрессе Лиги, происходившем в Берне несколько дней спустя, совершилось обращение Бакунина. Он предложил вниманию конгресса Лиги низкопробную, наспех состряпанную программу, о научной ценности которой можно судить уже по одной следующей фразе: «экономическое и социальное уравнение классов». Собрав ничтожное меньшинство, он порвал с Лигой, чтобы вступить в Интернационал с намерением заменить общий устав Интернационала первой попавшейся ему под руку случайной программой, которую отвергла Лига, а Генеральный Совет подменить своей личной диктатурой. Для достижения этой цели он создал себе специальное орудие — *Международный альянс социалистической демократии*, который был предназначен для того, чтобы стать Интернационалом в Интернационале.

Людей, подходящих для образования такого общества, Бакунин нашел среди тех, с которыми сошелся во время своего пребывания в Италии, и, кроме того, у него была небольшая группа русских эмигрантов; ими он пользовался как эмиссарами и вербовщиками среди членов Интернационала в Швейцарии, Франции и Испании. Однако только после повторных отказов со стороны Бельгийского и Парижского федеральных советов признать «Альянс» Бакунин решился внести на рассмотрение Генерального Совета устав своего нового общества, который представлял собой не что иное, как точное воспроизведение «непонятой» бернской программы. Совет ответил следующим циркуляром от 22 декабря 1868 г.:

*Генеральный Совет — Международному альянсу
социалистической демократии.*

Около месяца назад несколько граждан образовали в Женеве *центральный инициативный комитет* нового интернационального общества под названием «*Международный альянс социалистической демократии*», поставившего своей «*специальной задачей* изучение политических и философских вопросов на основе великого принципа *равенства* и т. д.».

Программа и регламент, напечатанные этим инициативным комитетом, были сообщены Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих лишь 15 декабря 1868 г. Согласно этим документам вышеупомянутый Альянс «*совершенно растворяется в Интернационале*», между тем как основан он был совершенно вне Интернационала. Наряду с Генеральным Советом *Интернационала*, избранным последовательно на Женевском, Лозаннском и Брюссельском конгрессах, будет существовать, согласно регламенту инициаторов, другой, сам себя назначивший, Генеральный Совет в Женеве. Наряду с местными группами *Интернационала* будут существовать местные группы *Альянса*, которые через свои национальные бюро, функционирующие вне национальных бюро *Интернационала*, «*будут обращаться к центральному бюро Альянса с просьбой об их приеме в Интернационал*»; таким образом, центральный комитет *Альянса* присваивает себе право приема в *Интернационал*. Наконец, и *общий конгресс Международного Товарищества Рабочих* будет иметь двойника — *общий конгресс Альянса*, так как, согласно регламенту инициаторов, во время ежегодного рабочего конгресса делегация Международного альянса социалистической демократии в качестве секции Международного Товарищества Рабочих «*будет проводить свои открытые заседания в отдельном помещении*».

Считая:

что наличие второй международной организации, функционирующей и внутри и вне Международного Товарищества Рабочих, послужило бы вернейшим средством его дезорганизации;

что всякая другая группа лиц в любом месте была бы в праве последовать примеру женевской инициативной группы и под более или менее благовидными предложениями вводить в Международное Товарищество Рабочих другие международные товарищества с иными специальными задачами;

что, таким образом, Международное Товарищество Рабочих

вскоре превратилось бы в игрушку в руках интриганов любой национальности и любой партии;

что, кроме того, согласно уставу Международного Товарищества Рабочих, в его ряды допускаются лишь секции местные и национальные (см. статьи 1 и 6 устава)¹;

что секциям Международного Товарищества Рабочих запрещено составлять для себя уставы и организационные регламенты, противоречащие общему уставу и организационному регламенту Международного Товарищества Рабочих (см. 1 статью V раздела организационного регламента);

что устав и организационный регламент Международного Товарищества Рабочих могут быть пересмотрены лишь общим конгрессом при условии, если за такой пересмотр выскажутся две трети присутствующих делегатов (см. статью 12 общего устава);

что этот вопрос был предрешен резолюциями против *Лиги мира*, единогласно принятыми на общем конгрессе в Брюсселе;

что в этих резолюциях конгресс заявил, что в существовании *Лиги мира* нет никакого смысла, так как, согласно ее недавним заявлениям, ее цель и принципы тождественны с целью и принципами Международного Товарищества Рабочих;

что многие члены инициативной группы Альянса, в качестве делегатов на Брюссельском конгрессе, голосовали за эти резолюции, —

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих на своем заседании 22 декабря 1868 г. единогласно постановил:

1) Все статьи регламента Международного альянса социалистической демократии, определяющие его отношения с Международным Товариществом Рабочих, объявляются недействительными и не имеющими силы.

2) Международный альянс социалистической демократии не принимается в Международное Товарищество Рабочих в качестве секции.

Председатель заседания *Дж. Оджер*.

Генеральный секретарь *Р. Шоу*.

Лондон, 22 декабря 1868 г.

Несколько месяцев спустя Альянс снова обратился к Генеральному Совету, запросив его, признает ли он, или не признает,

¹ В настоящем томе устав и организационный регламент цитируются по тексту, утвержденному Лондонской конференцией 1871 г. См. стр. 684. *Ред.*

да или нет, принципы Альянса? В случае утвердительного ответа Альянс заявлял о своей готовности распустить себя, растворившись в секциях Интернационала. В ответ он получил следующий циркуляр от 9 марта 1869 г.:

Генеральный Совет — Центральному бюро Международного альянса социалистической демократии.

Согласно статье 1 нашего устава в Товарищество принимаются все рабочие общества, стремящиеся к одной и той же цели, а именно: *к взаимной помощи, развитию и полному освобождению рабочего класса.*

Поскольку отдельные отряды рабочего класса различных стран находятся в различных условиях развития, то отсюда с необходимостью вытекает, что их теоретические взгляды, отражающие действительное движение, также не одинаковы.

Однако общность действий, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных национальных секций, и непосредственные дискуссии на общих конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы.

Таким образом, в функции Генерального Совета не входит *критический разбор программы Альянса*. Мы не ставим своей задачей заниматься исследованием того, *да или нет*, т. е. является или не является эта программа адекватным выражением пролетарского движения. Нам важно лишь знать, не содержит ли она чего-либо противоречащего *основной тенденции* нашего Товарищества, т. е. *полному освобождению рабочего класса*. В вашей программе есть одна фраза, которая с этой именно точки зрения является ошибочной. Статья 2 гласит:

«Он (Альянс) прежде всего добивается *политического, экономического и социального уравнения классов*».

Уравнение классов, понимаемое буквально, сводится к гармонии капитала и труда, столь назойливо проповедуемой буржуазными социалистами. *Не уравнение классов* (бесмыслица, на деле неосуществимая), а, наоборот, *уничтожение классов* — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью *Международного Товарищества Рабочих*. Если, однако, иметь в виду контекст, в котором находится эта фраза, — *уравнение классов*, — то она кажется вкрапшейся туда простой опиской. Генеральный Совет не сомневается в том, что вы не откажетесь устранить из вашей

программы фразу, дающую повод к столь опасным недоразумениям. Наше Товарищество, в соответствии со своими принципами, предоставляет каждой секции возможность свободно формулировать ее теоретическую программу, за исключением тех случаев, когда это противоречит основной тенденции Товарищества.

Ничто, следовательно, не препятствует *превращению* секций Альянса в секции Международного Товарищества Рабочих.

Если *вопрос о роспуске Альянса и вступлении его секций в Интернационал* будет окончательно решен, то согласно нашему регламенту необходимо будет *сообщить Совету о местонахождении и численности каждой новой секции.*

Заседание Генерального Совета
от 9 марта 1869 г.

После того как Альянс принял эти условия, Генеральный Совет, введенный в заблуждение некоторыми подписями под бакунинской программой, допустил его в Интернационал, предполагая, что Альянс был признан Романским федеральным комитетом в Женеве, тогда как последний, напротив, все время избегал иметь с ним дело. Альянс достиг своей ближайшей цели: получить мандат на Базельский конгресс. Несмотря на нечестные приемы, к которым прибегли его приверженцы, — приемы, неслыханные ни до сих пор, ни после этого на конгрессах Интернационала, Бакунин обманулся в своих расчетах, что конгресс перенесет местопребывание Генерального Совета в Женеву и официально санкционирует сенсимонистский хлам о немедленном уничтожении права наследования — меру, которую Бакунин считал практическим исходным пунктом социализма. Это послужило сигналом к непрерывной открытой войне Альянса не только против Генерального Совета, но и против всех секций Интернационала, которые отказались принять программу этой сектантской клики (*coterie*), в особенности доктрину о полном воздержании в области политики.

Еще до Базельского конгресса Бакунин связался с прибывшим в Женеву Нечаевым и основал в России тайное общество среди студентов. Скрывая свою собственную персону под именем всяких «революционных комитетов» и прибегая к всевозможным надувательствам и мистификациям во вкусе Калиостро, он домогался неограниченных полномочий. Основной способ пропаганды этого общества заключался в том, что оно ставило под подозрение русской полиции ни в чем не повинных людей, посылая на их имя из Женевы письма в желтых конвертах, с наружным штампом на русском языке:

«Тайный революционный комитет». Печатные отчеты о нечаевском процессе свидетельствуют о гнусном злоупотреблении именем *Интернационала*¹.

В это время альянс начал открытую полемику с Генеральным Советом, сперва в издававшемся в Локле «*Progrès*», затем в женеvском «*Égalité*», официальном органе Романской федерации, в которую вслед за Бакуниным проникло несколько членов Альянса. Генеральный Совет, который отнесся пренебрежительно к выпадам «*Progrès*» — личного органа Бакунина — не мог оставить без внимания нападки «*Égalité*», полагая, что они производились с согласия Романского федерального комитета. Совет опубликовал тогда циркуляр от 1 января 1870 г., в котором сказано: «В «*Égalité*» от 11 декабря 1869 г. мы читаем: «*несомненно*, что Генеральный Совет пренебрегает вещами крайне важными. Мы напоминаем Генеральному Совету об его обязанностях, указанных в 1-й статье регламента: Генеральный Совет *обязан* выполнять постановления конгресса и т. д. Мы могли бы задать Генеральному Совету много вопросов, ответы на которые составили бы довольно пространный документ. Мы это сделаем позднее... В ожидании и т. д.»... Генеральный Совет не знает ни в уставе, ни в регламенте такой статьи, которая обязывала бы его вступать в переписку или в полемику с «*Égalité*» или давать «ответы на вопросы» газет. Представителем секций романской Швейцарии перед Генеральным Советом является только Женевский федеральный комитет. Если Романский федеральный комитет обратится к нам единственно законным путем, т. е. через своего секретаря, с запросами или обвинениями, то Генеральный Совет всегда готов будет ему ответить. Но Романский федеральный комитет не имеет права ни отречься от своих функций в пользу редакторов «*Égalité*» и «*Progrès*», ни позволять этим газетам узурпировать его функции. Вообще говоря, опубликование переписки Генерального Совета с национальными и местными комитетами по организационным вопросам неизбежно принесло бы большой вред общим интересам Товарищества. В самом деле, если бы другие органы Интернационала стали подражать «*Progrès*» и «*Égalité*», то Генеральный Совет был бы поставлен перед альтернативой — либо дискредитировать себя в глазах общества своим молчанием, либо нарушить свои обязанности, отвечая публично. «*Égalité*» совместно с «*Progrès*» *предложили*

¹ В скором времени будут опубликованы выдержки из нечаевского процесса. Читатель найдет в них образец нелепых и в то же время гнусных правил, ответственность за которые друзья Бакунина возлагали на *Интернационал*.

«Travail» (парижская газета) со своей стороны обрушиться на Генеральный Совет. Чем не... Лига общественного блага!».

Между тем еще до ознакомления с этим циркуляром Романский федеральный комитет удалил сторонников Альянса из редакции «Egalité».

Циркуляр от 1 января 1870 г. так же, как циркуляры от 22 декабря 1868 г. и от 9 марта 1869 г., был одобрен всеми секциями Интернационала.

Разумеется, Альянс не выполнил ни одного из принятых им на себя обязательств. Его мнимые секции оставались тайной для Генерального Совета. Бакунин старался удержать под своим личным руководством несколько разрозненных групп в Испании и Италии и неаполитанскую секцию, которая под его влиянием откололась от Интернационала. В других итальянских городах он поддерживал связь с небольшими группами, состоявшими не из рабочих, а из адвокатов, журналистов и прочих буржуазных доктринеров. В Барселоне его влияние поддерживали некоторые его друзья. В некоторых городах Южной Франции Альянс пытался основать сепаратистские секции под руководством Альбера Ришара и Гаспара Блана из Лиона, о которых еще будет речь впереди. Словом, внутри Интернационала продолжала суетиться интернациональная компания.

Решительный удар — захват руководства секциями романской Швейцарии — Альянс собирался нанести на конгрессе в Шо-де-Фоне, открывшемся 4 апреля 1870 г.

Борьба началась по вопросу о том, имеют ли право делегаты Альянса присутствовать на конгрессе, что оспаривалось делегатами Женевской федерации и секций Шо-де-Фона.

Несмотря на то, что сторонники Альянса, по их собственному подсчету, являлись представителями только одной пятой части членов федерации, им удалось, повторив базельские махинации, обеспечить себе фиктивное большинство в один или два голоса. Это большинство, по словам их собственного органа (см. «Solidarité» от 7 мая 1870 г.), представляло лишь *пятнадцать* секций, тогда как в одной Женеве их было тридцать! В результате голосования романский конгресс раскололся на две части, которые продолжали заседать порознь. Приверженцы Альянса, считая себя законными представителями всей федерации, перенесли местопребывание Романского федерального комитета в Шо-де-Фон и основали в Невшатель, под редакцией гражданина Гильома, свой официальный орган «Solidarité». Специальная миссия этого молодого писателя состояла в том, чтобы клеветать на «фабричных рабочих» Женевы, этих

ненавистных «буржуа», вести войну с органом Романской федерации «Égalité» и проповедывать в области политики полное воздержание. Авторами наиболее значительных статей на эту тему были: в Марселе—Бастелика и в Лионе—два столпа Альянса Альбер Ришар и Гаспар Блан.

После своего возвращения женевские делегаты созвали общее собрание своих секций, которое, несмотря на сопротивление Бакунина и его друзей, одобрило их действия на конгрессе в Шо-де-Фоне. Спустя некоторое время Бакунин и наиболее активные его приспешники были исключены из старой Романской федерации.

Едва успел закрыться романский конгресс, как новый комитет в Шо-де-Фоне потребовал вмешательства Генерального Совета, обратившись к нему с письмом, подписанным Ф. Робером в качестве секретаря и в качестве председателя Анри Шевалье, который спустя два месяца в органе комитета «Solidarité» от 9 июля был уличен в *воровстве*. Рассмотрев документы, представленные в свое оправдание обеими сторонами, Генеральный Совет 28 июня 1870 г. постановил сохранить за Женевским федеральным комитетом его прежние функции и предложить новому Федеральному комитету в Шо-де-Фоне принять наименование местной секции. Обманутый в своих надеждах комитет в Шо-де-Фоне, получив это решение, стал кричать об *авторитарности* Генерального Совета, забывая, что он первый потребовал вмешательства Совета. Смута, в которую этот комитет втянул Швейцарскую федерацию своим упорным стремлением узурпировать звание Романского федерального комитета, заставила Генеральный Совет прекратить с ним всякие официальные сношения.

Незадолго перед этим Луи Бонапарт со всей своей армией капитулировал при Седане. Со всех сторон стали раздаваться протесты членов Интернационала против продолжения войны. В своем воззвании от 9 сентября Генеральный Совет, разоблачая завоевательные планы Пруссии, указал, насколько опасна ее победа для дела пролетариата, и предупредил немецких рабочих, что они первые станут жертвами этой победы. В Англии Генеральный Совет созвал *митинги*, на которых был дан отпор пруссофильским тенденциям английского двора. В Германии рабочие, члены Интернационала, устроили демонстрации, требуя признания республики и «почетного мира для Франции...»

С другой стороны, воинственная натура пылкого Гильома (из Невшателя) внушила ему блестящую идею выпустить *анонимный* манифест, который и вышел в виде приложения к официальному органу [бакунистов] «Solidarité» и под маркой этой газеты. Манифест

требовал формирования швейцарских волонтерских отрядов для борьбы с пруссаками; самому Гильому без сомнения помешали это сделать его абстенционистские убеждения.

Вспыхнуло восстание в Лионе. Бакунин бросился туда и, при поддержке Альбера Ришара, Гаспара Блана и Бастелика, водворился 28 сентября в городской ратуше, *воздержавшись* от того, чтобы поставить охрану, считая это, очевидно, политическим актом. Он был позорно изгнан оттуда несколькими национальными гвардейцами в тот самый момент, когда после тяжелых родовых мук появился, наконец, на свет его декрет об *уничтожении государства*.

В октябре 1870 г. Генеральный Совет, ввиду отсутствия в его среде французских членов, кооптировал в свой состав гражданина Поля Робена, эмигранта из Бреста, бывшего одним из наиболее известных сторонников Альянса, и к тому же автора нападок на Генеральный Совет в «*Égalité*». С этого времени он непрерывно выполнял в Совете функции официозного корреспондента комитета в Шо-де-Фоне. 14 марта 1871 г. Робен предложил созвать закрытую конференцию Интернационала для разрешения швейцарского конфликта. Генеральный Совет, предвидя, что в Париже назревают крупные события наотрез отказался. Робен несколько раз возвращался к этому вопросу и даже предлагал Генеральному Совету принять окончательное решение по поводу швейцарского конфликта. 25 июля Генеральный Совет постановил включить это дело в число вопросов, подлежащих разрешению конференции, созываемой в сентябре 1871 г.

10 августа Альянс, отнюдь не желавший, чтобы его происки обсуждались на конференции, объявил себя распущенным с 6-го того же месяца. Но 15 сентября он вновь появляется и просит Совет о принятии его в Интернационал под именем *секции атеистов-социалистов*. Согласно V резолюции Базельского конгресса по организационным вопросам, Совет не имел права принять эту секцию, не запросив мнения Женевского федерального комитета, который в течение двух лет нес бремя борьбы с сектантскими секциями. К тому же Совет объявил уже английским христианским рабочим обществам (Young mens' Christian Association), что Интернационал не признает секций, образованных по теологическому признаку.

6 августа, в день роспуска Альянса, Федеральный комитет в Шо-де-Фоне, возобновив свою просьбу о вступлении в официальные сношения с Советом, в то же время заявил, что он попрежнему будет игнорировать решение от 28 июня, будет продолжать считать себя в отношении Женевы Романским федеральным комитетом и «что разрешить этот вопрос надлежит общему конгрессу». 4 сентября.

тот же комитет послал протест, оспаривая компетентность конференции, между тем как он первый поднял вопрос об ее созыве. Конференция могла бы, в свою очередь, спросить, входило ли в компетенцию Парижского федерального совета разрешение вопроса о швейцарском конфликте, о чем комитет в Шо-де-Фоне просил его до того, как началась осада Парижа. Конференция ограничилась тем, что подтвердила постановление Генерального Совета от 28 июня 1870 г. (мотивировку см. в женевской «Égalité» от 21 октября 1871 г.).

III.

Появление в Швейцарии нескольких французских эмигрантов, нашедших в ней свое убежище, оживило Альянс — в нем снова затеплилась жизнь.

Женевские члены Интернационала сделали для эмигрантов все, что было в их силах. Они обеспечили им немедленную помощь и, развернув широкую агитацию, воспрепятствовали швейцарским властям выдать эмигрантов, как того требовало версальское правительство. Многие из них подвергались большой опасности, отправляясь во Францию, чтобы помочь изгнанникам перейти границу. Каково же было изумление женевских рабочих, когда они узнали, что некоторые вожаки, как например Б. Малон¹, тотчас же завязали связь с членами Альянса и при помощи бывшего секретаря Альянса Н. Жуковского попытались основать в Женеве, вне Романской федерации, новую «Секцию пропаганды и революционного социалистического действия». В первом пункте своего устава эта секция

¹ Знают ли друзья Б. Малона, вот уже три месяца по шаблону рекламирующие его как *основателя Интернационала* и объявляющие его книгу *единственной объективной работой о Коммуне*, знают ли они о позиции, занятой им — помощником мэра Батиньоля — накануне февральских выборов? Б. Малон, не предвидевший еще в то время Коммуны и думавший только о том, чтобы быть избранным в Национальное собрание, пускал в ход интриги, пытаясь попасть в список четырех избирательных комитетов в качестве члена Интернационала. В этих целях он нагло отрицал существование Парижского федерального совета и представил комитетам список, составленный основанной им в Батиньоле секцией, выдавая его за список, исходящий от всего Товарищества. Позднее, 19 марта, он в опубликованном документе писал в оскорбительном тоне о руководителях совершившейся накануне великой революции. Теперь этот анархист до мозга костей печатает или позволяет печатать то, что он говорил уже год назад четырем комитетам: «Интернационал — это я!» Б. Малон сумел пародировать одновременно и Людовика XIV и шоколадного фабриканта Перрона. Ведь заявлял же сей фабрикант, что *только* его шоколад... съедобен!

«заявляет, что она принимает общий устав Международного Товарищества Рабочих, *оставляя за собой полную свободу действия* и инициативы, что является логическим следствием принципа автономии и федерации, который признан уставом и *конгрессами Товарищества*». Иными словами, она предоставила себе полную свободу продолжать дело Альянса.

20 октября 1871 г. Малон отправил письмо Генеральному Совету, в котором эта новая секция обратилась в третий раз к Генеральному Совету с просьбой о принятии ее в Интернационал. Согласно V резолюции Базельского конгресса, Совет запросил мнение Женевского федерального комитета, который горячо запротестовал против признания Советом этого нового «очага интриг и раздоров». Совет действительно оказался в достаточной мере «авторитарным», чтобы не навязывать целой федерации волю Б. Малона и Н. Жуковского, экс-секретаря Альянса.

Так как «Solidarité» прекратила свое существование, то новые приверженцы Альянса основали «La Révolution Sociale» под верховным руководством госпожи Андре Лео, незадолго перед тем заявившей на Лозаннском конгрессе мира: «Рауль Риго и Ферре были двумя зловецами фигурами Коммуны, которые до этого (до казни заложников) не переставали, — правда, всегда безуспешно, — требовать кровавых мер».

С первого же номера газета поспешила стать на один уровень с «Figaro», «Gaulois», «Paris-Journal» и другими грязными листками, повторяя их гнусные выходки против Генерального Совета. Она сочла момент подходящим для того, чтобы разжигать пламя национальной ненависти даже в рядах самого Интернационала. По ее словам, Генеральный Совет является немецким комитетом и им руководит человек бисмарковского толка [par un serveau bismarckien] ¹.

Твердо установив, что некоторые члены Генерального Совета не могут похвастаться тем, что они *галлы прежде всего*, «Révolution Sociale» не нашла ничего лучшего, как подхватить второй лозунг, пущенный в ход европейской полицией, и возвестить об *авторитарности* Совета.

Каковы же те факты, которыми пытались оправдать этот ребяческий вздор? Генеральный Совет предоставил Альянсу умереть естественной смертью и вместе с Женевским федеральным комитетом

¹ Вот каков национальный состав этого Совета: 20 англичан, 15 французов, 7 немцев (из них 5 основателей Интернационала), 2 швейцарца, 2 венгерца, 1 поляк, 1 бельгиец, 1 ирландец, 1 датчанин и 1 итальянец.

помешал ему вновь возродиться. Кроме того, он предложил комитету в Шо-де-Фоне принять такое наименование, которое позволило бы ему находиться в мирных отношениях с подавляющим большинством романских членов Интернационала.

Как же еще, помимо этих «авторитарных» действий, использовал Генеральный Совет в период с октября 1869 г. по октябрь 1871 г. те достаточно широкие полномочия, которые были предоставлены ему Базельским конгрессом?

1) 8 февраля 1870 г. парижское «общество пролетариев-позитивистов» обратилось в Генеральный Совет с просьбой о приеме. Генеральный Совет ответил ему, что изложенные в особом уставе общества позитивистские принципы в части, касающейся капитала, находятся в явном противоречии с положениями общего устава; надо, следовательно, эти принципы отбросить и вступить в Интернационал не в качестве «позитивистов», а в качестве «пролетариев», оставляя за собой право свободно согласовать свои теоретические взгляды с общими принципами Товарищества. Признав правильность этого решения, секция вступила в Интернационал.

2) В Лионе произошел разрыв между секцией 1865 г. и вновь образованной секцией, в которую наряду с честными рабочими входили представители Альянса, Альбер Ришар и Гаспар Блан. Как водится в подобных случаях, решение образованного в Швейцарии третейского суда не было признано. 15 февраля 1870 г. новая секция не только потребовала от Генерального Совета, чтобы он, на основании VII резолюции Базельского конгресса, вынес решение по поводу этого конфликта, но послала ему готовое решение, в котором предлагала заклеить позором и исключить из Интернационала членов секции 1865 г. Генеральному Совету предлагалось подписать это решение и немедленно вернуть его. Совет осудил этот неслыханный образ действия и потребовал документальных данных. Секция 1865 г., в ответ на такую же просьбу, заявила, что обвинительными документами против Альбера Ришара, которые были представлены третейскому суду, завладел Бакунин и отказывается их вернуть; ввиду этого она не в состоянии полностью удовлетворить желание Генерального Совета. По этому вопросу Совет 8 марта вынес решение, и оно не вызвало никаких возражений ни с той, ни с другой стороны.

3) Французская секция в Лондоне, принявшая в свои ряды более чем сомнительные элементы, мало-помалу превратилась в своеобразное товарищество на паях, в котором бесконтрольно хозяйничал г. Феликс Пиа. Он использовал ее для организации

компрометирующих демонстраций с требованием убийства Луи Бонапарта и т. п. и для распространения во Франции своих нелепых манифестов, издаваемых им от имени Интернационала. Генеральный Совет ограничился заявлением в органах Товарищества, что Интернационал не может нести ответственности за поступки и выходы г. Пиа, так как г. Пиа не является его членом. Тогда французская секция объявила, что она не признает ни Генерального Совета, ни конгрессов; она расклеила на стенах Лондона объявления, в которых сообщалось, что, за исключением французской секции в Лондоне, Интернационал является антиреволюционным обществом. Аресты французских членов Интернационала накануне плебисцита, под тем предлогом, что они участвуют в заговоре, который на деле был состряпан полицией, но которому манифесты г. Пиа придавали видимость правдоподобия, заставили Генеральный Совет опубликовать в «Marseillaise» и в «Réveil» свою резолюцию от 10 мая 1870 г., в которой он заявлял, что так называемая французская секция уже более двух лет не принадлежит к Интернационалу и что ее выступления являются делом агентов полиции. Необходимость этого шага была подтверждена декларацией Парижского федерального совета в тех же газетах, а также декларацией парижских членов Интернационала во время их процесса; обе декларации ссылались на резолюцию Совета. В начале войны [лондонская] французская секция распалась, но так же, как и Альянс в Швейцарии, она снова появилась в Лондоне, переименовав имя и получив поддержку со стороны новых союзников.

В последние дни конференции в Лондоне из числа эмигрантов Коммуны образовалась «Французская секция 1871 г.», в состав которой входило около 35 членов. Первым «авторитарным» актом Генерального Совета было публичное разоблачение секретаря этой секции Гюстава Дюрана как шпиона французской полиции. Имеющиеся в наших руках документы показывают, что полиция намеревалась добиться присутствия Дюрана на конференции, а затем его введения в состав Генерального Совета. Ввиду того, что устав новой секции предписывал, чтобы члены ее могли быть делегированы в Генеральный Совет, только получив на то полномочия от своей секции, граждане Тейс и Бастелика вышли из состава Совета.

17 октября секция делегировала в Совет двух своих членов, снабдив их императивными мандатами; одним из них был не кто иной, как Шотар, бывший член артиллерийского комитета. Совет отказался принять их в свой состав, прежде чем будет рассмотрен

устав «Секции 1871 г.»¹. Достаточно будет напомнить здесь главные пункты спора, который был вызван этим уставом. Статья 2 гласит:

«Чтобы быть принятым в члены секции, необходимо представить сведения о своих средствах к существованию, гарантии нравственности и т. д.». В резолюции от 17 октября 1871 г. Совет предложил выбросить слова: *«представить сведения о своих средствах к существованию»*. «В сомнительных случаях, — заявил Совет, — секция может собрать сведения о средствах к существованию в качестве «гарантии нравственности», но в ряде других случаев, — например, когда речь идет об эмигрантах, бастующих рабочих и т. д., — лучшей гарантией нравственности является отсутствие у них средств к существованию. Требовать от кандидатов в качестве общего условия приема в Интернационал, чтобы они представляли сведения о своих средствах к существованию, было бы буржуазным нововведением, противоречащим духу и букве общего устава». Секция ответила, «что общий устав возлагает на секции ответственность за нравственность их членов и, следовательно, признает за ними право требовать таких гарантий, *которые они считают нужными*». На это Генеральный Совет 7 ноября возразил: «Если придерживаться такой точки зрения, то секция Интернационала, основанная teatotallers (членами общества трезвости), могла бы включить в свой особый устав следующий пункт: чтобы быть принятым в члены секции, надо принести клятву о воздержании от всяких спиртных напитков. Словом, секции в своих особых уставах могли бы выставлять самые абсурдные и самые противоречивые условия приема в Интернационал и все под тем предлогом, что только таким путем они могут быть уверены в нравственности своих членов... «Источником средств существования стачечников, — добавляет «Французская секция 1871 г.», — является стачечная касса». На это можно прежде всего возразить, что стачечная касса часто является фиктивной... Более того, официальные английские обследования обнаружили, что большинство английских рабочих... вследствие забастовок или безработицы, недостаточной заработной платы или наступления сроков платежей и в силу многих других причин вынуждено постоянно прибегать к помощи ломбарда или делать долги. Все это такие средства к существованию, сведений о которых нельзя требовать без недопустимого вмешательства в частную жизнь граждан. Итак, одно из двух: либо секция, добиваясь

¹ Спустя некоторое время этот Шотар, которого хотели навязать Генеральному Совету, был изгнан из своей секции как полицейский агент Тьера. Он был разоблачен теми самыми людьми, которые считали, что он больше всех достоин быть их представителем в Генеральном Совете.

представления сведений о средствах к существованию, ищет только гарантий нравственности... но тогда этой цели достигает предложение Генерального Совета... либо секция во 2 статье своего устава намеренно говорит о представлении сведений о средствах к существованию как об условии приема *помимо* гарантий нравственности. В таком случае Совет утверждает, что это буржуазное нововведение, противоречащее духу и букве общего устава».

В статье 11 их устава сказано: «Один или несколько делегатов будут посылаться в Генеральный Совет». Совет потребовал, чтобы эта статья была вычеркнута, «так как общий устав Интернационала не признает за секциями права посылать делегатов в Генеральный Совет». «Общий устав, — добавлял он, — признает только два способа выборов членов Генерального Совета: либо их выбирает конгресс, либо их кооптирует Генеральный Совет...» Совершенно верно, что различным лондонским секциям предлагалось посылать делегатов в Генеральный Совет, который, чтобы не нарушать общего устава, поступал всегда следующим образом: прежде всего он определял число делегатов от каждой секции, оставляя за собой право включать или не включать их в свой состав, в зависимости от того; считал ли он их способными выполнять возложенные на них этим самым функции общего руководства. Эти делегаты становились членами Генерального Совета не в силу того, что они были делегированы своими секциями, а в силу того, что Совет, согласно общему уставу, имеет право кооптировать новых членов. До решения, принятого последней конференцией, Лондонский совет функционировал и как Генеральный Совет Международного Товарищества и как Центральный Совет для Англии, поэтому он счел целесообразным допустить в свой состав, помимо членов, которых он непосредственно кооптировал сам, также и таких членов, кандидатуры которых сначала выдвигались соответствующими секциями. Было бы большой ошибкой отождествлять порядок избрания Генерального Совета с выборами Парижского федерального совета, который не был даже национальным советом, избранным национальным конгрессом, как например Брюссельский или Мадридский федеральные советы. Парижский федеральный совет состоял просто из делегатов парижских секций... Порядок выборов Генерального Совета определен общим уставом... и его члены не могут принимать никаких императивных мандатов, а должны руководиться только общим уставом и регламентом... Если принять во внимание предшествующую статью, то ясно, что смысл статьи 11 заключается в том, чтобы полностью изменить состав Генерального Совета и, вопреки статье 3 общего

устава, превратить его в собрание делегатов от лондонских секций, в котором влияние всего Международного Товарищества Рабочих подменялось бы влиянием местных групп. Наконец, Генеральный Совет, первая обязанность которого заключается в том, чтобы приводить в исполнение постановления конгрессов (см. статью 1 организационного регламента Женевского конгресса), заявил, что «идеи, высказанные «Французской секцией 1871 г.» относительно радикального изменения статей общего устава, касающихся принципов организации Генерального Совета, никакого отношения к вопросу не имеют».

Впрочем, Совет заявил, что он допустит в свой состав двух делегатов от секции на тех же условиях, что и делегатов других лондонских секций.

Неудовлетворенная таким ответом, «Секция 1871 г.» опубликовала 14 декабря «декларацию», подписанную всеми ее членами, в том числе и новым секретарем секции, который был вскоре изгнан из среды эмигрантов, так как оказался негодяем. В этой декларации было заявлено, что Генеральный Совет, отказавшись присвоить себе законодательные функции, оказался повинным в «грубейшем извращении социальной идеи».

Приведем несколько образцов добросовестности, проявленной при выработке этого документа.

Лондонская конференция одобрила поведение немецких рабочих во время войны. Совершенно ясно, что эта резолюция, предложенная швейцарским делегатом, поддержанная бельгийским делегатом и единогласно принятая, имела в виду только немецких членов Интернационала, которые за свое антишовинистическое поведение во время войны заплатились тюремным заключением и до сих пор находятся в тюрьме. Более того, чтобы предотвратить всякое недобросовестное толкование, секретарь Генерального Совета для Франции в письме, опубликованном в «*Qui Vive!*», «*La Constitution*», «*Le Radical*», «*L'Emancipation*», «*L'Europe*» и т. д., разъяснил подлинный смысл резолюции. Тем не менее неделю спустя, 20 ноября 1871 г., 15 членов «Французской секции 1871 г.» поместили в «*Qui Vive!*» «протест», полный оскорблений по адресу немецких рабочих, и объявили резолюцию конференции неоспоримым доказательством того, что Генеральный Совет одержим «идеями пангерманизма». Вся феодальная, либеральная и полицейская пресса Германии, со своей стороны, жадно ухватилась за этот инцидент, чтобы доказать немецким рабочим тщетность их интернациональных мечтаний. В конце концов вся «Секция 1871 г.» в целом присоединилась

к «протесту» от 20 ноября, включив его в свою декларацию от 14 декабря.

Чтобы показать, что «Генеральный Совет катится по наклонной плоскости авторитарности», декларация ссылается на то, что «Генеральный Совет опубликовал в качестве официального им самим пересмотренное издание общего устава». Достаточно взглянуть на новое издание устава, чтобы убедиться, что по поводу каждой статьи в приложении имеется ссылка на источники, устанавливающая ее аутентичность! Что же касается слов «официальное издание», то первый конгресс Интернационала постановил, что «официальный и обязательный текст общего устава и регламента будет опубликован Генеральным Советом» (см. «Рабочий конгресс Международного Товарищества Рабочих, заседавший в Женеве с 3 по 8 сентября 1866 г., стр. 27, примечание» [«Congrès ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs, tenu à Genève du 3 au 8 Septembre, 1866, page 27, note»]).

Само собой разумеется, что «Секция 1871 г.» находилась в постоянных сношениях с женевскими и невшательскими раскольниками. Один из ее членов, Шален, проявивший в борьбе с Генеральным Советом такую энергию, какую он никогда не проявлял в защиту Коммуны, был совершенно неожиданно реабилитирован Б. Малом, выдвигавшим против него еще недавно в письме к одному из членов Совета очень тяжелые обвинения. Не успела, впрочем, французская «Секция 1871 г.» выпустить свою декларацию, как в ее рядах вспыхнула гражданская война. Прежде всего из нее ушли Тейс, Авриаль и Камелина. После этого она раскололась на несколько мелких групп, одной из которых руководит господин Пьер Везинье, исключенный из состава Генерального Совета за клевету на Варлена и других, а позднее изгнанный из Интернационала бельгийской комиссией, избранной Брюссельским конгрессом 1868 г. Другая из этих групп создана Б. Ландеком, которого лишь неожиданное бегство 4 сентября префекта полиции Пьетри освободило от обязательства, «добросовестно им выполнявшегося, а именно — больше не заниматься политикой и делами Интернационала во Франции» (см. «Третий процесс Международного Товарищества Рабочих в Париже» [«Troisième procès de l'Association Internationale des Travailleurs de Paris»], 1870, стр. 4). С другой стороны, основная масса французских эмигрантов в Лондоне образовала секцию, действующую в полном согласии с Генеральным Советом.

IV.

Господа из Альянса, скрывавшиеся за спиной Федерального комитета в Невшателе, желая сделать новую попытку дезорганизации Интернационала в более широком масштабе, созвали 12 ноября 1871 г. в Сонвилле конгресс своих секций. Господин Гильом в двух письмах к своему другу Робену еще в июле угрожал Генеральному Совету подобной кампанией в случае, если Генеральный Совет откажется признать их правоту «в отношении женевских разбойников».

Конгресс в Сонвилле состоял из 16 делегатов, претендовавших на представительство от 9 секций, в том числе и от новой «Секции революционной социалистической пропаганды и действия» в Женеве.

Шестнадцать начали с анархического декрета, объявлявшего Романскую федерацию распущенной. Романская федерация поспешила вернуть приверженцам Альянса их «автономию», изгнав их из всех секций. Впрочем, Совет должен признать, что участники конгресса обнаружили проблеск здравого смысла, приняв наименование Юрской федерации, которое было им дано Лондонской конференцией.

Вслед за тем конгресс шестнадцати приступил к «реорганизации» Интернационала, выпустив «Циркуляр ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих», направленный против конференции и против Генерального Совета.

Авторы циркуляра обвиняют Генеральный Совет прежде всего в том, что в 1871 г. он вместо конгресса созвал конференцию. Из данных нами ранее объяснений видно, что эти нападки направлены непосредственно по адресу всего Интернационала, единодушно высказавшегося за созыв конференции, на которой Альянс, кстати сказать, был надлежащим образом представлен гражданами Робеном и Баетелика.

На каждом конгрессе у Генерального Совета были свои делегаты: на Базельском конгрессе, например, их было шесть. Шестнадцать утверждают, что «большинство конференции было заранее подтасовано благодаря допущению с правом решающего голоса шести делегатов от Генерального Совета». В действительности же из числа делегатов Генерального Совета, присутствовавших на конференции, французские эмигранты являлись представителями Парижской коммуны, а английские и швейцарские его члены только в редких случаях могли участвовать в заседаниях, как это видно из протоколов, которые будут представлены следующему конгрессу.

Один из делегатов Совета имел мандат от национальной федерации. Мандат другому члену Совета, как показывает письмо, адресованное конференции, не был послан ввиду того, что в газетах появилось извещение о его смерти. Остается один делегат. Таким образом, число представителей одной только Бельгии относилось к числу представителей Совета, как 6 к 1.

Международная полиция, отстраненная в лице Гюстава Дюрана от конференции, горько жаловалась, что созыв «тайной» конференции есть нарушение общего устава. Она не была еще достаточно знакома с нашим общим регламентом и не знала, что заседания конгрессов по организационным вопросам *обязательно бывают закрытыми*.

Тем не менее ее жалобы нашли сочувственный отклик у шестнадцати в Сонвилле, которые подняли крик: «И в довершение всего конференция постановила, что Генеральный Совет сам назначит время и место будущего конгресса или *конференции, которая его заменит*; таким образом, мы стоим перед угрозой упразднения общих конгрессов, этих великих публичных заседаний Интернационала».

Шестнадцать не захотели понять того, что этим постановлением Интернационал перед лицом всех правительств подтверждал свое непоколебимое решение, невзирая на все репрессивные меры, проводить тем или иным путем свои руководящие собрания (*réunions générales*).

На общем собрании Женевских секций 2 декабря 1871 г., на котором гражданам Малону и Лефрансе был оказан плохой прием, последние внесли предложение одобрить декреты, выпущенные шестнадцатью в Сонвилле, а также вынести порицание Генеральному Совету и дезавуировать конференцию. Последняя постановила, что «*резюльюции конференции, не предназначенные для опубликования, будут сообщены федеральным советам различных стран через секретарей-корреспондентов Генерального Совета*». Это решение, полностью отвечающее общему уставу и регламенту, было фальсифицировано Б. Малоном и его друзьями следующим образом: «*Часть резюльюций конференции будет сообщена только федеральным советам и секретарям-корреспондентам*». Кроме того, они обвиняют Генеральный Совет в том, что он «*нарушил принцип искренности*», отказавшись «*передать гласности*» и тем самым предоставить в руки полиции те резюльюции, единственной целью которых является реорганизация Интернационала в странах, где он запрещен.

Граждане Малон и Лефрансе жалуются далее на то, что «конференция посягнула на свободу мысли и на выражение ее... предоставив Генеральному Совету право разоблачать и дезавуировать всякий печатный орган секций и федераций, в котором обсуждаются либо принципы, на которых покоится Товарищество, либо взаимные интересы секций и федераций, либо, наконец, интересы Товарищества в целом (см. «Égalité» от 21 декабря)». Что же приведено в «Égalité» от 21 декабря? Резолюция конференции, в которой она «предупреждает, что Генеральный Совет впредь обязан публично разоблачать и дезавуировать все газеты, называющие себя органами Интернационала, которые, подобно «Progrès», «Solidarité», стали бы на своих столбцах обсуждать перед буржуазной публикой вопросы, подлежащие обсуждению исключительно на заседаниях местных и федеральных комитетов и Генерального Совета или же на закрытых заседаниях федеральных или общих конгрессов по организационным вопросам».

Чтобы по достоинству оценить кислосладкие жалобы Б. Малона, надо иметь в виду, что эта резолюция раз навсегда кладет конец попыткам некоторых журналистов заменить собой ответственные комитеты Интернационала и играть в Интернационале ту же роль, какую играет журналистская богема в буржуазном мире. Женевский федеральный комитет знает, как в результате такой попытки официальный орган Романской федерации «Égalité» редактировался членами Альянса в духе, совершенно враждебном федерации.

Впрочем, Генеральный Совет и без Лондонской конференции мог «публично разоблачать и дезавуировать» злоупотребления журналистов, так как Базельский конгресс постановил (резолюция II), что:

«Все издания, содержащие нападки на Товарищество, должны немедленно пересылаться соответствующими секциями Генеральному Совету».

Очевидно, — говорит Романский федеральный комитет в своей декларации от 20 декабря 1871 г. («Égalité» от 24 декабря), — что этот пункт был принят не для того, чтобы Генеральный Совет хранил в своих архивах издания, содержащие нападки на Товарищество, а с тем, чтобы он отвечал в случае надобности и уничтожал пагубное действие клеветы и злостных нападок. Совершенно ясно также, что этот пункт относится ко всем изданиям вообще, и если мы не хотим оставлять без ответа нападки буржуазных газет, то мы тем более обязаны дезавуировать через орган нашего центрального представительства, через Генеральный Совет, все те издания,

которые свои нападки на нас прикрывают именем нашего Товарищества».

Заметим, между прочим, что «Times», этот левиафан капиталистической прессы, а также лионская газета либеральной буржуазии «Progrès» и ультра-реакционная газета «Journal de Genève» осыпали конференцию теми же упреками, прибегая почти к тем же выражениям, что и граждане Малон и Лефрансе.

Восстав сперва против созыва конференции, затем против ее состава и ее якобы тайного характера, циркуляр шестнадцати обрушивается затем и на самые ее постановления.

Констатировав прежде всего, что Базельский конгресс отрекся от своих прав, «предоставив Генеральному Совету право принимать или отказывать в приеме в Интернационал и временно исключать секции Интернационала», циркуляр, далее, приписывает конференции следующее преступление: «Эта конференция... приняла решения, ...которые имеют тенденцию превратить Интернационал из свободной федерации автономных секций в иерархическую и авторитарную организацию дисциплинированных секций, находящихся всецело во власти Генерального Совета, который может по своему усмотрению отказать им в приеме или приостановить их деятельность!!» Далее, циркуляр возвращается к Базельскому конгрессу, якобы «извратившему компетенцию Генерального Совета».

Все эти противоречия циркуляра шестнадцати сводятся к следующему: конференция 1871 г. ответственна за решения Базельского конгресса 1869 г., а Генеральный Совет виновен в том, что соблюдал устав, предписывающий ему выполнять постановления конгрессов.

Подлинная причина всех этих нападков на конференцию в действительности имеет более сокровенный смысл. Прежде всего конференция своими постановлениями воспрепятствовала интригам приверженцев *Альянса* в Швейцарии. К тому же вожаки *Альянса* с невероятным упорством умышленно создавали и поддерживали такое положение, чтобы в Италии, Испании, части Швейцарии и Бельгии смешивали программы *Международного Товарищества Рабочих* с беспринципной, случайно состряпанной программой *Бакунина*.

Эту умышленно поддерживаемую путаницу конференция полностью разоблачила двумя своими резолюциями о политике пролетариата и о сектантских секциях. Первая резолюция, воздающая по заслугам проповедуемому в программе Бакунина воздержанию от политики, получила полное обоснование в своей мотивировочной

части, опирающейся на общий устав, на постановление Лозаннского конгресса и на другие прецеденты ¹.

Перейдем теперь к сектантским секциям:

Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения. Это имеет свое оправдание (*raison*

¹ Вот резолюция конференции *о политическом действии рабочего класса*:
Принимая во внимание:

что во введении к подлинному *уставу* сказано: «Экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено *как средству*»;

что *Учредительный манифест* Международного Товарищества Рабочих (1864) гласит: «магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут выдвигать всевозможные препятствия на его пути; ...завоевание политической власти стало поэтому великою обязанностью рабочего класса»;

что на *Лозаннском конгрессе* (1867) была принята по этому поводу следующая резолюция: «Социальное освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением»;

что в воззвании Генерального Совета по поводу мнимого заговора французских членов Интернационала накануне плебисцита (1870) сказано: «Согласно содержанию нашего устава, специальная задача наших секций в Англии, на континенте и в Америке заключается, несомненно, не только в том, чтобы служить центрами боевой организации рабочего класса, но и в том, чтобы поддерживать в соответствующих странах всякое политическое движение, способствующее осуществлению нашей конечной цели — экономического освобождения рабочего класса»;

что искаженные переводы подлинного устава дали повод к ложным толкованиям, которые нанесли вред развитию и деятельности Международного Товарищества Рабочих;

перед лицом необузданной реакции, жестоко подавляющей всякую попытку к освобождению со стороны рабочих и стремящейся путем насилия сохранить классовые различия и вытекающее из них политическое господство имущих классов;

принимая, кроме того, во внимание:

что против объединенной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, только *организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами*;

что эта организация пролетариата в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и ее конечную цель — *уничтожение классов*;

что объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить ему рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров, —

конференция напоминает членам *Интернационала*, что экономическое движение и политическое действие рабочего класса неразрывно связаны между собой,

d'être) в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. Отдельные мыслители подвергают критике социальные противоречия и предлагают фантастические разрешения этих противоречий; рабочим же массам остается только принять, пропагандировать и осуществлять то, что те предлагают. Секты, созданные этими инициаторами, по самой своей природе настроены абстенционистски, чуждаются всякой реальной деятельности, политики, стачек, союзов, — одним словом, всякого коллективного движения. Пролетариат в массе своей всегда остается индифферентным или даже враждебным их пропаганде. Парижские и лионские рабочие не хотели знать сен-симонистов, фурьеристов, икарыйцев, так же как английские чартисты и трэд-юнионисты не признавали оуэнистов. Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, начинают ему мешать, как только это движение перерастает их; тогда они становятся реакционными. Об этом свидетельствуют секты во Франции и в Англии, а в последнее время лассальянцы в Германии, которые в течение ряда лет были помехой для организации пролетариата и кончили тем, что стали просто-напросто орудием в руках полиции. В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Для того чтобы стало возможным основание Интернационала, пролетариату надо было подняться выше этой фазы.

В противоположность враждующим между собою сектантским организациям, состоящим из фантазеров, Интернационал является подлинной и боевой организацией рабочего класса всех стран, объединяющей рабочих друг с другом в их общей борьбе против капиталистов, землевладельцев, против их классового господства, организованного как государственная власть. Вот почему устав Интернационала признает только лишь чисто рабочие организации, преследующие одну и ту же цель и имеющие одну и ту же программу, которая ограничивается тем, что намечает основные линии пролетарского движения, предоставляя секциям дальнейшую их теоретическую разработку, исходя из потребностей практической борьбы и на основе живого обмена мнений, и допускает в органах секций и на их конгрессах все без исключения оттенки социалистических убеждений.

Подобно тому как на каждом новом историческом этапе старые ошибки на короткое время воскресают, чтобы потом вскоре исчезнуть, так и в недрах Интернационала возродились сектантские группы, правда, в слабо выраженной форме.

Альянс, совершенно убежденный в том, что воскрешение сект — это огромный шаг вперед, сам служит убедительным доказательством того, что их время прошло. Ибо в то время как при своем возникновении они представляли элемент прогресса, программа Альянса, идущего на поводу у «Магомета без корана», представляет собой лишь беспорядочное нагромождение давно погребенных идей, разукрашенных звонкими фразами, способными запугать лишь буржуазных кретингов или служить уликой против членов Интернационала в глазах бонапартистских и иных прокуроров¹.

Конференция, на которой были представлены все оттенки социалистических убеждений, единогласно одобрила резолюцию против сектантских секций, будучи убеждена в том, что эта резолюция, ставя Интернационал на твердую почву, будет означать собой новый этап в его развитии. Сторонники Альянса, которым эта резолюция наносила смертельный удар, усмотрели в ней не что иное, как победу Генерального Совета над Интернационалом, победу благодаря которой, как гласит их циркуляр, Генеральный Совет обеспечил «господство особой программы» нескольких его членов, «их личной доктрины», «ортодоксальной доктрины», «официальной теории, которая одна только имеет право гражданства в Товариществе». Впрочем, это — не вина этих членов Совета, это — необходимое следствие, «развращающее действие» того факта, что они входят в состав Генерального Совета, ибо «абсолютно невозможно, чтобы человек, имеющий власть (!) над себе подобными, оставался нравственным человеком. Генеральный Совет становится очагом интриг».

По мнению шестнадцати, общий устав Интернационала заслуживает упрека уже за одно то, что допустил грубейшую ошибку, предоставив Генеральному Совету право пополнять свой состав новыми членами. Они говорят, что облеченный этой властью, «Совет мог бы в дальнейшем пополнить свой личный состав таким образом, чтобы в корне изменилось большинство Совета и его тенденции». Они, повидимому, считают, что достаточно быть членом Совета, чтобы не только потерять *всякий моральный облик*, но и лишиться

¹ Опубликованные в последнее время полицейские писания об *Интернационале*, в том числе циркуляр Жюля Фавра к иностранным державам и доклад члена помещичьей палаты Саказа по поводу проекта Дюфора, кишат цитатами из напыщенных манифестов Альянса. Фразеология этих сектантов, весь радикализм которых заключается в громких фразах, наилучшим образом служит замыслом реакции.

здорового смысла. Можно ли иначе предположить, что большинство путем добровольной кооптации само себя превратит в меньшинство?

Впрочем, сами шестнадцать, повидимому, не очень-то убеждены во всем этом, так как далее они жалуются на то, что Генеральный Совет «в течение пяти лет подряд состоит из одних и тех же лиц, постоянно переизбираемых», но тотчас же вслед за этим заявляют: «большинство из них не является нашими законными уполномоченными, так как они не были избраны на конгрессе».

На деле личный состав Генерального Совета постоянно менялся; хотя некоторые из основателей Интернационала продолжали оставаться в нем, как это имеет место и в Бельгийском, Романском и других федеральных советах.

Генеральный Совет должен отвечать трем существенным условиям, чтобы выполнить свои полномочия. Прежде всего он должен иметь достаточное число членов, чтобы выполнять возложенную на него огромную работу; далее, в его состав должны входить «рабочие, принадлежащие к различным нациям, представленным в Международном Товариществе», и, наконец, в нем должен преобладать рабочий элемент. Но как же может Генеральный Совет сочетать все эти необходимые условия без права кооптации, если зависимость рабочего от возможности получить работу приводит к постоянной смене личного состава Генерального Совета? И все же Совет считает необходимым более точно определить это право; такое пожелание он выразил на последней конференции.

Казалось бы, что переизбрание Генерального Совета в его первоначальном составе на ряде следовавших друг за другом конгрессов, на которых Англия была представлена очень слабо, свидетельствует о том, что Генеральный Совет в пределах своих возможностей выполнял свой долг. Шестнадцать, наоборот, видят в этом лишь доказательство «слепого доверия конгрессов», которое в Базеле было доведено «до своего рода добровольного отречения в пользу Генерального Совета».

По их мнению, «нормальная роль» Совета должна сводиться к роли «простого корреспондентского и статистического бюро». Это толкование они подкрепляют несколькими статьями из искаженного перевода устава.

В противоположность уставам всех буржуазных обществ, общий устав Интернационала лишь слегка затрагивает вопросы его организационной структуры. Развитие организационной структуры он предоставляет практике, а ее регулирование — будущим конгрессам.

Но ввиду того, что только единство и общность действий могут придать секциям различных стран подлинно интернациональный характер, устав уделяет Генеральному Совету больше внимания, чем другим вопросам организации.

Статья 6 подлинного устава гласит: «Генеральный Совет является *международным представительством* различных национальных и местных групп», и затем дает несколько примеров того, каким образом должен действовать Генеральный Совет. Среди этих примеров имеется инструкция Совету добиться, «чтобы тогда, когда потребуются немедленные практические шаги, например, в случае международных конфликтов, все общества, входящие в Товарищество, действовали одновременно и единообразно». Далее в статье говорится: «Во всех надлежащих случаях Генеральный Совет будет брать на себя инициативу по внесению предложений в различные национальные или местные общества». Кроме того, устав определяет роль Совета в деле подготовки и созыва конгрессов и поручает ему разработку определенных вопросов, которые он обязан представлять на их рассмотрение. В подлинном уставе действия групп, предпринятые самостоятельно, столь мало противопоставляются единству действий Товарищества в целом, что статья 7 гласит: «Так как успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией, а с другой стороны, деятельность Генерального Совета будет более эффективна... члены Интернационала должны, каждый в своей стране, употребить все свои силы для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные товарищества, представленные центральными органами».

Первая резолюция Женевского конгресса по организационным вопросам (ст. 1) гласит: «На обязанности Генерального Совета *лежит* выполнение постановлений конгрессов». Эта резолюция легализовала то положение, которое занял Генеральный Совет с самого начала: положение *исполнительного комитета* Товарищества. Было бы трудно приводить в исполнение решения, не имея морального «авторитета», при отсутствии иного «добровольно признаваемого авторитета». В то же время Женевский конгресс поручил Генеральному Совету опубликовать «официальный и обязательный текст устава».

Тот же конгресс постановил (резолюция Женевского конгресса по организационным вопросам, ст. 14): «Каждая секция имеет право выработать свой местный устав и регламент применительно к местным условиям и законам своей страны. Этот устав и регламент

не должны, однако, содержать ничего противоречащего общему уставу и регламенту».

Заметим прежде всего, что здесь нет и намека ни на особые декларации принципов, ни на специальные задачи, которые та или иная секция могла бы взять на себя помимо общей цели, преследуемой всеми группами Интернационала. Речь идет только о праве секций приспособлять общий устав и регламент «к местным условиям и законам своей страны».

Во-вторых, кто должен устанавливать, согласуются ли местные уставы с общим уставом? Очевидно, что, если бы не было «авторитета», на который была возложена эта функция, резолюция оказалась бы недействительной. Тогда не только могли бы возникать полицейские и враждебные Интернационалу секции, но, в силу проникновения в Товарищество деклассированных сектантов и буржуазных филантропов, был бы извращен самый характер Товарищества, и эти элементы своей численностью на конгрессах подавили бы рабочих.

Национальные и местные федерации с самого начала присвоили себе в своих странах право принимать или отказывать в приеме новым секциям, в зависимости от того, соответствуют или не соответствуют уставы этих секций общему уставу. Выполнение подобной же функции Генеральным Советом предусмотрено 7 статьей общего устава, оставляющей за *местными независимыми обществами*, т. е. обществами, образовавшимися вне федеральных объединений соответствующих стран, право вступать в непосредственные сношения с Генеральным Советом. *Альянс* не преминул использовать это право, чтобы поставить себя в условия, дававшие ему возможность послать делегатов на Базельский конгресс.

Ст. 7 устава предусматривает также препятствия законодательного порядка, мешающие в некоторых странах образованию национальных федераций, вследствие чего Генеральный Совет призван выполнять там функции Федерального совета (см. «Протоколы Лозаннского конгресса и т. д., 1867 г.», стр. 13 [Procès verbaux du Congrès etc. de Lausanne, 1867]).

Со времени падения Коммуны эти препятствия законодательного порядка в разных странах все возрастают и делают еще более необходимым вмешательство Генерального Совета, чтобы воспрепятствовать проникновению подозрительных элементов в ряды Товарищества. Недавно ряд комитетов во Франции обратился за содействием к Генеральному Совету, чтобы освободиться от полицейских шпионов, а члены Интернационала другой крупной страны

настаивали на том, чтобы Генеральный Совет признавал только те секции, которые были основаны их непосредственными уполномоченными или ими самими. Они мотивировали свою просьбу необходимостью освободиться таким путем от агентов-провокаторов, горячее рвение которых проявлялось в том, что они спешно насаждали секции, ни с чем не сравнимые по своему радикализму. С другой стороны, так называемые антиавторитарные секции не останавливаются перед тем, чтобы апеллировать к Совету, как только в их среде возникает конфликт, и даже требуют от Совета самой суровой расправы с их врагами, как это имело место во время лионского конфликта. Совсем недавно, уже после конференции, «Рабочая федерация» в Турине постановила объявить себя секцией Интернационала. После происшедшего в ней раскола меньшинство основало общество «Освобождение пролетария». Это общество присоединилось к Интернационалу и начало с того, что приняло резолюцию в пользу юрцев. Его газета «II Proletario» кишит исполненными возмущения фразами против всякой авторитарности. Пересылая членские взносы, секретарь общества предупредил Генеральный Совет, что старая федерация, по всей вероятности, также пошлет свои взносы. Далее он пишет: «Вы, вероятно, знаете из «Proletario», что общество «Освобождение пролетария» заявило... об отказе от всякой солидарности с буржуазной публикой, которая под маской рабочих создает «Рабочую федерацию». Оно просит Генеральный Совет «сообщить эту резолюцию всем секциям и не принимать 10-сантимовых взносов, если таковые будут ему присланы»¹.

Генеральный Совет, как и все организации Интернационала, обязан заниматься пропагандой. Эту обязанность он выполнял при помощи своих манифестов и через своих уполномоченных, которые заложили основу первых организаций Интернационала в Северной Америке, в Германии и во многих городах Франции.

Другая обязанность Генерального Совета состоит в том, чтобы оказывать рабочим содействие во время стачек, обеспечивая им помощь всего Интернационала (см. отчеты Генерального Совета различным конгрессам). Между прочим, следующий факт показывает,

¹ В то время казалось, что общество «Освобождение пролетария» придерживается именно таких взглядов, так как его представителем был его секретарь-корреспондент, друг Бакунина. На самом деле стремления этой секции были совсем иные. Изгнав этого вдвойне вероломного представителя за расхищение фондов, а также за дружественные связи с начальником туринской полиции, общество представило объяснения, положившие конец недоразумениям между ним и Генеральным Советом.

какое значение его вмешательство имело для поддержки стачечной борьбы. Общество сопротивления английских литейщиков само по себе является международным трэд-юнионом, имеющим отделения в других странах, в особенности в Соединенных Штатах. Тем не менее американские литейщики во время стачки сочли необходимым прибегнуть к вмешательству Генерального Совета, чтобы предотвратить привоз английских литейщиков в их страну.

Развитие Интернационала возложило на Генеральный Совет, как и на федеральные советы, функции арбитра.

Брюссельский конгресс постановил: «Федеральные советы обязаны каждые три месяца посылать Генеральному Совету отчет *об организационной работе и финансовом положении* находящихся в их ведении секций». (Резолюция № 3 по организационным вопросам.)

Наконец, Базельский конгресс, который вызывает у шестнадцати приступы неопишуемого гнева, лишь оформил те отношения, которые складывались в области организационной работы в ходе развития Товарищества. Если он чрезмерно расширил границы полномочий Генерального Совета, то разве тому виною не Бакунин, Швицгембель, Ф. Робер, Гильом и другие делегаты Альянса, поднявшие неистовый крик, сами этого требуя. Уж не станут ли они обвинять себя в «слепом доверии» к лондонскому Генеральному Совету?

Вот две резолюции Базельского конгресса:

«№ IV. Все вновь образованные секции или общества, желающие вступить в Интернационал, должны немедленно довести до сведения Генерального Совета о своем присоединении», и № V: «Генеральный Совет имеет право принимать новые общества и группы или отказывать им в приеме, оставляя за ними право обжаловать это решение на очередном конгрессе». Что касается местных независимых обществ, образующихся вне федеральных объединений, то эти статьи лишь подтверждают практику, установившуюся с момента возникновения Интернационала, и сохранение этой практики является для Товарищества вопросом жизни и смерти. Однако кое-кто заходит слишком далеко, обобщая эту практику и применяя ее ко всем без различия вновь образующимся секциям и обществам. Эти пункты действительно дают Генеральному Совету право вмешиваться во внутреннюю жизнь федераций, но Генеральный Совет никогда их в этом смысле не применял. Генеральный Совет утверждает, что шестнадцать не смогут указать ни одного случая, когда бы он вмешивался в дела новых секций, изъявивших желание присоединиться к уже существующим группам или федерациям.

Приведенные нами выше резолюции касаются вновь образующихся секций; последующие резолюции говорят о секциях, уже признанных:

«VI. Генеральный Совет имеет также право временно исключать секции Интернационала впредь до очередного конгресса».

«VII. Генеральный Совет имеет право разрешать конфликты, возникающие между обществами или секциями, входящими в одну национальную группу, или между различными национальными группами; за сторонами остается право обжаловать это решение на очередном конгрессе, где должно быть вынесено окончательное решение».

Эти две статьи необходимы на крайний случай, однако до сих пор Генеральный Совет никогда к ним не прибегал. Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что Генеральный Совет временно не исключал ни одной секции и что в случае конфликтов он выступал только в качестве арбитра, признанного обеими сторонами.

Мы подходим, наконец, к той функции, которая была возложена на Генеральный Совет потребностями самой борьбы. Сторонникам Альянса это может казаться крайне обидным, но это несомненный факт; Генеральный Совет стал во главе всех борцов за Международное Товарищество Рабочих именно потому, что он подвергается ожесточенным нападкам со стороны всех врагов пролетарского движения.

V.

Осудив Интернационал, каков он есть, шестнадцать говорят нам о том, каким он должен быть.

Прежде всего Генеральный Совет должен и формально стать простым корреспондентским и статистическим бюро. Так как организационных функций он больше выполнять не будет, то его переписка неизбежно сведется к воспроизведению сведений, уже опубликованных в органах Товарищества. Поэтому в конце концов обойдутся и без корреспондентского бюро. Что касается статистики, то эта работа невыполнима без крепкой организации, и в особенности, — что специально отмечено в подлинном уставе, — без общего руководства. Но так как все это сильно отдаёт «авторитарностью», то бюро, возможно, и будет существовать, но статистики, конечно, не будет никакой. Одним словом, Генеральный Совет прекращает свое существование. В силу той же логики уничтожаются федеральные советы, местные комитеты и другие «авторитарные» центры. Остаются одни автономные секции.

Каково же назначение этих «автономных секций», свободно федерированных и счастливо избавившихся от всякой власти, «даже и от власти, избранной и установленной рабочими»?

Здесь необходимо в дополнение к циркуляру взять доклад, представленный Юрским федеральным комитетом конгрессу шестнадцати. «Для того чтобы рабочий класс стал действительным представителем новых интересов человечества», необходимо, чтобы его организация «руководствовалась идеей, которой предстоит восторжествовать. *Выдвинуть* эту идею, исходя из потребностей нашей эпохи, из сокровенных стремлений человечества, путем непрерывного изучения явлений социальной жизни, *добиться внедрения этой идеи* в наши рабочие организации, — такова должна быть цель и т. д.». Наконец, надо создать «среди нашего рабочего населения подлинную социалистическую революционную *школу*».

Таким образом, автономные рабочие секции превращаются вдруг в *школы*, учителями в которых будут господа из Альянса. Путем «непрерывного изучения», которое не дает решительно никакого результата, они *выдвигают идею*. Затем они *внедряют* ее в наши рабочие организации. Для них рабочий класс — это сырой материал, хаос, для которого, чтобы он принял форму, необходимо дуновение их святого духа.

Все это лишь перепев старой программы Альянса, начинающийся словами: «Социалистическое меньшинство Лиги мира и свободы, отделившись от этой лиги»... намеревается основать «новый Альянс социалистической демократии... взяв на себя *специальную миссию* изучения политических и философских вопросов...» Такова *идея*, которая ею *выдвигается*. «Подобное начинание... даст искренним социалистическим демократам Европы и Америки *средство* найти общий язык и утвердить *свои идеи*»¹.

Итак, меньшинство одного буржуазного общества, по его собственному признанию, пробралось в Интернационал незадолго до Базельского конгресса с исключительной целью использовать его

¹ Господа из Альянса, которые не перестают упрекать Генеральный Совет за созыв закрытой конференции в такой момент, когда созыв открытого конгресса был бы верхом предательства или глупости, — эти безусловные сторонники шумихи и гласности организовали в недрах Интернационала, вопреки нашему уставу, настоящее тайное общество, направленное против самого Интернационала и ставящее себе целью подчинить ничего не подозревающие секции Интернационала руководству верховного жреца Бакунина.

Генеральный Совет намерен потребовать на очередном конгрессе расследования деятельности этой тайной организации и ее вдохновителей в некоторых странах, например, в Испании.

как средство для того, чтобы предстать перед рабочими массами в качестве жрецов тайной науки, — науки, которая укладывается в рамки четырех фраз и кульминационным пунктом которой является «экономическое и социальное уравнение классов».

Помимо этой «теоретической миссии», предложенная Интернационалу новая организация имеет и свою практическую сторону. «Будущее общество, — гласит циркуляр шестнадцати, — должно быть не чем иным, как универсальным применением той организации, которую Интернационал установит для самого себя. Мы должны поэтому добиться того, чтобы эта организация была возможно ближе к нашему идеалу».

«Как же это возможно, чтобы из авторитарной организации вышло общество, основанное на равенстве и свободе? Это невозможно. Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации».

Иными словами, подобно тому как средневековые монастыри являли собой картину небесной жизни, так Интернационал должен быть прообразом Нового Иерусалима, «зародыш» которого Альянс носит в своем чреве. Парижские коммунары не потерпели бы поражения, если бы они поняли, что Коммуна является «зародышем будущего человеческого общества», и потому отбросили бы всякую дисциплину и всякое оружие — вещи, которые должны исчезнуть, как только не будет больше войн!

Но, чтобы лучше доказать, что, несмотря на «непрерывное изучение», не шестнадцать высидели этот милый проект дезорганизации и разоружения Интернационала в момент, когда Интернационал борется за свое существование, Бакунин опубликовал недавно подлинный текст этого проекта в своей записке об организации Интернационала (см. «Almanach du Peuple» на 1872 г., Женева).

VI.

Теперь прочтите доклад, представленный Юрским комитетом конгрессу шестнадцати. «Чтение его, — заявляет их официальный орган «La Révolution sociale» (16 ноября), — дает точное представление о том, чего можно ожидать от самоотверженности и практического разума сторонников Юрской федерации». Доклад начинается с того, что «этим ужасным событиям» — франко-немецкой войне и гражданской войне во Франции — он приписывает «до известной степени деморализующее влияние... на состояние секций Интернационала».

Если верно, что франко-немецкая война в силу мобилизации огромного количества рабочих в обе армии должна была способствовать *дезорганизации* секций, то не менее верно и то, что падение империи и открытое провозглашение Бисмарком завоевательной войны вызвали в Германии и в Англии ожесточенную борьбу между буржуазией, принявшей сторону пруссаков, и пролетариатом, сильнее, чем когда-либо, выразившим свои интернациональные чувства. Уже в силу одного этого влияние Интернационала в обеих этих странах должно было возрасти. В Америке эти события вызвали раскол среди многочисленной немецкой рабочей эмиграции; интернационалистская часть ее резко отделилась от шовинистической части.

С другой стороны, Парижская коммуна дала невиданный доселе толчок росту Интернационала вширь и энергичному отстаиванию его принципов секциями всех национальностей, за исключением, однако, юрских секций, доклад которых далее гласит: «Начало гигантской борьбы приводит к раздумью... Одни отходят, чтобы скрыть трусость... Для многих создавшееся положение (в их собственных рядах) служит признаком распада», в действительности же «как раз наоборот... эта *ситуация способна совершенно преобразовать Интернационал* по их образцу. Сие скромное желание станет понятным после более глубокого изучения этой столь благоприятной ситуации.

Оставляя в стороне распущенный Альянс, который заменила потом секция Малона, комитет должен был представить данные о положении дел в двадцати секциях. Семь из них попросту повернулись к нему спиной; вот что об этом сказано в докладе:

«Секция *футлярщиков*, а также секция *граверов и узорщиков* в Бьенне не ответили ни на одно из посланных им нами писем».

«Профессиональные секции *Невшателя — столяры, футлярщики, граверы и узорщики* — ни разу не ответили на письма Федерального комитета».

«Мы не получали *никаких известий* от секции *Валь-де-Рюз*».

«Секция *граверов и узорщиков Локля* не дала *никакого* ответа на письма Федерального комитета».

Вот что называется *свободным* общением автономных секций со своим Федеральным комитетом.

Другая секция, а именно секция *«граверов и узорщиков округа Куртлари*, после трехлетней упорной настойчивости... в настоящий момент... организуется в общество сопротивления», *не входящее в Интернационал*, что несколько не помешало ей послать двух делегатов на конгресс шестнадцати.

Затем следуют четыре совершенно мертвые секции:

«*Центральная секция в Бьенне в настоящий момент распалась; один из ее преданных членов, однако, написал нам недавно, что надежда на возрождение Интернационала в Бьенне еще не совсем потеряна.*»

«*Секция в Сен-Блез распалась.*»

«*Секция в Катеба после блестящих успехов вынуждена была отступить в связи с интригами, которые велись властителями (1) этой местности с целью добиться роспуска этой мужественной (!) секции.*»

«*Наконец, секция в Коржемоне также стала жертвой интриг хозяев.*»

Затем идет *центральная секция округа Куртелари*, которая «*прибегла к благоразумной мере: временно прекратила свою деятельность*», что не помешало ей послать двух делегатов на конгресс шестнадцати.

Потом следуют четыре секции, существование которых более чем проблематично.

«*Секция Гранж свелась к небольшому ядру рабочих-социалистов... Их местная деятельность парализуется их малочисленностью.*»

«*Центральная секция в Невшателе сильно пострадала в результате событий, и если бы не самоотверженность и активность отдельных ее членов, гибель ее была бы неминуема.*»

«*Центральная секция в Локле, в течение нескольких месяцев находившаяся между жизнью и смертью, в конце концов распалась. Совсем недавно она вновь организовалась*» — очевидно, с единственной целью послать двух делегатов на конгресс шестнадцати.

«*Секция социалистической пропаганды в Шо-де-Фоне находится в критическом состоянии... Ее положение не только не улучшается, а скорее ухудшается.*»

Затем следуют две секции — *просветительные кружки в Сент-Имье и Сонвилле*, о которых упомянуто только вскользь и о положении которых не сказано ни одного слова.

Остается образцовая секция, которая, если судить по ее названию, как *центральной секции*, сама по себе является лишь осколком других исчезнувших секций.

«*Центральная секция в Мутье пострадала, несомненно, меньше других... Ее комитет находился в постоянной связи с Федеральным комитетом... Секции еще не основаны...*» Это объясняется следующим: «*Деятельность секций в Мутье находится в особо благоприятных условиях благодаря прекрасному настроению рабочего населения... сохранившего народные нравы; мы хотели бы, чтобы рабочий класс*

этой местности держался еще более независимо от всяких элементов политики».

Итак, этот доклад в самом деле «дает *точное представление* о том, чего можно ожидать от самоотверженности и *практического разума* приверженцев Юрской федерации». Они могли бы дополнить его, прибавив, что рабочие Шо-де-Фона, первоначального местопребывания их комитета, всегда отказывались от всякой связи с ними. Совсем недавно, на общем собрании 18 января 1872 г., рабочие Шо-де-Фона ответили единогласно на циркуляр шестнадцати тем, что подтвердили постановления Лондонской конференции, а также и постановление романского конгресса в мае 1871 г., которое гласит: «Изгнать навсегда из Интернационала Бакунина, Гильома и их приверженцев».

Надо ли добавлять хоть одно слово о значении этого так называемого конгресса в Сонвилле, который, по словам его участников, «вызвал войну, открытую войну внутри Интернационала»?

Конечно, люди эти, шумевшие тем больше, чем мельче они были сами, имели бесспорный успех. Вся либеральная и полицейская пресса открыто встала на их сторону. Их клевета на отдельных членов Генерального Совета, их беззубые нападки на Интернационал встретили поддержку со стороны так называемых сторонников реформ во всех странах. В Англии их поддержали буржуазные республиканцы, интриги которых были расстроены Генеральным Советом. В Италии — догматики свободомыслящих, основавших недавно под знаменем Стефанони «всемирное общество рационалистов» с обязательным местопребыванием в Риме, — организацию «авторитарную» и «иерархическую» — монастыри для атеистических монахов и монахинь, — организацию, по уставу которой в зале заседаний устанавливается мраморный бюст каждого буржуа, пожертвовавшего десять тысяч франков. Наконец, в Германии они встретили поддержку со стороны бисмарковских социалистов, которые, не говоря уже об издаваемой ими полицейской газете «Der Neue Sozial-Demokrat», играют роль белорубашечников прусско-германской империи.

Конклав в Сонвилле обратился ко всем секциям Интернационала с патетическим призывом настаивать на немедленном созыве конгресса, «чтобы пресечь, — как выражаются граждане Малон и Лэфрансе, — систематическую узурпацию прав Лондонским советом», — в действительности же, чтобы заменить Интернационал Альянсом. Этот призыв встретил столь ободряющий отклик, что им немедленно же пришлось заняться фальсификацией решения последнего

бельгийского конгресса. В своем официальном органе («*Révolution Sociale*» от 4 января 1872 г.) они заявляют:

«Наконец, что более важно, бельгийские секции на своем конгрессе в Брюсселе 24 и 25 декабря единогласно вынесли постановление, совпадающее с решением конгресса в Сонвилле, о необходимости срочного созыва общего конгресса». Необходимо констатировать, что бельгийский конгресс принял прямо противоположное решение. Он поручил ближайшему бельгийскому конгрессу, который состоится не раньше июня, выработать проект нового общего устава для рассмотрения его на *очередном конгрессе* Интернационала.

С согласия огромного большинства членов Интернационала Генеральный Совет созывает общий конгресс только в сентябре 1872 г.

VII.

Спустя несколько недель после конференции в Лондон прибыли господа Альбер Ришар и Гаспар Блан, наиболее влиятельные и рьяные члены *Альянса*, с поручением завербовать из числа французских эмигрантов помощников, готовых работать в пользу реставрации империи, что, по их мнению, является единственным средством избавиться от Тьера, да и самим тоже не остаться с пустыми карманами. Генеральный Совет предупредил всех, кого это касалось, в том числе Брюссельский федеральный совет, об их бонапартистских происках.

В январе 1872 г. они сбросили маску, опубликовав брошюру: «ИМПЕРИЯ и новая Франция. *Призыв народа и молодежи к совести французов*». Соч. АЛЬБЕРА РИШАРА и ГАСПАРА БЛАНА. Брюссель. 1872 [L'EMPIRE ET LA FRANCE NOUVELLE. *Appel du peuple et de la jeunesse à la conscience française*].

С присущей шарлатанам из Альянса скромностью они провозглашают: «Мы, организовавшие великую армию французского пролетариата... мы, самые влиятельные вожди Интернационала во Франции¹... мы, к счастью, не расстреляны, и мы находимся здесь,

¹ В женевской «L'Égalité» от 15 февраля 1872 г. под заголовком «*К позорному столбу*» мы читаем следующее: «Еще не время описывать историю поражения движения за Коммуну на юге Франции, но уже сейчас мы, в большинстве своем бывшие свидетелями прискорбного поражения лионского восстания 30 апреля, можем заявить, что одной из причин, вызвавших поражение этого восстания, является подлость, предательство и воровство Г. Блана, который втирался повсюду, выполняя приказания державшегося в тени Ришара.

Своими заранее обдуманнами ухищрениями эти негодяи умышленно ском-

чтобы перед лицом их (*тщеславных парламентариев, откормленных республиканцев, мнимых демократов всякого рода*) водрузить знамя, под сенью которого мы сражаемся, и, невзирая на ожидающие нас клевету, угрозы и всякого рода нападки, бросить изумленной Европе клич, исходящий из глубины нашего сознания, клич, который скоро найдет отклик в сердцах всех французов:

«Да здравствует император!»

«Опозоренному и оплеванному Наполеону III нужна блестящая реабилитация», — и господа Альбер Ришар и Гаспар Блан, оплачиваемые из секретных фондов Нашествия III (*d'Invasion III*), получили специальное задание реабилитировать его.

Впрочем, они признаются: «Сторонниками империи сделало нас естественное развитие наших идей». Вот признание, которое должно доставить удовольствие их единоверцам из *Альянса*. Как и в прекрасные дни «*Solidarité*», А. Ришар и Г. Блан декламируют свои старые фразы о «политическом воздержании», которое в своем «естественном развитии» практически осуществимо лишь при самом абсолютном деспотизме, когда рабочие воздерживаются от какого бы то ни было участия в политике так же, как узник воздерживается от прогулки при солнечной погоде.

«Время революционеров, — заявляют они, — прошло... коммунизм перенесен в Германию и Англию, в первую очередь в Германию. Именно там, кстати, он уже давно серьезно разрабатывался, а затем получил распространение во всем Интернационале, и это внушающее тревогу усиление *немецкого влияния* на Товарищество немало способствовало тому, чтобы задержать его развитие, или, вернее, придать ему новое направление в секциях центральной и Южной Франции, которые никогда не получали ни одного лозунга ни от одного немца».

Уж не слышим ли мы здесь самого этого великого иерофанта¹, который со времени возникновения Альянса взял на себя, в качестве

прометировали многих из тех, кто принимал участие в работе комитетов, подготавливавших восстание.

К тому же этим предателям удалось до такой степени дискредитировать Интернационал в Лионе, что в момент Парижской революции лионские рабочие относились к Интернационалу с величайшим недоверием. Отсюда полное отсутствие организованности, отсюда поражение восстания, — поражение, которое неминуемо должно было повлечь за собой падение Коммуны, предоставленной своим собственным силам! Лишь после этого кровавого урока нам удалось путем пропаганды сплотить лионских рабочих вокруг знамени Интернационала.

Альбер Ришар был любимчиком и пророком Бакунина и его компании».

¹ *Иерофант* — верховный жрец. *Ред.*

русского, специальную миссию представлять *латинские расы*? Или это голос «истинных миссионеров» из «*Révolution Sociale*» (2 ноября 1871 г.), возвещающих «о попятном движении Интернационала, которое пытаются навязать ему немецкие и бисмарковские умы»?

К счастью, однако, истинные традиции Интернационала сохранены, — господа Альбер Ришар и Гаспар Блан не расстреляны! Их личная «работа» состоит в том, «чтобы дать новое направление» Интернационалу в центральной и Южной Франции созданием бонапартистских секций, уже в силу одного этого являющихся «автономными».

Что касается организации пролетариата в политическую партию, что было предложено Лондонской конференцией, то «*после реставрации империи мы*» — Ришар и Блан — «быстро покончим не только с социалистическими теориями, но и с попытками их осуществления, которые находят свое выражение в революционной организации масс».

Одним словом, используя великий «принцип автономии секций», «составляющий подлинную силу Интернационала... особенно в странах *латинской расы*»... («*Révolution Sociale*» от 4 января), эти господа рассчитывают на анархию в Интернационале.

Анархия — вот конек их учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем одни лишь ярлыки. Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под игмом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и функции правительства превращаются в простые административные функции. Альянс ставит вопрос наизуоборот. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощное сосредоточение общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией. Международной полиции ничего больше и не требуется для увековечения республики Тьера, прикрытой императорской мантией¹.

¹ В докладе о законе Дюфора депутат помещичьей палаты Саказ прежде всего нападает на «организацию» Интернационала. Он терпеть не может эту организацию. Констатировав «поступательное движение этого грозного Товарищества», он продолжает: «Это Товарищество отвергает... тайную деятельность предшествовавших ему сект. Его организация создавалась и изменялась на

Генеральный Совет:

Р. Эппльгарт; Антуан Арно; М. Т. Бун; Ф. Бредник; Г. Х. Беттери; Ф. Курне; Делайе; Эжен Дюпон; В. Хейлз; Гёрлимен; Жюль Жоаннар; Гарриэт Лоу; Ф. Лесснер; Лохнер; Маргерит; Констан-Мартен; Зеви Морис; Генри Майо; Джордж Милнер; Чарльз Мэрей; Пфендер; Витале Реджис; И. Розвадовский; Джон Роч; Рюль; Г. Ранье; Садлер; Кауелл Степни; Альф. Тейлор; В. Таунсенд; Эд. Вайян; Джон Уэстон; Ф. Дж. Ярроу.

Секретари-корреспонденты:

Карл Маркс — для Германии и России; *Лео Франкель* — для Австрии и Венгрии; *А. Герман* — для Бельгии; *Т. Моттерсхед* — для Дании; *И. Г. Эккариус* — для Соединенных Штатов; *Ле Муссю* — для французских секций в Соединенных Штатах; *Ог. Серрайе* — для Франции; *Шарль Роша* — для Голландии; *Д. П. Мак-Доннель* — для Ирландии; *Фридрих Энгельс* — для Италии и Испании; *Валерий Врублевский* — для Польши; *Г. Юнг* — для Швейцарии.

Шарль Лонге — председатель собрания.

Герман Юнг — казначей.

Джон Хейлз — генеральный секретарь.

33. Rathborne Place, W.

Лондон, 5 марта 1872 г.

виду у всех. Благодаря могуществу этой организации... все больше расширяется сфера его деятельности и влияния. Оно проникает во все страны». Затем Саказ дает организации «краткую характеристику» и в заключение говорит: «Таков в своем мудром единстве... план этой обширной организации. Ее сила в самом ее замысле. Ее сила также в массе ее приверженцев, связанных общей деятельностью, и, наконец, в том непреодолимом стимуле, который приводит их в движение».

**РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О РАСКОЛЕ В ФЕДЕРАЦИИ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ПРИНЯТЫЕ НА ЗАСЕДАНИЯХ
5 и 12 МАРТА 1872 г.**

1. Два Федеральных Совета.

Ст. 1. — Принимая во внимание, что центральные советы учреждены для того, чтобы обеспечивать «силу единения и организации рабочего движения» в каждой стране (ст. 7 общего устава); что, следовательно, существование двух соперничающих центральных советов в одной и той же федерации является явным нарушением общего устава;

Генеральный Совет призывает оба временных Федеральных совета в Нью-Йорке объединиться и действовать, как единый временный Федеральный совет для Соединенных Штатов, до ближайшего Американского общего конгресса.

Ст. 2. — Принимая во внимание, что дееспособность временного Федерального совета будет понижена, если в нем будет слишком много членов, вошедших в Международное Товарищество Рабочих лишь недавно;

Генеральный Совет рекомендует, чтобы численно слабые, вновь образовавшиеся секции объединились для выборов нескольких общих делегатов.

II. Общий конгресс федерации Соединенных Штатов.

Ст. 1. — Генеральный Совет рекомендует созвать на 1 июля 1872 г. общий конгресс делегатов Соединенных Штатов от секций и примкнувших обществ.

Ст. 2. — Этот конгресс должен избрать Федеральный совет Соединенных Штатов. Он может, если это окажется нужным, уполномочить избранный таким путем Федеральный совет кооптировать в свой состав ограниченное число членов.

Ст. 3. — Этому конгрессу будет принадлежать исключительное право принимать особые постановления и выработать организа-

ционный регламент Международного Товарищества Рабочих в Соединенных Штатах, но эти постановления и регламент не должны содержать в себе ничего противоречащего общему уставу и регламенту Товарищества (Организац. регламент, V, статья 1).

III. Секции.

Ст. 1. — Принимая во внимание, что 12-я секция Нью-Йорка не только приняла резолюцию, в силу которой «каждая секция» имеет «право самостоятельно истолковывать», как ей вздумается, «постановления отдельных конгрессов» и «общий устав и регламент»; больше того, что она проводила в жизнь провозглашенный в этой резолюции принцип, который, если бы он был действительно принят всеми, привел бы к тому, что от Международного Товарищества Рабочих не осталось бы ничего, кроме его названия;

что эта же секция никогда не переставала пользоваться Международным Товариществом Рабочих для целей или чуждых или прямо противоположных задач и целям Международного Товарищества Рабочих;

исходя из всех этих оснований, Генеральный Совет считает своим долгом применить 6-ю резолюцию Базельского конгресса по организационным вопросам и временно исключить из Товарищества 12-ю секцию до решения очередного общего конгресса, который должен состояться в сентябре 1872 г.

Ст. 2. — Принимая во внимание, что Международное Товарищество Рабочих, согласно общему уставу, должно состоять исключительно «из рабочих обществ» (см. ст. ст. 1, 7 и 11-ю общего устава);

что, следовательно, относящаяся к этому ст. 9 общего устава, — которая гласит, что «членом Международного Товарищества Рабочих может быть каждый, кто признает и защищает его принципы», — хотя и предоставляет активным сторонникам *Интернационала*, не являющимся рабочими, право в индивидуальном порядке вступать прямо в Интернационал или быть принятым в секции, состоящие из рабочих, но ни в коем случае не узаконяет образования секций, состоящих исключительно или преимущественно из членов, не принадлежащих к рабочему классу;

что по этой именно причине Генеральный Совет несколько месяцев тому назад вынужден был отказать в признании Славонской секции, состоящей исключительно из студентов;

что, согласно разделу V, статье 1 организационного регламента, устав может быть приспособлен «к местным условиям каждой страны»;

что социальные условия Соединенных Штатов, — хотя они во многих других отношениях и являются наиболее благоприятными для успехов рабочего движения, — особенно облегчают проникновение в *Интернационал* лжереформаторов, буржуазных шарлатанов и продажных (trading) политиканов;

исходя из всех этих оснований, Генеральный Совет рекомендует, чтобы в будущем принимали в Товарищество лишь те из американских секций, которые, по меньшей мере, на две трети состоят из наемных рабочих.

Ст. 3. — Генеральный Совет обращает внимание Американской федерации на 3-ю статью II резолюции Лондонской конференции¹ относительно сектантских секций или сепаратистских обществ, претендующих на выполнение особых задач, отличных от общей цели Товарищества, — цели, заключающейся в том, чтобы освободить трудящихся от «экономического подчинения монополисту средств труда», «лежащего в основе рабства во всех его формах, в основе всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости» [см. «Вступление» к общему уставу].

*Печатается по черновику Маркса,
хранящемуся в Архиве ИМЭЛ.*

Перевод с английского.

¹ См. настоящий том, стр. 673. *Ред.*

РЕДАКТОРУ «LA LIBERTÉ».

Лондон, 12 марта 1872 г.

В книге гражданина Г. Лефрансе «Этюды о коммуналистском движении в Париже в 1871 г.», с которой я познакомился только несколько дней тому назад, на странице 92-й я обнаружил следующие строки: «Сверх того, письмо, посланное гражданину Серрайе по поводу выборов 8 февраля главным руководителем немецкой секции Интернационала Карлом Марксом, письмо, в котором он с некоторой горечью критикует участие французской секции в выборах, в достаточной мере свидетельствует о том, что Интернационал, правильно это было или нет, тогда был мало расположен вмешиваться в активную политику».

Немедленно после опубликования так называемого моего письма к Серрайе я заявил в «Times», «Courrier de ГЕуроре», берлинской «Zukunft» и других газетах, что этот документ был сфабрикован «Paris-Journal». С своей стороны, Серрайе публично разоблачил полицейского журналиста, который был действительным автором этого письма. Так как почти все органы Интернационала и даже некоторые парижские газеты напечатали наши заявления, я искренно удивлен, что гражданин Лефрансе решился публично скрепить своей подписью ложь, сфабрикованную Анри де Пенем.

Имею честь, милостивый государь, остаться с совершенным почтением.

Карл Маркс.

*Напечатано в «La Liberté»
17 марта 1872 г.*

ГРАЖДНАМ-ДЕЛЕГАТАМ САРАГОССКОГО КОНГРЕССА В ИСПАНИИ.

Лондон, 3 апреля 1872 г.

Граждане!

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих поручил мне передать вам поздравления Совета по случаю созыва второго конгресса в Испании. В самом деле, вы можете поздравить себя с результатами, достигнутыми вами за такой короткий срок. Секции и федерации Интернационала, основанные в Испании менее трех лет тому назад, покрывают теперь всю страну. Интернационал имеет организации во всех городах и проникает в настоящее время в деревню. Благодаря вашей собственной активности, а также вследствие нелепых и глупых преследований со стороны сменявших друг друга правительств вашей страны вы смогли добиться этих великих результатов и достигли того, что Интернационал сделался в Испании действительной силой. Но вместе с тем не следует забывать, что эти результаты стали возможны только благодаря той своеобразной организационной структуре нашего Товарищества, в силу которой каждая национальная или местная федерация пользуется полной свободой действий, центральным же его органам полномочия предоставлены в пределах, безусловно необходимых для сохранения единства программы, для защиты общих интересов и для того, чтобы не дать Товариществу превратиться в игрушку буржуазных или полицейских интриг¹.

Вам предстоит, вероятно, вынести еще не мало преследований. Вспомните же тогда, что в других странах — во Франции, в Германии, в Австрии, в Венгрии — члены Интернационала подвергаются еще более свирепым правительственным репрессиям и все-таки

¹ В черновике этого письма, хранящегося в Архиве ИМЭЛ, имеется следующая, опущенная в тексте «La Emancipación» фраза: «Ни одна буржуазная ассоциация не могла бы существовать при таких условиях; величайшая заслуга современного пролетариата состоит в том, что он для совместной борьбы создал Товарищество, охватывающее все цивилизованные страны и в то же время ни в чем не нарушающее автономию каждой отдельной федерации». *Ред.*

не склоняют головы. Они знают, как это знаете и вы, что преследования часто оказываются лучшим средством пропаганды для нашего Товарищества и что нет такой силы в мире, которая могла бы сломить непреодолимое революционное движение современного пролетариата. Чтобы уничтожить Интернационал, надо сперва уничтожить почву, его породившую, т. е. само современное общество.

С братским приветом.

По поручению Генерального Совета

Фридрих Энгельс.

*Напечатано в «La Emancipación»
от 13 апреля 1872 г. и в «La Liberté»
от 28 апреля 1872 г.*

КОНГРЕССУ В САРАГОССЕ.

Лондон, 6 [апреля 1872 г.]

Генеральный Совет и Английский федеральный совет приветствуют конгресс в Сарагоссе.

Да здравствует освобождение пролетариата!

Энгельс.

*Напечатано в «La Emancipación»
от 13 апреля 1872 г.*

ДЕКЛАРАЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ТЕРРОР В ИРЛАНДИИ.

Национальный антагонизм между английскими и ирландскими рабочими был до сих пор в Англии одним из главных препятствий, которое стояло на пути любого движения, стремящегося к освобождению рабочего класса, а, следовательно, являлся одной из главных опор классового господства как в Англии, так и в Ирландии. Рост Интернационала в Ирландии и создание ирландских секций в самой Англии грозит покончить с таким положением вещей. Вполне естественно, что британское правительство пытается задушить в зародыше Интернационал в Ирландии, пуская в ход все полицейские каверзы, которые ему так легко осуществить благодаря исключительным законам и непрерывному осадному положению, фактически существующему в стране. Что, при наличии так называемой свободной британской конституции, Ирландия управляется истинно прусским способом, можно видеть из следующих фактов.

В Дублине на митинге, созванном Интернационалом, у дверей помещения, где происходил митинг, были поставлены сержант и рядовой полицейский, одетые в полную форму. На вопрос владельца помещения, действительно ли они посланы властями, сержант ответил утвердительно, объяснив это тем, что имя Интернационала внушает страх.

То же самое было проделано и в Корке. Против дверей квартиры секретаря местной секции были поставлены на целый день двое полицейских из «королевской ирландской полиции», а с наступлением сумерок даже четверо, и они записывали имя каждого приходящего к секретарю. Недавно помощник инспектора посетил несколько лиц, у которых работают члены местной секции (Корка), и потребовал их адреса; многие из них были предупреждены полицией: если будет замечено, что они ведут разговоры с секретарем, имена их будут сообщены в «Замок» — место, которое внушает ужас ирландскому рабочему классу.

В том же самом городе, как сообщается в полученном нами письме, «местные власти устроили несколько специальных заседаний, были вызваны усиленные наряды полиции, а в первый день пасхи все полицейские были вооружены боевыми патронами, по десять штук каждый. Они ожидали, что мы устроим митинг в парке; власти стараются сделать все возможное, чтобы спровоцировать беспорядки».

Если члены британского правительства и впредь будут продолжать действовать в том же духе, то они могут быть уверены, что с их лиц будут сорваны последние клочки либеральной маски. Газеты Интернационала во всем мире будут изо дня в день сочетать воедино имя г. Гладстона с именами Сагасты, Ланца, Бисмарка и Тьера.

По поручению Генерального Совета:

Р. Эппльгарт; М. Барри; М. Т. Бун; Ф. Бредник; Г. Х. Беттери; Э. Делайе; Эжен Дюпон; В. Хейлз; Д. Гаррис; Гёрлимен; Жюль Жоаннар; К. Кин; Гарриэт Лоу; Ф. Лесснер; Лохнер; Ш. Лонге; К. Мартен; Зеви Морис; Г. Майо; Д. Милнер; Ч. Мэррей; Пэндер; Д. Роч; Рюль; Садлер; Кауелл Степни; А. Тейлор; В. Таунсхенд; Э. Вайян; Д. Уэстон; Ярроу.

Секретари-корреспонденты:

Лео Франкель — для Австрии и Венгрии; А. Герман — для Бельгии; Т. Моттерсхед — для Дании; О. Серраье — для Франции; Карл Маркс — для Германии и России; Ш. Роша — для Голландии; Дж. П. Мак-Доннель — для Ирландии; Ф. Энгельс — для Италии и Испании; Валерий Врублевский — для Польши; Герман Юнг — для Швейцарии; И. Г. Эккариус — для Соединенных Штатов; Ле Муссю — для французских секций Соединенных Штатов; Дж. Хейлз — генеральный секретарь.

Написано К. Марксом.

*Утверждено на заседании Генерального
Совета 9 апреля 1872 г.*

Перевод с английского.

**[ЛИСТОВКА ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА,
ВЫПУЩЕННАЯ В СВЯЗИ С ВЫСТУПЛЕНИЕМ КОКРЭНА
ПРОТИВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.]**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

Деяния версальской помещичьей палаты и испанских кортесов, поставивших своей целью уничтожение Интернационала, как нельзя более кстати пробудили благородный дух соревнования в сердцах представителей высшей аристократии в британской палате общин. И вот 12 апреля 1872 г. Б. Кокрэн — один из ярких представителей того типа, по которому можно судить об умственном уровне высших классов, — обратил внимание палаты на слова и дела этого ужасного общества. Будучи человеком к чтению не особенно склонным, он, чтобы специализироваться в этом вопросе, предпринял минувшей осенью поездку с целью ознакомления с некоторыми континентальными штабами Интернационала; вернувшись же из этой поездки, письмом в «Times» он поспешил обеспечить за собой нечто вроде временного патента на право приоритета в данном вопросе. Его речь в парламенте, чего бы он ни касался, обнаруживает такое невежество, что всякого другого можно было бы заподозрить в умышленном и преднамеренном искажении фактов. Многочисленные официальные издания Интернационала, за одним лишь исключением, ему совершенно неизвестны; цитирует же он вместо них кучу отрывков из вышедших в Швейцарии мелких изданий частных лиц, за которые Интернационал, как организация, несет такую же ответственность, какую британское правительство несет за речь г. Кокрэна. В речи своей Кокрэн заявляет, что «огромное большинство людей, вступивших в Англии в Товарищество, — а в Англии насчитывается 180 000 членов Интернационала, — было совершенно не осведомлено о тех принципах, которые намечалось провести в жизнь, и когда они давали свои подписи, от них тщательно эти принципы скрывали». Но те принципы, к осуществлению которых стремится Интернационал, изложены в введении к общему уставу, и г. Кокрэн пребывает в счастливом неведении относительно того факта, что никто не может вступить в Товарищество, не выразив

ясно своего согласия с этими принципами. Далее он говорит: «В период, когда общество только начинало создаваться, в основу его были положены принципы трэд-юнионизма, совершенно исключаящие какие бы то ни было политические моменты». Однако резко выраженные политические требования содержатся не только в введении к первоначальному общему уставу, с достаточной полнотой политические тенденции Товарищества были развиты и в Учредительном манифесте, опубликованном в 1864 г. одновременно с этим уставом. Его другое изумительное открытие, заключающееся в том; что Бакунину было «поручено» ответить от имени Интернационала на нападки Мадзини, просто является ложью. Приведя цитату из памфлета Бакунина, он продолжает: «Подобная напыщенная бессмыслица могла бы вызвать улыбку с нашей стороны, но если такие документы исходят из Лондона (а они из него вовсе не исходят), то что же удивительного в том, что иностранные правительства забили тревогу?» А что удивительного в том, что г. Кокрэн стал их оратором в Англии? Следующее обвинение, — что Интернационал недавно начал издавать газету в Лондоне, — также является ложью. Однако г. Кокрэн может утешиться: у Интернационала есть множество своих собственных органов в Европе и в Америке и на языках почти всех цивилизованных народов.

Но суть всей его речи сводится к следующему: «Он мог бы показать, что Коммуна и Международное Товарищество в действительности одно и то же и что Международное общество, находящееся (?) в Лондоне, приказало Коммуне сжечь Париж и убить архиепископа этого города». Перейдем же теперь к доказательствам. Эжен Дюпон в качестве председателя Брюссельского конгресса, происходившего в сентябре 1868 г., действительно утверждал, что Интернационал стремится к социальной революции. Но в чем же эта таинственная связь между утверждением Эжена Дюпона в 1868 г. и действиями Коммуны в 1871 г.? Оказывается, она в том, что «только на прошлой неделе Эжен Дюпон был арестован в Париже, куда он тайно отправился из нашей страны. Но ведь этот г. Эжен Дюпон был членом Коммуны, а также и членом Международного Товарищества». К несчастью для этого весьма убедительного способа аргументации, А. Дюпон, член Коммуны, арестованный в Париже, не был членом Интернационала, а Э. Дюпон, член Интернационала, не был членом Коммуны. Второе доказательство заключается в том, что Бакунин «в Женеве в июле 1869 г. на конгрессе, который заседал под его председательством», сказал: «Интернационал объявляет себя атеистическим». Но в июле 1869 г. в Женеве не было никакого международного

конгресса; Бакунин никогда не председательствовал ни на одном из конгрессов Интернационала; и ему никогда не поручалось делать заявления от имени последнего. Третье доказательство: «Die Volksstimme», орган Интернационала в Вене, писал: «Красный флаг есть символ всеобщей любви, но пусть наши враги остерегаются того, чтобы он не стал символом всеобщего террора». И, кроме того, та же самая газета неоднократно заявляла, что лондонский Генеральный Совет является в действительности Генеральным Советом Интернационала, т. е. его центральным руководящим органом. Четвертое доказательство: на одном из французских процессов Интернационала Толэн высмеял утверждение прокурора, что «достаточно было бы председателю Интернационала» (а такого председателя не существует) «поднять свой палец, чтобы призвать к повиновению весь земной шар». Путаная голова г. Кокрэна превращает это отрицание Толэна в утверждение. Пятое доказательство: Манифест Генерального Совета о «Гражданской войне во Франции», из которого г. Кокрэн цитирует пункт о необходимости репрессий в отношении заложников и о применении огня в качестве военного мероприятия, необходимого при соответствующих обстоятельствах. Однако, поскольку г. Кокрэн одобряет избиения, произведенные версальцами, разве мы делаем из этого вывод, что это он *приказал* произвести их, хотя он в действительности неповинен в чем-либо убийстве кроме дичи? Шестое доказательство: «Перед тем как поджечь Париж, состоялось собрание вождей Интернационала и Коммуны». Это так же верно, как циркулировавшее недавно в итальянской прессе сообщение о том, что Генеральный Совет Интернационала отправил в целях инспекции на континент своего верного и возлюбленного сына Александра Бэйли Кокрэна, который представил великолепный доклад о цветущем состоянии организации и сообщил, что в ней состоит 17 миллионов членов. Последнее доказательство: «В декрете Коммуны, который содержит приказ разрушить колонну на Вандомской площади, отмечено одобрение Интернационала». В этом декрете ничего подобного не сказано, хотя Коммуна, несомненно, очень хорошо сознавала, что весь Интернационал во всем мире одобрит это решение.

Итак, вот каковы, согласно газете «Times», неопровержимые доказательства утверждения г. Кокрэна, будто архиепископ парижский был убит, а Париж сожжен по прямому приказу Генерального Совета Интернационала, находящегося в Лондоне. Сравните этот бессвязный вздор с докладом г. Саказа в Версале о законе против Интернационала и вы получите представление о дистанции,

существующей между французским помещиком и британским Догберри.

О *верном приспешнике* г. Кокрэна, г. Иствике, мы сказали бы словами Данте: «Взгляни на него и пройди мимо», если бы не его нелепое утверждение, что Интернационал ответственен за «*Père Duchêne*» Вермерша, которого ученый г. Кокрэн именует Вермутом.

Если иметь такого противника, как г. Кокрэн, — сплошное удовольствие, то подвергаться какому бы то ни было покровительству со стороны г. Фаусета — это прямо-таки стихийное бедствие. Хотя он и достаточно смел, чтобы защищать Интернационал от тех репрессивных мер, которые британское правительство и не осмеливается и не находит нужным предпринять, то в то же самое время чувство долга и высокие нравственные доблести побуждают его выразить Интернационалу свое высочайшее профессорское порицание. К несчастью, мнимые доктрины Интернационала, с которыми он воюет, являются не чем иным, как порождением его собственного скудоумия. «Государство, — говорит он, — должно выполнять то-то и то-то и изыскивать деньги для осуществления всех проектов Интернационала. Первый пункт программы гласит, что государство должно скупить всю землю и все орудия производства и сдавать их в аренду населению по справедливой и умеренной цене». Что касается этой скупки земли государством при известных обстоятельствах и сдачи ее в аренду населению по справедливой и умеренной цене, то пусть уж г. Фаусет сам разрешает этот вопрос вместе со своим учителем по вопросам теории г. Джоном Стюартом Миллем и со своим политическим вождем г. Джоном Брайтом. Второй пункт «предлагает, чтобы государство регулировало продолжительность рабочего дня». Историческая эрудиция нашего профессора обнаруживается в полном блеске, когда он превращает Интернационал в автора английских фабричных законов, а при оценке самих этих законов в таком же выгодном свете выступает и его ученость в вопросах экономики. Третий пункт: «Государство должно обеспечить бесплатное обучение». Общеизвестны факты о существовании бесплатного обучения в Соединенных Штатах и Швейцарии и о его благотворных результатах, — но что значат они по сравнению с мрачными предсказаниями профессора Фаусета? Четвертый пункт: «Государство должно давать в ссуду капитал кооперативным обществам». Здесь небольшая ошибка: г. Фаусет смешивает требования, выдвинутые Лассалем, умершим еще до основания Интернационала, с принципами Интернационала. Кстати, Лассаль ссылаясь на прецедент, — на те

государственные займы, которые, под предлогом улучшений в сельском хозяйстве, британские землевладельцы при посредстве парламента столь великодушно дарили самим себе. Пятый пункт: «В завершение всего предлагалось, чтобы все доходы в стране облагались на основе прогрессивного налога на собственность». Вот это уж совсем никуда не годится: требования г. Роберта Гладстона и его сторонников, требования ливерпульских буржуазных финансовых реформаторов, выдавать за «венец» программы Интернационала!

Этот великий знаток политической экономии, г. Фаусет, притязание которого на научную славу покоится всецело на произведенной им вульгаризации для школьников курса политической экономии г. Джона Стюарта Милля, признает, что «смелые утверждения (сторонников свободы торговли), высказанные двадцать пять лет тому назад, опровергнуты фактами». А в то же время он уверен в своей способности укротить гигантское пролетарское движение наших дней, не переставая повторять, в еще более разжиженном виде, те самые избитые фразы, на которые двадцать пять лет тому назад опирались эти лживые предсказания. Следует надеяться, что его притворная защита Интернационала, представляющая на деле униженное раскаяние в его прежнем воображаемом сочувствии рабочему классу, раскроет глаза тем английским рабочим, которых все еще обманывает та сентиментальность, с помощью которой г. Фаусет до сих пор пытается прикрыть свое научное ничтожество.

Если г. Б. Кокрэн представляет политический разум, а Фаусет — экономическую науку британской палаты общин, то можно ли сравнить этот «самый забавный из всех лондонских клубов» с американской палатой представителей, которая 13 декабря 1871 г. провела закон об учреждении отдела статистики труда и заявила, что этот закон проведен согласно желанию, выраженному Международным Товариществом Рабочих, которое палата представителей признала одним из важнейших явлений современности.

Г е н е р а л ь н ы й С о в е т :

Р. Эппльгарт; А. Арно; М. Барри; М. Т. Бун; Ф. Бредник; Г. Х. Беттери; Ф. Курне; Э. Делайе; Э. Дюпон; В. Хейлз; Гёрлимен; Жюль Жоаннар; К. Кин; Гарриэт Лоу; Ф. Лесснер; Лохнер; Ш. Лонге; Маргерит; К. Мартен; Зеви Морис; Г. Майо; Д. Милнер; Ч. Мэррей; Пфендер; И. Розвадовский; В. Реджис; Дж. Роч; Рюль; Г. Ранвье; Садлер; Кауелл Степни; А. Тейлор; В. Таунсхенд; Э. Вайян; Дж. Уэстон, Де Вольферс; Ф. Дж. Ярроу.

Секретари-корреспонденты:

Лео Франкель — для Австрии и Венгрии; *А. Герман* — для Бельгии; *Т. Моттерсхед* — для Дании; *О. Серрайе* — для Франции; *Карл Маркс* — для Германии и России; *Ш. Роша* — для Голландии; *Д. П. Мак-Донмель* — для Ирландии; *Ф. Энгельс* — для Италии и Испании; *Валерий Врублевский* — для Польши; *Герман Юнг* — для Швейцарии; *И.-Г. Эккариус* — для Соединенных Штатов; *Ле Муссю* — для французских секций Соединенных Штатов; *Д. Хейлз* — генеральный секретарь.

*Доложено К. Марксом на заседании
Генерального Совета от 16 апреля
1872 г.*

*Напечатано отдельной листовкой,
а также в «The Eastern Post»
от 20 апреля 1872 г.*

ДОКЛАД О САРАГОССКОМ КОНГРЕССЕ СЕКЦИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В ИСПАНИИ.

Конгресс испанских членов Интернационала в Сарагоссе, состоявшийся в начале апреля — хотя протоколы его опубликованы только теперь — закончился полным поражением той небольшой, но активной фракции, которая под руководством Бакунина за последние четыре года ни на минуту не прекращала попыток вызвать раздоры в рядах нашего Товарищества. Эта фракция, объединенная в международное общество, называющая себя «Альянсом социалистической демократии», когда она была допущена в Международное Товарищество Рабочих, обязалась распустить свои особые организации и целиком раствориться в Интернационале. Но несмотря на это торжественное обязательство, Альянс продолжал существовать и существовал как *тайное* общество внутри Интернационала: первый пример тайного общества, направленного не против правящих классов и их правительств, а против той самой пролетарской организации, в которой, согласно его обещанию, оно должно было раствориться. В Испании этому тайному обществу удавалось в течение некоторого времени руководить организациями Интернационала, но незадолго до Валенсийской конференции (сентябрь 1871 г.) в их рядах возникли разногласия. На тех из его членов, которым интересы Интернационала действительно были дороже интересов ничтожной сектантской клики, набросились фанатики и интриганы из этой секты, и Сарагосскому конгрессу пришлось, в конце концов, разрешить этот конфликт. На конгрессе правоверные сторонники Альянса выступили с проектом пересмотра устава, где они предлагали по отношению к Испанскому федеральному совету точно такие же меры, какие их сотоварищи сектанты в Швейцарской Юре предлагали по отношению к Генеральному Совету. Как тот, так и другой, а в действительности все советы вообще должны быть лишены всякой власти, и их роль должна быть сведена к роли корреспондентского и статистического бюро: группам и местным федерациям должно быть предоставлено право принимать какие им угодно постановления, без всякого контроля со стороны Федерального совета; они должны

только представлять их на утверждение следующего конгресса. Должна быть установлена полная автономия всех групп, предоставлено им полное право делать, что угодно, не считаясь ни с каким уставом и постановлениями; фактически Товарищество в целом должно быть распущено, его организация, как политической партии, должна быть совершенно уничтожена, а его деятельность парализована, и это в тот момент, когда испанское правительство старалось задуть организации Интернационала, когда собрания его были запрещены, когда открытые заседания этого самого конгресса разгонялись силой, а карлистские агитаторы, с оружием в руках, только ожидали повода, чтобы, воспользовавшись Интернационалом, поднять восстание в Сарагоссе, которое, в конце концов, послужило бы их целям! Более того, такие предложения были сделаны в то время, когда действительно превосходные организационные мероприятия, которые Валенсийский конгресс провел в жизнь, принесли совершенно неожиданные плоды; когда число местных официально оформленных федераций с пятнадцати возросло до пятидесяти пяти, не считая девятнадцати федераций, организация которых почти закончена, и девятностя четырех местностей, где существуют группы, но еще нет вполне организованных местных федераций. При таких результатах, которые свидетельствовали в пользу устава, принятого в Валенсии, и в пользу Федерального совета, проводшего его в жизнь, каковы же были шансы поборников системы, которая, восстановив состояние полного хаоса, погубила бы все, что было сделано, и открыла бы двери Товарищества агентам правительства или полиции или любому числу буржуазных предателей? Конгресс единогласно, только при двух или трех воздержавшихся, заявил, что устав, принятый в Валенсии, должен остаться в полной силе, и, таким образом, попытка уничтожить Интернационал в Испании, под предлогом более совершенной организации его, явно провалилась. Этот результат имеет очень важное значение для всего нашего Товарищества. Он еще раз доказывает, что стоит только обратиться к неизменному здравому смыслу рабочего класса, в Испании или в других странах, чтобы разбить все уловки и сектантские ухищрения мнимых реорганизаторов и лжепророков. Бакунин и его последователи смотрели на Испанию, как на свой оплот, потому что в течение нескольких лет они руководили пропагандой в этой стране. Но как только пролетарское движение охватило всю Испанию, испанские рабочие не позволили больше опутывать себя узкими сектантскими догмами и отказались пожертвовать организацией, ими самими созданной и усовершенствованной, отказались пожертвовать

ею ради личных целей небольшого числа интриганов, которые, потерпев поражение в своих непрестанно повторявшихся попытках превратить Интернационал в собственное орудие, теперь делают все, что только могут, для его уничтожения. Хорошо известно, что федерация Швейцарской Юры, — насчитывающая всего-навсего девять групп, большею частью совершенно разложившихся, — в декабре прошлого года внесла предложение о немедленном созыве чрезвычайного общего конгресса с целью полной реорганизации Интернационала на тех самых принципах, которые теперь были предложены Сарагосскому конгрессу, но с результатами, которые сами говорят за себя. Из всех испанских местных федераций только одна, Пальмская федерация на Майорке, высказалась за этот чрезвычайный конгресс. А теперь, в Сарагоссе, делегат этой самой местной Пальмской федерации заявил, что избравшие его дали ему вполне определенную инструкцию голосовать против всей этой мнимой реорганизации и за простое сохранение существующего устава! Следовательно, Сарагосский конгресс своим голосованием, подтверждая полномочия, данные Испанскому федеральному совету, косвенно подтверждает подобные же полномочия, данные Базельским конгрессом Генеральному Совету Товарищества, те самые полномочия, на которые юрский циркуляр недавно напал, как на обременительные и диктаторские.

В Италии с неослабевающей наглостью продолжают попытки аристократии и буржуазии выставить себя истинными представителями рабочего класса. В последних числах апреля в Риме, в одном из лучших театров города, состоялся так называемый рабочий конгресс. Председательствовал князь Теано. Делегатами были князья, герцоги, маркизы, графы и тому подобные «благороднейшие» особы, банкиры, фабриканты, члены парламента и несколько лавочников. Настоящих рабочих там было ровно восемь человек. Это не мешало конгрессу, находившемуся под руководством и специальным покровительством правительства, разглагольствовать от имени итальянских рабочих и провести кучу резолюций, заявляющих, что рабочие чрезвычайно довольны своим положением и благодарны «вышестоящим кругам» за то, что они милостиво сообразовали сделать для них; и если только у них было бы немного больше кредита и кооперативных обществ, тогда их желания были бы полностью удовлетворены. К несчастью для членов этого конгресса, подлинные римские рабочие решили собраться и обсудить, какое право он имеет выступать представителем итальянского рабочего класса. Несмотря на то что правительство отказало в разрешении расклеивать на стенах

афиши, сообщающие об этом собрании, собралась масса рабочих; собравшиеся рабочие протестовали против резолюций этого лже-конгресса и заявили, что только сами итальянские рабочие, в союзе с рабочими всего мира, могут решать все касающиеся их социальные вопросы.

*Написано Ф. Энгельсом и доложено
им на заседании Генерального Совета
7 мая 1872 г.*

*Напечатано в «The Eastern Post»
от 12 мая 1872 г.*

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [ОТНОСИТЕЛЬНО «ВСЕМИРНОГО ФЕДЕРАТИВНОГО СОВЕТА»].

Несколько недель тому назад был опубликован памфлет под заголовком — «Всемирный федеративный совет Международного Товарищества Рабочих и примыкающих Республиканских социалистических обществ». Этот памфлет претендует ни более ни менее как на *государственный переворот* в Интернационале. Он объявляет об образовании другого Генерального Совета и выступает с обвинениями как против всей организации Интернационала в целом, так и против его руководства в лице Генерального Совета. Но кто же является членами этого нового, самозванного Совета и авторами этих обвинений? Среди подписей, помещенных под сим документом, мы находим, во-первых, подпись гражданина Джона Уэстона, члена и бывшего казначея Генерального Совета, который в письме к Совету заявляет, что его подпись была поставлена без его разрешения. Во-вторых, — подписи шести делегатов Всемирной республиканской лиги — общества, абсолютно чуждого Интернационалу. В-третьих, — подписи двух делегатов от «Интернациональной республиканской федералистской секции», существование которой совершенно неизвестно Интернационалу. В-четвертых, — подписи двух делегатов Лиги земли и труда, общества, вовсе не входящего в состав Интернационала. В-пятых, — подписи двух самозванных делегатов от «Немецкого рабочего просветительного союза», в действительности же представителей ничтожной кучки немцев, исключенных из Союза вследствие их открытой вражды к Интернационалу. Наконец, — подписи четырех делегатов от двух французских обществ, насчитывающих вместе менее дюжины членов, причем прием этих обществ в качестве местных секций был отклонен Генеральным Советом; в их рядах мы находим г. Везинье, исключенного из Интернационала комиссией, назначенной Брюссельским конгрессом 1868 г., и г. Ландека, который только благодаря последовавшему 4 сентября поспешному бегству бонапартовского префекта полиции освободился от добровольно принятого им на себя и «добросовестно выполняемого

обязательства не заниматься больше ни политикой, ни делами Интернационала во Франции» (см. опубликованный отчет о третьем процессе Интернационала в Париже) и который совсем недавно был изгнан из Общества эмигрантов-коммунаров в Лондоне.

Даже и для подписавшихся под этим документом должно быть ясно, что сборище таких совершенно чуждых Интернационалу людей имеет такое же право заниматься его организационными делами и образовывать Генеральный Совет, какое Генеральный Совет Интернационала имеет для того, чтобы провозгласить себя дирекцией Северной железной дороги и заняться ее управлением.

Неудивительно, что эти самые люди решительно ничего не знают ни об истории Интернационала, ни об его организационном строении. Откуда им знать, что согласно нашему уставу Генеральный Совет представляет свои отчеты не им, а общим конгрессам. Или то, что в 1870 г., когда вспыхнувшая война помешала созыву конгресса, федерации единогласно постановили продлить полномочия Генерального Совета вплоть до того времени, пока политические события позволят созвать открытый конгресс. Что же касается фонда пожертвований, собранного Генеральным Советом в пользу эмигрантов, то о поступавших суммах время от времени сообщалось в публикуемых отчетах о заседаниях Совета, и наш казначей, гражданин Юнг, 4 Charlesstreet, Northampton-square, Clerkenwell, сохраняет расписки на каждый израсходованный фартинг, и эти расписки, так же как и отчеты, могут быть в любой день проверены любым жертвователем. Такая проверка покажет, что Совет не только уделял значительную часть своего времени этому делу, совершенно не входящему в его обычные функции, но что и сам он, как определенная организация, равно как и отдельные его члены, из своих скудных средств делали взносы в фонд эмигрантов.

С тех пор как Интернационал достиг того роста и той силы, которыми он обладает в настоящее время, единственный метод борьбы с ним, дающий враждебным и соперничающим организациям некоторые шансы на успех, — это узурпация его имени с целью подрыва его же мощи. Вся банда журналистов, продающая свое перо правительствам и господствующим классам, это прекрасно понимает; и все те газеты, которые ни под каким видом не пропускают в печать ни одного официального документа Генерального Совета, с величайшей поспешностью осведомляют Европу о ничтожных и смешных выступлениях вроде выступления «Всемирного федеративного совета».

Генеральный Совет:

Р. Эппльгарт; А. Арно; М. Барри; М. Т. Бун; Ф. Бредник; Г. Х. Беттери; Э. Делайе; Эжен Дюпон; И. Г. Эккариус; В. Хейлз; Герлимен; Жюль Жоаннар; К. Кин; Гарриэт Лоу; Ф. Лесснер; Лохнер; Ш. Лонге; Маргерит; К. Мартен; Зеви Морис; Г. Майо; Д. Милнер; Т. Моттерсхед; Пфендер; И. Розвадовский; В. Реджис; Кауелл Степни; А. Тейлор; В. Таунсхенд; Э. Вайян; Дж. Уэстон; Де Вольферс; Ф. Дж. Ярроу.

Секретари-корреспонденты:

Лео Франкель—для Австрии и Венгрии; *А. Герман*—для Бельгии; *Ф. Курне* — для Дании; *О. Серрайе* — для Франции; *Карл Маркс* — для Германии и России; *Ш. Роша* — для Голландии; *Д. П. Мак-Доннель* — для Ирландии; *Ф. Энгельс* — для Италии и Испании; *Валерий Врублевский*—для Польши; *Герман Юнг* — для Швейцарии; *Ле Муссю* — для французских секций Соединенных Штатов.

Ч. Мэррей, председатель.

Г. Юнг, финансовый секретарь.

Джон Хейлз, генеральный секретарь.

33, «Rathbone Place», London, W.

20 мая 1872 г.

Написано К. Марксом¹.

Напечатано в «The International Herald» от 1 июня 1872 г.

¹ Об авторстве Маркса см. письмо Энгельса Либкнехту от 27 [—28] мая 1872 г. Соч., т. XXVI, стр. 259. *Ред.*

РЕДАКТОРУ «GAZZETTINO ROSA».

Лондон, 23 мая 1872 г.

Г-н редактор!

В номере «Libero Pensiero» от 28 марта г-н Стефанони с полным основанием предвидел, что, хотя ему не повезло с Либкнехтом, я все же попрежнему буду обходить молчанием его нескончаемую клевету. Если я сегодня нарушаю это молчание, то только потому, что господин Карл Фогт, человек в Германии политически и морально убитый моею книгой «Господин Фогт», оказывается вдохновителем выступлений своего единомышленника Стефанони.

Г-н Стефанони цитирует, извлеченную им из книги Фогта, направленную против меня и против германской коммунистической партии вообще, басню о моих взаимоотношениях со шпионом Клервалем; но он предусмотрительно умалчивает о письме И.-Ф. Беккера из Женевы, где в юмористическом тоне разоблачаются грубые выдумки Фогта (см. «Господин Фогт», стр. 21¹).

Как эта клевета, так и иные ей подобные клеветнические утверждения, которыми Фогт наполняет свою грязную книжку, были через несколько дней после их опубликования воспроизведены в берлинской «National Zeitung». Находясь в Лондоне, я решил немедленно же возбудить против нее процесс о клевете. Однако согласно правилам прусской юриспруденции мне необходимо было прежде всего пройти предварительную процедуру, т. е. получить от судебных органов разрешение на преследование редактора «National Zeitung». Я принужден был, таким образом, пройти целый ряд судебных инстанций, от следователя до верховного суда, для того чтобы в конечном счете ровно ничего не добиться. Словом, мне было запрещено вести процесс, который должен был чрезвычайно скомпрометировать не только г-на Фогта (предложившего, кстати сказать, Пруссии в своих «Politische Studien» силой оружия завладеть остальной частью Германии), но скомпрометировать также и ту газету, которая, выступая под маской фиктивной оппозиции, в действитель-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 247—543. *Ред.*

ности являлась самым раболепным орудием в руках Бисмарка, в чем она впоследствии и была разоблачена. Мне было запрещено вести этот процесс, в котором я смог бы добиться полного удовлетворения как раз в то время, когда вся продажная германская пресса по приказу свыше яростно на меня нападала.

Все перипетии моей борьбы с прусскими судами, вместе с оправдательными документами, которые мной были им представлены, опубликованы в моей книге «Господин Фогт» и, следовательно, должны быть известны достопочтенному г-ну Стефанони.

Г-н Стефанони цитирует также мои «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (1853 г.), чтобы доказать — и что же именно? — то, что я поддерживаю связь с германскими коммунистами.

Я горжусь этим. Впрочем, самая цель названной книги — доказать, что Союз коммунистов не был тайным обществом в том смысле, который имеется в виду в уголовном кодексе, и что именно в силу этого прусское правительство было вынуждено заставить гнусного Штибера и его приспешников сфабриковать ряд подложных документов, которые были приписаны мне и представшим перед судом обвиняемым. Сейчас в Германии не найдется никого, даже среди сторонников Бисмарка, кто посмел бы отрицать этот факт. То обстоятельство, что г-н Стефанони выступает заодно не только с Фогтом, но и со Штибером, это чересчур даже и для такого *esprit fort*, как Стефанони.

В своем листке от 18 апреля г-н Стефанони снова начинает атаку. Я достаточно убедительно доказал в своей книге, что г-н Фогт в 1859 г. продался Бонапарту, взявши на себя обязанность быть главным его агентом в Германии и Швейцарии. Лишь через десять лет нескромность его друзей — Жюля Фавра и К^о — дала возможность подтвердить это документально.

Абсолютная ложь, будто я из-за неправильно понятых германских интересов выступил в защиту Австрии против г-на Фогта, этого доблестного борца, ратовавшего за Италию. В 1848—1849 гг. в «*Neue Rheinische Zeitung*» я защищал дело Италии против большинства германского парламента и германской печати. Позднее, в 1853 г. и в другие времена, я выступал в «*New York Tribune*» в защиту человека, против которого я вел постоянную принципиальную борьбу — Мадзини. Одним словом, я всегда был на стороне революционной Италии, против Австрии.

Но война 1859 г. — это совершенно другое дело. Я ее разоблачал как войну, которая должна была продлиться еще на десяток лет

существование бонапартовской империи, подчинить Германию режиму прусской военщины и превратить Италию в то, чем она является ныне. Мадзини, в виде исключения, стоял на моей точке зрения (см. «Pensiero ed Azione» с 2 по 15 мая 1859 г.). Он, как и я, подвергался в то время атакам со стороны того же неизбежного г-на Фогта.

Хотя я всегда был готов разоблачать г-на Фогта как бонапартистского агента, тем не менее я должен был отречься от авторства анонимного циркуляра, выпущенного против него г-ном Карлом Блиндом. Г-н Стефанони цитирует со слов Фогта заявление, которое последний добыл от владельца типографии и наборщиков с целью доказать, что Блинд не был автором циркуляра и что циркуляр не был напечатан указанным владельцем типографии.

Однако если бы г-н Стефанони прочел, как он утверждает, мою книгу, то он нашел бы воспроизведенные на страницах 186—187 заявления, сделанные под присягой английскому суду упомянутым типографом и одним из его коллег, которые утверждают, что автором анонимного циркуляра был именно Карл Блинд!

От Фогта г-н Стефанони переходит к Герцену. Прежде всего он заставляет Герцена присутствовать на собрании, на котором был учрежден Интернационал, и относит создание Интернационала к 1867 г. Всякий знает, что Интернационал был учрежден в сентябре 1864 г. на собрании, происходившем в Лонг-Эйкр, и что Герцен на нем не присутствовал. Евангелист рационализма г-н Стефанони обращается с хронологией и топографией точно так же, как 18 столетий тому назад делали это его предшественники по новому завету. Еще примерно за 10 лет до образования Интернационала я отказался выступить с одной трибуны с русским панславистом г-ном Герценом во время одной демонстрации.

Сам Герцен в книге, изданной после его смерти его сыном, — книге, полной лживых измышлений по моему адресу, не осмеливается сказать, что я якобы назвал его русским шпионом, как это утверждает поклонник истины, г-н Стефанони. Впрочем, людям, жаждущим выяснить, какого отношения к себе заслуживает социалист-дилетант Герцен, достаточно будет прочесть книжку Серно-Соловьевича «Наши домашние дела».

Имею честь, г. редактор, оставаться преданным вам

Карл Маркс.

**[РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 18 ИЮНЯ 1872 г.
О СОЗЫВЕ И ПОРЯДКЕ ДНЯ КОНГРЕССА В ГААГЕ.]**

I.

Принимая во внимание,
что Базельский конгресс постановил следующий конгресс созвать в Париже;

что Генеральный Совет, вследствие невозможности созвать конгресс в Париже, в соответствии со статьей 4 общего устава, в своем постановлении от 12 июля 1870 г. решил созвать конгресс в Майнце; принимая во внимание,

что правительственные преследования как во Франции, так и в Германии, направленные против Интернационала, делают в настоящее время невозможным созыв конгресса ни в Париже, ни в Майнце;

что ст. 4 общего устава предоставляет право Генеральному Совету в случае необходимости переменить место созыва конгресса, —

Генеральный Совет созывает очередной Международный социалистический конгресс в понедельник 2 сентября 1872 г. в Гааге (Голландия).

II.

Принимая во внимание,

что вопросы, включенные в порядок дня конгресса, который должен был состояться в Майнце 5 сентября 1870 г., в настоящий момент ни в коем случае не соответствуют запросам Интернационала, запросам, неразрывно связанным с происшедшими с тех пор крупными историческими событиями;

что многие секции и федерации, принадлежащие к различным странам, предложили на ближайшем конгрессе пересмотреть общий устав и организационный регламент;

что преследования против Интернационала почти во всех странах Европы ставят перед нами задачу большего укрепления наших организаций, —

Генеральный Совет, оставляя за собою право позже опубликовать более подробную и полную программу конгресса с учетом запросов секций и федераций, ставит в порядок дня, на обсуждение Гаагского конгресса как важнейший вопрос —

пересмотр общего устава и организационного регламента.

Лондон, 18 июня 1872 г.

Печатается по черновику, написанному Ф. Энгельсом.

Напечатано в ряде органов Интернационала.

[«МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ».

НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ 1872 ГОДА.]

Предисловие.

«Союз коммунистов», международная рабочая организация, которая при тогдашних условиях, разумеется, могла быть только организацией тайной, на конгрессе, состоявшемся в ноябре 1847 г. в Лондоне, поручила нижеподписавшимся выработать предназначенную для опубликования развернутую теоретическую и практическую программу партии. Так возник нижеследующий «Манифест», рукопись которого была отправлена для напечатания в Лондон за несколько недель до февральской революции. Изданный сначала по-немецки, «Манифест» выдержал на этом языке в Германии, Англии и Америке по крайней мере двенадцать различных изданий. На английском языке он впервые появился в 1850 г. в Лондоне в «Red Republican», в переводе мисс Эллен Макфарлейн, а затем в 1871 г., по меньшей мере в трех различных переводах, — в Америке. На французском языке он в первый раз вышел в Париже незадолго до июньского восстания 1848 г. и недавно — в нью-йоркском «Le Socialiste». Подготавливается новый перевод. На польском языке он появился в Лондоне вскоре после первого немецкого издания. На русском — в Женеве в 60-х годах. На датский язык он был переведен тоже вскоре после своего выхода в свет.

Как ни сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, однако развитые в этом «Манифесте» общие основные положения остаются в целом совершенно правильными и по настоящее время. В отдельных местах следовало бы внести кое-какие исправления. Практическое применение этих основных положений, как гласит сам «Манифест», будет повсюду и всегда зависеть от существующих исторических условий, и поэтому революционным мероприятиям, выдвинутым в конце II раздела, отнюдь не придается самодовлеющего значения. В настоящее время это место следовало бы во многих отношениях изложить иначе. Ввиду громадного развития крупной промышленности за последние двадцать пять лет и сопутствующего

ему роста партийной организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала февральской революции, а потом, в еще большей мере, Парижской коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. «Der Bürgerkrieg in Frankreich. Adresse des Generalrats der Internationalen Arbeiterassoziation», deutsche Ausgabe, S. 19¹, где эта мысль развита полнее). Далее, понятно само собой, что критика социалистической литературы для настоящего времени является неполной, так как доведена только до 1847 г.; точно так же понятно, что замечания об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям (раздел IV), если в основных чертах правильны и для сегодняшнего дня, то все же в своих частностях устарели уже потому, что политическое положение совершенно изменилось и большинство перечисленных там партий стерто историческим развитием с лица земли.

Однако «Манифест» является историческим документом, изменять который мы уже не считаем себя более вправе. Быть может, следующее издание удастся снабдить введением, охватывающим промежуток от 1847 г. до наших дней; настоящее издание «Манифеста» было предпринято настолько неожиданно для нас, что у нас не было времени для этой работы.

*Карл Маркс.
Фридрих Энгельс.*

Лондон, 24 июня 1872 г.

¹ См. настоящий том, стр. 310 и сл. *Ред.*

ИНТЕРНАЦИОНАЛ В АМЕРИКЕ.

Наши читатели уже знают из наших американских корреспонденций, что в Соединенных Штатах среди членов Интернационала произошел раскол. То, что произошло за последние месяцы в Нью-Йорке, так необычно в истории Интернационала, что об этом стоит рассказать подробно. В основу нашего сообщения мы положим статью из мадридской «Emanсipación» (от 22 июня), дополняя ее фактами из имеющихся у нас подлинных документов.

Как известно, в Европе буржуазия и правительства сделали из Интернационала страшилище, которым так запугали всех благонамеренных граждан, что теперь нет уже никаких оснований опасаться, как бы буржуазные элементы не наводнили Интернационал и не отвлекли бы его от поставленных им первоначальных задач. В Америке дело обстоит совершенно иначе. Вещи, от которых буржуазия и правительства Европы бросает в жар и в холод, там воспринимаются, наоборот, как нечто весьма интересное. Обществу, выросшему на чисто буржуазной основе, без землевладельческой аристократии и без монархии, смешны ребяческие страхи европейской буржуазии, которая все еще не переросла — морально не переросла даже во Франции — монархические и дворянские розги. И поэтому чем страшнее казался Интернационал в Европе, чем чудовищнее выглядел он в изображении корреспондентов американских газет, — а никто не умеет размалевывать так ярко, как эти господа, — тем больше американцы укреплялись в убеждении, что в настоящее время на Интернационале можно нажать капитал — и денежный, и политический.

Насколько американское общество обогнало европейское, лучше всего доказывается тем, что это открытие было впервые сделано двумя американскими *дамами*, которые и попытались использовать его для выгодной аферы. Пока мужи европейской буржуазии дрожали перед Интернационалом, две женщины из среды американской буржуазии — г. Виктория Вудхулл и ее сестра Тенни Клефлин (издательницы еженедельника «Woodhull and Claflin's Weekly») — выработали план эксплуатации этого страшного общества. И их замысел чуть было не удался.

Обе сестры, миллионерши, проповедницы женской эмансипации, а в особенности «свободной любви», отважно вступили в Интернационал и образовали под руководством г-жи Клефлин секцию № 9, а под руководством г-жи Вудхулл — секцию № 12; вскоре затем возникли и другие секции в самых различных частях Америки; все они были созданы поклонниками этой парочки сестер. Согласно существующему положению, каждая секция имеет право посылать одного делегата в центральный комитет, заседающий в Нью-Йорке. И в результате Федеральный совет, состоявший первоначально из немецких, ирландских и французских рабочих, очень быстро был наводнен множеством американских буржуазных авантюристов всех мастей обоего пола. Рабочие были оттеснены на задний план; победа двух сестер, решивших спекулировать на Интернационале, казалась неизбежной. Тогда-то выступила на авансцену секция № 12 и разъяснила основателям Интернационала в Америке, в чем, собственно говоря, заключается дело.

30 августа 1871 г. секция № 12 выпустила манифест, подписанный секретарем В. Уэстом. В этом манифесте говорится: «Конечная цель Интернационала проста: освобождение рабочих и работниц путем завоевания политической власти. Это предполагает прежде всего политическое равенство и социальную свободу обоих полов. *Политическое равенство* означает личное участие каждого в подготовке, принятии и выполнении законов, которыми управляются все. *Социальная свобода* означает полную огражденность от какого бы то ни было неуместного вмешательства во все вопросы чисто личного характера, каковы, например, религиозные убеждения, *половые отношения, покррой одежды* и пр. Далее, оно включает создание *единого правительства* для всего мира. Само собой разумеется, что в программу Интернационала входит и *уничтожение всех языковых различий*».

Чтобы исключить возможность каких бы то ни было недоразумений насчет цели, о которой идет речь, манифест требует создания такой организации, при которой «в каждом избирательном округе существовала бы по возможности своя секция для содействия политической работе... В каждом городе должен существовать городской комитет соответственно существующему городскому совету; в каждом штате — областной комитет соответственно законодательным органам штата; наконец, в общенациональном масштабе — национальный комитет соответственно конгрессу Соединенных Штатов... Задача Интернационала заключается не больше, не меньше, как в создании в рамках существующих форм правления новой формы,

которая должна заменить старую». Итак, отныне призвание Интернационала состоит не в ниспровержении основ существующего государства, а в его использовании. Поистине, г. Уэст с полным правом мог провозгласить: «Издание манифеста 12-й секции явилось началом *новой эры* в истории Интернационала» («Woodhull and Claflin's Weekly» от 2 марта 1872 г.).

Чтобы обеспечить наступление этой «новой эры», нужно было прежде всего порвать цепи общего устава Интернационала и решений его конгрессов, имевших до сих пор непререкаемую силу. И, действительно, секция № 12 провозгласила («Woodhull and Claflin's Weekly» от 21 октября 1871 г.) «суверенное право каждой секции, — поскольку каждая секция ответственна за свои собственные выступления, — свободно толковать решения конгрессов, устав и постановления Генерального Совета (т. е. общий устав Товарищества)».

Вскоре дело приняло совсем плохой оборот. Вместо рабочих секций появились секции всевозможных буржуазных шарлатанов, сторонников свободной любви, спиритов, спиритствующих шэйкеров¹ и т. д. Тогда секция № 1 (немецкая), первая из возникших в Америке секций Интернационала, выпустила, наконец, воззвание, в котором подчеркнула, в противовес всему этому шарлатанству, что существо Интернационала — в его пролетарском характере. Родоначальница американских секций, секция № 12, не замедлила ответить. В «Woodhull and Claflin's Weekly» от 18 ноября 1871 г. она заявила устами своего секретаря Уэста: «Распространение гражданского равноправия на женщин должно во всем мире *предшествовать общему изменению отношений между капиталом и трудом...* Секция № 12 возражает далее против лежащей в основе всего протеста (секции № 1) неверной предпосылки, будто Международное Товарищество Рабочих есть *организация рабочего класса*». 25 ноября появился еще один протест секции № 12, в котором было сказано: «Утверждение (общего устава), что рабочий класс может освободить себя только сам, правильно, но лишь в том смысле, что *рабочий класс не может быть освобожден против его собственной воли*».

Дело дошло, наконец, до открытой войны между сторонникам использования государственной власти, искателями теплых местечек, жрецами свободной любви, спиритами и прочими буржуазными шарлатанами, с одной стороны, и рабочими, с другой, простодушно пола-

¹ *Шэйкеры* (shakers), или «трясущиеся» — религиозная секта в Северной Америке, основанная Анной Ли во второй половине XVIII столетия. *Ред.*

жавшими, что Международное Товарищество Рабочих является и в Америке организацией пролетарской, а не буржуазной. Немецкая секция № 1 потребовала от центрального комитета исключения 12-й секции, а также всех секций, не состоящих, по крайней мере, на две трети из наемных рабочих. Это требование вызвало раскол в центральном комитете; часть немцев, ирландцы и несколько французов поддержали 1-ю секцию; американцы же, а также большинство французских и две немецкие (швейцарские) секции образовали новый центральный комитет.

Старый комитет (мы будем его называть комитетом № 1) выпустил 4 декабря циркуляр, в котором создавшееся положение изображалось так: «В центральном комитете, который должен был бы служить плотиной против всякого реформистского шарлатанства, под конец образовалось большинство из почти уже забытых ныне реформаторов и народных благодетелей; люди, проповедующие евангелие свободной любви, сидели в нем рядом с людьми, желающими осчастливить мир универсальным языком; дельцы сельскохозяйственной кооперации, духовидцы, атеисты и деисты — каждый старался оседлать своего конька. Особенно отличалась в этом отношении секция № 12 (Вудхулл)... Основное, что нужно предпринять в интересах нашего движения, это — организовать рабочих, развивая одновременно революционные возможности, заложенные в противоположности интересов труда и капитала... Делегаты секций 1, 4, 5, 7, 8, 11, 16, 21, 23, 24, 25 и др., убедившись в бесплодности всех попыток положить конец этому безобразию, постановили: после роспуска старого центрального комитета на неопределенный срок (3 декабря 1871 г.) основать новый комитет, *состоящий из подлинных рабочих*».

Между тем, центральный комитет № 2 (Вудхулл) также продолжал функционировать; он был переполнен множеством делегатов якобы от новых секций, основанных, главным образом, секциями №№ 9 и 12; многие из этих новых секций были настолько слабы, что у них не было даже достаточного количества членов для замещения необходимейших должностей (секретаря, казначея и т. д.).

Оба комитета апеллировали к лондонскому Генеральному Совету. Некоторые секции (например, французская № 10 и все ирландские) в ожидании решения Генерального Совета порвали связь с обоими комитетами.

5 и 12 марта Генеральный Совет принял решения, уже опубликованные в «Volksstaat» (37). Он распустил секцию № 12, советовал обоим комитетам объединиться впредь до американского конгресса, который решит вопрос по существу, и рекомендовал на будущее

время отказывать в приеме всем секциям, не состоящим, по крайней мере, на две трети из наемных рабочих. Несмотря на то, что по вполне понятным причинам этим решениям Генерального Совета была придана форма, главным образом, советов, а не обязательных директив, — они имели решающее значение для судьбы Интернационала в Америке. Признав по существу правоту комитета № 1, они сделали невозможным для буржуа из комитета № 2 эксплуатировать в дальнейшем имя Интернационала для своих личных целей.

С первых же дней раскола комитет № 2 вопреки резолюции № 17 Лондонской конференции, требовавшей, чтобы все внутренние дела Товарищества обсуждались только внутри секций и федераций, а никак не публично, — стал приглашать на все свои заседания репортеров нью-йоркской прессы и тем самым позаботился, чтобы все это дело было вынесено на суд буржуазных газет самой дурной репутации. То же самое произошло и теперь, когда комитет № 2, убедившись в невозможности обмануть Генеральный Совет, ополчился против него. Самым грязным нью-йоркским газеткам, вроде «Herald» и т. п., была дана возможность представлять все дело в виде склоки между немцами и французами, между коммунистами и социалистами и т. п. Враги пролетариата в Нью-Йорке уже ликовали по поводу мнимого развала Интернационала в Америке.

При этом комитет № 2 все время старался убедить широкую публику, что Интернационал — не рабочая, а буржуазная организация. Еще 16 декабря 1871 г. орган комитета «Woodhull and Claflin's Weekly» писал: «Нашему комитету нет надобности доказывать, что две трети или еще какая-то там часть данной секции состоит из наемных рабов, словно быть свободным, это — преступление». 4 мая 1872 г. он снова заявляет: «В своем декрете Генеральный Совет не стесняется рекомендовать, чтобы впредь в ряды Интернационала в Америке не допускалась ни одна секция, не состоящая хотя бы на две трети из наемных рабов. Не должны ли члены секций быть и политическими рабами? Одно стоит другого. Проникновения «жуликоватых реформаторов и филантропов, буржуазных шарлатанов и политических аферистов» следует больше всего опасаться как раз тому классу граждан, который не имеет других средств к существованию, кроме платы за свой рабский труд».

Пожалуй, комитету № 2 дальше этого идти было уж некуда. Оказывается, величайшей глупостью было считать Международное Товарищество Рабочих объединением пролетариев; больше того, оно может достигнуть своей цели, только исключив или, по крайней мере, взяв под подозрение всех рабочих, всех наемных рабов.

Какова же в таком случае цель Международного Товарищества Рабочих (без рабочих) в Америке? На этот вопрос мы получили теперь ясный ответ.

Приближались выборы нового президента Соединенных Штатов.

Неизбежная дамская газета «Woodhull and Claflin's Weekly» опубликовала 2 марта 1872 г. статью под заглавием «Предстоящее объединенное собрание», в которой говорится: «Представители различных реформаторских элементов страны обсуждают сейчас предложение о созыве в мае месяце большого общего собрания... В самом деле, если это собрание будет действовать умно, кто знает, не появятся ли на свет божий остатки покойной демократической (т. е. настроенной в пользу рабства) партии и не примут ли они участия в его работах... Необходимо, чтобы на собрании были представлены все *радикалы*», и т. д.

Та же газета из недели в неделю публикует воззвания ко всем друзьям человечества, «к сторонникам реформ в области труда, землевладения и международных отношений, к умеренным реформаторам, интернационалистам, феминистам и вообще ко всем тем, кто считает, что настало время осуществить принципы истинной морали и религии (!)». Эти воззвания подписываются на первом месте Викторией Вудхулл, а затем — Т. Г. Бенксом, Р. В. Юмом, Р. Г. Алленом, В. Уэстом, Г. В. Меддосом, Т. Миллотом, — словом, главными воротилами комитета № 2. Во всех этих воззваниях прямо указывается, что делегатским собранием будут намечены кандидаты на посты президента и вице-президента Соединенных Штатов.

Это из ряда вон выходящее делегатское собрание состоялось, наконец, 9, 10 и 11 мая в «Apollo-Halle» в Нью-Йорке. Все сумасброды мужского и женского пола, какие только есть в Америке, явились на это собрание. Комитет № 2 присутствовал целиком. *Кандидатом на пост президента Соединенных Штатов от имени Интернационала была выставлена г-жа Виктория Вудхулл.*

Громкий хохот всей Америки был ответом на это избрание. Конечно, это не смутило американских спекулянтов, рассчитывавших поживиться на этой афере. Но иначе реагировали немцы и французы, давшие вовлечь себя в это дело. Секция № 2 (французская) отозвала своего делегата из комитета № 2 и подчинилась решениям Генерального Совета. Секция № 6 (немецкая) также отозвала из комитета № 2 своего делегата, д-ра Гроссе, бывшего одно время личным секретарем берлинского Швейцера, и вышла из комитета № 2 впредь до его подчинения решениям Генерального Совета. 20 мая из комитета вышло еще восемь секций (французы и немцы), так что теперь он

представляет только те сомнительные американские элементы, которые еще и до своего вступления в Интернационал фактически составляли одно целое, — мы имеем в виду мадам Викторию Вудхулл и ее поклонников. В настоящее время они заявляют, что хотят создать свой особый исключительно американский Интернационал; это они, разумеется, вольны сделать.

Тем временем Генеральный Совет объявил, в ответ на запрос немецкой секции из Сен-Луи и французской из Нового Орлеана, что он признает только комитет № 1 (в настоящее время — Временный федеральный совет Соединенных Штатов). Так закончился поход мадам Виктории Вудхулл на завоевание Интернационала.

«Емансипацион» прибавляет к этому: «Всякий беспристрастный человек не может перед лицом этих фактов не спросить себя: когда и как окончился бы этот скандал, если бы не существовало Генерального Совета, имеющего полномочия охранять основные принципы Интернационала и распускать секции и федерации, которые пытаются превратить Товарищество в орудие своих политических или личных целей?»

Написано Ф. Энгельсом¹.

*Напечатано в «Der Volksstaat»
от 17 июля 1872 г.*

6

¹ Об авторстве Энгельса см. его письмо А. Гепнеру 9 июля 1872 г. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXVI, стр. 273. *Ред.*

К БАСТУЮЩИМ ГОРНОРАБОЧИМ РУРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Германская буржуазная пресса предлагает вам отказаться от ваших требований 8-часового рабочего дня и 25-процентного повышения заработной платы и приступить к работе, для того чтобы германская промышленность не была вынуждена ввозить для себя уголь из Англии и таким образом германские деньги не уплывали бы за границу вместо того, чтобы оплачивать труд немецких рабочих.

Буржуа вопят об этом всякий раз, как только рабочие выступают самостоятельно и пытаются добиться выполнения какого-либо требования. В Англии, где эту старую песню тянут уже около сорока лет, на нее никто больше не обращает внимания. Но в данном случае не бесполезно будет привести доказательства, что буржуазная пресса сознательно пытается обмануть вас, изображая дело так, будто горнопромышленникам и фабрикантам стоит лишь написать в Англию, чтобы получить столько угля, сколько они пожелают.

В Англии потребление угля с 1869 г. возросло до небывалых размеров благодаря наступившему с тех пор общему подъему английской промышленности, увеличению числа фабрик, возросшему потреблению железных дорог, стремительному росту морского пароходства, главным же образом благодаря колоссальному расширению металлургической промышленности, далеко превзошедшему за последние три года все предыдущие периоды процветания. «Одной из главных причин нынешнего вздорожания угля, — говорит по этому поводу либеральная буржуазная газета «Daily News» (в номере от 12 июля с. г.), — является неожиданный и беспрецедентный подъем металлургической промышленности. Север Англии поставляет приблизительно четвертую часть всего добываемого в стране угля. Большая часть его идет в Лондон, в южную и восточную Англию; очень много угля потребляется также пароходами; но недавнее развитие доменных печей в Кливленде (совсем близко от угольных копей) неожиданно создало местный спрос на уголь. Этот рост промышленной отрасли, потребляющей в настоящее время не менее *пяти-шести*

миллионов тонн¹ ежегодно, вызвал, само собой разумеется, огромный рост добычи угля. К этому присоединилось быстрое развитие района гематитовой железной руды на западном берегу. Доменные печи Кемберленда и Ланкашира получают свое топливо почти исключительно из дэргемского угольного бассейна и потребляют, по скромному расчету, *полтора миллиона тонн* в год. Для строящихся новых домен только в северной Англии потребуется *три четверти миллиона тонн* ежегодно. К этому следует прибавить новые железопрокатные заводы и новые домны на западном берегу. Нет поэтому ничего странного в том, что топливный вопрос для всего севера Англии скоро стал вопросом жизни и смерти и цены на уголь, естественно, быстро поднялись. В Южном Стеффордшире, Шотландии, Южном Уэльсе, Дербишире, Западном Йоркшире и других областях те же причины вызвали рост цен на уголь».

При таких обстоятельствах английские горнорабочие поступали так же, как и вы: они требовали повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Английские владельцы угольных копей, всегда превосходившие своих германских конкурентов благоразумием и жизненным опытом, не оказали серьезного сопротивления и удовлетворили все требования. Послушайте, что дальше рассказывает «Daily News»: «Время от времени заработная плата повышалась... Горняки требовали затем систематического сокращения рабочего дня. Специалисты к тому же утверждают, что в настоящее время рабочий добывает всего три пятых того количества угля, которое добывал раньше, когда дела были хуже, а заработная плата ниже. Можно бы поэтому нанять больше рабочих; но их в нужный момент нельзя найти. Правда, привезли много рабочих из сельскохозяйственных округов; но углекопам требуется длительный срок обучения, и улучшение может, следовательно, наступить лишь медленно и постепенно. В настоящий момент рабочие добились в некоторых районах ограничения рабочего времени *восемью часами в день*; в то же время *заработная плата повсюду так быстро растет*, что, повидимому, нет другого выхода, как повышать цены на уголь».

К этому присоединяется еще одно обстоятельство. *Верхние угольные пласты почти по всей Англии истощены*, и шахты приходится закладывать на все большей глубине. Послушайте дальше статью «Daily News»: «Самые лучшие пласты этих ценных угольных залежей в Южном Стеффордшире хищнически использованы.

¹ Английская тонна почти в точности равна 2 тыс. таможенных фунтов или 1 тыс. килограммов.

Во многих местах этого некогда богатого углем месторождения копи истощены, и отвалы все чаще снова превращаются в пашни и пастбища, хотя еще тысячи моргенов (отвалов) пустуют. Между тем ресурсы округа еще не исчерпаны. Вокруг старых угольных разработок закладываются более глубокие шахты... Но положение дел таково, что добывать уголь даже при новейших приспособлениях становится все дороже; к тому же копи расположены далеко от заводов... То, что мы сказали о Южном Стефффордшире, относится и ко многим другим районам. Уголь приходится добывать на все большей глубине и все дальше перевозить к месту назначения».

В результате цены на уголь при условии приемки на месте, по словам «Daily News», «возросли вдвое», и наступил *настоящий угольный голод*, который стоит в центре внимания всей страны. Другой журнал, главный экономический орган английских капиталистов, «Economist», в номере от 13 июля говорит: «С начала этого года цены на уголь непрерывно росли, и в настоящее время они на 60—100% выше, чем год тому назад... менее чем в одну-две недели цена может подняться больше чем на 100%; при этом нет ни одного серьезного признака, что это не будет продолжаться и дальше. Экспорт угля в июне текущего года составлял 1 108 000 тонн, или на 4% больше, чем в июне прошлого года, но стоил он 758 000 фунтов стерлингов, или на 53% дороже. В этом году цена вывезенного в июне угля была в среднем равна 13 шиллингам 9 пенсам (или 4 талерам 17½ грошам) за тонну, а в прошлом году — 9 шиллингам 4 пенсам (или 3 талерам 3½ грошам)». Третья буржуазная газета «Spectator» (от 20 июля) равным образом отмечает, что в Лондоне цена на хороший уголь для жилых помещений поднялась с 23 шиллингов, или 7 талеров 20 грошей, до 35 шиллингов, или 11 талеров 20 грошей.

На основании этих фактов вы можете убедиться, как обстоит дело с угрозой горнопромышленников и фабрикантов получать уголь из Англии. *Г-н Альфред Крупп может издавать сколько угодно распоряжений, но за английский уголь ему придется платить дороже, чем за рурский, и еще большой вопрос, получит ли он его вообще.*

Будучи секретарем Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих для Германии, я считал своей обязанностью довести эти факты до вашего сведения.

Лондон, 21 июля 1872 г.

Карл Маркс.

Напечатано в «Volkstaat» от 27 июля
1872 г.

[О БАКУНИСТСКОМ «АЛЬЯНСЕ»]

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ

Лондон, 8 августа 1872 г.

Испанским секциям Международного Товарищества Рабочих.

Ввиду интриг, введущихся против Международного Товарищества Рабочих членами тайного общества Альянс, Исполнительный комитет Генерального Совета на своем заседании от 24 июля 1872 г. поручил гражданину Ф. Энгельсу, секретарю для Испании, обратиться к Испанскому федеральному совету в Валенсии со следующим письмом¹:

Испанскому федеральному совету.

Граждане!

У нас имеются доказательства, что внутри Интернационала, в частности в Испании, существует тайное общество, называющее себя Альянсом социалистической демократии. Это общество, центр которого находится в Швейцарии, поставило перед собой специальную задачу навязать нашему великому Товариществу такую линию, которая соответствовала бы специфическим стремлениям Альянса, и вести Товарищество к цели, неизвестной подавляющему большинству членов Интернационала. Более того, нам известно из севильской «La Razon», что по меньшей мере три члена вашего Совета принадлежат к Альянсу.

Когда это общество организовалось в 1868 г. как открытое общество, Генеральный Совет нашел необходимым отказать ему в приеме в Интернационал, пока оно не перестанет носить характер международной организации, ибо оно претендовало на то, чтобы быть вторым международным объединением, действующим как внутри, так и вне Международного Товарищества Рабочих. Альянс

¹ Введение написано К. Марсом. *Ред.*

был допущен в Интернационал только после того, как он обязался ограничиться ролью простой местной секции в Женеве (см. негласный циркуляр Генерального Совета о мнимых расколах и т. д., стр. 7 и сл.). [Стр. 396—399 настоящего тома.]

Если характер и организация этого общества противоречили духу и букве нашего устава уже тогда, когда оно было еще публичным и открытым, то его тайное существование внутри Интернационала, вопреки данному им слову, равносильно прямой измене нашему Товариществу. Интернационал знает лишь один род членов, с равными правами и обязанностями для всех; Альянс делит их на два разряда, на посвященных и непосвященных, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, о самом существовании которой руководимые не знают. От своих членов Интернационал требует, чтобы они признавали основой своего поведения истину, справедливость и мораль; Альянс требует от своих сторонников в качестве их первого долга, чтобы они обманывали непосвященных членов Интернационала, скрывая от них существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и своих действий. Генеральный Совет уже заявил в своем негласном циркуляре, что он потребует на ближайшем конгрессе расследования деятельности этого Альянса, составившего настоящий заговор против Интернационала. Генеральному Совету известно также, какие меры были приняты Испанским федеральным советом по настоянию членов Альянса в интересах их общества. Генеральный Совет решил положить конец этим тайным проискам. С этой целью он требует от вас следующих сведений для докладной записки об Альянсе, которую он должен будет представить Гаагскому конгрессу:

1) список всех членов Альянса в Испании с указанием обязанностей, выполняемых ими в Интернационале;

2) проведение вами расследования о характере и деятельности Альянса в Испании, а также относительно его организации и филиалов за пределами этой страны;

3) экземпляр вашего негласного циркуляра от 7 июля 1872 г.

Кроме того, от вас требуются:

4) объяснения по поводу того, как вы считаете возможным совместить выполнение своих обязанностей по отношению к Интернационалу с наличием в составе вашего Совета по меньшей мере трех явных членов Альянса.

В случае неполучения немедленно же определенного удовлетворяющего нас ответа Генеральный Совет вынужден будет открыто

объявить как в Испании, так и за ее пределами, что вы нарушили дух и букву общего устава и изменили Интернационалу в интересах тайного общества, не только чуждого, но и враждебного ему.

С братским приветом

по поручению Генерального Совета

Секретарь для Испании

Фридрих Энгельс.

Лондон, 24 июля 1872 г.
33, Rathbone Place, W.

Испанский федеральный совет в письме, датированном Валенсия 1 августа, и полученном в Лондоне 5 августа, ответил на запросы Генерального Совета следующее:

«Товарищи! Мы получили ваше последнее, написанное по-французски письмо, но не смогли ознакомиться с его содержанием, так как нашего обычного переводчика нет в Валенсии. Мы направили письмо другому товарищу с просьбой срочно перевести его, чтобы мы могли на него ответить».

Исполнительный комитет Генерального Совета на заседании 8 августа 1872 г. решил, что еще до получения сведений, запрошенных у Испанского федерального совета, необходимо опубликовать настоящее письмо, чтобы побудить все испанские федерации и секции произвести расследование относительно существования, действий и целей тайного общества «Альянс».

Исполнительный комитет Генерального Совета:

Лео Франкель — секретарь-корреспондент для Австрии и Венгрии; *Дж. П. Мак-Доннелль* — для Ирландии; *Ф. Энгельс* — для Испании и Италии; *О. Серрайе* — для Франции; *Ле Муссю* — для Америки; *Герман Юнг* — для Швейцарии; *Карл Маркс* — для Германии и России.

Председатель заседания — *Валерий Врублевский*,
секретарь для Польши.

Секретарь заседания — *Ф. Курне*, секретарь
для Голландии.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «La Emancipación»
от 17 августа 1872 г.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ¹.

Граждане!

Генеральный Совет считает себя вынужденным публично заявить вам, что внутри Интернационала в течение уже нескольких лет ведутся интриги, о существовании которых большинство из вас и не подозревает.

В нашем негласном циркуляре от 5 марта 1872 г. о «Мнимых расколах в Интернационале» нам уже приходилось указывать на происки сектантов из так называемого «Альянса социалистической демократии», происки, цель которых — сеять раздоры в наших рядах и тайно добиваться передачи высшего руководства нашим Товариществом клике, которая сама находится под руководством Михаила Бакунина.

Альянс социалистической демократии при своем возникновении опубликовал, как вам известно, устав, который, если бы мы его утвердили, обеспечил бы Альянсу двойное существование внутри и вне Интернационала одновременно. В самом деле, у Альянса были бы свои собственные секции, федерации и конгрессы наряду с секциями, федерациями и конгрессами Интернационала, составной частью которого он в то же время претендовал быть. Он ставил себе целью заменить наш общий устав специфической программой М. Бакунина и навязать нашему Товариществу его личную диктатуру.

Генеральный Совет в своем циркуляре от 22 декабря 1868 г. отклонил эти притязания. Он согласился принять Альянс социалистической демократии в Интернационал лишь при том условии, если Альянс перестанет быть международным объединением, распустил свою организацию и его секции войдут в Интернационал на

¹ Этот проект обращения Генерального Совета ко всем членам Международного Товарищества Рабочих был написан Энгельсом 4—5 августа, но большинство Генерального Совета высказалось против его опубликования (на заседании от 6 августа за опубликование голосовало 8, против — 12). *Ред.*

правах простых местных секций. Эти условия формально были приняты Альянсом. Но из его так называемых секций только центральная Женевская секция вошла в наше Товарищество. Другие секции остались тайной для Генерального Совета, который должен был полагать, что их просто не существует.

И вот теперь, три с лишком года спустя, в наших руках оказались документы, неоспоримо доказывающие, что Альянс социалистической демократии, вопреки своему формальному обязательству, все время продолжал и продолжает существовать как международное объединение внутри Интернационала, и притом в виде тайного общества; что и теперь им руководит М. Бакунин; что цель его осталась прежней и что все нападки, направленные за последний год якобы против Лондонской конференции и Генерального Совета, а в действительности против всей нашей организации в целом, исходят от Альянса. Те самые люди, которые обвиняют Генеральный Совет в «авторитарности», не будучи в состоянии указать ни единого авторитарного акта с его стороны, которые при всяком удобном случае твердят об «автономии секций», о «свободной федерации групп», которые упрекают Генеральный Совет в желании навязать Интернационалу «свою официальную и ортодоксальную доктрину» и превратить Интернационал в товарищество с «иерархической» организацией, — эти люди на деле сами организованы в тайное общество, построенное «иерархически», в котором господствуют порядки не только авторитарные, но и в полном смысле слова диктаторские; эти люди попирают ногами всякую автономию секций и федераций; они стараются навязать Интернационалу, при помощи этой тайной организации, личную и правоверную доктрину М. Бакунина. Требуя от Интернационала, чтобы он строился «снизу вверх», сами они как члены Альянса покорно повинуются команде, подаваемой «сверху вниз».

Нет надобности доказывать, что существование подобного тайного общества внутри Интернационала является явным нарушением нашего общего устава. Наш устав знает только один род членов Интернационала, с равными правами и обязанностями для всех; Альянс делит их на два разряда, на посвященных и непосвященных, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, о самом существовании которой они не знают. От своих членов Интернационал требует, чтобы они признавали основой своего поведения истину, справедливость и мораль; Альянс вменяет своим сторонникам в качестве первой обязанности прежде всего ложь, притворство и обман, предписывая им обманывать

непосвященных членов Интернационала, скрывая от них существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и действий. Программа Интернационала изложена в его уставе и всем известна; программа Альянса никогда не была провозглашена открыто и до сих пор все еще остается неизвестной.

Ядром Альянса является Юрская федерация; от нее исходят лозунги, которые тотчас же подхватываются и повторяются другими секциями и газетами, состоящими на службе у тайной организации. В Италии некоторое количество обществ находится под руководством Альянса. Эти общества называют себя секциями Интернационала, хотя они никогда не просили о своем приеме в Интернационал, не платили членских взносов и не выполняли ни одного из прочих условий, установленных нашим регламентом. В Бельгии Альянс имеет нескольких достаточно влиятельных агентов. На юге Франции у него есть свои корреспонденты; некоторые из них совмещают эти обязанности с обязанностями секретарей в полицейском управлении. Но наиболее крепкую организацию Альянс имеет в Испании, где у него всего больше разветвлений. Незаметно проскользнув с самого начала в ряды Интернационала, он там почти всегда умел захватывать руководство последовательно сменявшимися друг друга федеральными советами и конгрессами. Даже наиболее преданных членов Интернационала в Испании сумели уверить в том, что эта тайная организация существует внутри нашего Товарищества повсюду и что вступать в нее чуть ли не обязательно. Это заблуждение было разрушено Лондонской конференцией, на которой испанский делегат, он же член Альянса, смог убедиться в противном, а также той ложью и бешеными атаками, с которыми верные сподвижники Бакунина немедленно же, по его повелению, набросились на Конференцию и на Генеральный Совет. После продолжительной борьбы внутри Альянса те из его членов в Испании, для которых Интернационал оказался дороже, чем Альянс, вышли из состава Альянса. Они тотчас же подверглись самым яростным оскорблениям и нападкам со стороны тех, кто остался верен тайному обществу. Дважды их исключали из местной Мадридской федерации, что было явным нарушением существующего регламента. Когда они захотели организоваться в «Новую мадридскую федерацию», Федеральный совет не разрешил им этого и отослал обратно посланные ему членские взносы. Здесь нужно сказать, что относительно пятерых из восьми членов Федерального совета нам известно, что они являются членами Альянса (Висенте Россель, Перегрин Монторо, Северино Альбаррасин, Франциско Томас и Франс Мартинес); возможно даже, что

это относится и к другим. Таким образом, секции и местные федерации Испании, столь гордые своей автономией, сами того не подозревая, повинуются, как стадо баранов, тайным приказам, которые идут из Швейцарии и которые Федеральный совет должен слепо выполнять под страхом впасть у Альянса в немилость.

Чтобы обеспечить избрание членов Альянса делегатами на Гаагский конгресс, Испанский федеральный совет разослал секциям и местным федерациям негласный циркуляр от 7 июля, в котором он требует внеочередных взносов для покрытия издержек делегатов на конгресс и авторитарно предписывает им избирать этих делегатов по общему для всей Испании списку и, таким образом, поручить Федеральному совету произвести подсчет голосов. Этот способ выборов должен был обеспечить успех кандидатов Альянса. Больше того, Федеральный совет сообщает, что им будет составлен общий императивный мандат, которому эти делегаты должны подчиниться. Как только мы узнали об этом проекте — послать на конгресс делегатов Альянса на средства членов Интернационала — и получили доказательства того, что Испанский федеральный совет принимает участие в происках тайного общества, мы 24 июля потребовали у него:

1) сообщить нам список всех членов Альянса в Испании, с указанием обязанностей, выполняемых ими в Интернационале;

2) произвести расследование относительно характера и деятельности Альянса в Испании, а также относительно организации его и его филиалов за пределами этой страны;

3) прислать нам один экземпляр негласного циркуляра от 7 июля;

4) дать нам объяснения по поводу того, каким образом он сочетает выполнение своих обязанностей по отношению к Интернационалу с наличием в своем составе по меньшей мере трех явных членов Альянса;

5) категорически потребовали дать немедленный ответ.

Мы должны были получить этот ответ самое позднее 1 августа. Но лишь 5 августа мы получили письмо, помеченное «Валенсия, 1 августа» (почтовый штемпель неразборчив), сообщавшее, что ответ задерживается из-за того, что члены Совета якобы не поняли нашего письма, написанного по-французски, и требуется время для его перевода. Этот же Совет в письме от 15 июня просил нас присылать наши издания по возможности на французском языке, потому что с этим языком они (члены Совета) несколько знакомы. Стало быть, предлог ложный: попросту хотят заставить нас потерять драгоценное время.

Мы вынуждены поэтому заявить всем членам Товарищества и в особенности испанским членам Интернационала, что Испанский федеральный совет *изменил Международному Товариществу Рабочих*. Вместо того чтобы действовать, строго придерживаясь мандата, врученного ему испанскими членами Интернационала, он становится органом общества не только чуждого, но и враждебного Интернационалу. Вместо того чтобы следовать общему уставу и организационному регламенту и резолюциям общих и испанских конгрессов, он повинуетя тайным приказам, исходящим от М. Бакунина. Самое существование Федерального совета, состоящего в большинстве своем из членов тайного общества, чуждого нашему Товариществу, есть явное нарушение общего устава.

Вот, граждане, те факты, о которых следует поставить вас в известность до выборов делегатов на конгресс. Впервые в истории борьбы рабочего класса мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, имеющим целью взорвать не современный эксплуататорский строй, а то Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу. Это заговор, направленный против самого пролетарского движения. Поэтому повсюду, где мы сталкиваемся с ним, мы видим, что он проповедует расслабляющую доктрину полнейшего воздержания от всякого политического действия. В то время как обыкновенные, непосвященные в этот заговор члены Интернационала подвергаются преследованиям и арестам почти во всех странах Европы, ретивые члены Альянса пользуются совершенно исключительной неприкосновенностью.

Граждане, вы стоите перед выбором. На карту поставлена в настоящий момент не автономия секций, не свободная федерация групп, не организация «снизу вверх» и не какая-либо другая столь же претенциозная и звонкая фраза. Вопрос в настоящий момент сводится к следующему: желаете ли вы, чтобы наши центральные органы состояли из людей, которые не признают иных мандатов, кроме ваших, или вы желаете, чтобы они состояли из людей, избранных при помощи хитрости, людей, которые принимают ваш мандат лишь для того, чтобы вести вас, как стадо баранов, сообразуясь с секретными инструкциями, исходящими от некоей таинственной личности в Швейцарии?

Разоблачить существование этого тайного общества обманщиков — значит лишить его силы. Люди Альянса не настолько глупы, чтобы предположить, что широкие массы членов Интернационала сознательно подчинятся подобной организации, когда им станет известно о существовании Альянса. Не может быть ничего общего

между обманщиками и теми, кого они хотят обмануть, — между Альянсом и Интернационалом.

Кроме того, нужно раз навсегда положить конец внутренним распрям, которые постоянно возникают в нашем Товариществе из-за наличия в его среде этой паразитической организации. Эти распри только расточают силы, предназначенные для борьбы против существующего буржуазного строя. Альянс, пытаясь парализовать действия Интернационала, направленные против врагов рабочего класса, превосходно служит буржуазии и правительствам.

Исходя из этого, Генеральный Совет потребует от Гаагского конгресса исключения из Интернационала всех членов Альянса и предоставления Совету необходимых полномочий для предотвращения в дальнейшем подобных заговоров.

[Август 1872 г.]

Генеральный Совет.

*Дается по тексту
хранящейся в ИМЭЛ рукописи,
написанной рукой Энгельса.*

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ НОВОЙ МАДРИДСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Исполнительный комитет, на которого Генеральным Советом временно возложено выполнение всех организационных функций Товарищества,

принимая во внимание письмо Новой мадридской федерации от 5 августа с просьбой о признании ее Генеральным Советом;

принимая во внимание резолюции Испанского федерального совета от 16 июля, отказавшего допустить в Интернационал указанную федерацию;

учитывая, что и с формальной стороны было бы нелепостью присоединяться в этом вопросе к точке зрения Федерального совета, состоящего в большинстве своем из членов враждебного Интернационалу тайного общества, против которого Генеральный Совет собирается выступить на конгрессе;

учитывая, что по существу учредители Новой мадридской федерации это именно те люди, которые первыми в Испании имели смелость отмежеваться от этого тайного общества, именуемого Альянсом социалистической демократии, разоблачить и расстроить его махинации, —

¹ Новая мадридская федерация опубликовала в «La Emancipación» от 24 августа 1872 г. это письмо Генерального Совета, снабдив его следующим введением:

НОВАЯ МАДРИДСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ.

Местным федерациям Испании.

Новая мадридская федерация, ссылаясь на то, что ее к этому вынуждает тяжелое и исключительное положение, в которое ее поставило бешенство врагов, опираясь на пункты 5 и 6 постановления Базельского конгресса по организационным вопросам, заявляя о решимости и впредь высоко держать славное знамя Интернационала, чьим принципам и уставу она была и остается верна, — Новая мадридская федерация обратилась к Генеральному Совету нашего Товарищества с просьбой о признании ее в качестве вновь образовавшейся секции. Генеральный Совет ответил следующее: [далее идет напечатанный здесь текст письма Генерального Совета].

исходя из вышеизложенных соображений, Исполнительный комитет постановил признать от имени Генерального Совета Новую мадридскую федерацию и войти в регулярные и непосредственные отношения с нею.

От имени Исполнительного комитета
Секретарь по испанским делам

Фридрих Энгельс.

Лондон, 15 августа 1872 г.

*Напечатано в «La Emancipación»
от 24 августа 1872 г.*

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПЯТОМУ ЕЖЕГОДНОМУ КОНГРЕССУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, ЗАСЕДАВШЕМУ В ГААГЕ ОТ 2 ДО 7 СЕНТЯБРЯ 1872 г.

Граждане!

Со времени нашего последнего конгресса в Базеле две великие войны — война франко-германская и гражданская война во Франции — изменили лицо Европы. Этим двум войнам предшествовала, им сопутствовала и после их окончания продолжается третья война — война против Международного Товарищества Рабочих.

Когда империя потребовала, чтобы Франция осветила ее существование новым плебисцитом¹, члены парижской секции Интернационала открыто и ясно сказали французскому народу, что голосовать за плебисцит — значит голосовать за деспотизм внутри Франции и за внешнюю войну. Накануне плебисцита 23 апреля 1870 г. они были арестованы под тем предлогом, что участвуют в заговоре, который будто бы был организован с целью убийства Луи-Наполеона. Одновременно последовали аресты членов Интернационала в Лионе, Руане, Марселе, Бресте и в других городах. В своем заявлении от 3 мая 1870 г. Генеральный Совет говорил: «Данный заговор займет достойное место в ряду двух предшествующих ему заговоров, о которых никто не вспоминает без смеха. Преследования, которым подвергаются наши французские секции, очевидно, представляют собой не что иное, как маневры, связанные с политикой плебисцита».

И на самом деле, из документов, опубликованных после падения декабрьского правительства его преемниками, видно, что этот заговор был состряпан самой же бонапартистской полицией и что в одном секретном циркуляре, разосланном за несколько дней до плебисцита, Оливье прямо предписывал своим агентам: «Руководители Интернационала должны быть арестованы, иначе плебисцит благополучно не пройдет». — По окончании этой коме-

¹ Эта часть фразы, имеющаяся в текстах «L'Internationale» и «La République française», в немецком и английском текстах опущена. *Ред.*

дни плебисцита, 3 июля, члены Парижского федерального совета были, правда, осуждены судьями Луи Бонапарта, но все же только за их принадлежность к Интернационалу, а не за участие в мнимом заговоре. Таким образом, самую пагубную из войн, которая когда-либо выпадала на долю Франции, бонапартистское правительство сочло нужным начать предварительным походом против французских секций Международного Товарищества Рабочих. Не следует забывать, что французский рабочий класс, как один человек, восстал против плебисцита. Не следует также забывать и то, что «биржи, кабинеты держав, господствующие классы и печать всей Европы торжествовали победу плебисцита как блестящую победу французского императора над французским рабочим классом» (Воззвание Генерального Совета о франко-прусской войне от 23 июля 1870 г.).

Через несколько недель после плебисцита, когда имперская пресса начала разжигать во французском народе воинственный пыл, парижские члены Интернационала, невзирая на правительственные преследования, выпустили 12 июля «Воззвание к рабочим всех наций», в котором затевавшуюся войну они называли «преступным безумием», а «своим братьям в Германии» говорили: «Вражда между нами... имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна»; «Мы, члены Международного Товарищества Рабочих,—заявляли они,— для которых не существует никаких государственных границ». Этот призыв встретил восторженный отклик в Германии, и поэтому в своем воззвании от 23 июля 1870 г. Генеральный Совет мог с полным правом сказать: «В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу друг с другом, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории... показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет—*мир*, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин—*труд*! Предвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих». (Воззвание от 23 июля 1870 г.)

До провозглашения республики члены Федерального совета находились в тюрьме. Остальных же членов Товарищества повседневно всенародно клеймили как прусских шпионов.

Когда, капитулировав при Седане, Вторая империя закончилась, — точно так же как она в свое время и началась, — пародией, франко-

германская война вступила во вторую свою стадию. Она превратилась в войну против французского народа. После всех неоднократных торжественных заявлений Пруссии, что она взялась за оружие только для обороны от нападения чужеземцев, она сбросила теперь маску и провозгласила завоевательную войну. С этого момента она была вынуждена бороться не только против французской республики, но одновременно и против Интернационала в Германии. Ход этой борьбы мы здесь можем изложить только в общих чертах. Вслед за объявлением войны большая часть территории Северогерманского союза (Ганновер, Ольденбург, Бремен, Гамбург, Брауншвейг, Шлезвиг-Гольштиния, Мекленбург, Померания и провинция Пруссии) была объявлена на осадном положении и отдана на произвол генерала Фогель фон Фалькенштейна. Это осадное положение, объявленное как мера обороны от угрожающего вторжения извне, тотчас же превратилось в военное положение против немецких сторонников Интернационала. На другой же день после провозглашения республики в Париже Брауншвейгский центральный комитет социал-демократической рабочей партии, которая образует секцию Интернационала с учетом местных законов страны, выпустил свой манифест от 5 сентября. Этот манифест призывал рабочих со всей решительностью выступить против расчленения Франции, требовать мира почетного для нее и официального признания французской республики. Манифест объявил предполагавшуюся аннексию Эльзас-Лотарингии преступлением, следствием которого будет превращение всей Германии в прусскую казарму и возведение войны в степень постоянного европейского учреждения (Institution). 9 сентября Фогель фон Фалькенштейн приказал арестовать членов Брауншвейгского комитета, заковать их в кандалы и отправить за 130 немецких миль в расположенную на русской границе прусскую крепость Лётцен, где подлое обращение с ними было ярким контрастом тому роскошному приему, который был оказан царственному гостю в Вильгельмсгэе. Так как ни тюремное заключение, ни высылка рабочих из одного германского государства в другое, ни запрещение рабочих газет, ни военные репрессии, ни всевозможные придирки полиции не могли удержать интернациональный авангард рабочего класса Германии от действий в духе брауншвейгского манифеста, то Фогель фон Фалькенштейн указом от 21 сентября запретил всякие собрания социал-демократической партии. Это запрещение было отменено другим указом от 5 октября, в котором он хитроумно предписывал своим политическим шпионам «доносить ему лично обо всех отдельных лицах, которые своими

открытыми выступлениями будут поддерживать Францию в ее сопротивлении предложенным Германией условиям мира, чтобы он мог обезвредить этих людей в течение того времени, пока будет продолжаться война». Предоставив заботы о внешней войне своему Мольтке, прусский король войне внутренней постарался дать новый оборот. На основании его личного приказа от 17 октября Фогель фон Фалькенштейн должен был отправить своих лётценских узников в распоряжение брауншвейгского окружного суда, но последнему, в свою очередь, надлежало или найти правовые основания для их заключения или же вернуть их под надежную охрану грозного генерала.

Насильственные меры, предпринятые Фогелем фон Фалькенштейном, естественно, нашли себе подражание во всей Германии, в то время как Бисмарк в своем дипломатическом циркуляре издевался над Европой, выступая как исполненный благородного негодования передовой борец за свободу слова, свободу печати и свободу собраний *для партии мира во Франции*. Именно в то самое время, когда он требовал для Франции свободно избранного Национального собрания, в самой Германии он приказал посадить в тюрьму Бебеля и Либкнехта, для того чтобы воспрепятствовать их избранию на предстоящих выборах, а также в наказание за то, что они выступали против него как представители Интернационала.

Его господин и руководитель Вильгельм-Завоеватель поддерживал его из Версаля новым кабинетским приказом, в котором он продлил срок осадного положения, т. е. уничтожение всех гражданских свобод, на все время выборной кампании. И он действительно сохранял осадное положение в Германии еще в течение двух месяцев после заключения мира с Францией. Упорство, с которым он настаивал на осадном положении внутри страны, и его многократное личное вмешательство, направленное против арестованных, его собственных германских пленников, доказывают, что среди грома победоносного оружия и фанатически восторженных одобрений всей германской буржуазии он испытывал страх перед растущей партией пролетариата. Это была та невольная дань, которую материальное насилие отдавало силе моральной.

Если война против Интернационала первое время была локализована сначала во Франции — со дня плебисцита до падения империи, — затем в Германии — в течение всей борьбы республики против Пруссии, — то со дня провозглашения Парижской коммуны и после ее падения эта война стала всеобщей.

6 июня 1871 г. Жюль Фавр выпустил свой циркуляр к иностранным державам, в котором требовал выдачи членов Коммуны как простых преступников и призывал к крестовому походу против Интернационала как врага семьи, религии, порядка и собственности, имеющих в его собственном лице столь достойного представителя. Австрия и Венгрия сразу же подхватили этот лозунг. 13 июня был совершен разбойничий набег на предполагаемых вождей рабочих союзов в Пеште. Их бумаги были опечатаны, а сами они арестованы и отданы под суд по обвинению в государственной измене. Некоторые делегаты венской секции Интернационала, оказавшиеся в это время в Пеште, были отвезены в Вену для принятия против них таких же мер. Бейст потребовал и получил от своего рейхсрата дополнительно еще 30 000 фунтов стерлингов «для расходов на политическую информацию, которая, по его словам, сделалась более необходимой, чем когда-либо раньше, вследствие опасного распространения Интернационала по всей Европе». С этого момента рабочий класс в Австро-Венгрии оказался во власти режима настоящего правительственного террора. Даже в последней предсмертной агонии австрийское правительство все еще судорожно цепляется за свою старую привилегию разыгрывать роль Дон-Кихота европейской реакции.

Через несколько недель после циркуляра Жюля Фавра Дюфор предложил помещичьей палате проект, ныне получивший силу закона, согласно которому сам факт принадлежности к Международному Товариществу Рабочих или даже факт признания его принципов считается преступлением. Выступая перед этим помещичьим комитетом в защиту законопроекта Дюфора, Тьер хвастался, что закон зародился в его собственной мудрой голове. Он якобы первый открыл эту надежную панацею, — что с Интернационалом необходимо расправляться так, как испанская инквизиция расправлялась с еретиками. Но даже и в этом пункте он не может претендовать на оригинальность. Задолго до его назначения на должность спасителя общества эта истинная юридическая теория, которую правящий класс применяет к членам Интернационала, была сформулирована венскими судами. 26 июля 1870 г. наиболее выдающиеся члены рабочей партии в Австрии были признаны виновными в государственной измене и приговорены ко многим годам тяжелого тюремного заключения с одним голодным днем в месяц. Мотивировка приговора была следующая:

«Заключенные, как они сами признают, приняли программу эйзенахского немецкого рабочего конгресса (1869) и действовали в согласии с ней. Эта программа включает программу Интернационала.

Интернационал ставит своей целью освобождение рабочего класса от господства имущего класса и от политической зависимости. Такое освобождение несовместимо с существующими основами австрийского государства. Следовательно, всякий, кто принимает и распространяет основные положения программы Интернационала, совершает подготовительные действия к ниспровержению австрийского правительства и тем самым виновен в государственной измене.

27 ноября был вынесен приговор членам Брауншвейгского комитета. Они были присуждены к тюремному заключению на разные сроки. В своей мотивировочной части судебная палата совершенно определенно ссылалась на мотивировку венского приговора как на прецедент.

В Пеште заключенные, принадлежащие к рабочему союзу, предстали перед судом 22 апреля 1872 г., после того как они в течение почти целого года подвергались такому же позорному обращению, какому английское правительство подвергало фениев. И здесь прокурор потребовал применения сформулированной в Вене юридической теории. Все же судебная палата вынесла оправдательный приговор.

В Лейпциге 27 мая 1872 г. Бебель и Либкнехт за попытку государственной измены на основании той же сформулированной в Вене юридической теории были присуждены к двум годам заключения в крепости. Разница заключалась лишь в том, что юридическая теория венских судей была в этом случае подкреплена вердиктом саксонских присяжных заседателей.

В Копенгагене 5 мая этого года три члена Центрального комитета, Брикс, Пио и Гелеф, были брошены в тюрьму за то, что они заявили о своем твердом намерении, несмотря на запрещение полиции, провести собрание под открытым небом. И уже в тюрьме им было заявлено, что против них выдвигаются обвинения более общего характера, что социалистические идеи уже сами по себе несовместимы с существованием датского государства и что поэтому уже одна пропаганда этих идей составляет преступление против датской конституции. Опять-таки юридическая теория, сформулированная в Вене! Обвиняемые и теперь еще находятся в заключении, ожидая суда.

Бельгийское правительство, отличившееся своим сочувственным ответом на требования Жюля Фавра о выдаче [членов Коммуны], поспешило предложить своей палате депутатов через Малу лицемерную перепечатку закона Дюфора.

Его святейшество папа Пий IX, извиваясь, как угорь, излил свой гнев в своем обращении к депутации швейцарских католиков.

«Ваше республиканское правительство, — сказал он, — считает себя обязанным принести тяжелую жертву тому, что называют свободой. Оно предоставляет право убежища большому числу людей самого низшего пошиба, оно терпит у себя секту интернационалистов, с которыми вся Европа хотела бы поступить так, как с ними поступил Париж. Этих господ из Интернационала, — которые, кстати, отнюдь не господа, — следует бояться, потому что они действуют в интересах вечного врага бога и людей. Какой смысл в их защите! За них нужно молиться». — Сначала повесьте их, а потом уже помолитесь за них!

Опираясь на Бисмарка, Бейста и Штибера — прусского начальника шпионов, — императоры Австрии и Германии в начале сентября 1871 г. устроили свидание в Зальцбурге с явной целью основать священный союз против Международного Товарищества Рабочих. «В таком европейском союзе, — заявила «Die Norddeutsche Allgemeine Zeitung», являющаяся личным «официозом» Бисмарка (Bismarck's private «Moniteur»), — заключается единственно возможное спасение государства, церкви, собственности, цивилизации, одним словом, всего того, на чем зиждятся европейские государства. Разумеется, действительная цель Бисмарка состояла в том, чтобы обеспечить себе союзников в предстоящей войне с Россией, а Интернационалом Австрию лишь дразнили, как дразнят быка куском красной материи.

В Италии Ланца запретил Интернационал простым приказом. В Испании Сагаста объявил его вне закона, рассчитывая, вероятно, этим мероприятием добиться выгод на английском денежном рынке. Русское правительство, вынужденное со времени освобождения крестьян от крепостной зависимости прибегать к рискованным мерам, — делать сегодня под натиском требований народа робкие уступки с тем, чтобы завтра же их отнимать обратно, — нашло во всеобщем призыве к травле Интернационала предлог для усиления реакции внутри страны. За границей, намереваясь проникнуть в тайны нашего Товарищества Рабочих, оно отыскало швейцарского судью, который в присутствии русского шпиона произвел домашний обыск в квартире Утина, члена русской секции Интернационала и редактора женевской «Égalité», органа нашей швейцарско-романской секции. Только агитация швейцарской секции Интернационала помешала республиканскому правительству Швейцарии выдать эмигрантов Парижской коммуны в руки Тьера.

Наконец, правительство господина Гладстона, не будучи в состоянии действовать в этом духе в самой Великобритании, доказало, по крайней мере, свою добрую волю полицейским террором

в Ирландии против формировавшихся там наших секций и отдачей приказа своим иностранным представителям собирать информацию о Международном Товариществе Рабочих.

Но все репрессивные мероприятия, которые был в состоянии измыслить объединенный правительственный разум Европы, меркнут перед клеветнической войной, поднятой [против Интернационала] силами лжи цивилизованного мира. Апокрифические истории и тайны Интернационала, бесстыдные извращения официальных документов и частных писем, сенсационные телеграммы быстро следовали одни за другими; все шлюзы клеветы, которые были в распоряжении продажной буржуазной прессы, сразу были открыты, и хлынул целый поток гнусностей, который должен был потопить ненавистного врага. Эта война при помощи клеветы не имеет себе равной во всей истории, настолько поистине интернационален театр военных действий, на котором она разыгрывается, и настолько велико единодушие, с которым в ней участвуют все группы, представляющие взгляды господствующего класса. После большого пожара в Чикаго телеграф разнес по всему земному шару весть, что это дьявольская работа Интернационала. Нужно только удивляться, как не приписали его же демоническому вмешательству ураган, который опустошил Вест-Индию.

В своих прежних официальных годовых отчетах Генеральный Совет обычно давал обзор успехов Товарищества со времени прошедшего конгресса. Вы, граждане, поймете, конечно, причины, которые на сей раз вынуждают нас уклониться от этого правила. К тому же отчеты делегатов разных стран, — а они лучше знают, до каких пределов они могут идти в своих сообщениях, — может быть, заполнят этот пробел. Мы ограничимся на этот раз указаниями, что со времени Базельского конгресса и в особенности со времени Лондонской конференции в сентябре 1871 г. Интернационал получил распространение среди ирландцев в Англии и в самой Ирландии, в Голландии, Дании, Португалии, что он укрепил организации в Соединенных Штатах Северной Америки и что он основал секции в Буэнос-Айресе, Австралии и Новой Зеландии.

Различие между рабочим классом, не имеющим интернациональной организации, и рабочим классом, имеющим Международное Товарищество, становится особенно очевидным, если мы обратимся назад к революции 1848 г. Потребовались долгие годы, пока сами рабочие поняли, что июньское восстание 1848 г. — дело их собственных передовых борцов. А Парижская коммуна немедленно же была встречена приветствиями всего международного пролетариата.

Вы, представители рабочего класса, собрались для того, чтобы укрепить боевую организацию Товарищества, цель которого — освободить труд и уничтожить национальную рознь. И почти в это же самое время в Берлине коронованные венценосцы старого мира собрались для того, чтобы ковать новые цепи и замышлять новые войны.

Да здравствует Международное Товарищество Рабочих!

Написано К. Марксом.

*Перевод дан с английского текста,
напечатанного в «The International
Herald» от 5, 12 и 19 октября 1872 г.*

ДОКЛАД ОБ АЛЬЯНСЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ГААГСКОМУ КОНГРЕССУ ОТ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ¹.

Альянс социалистической демократии был основан Бакуниным в конце 1868 г. Это было международное общество, настойчиво добивавшееся того, чтобы одновременно действовать и внутри и вне Международного Товарищества Рабочих. Состоя из членов Товарищества, претендовавших на право участвовать во всех заседаниях Интернационала, это общество, тем не менее, хотело сохранить за собою право иметь свои местные группы, свои национальные федерации, свои отдельные конгрессы наряду с конгрессами Интернационала. Таким образом, с первых шагов Альянс претендовал на то, чтобы в нашем Товариществе составлять своего рода аристократию, касту избранных с собственной программой и особыми привилегиями.

Переписка, которая тогда велась между центральным комитетом Альянса и нашим Генеральным Советом, воспроизведена в циркуляре «Мнимые расколы в Интернационале», стр. 7—9 (документ № 1) ². Генеральный Совет отказался принять Альянс, пока тот сохранял характер отдельной международной организации; он обещал принять его только при условии, если Альянс распустит себя как особую международную организацию, если его секции превратятся в простые секции нашего Товарищества и если Совет будет осведомлен о местопребывании и численности каждой новой секции.

¹ Доклад, написанный Энгельсом, сохранился в виде черновой рукописи с большим количеством вычеркиваний. На этой рукописи почерком неизвестного лица помечено: «Показание гражданина Энгельса». Упоминаемые Энгельсом документы, приложенные к докладу, здесь не даются. Подробный анализ документов «Альянса» см. в брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (настоящий том, стр. 537), документы же Генерального Совета, на которые есть ссылки в докладе, помещены в томе в хронологическом порядке. *Ред.*

² См. настоящий том, стр. 396—399. *Ред.*

Вот что ответил на эти требования 22 июня 1869 г. центральный комитет Альянса, который в своих сношениях с Генеральным Советом именовал себя «Женевской секцией Альянса социалистической демократии»:

«Как было условлено между вашим Советом и центральным комитетом Альянса социалистической демократии, мы поставили перед различными группами Альянса вопрос о роспуске его как организации, обособленной от Международного Товарищества Рабочих... Мы с удовольствием сообщаем вам, что значительное большинство групп разделяет мнение центрального комитета, который намерен объявить Международный альянс социалистической демократии распущенным. *Сегодня этот роспуск уже решен.* Сообщая об этом решении различным группам Альянса, мы предложили им следовать нашему примеру, организовать в секции Международного Товарищества Рабочих и добиться допущения в Интернационал либо через Генеральный Совет, либо через федеральные советы Товарищества в соответствующих странах. Подтверждая получение вашего письма, адресованного бывшему центральному комитету Альянса, мы посылаем вам сегодня на рассмотрение статуты нашей секции и просим вас официально признать ее секцией Международного Товарищества Рабочих... Подпись: Временный секретарь Ш. Перрон (документ № 2). Текст этих статутов Альянса находится среди документов за № 3¹.

Женевская секция оказалась единственной, просившей о своем допущении в Интернационал. О других будто бы существовавших секциях Альянса ничего не было слышно. Тем не менее, несмотря на непрерывные интриги альянсистов, стремившихся навязать свою особую программу всему Интернационалу и добиться руководства нашим Товариществом, можно было предположить, что Альянс сдержал свое слово и распустил себя. Однако Генеральный Совет получил достаточно проверенные сведения, на основании которых он должен был заключить, что Альянс и не думал себя распускать; что вопреки торжественно данному слову он существовал и продолжает существовать в виде тайного общества и что он пользовался этой тайной организацией, чтобы попрежнему преследовать свою первоначальную цель — добиться господства. Его существование было особенно явным в Испании вследствие раздоров внутри самого

¹ Подробный анализ упоминаемых Энгельсом документов см. в настоящем томе, в работе «Альянс социалистической демократии» (главным образом во II главе), стр. 543—546. Главные статьи статутов Альянса см. ниже, стр. 495. *Ред.*

Альянса, историю которых мы дадим ниже. Здесь прежде всего достаточно указать на циркуляр, составленный членами старого Федерального совета, являвшимися одновременно членами центрального комитета Альянса в Испании (см. «Emançipación» № 61, стр. 3, столб. 2, документ № 4), циркуляр, который разоблачил существование тайного Альянса. Этот циркуляр¹ помечен 2 июня 1872 г. Он оповещает все секции Альянса в Испании о том, что подписавшиеся под циркулярами только что распустились себя как секцию Альянса и предлагают прочим секциям последовать их примеру. Циркуляр был опубликован в «Emançipación» (№ 59, документ № 5).

Опубликование этого циркуляра принудило газету Альянса «La Federacion de Barcelona» (№ 155, 4 августа 1872 г.) опубликовать, со своей стороны, статуты Альянса (документ № 6). Существование этого тайного общества, стало быть, вполне установлено.

Сравнивая статуты этого тайного общества со статутами, представленными женевским Альянсом Генеральному Совету, мы находим, во-первых, что программа, имеющаяся в начале первого документа, тождественна с программой, предпосланной второму. Имеются лишь некоторые редакционные различия, которые заключаются в том, что особая программа Бакунина в секретных статутах выражена более отчетливо.

Вот точная таблица:

Статья 1 женевских статутов буквально совпадает с 5 статьей секретных статутов.

Статья 2 женевских статутов в общем тождественна с 1 статьей секретных.

Статья 3 женевских статутов буквально совпадает с 2 статьей секретных.

Статьи 4 и 5 женевских статутов в общем тождественны с 3 статьей секретных.

Статья 6 женевских статутов в общем тождественна с 4 статьей секретных.

Секретные статуты сами были созданы на основе женевских статутов. Так, статья 4 секретных статутов буквально соответствует статье 3 женевских; статьи 8 и 9 женевских в сокращенном виде соответствуют статье 10 секретных, так же как статьи 15—20 женевских — статье 3 секретных.

¹ В данном случае речь идет не о предыдущем, а уже о другом документе. *Ред.*

Вопреки теперешней практике альянсистов статья 7 женевских статутотв проповедует «сильную организацию» Интернационала и обязывает всех членов Альянса «поддерживать... решения конгресса и руководство Генерального Совета». Этой статьи в секретных статутах нет, но она там вначале фигурировала, доказательством чего служит почти буквальное воспроизведение этой статьи в 15-й статье регламента местной мадридской секции (документ № 7), который включает также и программу Альянса.

Таким образом, ясно, что мы имеем дело не с двумя различными обществами, а с одним и тем же обществом. В то время как женевский центральный комитет (Альянса) заверил Генеральный Совет в том, что Альянс распущен, и на основании этого заявления он был принят в качестве секции Интернационала, — вожаки этого центрального комитета, с М. Бакуниным во главе, усилили организацию этого самого Альянса, преобразовав его в тайное общество и сохранив, таким образом, за ним (тот же) характер международной организации, от чего они обязались отказаться. Доверие Генерального Совета, всего Интернационала, с которым велась переписка, было недостойным образом обмануто. У этих людей, начавших с подобной лжи, не оставалось больше никаких резонов церемониться в своих махинациях, для того чтобы подчинить себе Интернационал или же, в случае неудачи, дезорганизовать его.

Приведем теперь главные статьи секретных статутотв:

«1) Альянс социалистической демократии должен состоять из членов Международного Товарищества Рабочих и ставит своей целью пропаганду и развитие принципов, изложенных в его программе, а также изучение всех средств, способных продвинуть вперед непосредственное и немедленное освобождение рабочего класса.

«2) Чтобы добиться по возможности наилучших результатов и не компрометировать развитие социальной организации, Альянс должен быть совершенно тайным.

«4) Никто не может быть принят в члены, если предварительно не примет полностью и искренне принципы программы и т. д.

«5) Альянс, насколько возможно, будет оказывать влияние внутри местной рабочей федерации таким образом, чтобы не позволить последней взять реакционный или антиреволюционный курс.

«9) Большинство членов может исключить из Альянса любого из своих членов без указания причин».

Таким образом, Альянс является тайным обществом, созданным внутри самого Интернационала, с особой программой, которая отнюдь не является программой Интернационала, обществом,

ставящим целью пропаганду этой программы, которую оно рассматривает как единственно революционную. Общество вменяет в обязанность своим членам действовать внутри их местной федерации Интернационала таким образом, чтобы эта последняя не приняла реакционный или антиреволюционный курс, т. е. чтобы она отнюдь не отклонилась от программы Альянса. Это означает, что цель Альянса заключается в том, чтобы с помощью своей тайной организации навязать свою сектантскую программу всему Интернационалу. Самым действительным средством для достижения этой цели является захват в свои руки местных и федеральных советов, а также Генерального Совета путем проведения членов Альянса в советы, используя для этого силу тайной организации. Так именно и поступал Альянс там, где он считал, что имеет шансы на успех; мы увидим это ниже.

Ясно, что никто не мог бы быть в претензии на альянсистов за то, что они пропагандировали свою программу. В Интернационале находятся социалисты всех оттенков социалистических убеждений. Его программа достаточно широка, чтобы охватить все эти оттенки; бакунинская секта была принята в Интернационал на таких же условиях, как и остальные. Ее и упрекают именно в нарушении этих условий.

Что же касается тайного характера Альянса, то это уж совсем другое дело. Интернационал не может не знать того, что во многих странах, в Польше, во Франции, в Ирландии, тайные организации являются законным средством защиты против правительственного террора. Но он заявил на Лондонской конференции, что он является совершенно непричастным к этим обществам и, следовательно, не будет признавать их своими секциями. Но главное то, что здесь мы имеем перед собой тайное общество, созданное для того, чтобы бороться не с правительствами, а с самим Интернационалом.

Организация подобного тайного общества является явным нарушением не только обязательства, взятого на себя по отношению к Интернационалу, но также нарушением буквы и духа нашего общего устава. Наш устав знает лишь один род членов Интернационала с равными правами и обязанностями для всех; Альянс разделяет их на две касты: посвященных и непосвященных, аристократов и плебеев, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, самое существование которой им неизвестно. От своих членов Интернационал требует, чтобы они признавали основой своего поведения истину, справедливость и мораль; Альянс своим сторонникам в качестве первой обязанности навязывает ложь, притворство и обман, предписывая им обманывать

непосвященных членов Интернационала, скрывая от них существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и своих действий. Основатели Альянса отлично знали, что огромная масса непосвященных членов Интернационала никогда бы сознательно не подчинилась подобной организации, как только узнала бы о ее существовании. Вот почему они сделали ее «совершенно тайной». Ибо необходимо подчеркнуть, что тайный характер этого Альянса не имеет целью обмануть бдительность правительства, так как тогда он не начал бы свое существование как гласное общество; этот тайный характер был предназначен единственно для того, чтобы обманывать Интернационал, не входивший в Альянс, как это и доказывает тот недостойный обман, который Альянс допустил по отношению к Генеральному Совету. Таким образом, здесь мы имеем настоящий заговор против Интернационала. Впервые в истории борьбы рабочего класса мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, имеющим целью взорвать не современный эксплуататорский строй, а то Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу.

И, наконец, было бы смешно предполагать, что общество сделалось тайным в целях самозащиты от преследований современных правительств, в то время как это же общество всюду проповедует расслабляющую доктрину абсолютного воздержания от политического действия и объявляет в своей программе (ст. 3, Введение к тайному уставу), что оно «отвергает всякое революционное действие, которое не имеет целью непосредственное и немедленное торжество дела рабочих против капитала».

Теперь, какова же была деятельность этого тайного общества внутри Интернационала?

Ответ на этот вопрос отчасти уже содержится в негласном циркуляре Генерального Совета «Мнимые расколы» и т. п. Но так как в то время Генеральный Совет еще не знал о размерах тайной организации и так как с того времени произошло много важных событий, этот ответ мог быть лишь весьма неполным.

Прежде всего надо констатировать две весьма отличные фазы в деятельности Альянса. Первая фаза, когда он полагал, что ему удастся завладеть Генеральным Советом и таким образом захватить высшее руководство в нашем Товариществе. Тогда Альянс требовал от своих участников, чтобы они поддерживали «сильную организацию» Интернационала и «полномочия Генерального Совета, так же как и полномочия Федерального совета и центрального комитета»; именно тогда члены Альянса на Базельском конгрессе требовали

для Генерального Совета самых широких полномочий, которые они позже с таким отвращением стали отвергать как *авторитарные*.

Базельский конгресс разрушил, по крайней мере на некоторое время, надежды Альянса. С тех пор он затеял интриги, о которых идет речь в «Мнимых расколах»; в Юре, в Италии и Испании он не переставал подменять программу Интернационала своей особой программой. Лондонская конференция своими резолюциями о политике рабочего класса и о сектантских секциях положила конец этому международному *qui pro quo*. Тотчас же Альянс зашевелился снова. Юрская федерация, составлявшая силы Альянса в Швейцарии, выпустила свой направленный против Генерального Совета сонвильерский циркуляр, в котором сильная организация, полномочия Генерального Совета, базельские резолюции самими же подписавшими этот циркуляр лицами, подготовленные и утвержденные, были объявлены *авторитарными*, — определение, повидимому, достаточное для того, чтобы осудить все это в целом; в этом циркуляре говорилось о «войне, открытой войне, вспыхнувшей в наших рядах»; выставлялось требование создать из Интернационала такую организацию, которая была бы приспособлена не к нуждам текущей борьбы, но к какому-то неизвестному идеалу будущего общества и т. д. и т. п. С этого момента тактика изменилась. Лозунг был дан. Повсюду, где Альянс имел разветвления, в Италии и в особенности в Испании, авторитарные резолюции Базеля и Лондонской конференции, равно как авторитарность Генерального Совета, стали подвергаться яростным нападкам. Без конца полились речи об автономии секций, свободных федеративных группах, об анархии и т. д. Все это очень понятно. Сила тайного общества внутри Интернационала должна была естественно возрастать по мере ослабления открытой организации Интернационала. Самым большим препятствием был Генеральный Совет, и именно он подвергся нападкам в первую голову; но мы сейчас увидим, что и с федеральными советами поступали таким же образом, если представлялся удобный случай.

Юрский циркуляр нигде не произвел впечатления, за исключением тех стран, где Интернационал более или менее находился под влиянием Альянса, — в Италии и в Испании. В последней Альянс и Интернационал были основаны одновременно, непосредственно после Базельского конгресса. Самым преданным членам Интернационала в Испании было внушено, что программа Альянса тождественна с программой Интернационала, что тайная организа-

ция существует повсюду и что вступать в нее является чуть ли не обязанностью каждого. Эта иллюзия была разрушена Лондонской конференцией, на которой испанский делегат, сам член центрального комитета Альянса в своей стране, мог убедиться в обратном; иллюзия была разрушена также самим юрским циркуляром, содержащим яростные атаки и клевету против этой Конференции и Генерального Совета, которые немедленно были подхвачены всеми органами Альянса. Первым следствием юрского циркуляра в Испании явилась борьба внутри самого испанского Альянса, борьба между теми, кто прежде всего хотел быть членом Интернационала, и теми, кто не хотел признавать Интернационала, поскольку он не находился под господством Альянса. Борьба, носившая вначале скрытый характер, вскоре вспыхнула открыто на собраниях Интернационала. Федеральный совет, избранный конференцией в Валенсии (в сентябре 1871 г.), своими действиями доказал, что он предпочитает Интернационал Альянсу, и большинство его членов было изгнано из местной Мадридской федерации, в которой господствовал Альянс. Они были реабилитированы Сарагосским конгрессом, а двое из них, Мора и Лоренцо, были вновь избраны в новый Федеральный совет, хотя все члены старого Совета заранее заявили, что они не желают их принять.

Сарагосский конгресс внушил вожакам Альянса опасения, как бы Испания не ускользнула из их рук. Альянс немедленно начал кампанию против полномочий Испанского федерального совета, повторяя те нападки, которые юрский циркуляр направлял против якобы авторитарных полномочий Генерального Совета. В Испании вполне демократическая и в то же время вполне оформленная организация была создана конгрессом в Барселоне и конференцией в Валенсии. Она также благодаря деятельности избранного в Валенсии Федерального совета (деятельности, одобренной специальным голосованием конгресса) добилась тех блестящих результатов, о которых говорилось в общем докладе. В Сарагоссе Мораго, душа Альянса в Испании, заявил, что полномочия, данные в этой организации Федеральному совету в Испании, являются авторитарными, что их необходимо ограничить, что необходимо отнять у Совета право принимать новые секции или отказывать им в приеме, отнять право решать, соответствуют ли их уставы уставам федерации, и его роль свести, в конце концов, к роли простого корреспондентского и статистического бюро. Конгресс, отвергнув предложения Мораго, решил сохранить существующую авторитарную организацию (см. в *Extracto de los Actas del 2-е Congreso obrero etc.*, стр. 109 и 110,

документы к делу № 8. По этому пункту важно свидетельство гр. Лафарга, который был делегатом на конгрессе в Сарагоссе).

Чтобы отдалить новый Федеральный совет от возникших в Мадриде разногласий, конгресс поместил его в Валенсии. Но причина этих разногласий, антагонизм, начавший развиваться между Альянсом и Интернационалом, не носил местного характера. Конгресс, не зная даже о самом существовании Альянса, составил новый Совет исключительно из членов Альянса; но двое из них, Мора и Лоренцо, сделались его противниками, и Мора отказался войти в Совет. Циркуляр Генерального Совета «Мнимые расколы», явившийся ответом на юрский циркуляр, довел до сведения всех членов Интернационала, что наступил момент объявить себя либо сторонниками Интернационала, либо сторонниками Альянса. Полемика между «Emancipación», с одной стороны, и альянсистскими газетами «La Federación de Barcelona» и «La Razon de Sevilla», с другой стороны, становилась все более и более обостренной. Наконец, 2 июня члены прежнего Федерального совета, редакторы «Emancipación» и члены испанского центрального комитета Альянса постановили адресовать всем испанским секциям Альянса циркуляр, где они объявили, что отпускают себя как секции тайного общества, и предложили другим секциям последовать их примеру. Месть не заставила себя ждать. Они немедленно, и в явное нарушение действующих правил, были снова изгнаны из местной Мадридской федерации. Тогда они организовались в Новую мадридскую федерацию и просили Федеральный совет признать их.

Но тем временем альянсистский элемент в Совете благодаря кооптациям достиг полного господства, и Лоренцо вышел из него. В ответ на просьбу Новой мадридской федерации последовал полный отказ со стороны Федерального совета, который уже тогда направлял все усилия на то, чтобы обеспечить избрание альянсистских кандидатов на Гаагский конгресс, и в этих целях разослал местным федерациям негласный циркуляр, помеченный 7 июля, в котором, повторяя клевету журнала «Federación» против Генерального Совета, предлагает федерациям отправить на конгресс одну общую делегацию от всей Испании, избранную большинством всей совокупности голосов; список избранных будет определен самим Советом. Документы к делу № 9. Для всех, кто знаком с тайной организацией, существующей внутри Интернационала в Испании, совершенно очевидно, что это означало избрание своих людей из Альянса с целью отправить их на конгресс на деньги членов Интернационала. Как только Генеральный Совет, которому этот циркуляр не был послан, узнал

об этих фактах, он отправил 24 июля Испанскому федеральному совету письмо¹, которое приложено к документам (№ 10). Федеральный совет ответил 1 августа, что ему нужно время для перевода нашего письма, написанного по-французски, а 3 августа он написал Генеральному Совету уклончивый ответ, опубликованный в «Federation» (документ № 11). В этом ответе он становится на сторону Альянса.

Генеральный Совет после получения письма от 1 августа уже опубликовал эту переписку в «Emanación».

Как только тайная организация была обнаружена, стали утверждать, что Альянс был распущен уже на конгрессе в Сарагоссе. Однако центральный комитет не был предупрежден об этом (документ № 4).

Новая мадридская федерация отрицает этот факт, а она должна была бы о нем знать. Впрочем, вообще смешно утверждать, будто испанская секция международного общества, каким является Альянс, могла бы распустить себя, не посоветовавшись с другими национальными секциями.

Непосредственно после этого Альянс сделал попытку переворота (coup d'Etat). Видя, что на Гаагском конгрессе ему будет невозможно обеспечить себе искусственное большинство повторением тех же маневров, как в Базеле и Шо-де-Фоне, Альянс воспользовался конференцией в Римини, созванной так называемой Итальянской федерацией, чтобы объявить открыто о расколе. Собравшиеся там делегаты принимают единогласное решение (см. документы к делу № 12). Но в таком случае налицо конгресс Альянса, противопоставленный конгрессу Интернационала. Однако скоро сообразили, что этот план не обеспечит успеха. От него отказались, было решено ехать в Гаагу, и вот эти же самые итальянские секции, — среди которых из двадцати одной секции, составляющих их общее число, *только одна* принадлежала к нашему Товариществу, — после того как они отвергли Гаагский конгресс, имеют бесстыдство отправить в Гаагу своих делегатов.

Принимая во внимание:

1) Что Альянс (главный его орган—центральный комитет Юрской федерации), основанный и руководимый М. Бакуниным, является обществом, враждебным Интернационалу, так как он задался целью либо господствовать над Интернационалом, либо дезорганизовать его.

¹ См. настоящий том, стр. 472. *Ред.*

2) Что вследствие этого Интернационал и Альянс являются несовместимыми.

Конгресс постановляет:

1) М. Бакунин и все нынешние члены Альянса социалистической демократии исключаются из Международного Товарищества Рабочих. Они могут снова вступить в него, лишь публично отвергнув всякую связь с этим тайным обществом.

2) Юрская федерация в качестве таковой исключается из Интернационала.

Затем письма Бакунина и статуты, если нужно.

Написано Ф. Энгельсом на французском языке. Печатается по рукописи Энгельса, хранящейся в ИМЭЛ.

РЕДАКТОРУ «CORSAIRE».

Гаага, 12 сентября 1872 г.

Милостивый государь!

В «Figaro» от 11 сентября воспроизведен разговор, который я будто бы имел с корреспондентом «Soir». Газеты, подобные «Figaro», могут себе позволить любую клевету, так как никто не возьмет на себя труд ее опровергать; но когда продажное воображение какого-нибудь корреспондента доходит до того, что он вкладывает мне в уста тяжкие обвинения против моих друзей из прежнего Генерального Совета, то я не могу не заявить, что в его словах нет ни капли правды, если он осмеливается утверждать, будто обменялся со мной хотя бы одним словом.

Пользуюсь случаем, чтобы дать знать нашим друзьям и врагам, что я никогда не помышлял об уходе из Интернационала и что перенесение Генерального Совета в Нью-Йорк было предложено мною и несколькими другими членами прежнего Генерального Совета.

Ложью является сообщение о том, что Бакунин и его приспешник Гильом исключены как вожди так называемой «федералистской» партии. Исключение Бакунина и Гильома было мотивировано созданием внутри нашего Товарищества тайного общества «Альянса социалистической демократии», которое претендовало руководить Интернационалом в целях, прямо противоположных его принципам.

Резолюция Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса была одобрена огромным большинством конгресса, и было решено включить ее в общий устав.

Рабочие Гааги и Амстердама отнеслись к конгрессу весьма сочувственно.

Вот чего стоят сообщения реакционной печати.

Имею честь кланяться

Карл Маркс.

Напечатано в «Corsaire» от 15 сентября 1872 г.

РЕДАКТОРУ «DAILY NEWS».

Милостивый государь!

Возвратившись из Гааги, я узнал, что Ваша газета приписывает мне намерение переехать в Нью-Йорк вслед за Генеральным Советом Международного Товарищества Рабочих. Разрешите мне в ответ на это заявить, что я намерен и всегда намеревался оставаться в Лондоне. Еще несколько месяцев тому назад я сообщил своим лондонским друзьям и своим корреспондентам на континенте о своем твердом решении не оставаться больше членом Генерального Совета или вообще какого-либо руководящего органа, так как мои научные работы не позволяют мне более этим заниматься. Что же касается появившихся в печати искаженных отчетов о заседаниях Гаагского конгресса, то предстоящее опубликование официальных протоколов конгресса внесет ясность в это дело.

Ваш покорный слуга

Карл Маркс.

Modena Villas, Maitland Park.

N. W., 17 сентября.

Напечатано в «Daily News» от 18 сентября 1872 г.

ИМПЕРАТИВНЫЕ МАНДАТЫ НА ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ.

Из-за измен, совершенных в последнее время многими депутатами парламента по отношению к своим избирателям, снова вошли в моду старинные императивные мандаты средневековья, упраздненные революцией 1789 г. Мы не станем вдаваться здесь в принципиальное обсуждение вопроса об этих мандатах. Отметим только, что если бы все избирательные округа давали своим делегатам императивные мандаты относительно всех пунктов, стоящих в порядке дня, то собрание делегатов и их прения были бы излишни. Достаточно было бы посылать мандаты в какое-нибудь центральное бюро, которое производило бы подсчет голосов и объявляло бы результаты голосования. Это было бы и гораздо дешевле.

Нам важно лишь показать ту совершенно исключительную роль, которую императивные мандаты сыграли на Гаагском конгрессе, что могло бы послужить прекрасным уроком для ярых поклонников этих мандатов.

Делегаты Испанской федерации, посланные, как всем нам известно, под давлением Федерального совета, получили императивный мандат, предписывавший им требовать, «чтобы подсчет голосов производился по количеству людей, представляемых делегатами, обладающими императивным мандатом, и чтобы голоса делегатов, не располагающих императивным мандатом, не считались до тех пор, пока секции или федерации, представителями которых они являются, не обсудят и не примут решения по вопросам, обсуждающимся на конгрессе. Если же конгресс будет придерживаться традиционной системы голосования, то наши делегаты хотя и примут участие в прениях, но от голосования воздержатся»¹.

¹ Юрский «Бюллетень», являющийся, как известно, органом вождей Альянса, в своем последнем номере публикует информацию о заседаниях Гаагского конгресса, о достоверности которой можно судить по следующим словам, приводимым нами в дословном переводе: «Испанцы, поддержанные бельгийцами и юрцами, требовали, чтобы голосование проводилось не в индивидуальном порядке, а *по федерациям*». Это ли требование фигурировало в мандате Испанской федерации?

Следовательно, этот мандат требует, чтобы конгресс, прежде чем приступить к обсуждению какого-либо вопроса, вынес следующие три решения:

1. Изменить статьи регламента, трактующие о методе голосования.

2. Постановить, чтобы делегаты, не обладающие императивным мандатом, лишены были бы права голосовать.

3. Заявить, что эти изменения относятся непосредственно к данному конгрессу.

Но делегатам Испанской федерации было немедленно же заявлено, что если бы даже конгресс удовлетворил их первое и второе требования, то третье все же осталось бы невыполнимым. Гаагский конгресс был созван на основе определенных организационных принципов Товарищества: Он, конечно, имел право их изменить; но если бы он изменил их, он тем самым лишил бы себя права на существование и был бы поставлен перед абсолютной необходимостью немедленно же самораспуститься, наметив созыв нового конгресса, делегаты которого были бы выбраны на основе новых организационных принципов. Применить эти новые принципы к данному конгрессу — значило бы предоставить им обратную силу и нарушить всякий правовой принцип. Следовательно, принял бы конгресс или не принял первое и второе предложения, он ни в коем случае не мог бы принять третьего. И если испанские делегаты получили и приняли мандат, который находится в явном противоречии с самим собой, мандат, который лишил их возможности принимать участие в голосовании на всех заседаниях конгресса, то кто в этом виноват!

Вопрос был так ясен, что ни меньшинство, ни даже делегаты нашей страны¹ не могли ни единым словом его оспаривать. В результате они остались на конгрессе, не принимая участия в голосовании. Это, в конце концов, так возмутило голландцев, что один из них спросил: «Почему же, если ваш мандат запрещает вам голосовать, вы не остались дома и при каждом голосовании лишаете меньшинство четырех голосов?»

Но что касается истинно альянсистских мандатов и альянсистских способов пользования ими, то бесподобным образцом их является мандат *Юрской* федерации.

Вот мандат ее делегатов:

«Делегаты Юрской федерации получают императивный мандат

¹ Речь идет об Испании. Статья написана по-испански. *Ред.*

отстаивать на Гаагском конгрессе следующие принципы как основу организации Интернационала:

Любая группа трудящихся, признающая программу Интернационала в том виде, в каком она имеется во введении к общему уставу, принятому на Женевском конгрессе, и обязующаяся соблюдать экономическую солидарность в отношении всех рабочих и групп рабочих в борьбе против монополистического капитала, имеет полное право существовать в качестве секции Интернационала».

Здесь общий устав и регламент уже упразднены. Если оставлена в силе мотивировочная часть, то потому, что, поскольку из нее ничего не следует, она лишена всякого значения.

«Поскольку основой организации Интернационала (читаем мы далее) является федеративный принцип, то секции точно так же, как и федерации, свободно федерируются между собой, пользуясь полной автономией, создавая соответственно своим надобностям все органы связи, которые они считают целесообразными, — статистические бюро и т. п.

Ввиду вышеизложенных принципов Юрская федерация высказывается за ликвидацию Генерального Совета и за ликвидацию всякого руководства (*autoridad*) в Интернационале».

Таким образом, подлежат упразднению Генеральный Совет, федеральные советы, местные советы; упраздняются все уставы и регламенты, на основании которых осуществляется руководство. Каждый будет действовать по своему благоусмотрению, «пользуясь полной автономией».

«Делегаты Юры должны действовать в полной солидарности с испанскими, итальянскими, французскими и всеми прочими делегатами, которые открыто протестуют против авторитарного принципа. В силу этого отказ в допущении какого-либо делегата этих федераций должен будет привести к *немедленному уходу* делегатов Юры. Равным образом, если конгресс не признает организационных основ Интернационала, приведенных выше, делегаты должны будут покинуть конгресс в согласии с делегатами антиавторитарных федераций».

Посмотрим теперь, как выполнили делегаты Юры этот императивный мандат. Прежде всего на конгрессе не было антиавторитарных французских делегатов, за исключением одного сумасшедшего, который, правда, несколько раз «уходил» со скандалом, но каждый раз снова возвращался, не будучи в состоянии увлечь за собою ни одного другого антиавторитарного делегата. Мандат Сова (*Sauva*) из второй (антиавторитарной) секции Нью-Йорка

был аннулирован, а *юрцы* все же остались на конгрессе. Мандат Женевской секции революционно-социалистического действия и пропаганды — секции, принадлежащей непосредственно к Юрской федерации, — был аннулирован до окончания конгресса, и *юрцы* вели себя так, как будто ничего не случилось. Мандат 12-й нью-йоркской секции, которую они сами поощряли к борьбе с Генеральным Советом, был аннулирован, и *юрцы* остались равнодушными. Что касается мандата присутствовавшего итальянского делегата, то он не посмел даже его предъявить.

А были ли приняты конгрессом организационные или, вернее, дезорганизационные основы, предложенные юрскими делегатами? Отнюдь нет. Как раз наоборот: конгресс решил укрепить организацию, т. е. по их терминологии — авторитет. Ушли ли они после этого? Ничуть не бывало: они только заявили, что впредь будут воздерживаться от голосования.

Вот, стало быть, настоящий способ использования императивных мандатов. Делегат использует его, если считает для себя удобным, а если не считает этого, то ссылается на непредвиденные обстоятельства и, в конечном счете, делает то, что ему выгодно. В конце концов, разве не является обязанностью для антиавторитаристов издеваться над *авторитетом* императивных мандатов так же, как и над всяким другим? Сугубо альянсистский дух, столь наглядно продемонстрированный императивным мандатом юрцев, сочетался с подлинно анархистской манерой делегатов игнорировать мандат. Нельзя ли отсюда сделать вывод, что эти делегаты относятся в Альянсе к более высокому разряду посвященных, чем их испанские коллеги?

Юрский мандат дает повод еще и к другим размышлениям. Этот мандат разоблачает всю ситуацию в Альянсе, где в противовес всем фразам об *анархии, автономии, свободной федерации* и т. п. в действительности есть только две вещи: *авторитет и подчинение*. За несколько недель до того, как Швицгелль и Гильом сами выписали себе мандат, — упразднявший общий устав, за исключением мотивировочной части, — их друзья, не делегаты Интернационала, на конференции в Римини составили устав названной Итальянской федерации, состоящий из регламента Федерального совета и из мотивировочной части, которую они заимствовали из общего устава Товарищества. Таким образом, общий устав в организации, утвержденной конференцией в Римини, был *упразднен*. Как мы видим, господа из Альянса всегда действуют так, подчиняясь секретным и однородным приказам. Этим же секретным приказам несомненно подчинялась

барселонская «La Federacion», которая вдруг стала проповедывать дезорганизацию Интернационала. Дело в том, что сильная организация нашего Товарищества в Испании стала опасной для тайных руководителей Альянса. Эта организация придает слишком большую силу рабочему классу и тем самым создает затруднения для тайного руководства господ альянсистов, отлично умеющих ловить рыбу в мутной воде.

Развалите организацию, и у вас будет сколько угодно мутной воды. Развалите прежде всего профессиональные союзы, объявите войну забастовкам, сведите рабочую солидарность к пустой фразе, и вы получите возможность беспрепятственно орудовать своими звонкими, но пустыми и доктринерскими фразами. Правда, это возможно лишь в том случае, если наши рабочие позволят вам уничтожить дело, стоившее им четырехлетних усилий, — наилучшую организацию во всем Интернационале.

Возвращаясь к вопросу об императивных мандатах, мы должны разрешить еще один вопрос: почему альянсисты, заклятые враги всякого принципа авторитета, с таким упорством настаивают на обязательности императивных мандатов? Потому что для такого тайного общества, каким является их организация, существующая внутри такой открытой организации, как Интернационал, нет ничего более удобного, чем императивный мандат. Мандаты членов Альянса будут все тождественны; в то же время мандаты секций, не находящихся под влиянием альянсистов или выступающих против него, будут противоречить друг другу; таким образом, зачастую абсолютное большинство, и уж во всяком случае большинство относительное, должно будет принадлежать тайному обществу; между тем на конгрессе, где нет императивных мандатов, здравый смысл независимых делегатов быстро сплотит их в единую партию против партии тайного общества. Это чрезвычайно действенный метод господства, и вот почему Альянс вопреки всему своему *анархизму* отстаивает авторитет императивного мандата.

Прежде чем закончить, отметим, что придуманное Испанским федеральным советом, состоящим из альянсистов, применение императивного мандата должно было в силу необходимости дать один результат, т. е. это должен был быть императивный мандат Федерального совета, или — что то же — альянсистский мандат. Все федерации нашей страны, принявшие противоречащее регламенту предложение Совета, послали в Валенсию специальные взносы для оплаты издержек по поездке делегатов, а заодно сообщили результаты голосования в местных федерациях и императивный мандат своей федерации,

чтобы «объединить все федерации и снабдить их *коллективным императивным мандатом*». Мы охотно признаем, что при наличии *лойяльного отношения и доброй воли* можно было бы поручить Испанскому федеральному совету подсчитать голоса всех местных федераций, но чтобы из различных постановлений федераций сделать лишь одно мнение, надо обладать либо сверхчеловеческим умом, либо особым тиглем, способным сплавить различные императивные мандаты. А что же вышло из этого тигля нового сорта? Только то, что и могло выйти: мнение Испанского федерального совета. Мы бросаем вызов всем альянсистам: пусть они укажут нам тот способ химического соединения, который мог бы дать другой результат.

Таким образом, Испанский федеральный совет, столь антиавторитарный, столь анархичный и т. д., *централизовал* в своих руках взносы, чтобы послать делегатов в Гаагу; он сам *провел* выборы этих делегатов с такой ловкостью, что выбраны были только альянсисты, и, наконец, он выработал *коллективный императивный мандат*, который, по его словам, отражал волю членов Интернационала в Испании.

Трудно представить себе большее уважение к автономии.

Написано Энгельсом.

*Напечатано в «La Emancipación»
от 13 октября 1872 г.*

[ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСА К БИНЬЯМИ О ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ.]

Лондон, 4 октября 1872 г.

Мой дорогой Биньями!

На заседаниях Гаагского конгресса, происходившего с 2 по 7 сентября, присутствовали 64 делегата Международного Товарищества Рабочих. Из этих делегатов 16 были представителями Франции, 10 — Германии, 7 — Бельгии, 5 — Англии, 5 — Америки, 1 — Голландии, 1 — Испании, 3 — Романской федерации (Швейцария), 2 — Юрской федерации (Швейцария), 1 — Ирландии, 1 — Австрии, 1 — Венгрии, 1 — Польши, 1 — Португалии, 1 — Австралии, 2 — Дании. По национальному составу было 20 французов, 16 немцев, 8 бельгийцев, 6 англичан, 1 поляк, 1 ирландец, 1 корсиканец и 1 датчанин.

Проверка мандатов продолжалась более двух дней. При проверке мандатов были подвергнуты рассмотрению все внутренние вопросы, которыми Интернационал занимался после последнего конгресса; почти в каждом случае обсуждались действия Генерального Совета.

Из 3 мандатов, предъявленных гражданином Лафаргом, который был представителем Португалии и двух испанских местных федераций, мандат одной из них, Новой мадридской федерации, был оспорен другими испанскими делегатами. Новая мадридская федерация, — образованная членами Интернационала, исключенными из старой федерации, произвольно и в нарушение устава, — не была признана Испанским федеральным советом; она обратилась к лондонскому Генеральному Совету, который признал ее.

Конгресс единогласно утвердил это решение.

По примеру прежних конгрессов были допущены 6 делегатов, которых послал Генеральный Совет и которые, впрочем, за исключением одного, были снабжены также и другими мандатами. Мандат делегата Женевской секции революционной пропаганды и действия, секции, не признанной Генеральным Советом, был объявлен

недействительным для участия на заседаниях конгресса, а также не была признана и самая секция. Четверо делегатов Испанской федерации были допущены только после уплаты Генеральному Совету взносов за 1871—1872 гг. Наконец, не был допущен на конгресс делегат 12-й нью-йоркской секции, не признанный Генеральным Советом, несмотря на свою продолжавшуюся более часа речь. Все эти решения, утвержденные большинством трех четвертей всех голосов, явились одновременно выражением доверия Генеральному Совету, чьи «произвольные» (как их кто-то назвал) действия были целиком одобрены огромным большинством конгресса.

После этих дискуссий, в итоге которых были разрешены разногласия, возникшие внутри Интернационала, — дискуссий, следовательно, отнюдь не бесполезных, — сразу же перешли к вопросу о самом Генеральном Совете. Следовало ли его упразднить? А если его следует сохранить, то оставить ли за ним его полномочия, или же его следует низвести до уровня простого корреспондентского статистического бюро, так сказать, *почтового ящика*? Ответ конгресса не оставил на этот счет никаких сомнений. Статья 2 в разделе II общего регламента сформулирована следующим образом: «Генеральный Совет обязан приводить в исполнение постановления конгрессов». Конгресс добавил к этому: «и следить в каждой стране за строгим соблюдением принципов общего устава и регламента Интернационала» (40 делегатов голосовали за такое добавление, 5 против него и 11 воздержались).

Статья 6 того же раздела, предоставлявшая Генеральному Совету право исключать ту или иную секцию, была сформулирована следующим образом:

Ст. 6. — Генеральный Совет имеет также право временно исключать отделения, секции, федеральные советы или комитеты и федерации Интернационала до очередного конгресса.

Однако по отношению к секциям, входящим в ту или иную федерацию, он должен применять это право, лишь выслушав предварительно мнение соответствующего федерального совета...

В случае временного исключения целой федерации Генеральный Совет должен немедленно довести об этом до сведения всех федераций. Если большинство федераций этого потребует, Генеральный Совет должен не позднее чем через месяц созвать чрезвычайную конференцию, на которой должны присутствовать делегаты по одному от каждой национальности и которая выносит окончательное решение.

Само собой разумеется, что страны, где Интернационал запрещен, пользуются теми же правами, что и федерации, существующие легально.

Ясно, что этот новый пункт регламента, определяющий с полной ясностью полномочия Генерального Совета, сопровождается их гарантиями, необходимыми для того, чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям.

Конгресс выразил пожелание, чтобы Генеральный Совет обладал властью, но властью ответственной. Этот пункт был принят большинством 36 голосов против 11, при 9 воздержавшихся.

Затем следовал вопрос о новом Генеральном Совете. Генеральный Совет, полномочия которого истекли, мог бы при желании добиться своего переизбрания целиком или частично, и он мог быть уверен в почти полном единодушии, потому что в этом вопросе бельгийцы и голландцы отходили от меньшинства и голосовали за Лондон. Но Маркс, Энгельс, Серраиё, Врублевский, Дюпон и остальные члены старого Совета доказали, что они вовсе не для себя лично требовали более широких и более определенных полномочий Генерального Совета, который надлежало вновь избрать, и предложили перевести Генеральный Совет в Нью-Йорк как в единственное, кроме Лондона, место, где были бы обеспечены два основных условия: уверенность в сохранности архивов и международный характер состава Совета. Из всех предложений, сделанных старым Советом, это было единственным, встретившим некоторые затруднения, так как все, за исключением представителей Юрской федерации и испанцев, хотели оставить руководство Интернационала в тех руках, в которых оно находилось до сих пор. Только после формального заявления наиболее активных и известных членов старого Совета об отказе принять новый мандат, перевод в Нью-Йорк был принят абсолютным большинством голосов. Конгресс перешел к избранию нового Совета, в состав которого вошли 2 ирландца, 1 швед, 1 итальянец, 3 француза, 1 американец и 4 немца, с правом включения в Совет еще 3 членов.

Известно, что IX резолюция Лондонской конференции (сентябрь 1871 г.) о политическом действии рабочего класса встретила сильную оппозицию со стороны представителей Юрской федерации, некоторых испанцев и большинства итальянцев как резолюция, якобы противоречащая принципам Интернационала. Между тем это решение включено сейчас в устав в качестве ст. 7а устава Интернационала и сформулировано следующим образом:

ст. 7а. В своей борьбе против объединенной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию,

противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Эта организация пролетариата в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и ее конечную цель — уничтожение классов.

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить ему рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великою обязанностью пролетариата.

Эта резолюция была принята большинством 29 голосов против 13 (считая и воздержавшихся), и, поскольку большинство превышает две трети, резолюция эта вошла в общий устав. К этому большинству надо добавить еще голоса 6 германских и 4 французских делегатов, которые были вынуждены покинуть Гаагу и подали свои голоса за резолюцию в письменной форме; таким образом, абстенционистская политика была осуждена большинством трех четвертей голосов против одной четверти.

Оставался еще один важный вопрос. Генеральный Совет разоблачил перед конгрессом существование в Интернационале тайного общества, которое было направлено не против существующих правительств, а против нашего же Товарищества. Члены этого тайного общества, которым руководил его основатель Михаил Бакунин, делились на три категории по степени их посвящения в тайны этого общества. Своей целью оно ставило захват в свои руки руководства Интернационалом, а если это окажется невозможным, то дезорганизацию его, чтобы таким путем лучше обеспечить свое влияние. С этой же целью распространялись лозунги об *автономии* секций, о *сопротивлении* авторитарным тенденциям Генерального Совета. Конгресс создал комиссию по расследованию вопроса об этом обществе, и ее отчет был оглашен на последнем заседании. В отчете было доказано существование этого тайного общества и его враждебный характер. Заканчивался отчет предложением об исключении из Интернационала Бакунина, Гильома, Швипгелея, Малона и двух других. Выводы из этого отчета, в части, касающейся *Альянса*, были приняты конгрессом; что же касается лиц, намеченных к исключению, то были исключены Бакунин и Гильом; Швип-

гебеля спасло незначительное большинство; остальные были амнистированы.

Таковы резолюции Гаагского конгресса, они носят достаточно определенный характер и в то же время крайне умеренны. Генеральный Совет, поддержанный большинством трех четвертей голосов конгресса против одной четверти, приложил все усилия к тому, чтобы обеспечить новому Совету ясное и вполне определенное положение, с предельной четкостью установить политическую программу Интернационала, взятую под сомнение сектантским меньшинством, и уничтожить то тайное общество, которое вместо того, чтобы бороться против существующих правительств, устраивает заговор против самого Интернационала. Затем Генеральный Совет отказался от переизбрания, и ему пришлось употребить величайшие усилия, чтобы добиться принятия своей отставки. Большинство конгресса состояло в частности из французских, германских, венгерских, датских, польских, португальских, ирландских, австралийских и американских делегатов, а также делегатов романской Швейцарии; меньшинство составляли бельгийцы, голландцы, испанцы, делегаты Юрской федерации и один американец. Англичане раскололись и голосовали по-разному. Ни разу меньшинство (считая и воздержавшихся) не превышало 20 голосов на 64 делегата, обычно же колебалось в пределах от 12 до 13.

Присутствовал итальянский делегат, председатель конфедерации в Римини, но он не предъявил своего мандата; конечно, конгресс все равно не утвердил бы его. Он присутствовал на заседаниях в качестве гостя.

По возвращении из Гааги я нашел в «Favilla», выходящей в Мантуе, статью за подписью *Амео*, в которой оспаривается справедливость утверждения, что из 21 секции, делегаты которых подписали резолюцию в Римини, только одна неаполитанская принадлежит к Интернационалу. «Утверждая далее, что только неаполитанская секция является правомочной, Генеральный Совет говорит неправду. Миланский рабочий кружок, общество в Джирдженти, общество в Равенне, Риме, туринская секция, явившаяся инициатором, уплатили 10 центезими, предписанные общим уставом». Чтобы убедиться в том, кто говорит неправду, Генеральный Совет или *Амео*, достаточно лишь сказать, что ни миланская, ни туринская секции, ни секция в Джирдженти не фигурируют в числе подписавших резолюцию в Римини и что римская секция обратилась к Генеральному Совету только после этой конференции (а я думаю, что вообще это не та секция, которая была представлена в Римини).

Итальянские интернационалисты могут быть уверены, что, поскольку будет существовать Интернационал, конгрессы, Генеральный Совет, общий устав и регламент, ни одна секция не будет принята ни конгрессом, ни Советом, пока она не признает одинаковых для всех положений, зафиксированных в общем уставе и регламенте.

Фридрих Энгельс.

Перевод сделан с текста, опубликованного в «Critica Sociale» от 1 декабря 1895 г., перепечатавшей это письмо по тексту газеты «La Plebe» от 5 октября 1872 г.

В РЕДАКЦИЮ «VOLKSSTAAT».

Лондон, 20 октября 1872 г.

Передовая статья в № 84 «Volksstaat» — «О Гаагском конгрессе. III» — содержит одну касающуюся меня фактическую ошибку, исправить которую я считаю необходимым только потому, что она проскользнула как раз в «Volksstaat». Если бы я стал опровергать ложь, клевету, подлость, да еще и невольные «ошибки» прессы мне враждебной, то у меня не оставалось бы ни одной минуты для действительной работы!

В упомянутой статье говорится:

«Лафарг так далек был от роли «адъютанта» Маркса, что, когда дело шло об исключении Швицгелея, соратника Гильома, он *воздержался от голосования*, хотя предложение об исключении было внесено Марксом».

Это предложение внесла назначенная конгрессом следственная комиссия, а не я. Что касается меня, то я предложил конгрессу *исключить «Альянс»* и назначить в связи с этим следственную комиссию. Перед этой комиссией я, наряду с другими, фигурировал в качестве свидетеля обвинения. Мои показания были заслушаны лишь к концу следствия, в последнюю минуту, и притом во время одного из заседаний конгресса. Еще до этого один из членов комиссии выразил желание частным образом побеседовать со мной в целях выяснения чисто фактических вопросов. Я отклонил это предложение, чтобы избежать даже видимости личного влияния на комиссию.

Давая комиссии свои показания, я ни одним словом не упоминал ни о Швицгелее, ни о его руководителе Гильоме. Я говорил лишь об *одном* члене Альянса, находившемся на конгрессе, высказав при этом свое убеждение, что он не является членом «тайного» Альянса или, во всяком случае, уже давно отстранен от работы в нем.

На последнем заседании конгресса я голосовал за исключение Швицгелея, так как доказательства его принадлежности к «тайному» Альянсу были столь же очевидны, как и в отношении Гильома.

При таких обстоятельствах жалобная покаянная речь Швицгебеля не могла меня переубедить. Кстати, г. Гильом заведомо *лжет*, — что, впрочем, является обязанностью всякого члена «тайного» общества, — когда он в «Bulletin jurassien» уверяет, будто Швицгебель объявил о своей солидарности с ним. Дело обстоит как раз наоборот. Гильом с большим пафосом заявил, что судьба Швицгебеля тесно связана с его судьбой (Schwitzgebel stehe und falle mit ihm), но Швицгебель остался глух к этому отчаянному призыву! В своей покаянной речи он ни одним словом не упомянул о Гильоме, и именно эта покаянная речь подкупила большинство. В качестве члена комиссии по опубликованию протоколов конгресса я, конечно, основательно ознакомился с официальными протоколами.

Что касается Лафарга, то нужно отметить, что честный «Бидерман»¹ лжет, когда называет его делегатом от Барселоны. Лафарг был делегатом Португальского федерального совета, «Новой мадридской федерации» и еще одной испанской секции.

К. Маркс.

*Напечатано в «Der Volksstaat»
от 26 октября 1872 г.*

¹ Здесь игра слов: «Der Biedermann» (честный) и «Biedermann» (фамилия редактора «Deutsche Allgemeine Zeitung»). *Ред.*

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ПОЛОЖЕНИИ ТОВАРИЩЕСТВА В ИСПАНИИ, ПОРТУГАЛИИ И ИТАЛИИ ¹

1. ИСПАНИЯ.

В Испании Интернационал был основан сначала в качестве простого придатка к бакунинскому тайному обществу, Альянсу, для которого он должен был служить базой вербовки членов Альянса и средством подчинения бакунинскому влиянию всего рабочего движения. Ниже видно будет, что и теперь Альянс открыто стремится к тому, чтобы вернуть испанское отделение Интернационала в его прежнее подчиненное положение.

Вследствие такого зависимого положения специфические доктрины Альянса — немедленная отмена государства, анархия, антиавторитаризм, воздержание от всякого политического действия и т. д. — выдаются в Испании *за учение Интернационала*. В то же время каждый видный член Интернационала сразу же зачисляется в тайное общество, причем ему внушают, что такая система контроля легального объединения тайной организацией практикуется повсюду и представляет вполне естественное явление.

Все это имело место в 1869 г., и первый же человек, основавший в Испании Интернационал вместе с Альянсом, итальянец Фанелли, несмотря на все его теории воздержания от политического действия, в настоящее время является членом итальянского парламента. В июне 1870 г. состоялся первый испанский конгресс Интернационала в Барселоне, где был принят проект организационного устава, который теперь, после переработки его конференцией в Валенсии (сентябрь 1871 г.), получил силу и уже дал замечательные результаты.

Как и повсюду в других местах, то действительное участие в революционных событиях Парижской коммуны, которое наше Товарищество принимало (наряду с тем, которое ему приписывалось),

¹ В рукописи Энгельса имеется отчет только по Испании. *Ред.*

выдвинуло Интернационал на первый план также и в Испании. Это обстоятельство и последовавшие непосредственно за этим преследования со стороны правительства значительно расширили наши ряды в Испании. Однако во всей Испании к моменту созыва конференции в Валенсии насчитывалось всего 13 местных секций, если не считать нескольких совершенно отдельно стоявших секций.

Конференция в Валенсии попрежнему оставила местопребыванием Федерального совета Мадрид, где он находился по решению Барселонского конгресса; за исключением одного видного члена, Томаса Гонзалеса Мораго (делегата Гаагского конгресса), весь состав Федерального совета остался прежним.

Когда этот Федеральный совет во время первых правительственных преследований в июне 1871 г. должен был на время искать убежище в Лиссабоне, Мораго в момент опасности покинул свой пост, что и послужило причиной исключения его из состава нового Федерального совета. С тех пор началась скрытая война, закончившаяся открытым разрывом.

Непосредственно после конференции в Валенсии состоялась Лондонская конференция (сентябрь 1871 г.), на которую испанцы прислали своим делегатом Ансельмо Лоренцо. Лоренцо первый привез в Испанию известие о том, что тайный «Альянс» не только не представляет нормального явления в Интернационале, но, напротив, Генеральный Совет и большинство федераций являются его открытыми противниками, поскольку его существование было тогда известно.

Вскоре после этого Сагаста начал свои преследования Интернационала, объявив всех членов Интернационала вне закона. А Мораго, тогда еще бывший членом местного мадридского совета, снова покинул свой пост и подал в отставку. Однако за угрозами правительства каких-либо серьезных мер не последовало. Правда, членам Интернационала было запрещено устраивать *публичные* собрания, но секции и комитеты могли беспрепятственно проводить свои заседания. Единственным результатом правительственных преследований было только то, что в огромных размерах возросло количество членов Интернационала. К Сарагосскому конгрессу, в апреле 1872 г., Товарищество насчитывало 70 окончательно оформленных местных федераций, и одновременно с этим в 100 других местах велась очень активная организационная и пропагандистская работа. Кроме того, по всей стране было организовано восемь профессиональных союзов, находившихся под руководством Интернационала, и был близок к осуществлению план организации единого

большого профессионального союза текстильных рабочих Испании (механиков, прядильщиков и ткачей).

Тем временем скрытая война внутри самого Интернационала продолжалась и стала принимать уже другой и более серьезный оборот. Личная неприязнь Мораго (пользовавшегося в Мадриде, несмотря на его повторное дезертирство, большим влиянием) к избранным на конференции в Валенсии новым членам Федерального совета уже больше не была единственной движущей силой этой борьбы. Постановления Лондонской конференции об открытом Альянсе и о политическом действии рабочего класса взбесили вожаков тайного Альянса и в особенности тех посвященных высших ступеней, которые получали свои инструкции непосредственно от Бакунина, а к числу их принадлежал также и Мораго. Это бешенство нашло свое выражение в сонвильерском циркуляре Юрской федерации, требовавшей немедленного созыва чрезвычайного конгресса. Испанский федеральный совет, так же как и многие секции, не решался выступить против Генерального Совета и Лондонской конференции, что было сочтено Альянсом за новое преступление. Кроме того, в январе 1872 г. в Мадрид прибыл Поль Лафарг, установивший дружеские отношения с членами Федерального совета и вскоре убедивший их на целом ряде фактов, что вся юрская афера — это основанная на клевете интрига, целью которой является дезорганизация Интернационала. С этого момента судьба федерации была предрешена. Так как члены Федерального совета состояли одновременно и редакторами «Емансипación», то местный совет, затеяв ссору с последней, добился исключения редакторов из Мадридской местной федерации. Хотя на Сарагосском конгрессе это исключение и было признано незаконным, но главная цель была уже достигнута: интриги и дразги сделали пребывание Федерального совета в Мадриде невозможным; поэтому, действительно, он был перенесен в Валенсию, и состав его был полностью изменен. Из двух переизбранных членов старого совета Мора немедленно же подал в отставку, а Лоренцо из-за возникших разногласий вскоре тоже сложил свои полномочия. Остальные члены совета были большей частью членами тайного Альянса.

После конгресса в Сарагоссе раскол между сторонниками Альянса и теми, кто отдавал предпочтение Интернационалу, становился все очевиднее. Наконец, 2 июня 1872 г. члены прежнего Федерального совета (Меса, Мора, Паули, Пахес и др.), составлявшие в то же время большинство мадридской секции Альянса, обратились ко всем секциям этого тайного общества с циркуляром,

в котором извещали о роспуске своей секции и призывали другие секции последовать их примеру. А на следующий день все они, под ложными предложениями и в явное нарушение устава, были изгнаны из местной федерации мадридского Интернационала. Из 130 членов только 15 человек присутствовали при этом голосовании. Изгнанные образовали новую федерацию, которую, однако, Федеральный совет отказался признать. Тогда они апеллировали к Генеральному Совету, который признал их, не запрашивая Испанский федеральный совет, что и было одобрено Гаагским конгрессом.

Причина, почему Генеральный Совет в данном случае не счел нужным запросить мнение Испанского федерального совета, заключалась в следующем. После того как поступило достаточно доказательств о существовании и деятельности Альянса в Испании и того факта, что большинство, если не все члены Испанского федерального совета одновременно состоят и членами Альянса, Генеральный Совет потребовал от Совета объяснений и информации относительно этого тайного общества. В своем ответе от 3 августа 1872 г. Испанский федеральный совет открыто стал на сторону Альянса, заявив, однако, при этом, что последний уже распущен. Запрашивать мнение Совета, который во время борьбы между Интернационалом и созданным внутри него тайным обществом стал на сторону последнего, было бы более чем излишним. Гаагский конгресс полностью санкционировал это решение.

Чтобы обеспечить избрание членов Альянса делегатами на Гаагский конгресс, Федеральный совет с помощью частного циркуляра, содержание которого никогда не было сообщено Генеральному Совету, прибег к разным маневрам, обнаруженным на конгрессе; если бы не необычайная мягкость большинства Гаагского конгресса, этого было бы достаточно, чтобы признать недействительными мандаты четырех делегатов Испанской федерации.

Итак, положение дел в Испании таково: там существуют только две местные федерации, которые полностью и открыто признают решения Гаагского конгресса и новый Генеральный Совет; это Новая мадридская федерация и федерация в Алкала де-Хенарес. Если им и не удастся привлечь на свою сторону большую часть испанского Интернационала, то во всяком случае они образуют ядро Новой испанской федерации.

Широкие массы испанских членов Интернационала все еще находятся под руководством Альянса, задающего тон как в Федеральном, так и в более значительных местных советах. Однако имеется много признаков, которые показывают, что резолюции

конгресса произвели большое впечатление на массы в Испании. Имя Интернационала пользуется там большой популярностью, а его официальное выражение — конгресс — обладает огромным моральным влиянием. Господам из Альянса становится в силу этого несколько трудновато убедить массы в своей правоте. Оппозиция становится серьезной. Это движение возглавляют фабричные рабочие Каталонии со своим профессиональным союзом в 40 000 человек, которые требуют созыва чрезвычайного конгресса в Испании для заслушивания отчета делегатов Гаагского конгресса и расследования деятельности Федерального совета. Органом Новой мадридской федерации служит «La Emancipación», пожалуй, лучшая газета Интернационала. Газета эта, выходящая еженедельно, в каждом номере сообщает все новые факты, разоблачающие Альянс, а о том, как энергично, как здраво, с каким пониманием теоретических принципов нашей ассоциации она ведет борьбу, Генеральный Совет может убедиться по номерам, которые я послал гр. Зорге. Ее теперешний редактор Хозе Меса, без сомнения, один из наиболее выдающихся членов испанского Интернационала, как по своему характеру, так и по таланту, и вообще, несомненно, один из лучших наших товарищей.

Я позволил себе посоветовать нашим испанским друзьям не особенно торопиться с созывом чрезвычайного конгресса и основательно к нему подготовиться. Тем временем я послал в «Emancipación» как отчеты о конгрессе, так и целый ряд статей и предполагаю делать это и впредь, так как Меса, единственный человек в Мадриде, владеющий пером, несмотря на свою исключительную энергию, один со всем справиться не может. Я не сомневаюсь в том, что если наши испанские товарищи встретят основательную поддержку со стороны нашего Генерального Совета, то нам удастся побороть все препятствия и вырвать из-под влияния шарлатанов из Альянса одну из лучших организаций Интернационала.

Лондон, 31 октября 1872 г.

Фридрих Энгельс,

бывший секретарь для Испании.

Печатается по рукописи, написанной на английском языке и хранящейся в ИМЭЛ. Напечатано в приложении к письму Энгельса к Зорге от 5 октября 1872 г. в сборнике «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.».

ПИСЬМО ИЗ ЛОНДОНА.

Лондон, 1 декабря 1872 г.

Организованный английским правительством процесс против ораторов, выступавших на ирландском *митинге* в Гайд-парке, чреват для этого правительства тяжелыми последствиями. Правда, мировой судья присудил обвиняемых к штрафу в размере 5 фунтов стерлингов, но судебные прения полностью доказали незаконность нового положения об общественных садах, так что апелляционный суд, куда сейчас передано дело, должен будет оправдать обвиняемых.

Но это не все: после того первого *митинга* не проходит ни одного воскресенья без открытых собраний в *Гайд-парке*, и правительство не смеет чинить препятствий ни одному оратору. В одном случае имело место собрание в защиту служащих полиции, объявивших забастовку; в другом случае состоялся *митинг* просто в подтверждение права устраивать собрания в парках.

Забастовка служащих полиции? — спросите вы. Так точно: Англия страна, одержимая бесом, и там забастовки проникают повсюду. Я помню, как лет 15 тому назад полисмены в Манчестере объявили забастовку, требуя повышения заработной платы, и всего лишь два дня спустя одержали полную победу. Несколько недель тому назад служащие полиции здешней столицы угрожали стачкой ввиду того, что им было отказано в повышении заработной платы, примерно, на 2%. В последний момент правительство сочло целесообразным удовлетворить все их требования; но в порядке репрессии оно подвергло наказанию секретаря «Общества сопротивления», созданного самими служащими полиции, и, поскольку он не хотел подчиниться наказанию, его уволили. Тогда в рядах служащих полиции началось движение протеста, и было созвано собрание в *Гайд-парке*. Правительство снова уступило, амнистировав бунтовщиков до того, как состоялось собрание, за исключением упомянутого выше секретаря. Это показывает вам, что в Англии, с ее вполне аристократической внешностью, буржуазный дух проник повсюду. В самом деле, какая другая нация настолько буржуазна, чтобы

позволить себе допускать существование обществ сопротивления и забастовок в полиции?

Поступающие сюда сведения об отношении различных федераций Интернационала к резолюциям конгресса в Гааге как нельзя более удовлетворительны. В Голландии (делегаты этой страны голосовали с меньшинством) на национальном конгрессе были приняты резолюции, соответствующие истинному духу великого Товарищества. Здесь старались действовать согласно уставу и регламенту нью-йоркского Генерального Совета, оставив за собою, впрочем, право сделать нужные оговорки на общем конгрессе, который состоится в сентябре 1873 г., и не признавать ни за каким другим конгрессом права принимать те или иные решения, затрагивающие общие интересы Товарищества.

В Испании, где руководители меньшинства Гаагского конгресса считали себя полными хозяевами положения, тоже берет верх здравый смысл рабочих. Сторонники *Альянса*, возглавляющие федеральный совет, назначили на 25 декабря конгресс своей страны в Кордове. Этот конгресс согласно порядку дня, принятому на предыдущем конгрессе в Сарагоссе, должен был бы заняться согласованием основ испанской федеральной организации с решениями, которые примет Международный конгресс. Между тем, федеральный конгресс поставил в порядок дня вопрос о выборе между резолюциями интернационального конгресса в Гааге и резолюциями антиинтернационального конгресса в Сент-Имье. Это явное нарушение общего устава. Поэтому Новая мадридская федерация обратилась ко всем подлинно интернациональным федерациям (т. е. признающим общий устав и решения конгрессов) с призывом избрать новый временный федеральный совет. На этот призыв уже откликнулись такие важные федерации и секции, как Лерида, Бадалона, Дения, Понт де Вильемерс. Кроме того, высказались против нынешнего Федерального совета федерации в Грасии, Толедо, Алькала и большое число федераций в Кадиксе и Валенсии. В Грасии, промышленном пригороде Барселоны, после продолжавшейся три вечера дискуссии с барселонскими альянсистами эта федерация (насчитывающая 500 членов) единогласно утвердила все гаагские решения и постановила вынести порицание испанским делегатам за их поведение на последнем общем конгрессе. В Валенсии тот же Федеральный совет учуял опасность быть побитым на пленарном собрании и помешал голосованию, которое могло бы оказаться для него неблагоприятным; этот акт уже вызвал расколы. Испания находится в начале этого пути; через несколько недель такое движение будет

уже достаточно сильным, чтобы доказать, что испанские рабочие не желают допустить дезорганизации *Интернационала* в интересах руководителей какого-то тайного общества.

На Гаагском конгрессе фигурировал некий Буске, секретарь полицейского комиссариата в Безье, который втерся в ряды *Интернационала*, но, по требованию его секции, он теперь уже исключен из него старым Генеральным Советом. Этот субъект, который позднее был произведен Тьером в чин начальника полицейской бригады в его городе, нашел защитника в № 21 «Bulletin jurassien». Этому не приходится особенно удивляться, поскольку из рядов Юрской федерации вышли такие молодцы, как Альбер Ришар и Гаспар Блан, нынешние соратники Луи-Наполеона.

Ф. Энгельс.

Перевод сделан с текста, опубликованного в «Critica Sociale» от 1 декабря 1896 г., перепечатавшей это письмо по тексту газеты «La Plebe» от 14 декабря 1872 г.

РЕДАКТОРУ «THE INTERNATIONAL HERALD».

Дорогой гражданин!

До сих пор мы считали совершенно излишним отвечать на ложь и клевету, которую «автономный» г. Джон Хейлз неустанно распространял в отношении нас. Но, когда подобная же клевета пускается в ход якобы от имени Британского федерального совета и со ссылкой на его авторитет, когда она рассчитана уже на то, чтобы причинить вред Интернационалу в целом, — мы обязаны нарушить наше молчание.

Этот г. Хейлз, который вдруг выступает как борец за автономию секций и федераций, на практике толкует эту автономию как свое личное самодержавие. Он назначил себя сам, во-первых, секретарем, ответственным за протоколы; во-вторых, секретарем-корреспондентом (для Англии и заграницы); в-третьих, казначеем Британского федерального совета; но так как сам он не в состоянии выполнять одновременно все эти обязанности, он, в-четвертых, назначает других членов этого совета в качестве своих слуг. И, в-пятых, во все части света он пишет письма от имени Британского федерального совета, но без его ведома и без его санкции.

Так, например, в № 23 «Bulletin jurassien» мы находим официальное письмо раскольнического Юрского комитета, адресованное Британскому федеральному совету, в ответ на опубликованное там же письмо г. Джона Хейлза. Мы уверены, что Британскому федеральному совету о существовании этого письма совершенно ничего не было известно.

В этом письме г. Хейлз утверждает: «Этот конгресс (в Гааге)... разоблачил лицемерие деятелей прежнего Генерального Совета, пытавшихся образовать внутри нашего Товарищества обширное тайное общество под предлогом уничтожения другого тайного общества, существование которого ими было вымыслено в своих собственных целях».

У г. Хейлза удивительная логика. Исключение конгрессом *Альянса* из Интернационала служит ему доказательством лицемерия старого Генерального Совета, который не признавал этой

организации. Что же касается *Альянса*, якобы вымышленного Генеральным Советом, и тайного заговора, им же организованного, то гражданин Юнг, член настоящего Федерального совета, лучше, чем кто бы то ни было, может дать об этом все необходимые сведения. Как бывший секретарь для Швейцарии он знает о подвигах «Альянса», а как член Исполнительного комитета старого Генерального Совета он знает все о «заговоре», вымышленном Джоном Хейлзом. Деяния открытой организации Альянса были уже преданы гласности циркуляром старого Генерального Совета — «Мнимые расколы в Интернационале». Тайная же деятельность этого Общества будет выведена на чистую воду опубликованием документов, подготовляемых в настоящее время следственной комиссией, назначенной Гаагским конгрессом.

Г-н Хейлз жалуется: «Являясь генеральным секретарем Совета, я никогда не знал и никогда не мог получить адресов континентальных федераций». Когда г-н Хейлз был секретарем и единственным платным должностным лицом Генерального Совета, то никаких других обязанностей, кроме составления протоколов, направления выдержек из них в печать и переписки с английскими секциями и трэд-юнионами, он не имел.

Переписка с другими федерациями, континентальными и прочими, была поручена неоплачиваемым секретарям, в деятельность которых он не имел права вмешиваться. А то, как он выполнял свою обязанность по той переписке, которая ему была поручена, видно из специально принятой Генеральным Советом резолюции, согласно которой эта обязанность была передана гражданину Милнеру.

Далее г-н Хейлз заявляет: «Однажды Британский федеральный совет получил очень важное письмо от Испанского федерального совета, но автор письма, гражданин Ансельмо Лоренцо, забыл сообщить свой адрес; Британский федеральный совет запросил у гражданина Энгельса, бывшего в то время секретарем-корреспондентом для Испании, адрес Лоренцо; гражданин Энгельс ответил официальным отказом. Недавно он отказался сообщить сведения относительно Лиссабонского федерального совета».

Гражданину Энгельсу по этому вопросу известно лишь следующее: он получил от гр. Юнга испанское письмо, о котором идет речь, с единственной просьбой перевести его, что он и сделал. О просьбе Британского федерального совета сообщить адрес Лоренцо ему ничего неизвестно. Он был бы благодарен, если бы ему представили выписку из протокола по этому вопросу.

Теперь о лиссабонском деле. Португальский совет обратился к Энгельсу с просьбой о помощи в стачке; Энгельс первым долгом обратился за содействием к Британскому федеральному совету и в то же время предпринял и другие меры, какие были ему доступны. После повторных устных просьб через посредство членов Федерального совета и после одного письменного обращения Энгельс приблизительно месяца через два получил письмо от Хейлза, в котором тот сообщил, что Совет предпринял некоторые шаги в этом деле, а также просил прислать адреса лиссабонцев. Будучи осведомлен, что Хейлзу эти адреса нужны исключительно для своих личных интриг, Энгельс на это письмо не ответил. О такой сдержанности в отношении других членов Британского федерального совета никогда не могло быть и речи. Когда Юнг от имени Федерального совета затребовал берлинские, лейпцигские и венские адреса, они тотчас же были ему посланы.

Опубликование выдержек из протоколов старого Генерального Совета, составленных большей частью самим же г-ном Хейлзом, вскроет мотивы его озлобления против Совета. Выражаясь словами его собственного письма к Юрскому комитету, станет ясно, что «всякий, кто не был близко знаком с несуществующим более Генеральным Советом, не может даже представить себе, до чего извращает факты» г-н Джон Хейлз.

С братским приветом

Ф. Энгельс
К. Маркс.

Напечатано в «The International Herald» от 21 декабря 1872 г.

[О БРИТАНСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ СОВЕТЕ]

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

МАНЧЕСТЕРСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ СЕКЦИЯ ВСЕМ СЕКЦИЯМ И ЧЛЕНАМ
БРИТАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Товарищи рабочие!

Мы считаем своим долгом обратиться к вам в связи с циркуляром, выпущенным теми, кто сами себя именуют большинством Британского федерального совета и в котором они призывают вас присоединиться к их открытому бунту против основных устоев нашего Товарищества.

В этом циркуляре большинство Федерального совета утверждает, будто меньшинство сделало невозможной какую бы то ни было работу и завело организацию в тупик, так как последнее заседание было распущено председателем в разгаре прений для того, чтобы помешать дискуссии.

С первого же взгляда кажется странным, что меньшинство могло завести в тупик большинство, когда было бы достаточно простого голосования, чтобы заставить это меньшинство замолчать. До сих пор довольно часты были случаи, когда откалывалось меньшинство. Это первый случай откола *большинства*; и уже одного этого факта достаточно, чтобы заподозрить тут что-то неладное. Что касается претензии, предъявленной к председателю одного из заседаний, то, как нам известно из достоверных источников, в данном случае председатель распустил собрание на полчаса позднее установленного срока заседаний Совета, т. е. в 11 час. 30 мин., в силу того что члены большинства настаивали на том, чтобы сделать перерыв в обсуждении вопроса.

Как указано в циркуляре, Федеральный совет раскололся по вопросу о признании или непризнании резолюций общего конгресса нашего Товарищества, происходившего в сентябре в Гааге. Однако для членов Интернационала это отнюдь не является вопросом. Согласно статье 3 устава Интернационала общий конгресс обязан «принимать меры, необходимые для успешной деятельности нашего Товарищества». Конгресс является его законодательным

органом. Его резолюции обязательны для всех. Тот, кому они не нравятся, может либо выйти из рядов Товарищества, либо добиваться их отмены на следующем конгрессе. Но ни отдельный член Товарищества, ни какая-либо секция, ни федеральный совет, ни местные или национальные конференции не в праве объявлять эти резолюции действительными или недействительными, претендуя в то же время на то, чтобы оставаться в рядах Интернационала.

Подписавшие циркуляр заявляют, будто состав Гаагского конгресса не был правомочным и ни в коей мере не представлял большинства членов Товарищества. Конгресс был созван Генеральным Советом в соответствии с 4 статьей общего устава на обычных основаниях. На нем присутствовало 64 делегата, представлявших 15 различных наций и лично принадлежавших к 12 различным национальностям. Ни один из предыдущих конгрессов не мог похвастаться таким поистине интернациональным составом. Что принятые резолюции были проникнуты истинным духом интернационализма, явствует из того факта, что почти все они были приняты большинством трех четвертей голосов и что делегаты двух наций, которые недавно вели друг с другом братоубийственную войну, — французы и немцы, — почти во всех случаях голосовали за них единодушно. Если Англия по своей собственной вине не была представлена на конгрессе многочисленной делегацией, то разве это является основанием объявлять конгресс неправомочным?

Авторы циркуляра осуждают резолюцию конгресса по вопросу о политическом действии рабочего класса. Они говорят, что она была принята после того, как большинство делегатов уехало. Официальный отчет, опубликованный в № 37 «The International Herald» (от 14 декабря), показывает, что по этому вопросу из 64 делегатов голосовали 48, причем 35 из них голосовали за резолюцию. В числе этих 35 был и г-н Моттерсхед, который подписывает теперь этот циркуляр, отвергающий резолюцию.

Что же представляет собой эта резолюция? Она по своему содержанию и большей частью также по формулировкам тождественна резолюции, принятой на общей конференции в Лондоне в сентябре 1871 г. и официально опубликованной вместе с остальными резолюциями 17 октября того же года Генеральным Советом; и на ней фигурируют в числе прочих следующие подписи: Джон Хейлз, Т. Моттерсхед, Г. Юнг, Ф. Бредник, Г. Майо и Джон Роч. Поскольку Генеральный Совет должен был проводить в жизнь резолюции конференции, то почему же никто из этих граждан не счел тогда уместным подать в отставку, уйти из Генерального Совета и

протестовать против резолюции, которую теперь они вдруг признают столь опасной?

Циркуляр совершенно извращает смысл этой резолюции, что нетрудно будет заметить, ознакомившись с ее текстом, опубликованным в № 37 «The International Herald». В противоположность тому, что утверждает циркуляр, резолюция не вменяет в обязанность профсоюзам и другим политически нейтральным организациям заниматься политической деятельностью. Она только требует образования в каждой стране самостоятельной партии рабочего класса, которая противостояла бы всем буржуазным партиям. Это означает, что она призывает рабочий класс здесь, в Англии, не играть больше роли придатка «великой либеральной партии», а образовать свою независимую партию, как это было в славные дни великого чартистского движения.

Таким образом, утверждения о вероломстве по отношению к профсоюзам оказываются сущим вымыслом. Но позволительно спросить, куда девались теперь те профсоюзы, которые в свое время примкнули к Интернационалу? Денежный баланс за прошлый год показывает, что за время секретарства гражданина Хейлза почти все они улетучились.

Следующее обвинение сводится к тому, что Генеральный Совет переведен в Нью-Йорк и что в нем нет ни англичан, ни американцев. Новый Генеральный Совет состоит из людей, принадлежащих к шести различным нациям, и если англичане в Нью-Йорке держатся в стороне от Интернационала, то пусть сами пеняют на себя, что они не представлены в Совете. Когда Совет находился в Лондоне, англичане были всегда представлены в гораздо большем количестве, чем любая другая нация, и очень часто составляли абсолютное большинство; между тем, например, французы одно время совсем не были представлены в Совете. Но претендовать на такой порядок, как на свое неотъемлемое право, англичане не могут. Когда Гаагский конгресс, сообразно правам и обязанностям, предоставленным ему статьей 3 общего устава, выбирал новый Генеральный Совет, он был убежден в том, что выбрал наилучшее место и в этом месте — наилучших людей. Подписавшие циркуляр могут держаться иного мнения на этот счет, но это не умаляет прав конгресса.

Авторы циркуляра утверждают, будто в результате такого образа действий секции и федерации лишены своего прежнего права решать вопрос о том, какую политику они должны проводить в их стране. Это опять-таки неверно. Где бы ни находился Генеральный Совет — в Лондоне, Нью-Йорке или в каком-либо ином городе —

права секций и федераций остаются неизменными. Но, — говорится в циркуляре, — для того чтобы этот пункт не нарушался, «Конгресс предоставил этому Генеральному Совету право временно исключать любую секцию, федерацию или Федеральный совет по его усмотрению без указания причин такого образа действий». Опять-таки неверно. Право временно исключать любую секцию было предоставлено Генеральному Совету еще Базельским конгрессом (1869). Официальное издание резолюций Гаагского конгресса, резолюция II, ст. 1 («The International Herald» № 37), показывает, что если полномочия Генерального Совета были расширены или, вернее говоря, более точно определены, то зато они были оговорены определенными условиями, которые раньше не предусматривались. Например, если Генеральный Совет распускает какой-нибудь федеральный совет, то он должен *в течение 30 дней* принять меры к избранию нового федерального совета и, следовательно, в конце концов, последнее слово принадлежит самой федерации. Если Генеральный Совет временно исключает целую федерацию, то для вынесения окончательного суждения он обязан, если того потребуют остальные федерации, *в месячный срок* представить свое решение на конференцию делегатов от всех федераций. И вот это-то в циркуляре называют правом временного исключения без указания причин!

Товарищи рабочие! Одобряете ли вы индивидуально или не одобряете резолюции, принятые в Гааге, в настоящий момент они являются *для Интернационала законом*. Если кто-нибудь из вас их не одобряет, то он может обратиться к очередному конгрессу. Но ни одна секция, ни Британский федеральный совет, ни какой бы то ни было созванный им национальный конгресс не в праве отвергать резолюции общего конгресса, созванного на законном основании. Кто пытается это сделать, тот фактически ставит себя вне рядов Интернационала, а это в действительности и сделали лица, подписавшие циркуляр. Допускать в Интернационале подобные действия равносильно его роспуску.

Даже в тех странах, делегаты которых составляли в Гааге меньшинство, началось энергичное противодействие против расколлических тенденций, проявленных этими делегатами. Если в Америке, во Франции, Германии, Польше, Австрии, Венгрии, Португалии и во всей Швейцарии, за исключением горстки едва в 200 человек, гаагские резолюции были встречены с радостью, то и голландские интернационалисты на своем конгрессе постановили поддерживать Нью-Йоркский совет, и если у них окажутся какие бы то ни было претензии, то обратиться только к очередному законному

общему конгрессу в сентябре 1873 г., а до этого — ни к какому другому. В Испании, где Федеральный совет сделал попытку вызвать раскольниковое движение, подобно тому как это затевается и данным циркуляром, отпор этому совету возрастает с каждым днем, и секции одна за другой присоединяются к гаагским резолюциям.

Товарищи рабочие! По всем этим причинам мы протестуем против созыва какого бы то ни было английского конгресса, который стал бы выносить суждение об основных устоях Товарищества, давно решенных делегатами всех представленных в нем наций.

Мы протестуем против созыва конгресса в такой короткий срок, как намеченный срок — 5 января.

Мы настаиваем на том, чтобы все секции представили вышеизложенное на обсуждение своих членов, не забывая о том, что будущность нашего Товарищества в Англии зависит от их поведения при настоящем кризисе.

Необходимо признать законными делегатами Федерального совета только тех, кто будет отстаивать авторитет Гаагского конгресса и стараться провести в жизнь принятые там резолюции.

Принято на общем собрании Манчестерской международной секции, состоявшемся в субботу, 21 декабря 1872 г.

Братский привет всем членам нашего Товарищества.

П. Цурхер, председатель собрания.

П. Куплер, генеральный и немецкий секретарь.

О. Висс, французский секретарь.

Написано Энгельсом¹.

Напечатано отдельной листовкой.

¹ Об авторстве см. т. XXVI, стр. 308. *Ред.*

L'ALLIANCE
DE LA
DÉMOCRATIE SOCIALISTE

ET
L'ASSOCIATION INTERNATIONALE
DES TRAVAILLEURS.

RAPPORT ET DOCUMENTS PUBLIÉS PAR ORDRE DU
CONGRÈS INTERNATIONAL DE LA HAYE

LONDRES :
A. DARSON, SUCCESSEUR DE FOUCAULT,
46B. RATHBONE PLACE. OXEORD ST.

HAMBOURG :
EN VENTE CHEZ OTTO MEISSNER.

1873.

АЛЬЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ

ДОКЛАД И ДОКУМЕНТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ГААГСКОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА¹.

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Международное Товарищество Рабочих, поставив себе целью сплотить воедино разрозненные силы мирового пролетариата и стать, таким образом, живым выразителем общности интересов, объединяющей рабочих, неизбежно должно было открыть доступ социалистам всех оттенков. Его основатели и представители рабочих организаций Старого и Нового света, утвердившие на международных конгрессах статуты Товарищества, упустили из виду, что сама широта его программы позволит деклассированным элементам проникнуть в него и создать внутри него тайные организации, усилия которых будут направляться не против буржуазии и существующих правительств, а против самого Интернационала. Так и произошло в случае с *Альянсом социалистической демократии*.

На Гаагском конгрессе Генеральный Совет потребовал расследования по поводу этой тайной организации. Конгресс поручил это расследование комиссии из пяти членов (граждан: Куно, Люкена, Сплэнгара, Вишара и Вальтера, который впоследствии подал в отставку). Комиссия сделала доклад на заседании 7 сентября. Конгресс постановил:

1. Исключить из Интернационала Михаила Бакунина как основателя Альянса, а также и за личный проступок (pour un fait personnel);
2. Исключить Джемса Гильома как члена Альянса;
3. Опубликовать документы, относящиеся к Альянсу.

¹ Документы «Альянса», приложенные к брошюре, в томе не даются. Подробный анализ этих документов дан в тексте брошюры. Документы Генерального Совета, написанные К. Марксом и Ф. Энгельсом, помещены в настоящем томе в хронологическом порядке. *Ред.*

Ввиду того, что члены комиссии, расследовавшей деятельность Альянса, разъехались по разным странам и комиссия была лишена возможности опубликовать документы, на основании которых был составлен доклад, — гражданин Вишар, единственный проживавший в Лондоне член ее, передал их протокольной комиссии, которая и воспроизводит их ныне под своей ответственностью в нижеследующем докладе.

Дело об Альянсе было настолько объемисто, что комиссия, заседавшая во время конгресса, успела познакомиться лишь с наиболее важными документами, необходимыми для того, чтобы сделать практические выводы; большая часть русских документов, например, не могла быть ею рассмотрена. Поскольку же доклад, представленный ею конгрессу, охватывал только часть вопроса, то в настоящее время его уже нельзя считать достаточным. Поэтому, для того чтобы читатель мог понять смысл и значение этих документов, мы были вынуждены изложить историю Альянса.

Публикуемые нами документы относятся к нескольким категориям. Некоторые из этих документов уже были опубликованы отдельными частями, преимущественно на французском языке, но, чтобы правильно понять дух Альянса, их надо сопоставить с другими, ибо при таком сопоставлении они предстают в новом свете. К числу таких документов относится программа открытого Альянса. Другие документы касаются Интернационала и печатаются впервые; некоторые касаются испанской секции тайного Альянса, существование которой было публично разоблачено членами Альянса весной 1871 г. Кто следил за испанским движением этого времени, тот найдет в них лишь более точные данные о фактах, ставших уже в известной мере достоянием гласности. Значение этих документов заключается не в том, что они публикуются впервые, а в том, что они впервые сопоставляются друг с другом таким образом, что вскрывается единая тайная работа, обусловившая их появление, и особенно в том, что мы сопоставляем их с двумя нижеследующими категориями документов. Первая состоит из документов, опубликованных по-русски и разоблачающих подлинную программу и образ действий Альянса. Эти документы благодаря тому языку, на котором они были написаны, оставались до сих пор неизвестными Западу, и это обстоятельство позволило их авторам дать полную волю своему воображению и языку. Приводимый нами точный их перевод позволит читателю оценить по достоинству умственный, нравственный, экономический и политический уровень вождей Альянса.

К последней категории относится только один документ: тайные статуты [устав и программа] Альянса; это — единственный более или менее крупный по размерам документ, впервые публикуемый в этом докладе. Может возникнуть вопрос, позволительно ли революционерам оглашать статуты тайного общества, относящиеся к какому-то замышляемому заговору. Прежде всего отметим, что эти тайные статуты были определенно указаны в числе документов, опубликования которых потребовала на Гаагском конгрессе комиссия по делу об Альянсе, и ни один из делегатов, даже тот из членов комиссии, который представлял в ней меньшинство, не голосовал против этого. Таким образом, опубликование этих документов вполне определенно было предписано конгрессом, указания которого мы обязаны выполнять. По существу же необходимо сказать следующее.

Перед нами общество, которое под видом самого крайнего анархизма направляет свои удары не против существующих правительств, а против революционеров, не приемлющих ни его догмы, ни его руководства. Основанное меньшинством некоего буржуазного конгресса, оно втирается в ряды международной организации рабочего класса и сначала пытается захватить руководство ею, а когда этот план не удается, старается ее дезорганизовать. Оно нагло подменяет своей сектантской программой и своими ограниченными идеями широкую программу и великие стремления нашего Товарищества: оно организует внутри открытых секций Интернационала свои маленькие тайные секции, которые повинуются единым директивам и которым поэтому путем заранее согласованных действий довольно часто удается забрать секции Интернационала в свои руки; в своих газетах оно открыто обрушивается на всех, кто отказывается подчиняться его воле; оно провоцирует открытую войну — таковы его собственные слова — в наших рядах. Для достижения своих целей оно не отступает ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все это свойственно ему в равной мере. Наконец, в России оно полностью подменяет собой Интернационал и, прикрываясь его именем, совершает уголовные преступления, мошенничества, убийство, ответственность за которые правительственная и буржуазная пресса возлагает на наше Товарищество. И обо всех этих фактах Интернационал должен молчать, потому что общество, виновное во всем этом, является тайным! В руках Интернационала имеются статуты этого общества, его смертельного врага; статуты, в которых оно открыто провозглашает себя современным иезуитским орденом

и объявляет своим правом и обязанностью применение на практике всех иезуитских методов; статуты, дающие сразу же объяснение всех тех враждебных действий, которым подвергался Интернационал со стороны этого общества; но использовать эти статуты Интернационал не может: ведь это значило бы выдавать тайное общество!

Против всех этих интриг есть только одно средство, обладающее, однако, сокрушительной силой, это — полнейшая гласность. Разоблачить эти интриги во всей их совокупности — значит лишить их всякой силы. Покрывать их своим молчанием было бы с нашей стороны не только наивностью, над которой вожаки Альянса первые стали бы издеваться, но и трусостью. Более того, это было бы актом предательства по отношению к тем испанским членам Интернационала, которые, будучи членами тайного Альянса, не колебались разоблачить его существование и образ действий, как только он занял позицию, открыто враждебную Интернационалу. Вдобавок все, что содержится в тайных статутах, заключается уже — и притом в еще более четко выраженной форме — в документах, опубликованных по-русски самими Бакуниным и Нечаевым. Статуты являются лишь их подтверждением.

Пусть вожаки Альянса кричат о предательстве. Мы предаем их презрению рабочих и благосклонности правительств, которым они оказали неоценимую услугу, дезорганизуя рабочее движение. Цюрихская «Tagwacht» в ответе Бакунину имела полное право заявить: «Если Вы не являетесь платным агентом, то во всяком случае ясно одно, что никакой платный агент не смог бы причинить больше вреда, чем причинили Вы».

II.

ТАЙНЫЙ АЛЬЯНС.

Альянс социалистической демократии чисто буржуазного происхождения. Он возник не из Интернационала; он является отпрыском Лиги мира и свободы, мертворожденного общества буржуазных республиканцев. Интернационал уже совершенно окреп, когда Михаилу Бакунину взбрело в голову выступить в роли освободителя пролетариата. Интернационал предоставлял ему лишь общее для всех своих членов поле деятельности. Чтобы выдвинуться в Интернационале, ему пришлось бы сначала заслужить себе шпоры упорной и самоотверженной работой; но он решил, что у него будет больше шансов и более легкий путь, если он пойдет рядом с буржуа из Лиги.

Итак в сентябре 1867 г. он добился того, что был избран в члены постоянного комитета Лиги мира и принял свою роль всерьез. Можно даже сказать, что вместе с Барни, теперешним депутатом в Версале, он был душой этого комитета. Выступая в качестве теоретика Лиги, Бакунин с ее благословения собирался печатать работу под названием «Федерализм, социализм и анти-теологизм»¹. Вскоре, однако, он убедился в том, что Лига остается незначительным обществом и что входящие в ее состав либералы видят в ее конгрессах лишь средство сочетать увеселительную поездку с высокопарными речами, между тем как Интернационал, наоборот, растет с каждым днем. Тогда он стал мечтать о том, чтобы привить Лигу к Интернационалу. Для приведения этого плана в исполнение Бакунин добился того, что по рекомендации Элпидина был принят в июле 1868 г. в члены центральной Женевской секции; с другой стороны, он провел в комитете Лиги решение об обращении к Брюссельскому конгрессу Интернационала с предложением заключить между обоими обществами наступательный и оборонительный союз. Для того же, чтобы конгресс членов Лиги санкционировал это пылкое начинание, он составил тайный циркуляр, а затем уговорил комитет принять и разослать тайный циркуляр «господам» из Лиги. В нем он откровенно признает, что Лига, бывшая до сих пор жалким фарсом, может приобрести значение, лишь противопоставив союзу угнетателей «союз народов, союз рабочих... мы можем стать чем-нибудь лишь в том случае, если захотим сделаться искренними и действительными представителями миллионов рабочих». Провиденциальное призвание священной Лиги состояло в том, чтобы наделить рабочий класс самозванным буржуазным парламентом, которому он доверил бы заботу о своем политическом руководстве. «Чтобы стать благотворной и реальной силой, — гласит в заключение циркуляр, — наша Лига должна стать *чисто политическим выражением* великих экономических и социальных интересов и принципов, которые ныне столь победоносно развиваются и распространяются великим Международным Товариществом Рабочих Европы и Америки».

Брюссельский конгресс осмелился отклонить предложение Лиги. Велики были разочарование и ярость Бакунина. С одной стороны Интернационал ускользал из-под его опеки. С другой стороны, председатель Лиги, профессор Густав Фогт, как следует отчитал его. «Или ты не был уверен, — писал он Бакунину, — как будет принято

¹ Печатание этой библии *измов* прекратилось на третьем же листе из-за отсутствия дальнейшей части рукописи.

наше приглашение, в таком случае ты скомпрометировал нашу Лигу; или же ты знал, какой сюрприз готовят нам твои друзья из Интернационала, в таком случае ты недостойным образом нас обманул. Я спрашиваю тебя, что же мы скажем нашему конгрессу...» Бакунин ответил ему письмом, которое он давал читать всем желающим. «Я не мог предвидеть,— писал он,— что конгресс Интернационала ответит нам столь грубым и претенциозным оскорблением, но это объясняется интригами некоей немецкой клики, ненавидящей русских (устно он разъяснял своим слушателям, что речь идет о клике Маркса). Ты спрашиваешь меня, что мы будем делать? Я буду добиваться чести ответить на это грубое оскорбление от имени комитета с трибуны нашего конгресса».

Вместо того чтобы сдержать свое слово, Бакунин переменял свое одеяние. Он предложил Бернскому конгрессу членов Лиги программу фантастического социализма, в которой выставлял требование уравнивания классов и индивидуумов, желая перещегоолять дам из этой Лиги, требовавших пока лишь уравнивания полов. Снова потерпев поражение, он в сопровождении ничтожного меньшинства покинул конгресс и отправился в Женеву¹.

Союз между буржуа и рабочими, о котором мечтал Бакунин, не должен был ограничиваться открытым союзом. Тайные статуты Альянса социалистической демократии (см. Документы № I) содержат указания на то, что уже в недрах Лиги Бакунин заложил основы тайного общества, которое должно было ею руководить. Не только названия руководящих органов совпадают с названиями органов Лиги (постоянный центральный комитет, центральное бюро, национальные комитеты), но и в тайных статутах объявляется, что «большинство членов-основателей Альянса», это — «бывшие участники Бернского конгресса». Чтобы заставить признать себя вождем Интернационала, надо было предстать в качестве вождя другой армии, абсолютная преданность которой его особе должна была быть обеспечена тайной организацией. Собираясь открыто влить свое общество в Интернационал, он рассчитывал распространить разветвления этого общества во всех секциях и таким путем захватить в свои руки неограниченное руководство ими. С этой целью он и основал в Женеве Альянс социалистической демократии (открытый).

¹ Среди отколовшихся мы встречаем имена Альбера Ришара из Лиона, ныне бонапартовского полицейского агента, Гамбуцци — неаполитанского адвоката (см. главу об Италии), Жуковского — впоследствии секретаря открытого Альянса, и некоего Бюттнера, женевского жестяника, принадлежащего в настоящее время к ультра-реакционной партии.

С виду это было просто открытое общество, которое целиком растворялось в Интернационале, но вместе с тем оно должно было иметь независимо от нашего Товарищества особую международную организацию, центральный комитет, национальные бюро и секции; наряду с нашим ежегодным конгрессом Альянс должен был созывать свой публичный конгресс. Но за этим открытым Альянсом скрывался другой Альянс, который в свою очередь находился под руководством еще более тайного Альянса интернациональных братьев, лейб-гвардии («les Cent-gardes»¹) диктатора Бакунина.

Тайные статуты «организации Альянса интернациональных братьев» указывают, что в этом Альянсе имеются «три степени: I. *Интернациональные братья*; II. *Национальные братья*; III. *Полутайная, полуоткрытая организация Международного альянса социалистической демократии*».

I. Интернациональные братья, число которых ограничено «сотней», образуют священную коллегию кардиналов. Они подчиняются центральному комитету и национальным комитетам, организованным в исполнительные бюро и наблюдательные комитеты. Сами эти комитеты ответственны перед «Конституантой», или общим собранием, по крайней мере, из двух третей интернациональных братьев. Эти альянсистские братья «не имеют иного отечества, кроме всемирной революции, иной чужбины и иных врагов, кроме реакции. Они отвергают всякую политику соглашения и уступок и считают реакционным всякое политическое движение, которое не имеет непосредственной и прямой целью победу их принципов». Но так как этот параграф откладывает политическое действие «сотни» до греческих календ и так как эти непримиримые не намерены отказываться от выгод, связанных с общественной службой, то параграф 8 гласит: «Ни один брат не может занять общественного поста без согласия комитета, к которому он принадлежит». Когда у нас будет идти речь об Испании и Италии, мы увидим, как вожди Альянса поспешили применить этот параграф на практике. Интернациональные братья «суть братья... каждый должен быть священным для всех остальных, более священным, чем брат по рождению; каждый брат должен получать помощь и защиту от всех остальных до пределов возможного». Дело Нечаева покажет нам, что означает этот таинственный предел возможного. — «Все интернациональные братья знают друг друга. *Между ними никогда не должно быть*

¹ Cent-gardes — гвардейская войсковая часть, созданная для личной охраны Наполеона III. *Ред.*

политических секретов. Ни один из них не может вступить в какое-нибудь тайное общество без определенного согласия своего комитета, а в случае надобности, когда последний этого потребует, без согласия центрального комитета. И он сможет участвовать в таком тайном обществе лишь при условии, что он будет раскрывать перед ними все тайны, которые могут их прямо или косвенно интересовать». Пьетри и Штиберы используют в качестве шпионов только людей низких и павших. Альянс же, посылая в тайные общества своих лжебратьев, чтобы те выдавали тайны этих обществ, навязывает роль шпионов тем самым людям, которые, по его плану, должны стать во главе «всемирной революции». — Впрочем, революционный паяц завершает подлость шутковством. «Интернациональным братом может стать только тот, кто искренне признает программу, со всеми вытекающими из нее теоретическими и практическими последствиями, и у кого ум, энергия, честность (1) и сдержанность соединяются с революционной страстью, — *в ком черт сидит* [«*а le diable au corps*»]».

II. Национальные братья организуются в каждой стране в национальное товарищество интернациональными братьями и по тому же самому плану, но они ни в коем случае не должны даже подозревать о существовании интернациональной организации.

III. Тайный международный альянс социалистической демократии, члены которого вербуются повсюду, располагает законодательным органом в лице *постоянного центрального комитета*, который, собравшись в полном составе, принимает название Общего тайного собрания Альянса. Это собрание происходит раз в год во время конгресса Интернационала или в чрезвычайных случаях по созыву центрального бюро либо Женевской центральной секции.

Женевская центральная секция является «постоянной делегацией постоянного центрального комитета» и «Исполнительным советом Альянса»; она подразделяется на *центральное бюро* и *наблюдательный комитет*. Центральное бюро, состоящее из 3—7 членов, является действительной исполнительной властью Альянса: «оно получает указания от Женевской центральной секции и передает ее сообщения, — *чтобы не сказать ее тайные приказы*, — всем национальным комитетам, от которых получает секретные отчеты, по крайней мере, раз в месяц». Это центральное бюро умудряется быть одновременно и мясом и рыбой, и тайным и открытым; ибо в качестве части «тайной центральной секции» центральное бюро будет тайной организацией; ... в качестве руководящей власти

[directoire publique] открытого Альянса оно является открытой организацией». Итак, мы видим, что Бакунин заранее создал все это тайное и открытое руководство своим «дорогим Альянсом», даже еще до его возникновения, и что члены, которые принимали затем участие в каких-либо выборах, являлись простыми марионетками в разыгрываемом им фарсе. Впрочем, как мы скоро увидим, он несколько не стесняется заявлять об этом. — Женевская центральная секция, задача которой состояла в том, чтобы давать указания центральному бюро, была сама лишь марионеточной секцией, так как ее решения, даже принятые большинством, являются обязательными для бюро только в том случае, если большинство членов бюро не пожелает апеллировать против них к общему собранию, которое оно обязано созвать в трехнедельный срок. «Созванное, таким образом, общее собрание правомочно только в том случае, если оно состоит из двух третей всех своих членов». Как мы видим, центральное бюро окружило себя всеми конституционными гарантиями, чтобы обеспечить свою независимость.

Нужно обладать наивностью, чтобы поверить, что это автономное центральное бюро было, по крайней мере, свободно избрано Женевской центральной секцией. Ничуть не бывало: временное центральное бюро было «представлено женевской инициативной группе как временно избранное всеми членами-основателями Альянса, большинство которых, те, кто были до этого участниками Бернского конгресса, вернулось с конгресса в свои страны (за исключением Бакунина), *передав свои полномочия гражданину Б.*». Таким образом, члены-основатели Альянса — это всего лишь несколько буржуа, отколовшихся от Лиги мира.

Итак, постоянный центральный комитет, присвоивший себе учредительную и законодательную власть над всем Альянсом, назначил себя сам. Постоянная исполнительная делегация этого постоянного центрального комитета, Женевская центральная секция, получила свои полномочия от самой себя, а вовсе не от этого комитета. Центральное исполнительное бюро этой Женевской центральной секции вовсе не было ею избрано, а было ей навязано группой лиц, которые «передали свои полномочия гражданину Б.».

Таким образом, «гражданин Б.» — вот основной стержень Альянса. Чтобы сохранить за ним эту стержневую функцию, в секретных статутах Альянса сказано буквально следующее: «Внешнее его правление будет соответствовать президентству в федеративной республике», — президентство, до установления которого уже существовал президент, этот перманентный «гражданин Б.».

Так как Альянс является международным обществом, то в каждой стране будет существовать национальный комитет, образуемый «из всех членов постоянного центрального комитета, принадлежащих к одной нации». Для образования национального комитета достаточно трех членов. Чтобы обеспечить точное соблюдение иерархической связи, «национальные комитеты будут служить *единственными* посредниками между центральным бюро и всеми местными группами данной страны». Национальные комитеты «должны постараться организовать Альянс в своих странах таким образом, чтобы члены постоянного центрального комитета занимали в нем *всегда доминирующее положение* и представляли его на конгрессах». Вот что на языке альянсистов называется построением организации снизу вверх. Местные группы не имеют иных прав, кроме права направлять в национальные комитеты свои программы и уставы (*règlements*) для представления их «на утверждение центрального бюро, без чего местные группы не могут принадлежать к Альянсу». Поскольку эта деспотическая и иерархическая тайная организация была бы привита к Интернационалу, ей оставалось бы только довершить дело, дезорганизовав последний. Для этого достаточно было бы сделать его секции анархическими и автономными и превратить его центральные органы в простые почтовые ящики, в «корреспондентские и статистические бюро», как это действительно впоследствии и попытались сделать.

Список революционных заслуг перманентного «гражданина Б.» не был настолько славен, чтобы он мог рассчитывать на увековечение присвоенной им перманентной диктатуры в тайном — а еще менее — в открытом Альянсе. Надо было, следовательно, прикрыть ее демократическим красноречием. Поэтому секретные статуты предписывают, чтобы временное центральное бюро (читайте: перманентный гражданин) функционировало до первого открытого общего собрания Альянса, которое и должно будет назначить членов нового постоянного центрального бюро. Но «так как настоятельно необходимо, чтобы центральное бюро всегда состояло из членов постоянного центрального комитета, то последний должен при посредстве своих национальных комитетов обеспечить такую организацию всех местных групп и такое *руководство* ими, чтобы они *послали делегатами* на это собрание *только членов постоянного центрального комитета*, а за неимением таковых — людей, *абсолютно преданных руководству* своих национальных комитетов, дабы постоянный центральный комитет *всегда держал в своих руках* всю организацию Альянса». Эти инструкции даются не бонапартовским министром

или префектом накануне выборов, а воплощенным антиавторитаристом, беспредельным анархистом, апостолом построения организации снизу вверх, Баяром автономии секций и свободной федерации автономных групп, святым Михаилом Бакуниным, в целях сохранения своей перманентности.

Мы проанализировали тайную организацию, предназначенную увековечить диктатуру «гражданина Б.»; перейдем теперь к его программе. «Ассоциация интернациональных братьев стремится к всеобщей революции, — одновременно социальной, философской, экономической и политической, — чтобы от современного порядка вещей, основанного на собственности, на эксплуатации, на принципе авторитета, — религиозного, метафизического и буржуазно-доктринерского или даже якобински-революционного, — не осталось камня на камне сначала в Европе, а затем и во всем мире; бросая клич — мир трудящимся, свобода всем угнетенным и смерть угнетателям, эксплуататорам и всякого рода опекунам, — мы стремимся разрушить все государства и все религии, со всеми их учреждениями и законами, религиозными, политическими, юридическими, финансовыми, полицейскими, университетскими, экономическими и социальными, дабы все эти миллионы несчастных человеческих существ, обманутых, поработенных, истерзанных, эксплуатируемых, вздохнули, наконец, вполне свободно, освободившись от всех своих руководителей и благодетелей официальных и официозных, коллективных и индивидуальных».

Вот она революционная революционность! Первое условие достижения этой умопомрачительной цели состоит не в том, чтобы бороться с существующими государствами и правительствами обычными средствами простых революционеров, а в том, чтобы обрушиться со звонкими и нравоучительными фразами на «институт государства, а также на его следствие и в то же время его основу — на частную собственность». Дело, следовательно, заключается не в том, чтобы низвергнуть бонапартовское, прусское или русское государство, а в том, чтобы низвергнуть государство отвлеченное, государство как таковое, государство, которое нигде не существует. Но если интернациональные братья в своей ожесточенной борьбе с этим, витающим в облаках, государством умеют избегать полицейских дубинок, тюрем и пуль, которые реальные государства применяют по отношению к простым революционерам, то, с другой стороны, мы видим, что они сохраняют за собой право, разрешение папы пользоваться всеми преимуществами, предоставляемыми этими реальными буржуазными государствами. Примеры Фанелли —

итальянского депутата, Сориано—чиновника правительства Амедея Савойского и, пожалуй, Альбера Ришара и Гаспара Блана — бонапартовских полицейских агентов — показывают, до какой степени папа в этом отношении стоворчив... Вот почему полицию ничуть не тревожит «Альянс или, скажем прямо, заговор» гражданина Б. против абстрактной идеи государства.

Итак, первым актом революции должен быть декрет об отмене государства, как это сделал Бакунин 28 сентября (1870 г.) в Лионе, несмотря на то, что эта отмена государства по необходимости является авторитарным актом. Под государством он разумеет всякую политическую власть, революционную или реакционную, «ибо для нас неважно, называется ли эта власть церковью, монархией, конституционным государством, буржуазной республикой или даже революционной диктатурой. Мы их все одинаково ненавидим и отвергаем как неизбежный источник эксплуатации и деспотизма». И он заявляет, что все революционеры, которые хотят на следующий день после революции «строить революционное государство», гораздо опаснее всех существующих правительств и что «мы, — интернациональные братья, — естественные враги этих революционеров», ибо дезорганизация революции есть первый долг интернациональных братьев.

Ответ на эти фанфаронады о немедленной отмене государства и установлении анархии дан уже в негласном циркуляре предыдущего Генерального Совета: «Мнимые расколы в Интернационале», март 1872 г., стр. 37¹: «Анархия — вот конек их учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем одни лишь ярлыки. Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — будет достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под игом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и функции правительства превращаются в простые административные функции. Альянс ставит вопрос наизуоборот. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощное сосредоточение общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией».

Проследим, однако, к каким же выводам приводит анархистское

¹ В тексте настоящего тома см. стр. 391. *Ред.*

евангелие; предположим, что государство отменено декретом. Согласно параграфу 6, последствиями этого акта явятся: государственное банкротство, прекращение государственного взыскания частных долгов, прекращение уплаты всяких налогов и податей, роспуск армии, судебного ведомства, чиновничества, полиции и духовенства (!); отмена официальной юстиции, сопровождаемая актом сожжения всех документов на право владения собственностью, и всего вороха юридических и гражданских бумаг, конфискация всех производственных капиталов и орудий труда в пользу рабочих товариществ и объединение этих товариществ, которое «образует коммуну». Эта коммуна предоставит таким лишенным всего лицам самое необходимое, предоставив им свободу добывать остальное собственным трудом.

Лионские события показали, что одного декрета об отмене государства далеко не достаточно для выполнения всех этих прекрасных обещаний. Но зато двух рот буржуазной Национальной гвардии оказалось достаточно, чтобы разбить эту блестящую мечту и заставить Бакунина с его чудотворным декретом в кармане спешно направить свои стопы в Женеву. Конечно, он не считал своих последователей настолько глупыми, чтобы не видеть необходимости дать им какой-либо план организации, который обеспечивал бы практическое осуществление его декрета. Вот этот план:

«Для организации коммуны — объединение непрерывно существующих баррикад и учреждение совета революционной коммуны путем делегирования по одному или по два депутата от каждой баррикады, по одному от улицы или квартала, — депутатов, снабженных императивными мандатами, во всех отношениях ответственных и во всякое время могущих быть отозванными» (забавные же эти баррикады Альянса, на которых, вместо того чтобы драться, сочиняют мандаты). «Организованный таким путем *совет коммуны* сможет выбрать из своей среды *исполнительные комитеты*, особые для каждой отрасли революционного управления коммуны». Восставшая столица, организованная таким образом в коммуну, объявляет тогда другим коммунам страны о том, что она отказывается от всяких притязаний на управление ими; она приглашает их реорганизоваться по-революционному, а затем делегировать в условленное место встречи своих депутатов, ответственных, могущих быть отозванными и снабженных императивными мандатами, для образования федерации восставших ассоциаций, коммун и провинций и для организации революционной *силы*, способной одержать победу над реакцией. Эта организация не ограничится коммунами восставшей

страны; к ней смогут примкнуть и другие провинции или страны, тогда как «провинции, коммуны, ассоциации и лица, которые примут сторону реакции, *будут оставаться вне ее*». Таким образом, уничтожение границ идет здесь рука об руку с благодушной терпимостью по отношению к реакционным провинциям, которые не замедлят возобновить гражданскую войну.

Итак, в этой анархической организации баррикад-трибун имеется прежде всего совет коммуны, затем исполнительные комитеты, которые для того, чтобы быть в состоянии исполнять что бы то ни было, обязательно должны обладать какой-либо властью и опираться на силу общественного принуждения; далее имеется целый федеральный парламент, главной задачей которого должна быть организация этой *силы общественного принуждения*. Этот парламент, так же как и совет коммуны, должен будет вручить *исполнительную власть* одному или нескольким комитетам, которые в силу одного этого факта приобретают авторитарный характер, который в процессе борьбы должен все более и более усиливаться. Таким образом, постепенно восстанавливаются все элементы «авторитарного государства»; и то, что мы называем эту машину «революционной коммуной, организованной снизу вверх», имеет мало значения. Название дела не меняет; организация снизу вверх существует во всякой буржуазной республике, а императивные мандаты известны были еще в средние века. Впрочем, Бакунин и сам это признает, когда (в параграфе 8) дает своей организации название «Нового революционного государства».

О практической же ценности этого плана революции, согласно которому, вместо того чтобы драться, дискутируют, и говорить не стоит.

А теперь раскроем секрет всех этих альянсистских ящиков с двойным и тройным дном. Для того чтобы ортодоксальная программа выполнялась, а анархия пошла по правильному пути, «необходимо, чтобы посреди народной анархии, которая составит самую жизнь и всю энергию революции, *был орган, выражающий единство революционной мысли и действия*. Этим органом должна быть *тайная и всемирная ассоциация интернациональных братьев*».

«Эта ассоциация исходит из убеждения, что революции никогда не делаются ни личностями, ни тайными обществами. Они происходят как бы сами собой, вызванные силой вещей, ходом событий и фактов. Они долгое время готовятся в глубине инстинктивного сознания народных масс, а затем вспыхивают... Все, что может сделать хорошо организованное тайное общество, — это, пре-

жде всего, помочь рождению революции, распространяя в массах идеи, соответствующие их инстинктам, и организовать не армию революции — армией должен быть всегда народ» (пушечное мясо) — «а революционный главный штаб, состоящий из лиц, преданных, энергичных, умных и, главное, искренних, не честолюбивых и не тщеславных друзей народа, способных служить посредниками между революционной идеей» (монополизированной ими) «и народными инстинктами».

«Число этих лиц не должно быть поэтому очень велико. Для международной организации во всей Европе *достаточно ста серьезно и крепко сплоченных революционеров*. Двух-трех сотен революционеров будет достаточно для того, чтобы организовать самую большую страну».

Итак, все меняется. Анархии «разнуздания народной жизни», «дурных страстей» и прочего уже недостаточно. Для обеспечения успеха революции необходимо *единство мысли и действия*. Члены Интернационала стараются создать это единство путем пропаганды, обсуждения и открытой организации пролетариата, — Бакунину же требуется только тайная организация сотни людей, привилегированных представителей *революционной идеи*, находящийся наготове генеральный штаб революции, сам себя назначивший и состоящий под командой перманентного «гражданина Б.». Единство мысли и действия означает не что иное, как догматизм и слепое повиновение. *Perinde ac cadaver* [Будь подобен трупу]. Перед нами настоящий иезуитский орден.

Сказать, что сто интернациональных братьев должны «служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами», значит создать непроходимую пропасть между альянсистской революционной идеей и пролетарскими массами, значит признать невозможным на вербовать эту сотню гвардейцев иначе, как из среды привилегированных классов.

III.

АЛЬЯНС В ШВЕЙЦАРИИ.

Альянс подобен Фальстафу, он «находит, что спокойствие и осторожность — это существенная сторона храбрости». Поэтому «сидящий в их теле чорт» нисколько не меццает интернациональным братьям смиренно преклоняться перед властью существующих государств, не переставая в то же время энергично протестовать против института абстрактного государства; а их удары он направляет

исключительно против Интернационала. Сначала они хотели завладеть Интернационалом, а когда это им не удалось, они попытались его дезорганизовать. Покажем теперь их работу в различных странах.

Интернациональные братья были не чем иным, как имеющимся налицо генеральным штабом; им не хватало армии. Они решили, что Интернационал как раз и создан для этой цели. Чтобы быть допущенным к командованию этой армией, нужно было проташить в Интернационал открытый Альянс. Опасаясь, что они унижат Альянс, если обратятся с просьбой о своем приеме в Генеральный Совет, полномочия которого тем самым были бы ими признаны, они с этой целью несколько раз тщетно обращались к Бельгийскому и Парижскому федеральным советам. Эти повторные отказы принудили Альянс 15 декабря 1868 г. обратиться к Генеральному Совету с просьбой о своем приеме. Альянс прислал свой устав и свою программу, в которых открыто провозглашались его намерения (Документы № II)¹. Заявляя о своем «полном растворении в Интернационале», Альянс одновременно претендовал на то, чтобы составлять внутри Интернационала вторую международную организацию. Наряду с Генеральным Советом Интернационала, избираемым конгрессами, должен был существовать сам себя назначивший центральный комитет Альянса, находящийся в Женеве; наряду с местными группами Интернационала — местные группы Альянса, которые при посредстве своих национальных бюро, функционирующих помимо национальных бюро Интернационала, «будут обращаться к центральному бюро Альянса с просьбой о приеме их в Интернационал». Таким образом, центральное бюро Альянса присваивало себе право приема в Интернационал. Наряду с конгрессами Интернационала должны были происходить конгрессы Альянса, так как «во время ежегодных рабочих конгрессов делегация Альянса» претендовала на устройство «своих открытых заседаний в отдельном помещении».

22 декабря Генеральный Совет (в письме, опубликованном в его циркуляре «*Мнимые расколы в Интернационале*», стр. 7²) заявил, что эти притязания находятся в явном противоречии с уставом Интернационала, и категорически отказал Альянсу в приеме. Несколько месяцев спустя Альянс снова обратился к Генеральному Совету, запросив его, признает ли он или нет принципы Альянса. В случае

¹ Содержание этих документов Альянса изложено в ответе Генерального Совета Альянсу от 28 декабря 1868 г. См. т. XIII, ч. 1, стр. 290—292. *Ред.*

² См. настоящий том, стр. 396. *Ред.*

утвердительного ответа Альянс заявлял о своей готовности распустить себя, преобразовавшись в простые секции Интернационала. Генеральный Совет 9 марта 1869 г. (см. «Мнимые расколы в Интернационале», стр. 8¹) ответил, что высказываться о научной ценности программы Альянса значило бы для него выходить за пределы своих функций и что в случае замены слов «уравнение классов» словами «уничтожение классов» не будет препятствий к превращению секций Альянса в секции Интернационала. Генеральный Совет присовокуплял: «Если вопрос о роспуске Альянса и вступлении его секций в Интернационал будет окончательно решен, то согласно нашему регламенту необходимо будет сообщить Совету о местонахождении и численности каждой новой секции».

22 июня 1869 г. Женевская секция Альянса сообщила Генеральному Совету, как о совершившемся факте, что Международный альянс социалистической демократии распущен и что всем секциям его будто бы предложено «превратиться в секции Интернационала». После такого категорического заявления Генеральный Совет, введенный в заблуждение некоторыми подписями под программой, заставлявшими предполагать, что Альянс был признан Романским федеральным комитетом, допустил его в состав Интернационала. Прибавим, что ни одно из принятых условий никогда не было выполнено. Напротив, именно с этого момента тайная организация, скрывавшаяся за открытым Альянсом, заработала во-всю. За Женевской секцией Интернационала скрывалось центральное бюро тайного Альянса; за секциями Интернационала в Неаполе, Барселоне, Лионе, Юре — тайные секции Альянса. Опираясь на эту франкмасонскую организацию, о существовании которой ни рядовые члены Интернационала, ни их руководящие центры даже не подозревали, Бакунин рассчитывал, что ему удастся на Базельском конгрессе в сентябре 1869 г. захватить в свои руки руководство Интернационалом. На этом конгрессе тайный Альянс благодаря пущенным им в ход нечестным приемам был представлен по меньшей мере десятью делегатами, среди которых находились пресловутый Альбер Ришар и сам Бакунин. Делегация привезла с собой множество незаполненных мандатов, которые она не смогла использовать за отсутствием преданных им людей, хотя и предлагала их базельским членам Интернационала. Имевшегося количества делегатов Альянса оказалось, однако, недостаточно даже для того, чтобы заставить конгресс санкционировать отмену права наследования, старый

¹ См. настоящий том, стр. 398. *Ред.*

сен-симонистский хлам, который Бакунин хотел сделать практическим исходным пунктом социализма; еще меньше успеха имела попытка навязать конгрессу перенесение местопребывания Генерального Совета из Лондона в Женеву, о чем мечтал Бакунин.

Тем временем в Женеве шла открытая война между Романским федеральным комитетом, поддерживаемым почти всеми женевскими членами Интернационала, и Альянсом. Союзниками Альянса в этой войне были локльский «Progrès», редактируемый Джемсом Гильомом, и женевская «Égalité» — официальный орган Романского федерального комитета, редакция которого, однако, состояла в большинстве своем из членов Альянса и который по всякому поводу нападал на Романский федеральный комитет. Не упуская из виду главной цели — перенесения местопребывания Генерального Совета в Женеву, — редакция «Égalité» открыла кампанию против существующего Генерального Совета и призывала парижский «Travail» присоединиться к ней. Генеральный Совет в своем циркуляре от 1 января 1870 г. заявил, что он не считает нужным вступать в полемику с газетами. Тем временем Романский федеральный комитет устранил из редакции «Égalité» ставленников Альянса.

В то время эта секта не надела еще на себя своей авторитарной маски. Полагая, что ей удастся овладеть Генеральным Советом, она первая на Базельском конгрессе потребовала принятия составленных ею постановлений по организационным вопросам, предоставлявших Генеральному Совету «авторитарные полномочия», на которые она с такой яростью обрушилась два года спустя. Ничто не дает лучшего представления о ее тогдашних взглядах на авторитарную роль Генерального Совета, как следующая выдержка из локльского «Progrès» (4 декабря 1869 г.), редактировавшегося Джемсом Гильомом, по поводу конфликта между «Sozial-Demokrat» и «Volksstaat».

«Нам кажется, что Генеральный Совет нашего Товарищества *обязан вмешаться*, начать расследование того, что происходит в Германии, *вынести свое решение* по поводу спора между Швейцером и Либкнехтом и *тем самым положить конец той неопределенности*, в которой мы очутились благодаря этому странному положению».

Можно ли верить, что это тот самый Гильом, который 12 ноября 1871 г. в сонвильерском циркуляре обвинял тот же самый, бывший некогда столь мало авторитарным, Генеральный Совет в «желании внести в Интернационал *принцип авторитарности*».

Газеты Альянса с момента своего появления на свет не ограничивались пропагандой его особой программы, чего никто не мог бы

поставить им в вину, а настойчиво создавали и поддерживали умышленную путаницу между его программой и программой Интернационала. Это повторялось всюду, где Альянс располагал какой-либо газетой или сотрудничал в ней — в Испании, в Швейцарии, в Италии; но совершенства эта система достигла в русских изданиях Альянса.

Секта дала решительный бой на конгрессе Романской федерации в Шо-де-Фоне (4 апреля 1870 г.). Дело заключалось в том, чтобы заставить женевские секции признать женевский открытый Альянс частью федерации и перенести Федеральный комитет и его орган в какую-либо местность Юры, где господствовал тайный Альянс.

При открытии конгресса два делегата «секции Альянса» потребовали, чтобы их допустили на конгресс. Женевские делегаты предложили отложить этот вопрос на конец конгресса и немедленно приступить к более важному делу — к обсуждению программы. Они заявили, что их императивный мандат предписывает им скорее покинуть конгресс, чем допустить в свою группу эту секцию «ввиду интриг и властолюбивых стремлений людей из Альянса, и что голосовать за допущение Альянса значит голосовать за раскол Романской федерации». Но Альянс не хотел упустить такого случая. Соседство его маленьких юрских секций позволило ему добиться ничтожного фиктивного большинства, так как Женева и крупные центры Интернационала были представлены крайне слабо. По настоянию Гильома и Швицгебеля секция была принята спорным большинством в один или два голоса. Женевские делегаты получили от всех секций, запрошенных немедленно по телеграфу, приказ покинуть конгресс. Так как организации Интернационала в Шо-де-Фоне поддерживали женевцев, то члены Альянса были вынуждены оставить помещение конгресса, принадлежавшее местным секциям. Несмотря на то, что, по словам их собственного органа (см. «Solidarité» от 7 мая 1870 г.), они представляли лишь 15 секций, тогда как в одной Женеве их было 30, они присвоили себе звание Романского конгресса, назначили новый Романский федеральный комитет, в котором блистали Шевалье и Коньон¹, и возвели газету Гильома «Solidarité» в ранг органа Романской федерации. Специальная миссия этого молодого школьного учителя заключалась в том, чтобы клеветать на «фабричных рабочих» Женевы, этих ненавистных «буржуа», вести войну с органом Романской федерации «Égalité» и проповедывать полное

¹ Через два месяца орган этого комитета — «Solidarité» от 9 июля — объявил обоих этих субъектов *ворами*. Они действительно доказали свою анархистскую революционность, обокрав кооперативное товарищество портных в Шо-де-Фоне.

воздержание в области политики. Авторами наиболее значительных статей на эту тему были: в Марселе — Бастелика и в Лионе два столпа Альянса — Альбер Ришар и Гаспар Блан.

Вдобавок случайное и фиктивное большинство конгресса в Шо-де-Фоне допустило явное нарушение статута Романской федерации, на представительство которой оно претендовало; а следует заметить, что вожди Альянса принимали активное участие в составлении этих статута. Согласно параграфам 53 и 55, всякое важное постановление конгресса, чтобы получить силу закона, должно быть санкционировано двумя третями входящих в федерацию секций. Между тем женевские и шодефонские секции, высказавшиеся против Альянса, составляли одни более двух третей общего числа секций. На двух больших общих собраниях женевские члены Интернационала, невзирая на возражения Бакунина и его друзей, почти единогласно одобрили поведение своих делегатов, которые при общих аплодисментах предложили Альянсу не соваться куда не следует и не претендовать на то, чтобы входить в Романскую федерацию; при этом условии можно было бы заключить мир. Впоследствии несколько образумившихся членов Альянса предложили его распустить, но Бакунин и его приверженцы всеми силами воспротивились этому. Несмотря ни на что, Альянс продолжал настаивать на том, что он входит в Романскую федерацию; это вынудило Романскую федерацию принять решение об исключении из своих рядов Бакунина и остальных главных зачинщиков.

Таким образом, оказалось два Романских федеральных комитета — один в Женеве, другой в Шо-де-Фоне. Огромное большинство секций осталось верным первому, тогда как за другим последовали лишь 15 секций, многие из которых, как увидим дальше, одна за другой прекратили свое существование.

Едва успел закрыться Романский конгресс, как новый комитет в Шо-де-Фоне потребовал вмешательства Генерального Совета, обратившись к нему с письмом, подписанным Ф. Робером в качестве секретаря и Анри Шевалье в качестве председателя (см. примечание к стр. 555). Рассмотрев документы, представленные в свое оправдание обеими сторонами, Генеральный Совет 28 июня 1870 г. постановил сохранить за Женевским комитетом его прежние функции и предложить новому Федеральному комитету в Шо-де-Фоне принять наименование местной секции. Обманутый в своих надеждах комитет в Шо-де-Фоне, получив это решение, стал кричать об авторитарности Генерального Совета, забывая, что он первый потребовал его вмешательства. Смута, в которую этот комитет втянул Швейцарскую

федерацию своим упорным стремлением узурпировать звание Романского федерального комитета, заставила Генеральный Совет прекратить с ним всякие сношения.

4 сентября 1870 г. в Париже была провозглашена республика. Альянс решил, что пробил час «дать волю революционной гидре в Швейцарии» (стиль Гильома). «Solidarité» выпустила манифест, призывавший к формированию швейцарских добровольческих отрядов против пруссаков. Этот манифест, если верить педагогу Гильому, «ни в коей мере не был анонимным», хотя и «не был подписан». К сожалению, весь воинственный пыл Альянса испарился, как только газета и манифест были конфискованы. Но я, — воскликнул бурнопламенный Гильом, сгоравший желанием «рисковать собственной шкурой», — «я остался на своем посту... в типографии газеты» («Bulletin jurassien», 15 июля 1872 г.).

Вспыхнуло революционное движение в Лионе. Бакунин поспешил присоединиться к своему лейтенанту Альберу Ришару и к своим унтер-офицерам Бастелика и Гаспару Блану. 28 сентября, в день его приезда, народ завладел городской ратушей. Бакунин водворился в ней, и тогда наступил критический момент, которого ждали столько лет, момент, когда Бакунин получил возможность совершить самый революционный акт, какой когда-либо видел мир, — он декретировал *уничтожение государства*. Но государство в виде двух рот буржуазных национальных гвардейцев вошло в дверь, перед которой забыли поставить охрану, очистило зал и заставило Бакунина поспешно отправиться в обратный путь в Женеву.

В тот самый момент, когда воинственный Гильом защищал «на своем посту» сентябрьскую республику, Робен, его верный Ахат, бежал от этой республики и укрылся в Лондоне. Хотя Генеральному Совету было известно, что Робен является одним из самых ярких сторонников Альянса и, кроме того, автором нападок на Генеральный Совет в газете «Égalité», он, вопреки сообщениям брестских секций о далеко не мужественном поведении Робена, включил его в свой состав ввиду отсутствия французских членов Совета. С этого момента Робен непрерывно выполнял в Совете функции официального корреспондента шодэфонского комитета. 14 марта 1871 г. Робен предложил созвать закрытую конференцию Интернационала для разрешения швейцарского конфликта. Совет, предвидя, что в Париже назревают крупные события, наотрез отказался. Робен несколько раз возвращался к этому вопросу и даже предлагал Совету принять окончательное решение по поводу швейцарского конфликта. 25 июля Генеральный Совет постановил включить разбор этого дела

в число вопросов, подлежащих разрешению конференции, созываемой в сентябре 1871 г.

10 августа Альянс, который отнюдь не желал, чтобы его происки обсуждались на конференции, объявил себя распущенным с 6-го того же месяца. Вскоре, однако, получив подкрепление в лице нескольких французских эмигрантов, он появился вновь, выступая под другими названиями, например: «Секция социалистов-атеистов» и «Секция революционно-социалистической пропаганды и действия». Основываясь на V резолюции Базельского конгресса, Генеральный Совет, по соглашению с Романским федеральным комитетом, отказался признать эти секции — новые очаги интриг.

Лондонская конференция (сентябрь 1871 г.) подтвердила постановление Генерального Совета от 28 июня 1870 г. относительно юрских раскольников.

Так как «Solidarité» прекратила свое существование, то новые приверженцы Альянса основали «La Révolution Sociale», в которой сотрудничала г-жа Андре Лео, заявившая на конгрессе Лиги мира в Лозанне, как раз в то время, когда Ферре в тюрьме ожидал своей отправки в Сатори, что «Рауль Риго и Ферре были двумя зловещими фигурами Коммуны, которые до этого (до казни заложников) не переставали — правда, всегда безуспешно — требовать кровавых мер».

С первого же номера эта газета поспешила стать на один уровень с «Figaro», «Gaulois», «Paris-Journal» и другими грязными газетами, повторяя их гнусные выходы против Генерального Совета. Она сочла момент подходящим, чтобы начать разжигать пламя национальной ненависти даже в рядах самого Интернационала. По ее словам, Генеральный Совет является немецким комитетом и им руководит человек бисмарковского толка [dirigé par un serveau bismarkien].

Тремя своими резолюциями, по вопросу о швейцарском конфликте, о политическом действии рабочего класса и о публичном дезавуировании Нечаева, конференция нанесла Альянсу удар в самое сердце. Первая из этих резолюций выражала прямое порицание псевдо-романскому комитету в Шо-де-Фоне и одобряла действия Генерального Совета. Она советовала юрским секциям присоединиться к Романской федерации, в случае же невозможности такого объединения конференция предлагала горным секциям принять наименование Юрской федерации. Она заявляла, что если их комитет будет продолжать газетную войну перед лицом буржуазной публики, то эти газеты будут дезавуированы Генеральным Советом. — Вторая резолюция, о политическом действии рабочего класса, окончательно рассеивала ту путаницу, которую Бакунин хотел создать

в Интернационале, включив в свою программу доктрину об абсолютном воздержании в области политики. — Третья резолюция, относительно Нечаева, представляла для Бакунина прямую угрозу. Дальше, когда мы будем говорить о России, мы покажем, насколько Бакунин был лично заинтересован в том, чтобы скрыть гнусности Альянса от Западной Европы.

Альянс справедливо усмотрел в этом объявление войны и немедленно открыл военные действия. Юрские секции, поддерживавшие псевдо-романский комитет, собрались 12 ноября 1871 г. на конгресс в Сонвилье. Там присутствовало 16 делегатов, претендовавших на представительство от девяти секций. Согласно отчету Федерального комитета, секция Куртелари, представленная двумя делегатами, «приостановила свою деятельность»; центральная секция Локля «в конце концов распалась», но затем была временно восстановлена, чтобы послать двух делегатов на конгресс шестнадцати; секция граверов и узорщиков Куртелари (два делегата) «организовалась в общество сопротивления», не входящее в состав Интернационала; секция пропаганды (один делегат) «находится в критическом состоянии; ее положение не только не улучшается, а скорее ухудшается»; центральная секция Невшателя (два делегата, в том числе Гильом) «сильно пострадала, и, если бы не самоотверженность отдельных ее членов, гибель ее была бы неминуема». Два кружка по изучению общественных наук в Сонвилье и Сент-Имье (четыре делегата) в округе Куртелари были созданы, согласно отчету, в результате распада центральной секции в Куртелари; таким образом, несколько членов этого округа были трижды представлены шестью делегатами! Секция в Мутье (один делегат) состоит, повидимому, только из своего комитета. Итак, из шестнадцати делегатов четырнадцать представляли мертвые или умирающие секции. Чтобы составить себе, однако, представление о том развале, к которому привела проповедь анархии в этой федерации, следует продолжить немного чтение этого отчета. Из 22 секций только 9 были представлены на конгрессе; 7 секций ни разу не ответили ни на одно из писем комитета, а 4 были объявлены мертвыми. Вот какова федерация, считавшая себя призванной потрясти самые основы организации Интернационала!

Сонвильерский конгресс начал, однако, с того, что подчинился Лондонской конференции, предложившей создавшим его организациям принять название Юрской федерации; но вместе с тем, чтобы доказать свой анархизм, он объявил всю Романскую федерацию распущенной (последняя вернула юрцам их автономию, изгнав их из

своих секций). Вслед за тем конгресс выпустил крикливый циркуляр, основной целью которого было опротестовать законность конференции и апеллировать к общему конгрессу, немедленного созыва которого он требовал.

Циркуляр обвиняет Интернационал в том, что он отступил от духа Интернационала, который и заключается именно «в грандиозном протесте против авторитета». До Брюссельского конгресса все шло как нельзя лучше в этом лучшем из обществ, но в Базеле делегаты потеряли голову и, охваченные «слепым доверием», «нарушили и дух и букву общего устава», в котором так ясно провозглашалась автономия каждой секции и каждой группы секции. Следовательно, Интернационал написал на своем знамени — власть (*autorité*), Юрская же федерация, эта марионетка Альянса, — автономию секций. Мы уже видели, каким образом Альянс собирается осуществлять эту автономию.

Но грехи Базельского конгресса были все-таки превзойдены грехами Лондонской конференции, так как ее резолюции «имеют тенденцию превратить Интернационал из свободной федерации автономных секций в иерархическую и авторитарную организацию дисциплинированных секций, находящихся всецело в руках Генерального Совета, который может по своему усмотрению отказать им в приеме или приостановить их деятельность». Таким образом, писавшие этот циркуляр альянсисты забыли, что их тайный устав составлен исключительно с целью упрочить «иерархическую и авторитарную организацию», возглавляемую персоной перманентного «гражданина Б.», и что в нем даются указания, как «дисциплинировать» секции и как отдать их не просто «в руки», но даже «под *высокую* руку» этого самого «гражданина».

Если и грехи Конференции являются уже смертными грехами, то грех из всех грехов — грех против святого духа был совершен Генеральным Советом. В нем имеется «несколько личностей», которые рассматривают свой «мандат (членов Совета) как личную собственность, а Лондон представляется им неизменной столицей нашего Товарищества... Некоторые люди дошли до того... что захотели обеспечить господство в Интернационале их особой программы, их личной доктрины... в качестве официальной теории, которая одна только имеет право гражданства в Товариществе,... таким образом мало-помалу образовалась ортодоксия, центром которой является Лондон, а представителями — члены Генерального Совета». В конце концов они захотели обеспечить единство Интернационала путем «централизации и диктатуры». — В этом же самом циркуляре

Альянс претендует на то, чтобы «обеспечить господство в Интернационале своей особой программы», называя ее «грандиозным протестом против власти» и заявив, что освобождение рабочих усилиями самих рабочих должно произойти «без какой бы то ни было руководящей власти, даже и такой, которая избрана и санкционирована рабочими». Мы увидим, что всюду, где Альянс пользовался влиянием, он делал именно то, в чем он ложно упрекает Генеральный Совет, — он хотел навязать свое нелепое подобие теории в качестве «официальной теории, которая одна только имеет право гражданства в Товариществе»¹. — Все это относится к публичной, открытой деятельности Альянса; что касается его тайной деятельности, то «дух и буква» тайного устава уже показали нам, до какой степени «ортодоксия», «личная доктрина», «централизация» и «диктатура» господствуют в этой «свободной федерации автономных групп». Мы прекрасно понимаем, что Альянсу хотелось бы помешать рабочему классу создать себе общее руководство, поскольку бакунистское провидение уже позаботилось об этом, образовав свой *Альянс*, который должен играть роль генерального штаба революции.

Генеральный Совет не только не намеревался навязывать Интернационалу какую бы то ни было ортодоксию, но, напротив, предложил Лондонской конференции запретить различным секциям пользоваться сектантскими наименованиями, причем это предложение было принято единогласно².

¹ Так, например, Мадзини возлагал на весь Интернационал ответственность за нелепые писания папы Бакунина. Генеральный Совет счел себя вынужденным публично заявить в итальянских газетах, что он «всегда боролся против неоднократных попыток подменить широкую, доступную для понимания, программу Интернационала (открывавшую доступ в его ряды и приверженцам Бакунина) узкой и сектантской программой Бакунина, принятие которой сразу повлекло бы за собой исключение огромного большинства членов Интернационала». Циркуляр Жюль Фавра, доклад представителя помещиков [rural] Саказа по поводу нашего Товарищества, реакционные речи во время прений по вопросу об Интернационале в испанских кортесах да и все направленные против него публичные нападки кишат цитатами из ультра-анархистских фраз, исходящих из бакунистского лагеря.

² Вторая резолюция конференции, пункт 2: «Все местные отделения, секции, группы и их комитеты впредь именуется и конституируются исключительно как отделения, секции, группы и комитеты Международного Товарищества Рабочих с прибавлением названий соответствующих местностей». Пункт 3: «Ввиду этого всем отделениям, секциям и группам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как, например, позитивисты, мютюэлисты, коллективисты, коммунисты и т. д., или создавать сепаратистские общества под названием «секций пропаганды» и т. д., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества».

Вот, что писал Генеральный Совет о сектах в своем негласном циркуляре («Мнимые расколы», стр. 24¹):

«Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения. Это имеет свое оправдание (*raison d'être*) в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. Отдельные мыслители подвергают критике социальные противоречия и предлагают фантастические разрешения этих противоречий; рабочим же массам остается только принять, пропагандировать и осуществлять то, что те предлагают. Секты, созданные этими инициаторами, по самой своей природе настроены абстенционистски, чуждаются всякой реальной деятельности, политики, стачек, союзов, — одним словом, всякого коллективного движения. Пролетариат в массе своей всегда остается индифферентным или даже враждебным их пропаганде. Парижские и лионские рабочие не хотели знать сен-симонистов, фурьеристов, икарыйцев, так же как английские чартисты и трэд-юнионисты не признавали оуэнистов. Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, начинают ему мешать, как только это движение перерастает их; тогда они становятся реакционными. Об этом свидетельствуют секты во Франции и в Англии, а в последнее время лассальянцы в Германии, которые в течение ряда лет были помехой для организации пролетариата и кончили тем, что стали просто-напросто орудием в руках полиции. В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Для того чтобы стало возможным основание Интернационала, пролетариату надо было подняться выше этой фазы.

«В противоположность враждующим между собою сектантским организациям, состоящим из фантазеров, Интернационал является подлинной и боевой организацией рабочего класса всех стран, объединяющей рабочих друг с другом в их общей борьбе против капиталистов, землевладельцев, против их классового господства, организованного как государственная власть. Вот почему устав Интернационала признает только лишь чисто рабочие организации, преследующие одну и ту же цель и имеющие одну и ту же программу, которая ограничивается тем, что намечает основные линии пролетарского движения, предоставляя секциям дальнейшую их теоретическую разработку, исходя из потребностей практической борьбы и на основе живого обмена мнений, и допускает в органах секций и на

¹ См. настоящий том, стр. 416. *Ред.*

их конгрессах все без исключения оттенки социалистических убеждений».

Альянс не хотел, чтобы Интернационал был боевым обществом; в циркуляре требовалось, чтобы Интернационал был верным отображением будущего общества: «Мы должны поэтому добиться того, чтобы эта организация была возможно ближе к нашему идеалу... Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации и должен отбросить всякий принцип, имеющий тенденцию к власти, к диктатуре». Если бы Юрской федерации удалось осуществить свой план превращения Интернационала в верное отображение еще несуществующего общества и лишить его всякой возможности согласованных действий с тайной целью подчинить его «власти и диктатуре» Альянса и его перманентного диктатора «гражданина Б.», то тем самым были бы полностью исполнены желания европейской полиции, которой больше ничего не надо, как только то, чтобы Интернационал сошел со сцены.

Чтобы доказать своим старым коллегам из Лиги мира и радикальной буржуазии, что открытая ими кампания направлена против Интернационала, а не против буржуазии, альянсисты разослали свой циркуляр всем радикальным газетам. «La République française» г-на Гамбетты в статье, полной поощрений по адресу юрцев и нападок на Лондонскую конференцию, поспешила признать их заслуги. «Le Bulletin jurassien», обрадовавшись такой поддержке со стороны буржуазной прессы, *целиком* перепечатал эту статью в своем № 3, показав, таким образом, что ультра-революционных членов Альянса и версальских гамбеттистов объединяет самое сердечное согласие. Для того чтобы как можно шире распространить среди буржуазии приятную весть о нарождающемся расколе в Интернационале, сонвильерский циркуляр продавался в базарный день на улицах ряда французских городов, в частности в Монпелье. Как известно, во Франции для продажи на улице печатных произведений требуется разрешение полиции¹.

Этот циркуляр рассылался кипами повсюду, где Альянс рассчитывал набрать друзей и недовольных Генеральным Советом. Результат оказался почти равным нулю. Испанские члены Альянса высказались против созыва конгресса, которого требовал циркуляр, и осмелились даже дать нагоняй папе. В Италии только один Терцаги одно время поддерживал созыв конгресса. В Бельгии, где

¹ Тулузский процесс; см. «La Réforme» (тулузскую) от 18 марта 1873 г.

не было общепризнанных членов Альянса, но где все интернационалистское движение запуталось в буржуазных разглагольствованиях о политическом воздержании, об автономии, свободе, федерации, децентрализации и погрязло в узких местных интересах, циркуляр добился благожелательного признания (*succès d'estime*). Хотя Бельгийский федеральный совет не присоединился к требованию созыва чрезвычайного общего конгресса — что, впрочем, было бы абсурдно, так как на Конференции Бельгия была представлена шестью делегатами, — но он выработал проект общего устава, в котором Генеральный Совет просто упразднился. Когда это предложение обсуждалось на Бельгийском конгрессе, делегат Лоделенсара заметил, что для рабочих наилучшим критерием служит настроение их хозяев. Уже по одной той радости, которую вызвала у хозяев идея об упразднении Генерального Совета, можно утверждать, что нельзя «совершить более крупной ошибки, чем декретировать такое упразднение». Поэтому предложение было отвергнуто. В Швейцарии Романская федерация выразила энергичный протест против циркуляра, во всех же других странах он был встречен просто презрительным молчанием.

Генеральный Совет ответил на сонвильерский циркуляр и на бесконечные прописки Альянса негласным циркуляром «Мнимые расколы в Интернационале», датированным 5 марта 1872 г. Выше была изложена вкратце значительная часть этого циркуляра. Гаагский конгресс воздал должное этим интригам и этим интриганам.

Конечно, люди эти, шумевшие тем больше, чем мельче они были сами, имели бесспорный успех. Вся либеральная и полицейская пресса открыто встала на их сторону. Их клевета на отдельных членов Генерального Совета, их беззубые нападки на Интернационал встретили во всех странах поддержку со стороны так называемых сторонников реформ. В Англии их поддержали буржуазные республиканцы, интриги которых были расстроены Генеральным Советом. В Италии — догматики свободомыслящих, предложивших основать под знаменем Стефанони «всемирное общество рационалистов» с обязательным местопребыванием в Риме, организацию «авторитарную» и «иерархическую» — монастыри для атеистических монахов и монахинь и т. п., — организацию, по уставу которой в зале заседаний устанавливается мраморный бюст каждого буржуа, пожертвовавшего десять тысяч франков. Наконец, в Германии они встретили поддержку со стороны бисмарковских социалистов, которые, не говоря уже об издаваемой ими полицейской газете «Der Neue Sozial-Demokrat», играют роль белорубашечников прусско-германской империи.

Так как «Révolution Sociale» прекратила свое существование, то Альянс сделал своим официальным печатным органом «Bulletin jurassien», который под предлогом защиты автономных секций от авторитарности Генерального Совета и от узурпаторских действий Лондонской конференции усердно старался дезорганизовать Интернационал. В номере от 20 марта 1872 г. «Bulletin» открыто признал, что под «Интернационалом он разумеет не ту или иную организацию, охватывающую в настоящее время какую-нибудь часть пролетариата. Организации — дело второстепенное и преходящее... Интернационал, в более общем смысле, есть то чувство солидарности эксплуатируемых, которое господствует в современном мире». Интернационал, сведенный к простому «чувству солидарности», был бы еще более платоничен, чем христианская любовь. Чтобы показать, к каким честным приемам прибегает «Bulletin», мы приведем следующую выдержку из письма Токаржевича, главного редактора польской газеты «Wolność» в Цюрихе: «В № 13 «Bulletin jurassien» напечатана программа польского социалистического общества в Цюрихе, которое через три дня начнет выпускать свою газету «Wolność». Мы уполномочиваем Вас заявить Генеральному Совету Интернационала через три дня после получения этого письма, что эта программа является *подложной*».

Номер «Bulletin» от 15 июня содержит ответы членов Альянса (Бакунина, Малона, Клариса, Гильома и т. д.) на негласный циркуляр Генерального Совета. Эти ответы не отвечают ни на одно из обвинений, которые Генеральный Совет выдвинул против Альянса и его вождей. Папа за отсутствием доводов решил закончить спор, обозвав циркуляр «ушатам помоев». «Впрочем, — заявил он, — я всегда оставлял за собой право привлечь всех моих клеветников к суду чести, в чем очередной конгресс мне, без сомнения, не откажет. *И коль скоро этот суд даст мне гарантии беспристрастного и серьезного приговора*, я смогу изложить ему со всеми необходимыми подробностями все факты как политического, так и личного характера, не страшась неприятностей и опасностей, связанных с нескромной оглаской». И, конечно, гражданин Б. не посчитался с опасностью на свой обычный манер: он не явился в Гаагу.

Приближался конгресс, а Альянс знал, что до начала конгресса должен быть опубликован доклад о деле Нечаева, составление которого конференция поручила гражданину Утину. Альянсу было в высшей степени важно, чтобы доклад этот не был опубликован до конгресса и чтобы члены последнего не могли быть полностью информированы об этом деле. Гражданин Утин отправился

в Цюрих для выполнения возложенной на него задачи. Как только он поселился там, он сделался жертвой покушения на убийство, которое мы не колеблясь приписываем Альянсу. В Цюрихе у Утина не было других врагов кроме нескольких славянских членов Альянса, находившихся «под высокой рукой» Бакунина. К тому же организация засад и убийств — одно из признанных и применяемых этим обществом средств борьбы; другие примеры этого мы увидим в Испании и в России. Восемь человек, говоривших на славянском наречии, подстерегли Утина в пустынном месте у канала; когда он приблизился к ним, они напали на него сзади, нанесли ему удары тяжелыми камнями по голове, опасно ранили в глаз и после избияния убили бы и бросили бы его в канал, если бы не подоспели четверо немецких студентов. При виде их убийцы разбежались. Это покушение не помешало гражданину Утину закончить свою работу и послать ее конгрессу.

IV.

АЛЬЯНС В ИСПАНИИ.

После Бернского конгресса *Лиги мира*, состоявшегося в сентябре 1868 г., один из основателей Альянса и член итальянского парламента, Фанелли, отправился в Мадрид. Бакунин снабдил его рекомендательными письмами к депутату кортесов Гарридо, который связал его с республиканскими кругами как буржуазными, так и рабочими. Вскоре после этого, в ноябре того же года, из Женевы были присланы членские билеты Альянса для Мораго, Кордова-и-Лопеса (республиканца, мечтавшего стать депутатом, и редактора буржуазной газеты «*Combate*»), а также для Рубау Донадэу (неудачливого барселонского кандидата, основателя какой-то псевдосоциалистической партии). Известие о присылке этих билетов внесло расстройство в ряды молодой мадридской секции Интернационала; ее председатель, Хальво, вышел из нее, не желая входить в состав товарищества, которое терпит в своей среде тайное общество, состоящее из буржуа, и подчиняется его руководству.

Уже на Базельском конгрессе испанские организации Интернационала были представлены двумя членами Альянса — Фарга Пелисером и Сентиньоном, — последний из них фигурирует в официальном списке делегатов в качестве «делегата Альянса». После конгресса испанских организаций Интернационала в Барселоне (в июле 1870 г.) Альянс обосновался в Пальме, Валенсии, Малаге и Жадиксе. В 1871 г. были основаны секции в Севилье и Кордове.

В начале 1871 г. Мораго и Виньяс, делегаты Альянса в Барселоне, предложили членам Федерального совета (Франциско Мора, Анхело Мора, Ансельмо Лоренцо, Боррелю и др.)... основать секцию Альянса в Мадриде; но последние воспротивились этому, заявив, что Альянс опасен, если он существует как тайное общество, и бесполезен, если он существует открыто. И на этот раз одного упоминания этого названия оказалось достаточно для того, чтобы было брошено семя раздора в среду Федерального совета. Боррель даже произнес следующие пророческие слова: «Отныне всякое доверие между нами пропало». Но, когда правительственные преследования заставили членов Федерального совета эмигрировать в Португалию, Мораго удалось убедить их в полезности этого тайного общества, и по их инициативе в Мадриде была основана секция Альянса. В Лиссабоне благодаря Мораго к Альянсу присоединилось несколько португальцев, членов Интернационала. Считая, однако, что эти новички не дают ему достаточных гарантий, он без их ведома основал другую альянсистскую группу из худших буржуазных и рабочих элементов, навербованных в рядах франкмасонов. Эта новая группа, в которую входил лишенный сана священник Бонанса, попыталась организовать Интернационал в виде секций, по десять человек в каждой, которые должны были под ее руководством служить планам графа де Пенике и которые этому политическому интригану удалось вовлечь в рискованное предприятие, имевшее единственной целью поставить его у власти. Видя интриги Альянса в Португалии и Испании, португальские члены Интернационала вышли из этого тайного общества и на Гаагском конгрессе потребовали в интересах общего дела исключения его из Интернационала.

На конференции испанских секций Интернационала в Валенсии (в сентябре 1871 г.) делегаты Альянса, бывшие, как всегда, одновременно и делегатами Интернационала, окончательно оформили организацию своего тайного общества на Иберийском полуострове. Большинство из них, полагая, что программа Альянса тождественна с программой Интернационала, что это тайное общество существует всюду, что вступление в него является чуть ли не обязательным и что Альянс добивается дальнейшего развития Интернационала, а не подчинения его себе, постановило, что все члены Федерального совета должны в него войти. Как только Мораго, не решавшийся до тех пор вернуться в Испанию, узнал об этом факте, он поспешно приехал в Мадрид и обвинил Мора в «желании подчинить Альянс Интернационалу», что шло в разрез с планами Альянса. В подтверждение авторитетности этого мнения он дал Меса в январе следующего

года прочитать письмо Бакунина, в котором тот развивал достойный Макиавелли план господства над рабочим классом. План этот заключался в следующем: «Альянс должен с виду существовать внутри Интернационала, в действительности же стоять несколько в стороне от него, чтобы лучше наблюдать за ним и руководить им. По этим соображениям члены, входящие в советы и комитеты секций Интернационала, *должны в секциях Альянса быть всегда в меньшинстве*» (заявление Хозе Меса от 1 сентября 1872 г., поданное на имя Гаагского конгресса). На одном собрании Альянса Мораго обвинил Меса в том, что тот предал общество Бакунина, введя в состав этого общества всех членов Федерального совета, что давало им большинство в секции Альянса и фактически устанавливало преобладание Интернационала над Альянсом. Для предотвращения возможности такого преобладания тайные инструкции предписывают, чтобы в советы или комитеты Интернационала проникали только один или два члена Альянса, с тем чтобы руководить ими по указаниям и при поддержке секции Альянса, где наперед будут вырабатываться все резолюции, которые должны быть приняты Интернационалом. — С этого момента Мораго объявил Федеральному совету войну и, так же как и в Португалии, основал новую секцию Альянса, оставшуюся неизвестной для тех, кого он считал ненадежными. Ряд членов Альянса в различных пунктах Испании поддержал его и начал обвинять Федеральный совет в том, будто он пренебрегает своими обязанностями по отношению к Альянсу; об этом свидетельствует циркуляр секции Альянса в Валенсии (30 января 1872 г.), подписанный Дамоном, — альянсистским псевдонимом Монторо.

Получив сонвильерский циркуляр, испанский Альянс не решился стать на сторону Юры. Даже барселонская секция — родоначальница — в официальном письме от 14 ноября 1871 г. весьма резко и самым еретическим образом отзывается о папе Михаиле, которого она заподозрила в личном соперничестве с Карлом Марксом¹.

¹ Копии этого письма, которое Алерини направил «от имени барселонской группы» Альянса «моему дорогому Бастелина и дорогим друзьям», были разосланы всем испанским секциям Альянса. Приводим несколько выдержек из него:

«Нынешний Генеральный Совет просуществует только до конгресса в следующем году, и его пагубная деятельность может быть только временной... Напротив, открытый разрыв нанес бы нашему делу такой удар, от которого оно с трудом оправилось бы, если бы вообще его выдержало. Поэтому мы ни в коем случае не можем одобрить ваши *сепаратистские тенденции*.

...Некоторые из нас задавали себе вопрос: нет ли во всем этом, или наряду

Федеральный совет присоединился к этому письму, что показывает, насколько слабо было тогда влияние швейцарского центра в Испании. Но вскоре после этого можно было наблюдать, как благодать снизошла на строптивные сердца. На собрании Мадридской федерации Интернационала (7 января 1872 г.), на котором обсуждался сонвильерский циркуляр, новая группа, руководимая Мораго, воспрепятствовала оглашению контр-циркуляра Романской федерации и сорвала обсуждение вопроса. 24 февраля Рафар (альянсистский псевдоним Рафаэля Фарга) писал мадридской секции Альянса: «Необходимо уничтожить реакционное влияние и авторитарные тенденции Генерального Совета». И все же только в Пальме, на Майорке, Альянс добился публичного присоединения членов Интернационала к юрскому циркуляру. Как видно, церковная дисциплина начала ломать последние попытки сопротивления признанию непогрешимости папы.

Перед лицом всех этих фактов подпольной работы Испанский федеральный совет понял, что необходимо срочно избавиться от Альянса. Правительственные преследования представили ему для этого повод. Он предложил образовать на случай роспуска Интернационала тайные группы «Защитников Интернационала», в которых должны были незаметно раствориться секции Альянса. Включение большого числа новых членов неизбежно должно было изменить их характер, и они окончательно исчезли бы вместе с этими группами, как только прекратились бы гонения. Но Альянс, разгадав скрытую цель этого плана, сорвал его, хотя отсутствие такой организации ставило под угрозу существование Интернационала в Испании, если бы правительство привело свои угрозы в исполнение. Альянс в противовес этому предложил следующее: «Было бы целесообразно, в том случае если нас поставят вне закона, придать Интернационалу внешне такую форму, которая могла бы быть допущена правительством; местные же советы должны были бы стать тайными

со всем этим, помимо вопросов принципиальных, также и *вопросов личных, например, соперничества между нашим другом Михаилом и Карлом Марксом, между членами старого А. и Генеральным Советом...* Мы с прискорбием прочли в «*Révolution Sociale*» нападки на Генеральный Совет и на Карла Маркса... Когда мы узнаем мнение наших друзей на полуострове, *оказывающих влияние на местные советы*, мнение, которое может изменить нашу позицию в сторону общего решения, с которым мы будем сообразоваться во всех отношениях, и пр. и пр.»

Старый А. — это открытый Альянс, уничтоженный в зародыше Генеральным Советом. Экземпляр письма, из которого мы привели эту выдержку, написан рукой Алерини.

центрами, которые, находясь под влиянием Альянса, придавали бы секциям вполне революционное направление» (циркуляр севильской секции Альянса от 25 октября 1871 г.). Трусливый на деле, отважный на словах — таков Альянс в Испании, как и повсюду.

Резолюция Лондонской конференции о политике рабочего класса заставила Альянс открыто выступить против Интернационала; она же дала Федеральному совету повод констатировать полное единодушие, существующее между ним и огромным большинством членов Интернационала. Кроме того, она подсказала ему идею образования в Испании крупной рабочей партии. Для достижения этой цели необходимо было прежде всего целиком оторвать рабочий класс от всех буржуазных партий, особенно от республиканской партии, вербовавшей среди рабочих главную массу своих избирателей и борцов. Федеральный совет рекомендовал воздерживаться от участия в любых выборах депутатов, как в монархических, так и в республиканских. Чтобы лишить народ всякой иллюзии насчет псевдосоциалистической фразеологии республиканцев, редакторы «*La Emancipación*», бывшие в то же время членами Федерального совета, обратились к съехавшимся на конгресс в Мадриде представителям республиканско-федералистской партии с письмом, в котором требовали от них практических мероприятий и предлагали им высказаться по поводу программы Интернационала. Это значило нанести страшный удар республиканской партии; Альянс взял на себя задачу ослабить этот удар, так как он, наоборот, был в союзе с республиканцами. В Мадриде им была основана газета «*El Condernado*», выставившая в качестве программы три основных добродетели Альянса: *Атеизм*, *Анархию*, *Коллективизм*, но рекомендовавшая вместе с тем рабочим не добиваться сокращения рабочего дня. Наряду с «братом» Мораго в ней сотрудничал Эстебанес, один из трех членов руководящего комитета республиканской партии, бывший в последнее время губернатором Мадрида и военным министром. В Малаге—Пино, член Федеральной комиссии псевдо-интернационала, а в Мадриде — Фелипе Мартин, ныне коммивояжер Альянса, служили республиканской партии в качестве агентов по избирательным кампаниям. А для того чтобы иметь своего Фанелли в испанских кортесах, Альянс решил выставить кандидатуру Мораго.

Альянс не мог простить Федеральному совету две вещи: 1) то, что тот воздержался по юрскому вопросу; 2) то, что тот покушался на его неприкосновенность. После того как Совет занял в отношении республиканской партии такую позицию, которая срывала все планы Альянса, последний решил расправиться с ним. Письмо к конгрессу

республиканцев было им воспринято как объявление войны. «La Igualdad», самый влиятельный орган партии, яростно напал на редакторов «La Emancipación», обвиняя их в том, что они продались Сагасте. «El Condenado» поддержал это гнусное обвинение своим упорным молчанием. Альянс сделал и нечто большее для республиканской партии. В связи с этим письмом он добился исключения редакторов «La Emancipación» из Мадридской федерации Интернационала, в которой Альянс пользовался преобладающим влиянием.

Несмотря на правительственные преследования, Федеральный совет за свою шестимесячную деятельность со времени конференции в Валенсии увеличил число местных федераций с 13 до 70; в ста других местностях он подготовил создание новых федераций, организовал национальные общества сопротивления рабочих восьми профессий. Кроме того, при его поддержке создан крупный союз каталонских фабричных рабочих. Эти заслуги создали членам Совета такое моральное влияние, что Бакунин почувствовал необходимость вернуть их на путь истины, послав 5 апреля 1872 г. длинное отеческое увещание генеральному секретарю Совета Мора (см. Документы № III). Конгресс в Сарагоссе (4—11 апреля 1872 г.), несмотря на все усилия Альянса, представленного на нем по меньшей мере дюжиной делегатов, аннулировал исключение и ввел двух из исключенных в новый федеральный совет, вопреки их повторным просьбам снять их кандидатуры.

Во время конгресса в Сарагоссе, как и всегда, одновременно происходили тайные совещания Альянса. Члены Федерального совета внесли на них предложение распустить Альянс. Чтобы не отклонить этого предложения, его ловко обошли. Два месяца спустя, 2 июня, те же граждане, в качестве руководителей Альянса в Испании и от имени его мадридской секции, разослали всем другим секциям циркуляр, в котором они возобновляли свое предложение, обосновывая его следующим образом: «Альянс уклонился с того пути, по которому, по нашему мнению, он должен был следовать в нашей стране; он искажил идею, которая вызвала его к жизни, и вместо того чтобы быть составной частью нашего великого Товарищества, активным элементом, который толкает вперед различные организации Интернационала, помогая им и способствуя их развитию, Альянс совершенно отделился от остальной части Товарищества и превратился в обособленную, как бы высшую организацию, стремящуюся все себе подчинить; тем самым он внес недоверие, раздоры и раскол в нашу среду... В Сарагоссе, вместо того чтобы вносить предложения

и помогать решать вопросы, Альянс только мешал важной работе конгресса». Из всех секций испанского Альянса одна только секция в Кадиксе ответила на этот циркуляр, сообщив о своем роспуске. На следующий же день Альянс снова добился исключения из Мадридской федерации Интернационала лиц, подписавших циркуляр от 2 июня. В качестве предлога была использована статья в «La Emancipación» от 1 июня, которая требовала произвести расследование «об источниках богатства министров, генералов, административных чиновников, должностных лиц, мэров и т. д.... а также о всех политических деятелях, которые, не занимая государственных постов, жили под крылышком правительств, поддерживая их в кортесах и прикрывая их беззакония маской мнимой оппозиции... Конфискация имущества этих лиц должна быть первой мерой, которая будет проведена на другой день после революции». Альянс, увидевший в этой статье прямую атаку на своих друзей из республиканской партии, обвинил редакторов «La Emancipación» в измене делу пролетариата под тем предлогом, что, требуя конфискации имущества расхитителей государственного достояния, они признают тем самым частную собственность. Не может быть более яркого показателя реакционности, которая кроется за революционным шарлатанством Альянса и которую он пытается привить рабочему классу. И не может быть более яркого свидетельства недобросовестности альянсистов, чем исключение как защитников частной собственности тех самых людей, которых они предавали анафеме за их коммунистические идеи.

Это новое исключение было нарушением существующего устава, предписывающего образование суда чести, в состав которого обвиняемый вводит от себя двух судей из семи и чье решение он может обжаловать на общем собрании секции. Вместо этого Альянс, не желая быть стесненным в своей автономии, декретировал исключение на том же собрании, на котором он выдвинул обвинение. Из 130 членов, входивших в состав секции, собралось только 15 столковавшихся между собой лиц. Исключенные апеллировали к Федеральному совету.

В результате махинаций Альянса этот Совет был перенесен в Валенсию. Из двух членов бывшего Федерального совета, переизбранных на конгрессе в Сарагоссе, Мора не принял избрания, а Лоренцо вскоре подал в отставку. С этого момента Федеральный совет был и душой и телом предан Альянсу. На апелляцию исключенных он ответил заявлением о своей некомпетентности, хотя ст. 7 устава Испанской федерации вменяла ему в обязанность временно исключать

всякую местную федерацию, которая нарушит устав, оставляя за ней право обжаловать это решение на очередном конгрессе. После этого исключенные образовали «Новую федерацию» и потребовали у Совета ее признания, но Совет, основываясь на автономии секций, наотрез отказал им в этом. Новая мадридская федерация обратилась тогда к Генеральному Совету, который принял ее на основании ст. II, 7 и ст. IV, 4 организационного регламента. Общий конгресс в Гааге одобрил это решение и *единогласно* допустил делегата Новой мадридской федерации.

Альянс понял все значение этого первого движения протеста. Альянс понял, что если не задушить его в самом зародыше, то Интернационал в Испании, до тех пор столь послушный, ускользнет из его рук: он пустил в ход все свои средства, честные и бесчестные. Он начал с клеветы. Имена исключенных — Анхель и Франциско Мора, Хозе Меса, Виктор Пахес, Иглесиас, Саенс, Кальеха, Паули и Лафарг, — снабженные эпитетом предателей, печатали в газетах и вывешивали в помещениях секций. Мора, который, чтобы выполнять обязанности генерального секретаря, бросил свою работу и в течение многих месяцев получал поддержку от брата, так как не было средств, из которых можно было бы выплачивать ему содержание, был обвинен в том, что якобы жил за счет Интернационала. Про Меса, который, чтобы зарабатывать на жизнь, редактирует журнал мод и только что перевел статью для одного иллюстрированного журнала, говорили, что он продался буржуазии. Лафарга обвинили в смертном грехе, в том, что он при помощи обеда, достойного Гаргантюа, подверг искушению св. Антония слабую плоть двух членов нового альянсистского Федерального совета, Мартинеса и Монторо, как будто совесть у них помещалась в брюхе. Мы говорим здесь только о публичной клевете, появившейся в печати. Так как эти меры не произвели желаемого действия, то перешли к запугиванию. В Валенсии Мора завлекли в засаду, устроенную членами Федерального совета, которые поджидали его там с дубинками в руках. Его выручили члены местной федерации, которым знакомы приемы этих господ и которые утверждают, что Лоренцо подал в отставку под влиянием таких же сногшибательных аргументов. Вскоре после этого подобное же покушение было совершено в Мадриде на Иглесиаса. Альянсистская конгрегация, составляющая индекс запрещенных книг, указала своим верующим на «La Emancipación» как на одно из еретических изданий; в Кадиксе, чтобы вселить спасительный страх в души грешников, было объявлено, что каждый продавец «La Emancipación» будет изгнан из

Интернационала как предатель. Альянсистская анархия находит свое осуществление в инквизиторской практике.

Альянс, по своему обыкновению, стал добиваться того, чтобы вся делегация от испанских организаций Интернационала на Гаагский конгресс состояла из членов Альянса. С этой целью Федеральный совет разослал секциям негласный циркуляр, существование которого он тщательно скрывал от Новой мадридской федерации. В этом циркуляре предлагалось послать на конгресс общую делегацию, избранную голосами всех членов Интернационала, и произвести поголовный сбор в 25 сантимов с человека для покрытия расходов. Так как местные федерации не имели времени договориться между собой относительно кандидатур, то было ясно, как это в действительности и оказалось, что официальные кандидаты Альянса будут избраны и посланы на конгресс за счет Интернационала. Этот циркуляр попал, однако, в руки Новой мадридской федерации и был переслан ею Генеральному Совету, который, зная, что Федеральный совет находится в подчинении у Альянса, решил, что пришло время действовать, и обратился к Испанскому федеральному совету с письмом, в котором было сказано:

«Граждане! У нас имеются доказательства, что внутри Интернационала, и в частности в Испании, существует тайное общество, называющее себя Альянсом социалистической демократии. Это общество, центр которого находится в Швейцарии, поставило перед собою специальную задачу навязать нашему великому Товариществу такую линию, которая соответствовала бы специфическим стремлениям Альянса, и вести Товарищество к цели, неизвестной подавляющему большинству членов Интернационала. Более того, нам известно из севильской «La Razon», что по меньшей мере три члена вашего Совета принадлежат к Альянсу...

«Если характер и организация этого общества противоречили духу и букве нашего устава уже тогда, когда оно было еще публичным и открытым, то его тайное существование внутри Интернационала, вопреки данному им слову, равносильно прямой измене нашему Товариществу. Интернационал знает лишь один род членов, с равными правами и обязанностями для всех; Альянс делит их на два разряда, на посвященных и непосвященных, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, о самом существовании которой руководимые не знают. От своих членов Интернационал требует, чтобы они признавали основой своего поведения *истину, мораль и справедливость*; Альянс требует от своих сторонников в качестве их первого долга, чтобы они

обманывали непосвященных членов Интернационала, скрывая от них существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и своих действий».

Генеральный Совет затребовал у них кроме того некоторые материалы для расследования об Альянсе, которые он собирался представить Гаагскому конгрессу. Он потребовал также объяснений по поводу того, каким образом они со своими обязанностями по отношению к Интернационалу совмещают наличие в составе Федерального совета по меньшей мере трех заведомых членов Альянса.

Федеральный совет ответил уклончивым письмом, в котором, тем не менее, признал существование Альянса.

Так как ухищрения, о которых мы говорили, казались недостаточными для того, чтобы обеспечить успех на выборах, Альянс пошел на то, чтобы в своих газетах выставить официальные кандидатуры Фарга, Алерини, Сориано, Марселау, Мендеса, Мораго. В результате голосования Марселау получил 3 568 голосов, Мораго — 3 442, Мендес — 2 850, Сориано — 2 751 голос. Из других кандидатов Лостау получил 2 430 голосов в четырех каталонских городах, которые, очевидно, не были еще достаточно дисциплинированы; Фусте — 1 053 голоса в Сансе, в Каталонии. Ни один из остальных кандидатов не собрал более 250 голосов. Чтобы обеспечить избрание Фарга и Алерини, Федеральный совет предоставил Барселоне, где Альянс господствовал, привилегию непосредственно избрать своих делегатов, которыми, естественно, оказались Алерини и Фарга. — Тот же официальный циркуляр констатирует, что четыре каталонских города, которые выдвинули Лостау и Фусте и отвергли, таким образом, официальных кандидатов Альянса, уплатили 2 654 реала (663 фр. 50 сант.) на покрытие расходов делегации, тогда как остальные города Испании, где Альянс благодаря непривычке рабочих самим вести свои дела провел своих кандидатов, внесли всего лишь 2 799 реалов (699 фр. 75 сант.). Новая мадридская федерация имела полное основание утверждать, что на деньги членов Интернационала в Гаагу посылались делегаты Альянса. Кроме всего этого, альянсистский федеральный совет не уплатил полностью членских взносов, которые надлежало внести Генеральному Совету.

Всего этого Альянсу было еще мало. Он хотел, чтобы его делегаты имели альянсистский императивный мандат; вот каким образом он этого добился. В циркуляре от 7 июля Федеральный совет потребовал и получил полномочия свести воедино все императивные мандаты, данные местными федерациями. Этот маневр, худший,

чем бонапартистский плебисцит, позволил Альянсу составить для своей делегации мандат, который он пытался навязать конгрессу, запретив своим делегатам участвовать в голосовании, если не будет немедленно изменен способ голосования, предписанный Интернационалу его общим уставом. Доказательством того, что это была только мистификация, служит тот факт, что на конгрессе в Сент-Имье испанские делегаты, вопреки своему мандату, участвовали в голосованиях, которые проводились по федерациям, — способ голосования, столь восхваляемый Кастеляром и практикуемый Лигой мира ¹.

¹ *Сентиньон* — барселонский врач, личный друг Бакунина и один из основателей испанского Альянса, задолго до Гаагского конгресса советовал членам Интернационала не платить членских взносов Генеральному Совету потому, что тот затратит их на покупку оружия. Он пытался помешать Интернационалу в Испании выступить в защиту дела побежденной Коммуны; посаженный в тюрьму за нарушение закона о печати, он выпустил манифест, в котором храбро отрекался от преследуемого в то время Интернационала; хотя все рабочие Барселоны в связи с таким поведением от него отвернулись, он тем не менее продолжал оставаться одним из тайных вождей Альянса; это видно из того, что в письме от 14 августа 1871 г., через три месяца после падения Коммуны, член Альянса, Монторо, направил одного альянсистского корреспондента к Сентиньону, который должен был сообщить ему, по его словам, сведения о себе как о члене Альянса.

Виньяс — студент-медик, которого Сентиньон в письме к Либкнехту от 26 января 1872 г. рекомендовал как человека, являющегося «душой Интернационала в Барселоне», вышел из Интернационала в период преследований против него, чтобы не компрометировать своей семьи, хотя полиция даже не потрудилась посадить его в тюрьму.

Фара Пелисер — также один из главарей Альянса, в том же письме Сентиньона обвиняется в том, что во время преследований он удрал, предоставив другим отвечать перед судом за свои статьи. Заячья храбрость альянсистов всегда и повсюду решительно отстаивает свою антиавторитарную автономию. Их протест против авторитарной власти буржуазного государства выражается в том, что они обращаются в бегство.

Сорцано — другой главарь, профессор... кабалистических наук, вышел из Интернационала в разгар преследований. На конгрессе в Сарагоссе он имел печальное мужество воспротивиться открытому ведению заседаний, которого требовал Лафарг и другие делегаты, потому что считал нецелесообразным вызывать недовольство властей. В последнее время, при Амедее, Сорцано принял правительственную должность.

Мораго — лавочник и кабацкий завсегдатай, сохраняет свою автономию профессионального игрока за счет труда своей жены и своих подмастерьев. Когда Федеральный совет эмигрировал в Лиссабон, он дезертировал с поста члена Совета и предложил выбросить бумаги Интернационала в море. Когда Сагаста объявил Интернационал вне закона, Мораго снова дезертировал с

V.

АЛЬЯНС В ИТАЛИИ.

В Италии Альянс предшествовал Интернационалу. Папа Михаил имел здесь местожительство и завязал многочисленные связи среди радикальной буржуазной молодежи. Первая секция Интернационала в Италии — секция неаполитанская — с самого своего основания находилась под руководством этих буржуазных и альянсистских элементов. Один из основателей Альянса, адвокат Гамбуцци¹, провел в председатели ее своего «образцового рабочего» Капоруссо. На Базельском конгрессе Бакунин рука об руку со своим верным Капоруссо представлял неаполитанских членов Интернационала, в то время как Антонелли Альянса, Фанелли², делегат рабочих ассоциаций, образовавшихся вне Интернационала, задержался в пути из-за болезни.

поста члена местного мадридского совета и укрылся от бури в гавани Альянса. Не имея Христа, Альянс изобилует св. Петрами.

Клементе Бове — за слишком автономное обращение с кассой был смещен и изгнан со своего поста председателя союза фабричных рабочих Каталонии (*Les tres clases de vapor*).

Дионисио Гарсиа Фрайле, которого орган Альянса «*La Federacion*» в номере от 28 июля 1872 г., где он опубликовал длинное письмо, полное нападок против Новой мадридской федерации, называет «нашим дорогим коллегой», служил в полиции в Сен-Себастьяне и обокрал кассу секции Интернационала.

¹ «Одним из самых горячих сторонников Капоруссо был адвокат Карло Гамбуцци, который считал, что нашел в его лице образцового председателя секции Интернационала. Гамбуцци дал ему необходимые средства, чтобы отправиться на Базельский конгресс. А когда на общем собрании секции было решено исключить Капоруссо, Гамбуцци решительно воспротивился тому, чтобы этот факт был опубликован в «*Bulletin*», и уговорил своих друзей не настаивать на опубликовании в бюллетене также и другого позорного факта: присвоения 300 франков» (письмо Кафиеро, 12 июля 1871 г.).

² Фанелли уже давно является членом итальянского парламента. Запрошенный по этому поводу Гамбуцци заявил, что быть депутатом — превосходная вещь; это делает вас недосыгаемым для полиции и позволяет бесплатно развезать по всем итальянским железным дорогам. Альянс запрещает рабочим всякое политическое выступление, так как требовать от какого-нибудь государства ограничения рабочего времени женщин и детей значило бы, мол, признать государство и преклониться перед началом зла; но буржуазные вожди Альянса получают папские отпущения, позволяющие им заседать в парламентах и пользоваться привилегиями, которые предоставляют им буржуазные государства. Атеистическая и анархическая деятельность Фанелли в итальянском парламенте ограничилась до сих пор высокопарным восхвалением авторитариста Мадзини, выдвинувшего девиз «*Dio e popolo*» [«Бог и народ»].

Близость к святейшему отцу вскружила голову нашему bravому Капоруссо. Вернувшись в Неаполь, он возомнил себя выше всех остальных альянсистов; в секции он держался хозяином. «Поездка в Базель совершенно изменила Капоруссо... Он вернулся с конгресса со странными идеями и претензиями, резко противоречащими принципам нашей ассоциации. Сперва вполголоса, а затем открыто, властным тоном он заговорил о полномочиях, которых он не имел и не мог иметь; он утверждал, что Генеральный Совет доверяет только ему одному и что в случае, если секция не будет его слушаться, он уполномочен распустить ее и основать новую» (официальный отчет неаполитанской секции Генеральному Совету в июле 1871 г., составленный и подписанный альянсистским адвокатом Кармело Палладино). Полномочия Капоруссо исходили, очевидно, от центрального комитета Альянса, так как Интернационал никогда ему таких не давал. Бравый Капоруссо, который видел в Интернационале только источник личной наживы, назначил своего зятя, бывшего иезуита и лишенного сана священника, «профессором Интернационала и заставил несчастных рабочих выслушивать его тирады об уважении к собственности и прочие благоглупости буржуазной политической экономии» (письмо Кафнеро)¹. А после этого он продался капиталистам, которых беспокоили успехи Интернационала в Неаполе. По их приказанию он вовлек в совершенно безнадежную стачку неаполитанских скорняков. Посаженный в тюрьму вместе с тремя другими членами, он присвоил себе 300 фр., посланных секцией на содержание четырех заключенных. Эти славные подвиги привели к его изгнанию из секции, которая продолжала существовать, пока не была насильственно разогнана (20 августа 1871 г.). Но Альянс, ускользнув от преследований полиции, воспользовался этим для того, чтобы занять место Интернационала. Посылая официальный отчет, выдержки из которого приводились выше, Кармело Палладино 13 ноября 1871 г. протестовал против

¹ Получив отпор в Неаполе, Капоруссо два года спустя имел бесстыдство навязывать этого самого субъекта Генеральному Совету, рекламируя его следующим образом: «Гражданин председатель Интернационала! Великая проблема труда и капитала, обсуждавшаяся на рабочем конгрессе в Базеле и занимающая ныне умы всех классов, в настоящее время разрешена. Человек, посвятивший себя изучению сложной проблемы социального вопроса, — мой зять, муж моей дочери; изучив постановления названного конгресса и призвав на помощь науку, он нашел нить запутанного узла, что дает возможность установить полное равновесие между рабочей семьей и буржуазией в соответствии с правами каждой» и т. д. (подписано: Стефано Капоруссо).

Лондонской конференции в тех же самых выражениях и приводя те же аргументы, которые мы находим в датированном днем раньше сонвильерском циркуляре.

В ноябре 1871 г. в Милане образовалась секция, состоявшая из самых разнообразных элементов. Наряду с рабочими, главным образом, механиками, привлеченными Куно, в ней были студенты, журналисты мелких газет и приказчики, находившиеся всецело под влиянием Альянса. Куно, вследствие своего пангерманского происхождения, не был посвящен в тайны Альянса; тем не менее, он имел возможность убедиться, что после паломничества в Локарно, в этот Рим альянсистов, молодые буржуа образовали секцию тайного общества. Вскоре после этого (февраль 1872 г.) Куно был арестован и выслан итальянской полицией; благодаря этой помощи свыше Альянс получил свободу действий и понемногу подчинил себе миланскую секцию Интернационала.

8 октября 1871 г. в Турине образовалась «Рабочая федерация»; она обратилась к Генеральному Совету с просьбой о приеме в Интернационал. Ее секретарь, Карло Терцаги, писал дословно: «*Attendiamo i vostri ordini*» — ждем ваших распоряжений. В подтверждение того, что Интернационал в Италии с первых же шагов должен был пройти через все инстанции альянсистской бюрократии, он сообщал, что «Совет, через Бакунина, получит письмо от рабочего Товарищества в Равенне, которое объявляет себя секцией Интернационала».

4 декабря Карло Терцаги сообщил Генеральному Совету, что «Рабочая федерация» раскололась, так как большинство ее оказалось мадзинистским, и что меньшинство образовало секцию под названием «Освобождение пролетария». Он воспользовался случаем, чтобы попросить у Совета денег для своей газеты «*Il proletario*». В задачи Генерального Совета не входила денежная поддержка печати; но в Лондоне существовал комитет, занимавшийся сбором средств, для оказания помощи прессе Интернационала. Комитет уже собирался послать субсидию в размере 150 фр., когда «*Gazzettino Rosa*» сообщила, что туринская секция открыто встала на сторону юрцев и решила послать делегата на всемирный конгресс, созываемый Юрской федерацией. Спустя два месяца Терцаги хвастался перед Реджисом, что он провел это решение после того, как лично получил в Локарно инструкции от Бакунина. Ввиду такого враждебного отношения к Интернационалу комитет денег не послал.

Хотя Терцаги был в Турине правой рукой Альянса, но настоящим папским легатом там был некий Якоби, выдававший себя за

польского врача. Для объяснения той ненависти, которую он проявлял по поводу воображаемого пангерманизма Генерального Совета, этот альянсистский доктор обвинял Генеральный Совет «в нерадивости и бездеятельности во время франко-прусской войны; Совет повинен в гибели Коммуны потому, что он не сумел использовать своей огромной силы для поддержки движения в Париже; а его германские тенденции бросаются в глаза, если вспомнить о том, что под стенами Парижа, в германской армии, находилось 40 000 членов Интернационала (!), а Генеральный Совет не смог или не захотел использовать своего влияния для того, чтобы воспрепятствовать продолжению войны» (!! — отчет Реджиса Генеральному Совету от 1 марта 1872 г.). Смешивая Генеральный Совет с комитетом по делам печати, он обвинял Совет в том, что, отказывая в 150 фр. альянсисту Терцаги, он «следует теории продажных и подкупающих правительств». В доказательство того, что у Альянса эта жалоба исходит из глубины души, Гильом счел своим долгом повторить ее на Гаагском конгрессе.

Между тем как в своей газете Терцаги выступал перед публикой, ударяя в огромный антиавторитарный барабан Альянса, он одновременно тайком писал Генеральному Совету, требуя от него, чтобы он авторитарно отказался от приема взносов у «Рабочей федерации» Турина и формально исключил бы журналиста Бегелли, который не был даже членом Интернационала. Тот же Терцаги, «приятель (amicone) туринского префекта полиции, угощавшего его при встречах вермутом» (официальный отчет Федерального совета в Турине, 5 апреля 1872 г.), выдал на открытом собрании присутствие эмигранта Реджиса, посланного в Турин Генеральным Советом. Получив такие указания, полиция немедленно бросилась по следам Реджиса, которому удалось перебраться через границу только благодаря помощи секции.

Свою альянсистскую миссию Терцаги в Турине завершил следующим образом. Когда против него были выставлены тяжкие обвинения, «он пригрозил сжечь книги секции, если его не переизберут секретарем и если секция перестанет подчиняться ему и признавать его авторитет или вынесет ему порицание. Во всех этих случаях он угрожал отомстить, став агентом полиции (questurino)» (отчет Федерального совета в Турине, цитированный выше). Терцаги имел все основания для того, чтобы пытаться запугать секцию. В качестве кассира и секретаря он произвел в кассе слишком значительные альянсистские хищения. Несмотря на категорическое запрещение Совета, он установил себе жалованье в 90 фр.; он вносил

в бухгалтерские книги как выплаченные такие суммы, которые не были уплачены, а исчезли из кассы. Составленный им самим отчетный баланс показывал кассовую наличность в 56 фр., которых на деле не оказалось и возместить которые он отказался, так же как и оплатить полученные от Генерального Совета 200 марок для сбора членских взносов. Общее собрание единогласно выгнало (scaccio) его (цитированный выше отчет). Альянс, всегда уважающий автономию секций, утвердил это исключение, но немедленно же заставил признать Терцаги почетным членом флорентийской секции, а несколько позднее делегатом этой самой секции на конференции в Римини.

Несколько дней спустя в письме от 10 марта Терцаги следующим образом объясняет Генеральному Совету свое исключение: он отказался от членства и от поста секретаря этой секции негодяев и шпионов (*canaglia et mardocheria*), потому что она «состояла из правительственных агентов и мадзинистов» и потому что ему пытались вынести порицание «знаете за что? За то, что я проповедывал войну против капитала!» (которую он осуществлял в кассе секции). Этим письмом он хотел доказать, что Генеральный Совет был странным образом введен в заблуждение в оценке бравого Терцаги, не желающего ничего другого, как стать его покорным слугой. Разве он «не заявлял всегда, что для того, чтобы быть членом Интернационала, необходимо уплачивать членские взносы Генеральному Совету», — вопреки тайным распоряжениям Альянса. «Если мы приняли участие в Юрском конгрессе, то не для того, чтобы объявить вам войну, дорогие друзья, мы просто плыли по течению; мы стремились внести примирение и разрешить конфликт. Что касается централизации секций, без лишения их, однако, некоторой присущей им автономии, то я нахожу ее чрезвычайно полезной». — «Я надеюсь, что высший Совет откажет в приеме мадзинистской «Рабочей федерации»; будьте уверены, что никто не посмеет обвинить вас в авторитарности; я принимаю на себя всю ответственность за это... Я хотел бы получить, если возможно, точную биографию Карла Маркса; в Италии у нас нет аутентичной его биографии, и я хотел бы первый удостоиться этой чести». Что же означает все это угодничество? «Не ради меня, а ради дела, чтобы не уступить место моим многочисленным врагам, чтобы доказать им, что Интернационал сплочен, я настоятельно прошу вас, если еще не поздно, прислать мне субсидию в 150 фр., которую высший Совет мне назначил».

Уверенный в своей безнаказанности Терцаги новыми проделками поставил себя во Флоренции, повидимому, в такое невозможное

положение, что даже «Fascio Operaio» [«Рабочий Союз»] был вынужден от него отречься. Будем надеяться, что Юрский комитет сумеет лучше оценить его заслуги.

Если в лице Терцаги Альянс нашел своего истинного представителя, то в Романье он нашел самую подходящую для себя почву. Альянс основал там свою группу секций, выдававших себя за секции Интернационала, которые считали своим первым долгом не подчиняться общему уставу, не сообщать о своем возникновении и не платить взносов Генеральному Совету. Это были подлинно автономные секции. Они приняли название «Fascio Operaio» [«Рабочий Союз»] и служили центрами объединения разнообразных рабочих обществ. На вопрос: «Следует ли в общих интересах и для обеспечения полной автономии «Fascio Operaio» подчинить его руководству лондонского Генерального комитета или Юрского комитета или же надо сохранить полную независимость, поддерживая сношения с обоими комитетами?» — их первый конгресс, состоявшийся в Болонье 17 марта 1872 г., ответил следующим постановлением: «Конгресс рассматривает лондонский Генеральный Совет и Юрский комитет как простые корреспондентские и статистические бюро; он поручает своему местному представителю в Болонье связаться с ними обоими и о результатах сообщить секциям». «Fascio Operaio» совершил колоссальную оплошность, раскрыв перед непосвященными таинственное существование секретного центра Альянса. Юрский комитет оказался вынужденным публично отрицать свою тайную деятельность. — Что касается Генерального Совета, то Болонское представительство ни разу не давало ему о себе знать.

Как только Альянс узнал о созыве конгресса в Гааге, он выдвинул на авансцену свой «Fascio Operaio», который во имя своего автономного авторитета или авторитарной автономии присвоил себе титул Итальянской федерации и созвал на 5 августа конференцию в Римини. Из 21 секции, представленных в Римини, только одна неаполитанская входила в Интернационал, тогда как ни одна из действительно активных секций Интернационала, даже миланская секция, не была там представлена. Эта конференция раскрыла намеченный Альянсом план кампании в следующей резолюции:

«Принимая во внимание, что Лондонская конференция (сентябрь 1871 г.) своей IX резолюцией пыталась навязать всему Международному Товариществу Рабочих авторитарную доктрину, являющуюся доктриной немецкой коммунистической партии;

что Генеральный Совет является вдохновителем и защитником этого;

что доктрина *авторитарных коммунистов* представляет собой отрицание революционного чувства итальянского пролетариата;

что Генеральный Совет использовал самые недостойные приемы, вроде клеветы и обмана, с единственной целью навязать всему Международному Товариществу в целом свою особую *авторитарно-коммунистическую* доктрину;

что Генеральный Совет дошел до пределов в своем недостойном поведении, выпустив негласный циркуляр, помеченный: Лондон, 5 марта 1872 г., в котором, продолжая свое дело клеветы и обмана, он обнаруживает всю свою жажду власти (*autorité*), особенно в следующих двух достопримечательных местах:

«было бы трудно приводить в исполнение решения, не имея «морального» авторитета, при отсутствии иного добровольно признаваемого авторитета» («Негласный циркуляр», стр. 35);

«Генеральный Совет намерен потребовать на очередном конгрессе расследования деятельности этой тайной организации и ее вдохновителей в некоторых странах, например, в Испании» (стр. 40);

что реакционный дух Генерального Совета вызвал революционное возмущение бельгийцев, французов, испанцев, славян, итальянцев и части швейцарцев и вызвал предложение упразднить Совет и пересмотреть общий устав;

что Генеральный Совет умышленно созвал общий конгресс в Гааге, в пункте, наиболее отдаленном от этих революционных стран.

На основании всего этого,

Конференция торжественно заявляет перед лицом трудящихся всего мира, что с этого момента Итальянская федерация Международного Товарищества Рабочих порывает всякую солидарность с лондонским Генеральным Советом, одновременно подтверждая экономическую солидарность со всеми трудящимися и предлагая всем секциям, не разделяющим авторитарных принципов Генерального Совета, прислать 2 сентября 1872 г. своих представителей не в Гаагу, а в Невшатель (Швейцария), чтобы открыть в тот же день общий антиавторитарный конгресс.

Римини, 6 августа 1872 г. От имени конференции: председатель— Карло Кафиеро, секретарь — Андреа Коста».

Попытка поставить «*Fascio Operaio*» на место Генерального Совета потерпела полный крах. Даже Испанский федеральный совет, простой филиал Альянса, не посмел поставить на голосование испанских членов Интернационала принятую в Римини резолюцию.

Тогда, чтобы исправить свой промах, Альянс, не отказываясь от созыва своего антиавторитарного конгресса в Сент-Имье, отправился все же и на Гаагский конгресс.

Италия стала обетованной землей Альянса лишь вследствие особой благодати. Папа Михаил раскрывает нам эту тайну в своем письме к Мора (Документы № III): «В Италии есть то, чего не хватает другим странам: пылкая, энергичная молодежь, *совершенно выбитая из колеи, без перспектив на карьеру, не видящая выхода*, молодежь, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, в нравственном и умственном отношении не изношена до такой степени, как буржуазная молодежь остальных стран. Теперь она очертя голову бросается в революционный социализм, принимая *всю нашу программу*, программу Альянса; Мадзини, наш *гениальный (sic)* и могучий противник, умер, мадзинистская партия совершенно дезорганизована, а Гарибальди все более поддается влиянию той молодежи, которая носит его имя, но которая идет, или вернее бежит, бесконечно дальше его»¹. Святой отец прав. В Италии Альянс является не «Рабочим Союзом», а сбродом деклассированных элементов. Всеми этими самозванными секциями Интернационала в Италии руководят адвокаты без клиентуры, врачи без пациентов и без знаний, студенты из биллиардных, коммивояжеры и другие торговые служащие, а главным образом журналисты мелких газет с более или менее сомнительной репутацией. Италия — единственная страна, в которой так называемая интернациональная печать усвоила себе характер деляческой пронырливости (*un saçastège figariste*). Достаточно взглянуть на почерк секретарей этих мнимых секций, чтобы убедиться, что он всегда или носит коммерческий характер или обличает людей, привыкших много писать. Завладев, таким образом, всеми официальными постами в секциях, Альянс принудил итальянских рабочих, всякий раз когда они желали вступить в сношения друг с другом или с другими советами Интернационала, прибегать к услугам деклассированных членов Альянса, которые нашли в Интернационале и «карьеру» и «выход».

¹ Вот что говорит об этом сам Гарибальди: «Мой дорогой Крешио, сердечное спасибо за «*Avvenire Sociale*», которую Вы прислали мне и которую я с интересом прочту. Вы объявляете в своей газете войну против лжи и рабства; это прекрасная программа. Но я полагаю, что борьба с принципом власти является одной из тех ошибок Интернационала, которая мешает его успехам. Парижская коммуна пала потому, что в Париже не было никакой власти, а царила одна анархия. Испания и Франция страдают от того же зла. Желаю успеха «*Avvenire*» и остаюсь Вашим Дж. Гарибальди».

VI.

АЛЬЯНС ВО ФРАНЦИИ.

Здесь членом было немного, но они проявляли зато большое рвение. В Лионе Альянсом руководили Альбер Ришар и Гаспар Блан, в Марселе — Бастелика, все трое активные сотрудники газет, редактируемых Гильомом. Именно благодаря им Альянсу удалось в сентябре 1870 г. дезорганизовать лионское движение; в их глазах это движение имело лишь то значение, что оно давало возможность Бакунину выпустить свой достопамятный декрет об уничтожении государства. — Деятельность Альянса после поражения лионского восстания прекрасно характеризуется в следующей выдержке из письма Бастелика (Марсель, 13 декабря 1870 г.): «Наша действительная сила среди трудящихся огромна; но наша секция со времени последних преследований еще не реорганизована. Мы не решаемся этого сделать из-за опасения, чтобы *в отсутствие основателей люди не разложились*. Мы выжидаем». Тот факт, что Бастелика был зачислен в маршевый полк и в любой момент мог быть удален из Марселя, служил для него достаточным основанием к тому, чтобы не допускать реорганизации секции Интернационала: настолько необходимым для ее автономии считал он присутствие альянсистских руководителей. — Наиболее очевидным результатом деятельности Альянса была дискредитация в глазах лионских и марсельских рабочих того Интернационала, представителем которого он всегда и повсюду претендовал быть.

Конец Ришара и Блана известен. Осенью 1870 г. они появились в Лондоне и пытались вербовать среди французских эмигрантов пособников для бонапартистской реставрации. В январе 1872 г. они опубликовали брошюру: «Империя и новая Франция. *Призыв народа и молодежи к совести французов*». АЛЬБЕР. РИШАР и ГАСПАР БЛАН, *Брюссель, 1872 г.* [*L'EMPIRE ET LA FRANCE NOUVELLE. Appel du peuple et de la jeunesse à la conscience française*], par Albert Richard et Gaspard Blanc, Bruxelles, 1872].

С присущей шарлатанам из Альянса скромностью они провозглашают: «Мы, организовавшие великую армию французского пролетариата... мы, самые влиятельные вожди Интернационала во Франции... мы, к счастью, не расстреляны, и мы находимся здесь, чтобы перед лицом их (*тщеславных парламентариев, откормленных республиканцев, мнимых демократов всякого рода*) водрузить знамя, под сенью которого мы сражаемся, и, невзирая на ожидающие нас клевету, угрозы и всякого рода нападки, бросить изумленной Европе

клич, исходящий из глубины нашей совести, клич, который скоро найдет отклик в сердцах всех французов:

Да здравствует император!»

Мы не будем рассматривать вопроса о том, действительно ли эти два члена Альянса, ставшие сторонниками империи вследствие «естественного развития своих идей», являются просто «негодяями», как их назвал в Гааге их бывший друг Гильом, или же они получили от альянсистского папы специальное поручение вступить в ряды бонапартистских агентов. Документы русского Альянса, которые в соответствии с тайными статутами разоблачают тайну тайн этого таинственного общества и которые мы приводим ниже в отдельных выдержках, — эти документы определенно говорят о том, что интернациональные братья должны проникать всюду и могут даже получить приказание вступить в ряды полиции. Впрочем, преклонение этих двух братьев перед своим крестьянским императором не превосходит преклонения Бакунина в 1862 г. перед его крестьянским царем.

В тех городах Франции, куда члены Альянса не проникли, Интернационал со времени падения Коммуны развивался быстро. На Гаагском конгрессе секретарь для Франции смог сообщить, что Интернационал имеет свои организации более чем в 30 департаментах. Два главных корреспондента Альянса для Франции — Бенуа Малон и Жюль Гэд (последний подписал сонвильерский циркуляр), знавшие об этом быстром развитии нашего Товарищества, пытались дезорганизовать его в интересах Альянса. Когда их письма не оказали желаемого действия, были посланы эмиссары, в том числе какой-то русский по фамилии Мечников; но их попытки кончились ничем. Те же самые люди, которые нагло обвиняли Генеральный Совет в том, что он мешает рабочим «организоваться в каждой стране свободно, по собственному почину, в соответствии с особенностями их натуры и их привычек» (письмо Гэда от 22 сентября 1872 г.), говорили рабочим, — как только те начинали организовываться свободно, по собственному почину и т. д., но в полном согласии с Генеральным Советом, — что сидящие в Совете немцы их угнетают и что вне их ортодоксальной антиавторитарной церкви нет спасения. Французские рабочие, которые чувствовали на себе только гнет версальцев, пересылали эти письма Генеральному Совету, спрашивая его, что все это значит.

Эта деятельность Альянса во Франции служит лучшим доказательством того, что, как только он терял надежду подчинить себе Интернационал, он начинал с ним бороться. Всякая секция, отка-

зававшаяся подчиниться его руководству, рассматривалась им как враждебная. Он относился к ней даже более враждебно, чем к буржуазии. *«Кто не с нами, тот против нас»*, — таково правило, которое Альянс открыто провозглашает в своих русских манифестах. Успехи общего движения он считает несчастьем, если это движение не склоняет своей выи под ярмо его секты. И как раз в тот момент, когда французский рабочий класс нуждался прежде всего в какой бы то ни было организации, Альянс пришел на помощь Тьеру и помещикам [rigaux], объявив войну Интернационалу.

Теперь посмотрим, кто были агенты Альянса в его кампании в пользу версальцев.

В Монпелье доверенным лицом господина Гэда был студент медицинского факультета, некий Поль Брусс, который старался вести пропаганду в пользу Альянса по всему департаменту Эро (Hérault), где Гэд редактировал газету «Droits de l'Homme». Незадолго до Гаагского конгресса, когда члены Интернационала Южной Франции сговорились устроить складчину для посылки общего делегата на конгресс, Брусс пытался уговорить секцию Монпелье не вносить своей доли и не высказываться до тех пор, пока конгресс не решит стоящих на нем вопросов. Южный комитет, секция Монпелье, решил потребовать от конгресса исключения Брусса из Интернационала за «недобросовестное поведение, выразившееся в попытке вызвать раскол в секции». Его друг Гэд разоблачил это авторитарное посягательство на Брусса в корреспонденции, посланной в декабре из Рима в брюссельскую «Liberté», прямо назвав в ней в качестве подстрекателя Калла из Монпелье, в то время как Брусс был им обозначен только инициалами. Полиция, воспользовавшись этим доносом, установила слежку за Калла и вскоре после того перехватила на почте письмо Серраи к Калла, в котором много говорилось о Дантрейге из Тулузы. 24 декабря Дантрейг был арестован.

Наиболее активными пособниками Альянса в Нарбонне были: Гондр, разоблаченный как шпион; Бакав, который исполнял в Нарбонне и в Перпиньяне обязанности полицейского агента; де Сен-Мартен — адвокат, корреспондент Малона. Господин де Сен-Мартен в 1866 г. хлопотал о месте в министерстве императорского двора и изящных искусств. Когда в 1869 г. он был присужден к штрафу в 800 фр. за нарушение закона о печати, республиканцы сложились, чтобы уплатить за него штраф; но Сен-Мартен вместо того, чтобы употребить эти деньги для уплаты штрафа, потратил их на небольшую прогулку в Париж за счет рабочих; во избежание скандала рабочие должны были снова собирать деньги. Вскоре после майских

дней 1871 г. тот же Сен-Мартен добивался у версальского правительства должности супрефекта.

А вот и другой агент Альянса. В ноябре 1871 г. Калла писал Серрайе: «Вы можете рассчитывать на совершенную преданность гражданина Абеля Буске общественному делу, он... председатель социалистического комитета в Безье». Через два дня, 13 ноября, Серрайе получил следующее заявление: «Убедившись... что наш общий друг, гражданин Калла, был обманут в своем доверии к господину Буске, председателю избирательного комитета в Безье, который совершенно недостоин этого доверия, так как он является секретарем главного полицейского комиссара в Безье, ...в согласии с гражданином Калла, признавшим ошибку, жертвой которой он стал, мы просим гражданина Серрайе считать недействительным последнее, недавно посланное ему письмо гражданина Калла и, кроме того, просим его, если это возможно, добиться исключения господина Буске из Интернационала. По поручению социалистической демократии Безье и Пезена» (следуют подписи). Основываясь на этом заявлении, Серрайе написал в тулузской «L'Emancipation» (19 декабря 1871 г.) о том, что этот господин Буске является агентом полиции. В одном письме, помеченном: «Нарбонна, 24 июля 1872 г.», указывается, что господин Буске «совмещает функции старшего полицейского бригадира с функциями коммивояжера жевевских раскольников». Вполне естественно поэтому, что «Bulletin jurassien» от 10 ноября 1872 г. выступил в его защиту.

VII.

АЛЬЯНС ПОСЛЕ ГААГСКОГО КОНГРЕССА.

Как известно, на последнем заседании Гаагского конгресса четырнадцать делегатов меньшинства внесли декларацию протеста против принятых резолюций. Это меньшинство состояло из следующих делегатов: четырех испанцев, пяти бельгийцев, двух юрцев, двух голландцев и одного американца.

Сговорившись в Брюсселе с бельгийцами относительно общего выступления против нового Генерального Совета, юрцы и испанцы отправились в Сент-Имье, в Швейцарию, на антиавторитарный конгресс, созванный Альянсом с помощью своих приверженцев в Римини.

Этому конгрессу предшествовал конгресс Юрской федерации, который отверг гаагские резолюции и в частности ту, где говорилось

об исключении Бакунина и Гильома. Вследствие этого Генеральным Советом федерация была временно исключена.

На антиавторитарном конгрессе Альянс был в полном сборе. Наряду с испанцами и юрцами там присутствовали шесть делегатов, представлявших Италию, в их числе Коста, Каффиеро, Фанелли и сам Бакунин. Два делегата претендовали на представительство от «нескольких французских секций», а один — от двух американских секций. Всего было пятнадцать «союзников» («*alliés*»). Этот конгресс предоставил, наконец, Бакунину «все гарантии беспристрастного и серьезного приговора»; на нем царило, конечно, полное единодушие. Эти люди, из которых, по крайней мере, половина не принадлежала к Интернационалу, присвоили себе звание верховного судилища, призванного вынести окончательный приговор над действиями общего конгресса нашего Товарищества. Они заявили, что решительно отвергают все резолюции Гаагского конгресса и ни в коем случае не признают полномочий избранного им нового Генерального Совета. Наконец, не имея на то никаких полномочий, они от имени своих федераций заключили наступательный и оборонительный союз — «пакт дружбы, солидарности и взаимной защиты» — против Генерального Совета и всех тех, кто признает гаагские резолюции. Своему абстенционистскому анархизму они дали определение в нижеследующей резолюции, представляющей прямое осуждение Парижской коммуны:

«Конгресс заявляет, 1) что первой обязанностью пролетариата является разрушение всякой политической власти; 2) что *всякая организация якобы временной и революционной политической власти для осуществления этого разрушения явилась бы лишь новым обманом* и была бы так же опасна для пролетариата, как и *все* ныне существующие правительства». Наконец, постановлено было предложить остальным автономистским федерациям присоединиться к новому пакту и созвать через полгода второй антиавторитарный конгресс.

Итак, раскол в Интернационале был провозглашен. С этого момента Юрский комитет открыто взял в свои руки руководство делами отколовшихся секций. Та часть Интернационала, которая последовала за ним, представляла собой не что иное, как прежний открытый Альянс, вновь восстановленный и служивший прикрытием и орудием тайного Альянса.

По возвращении в Испанию, четверо Аймоновых сыновей испанского Альянса опубликовали манифест, полный клеветы на Гаагский конгресс и похвал по адресу конгресса в Сент-Имье. Федеральный совет взял этот пасквиль под свою защиту и по распоряжению

швейцарского центра созвал в Кордове на 25 декабря 1872 г. общеиспанский конгресс, который должен был бы состояться лишь в апреле 1873 г. Со своей стороны, швейцарский центр поспешил продемонстрировать перед всеми, какое подчиненное положение занимал по отношению к нему этот совет: Юрский комитет через голову Испанского совета разослал всем местным федерациям в Испании резолюции, принятые в Сент-Имье.

На конгрессе в Кордове из 101 федерации (официальная цифра, приводимая Федеральным советом) было представлено только 36. Таким образом, этот конгресс по существу больше, чем когда-либо, был конгрессом меньшинства. Вновь образованные федерации были представлены многочисленными делегатами; от Алькоя было шесть делегатов; между тем эта федерация никогда до сих пор не была представлена на общеиспанских конгрессах; во время Гаагского конгресса она вообще еще не существовала, так как не дала испанской делегации ни одного голоса и ни одного сантима. Такие крупные и активные федерации, как Грасия (500 членов), Бадалона (500 членов), Сабадель (125), Санс (1 061), блистали своим отсутствием. В списке сорока восьми делегатов мы находим имена четырнадцати заведомых членов Альянса; десять из них представляли федерации, членами которых они не состояли и которым они, вероятно, не были известны. Уверенный в сфабрикованном им большинстве, Альянс дал себе там полную волю. Устав общеиспанской федерации, выработанный в Валенсии и санкционированный в Сарагоссе, был отброшен, Испанская федерация обезглавлена, а Федеральный совет заменен простым корреспондентским и статистическим бюро, за которым не оставили даже функций уплаты Генеральному Совету взносов от испанских организаций; и, наконец, произошел полный разрыв с Интернационалом, так как гаагские резолюции были отвергнуты и было принято решение присоединиться к пакту в Сент-Имье. В своем анархизме они зашли так далеко, что заранее отвергли очередной общий конгресс и заменили его новым *антиавторитарным* конгрессом *«на случай, если первый не восстановит достоинства и независимости Интернационала, отказавшись от признания Гаагского конгресса»*. — В Гааге Альянс хотел с помощью испанского императивного мандата навязать такой способ голосования, который в тот момент был для него наиболее выгоден; в Кордове же он дошел до того, что за девять месяцев вперед предписывал, какие резолюции должен будет принять очередной общий конгресс. Надо признать, что дальше в области автономии секций и федераций идти некуда.

Изгнав из Интернационала Альянс и его вожаков, Гаагский конгресс придал новые силы анти-альянсистскому движению в Испании. Кампанию, начатую Новой мадридской федерацией, поддержали федерации Сарагоссы, Витории, Алькалы де Хенарес, Грасии, Лериды, Дении, Понта де Вилумара, Толедо, Валенсии, новая федерация в Кадиксе и т. д. Циркуляр Федерального совета о созыве конгресса в Кордове требовал, чтобы конгресс взял на себя роль судьи над постановлениями общего конгресса в Гааге. Это было вопиющим нарушением не только общего устава, но и местного испанского устава, параграф 13 которого гласит: «Федеральный совет будет проводить и побуждать других проводить в жизнь решения национальных (*régionaux*) и *международных* конгрессов». Новая мадридская федерация ответила на это циркуляром, обращенным к остальным местным федерациям, в котором она заявляла, что своим поступком Федеральный совет поставил себя вне Интернационала, и требовала, чтобы они заменили его новым временным советом, задачей которого было бы строгое соблюдение устава, а не пассивное повиновение приказам Альянса. Это предложение было принято; был назначен новый Федеральный совет с местопребыванием в Валенсии. В своем первом циркуляре (2 февраля 1873 г.) он объявляет себя «верным хранителем устава Интернационала, выработанного и утвержденного на международных конгрессах и на конгрессах отдельных стран», и решительно протестует против тех, кто хочет сеять «анархию в рядах Интернационала, анархию до революции, разоружение до победы! Какая радость для буржуазии!».

Одновременно с испанцами созвали свой конгресс бельгийцы и тоже отвергли гаагские резолюции. Генеральный Совет ответил как им, так и испанским раскольникам резолюцией от 26 января 1873 г., в которой заявлял, что «все общества и лица, отказывающиеся признать резолюции конгрессов или сознательно уклоняющиеся от выполнения обязанностей, налагаемых общим уставом и регламентом, ставят себя тем самым вне рядов Международного Товарищества Рабочих и не являются больше его членами». 30 мая [1873] он дополнил это заявление следующей резолюцией:

«Ввиду того, что конгресс Бельгийской федерации, состоявшийся 25 и 26 декабря 1872 г. в Брюсселе, постановил признать недействительными резолюции V общего конгресса;

что конгресс части Испанской федерации, заседавший в Кордове с 25 декабря 1872 г. по 2 января 1873 г., постановил не признавать резолюции V общего конгресса и присоединиться к резолюции собрания, враждебного Интернационалу;

что собрание, состоявшееся в Лондоне 26 января 1873 г., постановило отвергнуть решения V общего конгресса;

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих, на основании устава и организационного регламента и согласно своей резолюции от 26 января 1873 г., объявляет:

Все национальные или местные федерации, секции и отдельные лица, принявшие участие в вышеназванных конгрессах и собраниях в Брюсселе, Кордове и Лондоне или признавшие принятые ими резолюции, *тем самым поставили себя вне рядов Международного Товарищества Рабочих и не являются больше его членами.*

Вместе с тем Генеральный Совет снова заявил о том, что «не существует никакой итальянской национальной федерации Интернационала, так как ни одна из организаций, присваивающих себе это звание, никогда не выполняла ни одного из условий приема и присоединения к Интернационалу, предписанных уставом и организационным регламентом; однако в различных частях Италии существуют секции, выполняющие свои обязательства в отношении Генерального Совета и поддерживающие с ним связь».

Со своей стороны, юрцы созвали 27—28 апреля новый конгресс в Невшателе. На нем присутствовало девятнадцать делегатов от десяти швейцарских секций и от одной якобы эльзасской секции; две швейцарские секции и одна французская не прислали делегатов. Таким образом, по утверждению Юрской федерации, она насчитывала в Швейцарии двенадцать секций. Но делегат от Мутье заявил, что он явился только для того, чтобы высказаться за примирение с Интернационалом, и что он имеет императивный мандат, предписывающий ему не принимать участия в работах конгресса. Действительно, Мутье со времени конгресса в Сент-Имье отошел от Юрской федерации. Остается *одиннадцать* секций. Тот факт, что отчет комитета старательно избегает каких-либо данных о внутреннем положении и силе этих секций, дает нам право предположить, что они обладают не большей жизнеспособностью, чем во время конгресса в Сонвилле. Чтобы вознаградить нас за это, отчет выстраивает в боевом порядке внешние силы юрцев, силы тех союзников, которых Альянс приобрел со времени Гаагского конгресса. Вот, по словам этого отчета, почти все федерации Интернационала:

«Италия» — но, как мы видели, никакой Итальянской федерации не существует.

«Испания» — хотя большинство испанских членов Интернационала и перешло в стан раскольников, мы выше видели, что Испан-

ская федерация все еще существует и поддерживает регулярную связь с Генеральным Советом.

«Франция — все то, что в ней может представлять собой серьезную организацию», — т. е. «французская секция», принеся извинения конгрессу в Невшателе в том, что не прислала своего делегата. Мы не станем рассказывать юрцам о том «серьезно организованном», что сохранилось еще во Франции вопреки последним преследованиям. Эти преследования достаточно ясно показали, на чьей стороне находится серьезная организация, и, как всегда, довольно заботливо не коснулись тех немногих членов Альянса, которые имеются во Франции.

«Вся Бельгия» — одураченная Альянсом, принципов которого она далеко не разделяет.

«Голландия, за исключением одной секции», — на самом деле две голландские секции присоединились не к сент-имьенскому пакту, а к анти-сепаратистской декларации гаагского меньшинства.

«Англия, не считая нескольких раскольников!» — «Раскольники», т. е. огромное большинство английских секций Интернационала, созвали 1 и 2 июня свой конгресс в Манчестере, на котором присутствовало двадцать шесть делегатов, представлявших двадцать три секции; тогда как «Англия» юрцев не имеет ни секций, ни Федерального совета и, конечно, у нее не было конгресса.

«Америка, не считая нескольких раскольников!» — Американская федерация Интернационала существует и действует постоянно в полном согласии с Генеральным Советом. Она имеет свой Федеральный совет и свои конгрессы. «Америка» Юрского комитета — это те самые буржуа, спекулирующие на свободной любви, на бумажных деньгах, на общественных должностях и подкупах, — те буржуа, которых на Гаагском конгрессе г-н Уэст представлял так великолепно, что за него не посмели ни высказываться, ни голосовать даже юрские делегаты.

«Славяне», — т. е. «славянская секция в Цюрихе», которая, как всегда, фигурирует в качестве целой расы. Поляки, русские, австрийские и венгерские славяне, члены Интернационала, — все явные противники раскольников, совершенно не принимаются в расчет.

Вот что представляют собой союзники Альянса. Если одиннадцать юрских секций имеют такое же реальное существование, как большинство этих союзников, то их комитет имеет полное основание умалчивать о них.

В этом боевом строю Альянса бросается в глаза отсутствие Швейцарии. На то имелись серьезные причины. Месяцем позже,

1—2 июня в Ольтене состоялся всеобщий швейцарский рабочий конгресс для организации сопротивления и стачек. Пятеро юрцев проповедывали на нем евангелие абсолютной автономии секций; они отняли у конгресса более половины его времени. В конце концов, пришлось все же перейти к голосованию; в результате — из 80 делегатов 75 голосовало против пяти юрцев, которым ничего другого не оставалось, как покинуть зал.

Однако сам Альянс на своих тайных совещаниях, повидимому, не разделял тех иллюзий относительно своих реальных сил, которые ему хотелось бы внушить публике. На том же конгрессе в Невшателе он добился принятия следующей резолюции: «Принимая во внимание, что, согласно общему уставу, общий конгресс Интернационала собирается, как правило, каждый год и для этого не требуется специального созыва со стороны Генерального Совета, Юрская федерация предлагает всем федерациям Интернационала собраться на общий конгресс в понедельник, 1 сентября, в одном из швейцарских городов». А чтобы этот конгресс не повторил «пагубных гаагских ошибок», делегаты от Альянса и их союзники приглашаются 28 августа на антиавторитарный конгресс. Из прений по поводу этого предложения «вытекает, что общим конгрессом Интернационала мы будем считать лишь тот, который будет созван непосредственно самими федерациями, а не тот, который, возможно, попытается созвать так называемый нью-йоркский Генеральный Совет».

Мы имеем, таким образом, доведенный до конца раскол со всеми вытекающими из этого последствиями. Члены Интернационала явятся на конгресс, который, согласно поручению предыдущего конгресса, будет созван Генеральным Советом в одном из швейцарских городов по его усмотрению. Альянсисты же со своей свитой одураченных ими людей явятся на конгресс, который в силу своей автономии они созывают сами. Скатертью дорога.

VIII.

АЛЬЯНС В РОССИИ.

1. Нечаевский процесс.

О деятельности Альянса в России мы узнали из политического процесса, известного под названием «дела Нечаева», который слушался в июле 1871 г. в Петербургской судебной палате. Впервые в России политический процесс слушался перед судом с участием сословных представителей и при открытых дверях. Почти все под-

судимые, более восьмидесяти человек, мужчин и женщин, принадлежали за редким исключением к учащейся молодежи. Они просидели в казематах Петропавловской крепости с ноября 1869 г. по июль 1871 г. в предварительном заключении, в результате которого двое из них умерло, а несколько других сошло с ума. Они вышли из тюрьмы лишь для того, чтобы выслушать приговор, присуждавший их к работам в сибирских рудниках, к каторжным работам и к тюремному заключению на пятнадцать, двенадцать, десять, на семь лет и на два года. А те, кто были гласным судом оправданы, были затем сосланы «в административном порядке».

Преступление их заключалось в том, что они принадлежали к тайному обществу, присвоившему себе имя Международного Товарищества Рабочих, куда они были вовлечены эмиссаром международного революционного комитета, имевшим мандаты якобы с печатью Интернационала. Этот эмиссар заставил их совершить ряд мошенничеств и принудил некоторых из них оказать ему помощь в совершении одного убийства; это убийство и навело полицию на след тайного общества, но, как обычно бывает, эмиссар скрылся. В своих розысках полиция обнаружила такую проницательность, что можно было предположить существование подробного доноса. Во всем этом деле роль эмиссара была весьма двусмысленной. Этим эмиссаром был Нечаев, имевший при себе удостоверение-мандат следующего содержания: «Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела всемирного революционного союза. — № 2771».

На этом удостоверении имеются: 1) печать на французском языке: «Alliance révolutionnaire européenne. Comité général» [«Европейский Революционный Альянс, Генеральный Комитет»]; 2) дата. 12 мая 1869 г.; 3) подпись: *Михаил Бакунин*¹.

В 1861 г. в ответ на фискальные меры, имевшие целью лишить нищую молодежь доступа к высшему образованию, и на дисциплинарные мероприятия, стремившиеся подчинить ее произволу полиции, студенты подготовили энергичный и единодушный протест, который с их собраний был перенесен на улицу и вылился во внушительные манифестации. Санкт-Петербургский университет был после этого на некоторое время закрыт, а студенты были заключены в тюрьму или сосланы. Такое поведение правительства толкнуло молодежь в тайные общества, что для значительного числа из них

¹ «С.-Петербургские Ведомости», 1871, №№ 180, 181, 187 и сл.

окончилось, разумеется, тюремным заключением, ссылкой, отправкой в Сибирь. Другие, чтобы раздобыть нуждающимся студентам средства для продолжения образования, основали кассы взаимопомощи. Наиболее серьезные из них решили не давать более правительству никакого повода к закрытию этих касс, организованных так, чтобы заведывать ими могли небольшие кружки. Деловые собрания этих кружков давали вместе с тем возможность обсуждать политические и социальные вопросы. Русская учащаяся молодежь, состоящая по большей части из детей крестьян и других неимущих людей, до такой степени прониклась социалистическими идеями, что она мечтала уже о немедленном их осуществлении. С каждым днем это движение в учебных заведениях все больше разрасталось и вливалось в русское общество массу неимущей, вышедшей из простого народа, образованной и проникнутой социалистическими идеями молодежи. Теоретиком этого движения был Чернышевский, в настоящее время находящийся в Сибири. Вот тогда-то Нечаев, используя престиж Интернационала и пыл этой молодежи, попытался убедить студентов в том, что не время больше заниматься такими пустяками, когда существует огромное, входящее в Интернационал тайное общество, разжигающее пламя всемирной революции и готовое к непосредственным действиям в России. Ему удалось обмануть кое-кого из молодежи, и он склонил их на уголовные преступления, которые дали полиции повод разгромить все это движение учащихся, столь опасное для официальной России.

В марте 1869 г. в Женеву приехал молодой русский, который пытался войти в доверие ко всем русским эмигрантам, выдавая себя за делегата петербургских студентов. Он представлялся под разными фамилиями. Некоторые эмигранты достоверно знали, что никакой делегат из Петербурга не посылался; другие после разговора с мнимым делегатом приняли его за шпиона. В конце концов он назвал свою настоящую фамилию: Нечаев; он рассказывал, что бежал из Петропавловской крепости, куда был заключен как один из главных зачинщиков студенческих беспорядков, вспыхнувших в январе 1869 г. в учебных заведениях столицы. Некоторые из эмигрантов, отбывавшие продолжительное заключение в этой крепости, по опыту знали, что бежать оттуда невозможно; они поэтому понимали, что в этом вопросе Нечаев врал; с другой стороны, поскольку в получаемых ими газетах и письмах, где указывались имена студентов, подвергавшихся преследованию, ни разу не упоминалось о Нечаеве, то они считали рассказы о его революционной деятельности басней. Но Бакунин яро выступил в защиту Нечаева. Он повсюду

заявлял, что тот является «чрезвычайным посланцем большой тайной организации, существующей и действующей в России». Тогда Бакунина стали умолять не сообщать этому человеку имена своих знакомых, которых Нечаев может скомпрометировать. Бакунин обещал; документы, предъявленные на процессе, покажут, как он сдержал свое слово.

Во время свидания, которого Нечаев добился от одного эмигранта, он вынужден был признать, что никакой тайной организацией он делегирован не был, но он сказал, что у него есть товарищи и знакомые, которых он хотел организовать; к этому он прибавил, что необходимо прибраться к рукам старых эмигрантов, чтобы использовать их авторитет для влияния на молодежь и воспользоваться их типографией и деньгами. Через некоторое время появились «Слова»¹ Нечаева и Бакунина, обращенные к студентам. Нечаев повторяет в них басню о своем побеге и призывает молодежь отдаться революционной борьбе. Бакунин открывает в студенческих волнениях «противогосударственный всеразрушительный дух», ...«коренящийся в самых глубинах народной жизни»²; он поздравляет «своих молодых братьев с их революционными стремлениями. Значит приходит конец этой подлой империи всея Руси!». Его анархизм служит ему предлогом для того, чтобы лягнуть поляков ослиным копытом, обвинив их в том, что они работают только «над восстановлением своего исторического государства» (!!)—«Они, следовательно, мечтают о новом рабстве для своего народа», и если бы им это удалось, то «они сделались бы столько же нашими врагами, сколько и угнетателями своего собственного народа. Мы стали бы войной против них, во имя социальной революции и общенародной свободы». Итак, Бакунин вполне согласен с царем, что надо во что бы то ни стало мешать полякам устраивать свои внутренние дела по своему разумению. Во время польских восстаний официальная русская пресса всегда обвиняла мятежных поляков в том, что они являются «угнетателями своего народа». Трогательное согласие между органами третьего отделения³ и локарнским архи-анархистом!

¹ Листовка Бакунина «Несколько слов к молодым братьям в России», май 1869 г., Женева, и листовка Нечаева «Студентам Университета, Академии и Технологического Института в Петербурге», 1869 г., Женева. *Ред.*

² Надо заметить, что «Слова» были опубликованы как раз в момент следований и приговоров, когда молодежь делала все возможное, чтобы уменьшить размеры движения, которое полиции так выгодно было раздуть.

³ Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии представляет собой центральное учреждение тайной политической полиции в России.

Положение, в котором находится сейчас русский народ, продолжает Бакунин, похоже на то, которое заставило его поднять восстание при царе Алексее, отце Петра Великого. Тогда во главе народа стал разбойничий атаман, казак Стенька Разин, и указал ему «путь» к «воле». Чтобы подняться сейчас, народ ждет только нового Стеньку Разина; но на этот раз его «заменит легион бессловной молодежи, живущей уже теперь народной жизнью... Стенька Разин, на этот раз не одинокий, а коллективный (!) и тем самым непобедимый герой у ней за плечами. Таким героем является вся эта чудесная молодежь, над которой уже витает его дух».

Чтобы успешно выполнить роль такого коллективного Стеньки Разина, молодежь должна подготовиться к ней путем невежества: «Итак, бросайте скорее этот мир, обреченный на гибель. Бросайте эти университеты, академии и школы..., ступайте в народ», чтобы стать «повивальной бабкой самоосвобождения народного, сплотивителем народных сил и усилий. Не хлопочите в настоящий момент о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить... Таково убеждение лучших людей на Западе... Рабочий мир в Европе и в Америке зовет вас на братский союз».

В своих тайных статутах Альянс для членов третьей степени¹ указывает, что «принципы этой организации... будут еще яснее изложены в программе русской социалистической демократии». Мы имеем перед собой начало выполнения этого обещания. Помимо обычных анархистских фраз и шовинистической ненависти к полякам, которую гражданин Б. никогда не умел скрывать, он впервые превозносит здесь русского разбойника как тип подлинного революционера и проповедует русской молодежи культ невежества под тем предлогом, что современная наука — это не что иное, как наука официальная (можно ли представить себе официальную математику, физику или химию?), и что таково мнение лучших людей на Западе. В конце своей листовки он дает понять, что Интернационал через его посредство предлагает союз этой молодежи, которой он запрещает всякую науку, даже науку братьев игнорантинцев.

Это евангельское «Слово» сыграло большую роль в заговоре Нечаева. Оно таинственно прочитывалось каждому новообращенному перед его посвящением.

Одновременно с этим «Словом» (1869 г.) были выпущены русские анонимные издания: 1) «Постановка революционного вопроса»; 2) «Начала революции»; 3) «Издания Общества Народной Расправы»,

¹ См. настоящий том, стр. 543. *Ред.*

№ 1, лето 1869 г., Москва. — Все эти писания печатались в Женеве; это видно из того, что они напечатаны тем же типографским шрифтом, что и другие русские издания в Женеве,—факт этот, впрочем, известен всей русской эмиграции. На первой странице их, однако, имелась надпись: «Imprimé en Russie. — Gedruckt in Russland» [«Напечатано в России»], с целью внушить русским студентам, что тайное общество располагает большими возможностями действовать в самой России.

«Постановка революционного вопроса» сразу же выдает своих авторов. Это — те же фразы, те же выражения, которые употреблялись Бакуниным и Нечаевым в их «Словах». «Нужно уничтожить не только государство, но и кабинетных революционеров-государственников. Мы, разумеется, стоим за народ». Бакунин, по закону анархистской ассимиляции, ассимилируется с учащейся молодежью. «Само правительство указывает нам путь, по которому мы должны идти, чтобы достигнуть *своей*, т. е. народной цели. Оно гонит нас теперь из университетов, из академий, из школ. Спасибо ему за то, что оно поставило нас на такую славную и крепкую почву. Теперь у нас есть земля под ногами, мы можем делать. Что же станем мы делать? Учить народ? Это было бы глупо. Народ сам и лучше нас знает, что ему надо» (сравните тайный устав, приписывающий массам «народные инстинкты», а посвященным — «революционную идею»). «Мы должны народ не учить, а бунтовать». До сих пор «бунтовал он бесплодно, потому что бунтовал врознь... Мы можем оказать ему чрезвычайно важную помощь: мы можем дать ему то, чего у него до сих пор не доставало и недостаток чего был главной причиной всех его поражений — единство повсеместного движения посредством сплочения его же собственных сил». Как видим, доктрина Альянса, — анархия снизу, а дисциплина сверху, — предстает здесь во всей своей чистоте. Сначала путем мятежа «разнуздание того, что ныне называется дурными страстями», но «необходимо, чтобы посреди народной анархии, которая составит самую жизнь и всю энергию революции, был орган, выражающий единство революционной мысли и действия». Этим органом и будет русская секция всемирного «Альянса», *Общество Народной Расправы*.

Но одной молодежи Бакунину мало. Он зовет под знамя русской секции своего Альянса всех разбойников. «Разбой — одна из почетнейших форм русской народной жизни. Разбойник — это герой, защитник, мститель народный; непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя, установленного государством; боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской

и казенно-поповской цивилизации... Кто не понимает разбоя, тот ничего не поймет в русской народной истории. Кто не сочувствует ему, тот не может сочувствовать русской народной жизни, и нет в нем сердца для вековых неизмеримых страданий народных. Тот принадлежит к лагерю врагов — государственников... Лишь в разбое доказательство жизненности, страсти и силы народа... Разбойник в России настоящий и единственный революционер, — революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый и неукротимый на деле, революционер народно-общественный, а не политический и не сословный... Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по целой России, и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один, нераздельный, крепко связанный мир — мир русской революции. В нем, и в нем только одном, существует издавна настоящая революционерная конспирация. Кто хочет конспирировать не на шутку в России, кто хочет революции народной, тот должен идти в этот мир... Следуя пути, указываемом нам ныне правительством, изгоняющим нас из академий, университетов и школ, бросимся, братцы, дружно в народ, в народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский и, храня верную, крепкую дружбу между собой, сплотим все разрозненные мужицкие взрывы. Превратим их в народную революцию, осмысленную, но беспощадную¹.

Во второй листовке, «Начала революции», мы находим в развернутой форме отданный в тайных статутах приказ добиться того, чтобы «не осталось... камня на камне». Нужно все разрушить, чтобы достигнуть «совершенной аморфности», ибо если будет сохранена хотя бы «одна старая форма», то она станет «зародышем», из которого возродятся все остальные старые социальные формы. Революционеров-государственников, не берущих всерьез этой аморфности, листовка обвиняет в обмане народа. Она обвиняет их в том, что они воздвигли «новые виселицы и эшафоты, на которых казнили уцелевших братьев революционеров... Таким образом, настоящей револю-

¹ Чтобы одурачить своих читателей, Бакунин смешивает в одну кучу вождей народных восстаний XVII и XVIII веков с современными русскими разбойниками и грабителями. Что касается последних, то чтение книги Флеровского «Положение рабочего класса в России» рассеяло бы иллюзии самых романтических душ насчет этих бедняг, из которых Бакунин собирается сформировать священную фалангу русской революции. Единственная форма разбоя (если не считать, разумеется, разбоя правящих сфер), которая практикуется еще в крупном масштабе в России, — это конокрадство, поставленное на коммерческую ногу капиталистами, а «революционеры без фраз» являются в их руках простыми орудиями и жертвами.

ции не было еще у народов... Для настоящей революции нужны личности, не во главе толпы стоящие и ею повелевающие, а скрытые незаметно в самой толпе и незаметно связывающие посредством себя одну толпу с другой, дающие также незаметно одно и то же направление, один дух и характер движению. Такой только смысл имеет введение тайной подготовительной организации и настолько она необходима». Итак, русской публике и русской полиции выдается существование «интернациональных братьев», которое так тщательно скрывается на Западе. Далее листовка проповедует систематические убийства и заявляет, что для людей практического дела революции всякие рассуждения о будущем являются «преступными, потому что они мешают *чистому разрушению*, задерживают ход начала революции. Мы верим только тем, кто фактически заявляет о своей преданности делу революции, не боясь ни пыток, ни заключений, потому мы отрицаем все те слова, за которыми немедленно не следует дело. Бесцельная пропаганда, не задавшаяся определенно временем и местом для осуществления целей революции, нам более не нужна. Мало того, она мешает нам, и мы будем всеми силами ей противодействовать... Всех говорунов, кто не захочет понять этого, мы заставим замолчать силой». Эти угрозы были направлены по адресу тех русских эмигрантов, которые не преклонились перед папским саном Бакунина и которых он обзывал доктринерами.

«Мы разрываем связь со всеми политическими эмигрантами, которые не захотят вернуться на родину, чтобы стать в наши ряды; а пока эти ряды еще не видны, со всеми, которые не будут содействовать их открытому выступлению на сцену русской жизни. Мы делаем исключения для тех эмигрантов, которые уже заявили о себе как о *работниках европейской революции*. Далее повторений и воззваний от нас не будет... Имеющий очи и уши увидит и услышит деятелей и если не примкнет к ним, не наша вина в его гибели, как не наша вина, если все, что будет прятаться за кулисами, будет раздроблено равнодушно, без сожаления вместе с этими кулисами».

Бакунин здесь виден насквозь. Тогда как эмигрантам он предписывает под страхом смерти вернуться в Россию в качестве агентов его тайного общества, — он следует тут примеру русских шпионов, которые предлагали им паспорта и деньги для поездки туда с заговорщическими целями, — самому себе он выдает папское разрешение оставаться преспокойно в Швейцарии в качестве «работника европейской революции» и трудиться там над сочинением манифестов, компрометирующих несчастных студентов, которых полиция держит в своих тюрьмах.

«Не признавая другой какой-либо деятельности, кроме дела истребления, мы соглашаемся, что формы, в которых должна проявляться эта деятельность, могут быть чрезвычайно разнообразны. Яд, нож, петля и т. п. Революция все равно освящает. Итак, поле открыто!.. Пусть же все здоровые, молодые головы принимаются немедленно за святое дело истребления зла, очищения и просвещения русской земли огнем и мечом, братски соединяясь с теми, которые будут делать то же в целой Европе».

Прибавим, что в этой возвышенной прокламации неизбежный разбойник фигурирует в лице мелодраматического Карла Моора (из шиллеровских «Разбойников») и что № 2 «Народной Расправы», приводя отрывок из этой листовки, называет ее прямо «*прокламацией Бакунина*».

№ 1 «Издание Общества Народной Расправы»¹ начинается с заявления, что всенародное восстание русского люда неминуемо и близко. «Мы, то есть, та часть народной молодежи, которой удалось, так или иначе, получить развитие, должны расчислить ему дорогу, т. е. устранить все мешающие препятствия и приготовить все благоприятные условия... Ввиду этой неминуемости и близости мятежа, мы находим необходимым соединить в одно неразрывное дело все разрозненные революционные усилия в России; вследствие чего постановили издавать *от имени Революционного Центра* листки, из которых каждый из наших единомышленников, разбросанных по разным углам России, всякий из работников святого дела Революции, хотя и не знаемый нами, всегда будет видеть, чего мы хотим и куда мы идем».

Далее листок заявляет: «Для нас мысль дорога только, поскольку она может служить великому делу *радикального и повсюдного всеразрушения*. Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником... Мы потеряли всякую веру в слова; слово для нас имеет значение только, когда за ним непосредственно следует дело. Но далеко не все, что ныне называется делом, есть дело. Например, скромная и чересчур осторожная организация тайных обществ без всяких внешних практических проявлений в наших глазах не более как мальчишеская игра, смешная и отвратительная. Фактическими же проявлениями мы называем только ряд действий, разрушающих положительно что-нибудь:

¹ Бакунин и Нечаев переводят всегда выражение «Народная Расправа» словами «Justice populaire», но русское слово «расправа» означает не правосудие, а суд, или даже скорее месть, расплата.

лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению... Не щадя живота и не останавливаясь ни перед какими угрозами, трудностями и опасностями и т. д., мы должны рядом смелых, да, дерзких попыток ворваться в народную жизнь и, возбудив в народе веру в нас и себя, веру в его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его к торжественному совершению его же собственного дела».

Но внезапно революционные фразы «Расправы» переходят в атаку на «Народное Дело» — русский журнал, издававшийся в Женеве и защищавший программу и организацию Интернационала. Для альянсистой пропаганды Бакунина в России, которая велась от имени Интернационала, было, как видно, в высшей степени важно заставить замолчать журнал, разоблачавший его обман. «Если упомянутый журнал будет следовать тому же пути, мы не преминем высказать и выказать к нему свое отношение... Мы уверены, что истинные люди дела отстранят теперь в сторону всякую теорию, тем более доктринаризм. Распространению же вещей, хотя и искренних, но прямо противоположных нашему знамени, *мы можем помешать разными практическими способами, которые в наших руках*». После этих угроз по адресу своего опасного соперника «Народная Расправа» продолжает: «В числе листовок, вышедших за последнее время за границей, рекомендуем мы почти безусловно *воззвание Бакунина к учащейся бессословной молодежи...* Бакунин прав, уговаривая нас бросить академии, университеты и школы и идти в народ». Бакунин, как это видно, никогда не упускает случая воскурить фимиам самому себе.

Вторая статья озаглавлена: «Взгляд на прежнее и нынешнее понимание *дела*». Выше мы видели, как Бакунин и Нечаев угрожали заграничному русскому органу Интернационала; в этой статье, как увидим, они обрушиваются на Чернышевского, человека, который больше всего сделал для вовлечения в социалистическое движение в России той учащейся молодежи, за представителей которой они себя выдают. «Конечно мужики никогда не занимались измышлением форм будущего общинного быта, но тем не менее они по устранении всего мешающего им (то есть после всеразрушительной революции, первого дела, а потому для нас самого главного) сумеют устроиться гораздо осмысленней и лучше, чем то может выйти по всем теориям и проектам, писанным доктринерами-социалистами, навязывающимися народу в учителя, а главное в распорядители. Для неиспорченного очками цивилизации народного глаза слишком ясны стремления этих непрошенных учителей оставить себе и подобным *теплое*

местечко под кровом науки, искусства и т. п. Для народа не легче, если даже эти стремления являются искренно, наивно, как неотъемлемая принадлежность человека, пропитанного современной цивилизацией. В казачьем кругу, устроенном Василием Усом в Астрахани, по выходе оттуда Степана Тимофеевича Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых (!) социалистов, более, чем в ассоциациях Чернышевского. Далее следует целая страница ругани по адресу последнего и его товарищей.

Теплое местечко, которое готовил себе Чернышевский, было предоставлено ему русским правительством в сибирской тюрьме, тогда как Бакунин, избавленный от такой опасности в качестве работника европейской революции, ограничивался своими внешними проявлениями *из-за рубежа*. И как раз в тот момент, когда правительство строго запрещало даже упоминать имя Чернышевского в печати, господ Бакунин и Нечаев напали на него.

Наши «аморфные» революционеры продолжают: «Мы беремся сломать гнилое общественное здание... Мы из народа, со шкуркой, прохваченной зубами современного устройства, руководимые ненавистью ко всему ненародному, не имеющие понятий о нравственных обязанностях и чести по отношению к тому миру, который ненавидим и от которого ничего не ждем кроме зла. Мы имеем только один отрицательный неизменный план — беспощадного разрушения. Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий как несогласной с нашей деятельностью; и потому считаем бесплодной всякую исключительно теоретическую работу ума... мы берем на себя исключительно разрушение существующего общественного строя».

Оба зарубежные любителя внешних проявлений намекают, что покушение на царя в 1866 г. относилось к «ряду всеразрушительных актов» их тайного общества: «Начинание нашего святого дела было положено 4 апреля 1866 г. Каракозовым. С этой поры начинается в молодежи сознание своих революционных сил... Пример, факт! По силе развивающегося значения с ним не может равняться никакая пропаганда». Затем они составляют длинный список «тварей», которых комитет считает нужным предать немедленной смерти. У многих «будет вырван язык»... однако «Мы не будем трогать царя... Мы оставим царя жить до наступления дней народного мужицкого суда; это право принадлежит всему народу... Пусть же живет наш палач до той поры, до той минуты, когда разразится гроза народная»...

Никто не станет сомневаться в том, что эти русские памфлеты, тайные статуты и все опубликованное Бакуниным с 1869 г. на французском языке исходит из одного источника. Напротив, все эти три категории произведений взаимно дополняют друг друга. Они в некотором роде соответствуют трем степеням посвящения пресловутой всеразрушительной организации. Французские брошюры гражданина Б. написаны для рядовых членов Альянса, с предрассудками которых считаются. Им говорят только о чистой анархии, об антиавторитаризме, о свободной федерации автономных групп и о тому подобных безобидных вещах: все это простая галиматья. Тайные статуты предназначаются для интернациональных братьев Запада; анархия превращается здесь в «полное разнуздание народной жизни... дурных страстей», но внутри этой анархии существует тайный направляющий элемент — эти самые братья; им даются лишь кое-какие неопределенные намеки насчет альянсистской морали, украденной у Лойолы; о необходимости не оставить камня на камне упоминается только вскользь, ибо это — западные европейцы, воспитанные в обывательских предрассудках и требующие несколько более осторожного подхода. Им говорят, что истина, слишком ослепительная для глаз, еще не привыкших к подлинному анархизму, будет раскрыта во всей полноте в программе русской секции. Только с прирожденными анархистами, с избранным народом, со своей молодежью святой Руси пророк решается говорить откровенно. Здесь анархия превращается уже в повсюдное всеразрушение; революция — в ряд убийств, сперва индивидуальных, затем массовых; единственное правило поведения — возвеличенная иезуитская мораль; образец революционера — разбойник. Здесь мысль и наука решительно запрещаются молодежи как мирские занятия, способные внушить ей сомнение во всеразрушительной ортодоксии. Тем же, кто станет упорствовать в теоретической ереси или вздумает подвергать вульгарной критике догматы всеобщей аморфности, грозят святой инквизицией. Перед русской молодежью папе незачем стесняться ни по существу, ни по форме. Он дает волю своему языку. Полное отсутствие идей выражается в такой напыщенной галиматее, что нет возможности передать ее по-французски, не ослабляя ее вычурности. Язык его даже не русский, а татарский, как заявил один россиянин. Эти безмозглые людишки, говоря страшные фразы, пыжатыся, чтобы казаться в собственных глазах революционными гигантами. Это басня о лягушке, затеявшей сравняться с волком.

Какие страшные революционеры! Они хотят уничтожить и превратить в аморфную массу все, «решительно все»; они составляют

проскрипционные списки, пуская в ход против своих жертв свои кинжалы, свой яд, свои петли и пули своих револьверов; многим они собираются даже «вырвать языки», но они преклоняются перед его величеством царем. И действительно, царь, чиновники, дворянство, буржуазия могут спать спокойно. Альянс ведет войну не с существующими государствами, а с революционерами, которые не хотят унизиться до роли статистов разыгрываемой им трагикомедии. Мир дворцам, война хижинам! Чернышевского оклеветали; редакторов «Народного Дела» предупредили, что их заставят замолчать «разными практическими способами, которые в наших руках»; Альянс грозит смертью всем революционерам, которые не с ним. Вот единственная часть всеразрушительной программы, которую они начали выполнять. Мы расскажем теперь о первом их подвиге в этом роде.

С апреля 1869 г. Бакунин и Нечаев начали готовить почву для революции в России. Они рассылали из Женевы письма, воззвания и телеграммы в С.-Петербург, Киев и другие города. Между тем, им было известно, что нельзя посылать в Россию письма, воззвания, в особенности телеграммы, без того, чтобы III отделение (тайная полиция) не ознакомилось с ними. Все это могло иметь только одну цель — компрометацию людей. Эти подлые приемы лиц, которые ничем не рисковали в своей богоспасаемой Женеве, привели к многочисленным арестам в России. Между тем, их предупреждали, какую опасность они создают. У нас есть доказательства, что Бакунину было сообщено следующее место из одного письма, присланного из России: «Ради бога, передайте Бакунину, чтобы он, если для него есть хоть что-либо святое в революции, перестал рассылать свои сумасбродные прокламации, которые приводят к обыскам во многих городах и к арестам и которые парализуют всякую серьезную работу». Бакунин ответил, что все это выдумка и что Нечаев уехал в Америку. Но, как мы увидим дальше, тайный свод законов Бакунина предписывает «скомпрометировать до нельзя... честолубцев и либералов с разными оттенками... так, чтобы возврат был для них невозможен, и тогда использовать их» (Революционный катехизис, § 19).

Вот доказательство этого. 7 апреля 1869 г. Нечаев пишет госпоже Томиловой, жене полковника, умершего впоследствии с горя из-за ареста жены, что «в Женеве дела по горло», и торопит ее прислать туда надежного человека для переговоров. «Дело, о котором придется толковать, касается не одной нашей торговли, но и

общеевропейской. Здесь дело кипит. Варится такой суп, что всей Европе не расхлебать. Торопитесь же». Следует женевский адрес. Письмо это не дошло по адресу; оно было перехвачено на почте тайной полицией и повлекло за собой арест госпожи Томиловой, которая узнала о письме только во время следствия (Отчет о нечаевском процессе, «С.-Петербургские Ведомости», 1871, № 187¹).

Вот еще факт, показывающий, с какой осторожностью Бакунин организовывал свой заговор. Студент Киевской академии, Маврицкий, получил прокламации, посланные на его имя из Женевы. Он немедленно передал их начальству, которое поспешило послать в Женеву доверенного человека, т. е. шпиона. Бакунин и Нечаев сблизились с этим делегатом от юга России, снабдили его прокламациями, адресами лиц, с которыми Нечаев, по его словам, был знаком в России, и дали ему письмо, которое не могло быть ничем иным, как доверительным и рекомендательным письмом («С.-Петербургские Ведомости» № 187).

3 сентября (15 сентября по новому стилю) 1869 г. Нечаев явился в Москве к Успенскому (молодому человеку, которого он знал до своего отъезда за границу) в качестве эмиссара Всемирного революционного комитета в Женеве и предъявил ему вышеприведенный мандат. Он сообщил ему, что в Москву придут эмиссары названного европейского комитета, снабженные подобными же мандатами, а что касается его, то ему лично поручено «организовать тайное общество среди учащейся молодежи... чтобы вызвать в России народное восстание». По совету Успенского Нечаев в поисках надежного пристанища направился в Земледельческую академию, расположенную довольно далеко от города, и связался там с Ивановым, одним из студентов, наиболее известных своей преданностью интересам молодежи и народа. С этого времени Земледельческая академия сделалась центром деятельности Нечаева. Сначала он представился под чужой фамилией и рассказал, что много путешествовал по России, что народ всюду готов восстать и давно бы уже восстал, если бы революционеры не советовали ему терпеть, пока не будет завершено создание их широкой и мощной организации, которая свяжет воедино все революционные силы России. Нечаев торопил Иванова и других студентов вступить в это тайное общество, возглавляемое всемогущим комитетом, от имени которого все делается, но состав и местопребывание которого должны оставаться неизвест-

¹ Все приводимые нами факты, относящиеся к заговору Нечаева, взяты из отчетов о процессе, публиковавшихся в «С.-Петербургских Ведомостях». Мы будем указывать номера газет, откуда они взяты.

ными членам общества. Этот комитет и эта организация образовали *русское отделение Всемирного союза, Революционного Альянса, Международного Товарищества Рабочих!*¹

Нечаев начал с распространения среди студентов упомянутых выше «Слов» с целью показать им, что Бакунин, знаменитый революционер 1848 года, бежавший из Сибири, играет в Европе крупную роль, что он является главным полномочным представителем рабочих, что он подписывает мандаты центрального комитета Всемирного союза и что этот герой советует им бросить свои занятия и т. п. Чтобы дать им яркий пример преданности до гроба, он читал стихотворение Огарева, приятеля Бакунина и сотрудника герценовского «Колокола», озаглавленное «*Студент*» и посвященное «молодому другу Нечаеву». Нечаев изображен в этих стихах идеальным студентом, «неутомимым борцом с детских лет». В своих стихах Огарев рассказывал о том, какие муки вынес Нечаев с юных лет ради живого труда науки; как росла его преданность народу; как гонимый мстью царской и боязнью боярской, он пустился на скитанье; как он отправился странствовать, чтобы кликнуть клич по всем крестьянам от востока до заката. Собирайтесь дружным станом, поднимайтесь смело и т. д. и т. п.; как он кончил жизнь на каторге в снегах Сибири; но весь век нелицемерен он борьбе остался верен, и как до последнего дыханья он повторял: Отстоять всему народу свою землю и свободу! — Это альянсистское стихотворение было напечатано весной 1869 г. в то время, когда Нечаев развлекался в Женеве. Оно пачками отправлялось в Россию вместе с другими воззваниями. Простая переписка этого стихотворения обладала, очевидно, свойством внушать новообращенным чувство самопожертвования, так как Нечаев по приказу комитета заставлял каждого вновь принимаемого члена общества переписывать его и распространять (показания нескольких подсудимых).

Музыка была, повидимому, единственной вещью, призванной избежать аморфности, на которую повсеместное всеразрушение об-

¹ Надо заметить, что на русском языке слова: association, union, alliance (общество, союз, товарищество) являются в большей или меньшей степени синонимами и употребляются одно вместо другого. Равным образом слово international [международный] в большинстве случаев переводится словом «всемирный» (universel). Поэтому в русской печати слова Association Internationale [Международное Товарищество] часто переводятся словами, которые по-французски могли бы обратно быть переведены словами Alliance universelle [Всемирный союз]. Пользуясь этой терминологической путаницей, Бакунину с Нечаевым удалось использовать название нашего Товарищества и погубить около сотни молодых людей.

рекало все искусства и науки. Нечаев от имени комитета призывал помогать пропаганде посредством *революционной музыки* и всячески пытался подобрать мелодию к этому поэтическому шедевру, чтобы молодежь могла распевать его («С.-Петербургские Ведомости» № 190).

Мистическая легенда о его смерти не мешала ему намекать на то, что Нечаев, возможно, еще жив, и даже рассказывать по секрету, что Нечаев живет на Урале под видом рабочего и организовал там рабочие общества («С.-Петербургские Ведомости» № 202). Эту тайну он открывал, главным образом, тем, которые «никуда не годились», т. е. тем, кто мечтал о создании рабочих товариществ; он хотел вызвать у них восхищение этим легендарным героем. Когда же легенды о его мнимом побеге из Петропавловской крепости и о его поэтической смерти в Сибири достаточно подготовили умы и когда, по его расчетам, Катехизис был вдолблен в головы обращенных вполне достаточно, он осуществил, наконец, свое евангельское воскресение и заявил, что он и есть Нечаев собственной персоной! Однако теперь это был уже не прежний Нечаев, осмеянный и презираемый, по словам свидетелей и подсудимых, петербургскими студентами. Теперь это был полномочный представитель Всемирного революционного комитета. Чудо его преобразования было совершено Бакуниным. Нечаев отвечал всем требованиям статуты той организации, которую он пропагандировал; он «отличился делами, которые были известны и оценены по заслугам комитетом»; в Брюсселе он организовал крупную стачку членов Интернационала и руководил ею; Бельгийский комитет направил его в качестве делегата к женевской организации Интернационала, где он встретил Бакунина, а так как, по его словам, «он не любил почивать на лаврах», то он вернулся в Россию, чтобы начать «революционную работу». Он утверждал также, что вместе с ним в Россию прибыл целый штаб, состоявший из шестнадцати русских эмигрантов ¹.

Успенский, Иванов и еще четыре или шесть юношей были, по видимому, единственными людьми в Москве, которые дали себя одурочить всеми этими фокусами. Четверо из этих посвященных получили приказ вербовать новых сторонников и образовать кружки или небольшие секции. План организации имеется среди документов процесса; он почти целиком совпадает с планом тайного Альянса. «Общие правила организации» были оглашены на заседании суда, и ни один из главных посвященных не отрицал их подлинности;

¹ Никто из русских эмигрантов не возвращался в Россию, да во всей Европе и не наберется шестнадцати русских политических эмигрантов.

к тому же № 2 «Народной Расправы», редактируемый Бакуниным и Нечаевым, признал подлинность следующих параграфов:

«Организация основывается на *доверии* к личности. — Ни один член не знает, к какой степени он принадлежит, т. е. насколько он далек или близок от центра. — *Беспрекословное повиновение распоряжениям комитета.* — Отрешение от собственности, которая передается в ведение комитета. — Член, приобретший известное количество прозелитов дела, заявивший фактами о своих силах и способностях, знакомится с этими предписаниями, а потом более или менее и с уставом общества. Мера же сил и способностей определяется комитетом».

Чтобы обмануть московских членов, Нечаев говорил им, что в Петербурге уже существует весьма обширная организация, тогда как в действительности там не было ни одного кружка, ни одной секции. Однажды, забывшись, он воскликнул в присутствии одного из членов: «В Петербурге они изменяли мне как женщины и предали меня как рабы». В Петербурге, наоборот, он говорил, что организация поразительно быстро растет в Москве.

Так как в Москве высказали желание видеть какого-нибудь члена комитета, то он пригласил одного молодого петербургского офицера, интересовавшегося студенческим движением, поехать с ним туда, чтобы посмотреть студенческие кружки. Молодой человек согласился, и по дороге Нечаев посвятил его в сан *«чрезвычайного уполномоченного комитета Международного Товарищества в Женеве»*. «Вы не сможете, — сказал он ему, — попасть на наши собрания, не будучи членом, но вот Вам мандат, удостоверяющий, что Вы член Международного Товарищества; в качестве такового Вас пропустят». Мандат был на французском бланке и гласил: «Предъявитель сего есть доверенное лицо Международного Товарищества». По утверждению других подсудимых, Нечаев уверял их, что этот незнакомец «действительно доверенное лицо революционного комитета в Женеве» («С.-Петербургские Ведомости» № № 225, 226).

Долгов, друг Иванова, показывает, что, «говоря о тайном обществе, преследующем ту цель, чтобы в случае, если явится протест со стороны народа, то поддержать его и направить так, чтобы оказались хорошие результаты, Нечаев упоминал об Интернациональном обществе и говорил, что связью с ним служит Бакунин» (№ 198). — Рипман подтверждает, что Нечаев, «чтобы отвратить его от мысли об артелях, говорил ему, что за границей существует международная ассоциация рабочих; чтобы достигнуть цели, которую преследует Интернационал, достаточно поступить в это общество,

отделение которого имеется в Москве» (№ 198). Из дальнейших показаний видно, что Нечаев выдавал Интернационал за тайное общество, а свое собственное общество за секцию Интернационала. Он уверял поэтому своих сторонников, что Московская секция подобно Интернационалу будет в широких масштабах прибегать к стачкам и созданию ассоциаций. Когда подсудимый Рипман попросил у него программу общества, Нечаев прочитал ему несколько мест из какого-то французского листка, где говорилось о цели общества; подсудимый решил, что этот листок представляет собой программу Интернационала; он прибавляет: «Так как об этом обществе много писалось в печати, то я ничего особенно преступного в предложении Нечаева не видел». Один из главных обвиняемых, Кузнецов, заявил, что Нечаев читал им программу Интернационального общества (№ 181); брат его показал, что «он видел как у его брата переводили какой-то листок с французского; он принял этот листок за программу или устав какого-то общества» (№ 202).— Подсудимый Климин заявил, что ему была прочитана «программа Интернационального общества с припиской Бакунина... программа, насколько помню, составленная в очень общих выражениях, так что о средствах к достижению цели не говорилось, говорилось о всеобщем равенстве» (№ 199). Подсудимый Гавришев объяснил, что «французская прокламация заключала в себе, насколько можно было понять, изложение мнений представителей социализма, имевших конгресс в Женеве». Наконец, показания подсудимого Святского окончательно разъясняют нам, что представлял собой этот таинственный французский листок: во время обыска у него нашли написанный по-французски листок под заглавием: «Programme de l'Alliance internationale de la démocratie socialiste» [«Программа Международного альянса социалистической демократии»]. «В газетах говорилось о *Международном обществе*, — заявил Святский, — и я интересовался знать его программу, исключительно с теоретической целью» («С.-Петербургские Ведомости» № 230). Эти показания доказывают, что тайная программа Альянса раздавалась в рукописи в качестве программы Интернационала. Показания главного обвиняемого Успенского доказывают, что Всемирный революционный комитет, эмиссаром которого называл себя Нечаев, и центральное бюро Альянса (гражданин Б.) — это одно и то же. Успенский заявил, что он собирал все протоколы заседаний кружка, «чтобы послать отчет о них Бакунину в Женеву». Прыжов, один из главных обвиняемых, заявил, что Нечаев велел ему съездить в Женеву и свезти Бакунину отчетный доклад.

За недостатком места мы не упоминаем здесь о всех обманах, глупостях, мошенничествах и насилиях бакунинского агента, разоблаченных во время процесса. Отмечаем только наиболее характерные факты.

Все было таинственным в этой организации. Долгов рассказывает, «что прежде чем поступить в общество, он желал знать устройство и средства этого общества; Нечаев сказал, что это тайна, но что впоследствии она ему откроется» («С.-Петербургские Ведомости» № 198). — Когда члены общества позволяли себе задавать вопросы, Нечаев зажимал им рот, заявляя, что, согласно уставу, никто не в праве ничего знать, пока он не отличится на каком-нибудь деле (№ 199). — «Вскоре после того, как мы дали согласие вступить в члены общества, — говорит один из подсудимых, — Нечаев начал запугивать нас властью и силою комитета, о котором он говорил, что будто он существует и заведует нами; он говорил, что у комитета есть своя полиция, что если кто-нибудь изменит своему слову и будет поступать вопреки распоряжениям тех, кто *стоит выше* нашего кружка, то комитет будет мстить за это». Обвиняемый признался, «что, заметив плутни Нечаева, он сообщил ему о своем намерении совершенно отстраниться от этого дела и поехать на Кавказ для поправления своего здоровья. Нечаев заявил ему, что этого быть не может и что комитет может наказать его смертью, если он посмеет оставить общество; вместе с тем он приказал ему отправиться на сходку, говорить там о тайном обществе, чтобы завербовать новых приверженцев, и прочесть стихи на смерть Нечаева. Когда подсудимый отказался подчиниться, Нечаев стал угрожать ему, говоря: рассуждать не ваше дело — вы должны беспрекословно исполнять приказания комитета» (№ 198). — Если бы это был только отдельный случай, то в нем можно было бы усомниться, но целый ряд подсудимых, которые никак не могли сговориться между собою, показывает совершенно то же самое. — Другой обвиняемый заявил, что несколько членов кружка, заметив, что их обманывают, хотели выйти из общества, но не решались этого сделать, опасаясь мести комитета (№ 198).

Один свидетель, говоря об одном из подсудимых, который был его другом, сказал: подсудимый Флоринский не знал, как ему избавиться от Нечаева, мешавшего ему работать; свидетель посоветовал ему покинуть Москву и уехать в Петербург, но Флоринский ответил, что Нечаев разыщет его в Петербурге так же, как разыскал в Москве; Нечаев насильно убеждал многих молодых людей, запугивая их, и Флоринский, повидимому, боялся доноса со сто-

роны Нечаева. «Говорили, я это сам слышал, — показывает Лихутин, — что Нечаев присылает из-за границы своим знакомым разные письма резкого содержания, желая тем скомпрометировать этих лиц, чтобы они были арестованы. Это составляло одну из черт его характера» (№ 186). Енишерлов заявил даже, что он начал смотреть на Нечаева, как на правительственного агента.

На заседании одного небольшого кружка один из его членов, Климин, отвечая неизвестному, который присутствовал на собрании в качестве эmissара комитета и выразил недовольство действиями кружка, сказал, «что они тоже недовольны; вначале завербованным в общество говорили, что каждая секция может действовать более или менее самостоятельно, без того, чтобы от ее членов требовали пассивного подчинения; но затем стали держать себя совершенно иначе, и комитет свел их на положение рабов» (199). — Нечаев отдавал свои распоряжения на клочках бумаги со штемпелем: «Русский отдел Всемирного революционного союза. Бланка для публики», и формулировал их следующим образом: «Комитет приказывает вам сделать...», выполнить то-то, отправиться туда-то и т. д.

Разочаровавшись, один молодой офицер решил выйти из общества. Нечаев как будто согласился на это, но потребовал выкупа. Необходимо раздобыть для него вексель на 6 000 рублей (около 20 тысяч франков) за подписью Калачевского. Калачевский в 1866 г. после покушения Каракозова отбыл вместе с двумя своими сестрами длительное тюремное заключение. В тот момент, к которому относится наш рассказ, одна из сестер вторично сидела в тюрьме по политическому делу. Вся семья находилась под строжайшим надзором полиции, и Калачевский во всякую минуту мог ждать ареста. Этим-то и воспользовался Нечаев; по его приказанию вышеупомянутый молодой офицер пригласил Калачевского под вымышленным предлогом к себе, завязал с ним беседу и передал ему прокламации, которые тот взял из любопытства. Не успел Калачевский выйти на улицу, как к нему подошел какой-то офицер и приказал следовать за собою, заявив, что он чиновник III отделения (тайная полиция) и что ему известно, что Калачевский имеет при себе бунтарские прокламации. Надо заметить, что одного хранения этих прокламаций более чем достаточно для того, чтобы человек подвергся многолетнему предварительному заключению и был сослан на каторжные работы, если он уже имел несчастье быть замешанным в каком-нибудь политическом деле. Мнимый агент III отделения усадил Калачевского на извозчика и тут же предложил ему откупиться,

подписав немедленно вексель на 6 000 рублей. Поставленный перед выбором принять это предложение или отправиться в Сибирь, Калачевский подписал вексель. На следующий день другой молодой человек, Негрескул, узнав об этой истории, заподозрил, что к ней причастен Нечаев, немедленно отправился к мнимому агенту III отделения и потребовал у него объяснений по поводу этого мошенничества. Тот от всего отперся; вексель был припрятан и найден только впоследствии во время обысков. Раскрытие заговора и бегство Нечаева помешали ему получить деньги. Негрескул давно уже знал Нечаева. В Женеве он стал жертвой одной из его мошеннических проделок; потом Бакунин пытался завербовать его. Позже у него выманили 100 рублей (№ 230). В конце концов, он все же был скомпрометирован Нечаевым, хотя терпеть его не мог и считал способным на всякую подлость. Он был арестован и умер в тюрьме.

Мы видели, что Иванов был завербован Нечаевым одним из первых. Это был один из самых любимых и самых влиятельных студентов Московской земледельческой академии. Он посвятил себя заботам об улучшении положения своих товарищей и занимался устройством касс взаимопомощи и столовых, в которых нуждающимся студентам выдавались бесплатно обеды и которые служили удобным местом для сходок, где обсуждались социальные вопросы. Весь свой досуг он посвящал обучению крестьянских детей, живших в окрестностях Академии. Его товарищи подтверждают, что он был страстно предан своему делу, отдавал свои последние гроши и часто оставался без горячей пищи.

Иванов был поражен нелепостью террористических прокламаций Нечаева и Бакунина. Он не мог понять, почему комитет приказывает ему распространять «Слова», «Песнь о смерти» Огарева, «Народную Расправу» и, наконец, чисто аристократическую прокламацию Бакунина: «Воззвание к российскому дворянству»¹. Он

¹ Вот выдержки из печатной прокламации Бакунина «Воззвание к российскому дворянству» [точное название: «Благородное Российское дворянство». *Ред.*]: «Какие привилегии мы получили за то, что в продолжение половины XIX столетия мы были опорой столько раз шатавшегося в самом основании престола; за то, что в 1848 г., во время бурных ураганов народного безумства в Европе, мы своими доблестными подвигами спасли Российское государство от наплыва социальных утопий?.. Чем пожалованы мы за то, что спасли государство от раздробления и потушили в Польше красное зарево, которое грозило охватить и Россию; за то, что, не щадя наших сил, с неподражаемой неустранимостью еще до сей поры неустанно работаем над искоренением в России революционных элементов? — Разве не из нашей среды вышел сиявший доблестями Михаил Муравьев, которого даже сам Александр II, несмотря на свое

начинал терять терпение и стал допытываться, где находится комитет, что он делает, что это за комитет, который во всем соглашается с Нечаевым и осуждает других членов. Он выражал желание повидать кого-нибудь из членов комитета; он имел на то право, так как сам Нечаев возвел его в звание, соответствующее званию члена национального комитета тайного Альянса. Тогда-то Нечаев и выпутался из затруднения, разыграв описанную выше комедию с эмиссаром Женевского Интернационала.

Однажды Нечаев приказал передать комитету деньги, предназначенные для студенческой кассы взаимопомощи. Иванов запротестовал, и между ними произошла ссора. Другие товарищи уговаривали Иванова подчиниться решению комитета, раз уж они признали устав, обязывавший их повиноваться. Иванов уступил их настояниям и нехотя подчинился. С этого момента Нечаев начал обдумывать план, как отделаться от этого человека, которого он, повидимому, считал революционером-доктринером, заслуживающим смерти. Он стал вести с Успенским теоретические разговоры на тему о наказании и об истреблении неверных членов, которые своим неподчинением могут скомпрометировать и погубить всю огромную тайную организацию.

Нечаев так вел дела своего тайного общества, что, естественно, возникало сомнение в серьезности всей организации. Секции обязаны были регулярно собираться, чтобы рассматривать академические списки всех студентов и отмечать тех из них, которых следовало привлечь, а также для того, чтобы изыскивать способы, как раздобыть денег. Одним из таких способов были подписные листы в пользу «пострадавших студентов», т. е. административно высланных; собранные деньги шли прямо в карман комитета — Нечаева. Секции обязаны были доставать всевозможные костюмы, которые хранились в надежном месте и послужили для переодевания Нечаева во время его побега. Но главное занятие состояло в переписывании «Песни о смерти» и цитированных выше прокламаций. Участники заговора

слабоумие, называл спасителем отечества? — Что же за все это? За все эти не оцененные заслуги мы лишены всего, что у нас было... Наш открытый теперешний зов есть заявление от *огромного большинства настоящего российского дворянства, уже давно готового и организовавшегося...* Мы чувствуем силу в нашем праве и смело бросаем нашу перчатку в лицо деспота, немецкого князька Александра II Салтыкова-Романова и вызываем его на благородный рыцарский бой, *в наступившем 1870 году.*

Потомки Рюрика и партия Российского независимого дворянства». «Сиявший доблестями Муравьев» — не кто иной, как палач Польши.

должны были как можно точнее записывать все, что говорилось на их собраниях, и Нечаев угрожал им комитетом, повсюду имевшим своих шпионов на случай, если они осмелятся что-нибудь скрыть. Каждый из них должен был приносить в кружок письменные отчеты обо всем, что он делал в промежутке между собраниями. Из этих отчетов должен был составляться отчетный доклад для отсылки Бакунину.

Все эти ребяческие и инквизиторские приемы возбудили у Иванова сомнение в самом существовании комитета и в столь прославленном могуществе этой организации. Он начал догадываться, что все сводится к нелепой эксплуатации людей и является грандиозным обманом; он признавался своим близким друзьям, что если дело не сдвинется и все ограничится этими нелепостями, то он порвет с Нечаевым и сам создаст серьезную организацию.

Тогда Нечаев прибегнул к решительной мере. Он велел расклеить свои прокламации в студенческих столовых. Иванов понимал, что расклеивание прокламаций приведет к закрытию столовых, к запрещению собраний и к разгону лучших студентов. Поэтому он воспротивился этому (на деле так и случилось: студенческая столовая была закрыта, а все уполномоченные, избранные для заведывания ею, были высланы). По этому поводу завязался спор, причем Нечаев повторял свою стереотипную фразу: «таков приказ комитета».

Иванов был в полном отчаянии. 20 ноября 1869 г. он является к одному из членов секции, Прыжову, и заявляет ему, что выходит из общества. Прыжов передает об этом Успенскому, а тот, в свою очередь, спешит сообщить об этом Нечаеву, и через несколько часов все трое собираются у Кузнецова, где жил также и Николаев. Там Нечаев заявляет, что следует наказать Иванова, восстающего против распоряжений комитета, и что нужно избавиться от него, чтобы лишить его возможности дальше вредить. Так как Кузнецов, близкий друг Иванова, повидимому, не понял, к чему клонит Нечаев, то последний заявил, что Иванова необходимо убить. Прыжов, обращаясь к Кузнецову, воскликнул: Нечаев с ума сошел, он хочет убить Иванова, нужно помешать этому. Нечаев положил конец их колебаниям своей обычной фразой: «Вы тоже хотите восстать против приказов комитета? Если его нельзя убить иначе, то мы с Николаевым пойдем сегодня ночью к нему в комнату и там его задушим». После этого он предложил заманить Иванова ночью в грот, находящийся в парке Академии, якобы для того, чтобы отрыть давно спрятанную там типографию и там умертвить его.

Таким образом, даже в этот решительный момент Нечаев сам отдавал должное преданности Иванова. Он был уверен, что, несмотря на свой выход из общества, Иванов придет помочь вырыть типографию и что он не способен его выдать, ибо если бы он хотел это сделать, то сделал бы это до выхода из общества или сразу после этого. Если бы Иванов хотел выдать Нечаева полиции, то ему представлялся теперь случай захватить его на месте преступления. Но как раз наоборот: Иванов был счастлив получить, наконец, положительное доказательство существования этой организации, ощутимый признак того, что она располагает какими-то реальными средствами, будь то хотя бы типографский шрифт. Позабыв обо всех угрозах Нечаева по адресу отступников, он поспешил оставить друга, с которым пил чай и к которому Николаев пришел за ним по приказу Нечаева, и отправился на его зов.

В ночной темноте Иванов, ничего не подозревая, приближается к гроту. Вдруг раздается крик; кто-то набрасывается на него сзади. Завязывается страшная борьба; слышны только рычание Нечаева и стоны его жертвы, которую он душит своими руками; затем раздается выстрел, и Иванов падает мертвым. Пуля из револьвера Нечаева пробила ему голову. «Скорей веревок, камней», — кричит Нечаев, обыскивая карманы трупа, чтобы забрать его бумаги и деньги. Затем его бросают в пруд.

Вернувшись к Кузнецову, убийцы приняли меры, чтобы скрыть следы своего преступления. Они сожгли окровавленную рубашку Нечаева. Соучастники преступления были мрачны и подавлены. Вдруг раздается второй выстрел, и пуля пролетает около самого уха Прыжова. Нечаев извинился, говоря, что «он хотел объяснить Николаеву устройство револьвера». Свидетели единогласно заявляют, что это было новое покушение. Нечаев хотел убить Прыжова за то, что тот утром посмел возражать против убийства Иванова.

Сейчас же вслед за этим Нечаев спешит покинуть Москву и выезжает вместе с Кузнецовым в Петербург, предоставив Успенскому действовать в Москве. В Петербурге он делает вид, что продолжает заниматься своей организацией, но Кузнецов, к своему величайшему изумлению, замечает, что речь о существовании организации здесь может идти еще меньше, чем в Москве. Тогда он осмеливается задать Нечаеву вопрос: «Где же комитет? Ты, что ли, комитет?» — Нечаев все еще отрицает это и уверяет Кузнецова, что комитет существует. Он возвращается в Москву и признается Николаеву, что раз арестован Успенский, то все остальные будут также вскоре арестованы и потому он «не знает, что ему делать». Тогда

Николаев, преданнейший его сторонник, решается спросить его, действительно ли существует пресловутый комитет или он состоит из одного Нечаева. — «Не отвечая утвердительно на мой вопрос, он сказал мне, что все средства позволительны для того, чтобы завлечь людей в такое дело, что правило это существует и за границей, что *следует ему Бакунину*, а равно и другие, и что если такие люди подчиняются этому правилу, то понятно, что и он, Нечаев, может поступать таким образом» (№ 181). Затем он велит Николаеву ехать с Прыжовым в Тулу, чтобы раздобыть обманным путем паспорт у одного рабочего, старого приятеля Николаева. Позже он сам отправляется в Тулу и просит там г-жу Александровскую сопровождать его в Женеву; это ему абсолютно необходимо.

Г-жа Александровская была сильно скомпрометирована во время волнений 1861 — 1862 гг.; она даже сидела в тюрьме, где ее поведение оставляло желать многого. В припадке откровенности она написала исповедь своим судьям, и эта исповедь скомпрометировала множество людей. После всех этих дел она была водворена на жительство в один из провинциальных городов, где и жила под надзором полиции. Так как она опасалась, что ей не выдадут паспорта, то Нечаев каким-то путем раздобыл его для нее. Спрашивается, зачем Нечаеву понадобилась спутница, одного присутствия которой было достаточно, чтобы вызвать его арест на границе? Тем не менее, Нечаев в сопровождении г-жи Александровской благополучно прибыл в Женеву, и, в то время как несчастные, одураченные им люди были брошены в тюрьму, он вместе с Бакуниным принялся за изготовление № 2 «Народной Расправы». Бакунин, невероятно гордившийся тем, что газета «*Journal de Genève*» пишет о нечаевском заговоре и приписывает ему руководящую роль в нем, забыл, что «Народная Расправа» печатается якобы в Москве, и вставил в нее целую страницу из статьи в «*Journal de Genève*», написанную по-французски. Как только журнал был готов, г-же Александровской было поручено отвезти его вместе с другими прокламациями в Россию. На границе поджидавший г-жу Александровскую агент III отделения отобрал у нее пакет. После своего ареста она передала агенту список имен, которые могли быть известны одному Бакунину. Один из подсудимых по делу Нечаева и один из самых близких к нему людей признался на суде, что «он считал раньше Бакунина честным человеком и не понимает, как мог он вместе с остальными так подло подвергнуть эту женщину опасности ареста».

Если Бакунин и освободил себя от обязанности ехать в Россию, чтобы лично руководить великой революцией, неминуемый взрыв

которой он предсказывал, то в Европе он орудовал так, будто бы в нем «сидел чорт». Локльский «Progrès», швейцарский орган Альянса, помещал длинные выдержки из «Народной Расправы». Гильом восхвалял в нем изумительные успехи великих русских социалистов и заявлял, что его абстенционистская программа тождественна с их программой¹.

На конгрессе в Шо-де-Фоне Утин пытался было разоблачить подлые проделки Нечаева, но Гильом прервал его, заявив, что говорить об этих людях — значит заниматься шпионажем. Что касается Бакунина, то в «Marseillaise» он изображал дело так, будто он только что вернулся «из длительной поездки в отдаленные страны, куда не доходит свободная пресса»; он хотел этим создать впечатление, будто дела в России принимают такой революционный оборот, что он счел свое присутствие там необходимым.

Теперь мы подходим к развязке трагикомедии русского Альянса. В 1859 г. Герцен получил по завещанию от одного молодого русского 25 000 франков на революционную пропаганду в России. Герцен, постоянно отказывавшийся отдать кому бы то ни было эти деньги, дал себя обмануть Бакунину, который сумел получить их от него, уверив его, что Нечаев является представителем обширной и сильной тайной организации. Нечаев поэтому счел себя в праве потребовать свою долю. И вот эти два интернациональных брата, которых не могло разъединить убийство Иванова, затеяли ссору из-за денег. Бакунин отказался их выдать. Нечаев покинул Женеву и весной 1870 г. выпустил в Лондоне русскую газету «Община», в которой открыто потребовал у Бакунина, чтобы тот отдал остаток капитала, полученный им от покойного Герцена. Прекрасное доказательство того, что интернациональные братья «никогда не нападают друг на друга и не сводят *своих счетов* публично».

Первая статья № 2 «Народной Расправы» содержит еще одну написанную поэтической прозой похоронную песнь об этом вечно мертвом и вечно живом герое — Нечаеве. На сей раз герой был задушен жандармами, которые везли его в Сибирь. Переодетый рабочим, он был арестован в Тамбове, в кабаке. Этот арест вызвал

¹ В 1868 г., меньше чем за два года до конгресса в Шо-де-фоне, где альянсисты добились признания их доктрины о воздержании от политики, Бакунин, оплакивая в органе Шассена «La Démocratie» воздержание от политики французских рабочих, писал: «Воздержание от политики — это глупость, придуманная мошенниками, чтобы одурачивать идиотов».

необычайное волнение в высших сферах. Только и слышались слова: «Нечаев, переодетый... доносы... тайные общества... бакунисты... революция». По случаю смерти Нечаева пермский губернатор послал в Петербург телеграмму; эта телеграмма приводится целиком. Другая телеграмма, которая также целиком приводится, была послана в III отделение, и «Народная Расправа» знает, что, «получивши таковую телеграмму, шеф жандармов привскочил со стула и целый вечер как-то скверно улыбался». Таким образом, Нечаев умер вторично.

В статье признается убийство Иванова. Оно характеризуется как «месть общества своему сочлену за какое-либо отступление от обязанностей. Суровая логика истинных работников дела не должна оставаться ни перед каким фактом, ведущим к успеху дела, а тем более перед фактами, могущими спасти дело и устранить его гибель». Арест восьмидесяти юношей означает для Бакунина «успех дела».

Вторая статья озаглавлена «Кто не за нас, тот против нас» и представляет собой апологию политического убийства. Всем революционерам, не примыкающим к Альянсу, сулят участь Иванова, прямо не называя его: «Горячее время настало... два враждебных лагеря уже начали военные действия... нельзя дольше оставаться нейтральным: в золотой середине оставаться теперь невозможно; это значит: во время перестрелки стоять среди двух враждебных сил, стреляющих друг в друга; это значит: гибнуть даром, падать от картечи и тех и других, не имея возможности чем-либо противодействовать; это значит: выносить на своей шкуре и розги и пытки III отделения или пасть от пули наших револьверов». Далее идет выражение благодарности, повидимому, ироническое, русскому правительству за «его содействие в развитии и быстром ходе нашего дела, которое стремительно приближается к желанному концу». В то время как оба героя благодарили правительство за ускорение «желанного конца», все члены этой так называемой тайной организации были уже арестованы. Затем статья обращается с новым призывом. Они принимают в свои «отверстые объятия все честные, свежие силы», предупреждая их, что, раз попав в эти объятия, они должны подчиняться всем требованиям общества». «Всякое отречение от общества, всякое отступление, совершенное сознательно, вследствие колебания уверенности в истине и справедливости известных начал, ведет к исключению из списка живых». А затем оба наших героя издеваются над арестованными: это, мол, только благодушные либералы, действительных членов организации охраняет тайное общество, которое не позволит их захватить.

Третья статья названа «*Главные основы будущего общественного строя*». Эта статья показывает, что если простых смертных карают, как за преступление, за одну мысль о будущей общественной организации, так это потому, что вожди все уже устроили заранее.

«Выход из существующего общественного порядка и обновление жизни новыми началами может совершиться только *путем сосредоточения всех средств для существования общественного в руках нашего комитета и объявлением обязательной для всех физической работы*».

«Комитет тотчас по низвержении существующих основ объявляет все общественным достоянием и предлагает составление артелей, объявляя притом таблицы, составленные знающими людьми и указывающие, какие отрасли труда наиболее необходимы в данной местности и какие обстоятельства могут мешать тому или другому разряду занятий.

В течение известного числа дней, назначенных для переворота, и неизбежно последующей за ним сумятицы, каждый индивидуум должен примкнуть к той или иной рабочей артели по собственному выбору... Все оставшиеся отдельно и не примкнувшие к рабочим группам без уважительных причин не имеют права доступа ни в общественные столовые, ни в общественные спальни, ни в какие-либо другие здания, предназначенные для удовлетворения разных потребностей работников-братьев или заключающие в себе продукты и материалы, запасы и орудия, предназначенные для всех членов установившегося рабочего общества; одним словом, не примкнувшая без уважительных причин к артели личность остается без средств к существованию. Для нее закрыты будут все дороги, все средства сообщения, останется только один выход: или к труду, или к смерти».

Каждая артель выбирает из своей среды оценщика, который регулирует ход работы, ведет книги для записи производства и потребления, а также производительности каждого рабочего, и поддерживает сношения с общей конторой данной местности. Контора, состоящая из избранных членов всех артелей местности, производит обмен между этими артелями, заведует всеми общественными учреждениями (спальнями, столовыми, школами, больницами) и руководит всеми общественными работами: «все общие работы находятся в ведении конторы, тогда как все частные, где необходимо особое искусство и навык, выполняются отдельно артелями». Дальше идет подробная регламентация воспитания, рабочего времени, кормления детей, освобождения от работы изобретателей и т. д.

«При полнейшей публичности, гласности и деятельности каждого, пропадет бесследно, исчезнет всякое честолюбие, как его

теперь понимают, и всякая ложь... тогда стремлением каждого будет производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше; в этом сознании своей пользы для общества будет заключаться вся гордость, все честолюбие тогдашних деятелей».

Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание детей, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве верховного руководителя, безымянный и неведомый «*наш комитет*». Несомненно, это антиавторитаризм чистейшей воды.

Чтобы создать видимость, что этот абсурдный план практической организации имеет теоретическую основу, к заглавию этой статьи дано небольшое примечание: «Подробное теоретическое развитие основных *наших* положений желающие найдут в опубликованном *нами* произведении «Манифест Коммунистической партии». И действительно, в каждом номере «Колокола» за 1870 г. рядом с объявлением о воззвании Бакунина «К офицерам русской армии» и о двух номерах «Народной Расправы» можно встретить объявление о русском переводе Манифеста (немецкого) коммунистической партии 1847 г., ценою в 1 франк. Используя этот Манифест для того, чтобы внушить доверие к своим татарским фантазиям в России, Бакунин в то же время устами Альянса стран Запада провозглашает этот Манифест архи-еретическим произведением, проповедующим пагубное учение немецкого авторитарного коммунизма (см. резолюцию конференции в Римини, речь Гильома в Гааге, «Bulletin jurassien» № 10—11, барселонскую «Federacion» и т. д.).

Теперь, когда всякому смертному известно, к какой роли предназначен «наш комитет», легко понять эту ненависть конкурента к государству и ко всякой централизации сил рабочих. В самом деле, до тех пор, пока рабочий класс будет иметь свои представительные органы, господа Бакунин и Нечаев, оруduющие под маскою «нашего комитета», не смогут стать владельцами общественного богатства и не смогут пожинать плодов того возвышенного честолюбивого стремления, которое они так жаждут внушить другим: много работать, с тем чтобы мало потреблять!

2. Революционный катехизис.

Нечаев тщательно хранил маленькую зашифрованную книжечку под названием «Революционный катехизис»; он утверждал, что обладание этой книжечкой составляет особую привилегию вся-

кого эмиссара или агента международного общества. Все показания на суде и неоспоримые доказательства, представленные адвокатами, говорят о том, что этот Катехизис был написан Бакуниным; да он никогда и не осмеливался отрицать свое авторство. К тому же форма и содержание этого произведения ясно показывают, что оно исходит из того же источника, что и тайные статуты, «Слова», прокламации и «Народная Расправа», о которых мы уже говорили. Оно является их простым дополнением. Эти всеразрушительные анархисты, которые хотят все привести в состояние аморфности, чтобы установить анархию в области нравственности, доводят до крайности буржуазную безнравственность. Мы могли уже по нескольким образчикам судить об этой альянсистской морали, догматы которой, чисто христианского происхождения, были со всей тщательностью разработаны первоначально эскобарам¹ XVII века. Альянс только до нелепости утрирует ее характер и на место святой католической, апостольской, римской церкви иезуитов ставит свое архи-анархическое и всеразрушительное «святое революционное дело». Революционный катехизис является официальным кодексом этой морали, изложенной на этот раз систематически и вполне откровенно. Мы приводим его полностью в том виде, как он был оглашен на заседании суда 8 июля 1871 г.

«Отношение революционера к самому себе.»

§ 1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. Он для него враг беспощадный, и если бы он продолжал жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказывается от мирской науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку — науку разрушения. Для этого и

¹ Эскобары — лица, действующие по рецепту испанского иезуита Эскобара-и-Мендоса (Escobar y Mendoza), Антонио (1589—1669), открыто проповедывавшего иезуитский принцип — «цель оправдывает средства». *Ред.*

только для этого он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает денно и noctно живую науку — людей, характер, положения и все условия настоящего общественного строя во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§ 4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§ 5. Революционер — человек обреченный, беспощаден для государства и вообще для всего сословно-образованного общества; он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности¹ должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и noctно должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§ 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщенье. Революционерная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединяться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

«Отношения революционера к тозарицам по революции.»

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно

¹ В тексте брошюры пропущены слова: «и даже самой чести». *Ред.*

степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении, таким образом, решенного плана, каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, т. е. не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела, только как на такой капитал, которым он сам и один без согласия всего товарищества вполне посвященных распоряжаться не может.

§ 11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасти его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем, с одной стороны, а с другой — трату революционных сил, потребных на избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

«Отношения революционера к обществу.»

§ 12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный, так называемый образованный мир и живет в нем только с верою в его полнейшее скорейшее разрушение. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. *Он не должен останавливаться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру.* Все и все должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские и любовные отношения; *он не революционер, если они могут остановить его руку.*

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционер должен проникнуть всюду, во все высшие и средние классы, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в *III отделение* (тайная полиция) и даже в Зимний дворец.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий: первая категория неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных, по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

§ 16. При составлении таких списков и для установления вышереченного порядка, должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерой пользы, которая должна произойти от смерти известного человека для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, а также внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять из таких людей, которым даруют только временно (!) жизнь для того, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом, ни энергией, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием, силой. Надо их эксплуатировать возможными манерами, путями; опутать их, сбить с толку и, по возможности, *овладеть их грязными тайнами*, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатства и сила сделаются, таким образом, неистощимой сскровищницей и сильной помощью для разных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем, прибирать их в руки, *овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их до-нельзя*, так чтобы возврат для них был невозможен, и их руками мутить государство.

§ 20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы, революционеры, все праздноглаголющие в кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практические, головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главные разряда: одни — пустые, бессмысленные, бездушные, которыми можно пользоваться, как третьей и четвертой категориями мужчин; другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории; наконец, женщины совсем наши, т. е. вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

«Отношения товарищества к народу.»

§ 22. У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т. е. чернорабочего люда. Но убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможны только путем всесокрушающей народной революции, *товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобцению тех бед и тех зол*, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§ 23. Под революцией народной товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образцу — движение, которое всегда, останавливаясь перед собственностью и перед традициями общественных порядков, так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительною для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции порядка и классы России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация, без сомнения, выработается из народного движения и жизни. Но это — дело будущих поколений. Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством; против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака-мироода. Мы соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всеокрушающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача».

Критиковать такой шедевр значило бы затушевывать его шутовской характер. Это значило бы также брать слишком всерьез этого аморфного всеразрушителя, ухитрившегося сочетать в одном лице Родольфа, Монте-Кристо, Карла Моора и Робера Макэра. Мы ограничимся тем, что с помощью нескольких сопоставлений установим тождественность самого духа и даже выражений Катехизиса, — если не считать тяжеловесных преувеличений, — с тайными статутами и остальными русскими произведениями Альянса.

Три степени посвящения тайных статутот Альянса воспроизведены в § 10 Катехизиса, где говорится о «революционерах второго и третьего разрядов, ...не совсем посвященных». — Обязанности интернациональных братьев, которые установлены ст. 6 их устава, совпадают с обязанностями, налагаемыми §§ 1 и 13 Катехизиса. — Условия, при которых братья могут занимать правительственные должности, указанные в ст. 8 устава, «с еще большей полнотой изложены» в § 14 Катехизиса, где им дают понять, что они могут поступать в полицию, если на то будет приказ. — Совет, даваемый братьям (устав, ст. 9), чтобы они совещались между собой, повторяется в § 9 Катехизиса. — В ст. ст. 2, 3, 6 программы интернациональных братьев характер революции изображен совершенно так же, как в §§ 22 и 23 Катехизиса. — Якобинцы, о которых говорится в ст. 4 программы, превращаются в § 20 Катехизиса в разновидность, «людей пятой категории», которых оба документа обрекают на смерть. — Мысли, высказанные в ст. ст. 5 и 8 программы о ходе истинно анархической революции, совпадают с тем, что сказано в § 24 Катехизиса.

Осуждение науки, которое содержится в § 3 Катехизиса, повторяется во всех русских изданиях. Идеализация разбойника как образцового революционера, имеющаяся в «Словах» лишь в зародыше, открыто признается и проповедуеться во всех остальных произведениях. «Пятая категория», о которой говорится в § 20 Катехи-

зиса, в «Постановке революционного вопроса» называется «кабинетными революционерами-государственниками». Листовка, так же как и §§ 25 и 26 Катехизиса, заявляет, что первая обязанность революционера — стать разбойником. Только в «Началах Революции» и в «Народной Расправе» начинается проповедь всеразрушения, к которому обязывают §§ 6, 8 и 26 Катехизиса, и проповедь систематических убийств, о которых говорится в §§ 13, 15, 16 и 17.

3. Воззвание Бакунина к офицерам русской армии.

Бакунин, однако, считал нужным не оставлять никаких сомнений насчет своего соучастия в так называемом заговоре Нечаева. Он выпустил воззвание «К офицерам русской армии», помеченное «Женева, январь, 1870» и подписанное Михаилом Бакуниным. Об этом воззвании, «ценою в 1 франк», было объявлено как о произведении Бакунина во всех номерах «Колокола» за 1870 г. Приведем из него несколько выдержек.

Оно начинается с заявления, — которое делал и Нечаев в России, — что «наступает час последней борьбы между Романовско-Гольштейн-Готорпским [государством] и между русским народом, между татарско-немецким игом и между широкой славянской волей. Весна у нас на носу, а в ранней весне бой начнется... революционная сила готова, и при существовании глубокого и повсеместного недовольствия народа, такого, например, какое существует ныне в целой России, победа ее несомненна». Уже создана организация для руководства этой неминуемой революцией, ибо «тайная организация — это как бы штаб революционного войска, а войско — целый народ».

«В моем воззвании «К молодым братьям в России» я говорил о том, что Стенька Разин, который поведет народные массы в будущем, столь явно приближающемся разгроме Всероссийской империи, будет не богатырь одинокий, а Стенька Разин коллективный. Для всякого недурка должно было быть ясно, что я под этим разумел тайную, уже теперь существующую и действующую организацию, сильную своей дисциплиной, страстной преданностью и самоотвержением своих членов и безусловным подчинением каждого всем приказаниям и распоряжениям *единого комитета*, всезнающего и никому неизвестного.

«Члены этого комитета вполне отреклись от себя; вот что дает им право требовать от всех сочленов организации самоотречения безусловного. Они до такой степени отказались для себя лично от

всего, что составляет главный предмет искания всех тщеславно-самолюбивых, честолюбивых и властолюбивых людей, что, отказавшись раз навсегда от личной собственности, от официальной или публичной власти и силы и вообще от всякого значения в обществе, они обрекли себя на вечную неизвестность, предоставляя другим славу, внешний блеск и шум дел и оставляя для себя, опять-таки не лично, а коллективно, только сущность его.

«Как иезуиты, только не с целью порабощения, а освобождения народного, каждый из них отказался даже от собственной воли. В комитете, равно как и во всей организации, мыслит, хочет, действует не лицо, а только коллективность. Такое отречение от собственной жизни, от собственной мысли и от собственной воли для многих покажется невозможным и даже возмутительным. Оно действительно трудно, но вместе с тем необходимо. Особенно трудно покажется оно начинающим и только что вступающим в организацию людям, еще не отвыкшим от пустословного, мишурного фанфаронства; людям, играющим в полную честь, в личное достоинство и право и вообще потешающим себя теми жалкими призраками воображаемой человечности, за которыми в нашем русском обществе проглядывает полнейшее покорение всех и каждого условиям самой гнусной и самой подлой обыденной действительности. Оно покажется трудным для тех, кто в (большом) деле ищет потехи для своего самолюбия, предлога для фразы, любит в нем отражение своего собственного драматически рисующегося лица, а не самое дело.

«Всякий новый член вступает в нашу организацию свободно, зная, что, вступив в нее раз, он принадлежит уж ей, не себе. Вступление в организацию свободно, но выход из нее невозможен, потому что всякий член выходящий непременно подверг бы опасности самое существование организации, которая не должна зависеть от легкомыслия, капризов или большей или меньшей степени скромности, честности и силы одного или нескольких лиц... И потому, вступая в нее, каждый должен знать, что он отдает себя ей, со всем, что у него есть сил, средств, умения и жизни, безвозвратно... Это ясно и определенно высказано в обнародованной ею программе, обязательной столько же для членов комитета, сколько и для всех остальных членов ее, находящихся вне комитета... Если эта страсть (революционная) в нем действительно существует, то все, что организация от него потребует, будет для него легко. Известно, для страсти трудности не существует, она не признает невозможного, и чем непреодолимее кажутся препятствия, тем сильнее напрягается воля, умение и сила возбужденного ею человека. В ком эта страсть

существует, в том не может быть места для личных страстишек; он даже не жертвует имп, потому что они в нем более не существуют. Серьезный член общества убил в себе самом всякое любопытство и преследует его беспощадно во всех других. Хотя он и сознает себя достойным всякого доверия и именно потому, что он его достоин, т. е. что он серьезный человек, он не ищет и не хочет знать ничего, кроме того, что ему необходимо для лучшего исполнения возложенного на него дела. Он говорит о деле только с тем и только то, что ему приказано говорить; и вообще он сообразуется безусловно и строго со всеми приказаниями и инструкциями, полученными им *свыше*, не спрашивая и не стараясь даже узнать, на какой степени организации он находится сам; желая только, естественным образом, чтоб ему было поручено как можно более дела, но ожидая, вместе с тем, терпеливо, чтоб оно было возложено на него.

«Такая железная и безусловная дисциплина может удивить и даже оскорбить новичков; но она не удивит и не оскорбит, а, напротив, порадует и вместе успокоит всякого серьезного члена, всякого действительно умного и сильного человека, лишь бы только в нем действовала та всепоглощающая страсть народного торжества, о которой я говорил выше. Серьезный член поймет, что именно такая дисциплина есть необходимый залог относительной безличности для каждого члена, условие, *sine qua non*¹ общего торжества, и что только она одна может сплотить действительную организацию и создать коллективную революционную силу, которая, опираясь на стихийной мощи народной, будет в состоянии побороть и разрушить громадную силу государственной организации.

«Иные спросят: как же нам довериться *диктаторскому* руководству неизвестного нам комитета? Но комитет вам известен: во-первых, по своей программе, столь определенной и ясной, обнародованной им и объясняемой еще подробнее каждому вновь вступающему в организацию. Он рекомендуется вам, «во-вторых», тем безусловным доверием, которое имеют к нему известные вам и уважаемые вами лица, доверие, которое заставляет вас вступить именно в эту, а не в другую организацию. Действительным же членам организации он становится скоро еще более известным своей неутомимой, решительной и всюду проникающей деятельностью, всегда сообразной с программой и с целью организации. И все покоряются ему охотно, убеждаясь все более и более на самой практике, с одной стороны, в его истинно удивительной предусмотрительности,

¹ — *sine qua non* — необходимое условие. *Ред.*

бдительности, разумной энергии и в целесообразности его распоряжений, а с другой стороны — в спасительности и необходимости такой дисциплины.

«Меня могут спросить: если личный состав комитета остается для всех тайной непроницаемой, каким же образом могли вы собрать о нем все эти сведения и убедиться в его действительной состоятельности? — Отвечу на этот вопрос откровенно. Мне неизвестен ни один из членов комитета, ни число его членов, ни даже место пребывания его. Знаю только, что он существует не за границей, а в России, как и быть должно, потому что заграничный революционный комитет для России — такая нелепость, которая может породиться разве только в голове бестолково-честолюбивых и пустозвонных фразеров эмиграции, скрывающих свое тщеславно-суетливое и злостно интригующее безделье под громким именем «Народного Дела»¹.

«После дворянского заговора декабристов (1825) первая попытка серьезной организации была сделана Ишутиным и его товарищами. Настоящая организация есть первая окончательно удавшаяся организация революционных сил в целой России. Она воспользовалась всеми приготовлениями, опытами. Ее никакая реакция разехаться не заставит, она переживет все правительства. И не перестанет она действовать до тех пор, пока вся программа ее не станет русской обыденной жизнью, не станет жизнью всесветной.

«Около года тому назад комитет, найдя полезным известить меня о своем существовании, прислал мне свою программу с изложением общего плана революционного действия в России. Согласный с тем и с другим и убедившись в серьезности дела, равно как и людей, предпринявших его, я сделал то, что, по моему убеждению, должен сделать всякий честный эмигрант за границей: подчинился безусловно власти комитета, как единственного представителя и руководителя революционного дела в России. Обращаясь к вам ныне, я повинуюсь требованию самого комитета. Больше вам сказать ничего не могу. Прибавлю только одно слово о том же предмете. Я достаточно ознакомлен с планом целой организации для того, чтобы быть вполне убежденным, что никакая сила не может теперь разрушить ее. Если бы даже в предстоящей борьбе народная партия потерпела новое поражение, — чего, однако, никто из нас не боится,

¹ Читатель припоминает, что так называлась русская газета Интернационала, издававшаяся в Женеве несколькими молодыми русскими, которые знали истинную цену мнимому комитету и бакунинской организации.

мы все верим в близкое торжество народного дела, — но если бы даже наши надежды не сбылись, то и тогда бы, посреди самого бесстыдного разгрома народного восстания и посреди самой дикой реакции, организация останется цела и невредима...

«Основание программы самое широкое, самое человеческое: полнейшая свобода и полнейшее равенство всех людей, основанные на общественной собственности и на общем труде, равно для всех обязательном, исключая, разумеется, тех, которые предпочтут голодную смерть, не работая.

«Такова ныне программа чернорабочего люда всех стран, и эта программа вполне соответствует вековым инстинктам и требованиям нашего народа... Предлагая эту программу чернорабочему люду, они, члены нашей организации, не могут надивиться, с какой быстротой и как широко он понимает и с какой горячностью принимает ее. Значит программа готова. Она неизменна. Кто за нее, тот пойдет с нами. Кто против нее, тот друг всех супостатов народных, царский жандарм, царский палач — наш враг...

«Я вам сказал, что наша организация построена так крепко, а теперь прибавлю еще, она пустила уже такие глубокие корни в самый народ, что потерпи мы даже теперь самую страшную неудачу, наша реакция не будет в силах разрушить ее...

«Лакейские газеты и журналы, повинувшись внушениям III отделения, стараются уверить публику, что правительству удалось захватить заговор в самом корне. Оно ничего не схватило, комитет и организация остались и останутся целы, и оно скоро в том само убедится, потому что народный взрыв близок. Он так близок, что каждый должен решить теперь, хочет ли он быть нашим другом, другом народа, или нашим и народным врагом. Для всех друзей, к какому бы они сословию и положению ни принадлежали, наши ряды открыты. Но как отыскать вас? — спросите вы. Организация, *везде окружающая вас* и считающая уже *много* членов между вашими товарищами, сама отыщет того, кто будет искать ее с правдивым желанием и твердой волей служить народному делу. Кто не за нас, тот против нас. Выбирайте».

В этой брошюре, подписанной его именем, Бакунин притворяется, будто не знает местопребывания и состава комитета. от имени которого он говорит и от имени которого Нечаев действовал в России. А между тем, единственный документ, дававший Нечаеву право выступать от имени комитета, был подписан Михаилом Бакуниным, и единственным человеком, получавшим отчеты о работе секций, был опять-таки Михаил Бакунин. Следовательно, когда

Михаил Бакунин клянется беспрекословно подчиниться комитету, то он клянется повиноваться самому Михаилу Бакунину.

Мы считаем излишним приводить дальнейшие доказательства полного тождества не только направления, но и выражений этого, подписанного Бакуниным, произведения с другими русскими документами, появившимися анонимно. Мы хотим только показать, как Бакунин применяет здесь мораль Катехизиса. Он начинает с того, что проповедует эту мораль русским офицерам. Он заявляет им, что, выступив в роли иезуитов революции, он и другие посвященные выполнили свой долг и, вместе с тем, заполнили существовавший пробел; он говорит, что в отношении комитета они отреклись от собственной воли, что у них ее не больше, чем у знаменитого «трупа» Общества иисусова. А чтобы офицеров не отпугнуло убийство Иванова, он пытается убедить их в необходимости убивать всякого, кто пожелал бы выйти из тайного общества. Затем он применяет эту мораль в отношении своих читателей, обманывая их самым бессовестным образом. Бакунину было прекрасно известно, что правительство арестовало не только всех членов общества в России, но и в десять раз больше людей, скомпрометированных Нечаевым, ввиду их принадлежности к пресловутой «Пятой категории» Катехизиса, что в России не осталось и тени организации, что никакого комитета там нет и никогда не было, если не считать Нечаева, находившегося в тот момент вместе с ним в Женеве; к тому же он знал, что брошюра не завербует ни одного сторонника в России, что она может только послужить правительству предлогом для новых преследований. Зная все это, Бакунин заявляет, что правительство никого не схватило, что комитет продолжает находиться в России и развивать там неутомимую, решительную, всюду проникающую деятельность, поистине удивительную предусмотрительность, бдительность, разумную энергию и поразительную ловкость (доказательством тому служат показания на процессе). Он заявляет, что его тайная организация, единственная серьезная организация, существовавшая в России после 1825 г., невредима, что она пустила глубокие корни в народ, который горячо принимает ее программу, что она окружает офицеров, что революция неминуема и что она вспыхнет через несколько месяцев, весной 1870 г. Только для того, чтобы доставить себе удовольствие полюбоваться в зеркале и перед своими интернациональными лжебратьями «своим собственным драматически рисующимся лицом», Михаил Бакунин, заявляющий, что он «отрекся от собственной жизни, от собственной мысли и от собственной воли», что он стоит выше «пустословного, мишурного фанфаронства людей,

играющих в честь, в личное достоинство и право», — обращается к русским с этими выдумками, выступает с этим фанфаронством.

Тот самый человек, который в 1870 г. проповедует русским слепое, беспрекословное подчинение приказаниям, идущим свыше от анонимного и неведомого комитета; который заявляет, что иезуитская дисциплина есть условие, *sine qua non* победы, что только одна она может одержать верх над чудовищной централизацией «государства» — не только русского, но всякого «государства»; который провозглашает коммунизм более авторитарный, чем самый примитивный коммунизм, — этот самый человек в 1871 г. затевает внутри Интернационала раскольническое и дезорганизаторское движение под предлогом борьбы против авторитарности и централизма немецких коммунистов и создания автономных секций и свободной федерации автономных групп, под предлогом превращения Интернационала в то, чем он должен быть, — в прообраз будущего общества. Если бы будущее общество было создано по образцу русской секции Альянса, то оно далеко превзошло бы Парагвай достойных отцов иезуитов, столь дорогих сердцу Бакунина.

IX.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Предоставляя полную свободу движению и стремлениям рабочего класса в различных странах, Интернационал, вместе с тем, сумел сплотить рабочий класс в общий союз и впервые дал почувствовать правящим классам и их правительствам мировую мощь пролетариата. Правящие классы и их правительства признали этот факт тем, что сосредоточили все свои нападки на исполнительном органе всего нашего Товарищества — на Генеральном Совете. Со времени падения Коммуны эти нападки все более и более усиливались. Именно этот момент и выбрали альянсисты для того, чтобы со своей стороны объявить Генеральному Совету открытую войну! Они утверждали, что влияние Совета, это мощное оружие в руках Интернационала, являлось не чем иным, как оружием, направленным против самого Интернационала. Оно, мол, было завоевано не в борьбе с врагами пролетариата, а в борьбе с самим Интернационалом. По их словам, властолюбивые стремления Генерального Совета одержали верх над автономией секций и национальных федераций. Чтобы спасти автономию, не оставалось ничего другого, как обезглавить Интернационал.

И действительно, деятели Альянса знали, что если они не используют этого решающего момента, то сотне интернациональных братьев Бакунина придется навсегда распрощаться с мечтой о тайном руководстве пролетарским движением. Их грубые нападки встретили одобрительный отклик в полицейской прессе всех стран.

Громкие фразы об автономии и свободной федерации, словом, их призыв к войне против Генерального Совета был только маневром, маскирующим их истинную цель: дезорганизовать Интернационал и тем самым подчинить его тайному иерархическому и самодержавному правлению Альянса.

Автономия секций, свободная федерация автономных групп, анти-авторитаризм, анархия — вот фразы, которые очень к лицу обществу «деклассированных», «без перспектив на карьеру, не видящих выхода», конспирирующих внутри Интернационала с целью подчинить его тайной диктатуре и навязать ему программу М. Бакунина!

Лишенная своих мелодраматических лохмотьев, эта программа выглядит следующим образом:

1. Все мерзости, которыми неизбежно наполнена жизнь деклассированных выходцев из высших общественных слоев, провозглашаются сверхреволюционными добродетелями.

2. Возводится в принцип необходимость развратить незначительное, тщательно подобранное меньшинство рабочих, к которым подыгрываются, отрывая их от масс путем таинственного посвящения, заставляя их участвовать в интригах и мошеннических проделках тайного руководства и внушая им, что дать волю своим «дурным страстям» — это значит потрясти до основания старое общество.

3. Главный способ пропаганды состоит в том, чтобы привлекать молодежь фантастическими выдумками — измышлениями о размерах и могуществе тайного общества, пророчествами о неизбежности подготовленной им революции и пр. — и компрометировать в глазах правительств наиболее передовых людей из среды обеспеченных классов, чтобы затем эксплуатировать их в денежном отношении.

4. Экономическая и политическая борьба рабочих за свое освобождение заменяется *есеразрушительными* актами героев уголовного мира — этого последнего воплощения революции. Одним словом, предлагают выпустить босяков, которых сами рабочие устранили во время «революций по западному классическому образцу», и тем самым предоставить безвозмездно в распоряжение реакционеров хорошо вышколенную банду агентов-provокаторов.

Трудно сказать, что преобладает в теоретических вымученных трудах и в практических начинаниях Альянса — шутовство или подлость. И все же Альянсу удалось вызвать внутри Интернационала глухую борьбу, которая в течение двух лет затрудняла действия нашего Товарищества и завершилась отколом некоторой части секций и федераций. Поэтому решения, принятые Гаагским конгрессом против Альянса, были лишь выполнением его долга. Конгресс не мог допустить, чтобы Интернационал, это великое творение пролетариата, попал в сети, расставленные ему отбросами эксплуататорских классов. Что же касается тех, кто хочет лишить Генеральный Совет его полномочий и тем самым превратить Интернационал в бесформенную, расплывчатую и, выражаясь языком Альянса, «аморфную» массу, то мы не можем смотреть на них иначе, как на предателей или глупцов.

Лондон, 21 июля 1873 г.

Комиссия: Э. Дюпон, Ф. Энгельс, Лео Франкель, К. Ле Муссю, Карл Маркс, Ог. Серрайе.

Х.

ДОБАВЛЕНИЕ К ГЛАВЕ АЛЬЯНС В РОССИИ.

1. Геджра Бакунина¹.

В 1856 г. Бакунин был отправлен в Сибирь не на каторжные работы, как это можно было полагать, судя по его рассказам, а просто в ссылку. Губернатором [Восточной] Сибири был в то время граф Муравьев-Амурский, родственник Муравьева, палача Польши, и двоюродный брат Бакунина. Благодаря этому родству и услугам, которые он оказал правительству, Бакунин был там на особом положении и пользовался особыми милостями.

В то время в Сибири находился Петрашевский, глава и организатор заговора 1849 г. Бакунин относился к нему явно враждебно и всячески старался повредить ему; как родственнику царского наместника ему это было нетрудно. Преследованием Петрашевского Бакунин заслужил новые милости со стороны начальства. Одно темное дело, возбудившее много толков в Сибири и в России,

¹ Геджра — бегство Магомета из Мекки в Медину, с которого ведет начало мусульманское летосчисление. *Ред.*

положило конец этой борьбе между обоими ссыльными. Критика поведения одного из высших чиновников, игравшего в либерализм, вызвала в окружении генерал-губернатора бурю страстей, которая закончилась дуэлью и смертью одного из дуэлянтов. Все это дело было полно стольких личных интриг и мошеннических махинаций, что взволновало все население, обвинявшее высших чиновников в сознательном убийстве жертвы дуэли — молодого друга Петрашевского. Возбуждение было настолько велико, что правительство боялось народного бунта. Бакунин выступил в защиту высших чиновников, в том числе и Муравьева. Он использовал свое влияние для того, чтобы добиться высылки Петрашевского в еще более отдаленные места, и выступил в защиту его преследователей в длинном письме, написанном им в качестве очевидца и посланном Герцену. Напечатав его в «Колоколе», Герцен выбросил все содержавшиеся в нем нападки на Петрашевского, но ходившая по рукам рукописная копия этого письма, сделанная при пересылке его в Санкт-Петербург, ознакомила публику с оригинальным текстом.

Сибирские купцы, в общем более либеральные, чем их русские собратья, хотели основать в Сибири университет, чтобы освободиться от необходимости посылать своих сыновей в далекие учебные заведения России и создать культурный центр у себя в крае. Для этого требовалось разрешение императора. Муравьев под влиянием и по совету Бакунина высказался против этого проекта. Ненависть Бакунина к науке давнего происхождения. Факт этот широко известен в Сибири. Бакунин, которого русские много раз запрашивали по этому поводу, не отрицая этого факта, объяснял свое поведение тем, что, *подготавливая свой побег*, он стремился заслужить расположение своего кузена — губернатора.

Бакунин не только сам пользовался и злоупотреблял милостями начальства, но за небольшую мзду добивался этих милостей для капиталистов, подрядчиков и откупщиков. Захваченные у жертв Нечаева и опубликованные правительством в 1869—1870 гг. бакунинские прокламации содержали проскрипционные списки; в числе лиц, попавших в эти списки, находился и пресловутый Катков, главный редактор «Московских Ведомостей». В отместку Катков опубликовал в своей газете следующее разоблачение: у него-де есть письма Бакунина, посланные им из Лондона по возвращении из Сибири, в которых Бакунин просит Каткова на правах старого друга дать ему взаймы несколько тысяч рублей. Бакунин признается, что во время своего пребывания в Сибири он получал ежегодно известную сумму от одного водочного откупщика, который платил

ему, чтобы обеспечить себе при его содействии благоволение губернатора. Этот нечестный заработок (который он перестал получать после побега) угнетает его, и он хотел бы отослать откупщику забранные у него деньги; чтобы выполнить это доброе дело, он и просил субсидии у своего друга Каткова. Катков отказал.

Когда Бакунин обратился к своему старому другу Каткову с этой просьбой, последний уже давно заслужил себе шпоры на службе III отделения, посвятив свою газету доносам на русских революционеров, в особенности на Чернышевского, а также на польскую революцию. Таким образом, в 1862 г. Бакунин просил денег у человека, которого он знал как доносчика и литературного бандита, состоящего на содержании у русского правительства. Бакунин никогда не осмеливался опровергнуть это тяжкое обвинение.

Имея деньги, полученные вышеуказанным способом, и пользуясь высоким покровительством губернатора, Бакунину было очень легко совершить свой побег. Он не только получил паспорт на свое имя, чтобы разъезжать по Сибири, но получил также и официальное поручение совершить инспекторский объезд края до его восточных границ. Прибыв в порт Николаевск, он легко перебрался в Японию, откуда смог спокойно сесть на судно, отправлявшееся в Америку, и прибыть в Лондон в конце 1861 г. Так свершилась чудесная геджра этого нового Магомета.

2. Панславистский манифест Бакунина.

3 марта 1861 г. Александр II при громких рукоплесканиях всей либеральной Европы провозгласил отмену крепостного права. Усилия Чернышевского и революционной партии добиться сохранения общинного владения землей хотя и привели к результату, но в такой неудовлетворительной форме, что еще до опубликования манифеста об освобождении крестьян Чернышевский с печалью признавался: «если бы я знал, что поднятый мною вопрос получит такое разрешение, я предпочел бы потерпеть поражение, чем одержать подобную победу. Я предпочел бы, чтобы они поступили, как намеревались, совершенно не считаясь с нашими требованиями». И действительно, акт освобождения был не чем иным, как ловкой воровской проделкой. Значительная часть земли была отнята у ее действительных владельцев, и была провозглашена система выкупа земли крестьянами. Этот акт царского вероломства послужил для Чернышевского и его партии новым и неопровержимым аргументом против императорских реформ. Либералы же, став под знамя

Герцена, кричали во все горло: «Ты победил, галилеянин!». Галилеянин в их устах обозначало — Александр II. С этого момента либеральная партия, главным органом которой был герценовский «Колокол», не переставала восхвалять царя-освободителя, и, чтобы отвлечь общественное внимание от жалоб и протестов, которые вызывал этот антинародный акт, она призывала царя продолжить свое освободительное дело и начать крестовый поход для освобождения угнетенных славянских народов во имя панславизма.

Летом 1861 г. Чернышевский разоблачил в журнале «Современник» происки панславистов и рассказал славянским народам правду об истинном положении вещей в России и о корыстном мракобесии их мнимых друзей-панславистов. Вот тогда-то Бакунин, возвратившийся из Сибири, нашел, что пришло время выступить. Он написал первую часть длинного манифеста, напечатанного в виде приложения к «Колоколу» от 15 февраля 1862 г. под заглавием «Русским, польским и всем славянским друзьям». Вторая часть его так никогда и не появлялась.

Манифест начинается следующей декларацией: «Я сохранил отвагу всепобеждающей мысли и сердцем, волею, страстью остался верен друзьям, великому общему делу, себе... Теперь являюсь к вам, старые испытанные друзья, и вы, друзья молодые, живущие одною мыслью, одною волею с нами, и прошу вас: примите меня снова в вашу среду, и да будет мне позволено между вами и вместе с вами положить всю остальную жизнь мою на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян».

Если Бакунин обращается с такою смиренною просьбою к своим старым и молодым друзьям, то это потому, что «плохо быть деятелем на чужой стороне. Я это слишком хорошо испытал в революционных годах: ни во Франции, ни в Германии я не мог пустить корни. Итак, сохраняя всю горячую симпатию прежних лет к прогрессивному движению целого мира, — для того, чтобы не растратить по-пустому остаток моей жизни, я должен ограничить отныне свою прямую деятельность Россией, Польшей, славянами. Эти три отдельные мира в любви и в вере моей нераздельны».

В 1862 г., одиннадцать лет тому назад, в возрасте 51 года великий анархист Бакунин исповедывал культ государства и панславистский патриотизм. «Великорусский народ до сих пор жил, можно сказать, только внешней государственной жизнью. Как ни было тяжело его положение внутри, доведенный до крайнего разорения и рабства, он все-таки дорожил единством, силой, величием России и для них был готов на все жертвы. Таким способом образовался

в великорусском народе государственный смысл и патриотизм без фраз, а на деле. Таким образом, он один уцелел между славянскими племенами, один удержался в Европе и дал себя почувствовать всем как сила... Не бойтесь, чтоб он потерял свое законное обаяние и ту политическую силу, которая выработалась в нем трехвековым подвигом мученического самоотречения в пользу своей государственной целостности... Отошлем же татар своих в Азию, своих немцев в Германию, будем свободным, чисто русским народом»...

Чтобы придать больше веса этой панславистской пропаганде, заканчивающейся требованием крестового похода против татар и немцев, Бакунин отсылает читателя к императору Николаю:

«Говорят даже, что сам император Николай перед смертью, готовясь объявить войну Австрии, хотел позвать всех австрийских и турецких славян, мадьяр, итальянцев к общему восстанию. Он вызвал сам против себя восточную бурю и, чтобы защититься от нее, из императора-деспота хотел было превратиться в императора-революционера. Говорят, что воззвания к славянам были им уже подписаны, и между ними — воззвание к Польше. Как ни ненавидел он Польшу, он понял, что без нее славянское восстание невозможно... он победил себя до такой степени, что готов был признать независимое существование Польши, но... только по ту сторону Вислы».

Тот самый человек, который с 1868 г. разыгрывает из себя интернационалиста, в 1862 г. проповедывал расовую войну в интересах русского правительства. Панславизм является изобретением санкт-петербургского кабинета и преследует только одну цель — расширение европейских границ России на запад и на юг. Но так как не решаются заявить австрийским, прусским и турецким славянам, что они обречены на растворение в великой российской империи, то им изображают Россию как державу, которая освободит их от чужеземного ига и объединит их в великую свободную федерацию. Благодаря этому панславизм может принимать различные оттенки, от панславизма Николая до панславизма Бакунина; но все виды его преследуют одну и ту же цель и все по существу прекрасно согласуются между собой, как это показывает только что приведенная нами выдержка. Манифест, к которому мы сейчас перейдем, рассеет последние сомнения на этот счет.

3. Бакунин и царь.

Мы видели, что в связи с освобождением крепостных вспыхнула война между либеральной и революционной партиями в России. Вокруг Чернышевского, главы революционной партии, собралась

целая фаланга публицистов, многочисленная группа офицеров и учащаяся молодежь. Представителями либеральной партии были Герцен, несколько панславистов и значительное число мирных реформаторов и почитателей Александра II. Правительство оказывало свою поддержку либеральной партии. В марте 1861 г. русская студенческая молодежь решительно высказалась за освобождение Польши; осенью 1861 г. она пыталась оказать сопротивление повороту в политике правительства, направленному к тому, чтобы путем ряда дисциплинарных и фискальных мер лишить неимущих студентов (составлявших свыше двух третей общего числа) возможности получать высшее образование. Правительство объявило их протесты бунтом; в Петербурге, Москве и Казани сотни юношей были брошены в тюрьмы, изгнаны из университетов или исключены после трехмесячного заключения. Из страха, чтобы эта молодежь не усилила недовольства крестьян, постановлением Государственного Совета бывшим студентам было запрещено занимать какие-либо общественные должности в деревне. Но преследования этим не кончились. Выслали таких профессоров, как например Павлов; закрыли публичные курсы, организованные исключенными из университета студентами; предпринимают новые преследования под самыми пустыми предлогами; «Касса взаимопомощи учащейся молодежи», только что разрешенная, была внезапно закрыта; приостанавливают периодические издания. Все это довело до крайности негодование и возбуждение радикальной партии и заставило ее прибегнуть к подпольной печати. И тогда появился манифест этой партии, озаглавленный «Молодая Россия», с эпиграфом из Роберта Оуэна. Этот манифест содержал ясное и точное описание внутреннего положения страны, состояния различных партий, положения печати и, провозглашая коммунизм, делал вывод о необходимости социальной революции. Он призывал всех серьезных людей сплотиться вокруг радикального знамени.

Не успел появиться этот подпольно печатавшийся манифест, как по роковому совпадению (если к этому не приложила рук полиция) в Петербурге начались многочисленные пожары. Правительство и реакционная печать с радостью воспользовались этим случаем, чтобы обвинить молодежь и всю радикальную партию в поджогах. Тюрьмы были переполнены снова, и многочисленные жертвы вновь заполнили дороги, ведущие в места ссылки. Чернышевский был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, откуда после двух долгих лет мучительного заключения был отправлен в Сибирь, на каторжные работы.

Еще до этой катастрофы Герцен и Громека, который впоследствии содействовал усмирению Польши в качестве губернатора одной из польских губерний, яростно нападали, один в Лондоне, а другой в России, на радикальную партию и клеветали на Чернышевского, говоря, что он, пожалуй, кончит тем, что получит орден. Чернышевский в очень сдержанной статье призывал Герцена подумать о последствиях той новой роли, которую собирался играть «Колокол», заняв открыто враждебную позицию по отношению к русской революционной партии. Герцен торжественно заявил, что он готов произнести в присутствии тех, кого он называл международной демократией, т. е. Мадзини, Виктора Гюго, Ледрю-Роллена, Луи Блана и т. д., пресловутый тост за здравие великого царя-освободителя; и что бы ни говорили, прибавлял он, петербургские революционные *Даниилы*, наперекор им и их воплям, я знаю, что этот тост найдет благоприятный отклик в Зимнем дворце (резиденция царя). Революционными Даниилами он называл Чернышевского и его друзей.

Бакунин превзошел Герцена. Именно в тот момент, когда революционная партия была полностью разгромлена, когда Чернышевский сидел в тюрьме, Бакунин, достигший тогда 51-летнего возраста, выпустил свою знаменитую брошюру к земскому царю: «Народное Дело, Романов, Пугачев или Пестель, Михаил Бакунин, 1862 года».

«Многие еще рассуждают о том, будет ли в России революция или не будет. Она началась последовательно, она царит во всех, везде и во всем, действует руками правительства еще успешнее даже, чем усилиями своих приверженцев, и не успокоится, не остановится до тех пор, пока не переродит русского мира, пока не воздвигнет и не создаст нового, славянского мира.

«Династия явно губит себя. Она ищет спасения в прекращении, а не в поощрении проснувшейся народной жизни, которая, если бы была понята, могла бы поднять царский дом на неведомую доселе высоту могущества и славы... А жаль! Редко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благородная роль. Александр II мог бы так легко сделаться народным кумиром, первым русским земским царем¹, могучим не страхом и не гнусным насилием, но любовью, свободой, благоденствием своего народа. Опираясь на этот народ, он мог бы стать спасителем и главою всего славянского мира...

¹ Титул земского царя, которым наделяется Александр II, придуман Бакуниным и «Колоколом».

«Для этого нужно было только широкое, в благодушии и в правде, крепкое русское сердце. Вся русская да вся славянская живая деятельность просилась ему в руки, готовая служить пьедесталом для его исторического величия».

Затем Бакунин требует уничтожения государства Петра Великого, *немецкого* государства, и создания «новой России». Выполнение этого дела возлагается на Александра II. «Его начинания были великолепны. Он объявил свободу народу, свободу и новую жизнь после тысячелетнего рабства. Казалось, он хотел земской России, потому что в государстве петровском свободный народ немислим. 19 февраля 1861 г., несмотря на все промахи, недостатки, уродливые противоречия указа об освобождении крестьян, Александр II был самым великим, самым любимым, самым могучим царем, который когда-либо царствовал в России». — Однако «свобода противна всем инстинктам Александра II», потому что он немец, а немец никогда не поймет и не полюбит земской России... он думал только о том, как бы укрепить здание петровского государства. Задумав гибельное, невозможное, он губит себя и свой дом и готов ввергнуть Россию в кровавую революцию».

Все противоречия указа об освобождении крестьян, все расстрелы крестьян, студенческие беспорядки, одним словом, весь террор, «объясняются вполне», по мнению Бакунина, «отсутствием русского смысла и народолюбивого сердца в царе, безумным стремлением удержать во что бы то ни стало петровское государство... А он, и только он один, мог совершить в России величайшую и благодетельнейшую революцию, не пролив капли крови. Он может еще и теперь; если мы отчаиваемся в мирном исходе, так это не потому, чтоб было поздно, а потому что мы отчаялись, наконец, в способности Александра II понять единственный путь, на котором он может спасти себя и Россию. Остановить движение народа, пробудившегося после тысячелетнего сна, невозможно. Но если б царь стал твердо и смело во главе самого движения, тогда бы его могуществу на добро и на славу России не было бы меры». Для этого ему нужно было бы только дать землю крестьянам, волю и *самоуправление*. «Не бойтесь также, что через областное *самоуправление* разорвется связь провинций между собою, рушится единство русской земли. Ведь автономия провинций будет только административная, внутренне-законодательная, юридическая, а не политическая. И ни в одной стране, исключая, может быть, Франции, нет в народе такого смысла единства строя, государственной целостности и величия народного, как в России».

В то время в России требовали созыва Земского собора. Одни требовали его для разрешения финансовых затруднений, другие, — чтобы покончить с монархией. Бакунин хотел его для демонстрации единства России и для упрочения власти и величия царя. «Единство земли русской, находившее доселе свое выражение только в царе, требует теперь еще другого представительства: Всенародного земского собора... Не в том вопрос, будет ли или не будет революция, а в том, будет ли исход ее мирный или кровавый? Он будет мирный и благодатный, если царь, став во главе движения народного, вместе с Земским собором приступит широко и решительно к коренному преобразованию России в духе свободы. Ну, а если царь задумает идти вспять или остановится на полумерах, исход будет ужасный. Тогда революция примет характер беспощадной резни вследствие восстания всенародного... Александр II может еще спасти Россию от конечного разорения, от крови».

Итак, в 1862 г. революция для Бакунина означала конечное разорение России, и он умолял царя предохранить от нее страну. Для многих русских революционеров созыв Земского собора равносильно был низложению царской династии, но Бакунин кладет конец их чаяниям и объявляет им, что «Земский собор будет против них и за царя. Ну, а если Земский собор будет враждебен царю? — Да возможно ли это? Ведь посылать на него своих выборных будет народ, до сих пор еще безгранично в царя верующий, всего от него ожидающий. Откуда же взяться вражде?.. Нет сомнения в том, что если бы царь созвал теперь (в феврале 1862 г.) Земский собор, он впервые увидел бы себя окруженным людьми, действительно ему преданными. Продолжись безурядица еще несколько лет, расположение народа может перемениться. В наше время быстро живет. Но теперь народ за царя и против дворянства, и против чиновничества, и против всего, кто носит немецкое (т. е. европейское) платье. Для него все враги в этом лагере официальной России, *все — кроме царя*. Кто же станет говорить ему против царя? А если б кто и стал говорить, разве народ ему поверит? *Не царь ли освободил крестьян против воли дворян, против совокупного желания чиновничества?»*

«Русский народ через своих представителей в первый раз встретится лицом к лицу с *своим* царем. Минута решительная, минута в высшей степени критическая! Как понравятся они друг другу? От этой встречи будет зависеть вся будущность и царей и России. Доверию и преданности посланцев народных к царю не будет пределов, и, опираясь на них, встретив их с равною верою и любовью, царь мог бы поставить свой трон так высоко и так крепко,

как он еще никогда не стоял. Но что, если вместо царя-избавителя, царя земского, народные посланцы встретят в нем петербургского императора в прусском мундире, тесно-сердечного немца? Что, если вместо ожидаемой свободы, царь не даст ему ничего или почти ничего?.. Ну, тогда не сдобровать и царизму, по крайней мере императорству петербургскому, немецкому, гольштейн-готторпскому.

«Если бы в этот роковой момент, когда для целой России будет решаться вопрос о жизни и смерти, о мире и крови, царь земский предстал перед всенародный собор, *царь добрый, царь правдивый*, любящий Россию, готовый устроить народ по воле его, чего бы не мог он сделать с таким народом! Кто смел бы восстать против него? И мир, и вера восстановились бы, как чудом, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всех безобидно, для всех привольно. *Руководимый таким царем* Земский собор создал бы новую Россию. Никакой злой умысел и никакая враждебная сила не были бы в состоянии бороться против соединенного могущества царя и народа... Есть ли надежда, что такой союз состоится? Мы скажем прямо, что нет».

Что бы он там ни говорил, Бакунин все-таки не теряет надежды увлечь за собою своего царя, и, чтобы воздействовать на него, он пугает его революционной молодежью, которая, если царь будет медлить, сумеет выполнить свое дело и пробьет себе дорогу к народу. «И почему молодежь не за вас, а вся молодежь против вас? Ведь это для вас большое несчастье... ей прежде всего надо жизни, воли да правды. Но почему отстала она от царя, почему объявила себя против того, кто первый объявил свободу народу?.. Не увлекалась ли она *отвлеченными революционными идеалами и громким словом «республика»?* Отчасти, пожалуй, и так. Но это только весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимает, что *западные абстракции*, консервативные ли, либерально-буржуазные или даже демократические, *к нашему русскому движению неприменимы...* Русский народ движется не по отвлеченным принципам... он чужд западным идеалам, и все попытки доктринаризма консервативного, либерального, даже революционного подчинить его своему направлению будут напрасны... у него выработались свои идеалы... он в историю внесет новые начала и создаст цивилизацию иную; *и новую веру, и новое право, и новую жизнь.*

«Перед этим великим, серьезным и даже грозным лицом народа нельзя дурачиться. Молодежь оставит смешную и противную роль непростенных школьных учителей... Чему мы станем учить? Ведь

если оставим естественные и математические науки в стороне, последним словом всей нашей премудрости будет отрицание так называемых непреложных истин западного учения, полное отрицание Запада».

Затем Бакунин обрушивается на авторов «Молодой России», обвиняет их в доктринерстве, в желании выступить в качестве учителей народа, в компрометации дела; он называет их детьми, ничего не понимающими и почерпнувшими свои идеи из нескольких прочитанных ими иностранных книжек. Правительство, которое в тот момент заточало этих юношей в тюрьмы как поджигателей, бросало им точно такие же упреки. И чтобы успокоить своего царя, Бакунин заявляет, что народ не стоит за революционную партию... «Огромное большинство нашей молодежи принадлежит к партии народной, к той партии, которая поставила себе единой целью торжество народного дела. Эта партия не имеет предрассудков, ни за царя, ни против царя, и если бы сам царь, начавши великое дело, не изменил впоследствии народу, она бы никогда от царя не отстала. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за ним, лишь бы только он сам шел во главе народа; не остановили бы ее *никакие западно-революционные предрассудки*. А немцам пора в Германию. Если бы царь понял, что он отныне должен быть не главою насильственной централизации, а главою *свободной федерации вольных народов*, то, опираясь на плотную возрожденную силу, в союзе с Польшей и Украиною, разорвав все ненавистные союзы немецкие, подняв смело всеславянское знамя, он стал бы *избавителем славянского мира!*

«Да, в самом деле, итти войною на немцев хорошее, а главное, необходимое славянское дело, во всяком случае лучшее, чем поляков душить немцам в угоду. Подняться на освобождение славян из-под ига турецкого и немецкого будет потребностью, необходимостью и святою обязанностью освобожденного русского народа».

В той же брошюре он призывает революционную партию сплотиться под знаменем народного дела. Вот несколько пунктов программы этого народного дела по-царски:

«П. 1. Мы (Бакунин и К^о) хотим *самоуправления* народного — общинного, волостного, уездного, областного и, наконец, государственного, с царем или без царя, все равно и как захочет народ. — П. 2. ...Мы готовы и обязаны помогать Польше, Литве, Украине против всякого насилия и против всех внешних врагов, особливо же против немцев. — П. 4. Вместе с Польшей, с Литвой, с Украиной мы хотим подать руку помощи нашим братьям славянам, томящимся

ныне под гнетом Прусского королевства, Австрийской и Турецкой империй, обязываясь не вложить меча в ножны, пока хоть один славянин останется в немецком, в турецком или другом каком рабстве». — П. 6 предписывает союз с Италией, Венгрией, Румынией и Грецией; это — как раз те союзы, которых искало тогда русское правительство. — «П. 7. Мы будем стремиться вместе со всеми племенами славянскими к осуществлению заветной славянской мечты: к созданию великой и вольной федерации всеславянской, ... чтобы существовала единая и нераздельная общеславянская сила.

«Вот широкая программа дела славянского, вот необходимое последнее слово народно-русского дела. Этому-то делу мы посвятили всю жизнь свою.

«Теперь с кем, куда и за кем мы пойдем? Куда? — Мы сказали. С кем? Мы также сказали: разумеется, ни с кем другим, как с народом. Но за кем? За Романовым, за Пугачевым или, если новый Пестель найдется, за ним? ¹

«Скажем правду: *мы охотнее всего пошли бы за Романовым*, если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского. Мы потому охотно стали бы под его знаменем, что сам народ русский еще его признает и что сила его создана, готова на дело и могла бы сделаться непобедимой силой, если б он дал ей только крещение народное. Мы еще потому пошли бы за ним, что *он один* мог совершить и окончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови. Кровавые революции благодаря людской глупости становятся иногда необходимыми, но все-таки они — зло, великое зло и большое несчастье не только в отношении к жертвам своим, но и в отношении к чистоте и к полноте достижения той цели, для которой они совершаются. Мы видели это на революции французской.

«Итак отношение наше к Романову ясно. *Мы — не враги и не друзья его*, мы — друзья народно-русского, славянского, дела. Если царь во главе его, мы за ним. Но когда он пойдет против него, мы будем его врагами. Поэтому весь вопрос состоит в том: хочет ли он быть русским земским царем Романовым или Гольштейн-Готторпским императором петербургским? Хочет ли он служить России, славянам или немцам? Вопрос этот скоро решится, и тогда мы будем знать, что нам делать».

¹ Романов — фамилия царя; Пугачев был вождем громадного казачьего восстания при Екатерине II; Пестель был главою заговора 1825 г. против Николая I; он был повешен.

К несчастью, царь не счел нужным созвать Земский собор, куда Бакунин в этой брошюре уже выставлял свою кандидатуру. Его избирательный манифест и коленопреклонение перед Романовым оказались напрасными. Его наивная доверчивость была недостойно обманута, и у него не оставалось другого выхода, как броситься очертя голову во всеразрушительную анархию.

После этих стараний учителя, простирающегося ниц перед своим земским царем, его ученики и друзья, Альбер Ришар и Гаспар Блан, имели полное право кричать во все горло: Да здравствует крестьянский император Наполеон III!

**ЗАПИСИ РЕЧЕЙ
МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА
1870—1872 гг.**

[СООБЩЕНИЕ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ.]

Гражданин Энгельс описывает положение дел в Париже. Он говорит, что письма из Парижа, полученные в течение этой недели, о которых Серрайн уже упомянул, объясняют то, что ранее оставалось непонятым. Создавалось представление, будто несколько человек внезапно захватили некоторое число пушек и удерживали их. Вся пресса и все корреспонденты в один голос утверждали, что против этих людей должна быть употреблена сила, но французское правительство медлило, выжидая подходящего момента. Информация, полученная от нашего парижского комитета, говорит, что национальные гвардейцы уплатили за изготовление этих пушек и желали удержать их за собой. После выборов они поняли, что при том составе Собрания, который был избран, республика отнюдь не находится в безопасности. Затем пруссаки вступили в Париж, и пушки были перевезены в другую часть города, чтобы держать их вне досягаемости пруссаков. После этого правительство предъявило на них свои претензии и пыталось отнять их у Национальной гвардии. Главнокомандующим Национальной гвардии и префектом полиции был назначен Орель де Паладин¹. При Наполеоне он был шефом жандармерии и приверженцем духовенства. По приказанию Дюпанлу, епископа орлеанского, он отбывал в церкви пятчасовую эпитимию, в то время как его армия терпела поражение в сражении с немцами. Все это не оставляло никаких сомнений в намерениях правительства.

Тогда Национальная гвардия приготовилась к сопротивлению. 215 батальонов из 260, солдаты и офицеры совместно, организовали Центральный комитет. Каждая рота избрала одного делегата, из делегатов образовались местные комитеты округов, или кварталов, а эти последние избрали Центральный комитет.

Из 20 округов только 5 не выбрали делегатов. Когда Собрание удалилось в Версаль, правительство попыталось очистить Париж

¹ На следующем заседании, 28 марта 1871 г., Энгельс заявил, что в запись его речи от 24 марта вкралась ошибка: префектом полиции был назначен не Орель де Паладин, а Валантен. *Ред.*

от революционеров и отобрать у них пушки. Предполагалось использовать только что прибывшие в Париж войска под предводительством Винуа, под командой которого солдаты во время *государственного переворота* 1851 г. расстреливали народ на бульварах. Войска добились частичного успеха ранним утром, но когда Национальная гвардия обнаружила то, что произошло, она стала отнимать пушки обратно, а солдаты братались с народом. Город теперь находится в руках народа; войска, которые не перешли на сторону народа, были отозваны в Марсель, и Собрание не знает, что делать. Ни один из членов Центрального комитета не принадлежит к числу известностей — там нет Феликсов Пиа и тому подобных людей, — но они хорошо известны в среде рабочего класса. В комитете имеется 4 члена Интернационала.

Коммуна будет избрана в ближайший день. Объявлено, что должна быть соблюдена свобода печати, но не для гнилой бонапартистской прессы. Наиболее важная из принятых резолюций гласит, что предварительные условия мира должны быть соблюдены. Пруссаки все еще находятся вблизи, и, если их удастся удержать в стороне от борьбы, шансы на успех увеличатся.

Речь была произнесена Ф. Энгельсом на заседании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих 21 марта 1871 г.

Печатается по протокольной книге Генерального Совета. Перевод с английского.

[РЕЧЬ К. МАРКСА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ.]

Гражданин Маркс объяснил, что он был болен и не смог закончить воззвание¹, которое он обещал подготовить, но он надеется, что оно будет готово к ближайшему вторнику. Переходя к вопросу о борьбе в Париже, он сказал: «Он опасается, что конец близок, но если Коммуна будет разбита, борьба будет только отсрочена. Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения. Парижскую коммуну подавляют с помощью пруссаков, которые действуют в качестве жандармов Тьера. О заговоре с целью ее уничтожения договорились между собой Бисмарк, Тьер и Фавр; Бисмарк во Франкфурте утверждал, что Тьер и Фавр просили его об этом. Результаты показали, что, для того чтобы им помочь, он был готов сделать все, что только мог, без большого риска для немецких солдат, — не потому, что для него была бы дорога их жизнь, поскольку он за нее ничего не получал, — но потому, что ему было желательно такое ослабление Франции, для того чтобы он смог лихоимничать еще больше. Тьеру он позволил иметь солдат больше, чем это было обусловлено в соглашении, но Парижу продовольствия он разрешал только в ограниченном количестве. Все это было лишь повторением старой истории. Высшие классы всегда объединялись для того, чтобы поработать рабочий класс. В XI столетии была война между французскими и нормандскими рыцарями, и крестьяне подняли восстание. Рыцари немедленно же забыли свои раздоры и объединились, чтобы раздавить крестьянское движение. Чтобы показать, как пруссаки выполняли полицейскую работу, можно упомянуть, что в Руане, занятом пруссаками, 500 человек было арестовано под тем предлогом, что они принадлежат к Интернационалу. Интернационал внушает страх. Во французском Национальном собрании граф Жюбер — иссохшая мумия, министр 1834 г., человек, известный защитой мероприятий, направлен-

¹ Имеется в виду «Гражданская война во Франции в 1871 г.». *Ред.*

ных против прессы, — произнес речь, в которой он говорил, что после восстановления порядка первой обязанностью правительства должно быть расследование деятельности Интернационала и сокрушение его...»

Речь произнесена К. Марксом на заседании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих 23 мая 1871 г.

Печатается по протокольной записи Генерального Совета.

Перевод с английского.

**[РЕЧЬ МАРКСА НА ЗАСЕДАНИИ ЛОНДОНСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ 20 СЕНТЯБРЯ 1871 г. О ТРЭД-ЮНИОНАХ.]**

Маркс говорит, что трэд-юнионы представляют собой аристократическое меньшинство. Низкооплачиваемые рабочие (les ouvriers, рауврес) не могут в них состоять; огромная масса рабочих, которых экономическое развитие ежедневно гонит из деревень в города, долгое время остается вне трэд-юнионов, а самая обездоленная масса не состоит в них вовсе. То же относится к рабочим, родившимся [и проживающим] в восточных кварталах Лондона, среди которых один из десяти входит в трэд-юнионы. Крестьяне, поденные рабочие никогда не входят в эти общества.

Трэд-юнионы сами по себе бессильны; они останутся меньшинством. Они не имеют никакой власти над массой пролетариев, тогда как Интернационал оказывает на этих людей непосредственное воздействие. Он не нуждается в организации трэд-юнионов для вовлечения рабочих; интернациональная идея их увлекает сразу. Интернационал — единственное общество, внушающее рабочим полное доверие.

*Печатается по протокольной записи
Мартена.*

*Опубликовано в материалах «Лондон-
ская конференция, 1871», стр. 49—50.*

Партиздат, 1936.

Перевод с французского.

[ПЛАН РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА
НА ЗАСЕДАНИИ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
21 СЕНТЯБРЯ 1871 г.]

1) *Лоренцо*: вопрос принципа — разрешен.

2) Воздержание от политики невозможно. Газетная политика — тоже политика; все газеты сторонников воздержания нападают на правительство. Вопрос лишь в том, *как* и в какой мере вмешиваться в политику. Это — в зависимости от обстоятельств, а не по предписанию.

2) Воздержание — бессмыслица; воздерживаться — потому что могут быть избраны негодные люди: стало быть, не платить членских взносов, потому что кассир может удрать. Стало быть, не издавать газет, потому что редактор может оказаться продажным, как и депутат.

3) Политическая свобода — главным образом, свобода союзов, собраний и печати — наши агитационные средства; разве это безразлично, отнимут их у нас или нет? Разве мы не должны сопротивляться, если на эти средства посягают?

4) Проповедуют воздержание, ибо противное равносильно признанию существующего положения вещей. Существующее существует и нисколько не тревожится о том, признаем мы его или нет. Но если те средства, которые нам дает существующее, мы используем для борьбы против него, то разве это — признание? ¹

3) Воздержание невозможно. Рабочая партия, как политическая партия, *существует* и хочет политически действовать; проповедывать ей воздержание — значит разрушать Интернационал. Простой учет обстановки, политический гнет *вынуждают* рабочих в социальных целях заниматься политикой. Проповедники воздержания толкают их в объятия буржуазных политиканов. После Коммуны,

¹ Пункты 2, 3, 4, отчеркнутые фигурной скобкой, написаны Энгельсом справа от основных пунктов и представляют собой вставку в первоначальный текст. *Ред.*

поставившей в порядок дня политическое действие рабочих, воздержание невозможно.

4) Мы хотим уничтожения классов. Единственное средство — политическая власть (Gewalt) пролетариата; можем ли мы не заниматься политикой? Все сторонники воздержания именуют себя революционерами. Революция — высший акт политики, и тот, кто к ней стремится, должен признавать и те средства, которые подготавливают революцию, которые воспитывают рабочих для революции, и добиваться того, чтобы они на другой день после революции не были снова одурачены Фаврами и Пиа. Дело только в том, *какую* проводить политику — *исключительно пролетарскую*, а не в хвосте у буржуазии.

Публикуется по фотокопии рукописи Энгельса, хранящейся в Архиве ИМЭЛ.

**[РЕЧЬ Ф. ЭНГЕЛЬСА НА ЗАСЕДАНИИ ЛОНДОНСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ 21 СЕНТЯБРЯ 1871 г. О ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА.]**

Абсолютное воздержание в период политической реакции невозможно; все газеты сторонников воздержания тоже занимаются политикой. Спор идет только о том, как и какую политику проводить. Для нас к тому же воздержание невозможно. Рабочая партия в большинстве стран уже существует как политическая партия, и не нам ее разрушать, проповедуя воздержание от политики. Современный опыт, политический гнет, которому подвергаются рабочие со стороны существующих правительств, заставляют рабочих в целях политических или социальных волей-неволей заниматься политикой. Проповедывать им воздержание от политики означало бы толкать их в объятия буржуазной политики. Воздержание от политики совершенно невозможно, особенно после Парижской коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие пролетариата.

Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата. И вот, когда это стало яснее ясного, от нас требуют невмешательства в политику! Все проповедники воздержания от политики именуют себя революционерами, и даже революционерами по преимуществу (*par excellence*). Но революция есть высший акт политики; тот, кто это признает, должен стремиться к таким средствам, к таким политическим действиям, которые готовят революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены Фаврами и Пиа. Политика же, которую следует вести, это — рабочая политика; надо, чтобы рабочая партия конституировалась не как хвост той или иной буржуазной партии, а как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика.

Политические свободы, право собраний и союзов, свобода печати — вот наше оружие; должны ли мы скрестить руки и воздерживаться от политики, если это оружие хотят у нас отнять? Гово-

рят, что всякое политическое действие равносильно признанию существующего положения вещей. Но раз это положение вещей дает в наши руки средства для борьбы против него, то использование этих средств не означает признания существующего положения.

*Дается по тексту собственноручной
записи Ф. Энгельса, приложенной
к протоколу.*

Перевод с французского.

**[РЕЧЬ К. МАРКСА НА ЗАСЕДАНИИ ЛОНДОНСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ 21 СЕНТЯБРЯ 1871 г. О ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА.]**

Маркс говорил, что вчера он уже высказывался за предложение Вайяна и, следовательно, не станет касаться этого вопроса. Он заявляет в ответ Бастелика, что с самого начала конференции было решено, что это исключительно вопрос организации, а не вопрос принципа. Что касается ссылок на регламент, то он напоминает о том, что устав и Учредительный манифест следует читать как одно целое; он снова их оглашает.

Он излагает историю вопроса о воздержании от политики. Он говорит, что не следует заблуждаться на этот счет. Люди, создавшие эту теорию, были добросовестными утопистами, но те, которые сейчас становятся снова на этот путь, уже не являются таковыми; после опыта жестокой борьбы они отказываются от политики и, таким образом, толкают народ в ряды формальной, буржуазной оппозиции (*dans l'opposition formaliste et bourgeoise*), против которой мы обязаны бороться одновременно с борьбой против правительств. Мы должны разоблачить Гамбетту для того, чтобы народ не оказался еще раз обманутым. Он разделяет мнение Вайяна. В ответ на преследования, которым подвергается Интернационал, нам необходимо бросить вызов всем правительствам. Реакция существует на всем континенте; она всеобща и непрерывна — даже в Соединенных Штатах и в Англии, лишь в иной форме.

Мы должны заявить правительствам: мы знаем, что вы сила, вооруженная против пролетариев; мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием — когда это станет необходимым.

Он считает, что следует кое-что изменить в редакции предложения Вайяна, и поэтому присоединяется к предложению Утина.

Печатается по тексту протокола, обработанного Мартеном. Опубликовано в материалах «Лондонская конференция, 1871». Партиздат, 1936.

Перевод с французского.

**[РЕЧЬ К. МАРКСА НА ЗАСЕДАНИИ ЛОНДОНСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ 22 СЕНТЯБРЯ 1871 г. О ПОЛОЖЕНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИШЕСТВА РАБОЧИХ
В ГЕРМАНИИ И ИРЛАНДИИ.]**

Вы знаете, что в Германии Интернационал не может существовать под своим настоящим именем, так как местным обществам запрещено законом примыкать к какому бы то ни было иностранному обществу. Тем не менее Товарищество в этой стране существует и добилось огромного развития под названием социал-демократической партии, давно вступившей в состав Товарищества. На Дрезденском съезде (на котором был принят ими наш устав) вступление было вторично торжественно подтверждено. В отношении этой страны незачем, следовательно, предлагать ту или иную меру или декларацию, аналогичную тем, которые были приняты в отношении таких стран, в которых Товарищество подвергается преследованиям.

Маркс говорит, что если он плохо отзывался о немецких студентах, то он не может ничего сказать против рабочих. Во время последней войны, в связи с которой разгорелась борьба классов, поведение германских рабочих было выше всякой похвалы; к тому же социал-демократическая партия прекрасно поняла, что эта война была предпринята Бонапартом и Вильгельмом еще более с целью подавления современных идей, чем в завоевательных целях¹. Брауншвейгский комитет был в полном составе арестован и отправлен в крепость на русской границе; большая часть его членов до сих пор сидит в тюрьме по обвинению в государственной измене. Представители германского рабочего класса, Бебель и Либкнехт, не побоялись перед лицом рейхстага заявить о том, что они являются членами Международного Товарищества и что они протестуют против войны и отказываются голосовать за какие бы то ни было военные кредиты. Правительство не посмело арестовать их во время заседания; лишь при выходе оба были схвачены полицией и отправлены в тюрьму.

¹ В черновике Роша: «Рабочие с самого начала войны видели, что она направлена против социалистической партии». *Ред.*

Во время существования Коммуны германские рабочие на собраниях и в своих газетах непрестанно заявляли о своей солидарности с парижскими революционерами. Когда же Коммуна пала, они в Бреславле созвали собрание, которому прусская полиция тщетно пыталась помешать. На этом собрании, как и на других, происходивших в Вене и в различных других городах Германии, они приветствовали Парижскую коммуну. Наконец, во время триумфального вступления в Берлин императора Вильгельма и его армии народ встретил победителей криками: «Да здравствует Коммуна!»

Маркс отмечает, что, говоря об Англии, он забыл сообщить следующее: Вам неизвестно, что между английскими и ирландскими рабочими издавна существовал сильнейший антагонизм, причины которого впрочем указать нетрудно. Источником антагонизма были различия языка и религии, а также конкуренция со стороны ирландских рабочих в области заработной платы. В Англии этот антагонизм служит помехой для революции и ловко используется правительством и правящими классами, которые убеждены, что английских рабочих никакими узами невозможно связать с ирландскими. Действительно, на политической почве объединение было невозможно; не так, однако, обстоит дело на почве экономической; с той и с другой стороны создаются секции Интернационала, которые должны будут в качестве таковых идти совместно к единой цели. Ирландские секции будут вскоре весьма многочисленны.

Перевод дан по тексту протокола, написанного Роша на французском языке. Опубликовано в материалах «Лондонская конференция, 1871».
Партиздат, 1936.

[РЕЧЬ К. МАРКСА НА ЗАСЕДАНИИ ЛОНДОНСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ 22 СЕНТЯБРЯ 1871 г. О ТАЙНЫХ
ОБЩЕСТВАХ.]

Маркс оглашает следующее предложение [Генерального Совета¹]: «В странах, в которых регулярная организация Международного Товарищества вследствие препятствий со стороны правительств в настоящий момент стала неосуществимой, Товарищество и его местные группы могут быть реорганизованы под различными названиями. Однако категорически воспрещаются какие бы то ни было тайные общества в собственном смысле слова».

Одно дело — тайная организация, а другое дело — тайные общества в собственном смысле слова, против которых следует, наоборот, вести борьбу. Во Франции и в Италии, где политическое положение таково, что право собраний является преступлением, тенденции к увлечению тайными обществами, результат которых всегда отрицателен, будут весьма сильны; этот род организации, однако, противоречит развитию пролетарского движения; [в них проникают шпионы] вместо того, чтобы воспитывать рабочих, эти общества подчиняют их принудительным и мистическим правилам, которые стесняют их независимость и направляют их сознание на ложный путь. [Тайные общества дезорганизуют Интернационал; они пригодны для карбонариев; они не отвечают потребностям пролетарского движения. Необходимо заниматься воспитанием рабочих; надо воспитывать их в духе свободы и независимости. В этих обществах много мистики и произвола; они представляют собою опасность для Товарищества.]

Перевод дается с текста протокольной записи, обработанной Роша; вставки, данные в квадратных скобках, взяты из черновых протокольных записей. Перевод с французского. Опубликовано в материалах «Лондонская конференция 1871». Партиздат, 1936.

¹ В начале речи К. Маркс сказал, что так как первая часть этого предложения уже принята (о политическом действии рабочего класса), то он будет говорить лишь о второй части — о тайных обществах. *Ред.*

**[РЕЧЬ К. МАРКСА НА ПРАЗДНОВАНИИ 7-ЛЕТИЯ
I ИНТЕРНАЦИОНАЛА.]**

Об Интернационале он [Маркс] сказал, что огромный успех, которым до сих пор завершались его усилия, объясняется обстоятельствами, над которыми сами члены Интернационала не властны. Само основание Интернационала является результатом этих обстоятельств, а отнюдь не порождено усилиями его участников. Оно не явилось делом нескольких одаренных политических деятелей; никакие политические деятели в мире не смогли бы создать той обстановки и тех обстоятельств, которые необходимы для успехов Интернационала. Интернационал не выдвинул никакого особого символа веры. Его задача — организовать силы труда, объединить и сочетать различного рода проявления рабочего движения. Обстоятельства, вызвавшие такое сильное развитие Интернационала, обусловлены тем угнетением, которому все более и более подвергался трудящийся народ во всем мире, и в этом тайна его успеха. События последних нескольких недель показали со всей несомненностью, что рабочий класс должен бороться за свое освобождение. Преследования Интернационала правительствами напоминают преследования первых христиан в древнем Риме. Вначале их также было немного, но римские патриции инстинктивно чувствовали, что римская империя погибнет, если христиане будут иметь успех. Преследования в Риме не спасли империи, и нынешние преследования Интернационала не спасут существующего положения вещей.

Новым в Интернационале является то, что он был основан самими рабочими и для рабочих. До создания Интернационала все различные организации рабочего класса были обществами, основанными для него радикальными элементами из среды господствующих классов. Интернационал же был организован рабочими для самих себя. Чартистское движение в Англии началось с согласия и при помощи буржуазных радикалов, хотя, если бы оно было успешным, то это могло бы быть только на пользу рабочего класса. Англия — единственная страна, где рабочий класс достаточно развит и организован для того, чтобы использовать всеобщее

избирательное право в своих собственных интересах. Затем он [Маркс] указал на февральскую революцию, как на движение, которое поддерживала часть буржуазии против правящей партии. Февральская революция дала рабочему классу одни лишь обещания и поставила на место одной группы правящего класса другую. Июньское восстание было восстанием против всего правящего класса в целом, включая и его наиболее радикальную часть. Рабочие, которые в 1848 г. поставили у власти новых людей, инстинктивно чувствовали, что они лишь заменили одну группу угнетателей другой и что их предали.

Последним и величайшим из всех когда-либо происходивших движений была Коммуна. Коммуна была — и об этом не может быть двух мнений — завоеванием политической власти рабочим классом. Многое в отношении Коммуны было неправильно понято. Коммуна не смогла утвердить основу новой формы классовой власти. Разрушив существующие условия угнетения передачей всех средств труда производящему рабочему и заставив, таким образом, каждого физически пригодного индивидуума работать, чтобы обеспечить себе существование, мы устраним основную базу классового господства и угнетения. Но прежде чем может быть осуществлено такого рода изменение, необходима диктатура пролетариата, а первым условием ее будет пролетарская армия. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и сплотить силы рабочего класса для предстоящей борьбы.

Напечатано в «The World» от 15 октября 1871 г.

[РЕЧЬ К. МАРКСА НА МИТИНГЕ В АМСТЕРДАМЕ ПОСЛЕ
ОКОНЧАНИЯ РАБОТ ГААГСКОГО КОНГРЕССА.]

В XVIII веке короли и сильные мира сего имели обыкновение собираться в Гааге для обсуждения интересов своих династий.

Именно там, вопреки всем запугиваниям, мы решили созвать конгресс труда. Именно там, в среде самого реакционного населения, мы захотели подтвердить и жизнеспособность и надежды на будущее нашего великого Товарищества.

Когда наше решение сделалось известным, то заговорили об эмиссарах, которых мы якобы отправили для зондирования почвы. Да, мы не отрицаем, что везде и всюду мы имеем эмиссаров, но в большинстве случаев мы их не знаем. Нашими эмиссарами в Гааге были рабочие, труд которых в Гааге так же тяжел, как и труд наших эмиссаров в Амстердаме; и там и здесь они являются теми рабочими, которые ежедневно трудятся по 16 часов. Вот это и есть наши эмиссары, других мы не имеем; и во всех других странах, где бы мы ни появились, они всегда готовы дружески нас встретить, так как они довольно быстро понимают, что мы стремимся улучшить их положение.

Гаагский конгресс успешно выполнил три важных дела.

Он провозгласил необходимость для рабочего класса в области политической вести такую же борьбу со старым, разрушающимся обществом, как и в области социальной; и мы можем поздравить себя с тем, что эта резолюция Лондонской конференции отныне включена в наш устав. Некая группа, сформировавшись в нашей среде, провозгласила воздержание рабочих от политики.

Мы сочли своим долгом заявить, насколько опасными и роковыми признаем мы эти принципы для нашего дела.

Рабочий неизбежно должен будет в один прекрасный день взять в свои руки политическую власть (*la suprématie politique*), для того чтобы отвергнуть старую, охраняющую устаревшие институты, политику, если он не хочет, подобно первым христианам, пренебрежительно относившимся к такой задаче, отказаться от своего царствия на этом свете.

Но мы никогда не утверждали, что к этой цели ведут непременно одинаковые средства.

Мы знаем, что приходится считаться с учреждениями, нравами и традициями отдельных стран; и мы не отрицаем, что существуют страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть я прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно сила и является тем, к чему в определенный момент мы должны будем прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда.

Гаагский конгресс установил новые и еще более широкие полномочия для Генерального Совета. В тот момент, когда в Берлине собираются правители, где это собрание высокопоставленных представителей феодализма и прошлой эпохи должно найти против нас новые и более острые репрессивные мероприятия; в тот момент, когда организуются преследования, Гаагский конгресс счел благоразумным и необходимым усилить полномочия своего Генерального Совета и создать твердую основу для объединенных действий, без чего в предстоящей борьбе Генеральный Совет оказался бы бессильным. Да и кому, кроме наших врагов, могут не понравиться полномочия Генерального Совета? Разве у него есть бюрократический аппарат или вооруженная полиция, для того чтобы заставить повиноваться себе? Разве его авторитет не является чисто моральным? И разве он не сообщает федерациям свои постановления, выполнение которых на них же и возложено? При таких условиях, без армии, без полиции, без чиновников, даже короли — в тот день, когда они низвели бы свою власть только к моральному влиянию и моральному авторитету, — оказались бы очень слабым препятствием для хода революции.

И, наконец, Гаагский конгресс перенес местопребывание Генерального Совета в Нью-Йорк. Многие, даже из числа наших друзей, были, повидимому, удивлены таким решением. Они, очевидно, забывают, что Америка становится миром рабочих по преимуществу, что ежегодно на этот второй континент переселяется полмиллиона человек рабочих и что на этой почве, на которой рабочий преобладает, Интернационал непременно должен пустить прочные корни. Вдобавок постановление Конгресса дает Генеральному Совету право кооптировать в свой состав тех членов, которых он признает нужными и полезными для общего дела. Положимся же на его благоразумие и будем надеяться, что он сумеет выделить людей, стоящих

на высоте своих задач, которые смогут высоко держать знамя нашего Товарищества в Европе.

Граждане! Вспомним об основном принципе Интернационала: о солидарности. Мы добьемся великой цели, к которой стремимся, если мы прочно укрепим среди рабочих всех стран этот животворный принцип. Революция должна быть солидарной, и этому учит нас великий опыт Парижской коммуны, которая пала потому, что во всех главных центрах, в Берлине, Мадриде и пр., одновременно не вспыхнуло великое революционное движение, связанное с этим мощным восстанием парижского пролетариата.

Что касается меня, то я буду продолжать свое дело и неустанно работать над созданием этой, столь плодотворной для будущего, солидарности рабочих. Нет, я не уйду из Интернационала, и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые, как мы в этом глубоко убеждены, рано или поздно приведут к господству пролетариата во всем мире.

Перевод дается по тексту брюссельской «La Liberté», напечатанному 15 сентября 1872 г.

**РЕЗОЛЮЦИИ
ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1871 г.**

**ОБЩИЙ УСТАВ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.**

**РЕЗОЛЮЦИИ
ГААГСКОГО КОНГРЕССА 1872 г.**

РЕЗОЛЮЦИИ
КОНФЕРЕНЦИИ ДЕЛЕГАТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В ЛОНДОНЕ
С 17 ПО 23 СЕНТЯБРЯ 1871 г.

I.

О СОСТАВЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА.

Конференция предлагает Генеральному Совету ограничить количество кооптируемых членов и избегать того, чтобы эта кооптация производилась преимущественно из числа граждан одной национальности.

II.

О НАИМЕНОВАНИЯХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОВЕТОВ И Т. Д.¹

1. В соответствии с постановлением Базельского конгресса (1869) центральные советы различных стран, в которых существует регулярная организация Интернационала, впредь именуются *Федеральными советами* или *Федеральными комитетами* с прибавлением названий соответствующих стран; название *Генеральный Совет* сохраняется за центральным советом Международного Товарищества Рабочих.

2. Все местные отделения, секции, группы и их комитеты впредь именуются и конституируются исключительно как отделения, секции, группы и комитеты *Международного Товарищества Рабочих* с прибавлением названий соответствующих местностей.

3. Ввиду этого всем отделениям, секциям и группам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как, например, позитивисты, мютюэлисты, коллективисты, коммунисты и т. д., или создавать сепаратистские общества под названием *«секций»*

¹ В немецком издании: «О наименованиях национальных советов, местных отделений, секций, групп и соответствующих комитетов». Во французском издании: «О наименованиях национальных или региональных советов, местных отделений, секций, групп и соответствующих комитетов». *Ред.*

пропаганды и т. д., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества.

4. Постановления 1-е и 2-е не распространяются, однако, на присоединившиеся к Интернационалу *трэд-юнионы*.

III.

О ДЕЛЕГАТАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА.

Все делегаты, назначаемые Генеральным Советом для особых поручений, вправе присутствовать и принимать участие в обсуждении вопросов на всех заседаниях федеральных советов или комитетов, областных и местных комитетов и местных секций, но без права решающего голоса.

IV.

О ВЗНОСАХ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ В РАЗМЕРЕ 1 ПЕННИ С КАЖДОГО ЧЛЕНА.

1. Генеральному Совету надлежит отпечатать марки стоимостью в 1 пенни и ежегодно снабжать ими в требуемом количестве федеральные советы или комитеты.

2. Федеральные советы или комитеты посылают местным комитетам или, если таковых нет, соответствующим секциям количество марок согласно числу их членов.

3. Эти марки наклеиваются на специальный листок в членскую книжку или в устав, который¹ обязан иметь каждый член Товарищества.

4. Ежегодно к 1 марта федеральные советы или комитеты различных стран посылают Генеральному Совету сумму, соответствующую стоимости использованных марок, и возвращают обратно оставшиеся у них марки.

5. Эти марки с обозначением размера индивидуальных взносов помечаются датой текущего года.

V.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ СЕКЦИИ ЖЕНЩИН-РАБОТНИЦ.

Конференция рекомендует создавать женские секции среди рабочего класса. Однако, само собой разумеется, что это решение отнюдь не должно препятствовать существованию старых и образованию новых секций, состоящих из рабочих обоего пола.

¹ В немецком издании: «Эти марки наклеиваются в уставе, экземпляр которого» и т. д. *Ред.*

VI.

О ВСЕОБЩЕЙ СТАТИСТИКЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

1. Конференция предлагает Генеральному Совету ввести в действие статью 5 основных положений о всеобщей статистике рабочего класса, а также постановления Женевского конгресса 1866 г. по данному вопросу.

2. Каждая местная секция должна назначить специальный статистический комитет, который был бы всегда готов в меру своих средств ответить на вопросы, с которыми к нему могут обратиться федеральный совет или комитет его страны или Генеральный Совет. Всем секциям предлагается оплачивать секретарей статистических комитетов, принимая во внимание общую пользу, которую из их деятельности извлечет рабочий класс.

3. Ежегодно к 1 августа федеральные советы или комитеты отсылают собранный ими в их странах материал Генеральному Совету, который, в свою очередь, составляет на основании этих материалов общий отчет для представления конгрессам или конференциям, происходящим ежегодно в сентябре.

4. О трэд-юнионах и секциях Интернационала, которые откажутся давать требуемые сведения, следует сообщать Генеральному Совету, который вслед за тем будет принимать соответствующие меры.

VII.

О МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Генеральному Совету предлагается попрежнему содействовать растущему стремлению профессиональных союзов каждой отдельной страны к установлению связи с соответствующими профессиональными союзами всех других стран. Успешность его деятельности в качестве международного посредника между профессиональными союзами различных стран будет существенным образом зависеть от той помощи, которую сами общества окажут предпринятой Интернационалом всеобщей статистике труда.

Советам профессиональных союзов всех стран предлагается сообщать Генеральному Совету свои адреса.

VIII.

О ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАХ.

1. Конференция предлагает Генеральному Совету, а также федеральным советам или комитетам подготовить к очередному конгрессу доклады по вопросу о средствах, необходимых для того, чтобы

обеспечить присоединение земледельцев к движению индустриального пролетариата.

2. В то же время федеральным советам или комитетам предлагается посылать агитаторов в сельские районы для организации публичных собраний, для пропаганды принципов Интернационала и для основания сельских секций.

IX.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Принимая во внимание,

что во введении к уставу сказано: «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено *как средство*»;

что Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих (1864) гласит: «Магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь выдвигать всевозможные препятствия на его пути... Завоевание политической власти стало поэтому великою обязанностью пролетариата»;

что на Лозаннском конгрессе (1867) была принята следующая резолюция: «Социальное освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением»;

что в воззвании Генерального Совета по поводу мнимого заговора французских членов Интернационала накануне плебисцита (1870) сказано: «Согласно содержанию нашего устава, специальная задача наших секций в Англии, на континенте и в Америке заключается, несомненно, не только в том, чтобы служить центрами боевой организации рабочего класса, но и в том, чтобы поддерживать в соответствующих странах всякое политическое движение, способствующее осуществлению нашей конечной цели — экономического освобождения рабочего класса»;

что искаженные переводы подлинного устава дали повод к ложным толкованиям, которые нанесли вред развитию и деятельности Международного Товарищества Рабочих;

перед лицом необузданной реакции, жестоко подавляющей всякую попытку к освобождению со стороны рабочих и стремящейся путем насилия сохранить классовые различия и вытекающее из них политическое господство имущих классов;

принимая во внимание:

что против объединенной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами;

что эта организация пролетариата в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и ее конечную цель — уничтожение классов;

что объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить ему рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров, —

конференция напоминает членам *Интернационала*, что экономическое движение и политическое действие рабочего класса¹ неразрывно связаны между собой.

X.

ОБЩЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СТРАН, В КОТОРЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРЕПЯТСТВУЮТ РЕГУЛЯРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

В странах, в которых регулярная организация Интернационала вследствие препятствий со стороны правительств в настоящий момент неосуществима, Товарищество и его местные группы могут быть реорганизованы под различными другими названиями; категорически запрещаются, однако, как в настоящий момент, так и впредь, какие бы то ни было тайные общества в собственном смысле слова.

XI.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ФРАНЦИИ.

1. Конференция выражает твердое убеждение в том, что все преследования лишь удвоят энергию сторонников Интернационала и что организация секций будет продолжаться если и не путем создания крупных центров, то, по крайней мере, по мастерским и по группам мастерских, которые установят между собой связь через своих делегатов.

¹ В английском издании: «in the militant state of the working class». Во французском издании: «dans l'état militant de la classe ouvrière». В немецком издании: «in dem streitenden Stand der Arbeiterklasse». *Ред.*

2. Исходя из этого, конференция предлагает всем секциям неустанно продолжать во Франции пропаганду наших принципов и ввозить в свою страну возможно большее количество экземпляров всех изданий и устава Интернационала.

XII.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО АНГЛИИ.

Конференция предлагает Генеральному Совету призвать английские секции в Лондоне к образованию Федерального комитета для Лондона, который, после того как его признают провинциальные секции и присоединившиеся организации ¹, будет утвержден Генеральным Советом в качестве *Федерального совета для Англии*.

XIII.

ОСОБЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ.

1. Конференция одобряет пополнение состава Генерального Совета эмигрантами Парижской коммуны.

2. Конференция заявляет, что германские рабочие во время франко-прусской войны выполнили свой долг.

3. Конференция выражает братскую благодарность членам Испанской федерации за представленный ими доклад об организации Интернационала, который лишним раз доказал их преданность нашему общему делу.

4. Генеральный Совет должен немедленно опубликовать заявление ² о том, что Международное Товарищество Рабочих совершенно непричастно к так называемому заговору Нечаева, который обманым путем узурпировал имя Интернационала ³.

XIV.

О ПОРУЧЕНИИ ГРАЖДАНИНУ УТИНУ.

Гражданину Утину предлагается опубликовать в газете «Égalité» краткий отчет о процессе Нечаева по материалам русских газет. Отчет до опубликования представить Генеральному Совету.

¹ В немецком издании: «профессиональные союзы», во французском: «общества сопротивления». *Ред.*

² Во французском и немецком изданиях: «формальное заявление» («La déclaration formelle», «eine förmliche Erklärung»). *Ред.*

³ Во французском и немецком изданиях: «узурпировал и использовал имя Интернационала». См. настоящий том, стр. 367. *Ред.*

XV.

О СОЗЫВЕ ОЧЕРЕДНОГО КОНГРЕССА.

Конференция предоставляет на усмотрение Генерального Совета установить — в зависимости от событий — время и место очередного конгресса или конференции ¹.

XVI.

ОБ АЛЬЯНСЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

Принимая во внимание:

что «Альянс социалистической демократии» объявил о своем роспуске (см. письмо, посланное Генеральному Совету 10 августа 1871 г. из Женевы секретарем «Альянса», гражданином Н. Жуковским);

что на своем заседании 18 сентября (см. № II настоящего циркуляра) ² конференция постановила, что все существующие организации отныне должны именоваться и конституироваться, согласно духу и букве общего устава, исключительно как отделения, секции, федерации и т. д. Международного Товарищества Рабочих с прибавлением названий соответствующих местностей;

что вследствие этого всем существующим секциям и обществам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как, например, позитивисты, мютюэлисты, коллективисты, коммунисты и т. д., или создавать сепаратистские общества под названием *секций пропаганды, Альянса социалистической демократии* и т. д., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества ³;

что Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих впредь надлежит в этом духе толковать и осуществлять на практике параграф V постановлений Базельского конгресса по организационным вопросам, гласящий: «Генеральный Совет имеет право принимать новые секции и группы или отказывать им в приеме» и т. д., —

¹ Во французском и немецком изданиях: «или конференции, которая может быть созвана вместо конгресса». *Ред.*

² Резолюции и постановления конференции были изданы с подзаголовком «Циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих». *Ред.*

³ Во французском издании: «от общих целей, преследуемых массой воинствующего пролетариата, объединенного в Международное Товарищество Рабочих». *Ред.*

конференция объявляет вопрос об «Альянсе социалистической демократии» исчерпанным.

XVII.

О РАСКОЛЕ В РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ.

1. Различные отводы, сделанные Федеральным комитетом горных секций против правомочности конференции, объявляются несостоятельными. (Сказанное выше является лишь кратким изложением пункта 1, который будет напечатан полностью в женеvской «Égalité».)¹

¹ Вот полный текст 1 пункта, напечатанный в № 20 «Égalité» от 21 октября 1871 г.:

«Что касается этого раскола, то конференция должна прежде всего рассмотреть отводы, выдвинутые Федеральным комитетом горных обществ, не принадлежащих к Романской федерации (см. письмо от 4 сентября, адресованное конференции Федеральным комитетом этой секции).

Первый отвод: «Только общий конгресс, созданный нормальным путем, может быть компетентен, чтобы вынести суждение о столь серьезном деле, как раскол внутри Романской федерации».

Принимая во внимание:

что в тех случаях, когда между обществами или секциями, входящими в одну национальную группу, или между различными национальными группами возникают конфликты, Генеральный Совет вправе их разрешать, причем за ними остается право апеллировать к очередному конгрессу, на котором должно быть вынесено окончательное решение (см. ст. VII резолюций Базельского конгресса);

что согласно резолюции VI Базельского конгресса Генеральный Совет имеет также право исключать из Интернационала любую секцию на время до очередного конгресса;

что эти права Генерального Совета были признаны, — правда, только теоретически, — Федеральным советом отколовшихся горных секций, ибо гражданин Робен от имени этого комитета неоднократно просил Генеральный Совет принять окончательное решение по этому вопросу (см. протоколы Генерального Совета);

что если конференция и не пользуется теми же правами, что общий конгресс, то во всяком случае — большими, чем Генеральный Совет;

что в действительности именно Федеральным комитетом отколовшихся горных секций, а не Федеральным комитетом Романской федерации, требовал через посредство гражданина Робена созыва конференции для вынесения окончательного решения по поводу этого раскола (см. протокол Генерального Совета от 25 июля 1871 г.);

исходя из этого,

конференция отвергает первый отвод.

Второй отвод: «Осудить федерацию, которой не дали возможности за-

2. Конференция подтверждает постановление Генерального Совета от 29 июня 1870 г.

3. Принимая, однако, во внимание преследования, которым в настоящий момент подвергается *Интернационал*, конференция

считать себя, противоречило бы самой элементарной справедливости». «Сегодня (4 сентября 1871 г.) мы косвенным образом узнали о том, что на 17 сентября созывается в Лондоне чрезвычайная конференция. Генеральный Совет обязан был уведомить о ней все национальные группы; нам неизвестно, почему он хранил молчание в отношении нас».

Принимая во внимание:

что Генеральный Совет поручил всем своим секретарям известить о созыве конференции секции тех стран, представителями которых они являются;

что гражданин Юнг, секретарь-корреспондент для Швейцарии, не известил комитет юрских секций по следующим причинам:

этот комитет, явно нарушая постановление Генерального Совета от 29 июня 1870 г., продолжал именоваться комитетом Романской федерации — даже в своем последнем письме, адресованном конференции;

комитет имел полное право обжаловать постановление Генерального Совета на предстоящем конгрессе, но он не был вправе считать постановление Генерального Совета недействительным;

для Генерального Совета, следовательно, комитет юридически не существовал, и гражданин Юнг не имел права его признать, непосредственно пригласив его послать делегатов на конференцию;

на вопросы, поставленные Генеральным Советом, этот комитет не прислал никакого ответа гражданину Юнгу; со времени допущения гражданина Робена в состав Генерального Совета заявления вышеназванного комитета передавались всегда Генеральному Совету через гражданина Робена и никогда не передавались через секретаря-корреспондента для Швейцарии;

принимая также во внимание:

что гражданин Робен просил от имени вышеназванного комитета поставить вопрос о расколе сначала перед Генеральным Советом, а затем, ввиду отказа Генерального Совета, — перед конференцией; что, таким образом, Генеральный Совет и его секретарь-корреспондент для Швейцарии имели полное основание предполагать, что гражданин Робен информирует своих корреспондентов о созыве конференции, которой они сами добивались;

что комиссия, избранная конференцией для расследования швейцарского конфликта, заслушала гражданина Робена в качестве свидетеля; что все документы, представленные Генеральному Совету обеими сторонами, были переданы следственной комиссии; что невозможно допустить, чтобы вышеназванный комитет был информирован о созыве конференции лишь 4 сентября, так как уже в августе он предлагал гражданину Малону делегировать его на конференцию; исходя из этого, конференция отвергает второй отвод.

Третий отвод: «Постановление, аннулирующее права нашей федерации, имело бы самые пагубные последствия для существования Интернационала в нашей стране».

Принимая во внимание:

что никто не требовал аннулирования прав вышеназванной федерации, конференция отвергает отвод».

взывает к чувствам солидарности и единения, которые более чем когда-либо должны воодушевлять рабочий класс;

конференция предлагает всем честным рабочим горных секций присоединиться к секциям Романской федерации.

В случае, если такое объединение окажется неосуществимым, конференция постановляет, чтобы федерация отколовшихся горных секций именовалась «Юрской федерацией».

Конференция предупреждает, что Генеральный Совет впредь обязан публично разоблачать и дезавуировать все те органы Интернационала, которые, подобно «Progrès» и «Solidarité», стали бы на своих столбцах обсуждать перед буржуазной публикой такие вопросы, которые подлежат обсуждению исключительно на заседаниях местных и федеральных комитетов и Генерального Совета или же на закрытых заседаниях федеральных или общих конгрессов по организационным вопросам.

Примечание. Постановления, не предназначенные для опубликования, будут сообщены федеральным советам или комитетам различных стран через секретарей-корреспондентов Генерального Совета.

По постановлению и от имени конференции —

Генеральный Совет:

Р. Эппльгарт; М. Т. Бун; Фред. Бредник; Г. Х. Беттери; Делае; Эжен Дюпон (в отъезде по поручению); В. Хейлз; Дж. Гаррис; Гёрлимен; Жюль Жоаннар; Фрид. Лесснер; Лохнер; Ш. Лонге; К. Мартен; З. Морис; Генри Майо; Джордж Милнер; Чарльз Мэррей; Пфендер; Джон Роч; Рюль; Садлер; Кауелл Степни; Альф. Тейлор; В. Таунсхенд; Э. Вайян; Джон Уэстон.

Секретари-корреспонденты:

О. Серрайе — для Франции; К. Маркс — для Германии и России; Ф. Энгельс — для Италии и Испании; А. Герман — для Бельгии; Дж. П. Мак-Доннель — для Ирландии; Ле Муссю — для французских секций Соединенных Штатов; Валерий Врублевский — для Польши; Герман Юнг — для Швейцарии; Т. Монттерсхед — для

Дании; *Ш. Роша* — для Голландии; *И. Г. Эккариус* — для Соединенных Штатов; *Лео Франкель* — для Австрии и Венгрии.

Председатель *Ф. Энгельс*. Казначей *Герман Юнг*.

Генеральный секретарь *Джон Хейлз*.

Лондон, 17 октября 1871 г.

256, High Holborn, W. C.

Публикуется по тексту английского издания резолюций.

Написано и отредактировано К. Марксом и Ф. Энгельсом.

ОБЩИЙ УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ¹

Принимая во внимание:

что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, т. е. источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, в основе всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза между рабочими разных стран;

что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

что нынешнее пробуждение рабочего класса в передовых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем торжественным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения до сих пор разрозненных движений; —

Принимая во внимание указанные соображения, было основано Международное Товарищество Рабочих.

¹ Устав этот был принят в сентябре 1871 г. на Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих. *Ред.*

Оно заявляет,

что все примыкающие к нему общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость и нравственность основой своего поведения в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от цвета их кожи, их верований или национальности;

что оно признает: *нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.*

В духе этих принципов и был составлен следующий устав:

1. Это Товарищество основано для того, чтобы служить центром для сношений и сотрудничества между рабочими обществами различных стран, стремящимися к одной и той же цели, а именно — к защите, развитию и полному освобождению рабочего класса.

2. Общество принимает название «Международное Товарищество Рабочих».

3. Ежегодно созывается общий конгресс рабочих, состоящий из делегатов от секций Товарищества. Конгресс провозглашает общие стремления рабочего класса, принимает меры, необходимые для успешной деятельности Международного Товарищества, и назначает Генеральный Совет Товарищества.

4. Каждый конгресс назначает время и место созыва следующего конгресса. Делегаты собираются в назначенный срок и в назначенное место без специального приглашения. Генеральный Совет имеет право в случае необходимости изменить место созыва конгресса, но он не вправе отсрочить время его созыва. Конгресс ежегодно определяет местопребывание Генерального Совета и избирает его членов. Избранный таким образом Генеральный Совет имеет право пополнять свой состав новыми членами.

На своих ежегодных заседаниях общий конгресс заслушивает гласный отчет о деятельности Генерального Совета за год. В случае крайней необходимости Генеральный Совет может созвать общий конгресс ранее установленного годовичного срока.

5. Генеральный Совет состоит из рабочих различных стран, представленных в Международном Товариществе. Он избирает из своей среды должностных лиц, необходимых для ведения дел, а именно: казначея, генерального секретаря, секретарей-корреспондентов для различных стран и т. д.

6. Генеральный Совет является международным представительством различных национальных и местных групп Товарищества¹,

¹ Во Временном уставе было сказано: «различных сотрудничающих обществ». *Ред.*

чтобы рабочие одной страны были постоянно осведомлены о движении их класса во всех других странах; чтобы можно было одновременно и под общим руководством предпринять исследование социальных условий в различных странах Европы; чтобы вопросы, поднятые в одном обществе, но представляющие общий интерес, могли обсуждаться всеми и чтобы тогда, когда потребуются немедленные практические шаги, например, в случае международных конфликтов, общества, входящие в Товарищество, действовали одновременно и единообразно. Во всех надлежащих случаях Генеральный Совет будет брать на себя инициативу внесения предложений в различные национальные или местные общества. Для облегчения своих сношений с ними Генеральный Совет издает периодические отчеты.

7. Так как успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией, а с другой стороны, полезность Международного Генерального Совета в значительной степени зависит от того, будет ли он иметь дело с немногими национальными центрами рабочих товариществ или со множеством мелких и разрозненных местных обществ, то члены Международного Товарищества должны, каждый в своей стране, употребить все свои силы для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные национальными центральными органами. Само собой разумеется, однако, что применение данной статьи устава зависит от особых законов каждой страны и что, независимо от наличия препятствий, чинимых законами, каждое самостоятельное местное общество может вступать в непосредственные сношения с Генеральным Советом ¹.

8. Каждая секция имеет право назначить своего секретаря-корреспондента при Генеральном Совете.

9. Членом Международного Товарищества Рабочих может быть каждый, кто признает и защищает его принципы. Каждая секция ответственна за безупречность принимаемых ею членом.

10. Каждому члену Международного Товарищества, переезжающему на жительство из одной страны в другую, должна быть оказана братская поддержка со стороны организованных в Товарищество рабочих.

11. Объединяясь в неразрывный союз братского сотрудничества, рабочие общества, вступающие в Международное Товарище-

¹ На Гаагском конгрессе было принято решение о включении в устав ст. 7а, которая резюмировала содержание IX резолюции Лондонской конференции (1871). Текст статьи см. в данном томе в резолюциях Гаагского конгресса на стр. 700. *Ред.*

ство, сохраняют, однако, в неприкосновенности свои уже существующие организации.

12. Настоящий устав может быть пересмотрен на каждом конгрессе — при условии, если за пересмотр выскажутся $\frac{2}{3}$ присутствующих делегатов.

13. Все не предусмотренное настоящим уставом будет дополнено в особом регламенте, подлежащем пересмотру на каждом конгрессе.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ РЕГЛАМЕНТ, ПЕРЕСМОТРЕННЫЙ В СООТВЕТСТВИИ С РЕЗОЛЮЦИЯМИ КОНГРЕССОВ (1866—1869) И ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1871).

I.

Об общем конгрессе.

1. Каждый член Международного Товарищества Рабочих имеет право участвовать в выборах делегатов на общий конгресс и быть самому избранным в качестве делегата.

2. Каждая секция, независимо от количества ее членов, имеет право послать на конгресс делегата.

3. Каждый делегат конгресса пользуется правом только одного голоса.

4. Издержки делегатов оплачиваются избравшими их секциями и группами.

5. В случае, если какая-либо секция не в состоянии послать делегата, она имеет право объединиться с соседними секциями, чтобы избрать делегата.

6. Секция или группа, насчитывающая более 500 членов, имеет право послать добавочного делегата от каждых 500 добавочных членов.

7. К участию в конгрессах с правом решающего голоса впредь допускаются лишь делегаты тех обществ, секций или групп, которые входят в состав Интернационала и платят Генеральному Совету членские взносы. Делегаты профессиональных союзов и рабочих кооперативных обществ тех стран, в которых регулярное существование Интернационала запрещено законом, допускаются к участию в обсуждении принципиальных вопросов [questions of principle], но не допускаются к участию в обсуждении и голосовании по вопросам организации и управления [administrative matters].

8. Заседания конгресса бывают двоякого рода: закрытые, по вопросам организационным, и открытые, на которых обсуждаются

и ставятся на голосование общие, намеченные в программе конгресса, вопросы.

9. Генеральный Совет вырабатывает программу конгресса, включающую вопросы, поставленные в порядок дня предшествовавшим конгрессом, а также вопросы, внесенные дополнительно Генеральным Советом, равно как и те, которые представлены на утверждение Генерального Совета различными секциями и группами или их комитетами.

Все секции, группы или комитеты, которые пожелают предложить на обсуждение предстоящего конгресса вопрос, не намеченный предшествовавшим конгрессом, должны сообщить об этом Генеральному Совету до 31 марта.

10. Генеральному Совету поручается организовать конгрессы и своевременно доводить их программы до сведения секций через посредство федеральных советов или комитетов.

11. Конгресс назначает по каждому вопросу, подлежащему его обсуждению, особую комиссию. Каждый делегат называет комиссию, в которую он предпочитает войти. Каждая комиссия в зависимости от того, какие вопросы подлежат ее рассмотрению, оглашает те или иные доклады из числа тех, которые представлены различными секциями и группами. Она составляет на основании этих докладов один общий доклад, который и оглашается на открытом заседании. Комиссия кроме того решает, какие из упомянутых докладов должны быть приложены к официальному отчету о конгрессе.

12. На своих открытых заседаниях конгресс занимается в первую очередь вопросами, поставленными в порядок дня Генеральным Советом; вслед за тем подлежат обсуждению остальные вопросы.

13. Все резолюции по вопросам принципиальным ставятся на поименное голосование.

14. Каждая секция или федерация секций представляет Генеральному Совету не позднее чем за два месяца¹ до ежегодного конгресса подробный отчет о своей деятельности и о своем развитии в течение текущего года. Генеральный Совет составляет на основании этих отчетов один общий отчет, который оглашается на конгрессе.

II.

О Генеральном Совете.

1. Название «Генеральный Совет» присваивается центральному совету Международного Товарищества Рабочих. Центральные советы

¹ Во французском издании: «за месяц». *Ред.*

стран, в которых существует регулярная организация Интернационала, именуются федеральными советами или федеральными комитетами с прибавлением названий соответствующих стран.

2. Генеральный Совет обязан приводить в исполнение постановления конгрессов¹.

3. Генеральный Совет издает так часто, как это позволяют ему его средства, бюллетень или отчет, содержащий все, что представляет интерес для Международного Товарищества Рабочих. Для этой цели он собирает все материалы, пересылаемые ему федеральными советами или комитетами различных стран, равно как и материалы, которые он в состоянии получить иным путем.

Бюллетень, составленный на разных языках, бесплатно рассылается федеральным советам или комитетам, которые пересылают по одному экземпляру каждой из своих секций.

В случае невозможности публиковать такой бюллетень Генеральный Совет посылает каждые три месяца федеральным советам и комитетам письменное сообщение, подлежащее опубликованию в газетах соответствующих стран и главным образом в органах Интернационала.

4. Каждая новая секция или общество, желающие примкнуть к Интернационалу, обязаны немедленно сообщать о своем присоединении Генеральному Совету.

5. Генеральный Совет имеет право принимать новые секции и группы или отказывать им в приеме, оставляя за ними право апеллировать к очередному конгрессу.

Однако там, где существуют федеральные советы или комитеты, Генеральный Совет обязан выслушать их мнение в пределах их компетенции, прежде чем принять новую секцию или общество или отказать им в приеме; тем не менее за ним остается право временно разрешать вопрос.

6. Генеральный Совет имеет также право временно исключать из Интернационала любую секцию до очередного конгресса².

7. Генеральный Совет имеет право разрешать конфликты, возникающие между обществами или секциями, входящими в одну национальную группу, или между различными национальными группами, оставляя за ними право апеллировать к очередному конгрессу, решение которого является окончательным.

¹ На Гаагском конгрессе этот пункт был утвержден с дополнением. См. настоящий том, резолюции Гаагского конгресса, раздел II, стр. 701. *Ред.*

² На Гаагском конгрессе п. 6 был принят в более расширенной редакции. См. настоящий том, резолюции Гаагского конгресса, раздел II, стр. 701. *Ред.*

8. Все делегаты, назначаемые Генеральным Советом для особых поручений, вправе присутствовать и принимать участие в обсуждении вопросов на всех заседаниях федеральных советов или комитетов, областных и местных комитетов и местных секций, но без решающего голоса.

9. Английское, французское и немецкое издания общего устава и регламента надлежит переиздавать с официального текста, опубликованного Генеральным Советом. Все переводы общего устава и регламента на другие языки должны быть до их опубликования представлены на утверждение Генерального Совета.

III.

О взносах, подлежащих уплате Генеральному Совету.

1. Генеральный Совет взимает со всех секций и присоединившихся обществ ежегодный взнос в размере 1 пенни с каждого члена. Этот взнос предназначается для покрытия расходов Генерального Совета, как, например, для оплаты генерального секретаря, расходов на переписку, публикации, подготовительную работу к конгрессам и т. д. и т. д.

2. Генеральному Совету надлежит отпечатать единообразные марки стоимостью в 1 пенни и снабжать ими ежегодно в надлежащем количестве федеральные советы или комитеты.

3.¹ Эти марки наклеиваются на специальный листок в членскую книжку или в устав, который обязан иметь каждый член Товарищества.

4. Ежегодно к 1 марта федеральные советы или комитеты различных стран посылают Генеральному Совету сумму, соответствующую стоимости использованных марок, и возвращают обратно оставшиеся у них марки.

5. Эти марки с обозначением размера индивидуальных взносов помечаются датой текущего года.

IV.

Федеральные советы или комитеты.

1. Расходы федеральных советов или комитетов покрываются соответствующими секциями.

¹ Во французском и немецком изданиях: «3. Федеральные советы или комитеты посылают местным комитетам или, если таковых нет, местным секциям по числу их членов соответственное количество марок». Далее во французском и немецком изданиях следуют пп. 4 и 5, соответствующие пп. 3 и 4 английского издания. *Ред.*

2. Федеральные советы или комитеты не реже одного раза в месяц посылают отчет Генеральному Совету.

3. Федеральные советы или комитеты каждые три месяца представляют Генеральному Совету отчет об организационном и финансовом состоянии их секций.

4. Каждая федерация имеет право отказывать в приеме или исключать из своей среды отдельные общества или секции. Она, однако, не имеет права лишать их звания организаций Интернационала; она может лишь просить Генеральный Совет об их исключении.

V.

О местных обществах, секциях и группах.

1. Каждая секция имеет право выработать свой местный устав и регламент применительно к местным условиям и законам своей страны. Этот устав и этот регламент не должны, однако, содержать ничего, противоречащего общему уставу и регламенту.

2. Все местные секции, группы и их комитеты впредь обозначаются и конституируются исключительно как секции, группы и комитеты Международного Товарищества Рабочих с прибавлением названий соответствующих местностей.

3. Ввиду этого всем секциям и группам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как, например, позитивисты, мятюзелисты, коллективисты, коммунисты и т. д., или создавать сепаратистские общества под названием «секций пропаганды» и т. д., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества.

4. На профессиональные союзы, присоединившиеся к Интернационалу, пункт 2 настоящего раздела, однако, не распространяется.

5. Всем секциям и отделениям Интернационала, а также присоединившимся к нему рабочим обществам предлагается упразднить должность председателя соответствующей секции или общества.

6. Рекомендуются создавать среди рабочего класса женские секции. Разумеется, однако, что это решение отнюдь не должно препятствовать существованию старых и образованию новых секций, состоящих из рабочих обоего пола.

7. В случае появления где-либо в печати нападок на Интернационал ближайшая секция или комитет обязаны немедленно переслать Генеральному Совету экземпляр такой публикации.

8. Каждые три месяца во всех органах Товарищества должны публиковаться адреса правлений всех комитетов Интернационала, а также адрес Генерального Совета.

VI.

О всеобщей статистике труда.

1. Генеральному Совету надлежит ввести в действие 6 статью устава о всеобщей статистике рабочего класса, а также постановления Женевского конгресса 1866 г. по данному вопросу.

2. Каждая местная секция должна назначить специальный статистический комитет, который был бы всегда готов, в меру своих средств, ответить на вопросы, с которыми к нему могут обратиться федеральный совет или комитет его страны или Генеральный Совет.

Всем секциям предлагается оплачивать секретарей статистических комитетов ввиду общей пользы, которую из их деятельности извлечет рабочий класс.

3. Ежегодно к 1 августа федеральные советы или комитеты отсылают собранный ими в их странах материал Генеральному Совету, который, в свою очередь, составляет на основании этих данных общий доклад для представления конгрессам или конференциям, происходящим ежегодно в сентябре.

4. О трэд-юнионах и секциях Интернационала, которые откажутся давать требуемые сведения, следует сообщать Генеральному Совету, который вслед за тем будет принимать соответствующие меры.

5. Постановления Женевского конгресса 1866 г., упомянутые в статье 1 настоящего раздела, таковы:

Статистическое обследование положения рабочего класса во всех цивилизованных странах, предпринятое самим рабочим классом, уже само по себе является крупным международным делом. Чтобы действовать успешно, надо знать тот материал, на который необходимо воздействовать. Предприняв такое большое дело, рабочие докажут, что они способны взять свою судьбу в собственные руки.

Конгресс поэтому предлагает в каждой местности, где существуют секции нашего Товарищества, немедленно приступить к работе и собирать материал по различным пунктам, указанным в прилагаемой схеме обследования; конгресс призывает рабочих Европы и Соединенных Штатов Америки принять участие в собирании статистических сведений о рабочем классе; доклады и материалы следует отсылать Генеральному Совету. Генеральный Совет на основании этих материалов должен составить доклад и присоединить к нему материалы в качестве приложений. Этот доклад вместе с приложениями представляется следующему ежегодному конгрессу и после утверждения им печатается на средства Товарищества.

Общая схема обследования, которая в каждой местности, конечно, может быть подвергнута изменениям:

1. Наименование производства.
2. Возраст и пол занятых в нем лиц.
3. Число занятых в нем лиц.
4. Заработная плата: а) учеников; б) поденная или сдельная оплата труда. Размер оплаты труда посредниками. Средний недельный, годовой заработок.
5. а) Продолжительность рабочего дня на фабриках; б) продолжительность рабочего дня у мелких предпринимателей и в домашнем производстве в случае наличия всех этих видов производства; в) ночной и дневной труд.
6. Перерывы на еду и обслуживание рабочих.
7. Состояние мастерской и условия работы: теснота помещения, плохая вентиляция, недостаток солнечного света, применение газового освещения, чистота и т. д.
8. Влияние работы на физическое состояние.
9. Моральные условия. Воспитание.
10. Состояние производства: является ли оно сезонным или работает более или менее равномерно в течение всего года, испытывает ли значительные колебания, подвергается ли иностранной конкуренции, обслуживает ли оно главным образом внутренний или внешний рынок и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Конференция, происходившая в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г., поручила Генеральному Совету опубликовать на английском, французском и немецком языках аутентичное, заново пересмотренное издание «Общего устава и регламента Международного Товарищества Рабочих», исходя из следующих соображений:

I. Общий устав.

Женевский конгресс (1866) принял с немногими добавлениями Временный устав Товарищества, опубликованный в Лондоне в ноябре 1864 г. Он вынес также постановление (см. «Congrès ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs, tenu à Genève du 3 au 8 sept. 1866». Genève. 1866, p. 27, note), чтобы Генеральный Совет опубликовал официальный, обязательный для всех текст устава и регламента, принятых конгрессом. Генеральный Совет был лишен возможности выполнить это предписание ввиду того, что протоколы Женевского конгресса во время их провоза через Францию были конфискованы бонапартистским правительством. Когда же благодаря вмешательству лорда Стэнли, тогдашнего британского министра иностранных дел, протоколы были, наконец, возвращены, в Женеве уже было выпущено французское издание, причем содержащийся в нем

текст устава и регламента был тотчас же воспроизведен во всех романских странах. Этот текст был ошибочен во многих отношениях.

1. Парижское издание лондонского временного устава считается точным переводом; но парижский комитет, которому этот перевод обязан своим появлением, внес во введение к уставу весьма значительные изменения. В ответ на запрос Генерального Совета парижский комитет сообщил, что эти изменения необходимы при существующем во Франции политическом положении. Вследствие недостаточного знания английского языка некоторые статьи устава были там вдобавок ложно истолкованы.

2. На Женевском конгрессе, который должен был придать временному уставу окончательный характер, комиссия, назначенная для этой цели, просто вычеркнула все те места, в которых упоминалось о чем-либо, носившем временный характер, но не заметила, что многие из этих мест содержали весьма важные положения отнюдь не временного характера. В английском издании, опубликованном после Лозаннского конгресса (1867), были повторены те же упущения.

II. Организационный регламент (Administrative regulations).

До сих пор вместе с уставом публиковался лишь тот организационный регламент, который был принят Женевским конгрессом (1866). Поэтому необходимо было свести в одно целое позднейшие регламенты, принятые последующими конгрессами и недавно состоявшейся Лондонской конференцией.

Для настоящего пересмотренного издания были использованы следующие публикации:

«Address and Provisional Rules of the International Working Men's Association» etc. Lnd. 1864 [«Манифест и временный устав Международного Товарищества Рабочих» и т. д. Лондон. 1864 г.].

«Rules of the International Working Men's Association». London. 1867 [«Устав Международного Товарищества Рабочих». Лондон. 1867 г.].

«Congrès ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs, tenu à Genève du 3 au 8 septembre 1866». Genève. 1866 [«Рабочий конгресс Международного Товарищества Рабочих, состоявшийся в Женеве с 3 по 8 сентября 1866 г.». Женева. 1866 г.].

«Procès-verbaux du Congrès de l'Association Internationale des Travailleurs, réuni à Lausanne du 2 au 8 septembre 1867». Chaux-de-Fonds. 1867 [«Протоколы конгресса Международного Товарищества Рабочих, состоявшегося в Лозанне с 2 по 8 сентября 1867 г.». Шо-де-Фон. 1867 г.].

«Troisième Congrès de l'Association Internationale des Travailleurs (Brussels Congress) — Compte-rendu officiel». Bruxelles. 1868 [«Третий конгресс Международного Товарищества Рабочих (Брюссельский конгресс) — Официальный отчет». Брюссель. 1868 г.].

«The International Working Men's Association. Resolutions of the Congress of Geneva, 1866, and the Congress of Brussels, 1868». London. 1868 [«Международное Товарищество Рабочих. Резолюции Женевского конгресса 1866 г. и Брюссельского конгресса 1868 г.» Лондон. 1868 г.].

«Compte-rendu du 4-me Congrès International, tenu à Bâle en septembre 1869». Bruxelles. 1869 [«Отчет о четвертом Международном конгрессе, состоявшемся в Базеле в сентябре 1869 г.» Брюссель. 1869 г.].

«Report of the Fourth Annual Congress of the International Working Men's Association, held at Basel, 1869». Published by the general Council. London. 1869 [«Отчет о четвертом ежегодном конгрессе Международного Товарищества Рабочих, состоявшемся в Базеле в 1869 г.» Опубликован Генеральным Советом. Лондон. 1869 г.].

«Quatrième Congrès de l'Association Internationale des Travailleurs, tenu à Bâle, 1869. Rapport du délégué des Sections de la Fabrique à Genève». Genève. 1869 [«Четвертый конгресс Международного Товарищества Рабочих, состоявшийся в Базеле в 1869 г. Отчет делегата от рабочих секций Женевы». Женева. 1869 г.].

«Resolutions of the Conference of Delegates of the International Working Men's Association, assembled at London, 1871». London. 1871 [«Резолюции конференции Международного Товарищества Рабочих, состоявшейся в Лондоне в 1871 г.» Лондон. 1871 г.].

В отношении Базельского конгресса были также приняты во внимание издававшийся ежедневно в Базеле немецкий отчет о заседаниях конгресса и записи, делавшиеся во время конгресса генеральным секретарем.

Каким образом были использованы эти разнообразные источники для настоящего пересмотренного издания, видно из нижеследующего.

ОБЩИЙ УСТАВ.

Введение. — После слов «Принимая во внимание указанные сообщения» восстановлены слова «было основано Международное Товарищество Рабочих». См. Временный устав, стр. 13.

Положение: «Они считают, что долг каждого человека» и т. д., изъято, так как для него имеются два в равной мере аутентичных варианта, противоречащих друг другу. К тому же подлинный смысл

этого положения содержится уже как в непосредственно предшествующих, так и в непосредственно следующих за ним словах «нет прав без обязанностей» и т. д.

Статья 3 восстановлена согласно статье 3 Временного устава.

Статья 4 — часть статьи 3 и вся статья 4 Устава, Лондон, 1867 г.

Статья 5 — вводная часть статьи 3 Устава 1867 г. Слово «председателя» изъято в соответствии с постановлением по организационному вопросу I, принятым Базельским конгрессом.

Статья 6 — статья 5 Устава 1867 г. Слова «сотрудничающие товарищества» (Cooperating associations) заменены словами «национальные и местные группы Товарищества» ввиду того, что в некоторых переводах это выражение было неправильно истолковано как якобы подразумевающее кооперативные общества.

Статья 7 — статья 6, Устав, 1867 г.

Статья 8 — статья 10, Устав, 1867 г.

Статья 10 — статья 8, Устав, 1867 г.

Статья 12 составляет статью 13 в разделе «Организационный регламент», Устав, 1867 г.

Статья 13 — статья 12, Устав, 1867 г.

Статья 7 Устава 1867 г. изъята, так как ее включение противоречит одной из резолюций Лозаннского конгресса. См. «Procès-verbaux du congrès de Lausanne», p. 36 [«Протоколы Лозаннского конгресса», стр. 36].

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ РЕГЛАМЕНТ.

I. Общий конгресс.

Статья 1 — статья 11 регламента, принятого Женевским конгрессом («Congrès de Genève», Genève, 1866, p. 27 etc.); [(«Женевский конгресс», Женева, 1866 г., стр. 27 и т. д.); статья 10, Устав и т. д., 1867 г., которая является неполной.

Статья 2 — статья 9, Женевский конгресс; статья 6, Устав и т. д., 1867 г.

Статья 3 — статья 13, Женевский конгресс; статья 11, Устав и т. д., 1867 г.

Статья 4 — статья 10, Женевский конгресс; статья 9, Устав и т. д., 1867 г.

Статья 5 — статья 9, Женевский конгресс; статья 7, Устав и т. д., 1867 г.

Статья 6 — статья 12, Женевский конгресс; статья 8, Устав и т. д., 1867 г.

Статья 7 — Организационный регламент, принятый в Базеле, статья VIII.

Статья 8. Этой статьей «Порядок ведения конгресса Интернационала» («Отчет о Базельском конгрессе», Брюссель, 1869 г.) был дополнен другими, цитированными выше, материалами Базельского конгресса.

Статья 9. В первой части то же, что и в статье 8. Вторая часть — резолюции Лозаннского конгресса (Протоколы, стр. 74, 1).

Статья 10 — статья 1b, Женевский конгресс; статья 1b, Устав и т. д., 1867 г.

Статья 11 — Базельский конгресс, Порядок ведения (Guide pratique), статьи 3 и 11.

Статья 12 — Порядок ведения и т. д. (Guide pratique), статья 10.

Статья 13 — Порядок ведения и т. д. (Guide pratique), статья 7.

Статья 14 — Порядок ведения и т. д. (Guide pratique), статья 4.

II. Генеральный Совет.

Статья 1 — Лондонская конференция, 1871 г., II, I.

Статья 2 — Женевский конгресс, статья 1. Устав и т. д., 1867 г., статья 1.

Статья 3 — два первых абзаца статьи 2 и статьи 1 А, Женевский конгресс, Устав и т. д., 1867 г. Третий абзац статьи 3, Женевский конгресс. Последний абзац, Лозаннский конгресс, Протоколы, стр. 37, статья 2.

Статьи 4—7 — Постановления по организационным вопросам, принятые в Базеле, IV—VII.

Статья 8 — Лондонская конференция, III.

Статья 9 — Постановления Лондонской конференции, заседания от 18 и от 22 сентября.

III. О взносах, подлежащих уплате Генеральному Совету.

Статья 1 — первый абзац, Лозаннский конгресс, Протоколы, стр. 37, 3; статья IX Постановлений по организационным вопросам, принятых в Базеле. Второй абзац статьи 4, Женевский конгресс, Устав. 1867 г.

Статьи 2—5 — Лондонская конференция, IV, 1—5.

IV. Федеральные советы или комитеты.

Статья 1 — статья 6, Женевский конгресс и Устав, 1867 г.

Статья 2 — там же, статья 5.

Статья 3 — Брюссельский конгресс. «Compte-rendu officiel»,

р. 50. Appendice. Séances Administratives, Résolution № 3 [«Официальный отчет», стр. 50. Приложение. Заседания по организационным вопросам. Резолюция № 3].

Статья 4 — статья VI Постановлений по организационным вопросам, принятых в Базеле.

V. Местные общества, секции и группы.

Статья 1 — статья 14, Женевский конгресс; статья 12, Устав и т. д., 1867 г.

Статьи 2—4 — Лондонская конференция, II, 2—4.

Статья 5 — статья I Постановлений по организационным вопросам, принятых в Базеле.

Статья 6 — Лондонская конференция, V.

Статья 7 — статья II Постановлений по организационным вопросам, принятых в Базеле.

Статья 8 — там же, статья III.

VI. 0 всеобщей статистике труда.

Статьи 1—4 — Лондонская конференция, VI, 1—4.

Статья 5 — Постановления Женевского конгресса (лондонское издание постановлений Женевского и Брюссельского конгрессов, стр. 4).

По постановлению и от имени Лондонской конференции 1871 г.,

Генеральный Совет:

Р. Эппльгарт; М. Т. Бун; Фред. Бредник; Г. Х. Беттери; Э. Делайе; Эжен Дюпон (в отъезде по поручению); В. Хейлз; Дж. Гаррис; Гёрлимен; Жюль Жоаннар; Гарриэт Лоу; Фрид. Леснер; Лохнер; Ш. Лонге; К. Мартен; Зеви Морис; Генри Майо; Джордж Милнер; Ч. Мэррей; Пфендер; Джон Роч; Рюль; Садлер; Кауелл Степни; Альфред Тейлор; В. Таунсенд; Э. Вайян; Джон Уэстон.

Секретари-корреспонденты:

Лео Франкель — для Австрии и Венгрии; А. Герман — для Бельгии; Т. Моттерсхед — для Дании; О. Серрайе — для Франции; Карл Маркс — для Германии и России; Шарль Роша — для Голландии; Дж. П. Мак-Доннель — для Ирландии; Фридрих Энгельс — для Италии и Испании; Валерий Врублевский — для Польши;

Герман Юнг — для Швейцарии; *И. Г. Эккартус* — для Соединенных Штатов; *Ле Муссю* — для французских секций в Соединенных Штатах.

Председатель *Шарль Лонге*. Казначей *Герман Юнг*.
Генеральный секретарь *Джон Хейлз*.

256, High Holborn, London,
24 октября 1871 г.

Публикуется по тексту брошюры:
«*General Rules and Administrative
Regulations of the International Wor-
king-men's Association. London. 1871*».
Написано *К. Марксом* и *Ф. Энгельсом*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

РЕЗОЛЮЦИИ ОБЩЕГО КОНГРЕССА, СОСТОЯВШЕГОСЯ В ГААГЕ
ОТ 2 ДО 7 СЕНТЯБРЯ 1872 г.

I. РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ УСТАВЕ.

После статьи 7 в устав должна быть включена следующая статья, резюмирующая содержание IX резолюции Лондонской конференции (в сентябре 1871 г.):

Ст. 7а. В своей борьбе против объединенной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Эта организация пролетариата в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и ее конечную цель — уничтожение классов.

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить ему рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великою обязанностью пролетариата.

Принято (при поименном голосовании) 29 голосами против 5; воздержавшихся 8.

Голосовали за: Арно, И.-Ф. Беккер, Б. Беккер, Курне, Дерер, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Эккариус, Энгельс, Фаркас, Фридендер, Франкель, Гепнер, Гайм (Heim), Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Лонге, Ле Муссю, Моттерсхед, Пиль, Ранвье, Серраье, Зорге, Сварм (Swarm), Вайян, Уильмот, Мак-Доннель.

Голосовали против: Брисме, Кунен, Гергард, Швицгембель, ван дер Гоут.

Воздержались: ван ден Абеле, Даве, Эбергард, Флюз, Гильом, Герман, Сова, Марселау.

Конгресс принял формальное постановление о делегатах, которым работа в комиссиях помешала присутствовать на заседании, и

разрешил присоединить их голоса. Следующие делегаты голосовали за: Куно, Люкен, Маркс, Вишар, Вальтер, Врублевский; всего 6 (делегатов). Против не поступило ни одного голоса.

II. РЕЗОЛЮЦИИ О РЕГЛАМЕНТЕ.

1. Полномочия Генерального Совета.

В разделе II статьи 2 и 6 были заменены следующими статьями:

Ст. 2. — Генеральный Совет обязан приводить в исполнение постановления конгрессов и следить в каждой стране за строгим соблюдением принципов общего устава и регламента Интернационала.

Ст. 6. — Генеральный Совет имеет также право временно исключать отделения, секции, федеральные советы или комитеты и федерации Интернационала до очередного конгресса.

Однако по отношению к секциям, входящим в ту или иную федерацию, он должен применять это право, лишь выслушав предварительно мнение соответствующего федерального совета.

В случае роспуска федерального совета Генеральный Совет должен одновременно предложить секциям федерации избрать в 30-дневный срок новый федеральный совет.

В случае временного исключения целой федерации Генеральный Совет должен немедленно довести об этом до сведения всех федераций. Если большинство федераций этого потребует, Генеральный Совет должен не позднее чем через месяц созвать чрезвычайную конференцию, на которой должны присутствовать делегаты по одному от каждой национальности и которая выносит окончательное решение.

Само собой разумеется, что страны, где Интернационал запрещен, пользуются теми же правами, что и федерации, существующие легально.

Ст. 2 — принята 40 голосами, против — 4 и 11 воздержавшихся.

Голосовали за: Арно, Барри, И.-Ф. Беккер, Б. Беккер, Курне, Куно, Дерер, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Энгельс, Фаркас, Франкель, Фридлендер, Гепнер, Гайм, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Лесснер, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Мак-Доннель, Маркс, Мильке, Пиль, Ранвье, Роч, Сова, Шей (Scheu), Сerrайе, Секстон, Зорге, Сварм, Шумахер, Вайян, Вишар, Вальтер, Врублевский.

Голосовали против: Флюз, Гергард, Спленгар, ван дер Гоут (van der Hout).

Воздержались: Алерини, Кунен, Даве, Эбергард, Гильом, Герман, Мораго, Марселау, Фарга Пелисер, Швицгембель, ван ден Абеле.

Ст. 6— принята 36 голосами, против — 6, воздержавшихся — 16.

Голосовали за: Арно, Барри, И.-Ф. Беккер, Б. Беккер, Курне, Куно, Дерер, Дюпон, Дюваль, Энгельс, Фаркас, Франкель, Фридендер, Гепнер, Гайм, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Лесснер, Ле Муссю, Лонге, Людвиг, Мак-Доннель, Маркс, Мильке, Пиль, Ранвье, Серрайе, Шумахер, Секстон, Зорге, Сварм, Вайян, Вишар, Вальтер, Врублевский.

Голосовали против: Брисме, Кунен, Флюз, Герман, Сова, Спленгар.

Воздержались: Алерини, Сириль, Даве, Дюмон, Эбергард, Гильом, Люкен, Марселау, Мораго, Моттерсхед, Фарга Пелисер, Роч, Швицгебель, ван ден Абеле, ван дер Гоут, Уильмот.

2. О членских взносах, подлежащих уплате Генеральному Совету.

В связи с поступившими заявлениями, с одной стороны, об увеличении размера взносов, с другой — об уменьшении их, конгресс должен был решить — изменить ли размер существующего взноса в 10 сантимов в год или сохранить его. Конгресс постановил сохранить 10-сантимовый взнос при 17 за, 12 против и 8 воздержавшихся.

Голосовали за решение конгресса, против изменения размера взноса: И.-Ф. Беккер, Брисме, Кунен, Сириль, Дюпон, Дюваль, Эбергард, Эккариус, Фаркас, Флюз, Гергард, Герман, Гепнер, Серрайе, Зорге, Сварм, Уильмот.

Голосовали против решения и за изменение размера взноса: Дюмон, Энгельс, Франкель, Гайм, Жоаннар, Лафарг, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Мак-Доннель, Пиль, Сова.

Воздержались: Алерини, Даве, Дерер, Гильом, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Швицгебель.

Следующие делегаты, вынужденные уехать из Гааги до обсуждения этого вопроса, оставили свой голос в письменном виде за увеличение взносов: Арно, Курне, Ранвье, Вайян.

III. РЕЗОЛЮЦИИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ОБЩЕСТВАМИ СОПРОТИВЛЕНИЯ (SOCIÉTÉS DE RÉSIDANCE).

Новому Генеральному Совету дано специальное поручение созвать интернациональные профессиональные союзы.

С этой целью в течение одного месяца после конгресса ему надлежит составить циркуляр, который должен быть переведен и напечатан на всех языках и разослан всем рабочим обществам, как входящим, так и не входящим в Интернационал, адреса которых ему известны.

В этом циркуляре следует предложить каждому рабочему обществу вступить в интернациональный союз рабочих данной профессии.

Каждому рабочему обществу следует предложить самому определить условия, на каких оно может войти в интернациональный союз данной профессии.

Генеральному Совету поручается собрать все условия, выдвинутые обществами, которые разделяют идеи интернационального союза, и составить общий проект, который надлежит предложить временно принять обществам, желающим войти в интернациональные профессиональные объединения.

Ближайший конгресс утвердит окончательный устав интернациональных профессиональных союзов.

Принято единогласно, за исключением нескольких воздержавшихся, число которых не было занесено в протокол.

IV. РЕЗОЛЮЦИИ О ДОПУЩЕНИИ СЕКЦИЙ НА КОНГРЕСС.

Мандатная комиссия была составлена следующим образом: Гергард (50 голосов), Ранвье (44), Роч (41), Маркс (41), Мак-Доннель (39), Дерер (36), Франкель (22).

1. Секция 2 (Нью-Йорк, французская) *Северо-американской федерации*. Эта секция была исключена Американским федеральным советом. Генеральным Советом она также не была признана в качестве независимой секции. На конгресс не была допущена. Против допущения голосовало 38 (делегатов); за — 9; воздержавшихся — 11.

2. Секция 12 (Нью-Йорк, американская) *Северо-американской федерации*, временно исключенная Генеральным Советом.

В ходе прений по вопросу о мандате 12-й секции было принято большинством 47 голосов при 9 воздержавшихся следующее предложение.

«Международное Товарищество Рабочих, базирующееся на принципе уничтожения классов, не может допустить никакой буржуазной секции».

Голосовали за: Арно, И.-Ф. Беккер, Барри, Брисме, Курне, Кувю. Кунен, Даве, Дерер, Дицген, Дюпон, Дюваль, Эберггард, Фльв. Фаркас, Франкель, Фридендер, Гильом, Гергард, Гайм, Геднер, Герман, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Ле Муссю, Лесснер, Лувье, Маркс, Мильке, Моттерсхед, Пиль, Ранвье, Сова, Шей, Шумахер, Серрайн, Секстон, Зорге, Спленгар, Сварм, Вайян, Вишар, Эдвард. Брулевский, Вальтер, ван ден Абеле.

Воздержались: Алерини, Экарриус, Гаркур, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Роч, Швицгебель, ван дер Гоут.

12-я секция была исключена 49 голосами, против — никого, при 9 воздержавшихся.

Голосовали за исключение: Арно, Барри, И.-Ф. Беккер, Брисме, Курне, Кунен, Куно, Даве, Дерер, Дицген, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Эбергард, Флюз, Фаркас, Франкель, Фридлиндер, Гергард, Гайм, Гепнер, Герман, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Ле Муссю, Лесснер, Люкен, Мак-Доннель, Маркс, Мильке, Пиль, Ранвье, Роч, Сова, Шей, Шумахер, Серрайе, Секстон, Зорге, Спленгар, Сварм, Вайян, ван ден Абеле, ван дер Гоут, Вишар, Уильмот, Врублевский, Вальтер.

Воздержались: Алерини, Экарриус, Гильом, Гаркур, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Моттерсхед, Швицгебель.

3. *Марсельская секция.* Этой секции, совершенно неизвестной Генеральному Совету и находящимся в переписке с ним французским секциям, в приеме отказано. Против приема голосовало 38, за — никого, воздержавшихся — 14.

4. *Женевская секция пропаганды и революционного действия.* Эта секция, которая являлась не чем иным, как возрождением женевского (открытого) *Альянса* социалистической демократии, распущенного в августе 1871 г., не была признана ни Романским федеральным советом, ни Генеральным Советом, который вернул ей взносы, переданные через посредство Юрского федерального комитета. Конгресс решил временно исключить ее до окончания прений о тайном *Альянсе*. Временное исключение было вотировано единогласно при нескольких воздержавшихся, число которых не было занесено в протокол.

5. *Новая мадридская федерация.* Новая мадридская федерация, образованная членами бывшего Испанского федерального совета, исключенными из старой Мадридской федерации с явным нарушением действующего регламента в связи с разоблачением ими заговора тайного *Альянса* против Международного Товарищества Рабочих, обратилась сначала к Испанскому федеральному совету, который отказал ей в приеме. Тогда она обратилась к Генеральному Совету. Генеральный Совет признал ее без согласования с Испанским федеральным советом, взяв на себя ответственность за это, так как из восьми членов Испанского федерального совета не менее пяти принадлежат к тайному Альянсу.

Конгресс принял эту федерацию 40 голосами за, против — не было, при нескольких воздержавшихся, число которых не было занесено в протокол.

У. ПРОВЕРКА ФИНАНСОВОГО ОТЧЕТА ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА.

В комиссию, избранную конгрессом для проверки финансового отчета Генерального Совета (за 1871—1872 гг.), вошли граждане: Дюмон, от Франции; Алерини, от Испании; Фаркас, от Австрии и Венгрии; Брисме, от Бельгии; Лафарг, от Новой мадридской федерации и от Португалии; Пиль, от Дании; И.-Ф. Беккер, от немецкой Швейцарии; Дюваль, от Романской федерации (Швейцария); Швицгебель, от Юрской федерации (Швейцария); Даве, от Голландии; Дерер, от Америки; Куно, от Германии.

Финансовый отчет, представленный этой комиссией, был утвержден и подписан всеми ее членами, за исключением отсутствовавшего Даве.

После оглашения финансового отчета он был утвержден конгрессом единогласно.

VI. ПОЛНОМОЧИЯ, ДАННЫЕ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ И ФЕДЕРАЛЬНЫМИ СОВЕТАМИ.

Конгресс решил «аннулировать все полномочия, данные Генеральным Советом и федеральными советами членам Интернационала в тех странах, где Интернационал запрещен, и предоставить новому Генеральному Совету исключительное право назначать в этих странах уполномоченных Международного Товарищества Рабочих».

Принято единогласно при нескольких воздержавшихся, число которых не занесено в протокол.

VII. РЕЗОЛЮЦИИ ОБ АЛЬЯНСЕ.

Комиссия, которой было поручено расследование деятельности Альянса (тайного) социалистической демократии, состояла из граждан: Куно (33 голоса), Люкена (24), Спленгара (31), Вишара (30), Вальтера (29).

В своем докладе конгрессу большинство этой комиссии заявило, что «тайный Альянс был создан на основе устава, совершенно противоположного уставу Интернационала», и предложило:

исключить из Интернационала Михаила Бакунина как основателя Альянса, а также и за личный проступок (*pour un fait personnel*); исключить Гильома и Швицгебеля как членов Альянса, исключить Б. Малона, Буске¹ (секретаря полицейского упра-

¹ Комиссия не знала, что господин Буске уже был исключен по просьбе своей секции формальным постановлением Генерального Совета.

вления в Безье, во Франции) и Луи Маршана, уличенных в действиях, имеющих целью дезорганизацию Международного Товарищества Рабочих;

не привлекать к ответственности Алерини, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер и Жуковского, так как они официально заявили о том, что уже больше не принадлежат к Альянсу.

Уполномочить комиссию опубликовать документы, на которых она основывала свои заключения.

Конгресс постановил:

1. Исключить Михаила Бакунина. Голосовали за (исключение) — 27; против — 6; воздержавшихся — 7.

Голосовали за исключение: И.-Ф. Беккер, Куно, Дерер, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Энгельс, Фаркас, Франкель, Гайм, Гепнер, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Мак-Доннель, Маркс, Пиль, Серрайе, Зорге, Сварм, Вишар, Уильмот, Вальтер, Врублевский.

Голосовали против: Брисме, Даве, Флюз, Герман, Кунен, ван ден Абеле.

Воздержались: Алерини, Гильом, Марселау, Мораго, Сова, Спленгар, Швицгембель.

2. Исключить Гильома — 25 за; 9 — против; 8 — воздержавшихся.

Голосовали за: И.-Ф. Беккер, Куно, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Энгельс, Фаркас, Франкель, Гайм, Гепнер, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Маркс, Пиль, Серрайе, Зорге, Сварм, Вишар, Вальтер, Уильмот, Врублевский.

Голосовали против: Брисме, Сириль, Даве, Флюз, Герман, Кунен, Сова, Спленгар, ван ден Абеле.

Воздержались: Алерини, Дерер, Фридлендер, Мак-Доннель, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Швицгембель.

3. Швицгембеля не исключать. За исключение — 15, против — 17, воздержавшихся — 7.

Голосовали за исключение: И.-Ф. Беккер, Куно, Дюмон, Энгельс, Фаркас, Гайм, Гепнер, Кугельман, Ле Муссю, Маркс, Пиль, Спленгар, Вальтер, Вишар, Врублевский.

Голосовали против: Брисме, Кунен, Сириль, Даве, Дерер, Дюпон, Флюз, Франкель, Герман, Жоаннар, Лонге, Сова, Серрайе, Сварм, Уильмот, ван ден Абеле.

Воздержались: Дюваль, Лафарг, Люкен, Мак-Доннель, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер.

4. Не ставить на голосование других исключений, предложен-

ных комиссией. Принято единогласно при нескольких воздержавшихся.

5. Опубликовать документы, относящиеся к Альянсу. Принято единогласно при нескольких воздержавшихся.

Необходимо отметить, что это голосование об Альянсе имело место после вынужденного отъезда большого числа французских, английских и немецких делегатов.

VIII. МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ И СОСТАВ БУДУЩЕГО ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА.

1. Голосование по вопросу о перемене местопребывания Генерального Совета. За перемену — 26; против — 23; воздержавшихся — 9.

Голосовали за: Барри, И.-Ф. Беккер, Брисме, Куно, Даве, Дюмон, Дюпон, Энгельс, Гаркур, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Лесснер, Ле Муссю, Лонге, Мак-Доннель, Маркс, Роч, Сова, Серрайе, Секстон, Зорге, Сварм, Вишар, ван ден Абеле, Врублевский.

Голосовали против: Арно, Б. Беккер, Курне, Дерер, Дюваль, Фаркас, Франкель, Фридлиндер, Гергард, Гайм, Герман, Гепнер, Люкен, Людвиг, Мильке, Пиль, Ранвье, Шумахер, Спленгар, Вайян, Уильмот, Вальтер, ван дер Гоут.

Воздержались: Сириль, Эбергард, Флюз, Гильом, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Швицгебель, Алерини.

2. Местопребывание Генерального Совета было перенесено в Нью-Йорк 30 голосами против 14 (поданных за Лондон) и 13 воздержавшихся.

Голосовали за Нью-Йорк: И.-Ф. Беккер, Брисме, Куно, Кунен, Даве, Дюмон, Дюпон, Энгельс, Фаркас, Флюз, Фридлиндер, Герман, Кугельман, Лафарг, Лесснер, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Мак-Доннель, Маркс, Пиль, Роч, Серрайе, Секстон, Спленгар, Сварм, Вишар, ван ден Абеле, Врублевский.

Голосовали за Лондон: Арно, Курне, Дерер, Дюваль, Франкель, Гайм, Гепнер, Людвиг, Мильке, Ранвье, Шумахер, Вайян, Уильмот, Вальтер.

Воздержались: Сириль, Эбергард, Гергард, Гильом, Жоаннар, Алерини, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Зорге, Швицгебель, ван дер Гоут.

3. Конгресс постановил избрать двенадцать членов Генерального Совета, местопребыванием которого является Нью-Йорк, с правом кооптации еще трех членов.

Были избраны:

Бертран, немец — 29 голосов	Карл, немец — 28 голосов
Больте, немец — 29 »	Давид, француз — 26 »
Лорель, швед — 29 »	Дерер, француз — 26 »
Кавенф, ирландец — 29 »	Фоначери, итальянец — 25 »
Сен-Клер, ирландец — 29 »	Шпейер, немец — 23 »
Левизаль, француз — 28 »	Уорд, американец — 22 »

IX. МЕСТО СЛЕДУЮЩЕГО КОНГРЕССА.

По вопросу о созыве следующего конгресса в Швейцарии и указанию Генеральным Советом такого места созыва голоса распределились следующим образом: за Швейцарию голосовало 15, за Лондон — 5, за Чикаго — 1 и за Испанию — 1.

X. КОМИССИЯ ДЛЯ РЕДАКТИРОВАНИЯ ПРОТОКОЛОВ.

Избраны единогласно: Дюпон, Энгельс, Франкель, Ле Муссю, Маркс, Серрайе.

Лондон, 21 октября 1872 г.

Комиссия: Э. Дюпон, Ф. Энгельс, Лео Франкель, Ле Муссю, Карл Маркс, Огюст Серрайе.

Написаны К. Марксом и Ф. Энгельсом.

В Архиве ИМЭЛ есть рукопись, написанная рукой Ф. Энгельса.

Перевод с французского.

Напечатано в брошюре «Резолюции Гаагского конгресса, состоявшегося 2—7 сентября 1872 г.»

Лондон, 1872.

РЕДАКТОРУ «WOODHULL AND CLAFLIN'S WEEKLY».

Милостивая государыня! Нижеследующее письмо (адресованное одному другу) может представить и общий интерес, если с помощью его будет пролит некоторый свет на акты произвола, совершаемые французским правительством, которое, относясь с величайшим презрением к праву личной безопасности и свободы, не останавливается перед арестом, — под абсолютно ложными предлогами, — как иностранцев, так и собственных подданных.

— Г-н Лафарг, мой зять, его жена и дети, младшая моя сестра и я провели июнь и июль в Баньер-де-Люшон, где предполагали остаться до конца сентября. Я надеялась, что продолжительное пребывание в Пиренеях и ежедневное пользование минеральными водами, которыми славятся Люшон, помогут мне ликвидировать последствия перенесенного мной тяжелого плеврита. *Но в республике Тьера человек предполагает, а полиция располагает.* 1 или 2 августа один друг г-на Лафарга сообщил ему, что к нему со дня на день может нагрянуть полиция, и если его застанут дома, то безусловно арестуют, под тем предлогом, что во время Коммуны он на короткое время посетил Париж, что он работал в Пиренеях в качестве эмиссара Интернационала и — хотя этот пункт упоминается последним, но он не менее важен, — потому что он муж своей жены, следовательно, зять Карла Маркса. Зная, что при теперешнем правительстве законододов закон является мертвой буквой, что людей беспрестанно сажают под замок, без всякого указания причин их ареста, г-н Лафарг последовал данному ему совету, перешел границу и обосновался в Бососте, маленьком испанском городке. Несколько дней спустя после его отъезда, 6 августа, г-жа Лафарг, ее сестра Элеонора и я посетили Лафарга в Бососте. Г-жа Лафарг, видя, что ее сынишка по состоянию здоровья не может выехать из Бососта в тот же день (она очень беспокоилась за ребенка, так как его маленький брат умер за несколько дней до этого), решила остаться на несколько дней с мужем. Поэтому сестра моя Элеонора и я вернулись в Люшон одни.

Нам удалось без приключений проехать по ухабистым испанским дорогам и благополучно добраться до Фо. Там французские таможенные чиновники задают нам обычные вопросы и заглядывают в нашу коляску, чтобы убедиться, нет ли у нас какой-нибудь контрабанды. Так как у нас ничего нет, кроме наших пальто, я говорю кучеру, чтобы он трогал, как вдруг появляется перед нами некая особа, — не более, не менее, как прокурор республики, барон Дезагарр, — и заявляет: «Именем республики предлагаю вам следовать за мной». Мы оставляем нашу коляску и входим в маленькую комнатку, где нас ожидает существо отталкивающего вида — весьма неженственная женщина, — которой было поручено нас обыскать. Так как мы не хотели, чтобы эта неотесанная особа доставлялась до нас, мы предлагаем сами снять наши пальто. Женщина и слышать не хочет об этом. Она выбегает из комнаты и вскоре возвращается в сопровождении прокурора республики, который весьма грубо говорит моей сестре:

«Если вы не позволите этой женщине обыскать вас, я сделаю это сам». Моя сестра отвечает: «Вы не имеете права касаться британского подданного. У меня английский паспорт». Видя, однако, что с английским паспортом не очень считаются, что предъявитель такого паспорта не внушает г-ну барону Деагарр особого уважения, ибо похоже на то, что он совершенно серьезно готов перейти от слов к делу, мы разрешаем женщине поступать, как она хочет. Она распарывает даже швы наших платьев, заставляет нас снять чулки. Мне кажется, что я до сих пор чувствую, как ее паучьи пальцы бегают у меня в волосах. Найдя у меня лишь газету, а у сестры — разорванное письмо, она бежит с ними к своему другу и союзнику, г-ну барону Деагарр. Нас провожают к нашей коляске; нашего собственного кучера, который служил нам «гидом» во время всего нашего пребывания в Пиренеях и очень привязался к нам, уводят насильно и заменяют другим; против нас в коляске усаживаются два чиновника, и так мы отправляемся в сопровождении тележки, битком набитой таможенными чиновниками и полицейскими. Через некоторое время, убедившись, без сомнения, что мы не так уж опасны, что мы не покушаемся на убийство наших часовых, наша свита покидает нас, и мы остаемся на попечении двух чиновников в коляске. Под такой стражей мы проезжаем одну деревню за другой, через Сен-Беа, причем обитатели этого сравнительно большого города собираются толпами, принимая нас, очевидно, за воровок или, по меньшей мере, за контрабандисток. В 8 часов, в совершенном изнеможении, мы приезжаем в Люшон, пересекаем городской сад, где собрались сотни людей слушать музыку, так как дело было в воскресенье и в разгар сезона. Наша коляска останавливается у особняка префекта, графа де Кератри. Так как этой важной особы нет дома, то нас — все время под стражей — заставляют ждать у его двери по меньшей мере полчаса. Наконец, отдается распоряжение доставить нас в наш дом, который мы застаем окруженным жандармами. Мы тотчас же идем наверх, желая умыться (мы были на воздухе с пяти часов утра), но так как жандармы и полицейский в штатском следуют за нами даже в нашу спальню, то мы возвращаемся в гостиную, не освежившись, чтобы ждать прибытия префекта. Часы бьют девять; г-н де Кератри не явился — он слушает музыку на кругу и, как говорят, твердо решил не уходить до тех пор, пока не отзвучит последний аккорд. Тем временем дом наш наводняется шпионами; они входят в комнату, как будто в свою собственную, устраиваются, как у себя дома, располагаются на наших стульях и диване. Вскоре нас окружает пестрая толпа полицейских; по всему видно, что эти преданные слуги республики прошли годы своего ученичества при империи, — они вполне владеют своим почетным ремеслом. Они прибегают к самым невероятным хитростям и уловкам, чтобы втянуть нас в разговор, но, видя, что все их усилия напрасны, пялят на нас глаза так, как это могут делать лишь «профессионалы», пока, наконец, в половине десятого не совершает свое появление префект в сопровождении генерального прокурора, г-на Дельпека, судебного следователя, мирового судьи, тулузского и лионского комиссаров и т. д. Моей сестре велят удалиться в соседнюю комнату; с ней уходит тулузский комиссар и один жандарм. Начинается мой допрос. Я отказываюсь дать какие бы то ни было сведения о моем зяте и других родственниках и друзьях. Относительно меня самой я заявляю, что я лечусь и приехала в Люшон пользоваться водами. Больше двух часов г-н де Кератри то увещевает, то убеждает меня и в конце концов угрожает, что, если я буду продолжать упорствовать в моем отказе выступить в качестве свидетеля, меня будут считать сообщником. «Завтра», — говорит он, — «закон *заставит* вас дать

ваше показание под присягой, ибо, — разрешите мне сказать вам, — что г-н Лафарг и его жена арестованы». Тут я встревожилась, так как ребенок сестры болен.

Наконец, приходит очередь моей сестры Элеоноры. Мне приказывают вернуться к ней спиной, в то время как она будет говорить. Передо мной становится офицер, на случай если я попытаюсь сделать какой-нибудь знак. К досаде моей, я слышу, что сестру постепенно вынуждают отвечать да или нет на задаваемые ей бесчисленные вопросы. Позже я узнала, каким образом ее заставили говорить. Указывая на мое письменное заявление, г-н де Кератри (стоя к нему спиной, я не могла видеть его жестов) утверждал как раз противоположное тому, что я говорила. Поэтому, боясь вступить со мной в противоречие, сестра не опровергала заявлений, которые я будто бы сделала. Ее допрос кончился только в половине третьего. Шестнадцатилетняя молодая девушка на ногах с пяти часов утра, пропутешествовавшая девять часов в невероятно жаркий августовский день, ничего не евшая с самого Бососта, подвергалась перекрестному допросу до половины третьего ночи!

Остаток этой ночи тулузский комиссар и несколько жандармов провели под нашим кровом. Мы легли, но спать не могли, так как ломали себе голову, как бы раздобыть человека, которого можно было бы послать в Босост предупредить г-на Лафарга, если он еще не арестован. Мы выглянули в окошко. Жандармы разгуливали по саду. Выйти из дому было невозможно. Мы были в строгом заключении — нам не позволяли даже видиться с нашей горничной и квартирной хозяйкой. На следующий день хозяйка и прислуга давали показания под присягой. Меня опять более часу допрашивали генеральный прокурор, г-н Дельпек, и прокурор республики. Этот хвастливый герой, г-н барон Дегагарр, читал мне длинные цитаты, указывая на наказания, которым я могу подвергнуться, если буду продолжать упорствовать в моем отказе выступить в качестве свидетеля. Однако эти господа напрасно расточали свое красноречие. Я спокойно, но твердо заявила, что не буду давать присяги, и осталась непоколебима.

Допрос моей сестры длился на этот раз только несколько минут. Она также категорически отказалась дать присягу.

Перед уходом генерального прокурора мы попросили у него разрешения написать несколько строк нашей матери, так как боялись, что известие о нашем аресте может попасть в газеты и взволновать наших родителей. Мы предложили написать это письмо по-французски, в присутствии г-на Дельпека. Оно должно было состоять лишь из нескольких фраз: мы здоровы и т. д. Прокурор отказал в нашей просьбе под предлогом, что у нас может быть условный язык, что под словами: мы здоровы, может скрываться какой-нибудь тайный смысл.

Эти судьи превзошли Догберри и Верджеса¹. Вот еще одно доказательство их невероятной глупости: найдя, как нам передала наша горничная, множество коммерческих писем, принадлежащих г-ну Лафаргу, в которых упоминалось об экспорте овец и быков, они воскликнули: «Быки, овцы, интриги, интриги! овцы — коммунисты; быки — члены Интернационала».

В течение остатка этого дня и ночью мы снова были поручены заботам нескольких жандармов; один из них сидел против нас даже в то время, как мы обедали.

¹ Глупые констэбль и старшина в шекспировской комедии «Много шуму из ничего». *Ред.*

На следующий день, 8-го, мы удостоились визита префекта и еще одного лица, по нашим предположениям, его секретаря. Весьма неточный и фантастический отчет о нашей беседе появился в «France» и оттуда был перепечатан многими газетами. Но вернемся к префекту.

Г-н де Кератри, после очень длинного предисловия, сообщил нам весьма благодушно, что власти ошиблись, выяснилось, что нет никаких оснований для возбуждения дела против г-на Лафарга, что он невиновен и поэтому волен вернуться во Францию. «Что же касается вашей сестры и вас самих», — сказал г-н де Кератри, думая, как я полагаю, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, — «против вас значительно больше улик, чем против г-на Лафарга» (таким образом, мы вдруг превратились из свидетелей из обвиняемых) «и по всей вероятности вас вышлют из Франции. Однако сегодня должен притти приказ правительства о вашем освобождении». Затем, приняв отеческий тон, он сказал: «Во всяком случае, разрешите мне посоветовать вам умерить в будущем ваш пыл, *«pas trop de zèle»*. Вслед за этим предполагаемый секретарь сказал внезапно: «Что, Интернационал в Англии — могущественная организация?» — «Да», — ответила я, — «весьма могущественная, и в других странах тоже». «Ах, — воскликнул г-н де Кератри, — Интернационал — это религия!» Перед тем как отбыть, г-н де Кератри еще раз заверил нас честным словом, что Поль Лафарг свободен, и попросил немедленно написать ему об этом в Босост и предложить ему вернуться во Францию. Но мне показалось, что петлицу г-на Кератри украшает красная ленточка почетного легиона, и так как я держусь того мнения, что честь рыцарей почетного легиона должна весьма отличаться от чести простых смертных, то я подумала, что осторожность не повредит, и, вместо того чтобы посоветовать г-ну Лафаргу вернуться в Люшон, я решила поступить наоборот и попросила одного друга послать ему денег, которые дали бы ему возможность уехать дальше в глубь Испании.

Сопровождаемые повсюду нашей тенью, жандармами, мы тщетно ожидали обещанного приказа об освобождении. В 11 часов ночи прокурор республики вошел в нашу комнату, но вместо того, чтобы передать нам приказ об освобождении, он попросил нас уложить необходимые нам вещи и последовать за ним в «частный дом» (*une maison particulière*). Я знала, что это незаконно, — но что нам было делать? С нами в доме было лишь несколько женщин, в то время как прокурора сопровождало изрядное количество жандармов. Поэтому, не желая доставить этому трусливому хвостуну, г. Дезагарру, удовольствие применить к нам грубую силу, мы велели нашей плачущей горничной приготовить наши платья и т. д. и, попытавшись утешить дочь нашей хозяйки обещанием, что мы скоро вернемся, сели в коляску, где находились уже два жандарма, и нас повезли неизвестно куда, глубокой ночью, в чужой стране.

Местом нашего назначения оказался жандармский участок, нам, указали нашу спальню, нашу дверь должным образом забаррикадировали снаружи и оставили нас одних. Здесь мы провели весь следующий день до половины шестого, когда, решив узнать, что все это означает, я попросила свидания с префектом. Г-н де Кератри пришел. Я спросила его, как это случилось, что нас привезли в участок после того, как он нам обещал свободу.

«Благодаря моему вмешательству», — ответил он, — «вам разрешено было провести ночь в жандармской. Правительство (г-н Тьер) послало бы вас в тюрьму Сен-Годен, близ Тулузы». Затем г-н де Кератри вручил мне письмо с 2 000 фр., которое было послано г-ну Лафаргу его бордоским банкиром и которое он,

г-н де Кератри, до сих пор задерживал; объявил, что мы свободны, что мы не будем изгнаны из Франции, но, подобно г-ну Лафаргу, вольны остаться в этой стране.

На этот раз мы допустили неосторожность и известили г-жу Лафарг о том, что говорил г-н де Кератри относительно ее мужа.

10-го мы получили пропуск на выезд в Испанию, но наш английский паспорт нам не вернули. В течение десяти дней мы тщетно добивались его. Г-н де Кератри написал нам, что он послал его в Париж и его ему не возвращают, несмотря на многократные напоминания.

Мы убедились тогда, что нас выпустили из маленького участка Люшона только для того, чтобы запереть нас в этой большой жандармской, республике Тьера. Мы продолжали быть заключенными. Без паспорта мы не могли выехать из Франции, где нас, очевидно, собирались держать до тех пор, пока, придравшись к какому-нибудь случаю, не выдумали бы предлога для нашего нового ареста.

Полицейские органы Тулузы ежедневно обвиняли нас в том, что мы работали в качестве эмиссаров Интернационала на французской и испанской границах. «Но», прибавляли они, «префект принимает энергичные меры к тому, чтобы успокоить (pour rassurer) жителей Верхней Гаронны». Правда, нам был дан пропуск в Испанию, но переживания оставшейся там г-жи Лафарг были такого свойства, что у нас не могло явиться желание искать убежища в стране Сиды.

Факты, о которых нам поведала г-жа Лафарг, возвращают нас опять к 6 августа.

Я упомянула выше, что нашего кучера заставили покинуть нас в Фо. Вслед за тем г. Деагарр, прокурор республики, и другие «джентльмены» из полиции пытались убедить его, весьма благовидным образом, чтобы он вернулся в Босост и под ложным предлогом уговорил бы г-на Лафарга приехать в Фо. К счастью, один честный человек сильнее полдюжины полицейских агентов. Догадливый малый сообразил, что под этим красноречием кроется что-то неладное, и категорически отказался ехать за г-ном Лафаргом, в результате чего жандармы и таможенные чиновники с прокурором во главе отправились в экспедицию в Босост. Г-н барон Деагарр, доблесть которого проявляется, главным образом, в осторожности, заявил ранее, что он не отправится в Фо для поимки г-на Лафарга без достаточного эскорта; что он с одним или двумя жандармами не справится с человеком, подобным Лафаргу, который, наверное, прибегнет к огнестрельному оружию. Г-н Деагарр ошибался — ему была уготована не пуля, а пинки и тумачи. Вернувшись из Бососта, он вздумал мешать крестьянам, собравшимся на деревенский праздник. Славные горцы, любящие свою свободу не меньше, чем свой горный воздух, задали благородному барону изрядную трепку и выпроводили его вон, если не поумневшим, то во всяком случае более мрачно настроенным! Но я забегаю вперед.

Я остановилась на том, что г. Деагарр и его свита отбыли в Босост. Скоро они достигли этого города и нашли отель, где остановились Лафарги, ибо жители Бососта располагают лишь двумя отелями, или, вернее, постояльями дворами. Они еще не настолько цивилизованы, чтобы иметь полагающееся количество трактиров. Так вот, в то время, как г-н Деагарр стоит у парадной двери отеля Массе, г-н Лафарг, при содействии своих добрых друзей, крестьян, выходит из дома через черный ход, взбирается на гору и спасается по тропинкам, известным

только гидам, козам и английским туристам, так как все проезжие дороги охранялись испанскими карабинерами. Испанская полиция с энтузиазмом пришла на помощь своим французским братьям. Г-же Лафарг суждено было испытать на себе все благодеяния международного товарищества полицейских. В 3 часа дверь ее спальни взламывают, в комнату врываются четыре испанских офицера с карабинами, направленными на кровать, где спит г-жа Лафарг с ребенком. Бедный больной малютка, внезапно разбуженный, начинает кричать; но это не мешает испанским офицерам заглядывать в каждую дырку и щель в комнате, — нет ли там г-на Лафарга. Наконец, убежденные, что их добыча ускользнула от них, они объявляют, что заберут г-жу Лафарг. Тут вмешался хозяин отеля — весьма достойный человек, — заявляя, что испанское правительство безусловно не даст своего согласия на выдачу женщины. Он был прав. Г-же Лафарг разрешили остаться в Бососте, но с того времени она вынуждена была подвергаться постоянной слежке агентов полиции. Отряд шпионов устроил свой главный штаб в отеле. В один воскресный день сам префект и прокурор республики потрудились совершить весь путь от Люшона до Бососта, чтобы посмотреть на г-жу Лафарг. Так как им, однако, любопытства своего удовлетворить не удалось, то они утешились, играя в рулетку; эта игра, вместе с бакара, составляет единственно серьезное занятие версальской золотой молодежи, проживающей сейчас в Пиренеях.

Но как бы я не забыла объяснить, почему это г-ну де Кератри не удалось повидать г-жу Лафарг. Дело в том, что один французский крестьянин из Люшона известил некоторых своих испанских друзей в Бососте о предполагаемом визите г-на де Кератри, а те, конечно, немедленно предупредили г-жу Лафарг.

Французское и испанское население Пиренеев образуют союз — наступательный и оборонительный — против своих правительств. В данном случае они шпионили за официальными шпионами префекта; хотя их часто задерживали на французской границе, они вновь и вновь пытались сообщать нам интересующие нас известия. В конце концов, г-н де Кератри распорядился, чтобы никто — даже гиды — не смел переходить в Босост, если только у них нет надлежащего паспорта. Эта мера, само собой разумеется, не помешала нам получать сведения, как и раньше; она только еще более озлобила крестьян, уже и так враждебно настроенных по отношению к «деревенщине» Версаля.

Я впоследствии слышала, что в других местах Франции крестьяне совершенно так же ненавидят своих *так называемых* представителей, правящую «деревенщину». Г-н Тьер исправляет крупную ошибку, допущенную революцией! При помощи своих префектов, попов, стражников и жандармов он в короткий срок вызовет всеобщее восстание крестьянства!

О бегстве г-на Лафарга г-жа Лафарг известила нас вскоре после нашего освобождения из жандармской. Позднее мы узнали от одного обитателя Бососта, что г-на Лафарга арестовали в Уэске и что испанцы предложили выдать его французскому правительству. В тот же самый день мы получили сообщение от мирового судьи, что наш паспорт нам возвращен. Тогда, чтобы положить конец тревожному состоянию, в котором, как мы знали, находилась г-жа Лафарг, прикованная к Бососту болезнью ребенка, в неведении о судьбе мужа, мы немедленно решили ехать в Уэску, чтобы попытаться узнать у тамошних властей, каковы действительные намерения испанского правительства относительно г-на Лафарга. Приехав в Сен-Себастьян, мы, к нашей радости, узнали, что г-н Лафарг выпущен на свободу. Тогда мы тотчас же вернулись в Англию.

Не могу закончить этого письма, не упомянув вкратце о том обращении, которому подверглись г-жа С..., наша хозяйка, и прислуга, 6 августа, во время нашего отсутствия, ибо если сравнить обращение полиции с ними, то отношение полиции к нам можно было бы считать верхом вежливости. В 11 часов утра префект, генеральный прокурор, прокурор республики и т. д. совершили набег на наш дом. Возбешенные тем, что им не удалось захватить в свои лапы г-на Лафарга, они излили свою злобу на г-же С..., женщине, страдающей застарелой болезнью сердца, и на нашей горничной. С этой бедной девушкой обращались очень грубо, потому что она не хотела говорить, куда уехал ее хозяин.

Это, однако, префекту удалось узнать от одного мальчика, садовника г-жи С..., которого он незамедлительно отправил в Фо, чтобы он там, скрывшись за изгородью, подстерег нас и известил о нашем прибытии господина прокурора республики и К^о.

Если бы во время войны с Пруссией г-н де Кератри пользовался тем же методом, чтобы защищать свой фланг и тыл от внезапного нападения, чтобы застигать врасплох вражеские отряды, устанавливая наблюдательные посты и выслывая вперед разведчиков, — дела в Бретани шли бы лучше, если судить по успеху тактики де Кератри в Фо!

Нашей хозяйке не разрешали зажечь огонь в собственной кухне; ей приказали спать не в постели, а на полу. Последнему приказанию, однако, она отказалась повиноваться. Схватив ее сына, ребенка, которому нет еще трех лет, префект сказал, что это сын г-на Лафарга. Г-жа С... несколько раз заявляла, что он ошибается; наконец, стремясь удостоверить личность ребенка (она боялась, что его заберут), она воскликнула: «Помилуйте, мальчик говорит только на местном наречии!». Сначала даже этот аргумент как будто бы не показался префекту достаточно убедительным. Может быть, г-н де Кератри, утверждающий, что «Интернационал — это религия», вспомнил при этом о благодати, осенившей апостолов в виде спустившихся на них с неба раздвоенных огненных язычков и даровавшей им способность говорить на всех наречиях земли.

Одной из причин, почему с г-жей С... так плохо обращались, было то, что она в жизни не слышала об Интернационале и потому не могла дать сведений о деяниях этого таинственного общества в Люшоне (это, кстати, было бы непосильной задачей для самого осведомленного члена — во всяком случае до того времени, как г-н де Кератри начал свою активную пропаганду в пользу Международного Товарищества). Затем г-жа С... была виновата в том, что с похвалой отзывалась о своем жилье, г-не Лафарге. Но главным преступлением было то, что она не могла указать, где спрятаны бомбы и керосин.

Да! Это факт, в нашем доме искали бомбы и керосин.

Заметив маленький ночничок, которым пользовались для подогревания молока ребенку, синклит властей стал внимательно разглядывать лампочку, обращаясь с ней с такой осторожностью, будто это была адская машина, с помощью которой можно было бы, находясь в Люшоне, залить керосином улицы Парижа. Даже Мюнхгаузен не предавался такому буйному полету фантазии. Французское правительство способно на все. Власти на самом деле верят в дикие басни о керосине — порождение их собственного большого мозга. Они, действительно, думают, что женщины Парижа «не звери и не люди, не мужчины и не женщины», но «pétroleuses» — разновидность саламандр, обожающих свою родную стихию — огонь.

Они мало в чем уступают Анри де Пену из парижского «Journal», их про- року и учителю, который, как мне говорили, действительно, думает, что пресло- вутые письма, изготовленные им самим от имени моего отца, были написаны не Анри де Пенем, а Карлом Марксом.

Можно было бы обойти презрительным молчанием обезумевшее прави- тельство и посмеяться над фарсами, в которых бездельничающие клоуны, на службе у этого правительства, разыгрывают свои роли, путая их и вешиваясь не в свои дела, если бы эти фарсы не превращались в трагедию для тысяч муж- чин, женщин и детей. Подумайте только о «pétroleuses» перед военным судом в Версале и о женщинах, которых за последние три месяца медленно умерщвляют на галерах.

Женни Маркс.

Лондон, сентябрь, 1871.

*Дается по тексту, напечатанному
в «Woodhull and Claflin's Weekly»
от 21 октября 1871 г.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авриль (Avrial), *Огюстен* (1840—1904) — французский прудонист, рабочий-механик, член Исполнительной комиссии Парижской коммуны; в 1871—1880 гг. эмигрант в Лондоне, член «Французской секции 1871 г.» — 411.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 97, 274, 275, 614, 615, 639, 640, 642—645.

Александровская (род. в 1833 г.) — акушерка; примыкала к нечаевской организации; в 1870 г. была арестована на границе с прокламациями; по нечаевскому процессу приговорена к ссылке на поселение — 618.

Алексей (1629—1676) — второй царь из дома Романовых (1645—1676); отец Петра Великого — 598.

Алерини (Alerini), *Шарль* — альянсист, член I Интернационала в Марселе; после падения Парижской коммуны эмигрант в Барселоне, делегат Гаагского конгресса I Интернационала и конгресса бакунистия в Сент-Имье (1872), редактор газеты «Federation» — 568, 569, 575, 701, 702, 704—707.

Аллен (Allen), *Р. Г.* — сторонник американской буржуазной феминистики Виктории Вудхулл — 467.

Альбаррасин (Albarrasin), *Северино* (ум. в 1878 г.) — альянсист, член бакунистского Федерального совета в Валенсии (Испания); в 1873 г. стоял во главе восстания в Алькое, затем эмигрировал в Швейцарию, где под псевдонимом Габриэля Альбахеса участвовал в анархистском движении — 477.

Альберт (Albert) (1828—1902) — саксонский кронпринц; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал саксонским корпусом; затем 4-й армией; король саксонский (1873—1902) — 72, 156, 164, 194.

Альбрехт (Albrecht) (1809—1872) — прусский принц, генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 4-й кавалерийской дивизией — 178.

Альбрехт (Albrecht) младший (1837—1906) — прусский принц, сын предыдущего, генерал; во время франко-прусской войны командовал 2-й кавалерийской бригадой, затем летучим отрядом, посланным для прикрытия армии, осаждавшей Париж — 235.

Альвенслебен (Alvensleben), *Константин*, фон (1809—1892) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 3-м корпусом — 41.

Амберни (Amberny) — швейцарский адвокат — 387.

Амедей (Amedeo) (1845—1890) — второй сын итальянского короля Виктора-Эммануила II, герцог Аостский, король Испании (1870—1873) — 548, 576.

Антонелли (Antonelli), *Джиакомо* (1806 — 1876) — кардинал, противник объединения Италии; с 1850 по 1870 г. стоял во главе Государственного совета церковной области; правая рука папы Пия IX — 577.

Арно (Arnaud), *Антуан* (1831—1885) — французский революционер, бланкист, один из руководителей и секретарь Парижской коммуны (сторонник «большинства»); после разгрома Коммуны эмигрант в Лондоне, член Генерального Совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию — 433, 446, 454, 700—704, 707.

Арнольд (Arnold), *Жорж* — архитектор; член Военной комиссии Парижской коммуны, после поражения Коммуны сослан в Новую Каледонию — 354.

Асси (Assi), *Адольф-Альфонс* (1841—1886) — французский рабочий-механик, служил в войсках Гарибальди, бакунист; в 1870—1871 гг. член ЦК Национальной гвардии, член Парижской коммуны; был сослан в Новую Каледонию — 281, 343, 362.

Астер (Aster), *Эрнест-Людвиг*, фон (1778—1855) — прусский генерал и военный инженер; автор ряда работ по фортификации — 83.

Аффр (Affre), *Дени-Огюст* (1793—1848) — парижский архиепископ; в июне 1848 г. пытался примирить сражавшихся на баррикадах рабочих с солдатами «партии порядка» и был убит правительственными войсками — 333.

Б

Базэн (Bazaine), *Франсуа-Анриль* (1811—1888) — французский маршал, в молодости служил в Алжире в иностранном легионе, участник всех войн Второй империи; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал Рейнской армией; за предательскую сдачу Меца был приговорен к смертной казни, которая была заменена ссылкой на остров св. Маргариты, откуда бежал — 32, 34, 38, 40—42, 51—54, 57—59, 62—67, 69—71, 73, 74, 80, 82, 83, 109, 110, 134, 136, 144, 159, 161, 163—165, 168, 169, 175, 191.

Бакас (Basave) — французский альянсист, полицейский агент — 587.

Бакунин, *Михаил Александрович* (1814—1876) — анархист, враг марксизма; войдя в I Интернационал, вел подрывную работу с целью его развалить; на Гаагском конгрессе (1872) был исключен из Интернационала — 371, 372, 374, 375, 377, 379, 380, 395, 399—403, 406, 415, 422, 423, 425, 426, 429, 431, 432, 443, 444, 448, 449, 475—477, 479, 492, 494, 495, 501—503, 514, 521, 537, 540—543, 545—551, 553, 554, 556—561, 563, 565, 566, 568, 569, 571, 576, 577, 579, 584—586, 589, 595—611, 614, 616, 618—620, 622, 623, 629, 633—641, 643—647, 649, 705, 706.

Балан (Balzan), *Герман-Людвиг* (1812—1874) — немецкий дипломат, посол в Брюсселе — 244.

Барнеков (Barnekow), *Альберт* (1809—1895) — прусский генерал; во время франко-прусской войны командовал дивизией 8-го корпуса — 32.

Барни (Barni), *Жюль* (1818—1878) — французский философ и политический

деятель, один из организаторов буржуазной «Лиги мира» — 541.

Барраль (Barral) — французский генерал; участник франко-прусской войны (1870—1871) — 213.

Барри (Barry), *Мальтман* (1842—1909) — английский журналист; в 1871—1872 гг. член Генерального Совета и Британского федерального совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса — 441, 446, 454, 701—704, 707.

Бастелика (Bastelica), *Андре* (1846—1880) — французский рабочий-печатник; член секции I Интернационала в Марселе, член бакунистского Альянса, один из ближайших подручных Бакунина; после Парижской коммуны эмигрант в Лондоне, участник Лондонской конференции 1871 г., член Генерального Совета; за связи с бонапартистами был исключен из Интернационала — 402, 403, 407, 412, 556, 557, 568, 585, 662.

Батайль (Bataille), *Анри-Жюль* (1816—1882) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 2-й дивизией 2-го армейского рейнского корпуса, был тяжело ранен у Вионвиля и взят в плен — 22.

Баяр (Bayard), *Пьер-де-Терайль* (1476—1524) — французский рыцарь, прославленный в легендах как образец мужества и благородства, «рыцарь без страха и упрека» — 547.

Бebel (Bebel), *Август* (1840—1913) — выдающийся вождь германской социал-демократии, рабочий — 222, 243, 486, 488, 663.

Бегелли (Begli), *Джузеппе* (ум. в 1877 г.) — итальянский журналист; член «Рабочей федерации» в Турине, мадзинист — 580.

Бейст (Beust), *Фридрих-Фердинанд* (1809—1886) — австрийский государственный деятель; в 1866—1871 гг. глава правительства и министр иностранных дел, в дальнейшем — посол в Лондоне и Париже — 377, 393, 487, 489.

Бекер (Becker), *Бернгард* (1826—1882) — немецкий публицист, лассальянец; по завещанию Лассалья был назначен председателем «Всеобщего германского рабочего союза» (1864—1865), позднее примкнул к эйзенхациам; в 1868 г. выступил с сенсационными «Разоблачениями о трагической кончине Ф. Лассалья» (грязный памфлет — по оценке Энгельса); в 1872 г.

- делегат Гаагского конгресса I Интернационала — 700—702, 707.
- Беккер** (Besker), *Герман-Генрих* (1820—1885) — прусский политический деятель, участник революции 1848 г.; в 1862—1874 гг. дортмундский городской голова, член прусского и германского парламентов — 386.
- Беккер** (Besker), *Иоганн-Филипп* (1809—1886) — немецкий рабочий-щеточник; участник демократического движения 30-х годов в Германии и Швейцарии; в 1849 г. один из военных руководителей баденско-пфальцского восстания, затем эмигрант в Швейцарию; с 1864 г. член Интернационала, в 1866—1871 гг. редактор «Vorboten»; участник Лондонской конференции (1865) и всех конгрессов Интернационала; несмотря на значительные колебания, в основном проводил линию Маркса и Генерального Совета — 455, 700—707.
- Белз** (Beslay) (1795—1878) — член французской секции Интернационала, правый прудонист, член Парижской коммуны — 299.
- Бенедек** (Benedek), *Людвиг* (1804—1881) — австрийский генерал; во время австро-прусской войны 1866 г. командующий австрийской армией; был разбит пруссаками при Садовой — 34.
- Бенкс** (Banks), *Т. Г.* — сторонник американской буржуазной феминистки Вудхулл — 467.
- Берги**, *Василий Васильевич* (псевдоним Флеровский) (1829—1918) — русский публицист-народник, автор книги «Положение рабочего класса в России» (1869) — 600.
- Беррийская** (Berru), герцогиня *Мария-Каролина-Фердинанда-Луиза* (1798—1870) — в 1832 г. пыталась поднять восстание в Вандее в пользу своего сына герцога Бордоского — Генриха V (внука Карла X), легитимистского кандидата на французский престол — 297.
- Бертран** (Bertrand), *Ф.* — немецкий рабочий-сигарочник в Нью-Йорке; член Союза свободомыслящих, активный член немецкой секции (№ 1) Интернационала в Нью-Йорке; с 1873 г. член Федерального и Генерального Советов — 708.
- Беттери** (Buttery), *Г. Х.* — член Генерального Совета I Интернационала с 1871 г., представитель секции Bethnal Green (Лондон), участник Лондонской конференции 1871 г. — 335, 355, 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Биго** (Bigot), *Леон* — французский адвокат в Париже; защитник обвиняемых коммунаров — членов I Интернационала в процессе 1871 г. — 362.
- Бидерман** (Biedermann), *Карл* (1812—1901) — немецкий публицист, политический деятель и профессор истории в Лейпцигском университете; в 1848 г. как член Франкфуртского парламента присоединился к левому центру, позднее в германском рейхстаге принадлежал к национал-либералам — 518.
- Бизли** (Beesly), *Эдуард-Спенсер* (1831—1915) — профессор древней истории в Лондонском университете; один из видных позитивистов в Англии, издатель журнала «The Positivist Review»; принимал участие в движении за избирательную реформу (1867); в 1864 г. председательствовал на учредительном митинге I Интернационала — 343.
- Биньями** (Bignami), *Энрико* (1847—1921) — гарибальдеец, член I Интернационала, секретарь секции I Интернационала в Лоди, первый социалистический кандидат в итальянском парламенте; редактор газеты «La Plebe» — 511.
- Бисмарк** (Bismarck), *Отто* (1815—1898) — граф, с марта 1871 г. — князь, канцлер (премьер-министр) Пруссии (1862—1871) и германской империи (1871—1890) — 7, 97, 118—120, 132, 142, 243, 244, 263, 264, 285, 288, 295, 296, 299, 300, 302, 303, 315, 322, 324, 327, 328, 333, 334, 338, 340, 360, 376, 377, 386, 393, 427, 441, 456, 486, 489, 655.
- Блан** (Blanc), *Гаспар* — бакунист, член Альянса, участник лионского путча 1870 г., организованного бакунистами, бонапартовский агент — 401—403, 406, 430—432, 526, 548, 556, 557, 585, 649.
- Блан** (Blanc), *Луи* (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист, историк, участник революции 1848 г.; своей соглашательской политикой способствовал поражению революции; в 1871 г. был избран депутатом Национального собрания; с 1875 г. член палаты — 604, 643.
- Бланки** (Blanqui), *Огюст* (1805—1881) — французский революционер и коммунист-утопист, участник парижских восстаний и революций на протяжении 1830—1870 гг.; организатор ряда тайных политических обществ и заговоров — 281, 302, 305, 333.

- Блинд** (Blind), *Карл* (1826—1907) — немецкий демократ, журналист, участник революции 1848—1849 гг., затем один из вождей мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне; позднее национал-либерал и сторонник Бисмарка — 457.
- Блюхер** (Blücher), *Гегбгард*, князь Вальштадтский (1742—1819) — прусский фельдмаршал, участник наполеоновских войн; под Ватерлоо (1815) командовал немецкой армией — 70, 205.
- Бове** (Bove), *Клементе* — каталонский рабочий, бакунист — 577.
- Болье** (Beaulieu), *Жан-Пьер*, барон (1725—1819) — австрийский генерал; командовал австрийским корпусом в войне против французской республики (1792—1795); в 1796 г. был разбит Бонапартом в сражении при Монтенотте (Италия) — 33.
- Больте** (Volte), *Фридрих* — немецкий социалист в Америке, секретарь Нью-Йоркского немецкого рабочего союза, член немецкой секции (№ 1) Интернационала в Нью-Йорке, далее секретарь Федерального совета и член Генерального Совета (1872—1874) — 708.
- Бонанса** (Bonaça) — португальский расстриженный священник, бакунист — 567.
- Бонапарт, Жозеф** (Bonaparte Joseph) (1768—1844) — старший брат Наполеона I, король неаполитанский, затем испанский — 168.
- Бора Джованни** (Bora Giovanni) — член Генерального Совета I Интернационала (1870), секретарь-корреспондент для Италии — 10, 100.
- Боррель** (Borrell) — член Федерального совета в Испании — 567.
- Брайт** (Bright), *Джон* (1811—1889) — английский фабрикант; либерал, «буржуазный демагог» (Маркс), один из вождей фритредерского движения, основатель «Лиги борьбы против хлебных законов», министр торговли в министерстве Гладстона (1868—1870) — 445.
- Брасс** (Brass), *Август* (1818—1876) — немецкий журналист, демократ; после 1848 г. жил в эмиграции, позднее приверженец Бисмарка — 286.
- Бредлоу** (Bradlaugh), *Чарльз* (1833—1891) — английский адвокат; буржуазный радикал, издатель газеты «National Reformer» (с 1860 г.), участник движения за парламентскую реформу (1867), выступал в своей газете с клеветническими обвинениями против Маркса — 376, 383, 384.
- Бредник** (Bradnick), *Ф.* — член Генерального Совета — 9, 100, 335, 355, 433, 441, 446, 454, 531, 682, 698.
- Брессоль** (Bressoles), *Антуан* (1793—1874) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 24-м корпусом — 257.
- Брикс** (Brix), *Гарольд* (1841—1881) — датский социал-демократ, один из основателей секции I Интернационала в Копенгагене (1872), редактор «Socialisten» — 488.
- Брисме** (Brismée), *Дезире* (1821—1888) — бельгийский рабочий-типограф; бакунист, член I Интернационала, вице-председатель Базельского конгресса, делегат на Гаагском конгрессе — 700, 702—707.
- Брусс** (Brousse), *Поль* (1844—1912) — французский мелкобуржуазный социалист; вместе с Маленом возглавлял реформистское течение POSSIBILITYISTОВ во французской рабочей партии — 587.
- Брунель** (Brunel) (1830—1871) — бланкист, член ЦК Национальной гвардии, член Парижской коммуны; с 10 мая начальник форта Исси — 337.
- Бун** (Boon), *Мартин* — английский механик; последователь О'Брайена, член Британского федерального совета и Генерального Совета I Интернационала; секретарь «Лиги земли и труда», организованной при содействии Генерального Совета — 9, 100, 335, 355, 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Бурбаки** (Bourbaki), *Шарль* (1816—1897) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал Восточной армией, с которой вынужден был отступить в Швейцарию, где был интернирован — 146, 195, 213, 217, 218, 220, 233, 234, 238—242, 252, 253, 257—264, 266, 267, 270—273.
- Буске** (Bousquet), *Абель* — альянсист, агент полиции; втерся в Интернационал, исключен из него постановлением Генерального Совета по просьбе местной секции — 526, 588, 705.
- Бургерс** (Bürgers), *Генрих* (1820—1878) — член Союза коммунистов в Кёльне, редактор «Neue Rheinische Zeitung», один из обвиняемых в Кёльнском процессе коммунистов,

в 60-х годах прогрессист, издатель «Rheinische Zeitung» в Дюссельдорфе (1857) — 386.

Бютнер (Buttner) — 542.

В

Вайян (Vaillant), *Эдуард* (1840—1915) — французский социалист, бланкист, член Парижской коммуны; в 1871—1880 г. эмигрант в Лондоне, член Генерального Совета I Интернационала, один из вождей французской социалистической партии; во время империалистической войны социал-патриот — 433, 441, 446, 454, 662, 682, 698, 700—704, 707.

Валантен (Valentin), *Мари-Эдмонд* (1823—1879) — префект полиции во время правительства национальной обороны; подавлял революционное движение в Лионе в марте — апреле 1871 г. — 302, 324.

Вальтер (Walter) — см. Ван-Геддегем. *Ван-Геддегем* (Van-Heddeghem) (род. ок. 1846 г.) (псевдоним «Вальтер»); в 1873 г. был разоблачен как агент французской полиции — 537, 701—707.

Ван ден Абееле (Van den Abeele) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872) — 700—704, 706, 707.

Ван дер Гоут (Van der Hout) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872) — 700—702, 704, 707.

Варлен (Varlin), *Луи-Эжен* (1839—1871) — видный деятель французского рабочего движения 60-х годов, рабочий-переплетчик, левый прудонист, участник профессионального движения в Париже; подписал «Манифест 60-ти» (1864 г.), выразивший стремление рабочих к политической борьбе; один из организаторов секций I Интернационала во Франции, делегат Лондонской конференции (1865), Женевского (1866) и Базельского (1869) конгрессов; участник второго процесса I Интернационала в Париже, видный член Коммуны, сторонник «меньшинства»; расстрелян версальскими войсками 28 мая 1871 г. — 411.

Везинье (Vésinier), *Пьер* (1826—1902) — французский журналист, республиканец; с 1851 г. эмигрант в Лондоне; в 1865—1866 г. член Генерального Совета I Интернационала, делегат на Лондонской конференции (1865); в

конце 1865 г. вместе с Ле Любе организовал «Французскую секцию» Интернационала в Лондоне, борющуюся против Генерального Совета; организатор клеветнической кампании против Маркса и Генерального Совета; в 1866 г. за клевету на Варлена и др. был исключен из Генерального Совета, а в 1868 г. комиссией Брюссельского конгресса — из рядов Интернационала — 411, 452.

Веллингтон (Wellington), *Артур*, герцог (1769—1852) — английский фельдмаршал, главнокомандующий в период наполеоновских войн, консерватор, премьер-министр (1828—1830) — 184.

Вердер (Werder), *Август* (1808—1887) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 14-м корпусом; 15—17 января 1871 г. нанес поражение армии Бурбаки на р. Лизен — 146, 157, 162, 180, 189, 205, 221, 234, 236, 238—241, 252, 253, 259—262, 271.

Вермерш (Vermersch), *Эжен* (1845—1878) — французский журналист; во время Парижской коммуны издавал газету «Le Père Duchêne» — «жалкую карикатуру на орган Эбера 1793» (Энгельс); после падения Коммуны эмигрировал в Лондон, где издавал бульварную газету «Qui vive», борющуюся против Генерального Совета и Интернационала — 445.

Верморель (Vermorel), *Огюст* (1841—1871) — французский революционер, журналист и историк; активный борец против режима Наполеона III, с середины 60-х годов прудонист; находясь в тюрьме, написал брошюры «Les hommes de 1848» [«Деятели 1848 г.»] (1869) и «L'Opposition» [«Оппозиция»] (1869); член Коммуны (сторонник «меньшинства»); умер от ран, полученных в баррикадном бою — 354.

Виддерн (Widdern), *Георг*, фон (1841—1920) — полковник германской службы, военный писатель; участник франко-прусской войны (1870—1871), автор ряда работ по тактике, стратегии и военной истории — 17, 18.

Викедде (Wickede) (1819—1896) — немецкий военный писатель; военный корреспондент английских и немецких газет во время франко-прусской войны (1870—1871) — 259, 260.

Виктор (Victor) (1766—1841) — французский генерал — 209.

- Виктор-Эммануил II* (1820—1878) — король Сардинии и Пьемонта (с 1849 г.), король объединенной Италии (с 1861 г.) — 377, 393.
- Вильгельм I* (1797—1888) — прусский король (1861—1888) и германский император (1871—1888) — 12, 71, 93, 94, 168, 200, 204, 244, 274, 328, 486, 663, 664.
- Вимпфен* (Wimpfen), *Эммануил* (1811—1884) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 5-м корпусом; под Седаном принял командование армией от раненого Мак-Магона и подписал капитуляцию 2 сентября 1870 г. — 76, 77, 82.
- Винуа* (Vinoу), *Жозеф* (1800—1880) — французский генерал, бонапартист; в 1871 г., после отставки Трошю, главнокомандующий парижскими войсками и Национальной гвардией; один из палачей Парижской коммуны — 86, 198, 200, 302, 304, 306, 308, 654.
- Вињяс* (Viñas), *Гарсиа* — студент-медик; член бакунистского «Альянса» в Барселоне; вышел из Интернационала в 1872 г. — 567, 576.
- Висс* (Wyss), *О.* — член манчестерской секции Международного Товарищества Рабочих — 534.
- Виттих* (Wittich), *Фридрих*, фон (1818—1884) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир 22-й дивизии — 156, 178.
- Вишар* (Vichard) — французский эмигрант в Англии, делегат одной из французских секций на Гаагском конгрессе — 537, 538, 701—707.
- Всбан* (Vauban), *Себастьян* (1633—1707) — французский маршал, крупный военный инженер и писатель, прославившийся постройкой и осадой крепостей — 88, 107, 108, 234.
- Вольтер*, *Франсуа-Мари* (*Аруз*,) (1694—1778) — 308.
- Врублевский* (Wróblewski), *Валерий* (1836—1908) — польский революционер, участник польского восстания 1863 г., генерал Парижской коммуны, далее эмигрант в Англии, секретарь-корреспондент Генерального Совета для Польши (1872), делегат Гаагского конгресса — 433, 441, 447, 454, 474, 513, 682, 698, 701—704, 706, 707.
- Вудхулл* (Woodhull), *Виктория* (1838—1927) — американская буржуазная феминистка, банкирша, автор псевдонаучных книг и брошюр по вопросам социологии, психологии и этики; в 1871—1872 гг. пыталась захватить руководство в северо-американских секциях I Интернационала; выдвигала свою кандидатуру на пост президента САСШ; возглавляемая ею 12-я секция в Нью-Йорке была исключена из Интернационала (март 1872 г.) — 462, 463, 465, 467, 468.
- Вурмаер* (Wurmser), *Дагоберт* (1724—1797) — австрийский фельдмаршал; участвовал в войнах против первой французской республики; в 1796 г. был разбит Бонапартом в нескольких сражениях в северной Италии, блокирован им в Мантуе и принужден к капитуляции — 63.

Г

- Гавришев, Георгий Яковлевич* (род. в 1846 г.) — сын купца, студент Московской земледельческой академии; состоял в нечаевском кружке — 611.
- Гайм* (Heim) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872) — 700—704, 706, 707.
- Галлифе* (Gallifet), *Гастон* (1830—1909) — французский генерал; палач Парижской коммуны — 308, 309, 336, 337.
- Гамбетта* (Gambetta), *Леон-Мишель* (1838—1882) — французский буржуазный республиканец; после революции 4 сентября 1870 г. член временного правительства; после подавления Коммуны стоял во главе республиканского блока; в 1881—1882 гг. премьер-министр — 136, 177, 195, 200, 233, 241, 243, 254, 258, 268, 294, 563, 662.
- Гамбуцци* (Gambuzzi), *Карло* — итальянский адвокат в Неаполе; один из организаторов Альянса, бакунист — 542, 577.
- Ганеско* (Ganesco) (1830—1877) — французский публицист, правая рука Тьера, по национальности румын; редактор журнала «Parlement» — 320.
- Гарибальди* (Garibaldi), *Джузеппе* (1807—1882) — знаменитый итальянский политический деятель, герой периода объединения Италии; участвовал во франко-прусской войне на стороне Франции; командовал корпусом волонтеров, затем вогевской армией — 209, 236, 257, 260, 263, 267, 584.
- Гарибальди* (Garibaldi), *Риччотти* (1847—1924) — сын Джузеппе Гари-

- бальди; вместе с отцом принимал участие в национальном революционном движении; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 4-й бригадой армии Д. Гарибальди; в 1886—1890 гг. депутат в итальянском парламенте — 189.
- Гаркур* (Harcourt), *Эдвелл* — рабочий на золотых приисках в Австралии; делегат Гаагского конгресса — 704, 707.
- Гарридо* (Garrido), *Фернандо* (1821—1883) — испанский демократ и писатель; депутат кортесов — 566.
- Гаррис* (Harris), *Джорджс* — английский рабочий-маляр; последователь чартиста О'Брайена; в 1869—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала — 9, 100, 336, 355, 441, 682, 698.
- Гебен* (Goeben), *Август* (1816—1880) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир 8-го корпуса — 235, 240, 242, 263, 267.
- Геккерен* (Дантес) (1812—1895) — убийца великого русского поэта А. С. Пушкина; бонапартист, один из активных участников переворота 2 декабря 1851 г. — 306.
- Гексли* (Huxley), *Томас-Генри* (1825—1895) — английский естествоиспытатель, друг и последователь Дарвина; профессор естественной истории и физиологии в Лондоне — 318.
- Гелефф* (Geleff), *Пауль* (1842—1921) — датский социал-демократ, один из основателей секции I Интернационала в Копенгагене (1871) — 488.
- Генрих* (Henry) II (1519—1559) — король Франции (с 1547 г.); отнял у англичан Булонь и Калэ и у Германской империи захватил Мец, Туль и Верден; жестоко преследовал гугенотов — 124.
- Генрих V* (Henry V) (1820—1883) — так легитимисты называли претендента на французский престол графа Шамбора, внука Карла X — 287.
- Гернер* (Herner), *Адольф* (1846—1923) — германский социал-демократ; в 1869 г. помощник Либкнехта в редакции «Volksstaat», делегат на Гаагском конгрессе I Интернационала, противник сближения с лассальянцами; после объявления исключительного закона эмигрировал в Америку, где занимался литературно-издательской деятельностью; в 1908 г. вернулся в Германию; во время войны социал-патриот — 243, 700—704, 706, 707.
- Гергард* (Gerhardt), *Г.* — член I Интернационала в Амстердаме — 700—704, 707.
- Герман* (Herman), *Альфред* — бельгийский скульптор; член Генерального Совета I Интернационала; в 1871—1872 гг. секретарь-корреспондент для Бельгии — 433, 441, 447, 454, 682, 698, 700—704, 706, 707.
- Герцен*, *Александр Иванович* (1812—1870) — революционер-демократ, социалист-утопист; издатель «Колокола», «Полярной Звезды» — первых органов вольной русской прессы — 344, 457, 619, 638, 640, 642, 643.
- Гёрлимен* (Hurliman) — член Генерального Совета I Интернационала с 1871 г. — 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Гизо* (Guizot), *Франсуа-Пьер-Гильом* (1787—1874) — французский историк; в политике представлял интересы крупной финансовой буржуазии; министр внутренних дел (1830—1831), просвещения (1832—1837), иностранных дел (1840—1848) и премьер (1847—1848) — 298.
- Гильом* (Guillaume), *Джэме* (1844—1917) — швейцарский анархист, один из лидеров бакунистского Альянса, редактор газет «Progrès», «Solidarité», а также «Bulletin de la Fédération jurassienne»; на Гаагском конгрессе (1872) был исключен из Интернационала, после чего стал одним из вождей анархистского Интернационала; автор четырехтомной анархистской клевветнической истории I Интернационала; в 1914—1917 гг. социал-патриот — 380, 401—403, 412, 423, 429, 503, 508, 514, 517, 518, 537, 554, 555, 557, 559, 565, 580, 585, 586, 589, 619, 622, 700—707.
- Гюо* (Guiod), *Альфонс-Симон* — французский генерал, главный командир артиллерии парижской армии — 295.
- Гладстон* (Gladstone), *Вильям Юарт* (1809—1898) — вождь английской либеральной буржуазии; неоднократно был премьером и членом либеральных кабинетов — 274, 441, 489.
- Гладстон* (Gladstone), *Роберт* — брат В. Гладстона, ливерпульский коммерсант, фритредер — 446.
- Гнейзенау* (Gneisenau), *Август-Вильгельм-Антон*, граф, фон (1760—1831) — прусский генерал; участник наполеоновских войн, реорганизатор прусской армии и инициатор создания народного ополчения для борьбы с Наполеоном I — 175, 209—212.

- Гоенцоллерны** (Hohenzollern) — династия бранденбургских курфюрстов (1415—1704), прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918) — 7, 244, 287, 321.
- Гольц** (Goltz), фон-дер — прусский генерал — 240.
- Гондр** (Gondres) — альянсист, разоблачен как шпион французской полиции — 587.
- Горчаков, Александр Михайлович** (1798—1883) — русский дипломат; в 1856—1882 гг. министр иностранных дел — 97, 377.
- Госсарт** (Hossart) — 353, 354.
- Грамон** (Gramont), **Альфред**, герцог (1819—1880) — французский министр иностранных дел с мая до сентября 1870 г. — 12.
- Грант** (Grant), **Уиллис-Симпсон** (1822—1885) — американский генерал и политический деятель; во время гражданской войны главнокомандующий вооруженными силами северян (1864); президент Соединенных Штатов (1869—1877) — 151.
- Грималь** (Grimal) — 357.
- Громека, Степан Степанович** (1823—1877) — публицист; сотрудник журнала «Отечественные Записки», корреспондент герценовского «Колокола»; впоследствии седлецкий губернатор, участвовал в подавлении польского восстания 1863 г. — 643.
- Гроссе** (Grosse), **Эдуард** — немецкий типограф, лассальянец; в начале 70-х годов был активным участником 6-й секции I Интернационала в Соединенных Штатах — 467.
- Гэд** (Guesde), **Жюль** (1845—1922) — в начале своей политической деятельности альянсист, в дальнейшем лидер марксистского крыла французского рабочего движения, основатель французской рабочей партии; с 90-х годов встал на путь уступок реформизму, один из лидеров централизма во II Интернационале; во время империалистической войны социал-патриот, в 1914—1915 гг. министр в кабинете Вивиани — 586, 587.
- Гюго** (Hugo), **Виктор** (1802—1885) — знаменитый французский поэт и романист — 141, 643.
- (1872—1873); делегат Гаагского конгресса 1872 г. — 700—707.
- Давид** (David) — на Гаагском конгрессе I Интернационала был избран членом Генерального Совета — 708.
- Дамон** (Damon) — псевдоним испанского альянсиста Монторо. См. это имя.
- Данте** (Dante), **Алигьери** (1265—1321) — 384, 445.
- Дантрейг** (Dentraugues) (псевдоним Сварм) — был членом Интернационала; разоблачен как провокатор — 587, 700—704, 706, 707.
- Дарбуа** (Darbois), **Жорж** (1813—1871) — архиепископ парижский; с 1863 г. сенатор Второй империи — 333.
- Де Вольферс** (De Wolfers) — член Генерального Совета I Интернационала — 446, 454.
- Дежан** (Dejean) — французский генерал; в августе 1870 г. временно исполнял обязанности военного министра — 44, 46.
- Дегагарр** (Desagarre) — барон, прокурор французской республики — 711—715.
- Декан** (Decaen) (1811—1870) — французский генерал; во время франко-прусской войны командовал 3-м армейским корпусом — 62, 163.
- Делайе** (Delahaye) (род. в 1821 г.) — французский рабочий-механик; член парижской секции I Интернационала; с 1867 г. член Парижского федерального совета, участник Парижской коммуны, далее эмигрант в Лондоне и член Генерального Совета, участник Лондонской конференции 1871 г. — 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Делеклюз** (Delescluze), **Луи-Шарль** (1809—1871) — французский мелкобуржуазный революционер, участник революции 1830 и 1848 гг., вождь ряда тайных республиканских обществ; с 1853 по 1859 г. был в ссылке в Кайене; по возвращении из ссылки возглавлял радикальное крыло республиканской оппозиции; основатель и главный редактор газеты «Réveil» (с 1868 г.); член Парижской коммуны, один из руководителей якобинско-бланкистского «большинства», военный делегат Коммуны; погиб на баррикадах — 354.
- Дельпек** (Delpech) — 712, 713.
- Демарэ** (Desmarêt) — 308.
- Дерер** (Dereure), **Луи-Симон** (1823—1900) — французский рабочий; бланкист, член секции I Интернационала в Париже, член Парижской коммуны; после падения Коммуны эмигрировал

Д

Даве (Dave), **Виктор** (1847—1922) — голландец; член секции I Интернационала в Гааге, примыкал к бакунистам, редактор «La science populaire»

- в Англию, затем в Америку, член Генерального Совета в Нью-Йорке — 700—708.
- Джоваччини* (Giovacchini), П. — член Генерального Совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Италии — 336, 355.
- Дилк* (Dilke), *Чарльз-Уэнтворт* (1843—1911) — член палаты общин английского парламента, левый либерал; товарищ министра иностранных дел и министр по делам местного самоуправления в кабинете Гладстона (1880—1885) — 373.
- Дицген* (Dietszen), *Иосиф* (1828—1888) — 703, 704.
- Дологов, Николай Степанович* (род. в 1844 г.) — студент Московской земледельческой академии; член нечаевского тайного общества «Народная Расправа» — 610, 612.
- Дуэ* (Douau), *Абель* (1809—1870) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 2-й дивизией 1-го корпуса Мак-Магона; потерпел поражение и был убит при Вейссенбурге (4 августа 1870 г.) — 37.
- Дуэ* (Douau), *Феликс* (1816—1879) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал корпусом, при Седане взят в плен; один из палачей Парижской коммуны — 33, 35, 38, 40, 41, 51, 54, 57, 64, 65, 76, 114, 167, 329.
- Дюлай* (Gyulai), *Франц* (1798—1868) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1848—1849 гг.; в 1849 г. военный министр; в кампании 1859 г. против Франции и Сардинии был главнокомандующим австрийской армии; после поражения при Мадженте смещен — 33.
- Дэвис* (Davies), *Левелин* — английский поп — 347, 350.
- Дюваль* (Duval), *Теодор* — швейцарский рабочий-столяр; вначале бакунист, член центрального бюро Альянса, впоследствии член Романского федерального комитета I Интернационала в Женеве, делегат Гаагского конгресса — 700—707.
- Дюваль* (Duval), *Эмиль-Виктор* (1841—1871) — рабочий-литейщик; бланкист, член I Интернационала, член ЦК Национальной гвардии, член военной и исполнительной комиссий Парижской коммуны; участник похода на Шатийон, где был взят версальцами в плен и убит — 308.
- Дюкро* (Ducrot), *Огюст* (1817—1882) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир дивизии; при защите Парижа, блокированного немцами, командовал регулярными войсками — 114, 128, 178, 186, 198—200, 202, 247.
- Дюмон* (Dumon) — член секции I Интернационала во Франции, делегат на Гаагском конгрессе 1872 г. — 700—702, 704—707.
- Дюпанлу* (Dupanloup), *Феликс-Антуан* (1802—1878) — епископ орлеанский; член Национального собрания 1871—1875 гг.; во время франко-прусской войны (1870—1871) проповедывал крестьянский поход против прусского вторжения во Францию — 208, 653.
- Дюпон* (Dupont), *Амент* (род. в 1841 г. — дата смерти не установлена) — член Парижской коммуны, начальник муниципальной полиции в одном из округов Парижа, член комиссии общественной безопасности; вел энергичную борьбу с версальской контрреволюцией; военным судом был приговорен к бессрочным каторжным работам и сослан в Новую Каледонию — 443.
- Дюпон* (Dupont), *Эжен* — рабочий в производстве музыкальных инструментов; член Генерального Совета Интернационала, с 1865 по 1871 гг. секретарь-корреспондент для Франции — 10, 100, 336, 355, 372, 433, 441, 443, 446, 454, 513, 637, 682, 698, 700—704, 706—708.
- Дюран* (Durand), *Гюстав-Поль-Эмиль* (род. в 1835 г.) — шпион французской полиции; был секретарем «Французской секции 1871 г.» в Лондоне; разоблачен и исключен из Интернационала в 1871 г. — 366, 380, 407, 413.
- Дюфор* (Dufaure), *Арман-Жюль* (1798—1881) — французский адвокат и политический деятель; в 1848 г. министр внутренних дел в правительстве Кавеньяка; в 1871 г. (в первом правительстве Тьера) и в 1875 г. министр юстиции; в 1876 и 1877 гг. министр-президент — 301, 307, 325, 326, 393, 418, 432, 487, 488.

Е

- Евгения* (де Монтихо) (Montijo) (1826—1920) — французская императрица (1853—1870), жена Наполеона III — 286.
- Екатерина II* (1729—1796) — русская императрица (1762—1796) — 648.

Енишерлов, Георгий Петрович (род. в 1849 г.) — студент Петербургского технологического института; участник студенческих волнений 1868—1869 гг., привлекался по делу Нечаева — 613.

Ж

Жабицкий (Zabicki), Антон — польский революционер, по профессии наборщик; во время венгерской революции 1848—1849 гг. капитан польского легиона, входившего в венгерскую революционную армию; после 1848 г. эмигрировал в Лондон, где примыкал к левому крылу польской эмиграции; после восстания 1863 г. секретарь «Польского национального комитета» в Лондоне; в 1865—1871 гг. член Генерального Совета I Интернационала; с 1866 г. секретарь-корреспондент для Польши, сторонник Маркса — 10, 100, 336, 355.

Жакмэ (Jaschetmet) — генеральный викарий парижского архиепископа — 333.

Жаннеро (Jeannerod), Жорж — французский офицер; во время франко-прусской войны (1870—1871) военный корреспондент «Temps» — 23, 38, 42, 62, 64.

Жирарден (Girardin), Эмиль, де (1806—1881) — французский публицист, редактор ряда крупных газет в 1848—1851 гг.; буржуазный республиканец, позднее бонапартист — 376.

Жоаннар (Johannard), Жюль (1843—1888) — рабочий-литограф; в 1868—1869 гг. член Генерального Совета I Интернационала; в 1869 г. секретарь-корреспондент для Италии, участник процесса I Интернационала в Париже 1870 г., член Парижской коммуны, сторонник «большинства»; после падения Коммуны эмигрировал в Лондон и вошел снова в Генеральный Совет, делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872) — 433, 441, 446, 454, 682, 698, 700—704, 706, 707.

Жобер (Jaubert), граф (1798—1874) — орлеанист; в 1870 г. член Национального собрания, министр общественных работ в версальском правительстве Тьера — 335, 655.

Жорес (Jaurès), Констан (1823—1889) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир корпуса Луарской армии — 213.

Жуковский, Николай Иванович (1833—1895) — политический эмигрант в Швейцарии с 1862 г.; бакуист, секретарь Альянса, член I Интернационала, из которого вышел после исключения Бакунина; сотрудник «Égalité», «Народного Дела» и других органов русской эмигрантской прессы — 404, 405, 542, 679, 706.

З

Загуляев, Михаил Андреевич (1834—1900) — журналист; редактор политического отдела ежедневной газеты «Голос» (1862—1883) — 244.

Зорге (Sorge), Фридрих-Альберт (1828—1906) — немецкий социалист, участник баденского восстания 1849 г.; эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей «Всеобщего немецкого рабочего союза», примкнувшего к I Интернационалу; после перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк генеральный секретарь I Интернационала; друг Маркса и Энгельса — 523, 700—704, 706, 707.

И

Иванов, Иван Иванович — студент Московской земледельческой академии; член тайного общества «Народная Расправа», убит Нечаевым и его товарищами в 1869 г. — 607, 609, 610, 614—617, 619, 620, 634.

Иglesias (Iglesias), Пабло (1850—1925) — испанский социалист, рабочий-печатник; вначале сторонник Бакунина, затем под влиянием Лафарга один из основателей марксистской секции I Интернационала в Мадриде (1872); в 1874—1885 гг. ее председатель; в 1879 г. один из основателей социалистической партии; в 1882 г. добился разрыва социалистов с анархистами; в 1885—1896 гг. председатель Всеобщего союза рабочих; с 1910 г. депутат в кортесы от Мадрида; в начале мировой войны пацифист. К Октябрьской революции отнесся враждебно; один из наиболее правых вождей послевоенного II Интернационала — 573.

Иствик (Eastwick) — 445.

Ишутин, Николай Андреевич (1840—1879) — организатор и главный деятель революционной группы московской молодежи «Организация» и «Ад»; двоюродный брат Д. В. Каракозова — 632.

В

- Габе* (Cabet), *Этьен* (1788—1856) — один из представителей французского утопического социализма, автор «Путешествия в Икарию» (1840) — 339, 604.
- Кавенф* (Cavanagh) — ирландец, член I Интернационала; на Гаагском конгрессе избран членом Генерального Совета — 708.
- Кавеньяк* (Cavaignac), *Луи-Эжен* (1802—1857) — французский генерал, буржуазный республиканец, в 1848 г. зверски подавивший Июньское восстание парижских рабочих — 333.
- Калачевский*, *Андрей Николаевич* (1848 — 1888) — помощник присяжного поверенного; в 1866 г. после покушения Каракозова был арестован; в 1871 г. привлечался по делу Нечаева — 613, 614.
- Калиостро* (Cagliostro), *Александр* (Джузеппе Бальзамо) (1743—1795) — международный авантюрист, сын итальянского купца; выдавал себя за графа, алхимика и чародея — 399.
- Калла* (Calla) — представитель Генерального Совета на юге Франции — 587, 588.
- Калонн*, *де* (Calonne) (1734—1802) — министр финансов Людовика XVI (1783—1787) — 324.
- Кальеха* (Calleja) — испанский интернационалист — 573.
- Камеке* (Kameke), *Георг-Арнольд-Карл фон* (1817—1893) — прусский генерал и военный министр; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 14-й дивизией — 32, 235.
- Камелина* (Camelinat), *Луи-Зефирен* (1840—1932) — французский коммунист, рабочий-чеканщик, участник Коммуны; до 1880 г. эмигрант в Лондоне; с 1885 г. член французского парламента; с 1920 г. член коммунистической партии Франции — 411.
- Каменский*, *Гавриил Павлович* (1824—1898) — экономист; с 1848 г. агент русского министерства финансов в Лондоне и член многих торговых конференций — 387.
- Канробер* (Canrobert), *Франсуа-Сертен* (1809—1895) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир 3-го корпуса — 32, 38, 40, 41, 44, 45, 54, 58, 62, 64, 76, 163, 166—168.
- Капоруcco* (Caporusso), *Стефано* — итальянский бакунист, портной; председатель центральной секции I Интернационала в Неаполе, член женеваской секции Альянса; на Базельском конгрессе (1869) представлял центральную секцию Италии в Неаполе; за растрату общественных средств исключен из секции в 1870 г. — 577, 578.
- Каракозов*, *Дмитрий Владимирович* (1840—1866) — революционер 60-х гг., происходил из обедневших дворян; будучи студентом, вступил в Москве в кружок *ишутинцев* (1864); неудачно стрелял в Александра II в 1866 г., в том же году осужден и повешен — 604, 613.
- Карл* (Carl) — на Гаагском конгрессе I Интернационала был избран членом Генерального Совета — 708.
- Карлос*, *дон* (Carlos) (1545—1568) — испанский инфант, сын Филиппа II; участвовал в заговоре против своего отца и погиб от руки подосланных последним убийц; идеализирован в трагедии Шиллера «Дон Карлос» — 298.
- Карно* (Carnot), *Лазарь - Николай* (1753—1823) — известный французский военный инженер, выдающийся государственный и военный деятель эпохи французской революции XVIII в., организатор побед революционных армий; автор ряда научных работ — 47.
- Кастаньи* (Castagny), *Арман-Александр*, *де* (1807—1900) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 2-й дивизией 3-го корпуса — 42.
- Кастеляр* (Castelar), *Эмилио* (1832—1899) — испанский писатель и политический деятель, федералист-республиканец; в 1868 г. избран в кортесы; в 1873—1874 г. президент кортесов и премьер с чрезвычайными полномочиями; позднее, при Альфонсе XII, оставался в рядах умеренных республиканцев — 576.
- Катков*, *Михаил Никифорович* (1818—1887) — русский реакционный публицист, редактор «Московских Ведомостей» (с 1851 г.) и «Русского Вестника» (с 1856 г.) — 638, 639.
- Кэули* (Cowley), *Генри-Ричард-Чарльз* (1804 — 1884) — английский дипломат, посол в Париже (1852—1867) — 352.
- Касфiero* (Cafiero), *Карло* (1846—1892) — член итальянской секции Интернационала, после Лондонской конференции 1871 г. бакунист; в 1880 г. отошел от анархистов и стал сторон-

- ником легальной парламентской тактики — 577, 578, 583, 589.
- Келлер* (Keller), *Отто* (1830—1885) — прусский генерал и военный писатель — 272.
- Кератри* (Kératry), *Эмиль*, граф, де (1832—1905) — адъютант маршала Базена; после революции 4 сентября 1870 г. префект полиции в Париже; командир территориальной армии в Бретани; при Тьере префект в Тулузе и затем в Марселе — 185, 195, 213, 712—717.
- Кин* (Keen), *К.* — член Генерального Совета I Интернационала — 441, 446, 454.
- Кинглек* (Kinglake), *Александр-Уильям* (1809—1891) — английский путешественник и военный историк; в 1854—1855 гг. участвовал в качестве наблюдателя в Крымской войне; член парламента (либерал); автор работы «Вторжение в Крым» (1863—1887) — 250.
- Кларис* (Claris) — член Альянса — 565.
- Клаузевиц* (Clausewitz), *Карл*, фон (1780—1831) — прусский генерал и известный военный писатель — 175.
- Клейн* (Klein), *И. Я.*, д-р — участник Кельнского процесса коммунистов — 386.
- Клеман Тома* — см. Тома Клеман.
- Клерваль* (Clerval) — 455.
- Клефлин* (Claflin), *Тенни* (1845—1927) — американская феминистка — 462, 463.
- Климин, Иннокентий Федорович* (род. в 1847 г.) — студент Московской земледельческой академии; член нечаевской организации — 611, 613.
- Коббет* (Cobbett), *Вильям* (1762—1835) — английский демократ, предшественник чартистов; издатель популярного органа «Cobbetts Weekly Political Register» (Еженедельная политическая летопись) (1802—1835), отстаивавшего интересы рабочих и трудящихся масс Англии; с 1832 г. член парламента — 347, 349.
- Коен* (Cohen), *Джесем* — датский рабочий-сигарочник; эмигрант в Лондоне, председатель Лондонского союза сигарочников, член I Интернационала, секретарь-корреспондент для Дании — 10, 100, 336, 355.
- Кокран* (Cochrane), *Александр Бэйли*, лорд *Ламингтон* (1816—1890) — член английской палаты общин, консерватор — 371, 372, 442—446.
- Кольб* (Kolb) — член Генерального Совета I Интернационала — 335, 355.
- Кольб* (Kolb), *Георг-Фридрих* (1808—1884) — германский статистик, буржуазный демократ — 285.
- Консей-Дюмениль* (Conseil-Dumesnil), *Гюстав* (1813—1877) — французский генерал; во франко-прусской войне (1870—1871) был командиром 1-й дивизии 7-го корпуса — 40.
- Констан-Мартен* (Constant-Martin) — член Генерального Совета — 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Коньон* (Cognon) — член Романской федерации, анархист — 555.
- Корбон* (Corbon) (1808—1891) — французский политический деятель и публицист; после 4 сентября 1870 г. мэр 15-го округа Парижа — 294.
- Кордова-и-Лопес* (Cordova u Lopez) — испанский республиканец, редактор буржуазной газеты «Combate» — 566.
- Кормонтень* (Cormontaigne), *Луи*, де (1695—1752) — французский военный инженер; известен как строитель укреплений Меца и Тионвиля, руководил осадой многих крепостей; ему принадлежит ряд трудов по фортификации — 142.
- «*Король-бомба*» — прозвище Фердинанда II, короля Обеих Сицилий, данное ему за чрезвычайно жестокое подавление восстания в Мессине в сентябре 1848 г. — 297.
- Коста* (Costa), *Андреа* (1851—1910) — один из первых деятелей итальянского социалистического рабочего движения; в студенческие годы был сторонником Бакунина, позднее примкнул к марксизму; один из руководителей итальянской социалистической партии; автор ряда работ, в том числе о Парижской коммуне — 583, 589.
- Косут* (Kossuth), *Людвиг* (1802—1894) — один из руководителей борьбы за независимость Венгрии; глава революционного правительства во время революции 1848 г.; после подавления революции — в эмиграции, бонапартист — 373.
- Козтлогон* (Coëtlogon) — 306.
- Кремер* (Cremer) (1840—1876) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир дивизии — 236, 270—272.
- Крещио* (Crescio) — анархист, редактор газеты «L'Avvenire Sociale» в Пьяченце — 584.
- Кример* (Cremer), *Вильям* (1838—1908) — английский рабочий-каменщик; один из руководителей тред-

- юнионистского движения; в 1864—1866 гг. секретарь Генерального Совета I Интернационала — 371.
- Кронпринц Фридрих-Вильгельм* (1831—1888) — во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 3-й армией; с 9/III по 15/VI 1888 г. король прусский и германский император под именем Фридриха III — 20, 23, 25, 27, 29, 32, 33, 57, 65, 66, 69, 70, 73, 76, 79, 156, 186, 197.
- Круза* (Crouzat) (1813—1879) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир 20-го корпуса — 213.
- Крупп* (Krupp), *Альфред* (1854—1902) — немецкий капиталист, владелец пушечного завода в Эссене — 471.
- Кугельман* (Kugelman), *Людвиг* (1830—1902) — ганноверский врач; участник революции 1848 г. (в Дюссельдорфе), член I Интернационала; с 1862 по 1874 г. находился в переписке с Марксом, информировал его о положении дел в Германии и выполнял поручения по делам I Интернационала в Германии; был делегатом Лозаннского и Гаагского конгрессов Интернационала, содействовал изданию и распространению «Капитала» — 700—704, 706, 707.
- Кузнецов, Алексей Кириллович* (1845—1928) — народник, член нечаевского кружка; участвовал в убийстве студента Иванова; в 1905 г. принимал участие в революционном движении как эсер — 611, 616, 617.
- Куммер* (Kummer), *Фердинанд*, фон (1816—1900) — прусский генерал; во франко-прусской войне (1870—1871) командир 1-й (восточно-прусской) дивизии ландвера — 134, 156.
- Кунен* (Coenen), *Филипп* — бельгийский рабочий-сапожник; член Генерального Совета I Интернационала, участник Брюссельского, Гаагского конгрессов и Лондонской конференции 1871 г., редактор антверпенской газеты «De Werker» (1868), в дальнейшем член Бельгийской социалистической партии — 280, 282, 700—704, 706, 707.
- Куно* (Cuno), *Фридрих-Теодор* (1846—1934) — инженер, германский социалист; в начале 70-х годов был выслан из Германии и жил в Италии, где принимал участие в организации миланской секции I Интернационала; на Гаагском конгрессе был председателем комиссии, вынесшей постановление об исключении Бакунина из Интернационала; в 1872 г. эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей «Рыцарей труда» и сотрудником «New Yorker Volkszeitung» — 537, 579, 701—707.
- Куппер* (Kupper), *П.* — генеральный секретарь манчестерской секции Международного Товарищества Рабочих — 534.
- Курне* (Cournet), *Фредерик - Этьен* (1839—1885) — французский журналист; бланкист, член Парижской коммуны (сторонник «большинства»), далее эмигрант в Лондоне, член Генерального Совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Дании и Голландии; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию и сотрудничал в социалистической прессе — 433, 446, 454, 474, 700—704, 707.
- Кэйхилл* (Cairhill) — член Генерального Совета I Интернационала — 100, 335, 355.
- Кюхенмейстер* (Küchenmeister) (1821—1890) — врач, знаменитый гельминтолог, автор ряда научных работ — 284.

II

- Лавале* (Lavallée) (1804—1866) — французский историк; опубликовал ряд исторических работ: «Histoire des Français» и др. — 124.
- Ладмиро* (Ladmirault), *Луи* (1808—1898) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 4-м корпусом, в Меце сдался в плен немцам; один из палачей Коммуны — 32, 34, 37, 38, 62, 163.
- Лайонс* (Lyons), *Ричард*, лорд (1817—1887) — английский дипломат; в 1861—1867 гг. посол в Константинополе, в 1867—1887 гг. — в Париже — 351—353.
- Ландек* (Landeck), *Бернар* (род. в 1832 г.) — ювелир из Лиона; член I Интернационала, делегат Парижской коммуны в Марселе; после подавления Коммуны бежал в Лондон, где был членом «Французской секции 1871 г.», боровшейся против руководства Генерального Совета — 411, 452.
- Ланца* (Lanza), *Джованни* (1810—1882) — итальянский политик, правый либерал; в 1864—1865 гг. министр внутренних дел; в 1869—1873 гг. глава правительства — 441, 489.

- Ларонсьер де Нури* (De Laronsière de Nourgu), *Камилль*, барон, де (1813—1881) — французский адмирал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир дивизии 3-й парижской армии; член сената (1876), бонапартист — 198.
- Лассаль* (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — основатель первой массовой рабочей организации в Германии — «Всеобщего германского рабочего союза» (1863); положил начало реформистскому течению — лассальянству; находился в связи с реакционным правительством Бисмарка — 445.
- Лафарг* (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — французский социалист, один из основателей французской социалистической партии, член Генерального Совета I Интернационала; друг Маркса и Энгельса — 364, 500, 511, 517, 518, 521, 573, 576, 700—707, 711, 713—717.
- Лафит* (Lafitte), *Жак* (1767—1844) — директор французского банка в период реставрации; вождь либеральной оппозиции, орлеанист; в 1830—1831 гг. глава министерства — 296.
- Лебрен* (Lebrun) (1809—1889) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир 13-го корпуса — 76.
- Левенфельд* (Löwenfeld) — немецкий генерал — 157.
- Левизль* (Levièle) — член Генерального Совета, избранного на Гаагском конгрессе (1872) — 708.
- Легрелье* (Legreulier) — член Генерального Совета I Интернационала — 9, 100.
- Ледру-Роллен* (Ledru-Rollin), *Александр-Огюст* (1807—1874) — французский мелкобуржуазный демократ, член Временного правительства 1848 г.; участвовал в подавлении Июньского восстания рабочих; в 1849 г., после неудачного выступления мелкобуржуазной демократии против реакционной политики Законодательного собрания, бежал в Англию, где оставался до 1870 г.; в 1871 г. член Национального собрания — 643.
- Лейкарт* (Leuckardt), *Рудольф* (1822—1898) — германский зоолог; с 1850 г. профессор в Гиссене; его научная деятельность была посвящена главным образом изучению беспозвоночных животных — 284.
- Леконт* (Lecomte) (1817—1871) — французский генерал — 305, 306, 309, 326—328.
- Леккрафт* (Lucraft), *Бенджамин* (1809—1897) — английский рабочий-столяр, трэд-юнионист; в 1864—1871 гг. член Генерального Совета I Интернационала, один из активных деятелей движения за реформу избирательного права, делегат на Брюссельском (1868) и Базельском (1869) конгрессах I Интернационала. В связи с кампанией, поднятой в буржуазной прессе против Манифеста Генерального Совета «Гражданская война во Франции», Л. вышел из Интернационала (1871); впоследствии примкнул к либералам — 10, 100, 345, 346, 350, 391.
- Ле Муусю* (Le Moussu), *А.* (псевдоним Констан) — французский рабочий-гравёр; коммунар, эмигрант в Лондоне; с 1871 г. член Генерального Совета I Интернационала, делегат на Ваагском конгрессе, секретарь-корреспондент французской секции в Америке, член Британского федерального совета (1872); в 1873—1874 гг. вместе с Джорджем Муром основал в Лондоне товарищество по изготовлению гравюр — 433, 441, 447, 454, 474, 637, 682, 699—704, 706—708.
- Лео* (Léo), *Андре* (псевдоним «Шанс» Леони) (1829—1900) — французская писательница-романистка и публицистка, жена Б. Малона; член I Интернационала, делегатка Лозаннского конгресса, участница Парижской коммуны, далее бакунистка; сотрудница женеваской «La Révolution Sociale» — официального органа Юрской федерации (1871) — 405, 558.
- Лесснер* (Lessner), *Фридрих* (1825—1910) — немецкий рабочий-портной из Веймара; член «Союза коммунистов», участник революции 1848—1849 гг.; на Кёльнском процессе коммунистов был приговорен к трем годам крепости; с 1856 г. в эмиграции в Лондоне; в 1864—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала, делегат Лондонской конференции (1865), Лозаннского, Брюссельского, Базельского и Гаагского конгрессов I Интернационала; защищал в I Интернационале линию Маркса; член Английского федерального совета, позднее деятель трэд-юнионов — 9, 100, 335, 355, 386, 433, 441, 446, 454, 682, 698, 701—704, 707.

- Лефло* (Leflô), *Адольф-Шарль-Эманюэль* (1804—1887) — французский генерал; в 1848—1849 гг. представитель французской республики в Петербурге; в 1870 и 1871 гг. военный министр — 306, 309.
- Лефранс* (Lefrançais), *Гюстав* (1826—1901) — французский прудонист, по профессии школьный учитель; член I Интернационала и Парижской коммуны; после подавления Коммуны бежал в Швейцарию, где был членом Женевской секции Интернационала, был исключен из нее за поддержку Юрской федерации; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию — 413—415, 429, 437.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала — 222, 243, 386, 455, 486, 488, 554, 576, 663.
- Лихутин, Иван Никитич* — отставной поручик; участник студенческих волнений 1869 г., подсудимый в процессе нечаевцев 1871 г. — 613.
- Лойола* (Loyola), *Игнатий* (1491—1556) — основатель ордена иезуитов — 605.
- Лонге* (Longuet), *Шарль* (1833—1903) — французский социалист, прудонист, впоследствии марксист; делегат Лозаннского, Брюссельского и Гаагского конгрессов I Интернационала, член Парижской коммуны, затем эмигрант в Лондоне (1871—1880), член Генерального Совета; в 1872 г. женился на дочери Маркса Женни; по возвращении во Францию был членом парижского муниципалитета и сотрудником газеты Клемансо «La Justice» — 433, 441, 446, 454, 682, 698—702, 706, 707.
- Лорель* (Laurel) — швед; избран членом Генерального Совета на Гаагском конгрессе (1872) — 708.
- Лоренц* (Lorentz), *Иосиф-Риттер*, фон (1814—1879) — австрийский офицер и военный изобретатель, заведывал (около 1851 г.) оружейной фабрикой Венского арсенала — 102.
- Лоренцо* (Lorenzo), *Ансельмо* (1841—1915) — испанский социалист, рабочий-типограф; член I Интернационала и Альянса, делегат Лондонской конференции 1871 г., генеральный секретарь Испанского федерального совета (1872) — 499, 500, 520, 521, 528, 567, 572, 573, 658.
- Лостау* (Lostau) — 575.
- Лоу* (Law), *Гарриэт* (1832—1897) — участница английского атеистического движения; в 1867—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала, делегат на Лозаннском конгрессе; в 1876—1879 гг. издавала журнал «The Secular Chronicle» — 433, 441, 446, 454, 698.
- Лохнер* (Lochner), *Георг* — немецкий рабочий-столяр; член «Союза коммунистов»; с 1852 г. в эмиграции в Лондоне; член Генерального Совета I Интернационала в 1864—1866 гг. и 1871—1872 гг., сторонник Маркса, делегат на Лондонских конференциях (1865 и 1871) I Интернационала — 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Луи Бонапарт* — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп* (Louis-Philippe) (1773—1850) — французский король (1830—1848) — 101, 129, 290, 296, 298, 299, 305, 315, 326.
- Линтерн* (Lintern W.) — член Генерального Совета I Интернационала — 9.
- Людвиг* (Ludwig) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса — 702, 707.
- Людювик XIV* (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 174, 404.
- Люкен* (Lucain) — член I Интернационала в Брюсселе, делегат Гаагского конгресса — 537, 701—707.

М

- Маврицкий, Василий Абрамович* — студент Киевской духовной академии — 607.
- Мадзини* (Mazzini), *Джузеппе* (1805—1872) — глава буржуазно-демократической организации «Молодая Италия», борющейся за национальную независимость и объединение Италии; после революции 1848 г. эмигрант в Лондоне; глава «Европейского демократического комитета», ставившего своей целью объединение всех республиканских движений Европы; противник Маркса и Интернационала — 374, 375, 443, 456, 457, 561, 577, 584, 643.
- Майо* (Maуо), *Генри* — член Генерального Совета I Интернационала с 1871 г.; член Английского федерального совета с 1872 г. — 433, 441, 446, 454, 531, 682, 698.
- Мак* (Mask), *Карл*, барон (1752—1828) — бездарный австрийский ге-

- нерал; в 1805 г. при Ульме сдался Наполеону со всей своей армией — 33, 63.
- Мак-Доннелл* (Mac-Donnell), *Д. П.* — ирландский рабочий; член Генерального Совета I Интернационала (1871), секретарь-корреспондент для Ирландии (1872), член Британского федерального совета; в 1872 г. эмигрировал в Америку, где также был секретарем-корреспондентом Генерального Совета — 355, 433, 441, 447, 454, 474, 682, 698, 700—704, 706, 707.
- Макиавелли* (Machiavelli), *Никола* (1469—1527) — флорентийский политик и историк; автор известного сочинения «Il principe» («Государь»), «Истории Флоренции» и др. — 568.
- Мак-Магон* (Mac Mahon) (1808—1893) — французский маршал; военную карьеру начал в Алжире; участник всех войн Второй империи; во время франко-прусской войны командовал Шалонской армией, потерпевшей поражение при Седане; палач Парижской коммуны; с 1873 по 1879 г. президент французской республики — 26—30, 32, 33, 37, 38, 40—42, 44, 50, 51, 54, 57, 63—74, 76—82, 87, 114, 126, 164, 167, 169, 170, 183, 328, 333.
- Макфарлейн* (Macfarlane), *Эллен* — переводчица «Коммунистического манифеста» на английский язык — 460.
- Малон* (Malon), *Бенуа* (1841—1893) — французский мелкобуржуазный социалист, левый прудонист; с 1865 г. член I Интернационала, участник Женевского конгресса, далее активный сторонник бакунистского Альянса; участник Парижской коммуны (сторонник «меньшинства»), после подавления Коммуны эмигрант в Швейцарии; в 1880 г. и позднее издатель журнала «Revue Socialiste» в Париже; один из лидеров POSSИБИЛИСТОВ — 404, 405, 411, 413—415, 427, 429, 514, 565, 586, 681, 705.
- Малу* (Malou), *Жюль-Эдуард* (1810—1886) — бельгийский политический деятель, министр финансов (1844—1847), сторонник клерикально-католической партии — 393, 488.
- Мантейфель* (Manteufel), *Эдвин*, барон (1809—1885) — прусский фельдмаршал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал корпусом, после отставки Штейнмена 1-й армией, затем Южной, после окончания войны оккупационной армией (1871—1873) — 194, 195, 204, 205, 221, 234, 235, 240, 253, 259—261, 263, 267.
- Маргерит* (Margueritte) — член Генерального Совета I Интернационала — 433, 446, 454.
- Марковский* — шпион русского царского правительства в Париже — 320.
- Маркс* (Marx), *Женни* (1844—1883) — старшая дочь К. Маркса, с 1872 г. жена Шарля Лонге — 365, 718.
- Маркс* (Marx), *Карл* (1818—1883) — 10, 100, 245, 278—281, 284, 336, 338, 341, 344, 348, 350, 355—357, 359—363, 365, 367, 373, 376, 383, 384, 386, 433, 437, 441, 447, 454, 457, 461, 471, 474, 503, 504, 513, 517, 518, 529, 542, 568, 569, 581, 637, 655, 657, 662—668, 682, 698, 701—704, 706—708, 711, 718.
- Маркс* (Marx), *Лаура* (1845—1911) — дочь Карла Маркса, с 1868 г. жена Поля Лафарга — 711, 715, 716.
- Маркс* (Marx), *Элеонора* (1855—1898) — младшая дочь Маркса, впоследствии жена английского социалиста Э. Эвелинга; активная участница английского и международного рабочего движения — 711, 713.
- Марселау* (Margelau), *Никола-Алонсо* — член Испанской Федерации Альянса, бакунист; делегат Гаагского конгресса (1872), на котором заявил о своем разрыве с Альянсом; фактически продолжал оставаться в лагере бакунистов; принял участие в конгрессе анархистов в Сент-Имье (1872) — 575, 700—702, 704, 706, 707.
- Мартемпре* (Martimprey) — французский генерал; участник франко-прусской войны (1870—1871); при защите Парижа, блокированного немцами, командовал дивизией — 41.
- Мартин* (Martin), *Фелипе* — испанский альянсист — 570.
- Мартинес* (Martinez), *Франс* — альянсист, член Испанского федерального совета — 477, 573.
- Маршан, Луи* (Marchand Louis) — 706.
- Меддос* (Maddóss), *Г. В.* — член I Интернационала в Соединенных Штатах, примкнул к буржуазной секции № 12—467.
- Мейлет* (Malet), *Эдуард* (1837—1908) — британский дипломат — 353.
- Мекленбургский* (Mecklenburg), великий герцог *Фридрих-Франц II* (1823—1883) — во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал армейской группой и 13-м корпусом — 156, 178, 185, 186,

- 188, 189, 191, 192, 195, 204, 205, 214—216, 218, 219, 233, 234, 259.
- Мендес** (Mendez) — испанский альянсист — 575.
- Меса-и-Леопарт** (Mesa y Leopart), **Хосе** (1840—1904) — испанский рабочий-печатник, социалист; в 70-х годах примыкал к Альянсу, но был исключен оттуда за выступление в защиту необходимости политической борьбы; член Испанского федерального совета I Интернационала, один из редакторов «Emanсipacion»; позднее один из организаторов испанской рабочей партии (1879) и основатель центрального партийного органа «Socialist» (1886); автор первой биографии Маркса на испанском языке и переводчик «Коммунистического манифеста» — 521, 523, 567, 568, 573.
- Мечников, Леа Ильич** (1838—1888) — географ и публицист; в 1860 г., после исключения из Петербургского университета «за беспорядки», выехал за границу; участник похода Гарибальди (1860 г.) — 586.
- Миллот** (Millot), **Т.** — сторонник американской буржуазной феминистки Виктории Вудхулл — 467.
- Милнер** (Milner), **Джордж** — ирландец, портной; в 1868—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала, делегат Лондонской конференции (1871) Интернационала, член Английского федерального совета и комитета «Лиги земли и труда» — 9, 100, 335, 355, 433, 441, 446, 454, 528, 682, 698.
- Мильер** (Millière) (1817—1871) — левый прудонист, журналист, участник Парижской коммуны; 26 мая 1871 г. расстрелян версальцами — 295, 340, 343.
- Мильке** (Milke), **Фр.** — немецкий рабочий-наборщик; секретарь берлинской секции I Интернационала, делегат Гаагского конгресса — 701—704, 707.
- Милль** (Mill), **Джон Стюарт** (1806—1873) — английский философ и экономист, один из эпигонов английской классической школы — 445, 446.
- Минье** (Minié), **Клод-Этьен** (1804—1879) — французский офицер и военный изобретатель; в 1849 г. сконструировал особый тип винтовки, носящей его имя — 127.
- Мирабо** (Mirabeau), **Виктор-Рикетти**, граф (1749—1791) — известный деятель французской революции конца XVIII века, «величайший оратор французской революции» (Маркс—Энгельс, Соч., т. I, стр. 145) — 298.
- Мишель** (Michel) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командующий кавалерийским корпусом — 213.
- Мольтке** (Moltke), **Гельмут**, граф (1800—1891) — прусский фельдмаршал и военный писатель, начальник генерального штаба (1858—1888); организатор побед германской армии во время франко-прусской войны (1870—1871), член рейхстага, консерватор — 21, 27, 52, 69, 141, 161, 162, 178, 179, 185—187, 190, 195, 204, 259, 260, 263, 486.
- Монталамбер** (Montalembert), **Марк-Рене**, маркиз, де (1714—1800) — выдающийся французский военный инженер, специалист по военным укреплениям — 83.
- Монтескье** (Montesquieu), **Шарль-Луи**, барон де-Секонда (1689—1755) — французский историк и государствовед, теоретик конституционной монархии; основоположник буржуазной теории о разделении властей — 315.
- Монтабан де Паликао** (Montauban de Palikao), **Шарль**, граф (1796—1878) — французский генерал; в 1860 г. командовал грабительской экспедицией против Китая, за что получил титул графа де «Паликао»; в 1870 г. «министр-президент и военный министр кабинета, свергнутого революцией 4 сентября 1870 г. — 12, 44, 50, 127, 169, 302.
- Монтодон** (Montaudon) — участник франко-прусской войны (1870—1871); командовал одной из дивизий, входившей в корпус Базена — 42.
- Монторо** (Montoro), **Перегрин** (псевдоним Дамон) — ткач-шелковщик из Валенсии; член Испанского федерального совета I Интернационала, альянсист — 477, 568, 573, 576.
- Мора** (Mora), **Ангель** — член Альянса, член Федерального совета (1870) — 567, 573.
- Мора** (Mora), **Франциско** (1842—1924) — деятель испанского рабочего движения; был пастухом, сапожником. Первый секретарь испанской секции I Интернационала; вместе с Лафаргом редактировал журнал «Emanсipacion», борющийся против испанских бакунистов; в 1879—1886 гг. и затем с 1901 г. член социалисти-

- ческой партии — 499, 500, 521, 567, 571—573, 584.
- Мораго* (Morago) — активный сторонник Бакунина, альянсист — 499, 520, 521, 566—570, 575, 576, 701, 702, 704, 706, 707.
- Морис* (Maugise), *Зевс* — член Генерального Совета I Интернационала (1866—1872), секретарь-корреспондент для Венгрии (1870—1871) — 9, 100, 336, 355, 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Моттерсхед* (Mottershead), *Томас* — английский рабочий-ткач, чартист; в 1869—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала; в 1871—1872 гг. секретарь-корреспондент для Дании; делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872), на котором примкнул к анти-марксистскому меньшинству; поддерживал Английский федеральный совет в его борьбе против Генерального Совета — 9, 100, 335, 355, 433, 441, 447, 454, 531, 682, 698, 700, 702—704.
- Мур* (Moore), *Джон* (1761—1809) — английский генерал; принимал участие в войне с Америкой (1793); командовал английскими войсками в Испании (1809) — 182.
- Муравьев-Амурский*, *Николай Николаевич*, граф (1809—1881) — генерал-губернатор Восточной Сибири (1847—1861) — 637, 638.
- Муравьев* (Виленский), *Михаил Николаевич*, граф (1796—1866) — генерал; участник войны 1812 г.; виленский губернатор и командующий войсками Виленского военного округа (1863); за жестокое подавление польского восстания (1863) был прозван вешателем — 614, 615, 637.
- Мэррей* (Murray), *Чарльз* — сапожник; чартист, сторонник О'Брайена, член и позже секретарь «Лиги реформы»; в 1870—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала, член комитета «Лиги земли и труда», член Английского федерального совета; во время борьбы Хейлза против Генерального Совета стоял на стороне Генерального Совета — 9, 100, 335, 355, 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- стен под прозвищами «Плон-Плон» и «Красного принца»; при Второй империи насаждал в среде парижских рабочих организации типа русских зубатовских организаций — 287.
- Наполеон I* (1769—1821) — французский император (1804—1814) — 9, 33, 57, 63, 67, 68, 70, 84, 96, 110, 164, 168, 174, 175, 209, 211, 269, 270, 298, 320.
- Наполеон III* (Луи Бонапарт) (1808—1873) — французский император (1852—1870) — 5, 7, 11, 12, 14, 26, 29, 34, 36, 49, 50, 56, 59, 93, 94, 97—99, 101, 105, 112, 123, 159, 166, 169, 171, 191, 200, 263, 264, 276, 285—289, 293, 295, 298, 299, 301, 303—305, 311, 315, 319, 321—323, 326, 374, 402, 407, 431, 456, 483, 484, 526, 649, 653, 663.
- Негрескул*, *Михаил Федорович* (1843—1871) — участник петербургских революционных кружков 60-х годов и студенческих волнений 1868—1869 гг. — 614.
- Нечаев*, *Сергей Геннадиевич* (1847—1882) — анархист-бакунист, организатор студенческих заговорщических кружков в России; в 1872 г. был выдан царскому правительству швейцарским правительством и заключен в Петропавловскую крепость, где и умер—350, 367, 387, 399, 540, 543, 558, 559, 565, 594—599, 602—604, 606—620, 622, 629, 633, 634, 638, 678.
- Николаев*, *Николай Николаевич* (род. в 1850 г.) — член нечаевской организации, участвовал в убийстве студента Иванова — 616—618.
- Николай I* (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 641, 648.

0

- Оберниц* (Obernitz) (1819—1901) — прусский генерал; участник франко-прусской войны (1870—1871), командовал вюртембергской дивизией — 199, 200.
- Огарев*, *Николай Платонович* (1813—1877) — русский публицист и поэт, друг Герцена — 608, 614.
- Оджер* (Odger), *Джордж* (1820—1877) — сапожник; в 1862—1872 гг. секретарь Лондонского совета трэд-юнионов; в 1864—1871 гг. член Генерального Совета, делегат на Лондонской конференции (1865) и Женевском конгрессе (1866) I Интернационала; член редакционного ко-

Н

Наполеон Бонапарт, *Жозеф-Шарль-Поль*, принц (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III; считался вождем «левых» бонапартистов, изве-

- митета газеты «Beehive» (1866), один из редакторов «Commonwealth» (1866); в 1871 г. вместе с Лекрафтом, после опубликования Манифеста Генерального Совета «Гражданская война во Франции», вышел из Интернационала — 9, 100, 343, 345, 346, 350, 371, 391, 397.
- Оливье* (Olivier), *Эмиль* (1825—1913) — французский буржуазный республиканец, перешел на сторону бонапартистов; в 1870 г. выступил за войну с Германией; глава правительства с 2 января по 9 августа 1870 г. — 169, 483.
- Орель де Паладин* (D'Aurelle de Paladines), *Луи* (1804—1877) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал марсельской дивизией, затем Луарской армией — 177, 178, 185—187, 190, 213—215, 219, 302, 304, 653.
- Орлеаны* (Orléans) — французская королевская династия (1830—1848) — 287, 321.
- Осман* (Haussmann), *Жорж-Эжен* (1809—1891) — французский чиновник, бонапартист; будучи префектом департамента Сены, руководил перестройкой Парижа; при этом, переселяя рабочих на окраины города, в центре создавал роскошные буржуазные кварталы; с целью затруднения баррикадной борьбы прокладывал широкие и прямые улицы; на перестройке Парижа Осман и его компания нажили миллионы. «Дух Османа», — указывает Энгельс, — царит во всех крупных капиталистических городах — 105, 321, 331, 332.
- Оуэн* (Owen), *Роберт* (1771—1858) — великий английский социалист-утопист — 642.
- II
- Павлов, Платон Васильевич* (1823—1895) — историк и общественный деятель, профессор; в 1862 г. был подвергнут высылке в административном порядке — 642.
- Паликао* (Palikao) — см. Монтбан-де-Паликао.
- Палладино* (Palladino), *Кармело* — итальянский адвокат; один из руководителей неаполитанской секции I Интернационала, член Альянса: сотрудник анархистской газеты «La Sampana» — 578.
- Пальер* (Pallières), *Шарль* (1823—1876) — французский генерал; во время франко-прусской войны командовал 15-м корпусом — 213.
- Пальмерстон* (Palmerston), *Генри Джонсон*, виконт (1784—1865) — английский либерал, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1851), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1856—1858 и 1859—1865) — 347.
- Парнелль* (Parnell), *Джемс* — 9, 100.
- Паули* (Pauly), *Ипполит* — наборщик; испанский интернационалист, член Альянса; был членом Испанского федерального совета (1871) — 521, 573.
- Пахес* (Pagès), *Виктор* — испанский интернационалист, член Альянса, в 1871 г. член Федерального совета — 521, 573.
- Пен* (Pène), *Анри*, де (1830—1888) — французский журналист; сначала легитимист, затем бонапартист — 306, 437, 718.
- Пенише* (Peniche), граф — португальский политический деятель — 567.
- Перрон* (Perron), *Шарль* — художник по эмали; бакунист, член центрального бюро Альянса в Женеве, делегат Лозаннского (1867) и Брюссельского (1868) конгрессов I Интернационала, позже один из руководителей Юрской федерации — 493.
- Перрон* (Perron) — фабрикант — 404.
- Пертц* (Pertz), *Георг-Генрих* (1795—1876) — немецкий военный историк; автор большой работы «Жизнь фельдмаршала графа Нейтгарта фон-Гнейзенау» — 210, 211.
- Пестель, Павел Иванович* (1793—1826) — декабрист, основатель и глава Южного общества декабристов — 643, 648.
- Петр Великий* (1672—1725) — русский император (1682—1725) — 598, 644.
- Петрашевский, Михаил Васильевич* (1821—1866) — основатель кружка (1848—1849), получившего название «кружка петрашевцев», фурьерист — 637, 638.
- Пиа* (Puat), *Феликс* (1810—1889) — французский мелкобуржуазный журналист; участник революции 1848 г., член Учредительного и Законодательного собраний, позднее эмигрировал в Англию; член Парижской коммуны, сторонник «большинства»; после разгрома Коммуны вновь эмигрировал в Англию, вел клеветническую кампанию против Генерального Совета; после амнистии вер-

- нулся во Францию (1880) — 406, 407, 654, 659, 660.
- Пий* (Pius), IX (1792—1878) — римский папа с 1846 г. — 488.
- Пикар* (Picard), *Артур* — авантюрист, редактор газеты «L'Electeur Libre», издававшейся правительством «Национальной обороны» — 296.
- Пикар* (Picard), *Эрнест* (1821—1877) — брат Пикара А., министр финансов в правительстве «Национальной обороны», министр внутренних дел в правительстве Тьера — 296, 302, 308, 335.
- Пиль* (Pihl) — член копенгагенской секции I Интернационала в Дании, делегат Гаагского конгресса — 700—707.
- Пино* (Pino), — *Миуэль* — испанец, член Альянса, работал в Малаге — 570.
- Пио* (Pio), *Луи* (1841—1894) — один из основателей (1871) датской секции I Интернационала, превратившейся впоследствии в Датскую социал-демократическую партию; редактор «Sozialisten» — 488.
- Прыжов*, *Иван Гаврилович* (1829 — 1885) — в 1869 г. был деятельным членом нечаевской «Народной Расправы», участвовал в убийстве студента Иванова; в 1871 г. по процессу «нечаевцев» осужден на 12 лет каторги; автор книги «История кабаков в России» и др. — 611, 616—618.
- Пугачев*, *Емельян Иванович* (казнен в 1775 г.) — предводитель крестьянского восстания в 1773—1775 гг.; казнен Екатериной II — 643, 648.
- Пуш-Кертье* (Pouyer-Quertier), *Огюст-Тома* (1820 — 1891) — французский фабрикант из Руана и политический деятель; бонапартист, член палаты депутатов (1857—1869); в 1871 г. министр финансов в кабинете Тьера; с 1876 г. сенатор — 302, 327.
- Пфендер* (Pfähnder), *Карл* (1818 — 1876) — немецкий живописец-миниатюрист; член «Союза коммунистов», эмигрант в Лондоне, один из руководителей «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне; в 1864—1872 г. член Генерального Совета I Интернационала, сторонник Маркса — 9, 100, 335, 355, 433, 446, 454, 682, 698.
- Пьетри* (Pietri) (1820—1902) — активный участник государственного переворота 2 декабря 1851 г., префект полиции во время Второй империи — 7, 324, 411, 544.
- Пэндер* (Peander) — член Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих — 441.
- Р**
- Раглан* (Raglan), *Фитцрой-Джеймс*, барон (1788—1855) — английский фельдмаршал, главнокомандующий британской армией во время Крымской войны; умер под Севастополем от холеры — 250.
- Радецкий* (Radetzky), *Иосиф*, граф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал; в 1848—1849 гг. свирепо подавил революционное движение в Ломбардии и Венеции — 84.
- Разин*, *Степан Тимофеевич* (казнен в 1671 г.) — вождь крестьянской войны XVII века — 598, 604, 629.
- Ранье* (Ranvier), *Габриэль* (1828—1879) — французский мелкобуржуазный революционер, бланкист, член I Интернационала, член Парижской коммуны (сторонник «большинства»), далее эмигрант в Англии; в 1871—1872 гг. член Генерального Совета Интернационала; был председателем Гаагского конгресса, но вместе с другими бланкистами покинул конгресс до конца заседаний — 433, 446, 700—704, 707.
- Реджис* (Regis), *Витале* — член итальянской секции I Интернационала в Лондоне; под псевдонимом «Этьен Пешар» представитель Генерального Совета в Италии, противник Бакунина — 433, 446, 454, 579, 580.
- Рейтлингер* (Reitlinger), д-р — парижский адвокат; личный секретарь Жюль Фавра — 340.
- Рено* (Renault) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 2-м корпусом — 199.
- Риго* (Rigault), *Рауль* (1846—1871) — французский революционный публицист, выходец из мелкобуржуазной семьи; активный деятель Парижской коммуны 1871 г. — 405, 558.
- Рид* (Reid), *Роберт* — шотландец; во время франко-прусской войны (1870—1871) был корреспондентом «Daily Telegraph» и «New York Herald» — 351, 354.
- Рипман*, *Федор Федорович* — студент Московской земледельческой академии; член нечаевской организации — 610, 611.
- Ришар* (Richard), *Альбер* (1846 — 1925) — французский бакунист, бонапартовский агент — 401—403, 406, 430—432, 526, 542, 548, 553, 556, 557, 585, 649.
- Робен* (Robin), *Поль* (род. в 1837 г.) —

- французский анархист, секретарь женевской секции Альянса, сотрудник «Egalité», делегат Базельского конгресса I Интернационала; в 1870 г. эмигрант в Лондоне и член Генерального Совета (где он работал в интересах альянсистов); участник Лондонской конференции 1871 г. — 403, 412, 557, 680, 681.
- Робер* (Robert), *Фриц* — учитель математики в Шо-де-Фоне; альянсист, делегат нескольких юрских секций на Брюссельском и Базельском конгрессах Интернационала и руководитель секций в Локле — 402, 423, 556.
- Розадовский* (Rozwadowski), *И.* (1838—1876) — польский революционер, участник польского восстания 1863 г., после подавления которого был арестован австрийскими властями и заключен в тюрьму в Кракове на два года; в дальнейшем эмигрант в Париже, участник Парижской коммуны, адъютант Домбровского; после поражения Коммуны эмигрант в Лондоне, член Генерального Совета I Интернационала; умер в Германии — 433, 446, 454.
- Романовы* — царская династия в России (1613—1917) — 643, 648, 649.
- Роон* (Roou), *Альбрехт-Теодор-Эмиль*, граф, фон (1803—1879) — прусский фельдмаршал; в 1859—1873 гг. военный министр — 112.
- Россель* (Rossell), *Висенте* — ткацкелковщик из Валенсии; делегат конференции испанских секций Интернационала в Валенсии (1871) — 477.
- Роч* (Roach), *Джон* — член I Интернационала и Генерального Совета (1871—1872), секретарь-корреспондент Британского федерального совета (1872), делегат Гаагского конгресса; позднее примкнул к отколовшейся от Интернационала части Британского федерального совета — 335, 355, 433, 441, 446, 531, 682, 698, 701—704, 707.
- Роша* (Rochat), *Шарль* — член Парижского федерального совета I Интернационала, коммунар, далее эмигрант в Лондоне; с 1871 г. член Генерального Совета, делегат Лондонской конференции 1871 г., секретарь-корреспондент для Голландии — 433, 441, 447, 454, 683, 698.
- Рошфор* (Rochefort), *Анри*, маркиз (1830—1913) — один из вождей мелкобуржуазных республиканцев во время Второй империи; после рево-
- люции 4 сентября 1870 г. входил на некоторое время в «правительство национальной обороны»; сочувствовал Коммуне; после падения Коммуны был сослан на каторгу; в 1889 г. поддерживал авантюру Буланже; во время дела Дрейфуса был в реакционном лагере — 154, 246.
- Рубау Донадэу* (Rubau Donadeu) — 566.
- Руэр* (Rouher), *Эжен* (1814—1884) — французский министр внутренних дел в 1863—1870 гг. — 23.
- Рюль* (Rühl) — член «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне; член Генерального Совета I Интернационала в 1870—1872 гг. — 9, 100, 335, 355, 433, 441, 446, 682, 698.
- Рюрик* — первый русский князь, о котором говорит летопись — 615.

С

- Сагаста* (Sagasta) (1825—1903) — испанский государственный деятель, по образованию инженер; с 1872 г. неоднократно был министром-президентом — 441, 489, 520, 571, 576.
- Садлер* (Sadler) — член I Интернационала в Англии — 335, 355, 433, 441, 446, 682, 698.
- Саенс* (Saenz), *Виктор* — испанский интернационалист, сторонник Генерального Совета — 573.
- Саказ* (Sasaze), *Франсуа* (1804—1884) — французский юрист и политик; монархист, депутат Национального собрания 1871 г. — 418, 432, 433, 444, 561.
- Сварм* — см. Дантрейг.
- Святский*, *Владимир Иванович* — студент Технологического института, затем Петербургского земледельческого института; участник нечаевского петербургского кружка — 611.
- Секстон* (Sexton) — член I Интернационала; делегат Гаагского конгресса 1872 г. — 701—704, 707.
- Сен-Клер* (Saint-Clair) — на Гаагском конгрессе в 1872 г. избран членом Генерального Совета I Интернационала — 708.
- Сен-Мартен* (Saint-Martin) — альянсист, французский адвокат — 587, 588.
- Сент-Арно* (Leroy de Saint-Arnaud), *Арман* (1801—1854) — французский маршал, военный министр (1851—1854); активный участник переворота

- 2 декабря 1851 г.; главнокомандующий французской армии в Крыму в первую половину войны — 250.
- Сентиньон* (Sentinon), *Гаспар* (ум. в 1903 г.) — врач; бакунист, член тайного Альянса в Барселоне (1868) и женевской секции Альянса, участник Базельского конгресса (1869); после 1872 г. отошел от революционного движения — 566, 576.
- Серебрянников*, *Владимир* — студент Медицинско-хирургической академии; в 1869 г. арестован за участие в студенческих волнениях; в ноябре 1870 г. бежал за границу, жил в Лондоне, помогал Нечаеву в издании журнала «Община» — 350.
- Серно-Соловьевич*, *Александр Александрович* (1838—1869) — русский революционер, последователь Чернышевского; с 1862 г. эмигрант в Швейцарии, с 1867 г. член женевской секции I Интернационала; выступил против Герцена в своей брошюре «Наши домашние дела» (1867) — 457.
- Серрайе* (Serrailier), *Огюст* (род. в 1840 г.) — французский рабочий по выделке обувных колодок, жил в Англии; с 1869 г. член Генерального Совета I Интернационала; в 1871—1872 гг. секретарь-корреспондент для Франции, сторонник Маркса; в 1870 г. был послан Генеральным Советом в Париж в качестве уполномоченного, член Коммуны, принадлежал к «меньшинству»; после падения Коммуны вернулся в Англию; делегат Лондонской конференции (1871), Гаагского конгресса (1872) I Интернационала — 10, 100, 223, 278, 279, 433, 437, 441, 447, 454, 474, 513, 587, 588, 637, 653, 682, 698, 700—704, 706—708.
- Симон* (Simon), *Жюль* (1814—1896) — французский публицист и философ-спиритуалист, умеренный республиканец; будучи членом Учредительного собрания в 1848 г., поддерживал политику Кавеньяка; во время империи возглавлял парламентскую оппозицию; в правительстве национальной обороны 1870 г. министр народного просвещения; в 1877 г. премьер-министр — 302.
- Сириль* (Cyrille) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса 1872 г. — 702, 706, 707.
- Сова* (Sauva) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса 1872 г. — 700—704, 706, 707.
- Сони* (Sonis) (1825—1887) — французский генерал, командир корпуса — 213.
- Сориано* (Soriano) — учитель математики в Севилье; деятель испанской секции I Интернационала, член Альянса — 548, 575, 576.
- Сплингард* (Splingard), *Рош* — бельгийский адвокат; член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса, бакунист — 537, 701—707.
- Стенни* (Stepney), *Кауэлл Вильям Фредерик* (1820—1872) — англичанин; в 1868—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала, делегат на Брюссельском (1868) и Базельском (1869) конгрессах I Интернационала и на Лондонской конференции (1871); один из деятелей «Лиги реформы» — 9, 100, 335, 355, 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Стефанони* (Stefanoni), *Луиджи* — итальянский промышленник; буржуазный демократ, участник гарибальдийских походов; с 1866 г. редактор «Libero Pensiero», один из основателей «Всемирного общества рационалистов в Риме» (1871) — 385, 429, 455—457, 564.
- Столл* (Stoll) — член Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих — 9, 100.
- Стош* (Stosch), *Альбрехт* (1818—1896) — прусский генерал, начальник штаба герцога Мекленбургского — 219.
- Стэнли* (Stanley), *Эдуард Генри* (1826—1893) — лорд; английский министр иностранных дел 1866—1868 и 1874—1878 гг.; консерватор до 1880 г., затем либерал — 693.
- Сулла* (Sulla), *Люций Корнелий* (138—78 до н. э.) — римский диктатор — 300, 329.
- Сэссэ* (Saisset) (1810—1879) — французский адмирал; монархист, член Национального собрания, один из палачей Парижской коммуны — 307.
- Сюзанн* (Suzanne) — французский генерал — 295.
- Сюше* (Suchet), *Луи-Габриель*, герцог Альбуфера (1770—1826) — маршал, участник наполеоновских войн — 152, 153.

Т

Тамерлан (Timur-leng) (1336—1405) — среднеазиатский завоеватель; известен своей жестокостью по отношению к покоренным народам — 308.

- Тамизье* (Tamisier), *Франсуа-Лоран-Альфонс* (1809—1880) — французский генерал; после революции 4 сентября 1870 г. командовал Национальной гвардией — 305.
- Танн* (Von-der Tann), *Людвиг*, фон-дер (1815—1881) — баварский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 1-м баварским корпусом — 146, 156, 161, 172, 177, 179, 180, 185, 190, 200, 214, 218, 220, 259.
- Таунсенд* (Townshend), *Вильям* — член Генерального Совета I Интернационала в 1869—1872 гг. — 9, 100, 335, 355, 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Тацит*, *Публий Корнелий* (ок. 55—120) — римский историк — 330.
- Теано* (Teano) — итальянский князь — 450.
- Тейлор* (Taylor), *Альфред* — член Генерального Совета I Интернационала (с 1871 г.), член Английского федерального совета (1872) — 335, 355, 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Тейс* (Theisz), *Альбер* (1839—1881) — французский рабочий-чеканщик; прудонист, член I Интернационала, член Парижской коммуны, эмигрант в Лондоне, член Генерального Совета и казначей Интернационала — 407, 411.
- Терзаги* (Terzaghi), *Карло* — итальянский адвокат; был разоблачен Марксом и Энгельсом как агент итальянской полиции; секретарь рабочего общества «L'Emancipazione del Proletariato» и редактор газеты «Proletario» в Турине — 563, 579—582.
- Тестю* (Tastut), *Оскар* — 372.
- Токаржевич* (Tokarzewicz), *Иосиф* (1841—1910) — польский журналист; редактор газеты «Wolność» — 565.
- Толэн* (Tolain), *Анри-Луи* (1828—1897) — французский рабочий-гравер; правый прудонист, один из руководителей «Общества взаимного кредита бронзовщиков» в Париже; один из организаторов секции I Интернационала в Париже, участник Лондонской конференции (1865), Женевского (1866), Лозаннского (1867), Брюссельского (1868) и Базельского (1869) конгрессов I Интернационала; после революции 4 сентября 1870 г. ренегат, враг Коммуны, депутат Национального собрания в Версале; в 1871 г. исключен из Интернационала; с 1876 г. сенатор — 283, 309, 343, 380, 444.
- Тома* (Thomas), *Клеман* (1809—1871) — французский генерал, участвовавший в подавлении восстания парижского пролетариата в июне 1848 г.; 18 марта 1871 г. был расстрелян национальными гвардейцами — 305, 306, 309, 326—328.
- Томас* (Tomás), *Франциско* — испанский рабочий-каменщик; член Альянса, член Испанского федерального совета, участник восстания в Алькое — 477.
- Томилова*, *Елизавета Христиановна* — судебной палатой привлекалась по делу Нечаева в 1871 г. — 606, 607.
- Тотлебен*, *Эдуард Иванович*, граф (1818—1884) — русский генерал и военный инженер; во время Крымской войны прославился укреплением Севастополя; в турецкую кампанию 1877—1878 гг. руководил осадными работами под Плевной и принудил Осман-пашу к сдаче — 228.
- Тресков* (Tresckow) (1808—1885) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир резервной дивизии — 239, 259.
- Трошо* (Trochu), *Луи-Жюль* (1815—1896) — французский генерал, орлеанист; после падения империи председатель правительства «Национальной обороны» и генерал-губернатор Парижа; своей политикой привел Париж к капитуляции; под давлением негодования масс был вынужден 20 января 1871 г. уйти в отставку — 45, 54, 86, 119, 128, 129, 147, 178, 185—187, 192, 194, 197, 198, 200, 204, 215, 228, 231, 247, 249—251, 256, 257, 290, 293, 294, 300, 304—306, 332.
- Тьер* (Thiers), *Луи-Адольф* (1797—1877) — французский политик и историк; орлеанист, премьер-министр (1836, 1840), глава версальского правительства 1871 г. и палач Коммуны, президент Третьей республики (1871—1873) — 6, 281, 293, 294, 296—304, 306—309, 311, 312, 318, 320—329, 331—333, 335, 351, 358, 364, 365, 377, 408, 430, 432, 441, 487, 489, 526, 587, 655, 711, 714—716.
- Тюмплинг* (Tümppling), *Вильгельм* (1809—1884) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 6-м армейским корпусом — 198.

У

- Уилер* (Wheeler), *Джордж Вильям* — деятель английского рабочего движения, чартист и член «Общества братских демократов»; затем главный управляющий «Общества взаимного страхования жизни»; член Генерального Совета I Интернационала 1864—1866 и его казначей (1864—1865), делегат на Лондонской конференции (1865); в 1872 г. член Английского федерального совета — 371.
- Уильмот* (Wilmot) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872) — 700, 702—704, 706, 707.
- Уорд* (Ward) — член Генерального Совета, избранного на Гаагском конгрессе — 708.
- Уашберн* (Washburne) (1816—1887) — американский дипломат, посланник в Париже во время Коммуны — 351—355.
- Урих* (Uhrich), *Жан-Жак-Алексис* (1802—1886) — французский генерал; в 1855 г. под Севастополем командовал гвардейской бригадой; в 1870 г. комендант Страсбурга — 89, 119.
- Уркарт* (Urquhart), *Давид* (1805—1877) — английский дипломат; в 1836 г. секретарь посольства в Константинополе, туркофил; в 1847—1852 гг. член парламента; противник руссофильской политики Пальмерстона — 347.
- Ус, Василий* (ум. в 1671 г.) — один из помощников Степана Разина; был атаманом в Астрахани — 604.
- Успенский, Петр Гаврилович* (ок. 1847—1881) — один из членов нечаевской организации; принимал участие в убийстве студента Иванова; в 1869 г. был арестован, в 1871 г. осужден на 15 лет каторги — 607, 609, 614, 615—617.
- Утин, Николай Исаакович* (1845—1883) — русский революционер, народник, сын богатого откупщика, член общества «Земля и Воля»; с 1863 г. эмигрант, секретарь русской секции I Интернационала в Женеве; редактор журнала «Народное Дело», один из редакторов «Égalité»; противник Бакунина; с середины 70-х годов отошел от революционной деятельности — 387, 489, 565, 566, 619, 662, 678.
- Уэст* (West), *Вильям* — член 12-й секции I Интернационала в Нью-Йорке, которой руководила буржуазная феминистка Виктория Вудхулл; сотру-

ничал в журнале «Woodhull and Claflin's Weekly» (1871); делегат секции Интернационала в САСШ на Гаагском конгрессе (1872), где выступал с проповедью буржуазного феминизма — 463, 464, 467, 593.

- Уэстон* (Weston), *Джон* — английский рабочий, оуэнист; в 1864—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала; делегат Лондонских конференций 1865 и 1871 гг.; председатель «Лиги земли и труда» (1873); один из руководителей «Лиги реформы» — 10, 100, 336, 345, 355, 433, 441, 446, 452, 454, 682, 698.

Ф

- Фавр* (Favre), *Жюль* (1809—1880) — французский адвокат; один из руководителей буржуазно-республиканской партии времен 1848 г. и Второй империи; в 1870 г. член правительства «Национальной обороны», один из палачей Парижской коммуны; министр иностранных дел в министерстве Тьера (1871) — 118—120, 263, 264, 290, 294, 295, 299, 302, 305, 308, 322, 327, 328, 338—340, 347—350, 372, 393, 418, 456, 487, 488, 561, 655, 659, 660.
- Файи* (Faily), *Шарль, де* (1810—1892) — французский генерал; во время франко-прусской войны командовал 5-м корпусом — 32, 37, 38, 40, 41, 50, 57, 63, 65, 76, 114, 163, 467, 170.
- Фанелли* (Fanelli), *Джузеппе* (1827—1877) — архитектор и инженер; бакунист, член I Интернационала, организатор секций Альянса в Мадриде и Барселоне, делегат Базельского (1869) конгресса I Интернационала; с 1866 г. депутат итальянского парламента — 519, 547, 566, 570, 577, 589.
- Фарга Пелисер* (Farga Pellicer), *Рафаэль* — испанский рабочий-типограф в Барселоне; член I Интернационала, бакунист; главный редактор газеты «La Federacion» (1869); делегат Базельского и Гаагского конгрессов Интернационала — 566, 569, 575, 576, 701, 702, 704, 706, 707.
- Фаркас* (Farkas) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса 1872 г. — 700—707.
- Фавсет* (Fawcett), *Генри* (1833—1884) — английский вулгарный экономист; с 1865 г. профессор политической экономии в Кембриджском университете — 445, 446.

- Федерб** (Faidherbe), *Луи* (1818—1889) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал Северной армией — 213, 234, 235, 242, 252, 266, 268, 357.
- Ферре** (Férré), *Теофиль-Шарль* (1845—1871) — французский журналист; бланкист, член Парижской коммуны, вице-прокурор Коммуны (сторонник «большинства»); расстрелян по приговору версальского военного суда — 405, 558.
- Ферри** (Ferru), *Жюль* (1832—1893) — один из палачей Коммуны; французский премьер-министр в 1880—1881 и 1883—1885 гг., организатор ряда военно-колониальных экспедиций — 296.
- Флеровский** — см. Берви.
- Флоринский**, *Иван Иванович* — сын священника; студент Московской земледельческой академии; выполнял поручения Нечаева — 612.
- Флуранс** (Flourens), *Гюстав* (1838—1871) — французский журналист; бланкист, член ЦК Национальной гвардии, член военной комиссии Коммуны; убит версальцами 3 апреля 1871 г. — 302, 305, 308.
- Флюз** (Fluse), *Пьер* — бельгийский ткач; член одной из бельгийских секций I Интернационала, делегат Брюссельского конгресса (1868), Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872) Интернационала; на Гаагском конгрессе присоединился к отколовшемуся меньшинству, не признававшему постановлений конгресса — 700—704, 706, 707.
- Фогель фон Фалькенштейн** (Vogel von Falkenstein), *Эдуард-Фридрих* (1797—1885) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командующий войсками в приморской полосе Германии — 243, 485, 486.
- Фогт** (Vogt), *Густав* (1829—1901) — чиновник в Берне, позднее профессор гражданского права в Цюрихе; редактор газеты «Neue Züricher Zeitung» и журнала «Die Vereinigten Staaten von Europa» — 395, 541.
- Фогт** (Vogt), *Карл* (1817—1895) — мелкобуржуазный демократ; разоблачен Марксом в памфлете «Господин Фогт» (1860) как агент Наполеона III — 284—290, 455—457.
- Фойтс-Ретц** (Voigts-Rhetz), *Константин-Бернард*, фон (1809—1877) — прусский генерал; во время франко-прусской войны командовал 10-м армейским корпусом — 219.
- Фонашерри** (Fornasieri) — итальянец; избран членом Генерального Совета I Интернационала на конгрессе в Гааге в 1872 г. — 708.
- Фрайле** (Fraile), *Дионисио Гарсиа* — испанский альянсист — 577.
- Франзецкий** (Fransesky), *Эдуард-Фридрих* (1807—1890) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир 2-го корпуса — 257.
- Франкель** (Frankel), *Лео* (1844—1896) — венгерский социалист, рабочий-ювелир; левый прудонист, активный член I Интернационала в Германии, затем во Франции, член Коммуны; эмигрировал в Лондон, был членом Генерального Совета, жил затем в Венгрии и Германии, участвуя в рабочем движении; один из основателей Венгерской социал-демократической партии — 433, 441, 447, 454, 474, 637, 683, 698, 700—704, 706—708.
- Фридендер** (Friedlander) — 700—704, 706, 707.
- Фридрих** (Friedrich) II (Великий) (1712—1786) — прусский король (1740—1786) — 174, 340.
- Фридрих-Вильгельм III** (Friedrich-Wilhelm) (1770—1840) — прусский король (1797—1840) — 104, 210.
- Фридрих-Карл** (Friedrich-Karl) (1828—1885) — прусский принц; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 2-й армией — 20, 23, 29, 33, 34, 39, 41, 61, 62, 66, 82, 110, 155, 161, 179, 180, 184—187, 192, 194, 195, 197, 204, 205, 214—216, 219, 221, 224, 233, 234, 238, 240—242, 253, 254, 260, 263, 264, 267.
- Фроссар** (Frossard), *Шарль* (1807—1875) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир 2-го корпуса — 22, 29, 30, 32, 33, 37, 38, 42, 57, 61, 62, 65, 163.
- Фурье** (Fourier), *Шарль* (1772—1837) — великий французский социалист-утопист — 604.
- Фусте** (Fusté) — каталонский интернационалист — 575.

X

Хальво (Halvo) — председатель мадридской секции I Интернационала — 566.

Хейлз (Hales), *Вильям* — член Генерального Совета I Интернационала в 1869—1872 гг. — 9, 100, 335, 355, 433, 441, 446, 454, 682, 698.

Хейлз (Hales), *Джон* — английский рабочий-ткач; тред-юнионист, председатель союза рабочих трикотажного производства, один из руководителей «Лиги реформы»; член Генерального Совета I Интернационала в 1866—1872 гг., секретарь Английского федерального совета Интернационала и Генерального Совета (1871—1872), делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872); выступал против создания политической рабочей партии и отстаивал независимость Английского федерального совета от Генерального Совета; со времени Гаагского конгресса вел клеветническую кампанию против Генерального Совета и руководства Маркса — 9, 100, 336, 340, 346, 347, 355, 362, 372, 433, 441, 447, 454, 527—529, 531, 532, 683, 699.

Хозье (Hozier) — 214.

Холлок (Holloake), *Джордж Джейкоб* (1817—1906) — английский кооперативный социалист — 341, 345, 347.

Ц

Цастров (Zastrow), *Адольф* (1801—1875) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командир 7-го корпуса — 236, 239, 240, 252, 253, 257.

Цюрхер (Zürcher), *П.* — председатель собрания манчестерской секции Международного Товарищества Рабочих — 534.

Ч

Чернышевский, *Николай Гаврилович* (1828—1889) — революционер-демократ, «великий русский ученый и критик» (Маркс) — 596, 603, 604, 606, 639—643.

Ш

Шален (Chalain), *Луи-Дени* (род. в 1845 г.) — французский рабочий-токарь; член I Интернационала и Парижской коммуны (сторонник «большинства»); после падения Коммуны эмигрировал в Швейцарию, затем в Лондон; в 1871 г. был членом Генерального Совета; вступив во

«Французскую секцию 1871 г.», вскоре отошел от Интернационала; участник конгресса «Юрской федерации 1874 г.» — 411.

Шангарнье (Changarnier), *Николай* (1793—1877) — французский генерал; участник алжирских походов, орлеанист; в 1849 г. генерал партии порядка, после переворота 2 декабря 1851 г. выслан за границу — 307.

Шанзи (Chanzy), *Альфред* (1823—1883) — французский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал дивизией, затем 2-й Луарской армией — 213, 216—220, 233, 234, 238, 240—242, 252—254, 264, 266, 268.

Шарнгорст (Scharnhorst), *Гергард-Йоганн-Давид* (1755—1813) — прусский генерал и реформатор армии Пруссии после ее разгрома Наполеоном — 175.

Шаспо (Chassepot) — француз, рабочий; изобрел ружье, названное его именем — 26, 127.

Шассен (Chassin) (1831—1901) — французский публицист; редактировал основанный им орган «*Démocratie*» (1868—1870) — 619.

Шварценберге (Schwarzenberg), *Карл-Филипп*, князь (1771—1820) — австрийский фельдмаршал, участник наполеоновских войн — 70.

Швейцер (Schweitzer), *Йоганн Баптист* (1833—1875) — франкфуртский адвокат, лассальянец; вскоре после смерти Лассаля стал во главе «Всеобщего германского рабочего союза»; основатель берлинской газеты «*Sozial-Demokrat*» (1865), на которую, как обнаружилось впоследствии, получал субсидию от Бисмарка; после 1871 г. отошел от политической жизни — 467, 554.

Швицгубель (Schwitzgübel), *Адемар* (1844—1895) — швейцарский рабочий; бакунист, член Альянса, один из руководителей Юрской федерации, делегат нескольких конгрессов I Интернационала — 369, 380, 423, 508, 514, 517, 518, 555, 700—702, 704—707.

Шевалье (Chevalley), *Анри* — 402, 555, 556.

Шей (Scheu), *Генрих* (1845—1926) — австрийский социал-демократ, делегат Гаагского конгресса I Интернационала; с 1875 г. эмигрант в Англии — 701, 703, 704.

Шеффер (Scheffer) — один из четырех

- гвардейцев Коммуны, сдавшихся при Бель-Эпине 25 апреля 1871 г. отряду конных егерей — 309.
- Шеффер* (Shepherd), *Жозеф* — член Генерального Совета — 9, 100.
- Шилль* (Schill), *Фердинанд* (1773—1809) — прусский офицер, начальник партизанского отряда, действовавшего против французов; убит в бою под Штральзундом (1809) — 209.
- Шмелинг* (Schmeling) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 4-й резервной дивизией — 157, 259.
- Шмутц* (Schmutz) — член Генерального Совета I Интернационала — 9, 100.
- Шнейбер* (Schneider) — 386.
- Шотар* (Chautard) — французский эмигрант в Лондоне; член «Французской секции 1871 г.» в Лондоне; был разоблачен как полицейский агент Тьера — 407, 408.
- Шоу* (Shaw), *Роберт* (ум. в 1869 г.) — английский рабочий-маляр; в 1864—1869 гг. член Генерального Совета I Интернационала; в 1867—1868 гг. казначей Совета; в 1867—1869 гг. секретарь-корреспондент для английских секций в САСШ, делегат Лондонской конференции (1865) и Брюссельского конгресса (1868) I Интернационала — 397.
- Шпейер* (Speyer), *Карл* (род. в 1845 г.) — немецкий рабочий-столяр из Дармштадта; с 1860 г. участник рабочего движения в Швейцарии, Париже и Лондоне; в 1870 г. эмигрировал в Америку; член немецкой секции (№ 1) Интернационала в Нью-Йорке, член Федерального совета (1872); после Гаагского конгресса член Генерального Совета, генеральный секретарь I Интернационала с сентября 1875 г. — 708.
- Штейнмец* (Steinmetz), *Карл* (1796—1877) — прусский генерал; во время франко-прусской войны (1870—1871) командовал 1-й армией — 20, 23, 33, 34, 41, 66, 82.
- Штибер* (Stieber), *Вильгельм* (1818—1882) — обер-шпион, директор прусской политической полиции, один из организаторов Кельнского процесса коммунистов (1852); возглавлял военную полицию во время войн 1866 и 1870—1871 гг. — 243, 380, 456, 489, 544.
- Штюльпнагель* (Stülpnagel), *Фердинанд* (1813—1885) — прусский генерал, командир дивизии 8-го (рейнского) корпуса — 32.
- Шумахер* (Schumacher) — немецкий социал-демократ, делегат Гаагского конгресса 1872 г. — 701—704, 707.

Э

- Эбергард* (Eberhardt) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса 1872 г. — 700—704, 707.
- Эккариус* (Eccarius), *Иоахим-Георг* (1818—1889) — немецкий рабочий-портной; с 1846 г. эмигрант в Лондоне, член «Союза коммунистов», один из активных участников организации I Интернационала; в 1864—1872 гг. член Генерального Совета; в 1867—1871 гг. секретарь Совета; в 1868—1872 гг. секретарь-корреспондент для Америки; участник всех конгрессов и конференций I Интернационала; на Гаагском конгрессе примыкал к антимарксистскому меньшинству; в 1872 г. выступил против решений Гаагского конгресса; в 1873—1874 гг. участник конгрессов анархистского интернационала; позднее участник английского тред-юнионистского движения — 10, 100, 336, 355, 433, 441, 447, 454, 683, 699, 700, 702, 704.
- Элеонора* — см. Маркс, Элеонора.
- Элидин*, *Михаил Константинович* (ок. 1835—1908) — русский студент, участник казанских студенческих волнений 1861 г. и казанского польского заговора 1863 г.; затем эмигрант в Женеве, владелец русской жеванской типографии, член Альянса — 350, 369, 370, 541.
- Энгельс* (Engels), *Фридрих* (1820—1895) — 223, 277, 283, 336, 355, 374, 375, 385, 386, 433, 439, 441, 447, 454, 461, 472, 474, 482, 511, 513, 516, 523, 526, 528, 529, 637, 653, 658, 660, 682, 683, 698, 700—702, 706—708.
- Энфильд* (Enfield) — название английской оружейной фирмы, известной винтовками особой системы — 102.
- Эппельгарт* (Applegarth), *Роберт* (1834—1924) — английский рабочий-плотник; в 1862—1871 гг. генеральный секретарь союза плотников и столяров, член Лондонского совета тред-юнионов; в 1868—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала, в дальнейшем журналист и капиталист-предприниматель — 9, 100, 433, 441, 446, 454, 682, 698.
- Эрве* (Hervé), *Эдуард* (1835—1899) — французский журналист; при Вто-

рой империи либерал, в дальнейшем монархист — 330.

Эспартеро (Espartero), *Бальдомеро* (1793—1879) — испанский генерал; лидер прогрессистской (либеральной) партии, регент Испании (1840—1843) и министр-президент (1854—1856) — 297.

Эстебанес (Estébanez) (1838—1914) — испанский писатель, военный и политический деятель, республиканец; был губернатором Мадрида, позднее военным министром — 570.

Ю

Юм (Hume), *Роберт-Вильям* — американский реформист, член I Интернационала, корреспондент Генерального Совета (1870), в дальнейшем сторонник Виктории Вудхулл — 467.

Юнг (Jung), *Герман* (1830—1901) — часовщик, родом из Швейцарии; с середины 50-х годов эмигрант в Лондоне; в 1864—1872 гг. член Генераль-

ного Совета I Интернационала; секретарь-корреспондент для Швейцарии и казначей Генерального Совета; до 1872 г. сторонник Маркса; на конгрессах проводил линию Генерального Совета; участник Лондонской конференции (1865), председатель Женевского (1866), Брюссельского (1868), Базельского (1869) конгрессов и Лондонской конференции (1871) I Интернационала, член Английского федерального совета; в 1872 г. выступил против решений Гаагского конгресса и вел активную борьбу против Генерального Совета — 10, 100, 336, 355, 433, 441, 447, 453, 454, 474, 528, 529, 531, 681—683, 699.

Я

Якоби (Jakobi) — 579.

Ярроу (Yarrow), *Ф. Джс.* — член Генерального Совета I Интернационала — 433, 441, 446, 454.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

к статьям Энгельса «Заметки о войне»
и к работе Маркса «Гражданская война во Франции»

А

- Аахен* (немец. Aachen, франц. Aix-la-Chapelle) — 19, 22.
Абли (франц. Ablis) — деревня в 30 километрах от г. Рамбулье — 174, 185.
Авен (франц. Avesnes) — 76, 87.
Аврон — см. *Монт-Аврон*.
Алансон (франц. Alençon) — 254.
Александр, форт (немец. Fort Alexander) — у крепости Кобленца — 18.
Аллю (франц. Hallue) — приток р. Соммы — 234.
Алье (франц. Allier) — левый приток р. Луары — 206.
Альткирх (немец. Altkirch) — 38.
Амьен (франц. Amiens) — 122, 173, 194—196, 234, 242, 268.
Анжер (франц. Angers) — 268.
Антиб (франц. Antibes) — 124.
Аргонны (франц. Argonne) — плоскогорье на северо-востоке Франции — 72, 77.
Арденнский канал (франц. Canal des Ardennes) — 80.
Ардены или Арденнский лес (франц. Ardennes или forêt des Ardennes) — лесистая возвышенность в юго-восточной Бельгии, Люксембурге и пограничных областях Франции — 253.
Арсис-на-Об (франц. Arcis-sur-Aube) — 70.
Артенаэ (франц. Artenay) — 216.

Б

- Базейль* (франц. Bazeille) — деревня вблизи Седана — 81, 172, 204.
Базель (немец. Basel, франц. Bâle) — 17, 41, 95, 124, 239.
Байон (франц. Bayon) — местечко в 22 километрах к северо-востоку от г. Люневилля — 44.
Байонна (франц. Bayonne) — 124.

- Бапом* (франц. Baraume) — 235.
Бар (франц. Bar) — приток р. Маас — 77, 80.
Бар-ле-Дюк (франц. Bar-le-Duc) — 50, 51, 65, 69, 73.
Барселона (испанск. Barcelona, франц. Barcelone) — 297.
Безансон (франц. Besançon) — 59, 122, 157, 173, 238, 257, 258, 261—263, 267, 268, 272, 273.
Бельвилль (франц. Belleville) — квартал Парижа — 257, 303.
Белькруа (франц. Bellescroix) — форт в районе Меца — 52.
Бельфор (франц. Belfort) — 15, 37, 51, 59, 122, 162, 205, 221, 236, 238, 239, 252, 257—261, 271.
Берлин (немец. Berlin) — 14, 17, 22, 30, 36, 69, 70, 80, 96, 118, 129, 138, 142, 148, 163, 179, 278, 279, 312.
Берн (немец. Bern, франц. Berne) — 262, 280.
Бетенивилль (франц. Bétheniville) — 170.
Бинген (немец. Bingen) — 16, 18.
Биркенфельд (немец. Birkenfeld) — 16.
Бич (немец. Bitsch) — 16, 26, 28, 32, 37, 87, 120, 122.
Бламон (франц. Blâmont) — 257, 262.
Блис (немец. Blies) — правый приток р. Саар — 16.
Блискартель (немец. Blieskastel) — 33, 34.
Блуа (франц. Blois) — 173, 214, 216, 218, 233.
Бовэ (франц. Beauvais) — 156.
Божанси (франц. Beaugency) — 216, 218.
Бомон (франц. Beaumont) — 77, 80.
Бонейль (франц. Bonneuil) — деревня в окрестностях Парижа — 199.
Бон-ля-Роланд (франц. Beaune-la-Rolande) — 194, 196, 215.
Бордо (франц. Bordeaux) — 145, 162, 179, 197, 220, 233, 264, 299, 301, 326, 327.

¹ Все названия, не имеющие пояснений, означают названия городов.

- Бремен* (немец. Bremen) — 24.
Брест (франц. Brest) — 5, 184, 241, 254, 268.
Бри (франц. Brie) — деревня в окрестностях Парижа — 200, 248.
Бриар (франц. Briar) — 216, 234.
Брие (франц. Brieu) — 54, 62, 70.
Бузонвиль (франц. Bouzonville) — 38.
Буйон (франц. Bouillon) — 81.
Булль-Рен (англ. Bull-Run) — небольшая река, впадающая в р. Потомак (Potomac), в штате Вирджиния в САСШ — 160.
Булэ (франц. Boulay) — 38.
Бурж (франц. Bourges) — 162, 173, 220, 234, 267.
Бузанси (франц. Buzancy) — 72, 77, 164.

В

- Валансьен* (франц. Valenciennes) — 67.
Валерьян — см. Мон Валерьян.
Ванв (франц. Vanves) — предместье Парижа с фортом того же названия — 115.
Вандом (франц. Vendôme) — 218, 219, 233.
Варенн (франц. Varennes-en-Argonne) — 66, 73.
Варна — 250.
Ватерлоо (франц. Waterloo) — бельгийская деревня в 18 километрах к югу от Брюсселя — 87, 109.
Вашингтон (англ. Washington) — 331.
Везель (немец. Wesel) — 18, 209.
Везер (немец. Weser) — река в Германии — 211.
Везуль (франц. Vesoul) — 41, 51, 146, 236, 238—240.
Вейсенбург (немец. Weissenburg) — 25—29, 37, 42, 56.
Вена (немец. Wien) — 34.
Верден (франц. Verdun) — 50—54, 57, 61—63, 65, 66, 72, 73, 95, 118, 119, 122, 124, 156, 158, 170.
Вернейль (франц. Verneuil) — 233.
Верона (итал. Verona) — 84.
Версаль (франц. Versailles) — 122, 186, 200, 205, 208, 217, 231, 235, 242, 249, 252, 259, 274, 302, 306—308, 318, 321, 323—325, 330.
Вёрт (немец. Wörth) — деревня в Эльзасе — 27, 29, 38, 42, 50, 57, 59, 80, 109, 114, 167, 169.
Вийе-на-Марне (франц. Villiers-sur-Marne) — предместье Парижа — 200.
Виксбург (англ. Vicksburg) — город в штате Миссисипи в САСШ — 151.
Виллер (франц. Villers) — деревня в долине р. Бар, между Седаном и Мезьером — 80.

- Виллер-Бретонне* (франц. Villers-Bretonneux) — 234.
Виллерсексель (франц. Villersexel) — 238, 252, 259, 271.
Виллер-Сернэ (франц. Villers-Sernay) — деревня в 8 километрах к северо-востоку от Седана — 81.
Вильгельмسهэ (немец. Wilhelmshöhe) — замок в окрестностях Касселя — 322.
Вильжюиф (Villejuif) — предместье Парижа — 228.
Виль Эгар (франц. Ville Evrart) — населенный пункт в окрестностях Парижа — 248.
Виньель (франц. Vigneulles) — 50, 58.
Вионвиль (франц. Vionville) — 52, 53, 144.
Висла (польск. Wisła) — река — 209.
Витри (франц. Vitry-sur-Seine) — предместье Парижа — 228.
Витри-ле-Франсуа (франц. Vitry-le-François) — 51, 63, 66, 87, 156.
Во (франц. Vaux) — деревня вблизи Меца — 77.
Вогезы (немец. Vogesen, франц. Les Vosges) — горная цепь — 15, 20, 25, 32, 33, 37, 239, 253, 260.
Вризи (франц. Vrizy) — деревня в департаменте Арденны — 77.
Вузье (франц. Vouziers) — 66, 73, 77.
Вьерзон (франц. Vierzon) — 216.
Вюрцбург (немец. Würzburg) — 11.

Г

- Гавр* (франц. Havre) — 147, 268, 269.
Ганновер (немец. Hannover) — 22, 24.
Гардт (немец. Hardt) — северные отроги горной цепи Вогезов, в Баварском Пфальце — 27.
Гермерсгейм (немец. Germersheim) — 11, 17, 26, 27, 83, 95.
Гиз (франц. Guise) — 87, 235.
Гомбург (немец. Homburg) — 16, 34.
Гонес (франц. Gonesse) — 186.
Гохвальд (немец. Hochwald) — горный хребет на правом берегу р. Саар — 15.
Гравелот (франц. Gravelotte) — деревня около Меца — 50, 52, 62, 63, 70, 81, 144, 164.
Гран Пре (франц. Grand Pré) — 66, 73.
Гро-Танкен (франц. Gros-Tenquin) — деревня в 34 километрах от г. Форбаха — 41.
Грэ (франц. Gray) — 236.
Гюнцинген (немец. Hünningen) — 239.

Д

- Данциг* (немец. Danzig, польск. Gdansk, франц. Dantzig) — 84.
Дембе Вельке (польск. Dembe Wielkie) —

деревня в бывшей Варшавской губернии — 77.
Дижон (франц. Dijon) — 180, 205, 221, 236, 252, 257, 260, 261, 271.
Доль (франц. Dôle) — 257, 263, 272.
Донкур (франц. Doncourt) — 52, 53.
Дранси (франц. Drancy) — населенный пункт в окрестностях Парижа — 229, 248.
Дрё (франц. Dreux) — 185—187, 208, 214, 259, 326.
Ду (франц. Doubs) — приток р. Соны — 257, 258, 260, 261, 263, 271, 272.
Дунай (немец. Donau) — река — 250.
Дьелуар (франц. Dieulouard) — 40.
Дюппель (немец. Düppel) — 230, 231.

Ж

Жаржо (Jargeau) — 216.
Женева (франц. Genève, немец. Genf) — 124, 280, 289.
Живе (франц. Givet) — крепость у бельгийской границы — 67, 76.
Живонн (франц. Givonne) — деревня в окрестностях Седана — 81.
Жиен (франц. Gien) — 179, 216, 233.

З

Зауэр (немец. Sauer) — приток Рейна — 27.
Зирк (немец. Sierck) — 37.
Зондербург (немец. Sonderburg) — 140.

И

Ивре л' Эвек (франц. Ivry l'Évêque) — учебный лагерь возле г. Ле Ман — 219.
Иена (немец. Jena) — 57, 67, 109, 176, 209.
Ионна (франц. Yonne) — приток р. Сены — 179.
Ирсон (франц. Hirson) — 76.
Исси (франц. Issy) — форт в окрестностях Парижа — 249.

К

Кайенна (франц. Cayenne) — город во французской колонии Гвиана, в Южной Америке — 303.
Кайзерслаутерн (немец. Kaiserslautern) — 15, 16, 24.
Калатаюд (исп. Calatayud) — 152.
Камбрэ (франц. Cambrai) — 236.
Кариньян (франц. Carignan) — 77, 80.
Карлсруэ (немец. Karlsruhe) — 166.
Квейх (Queich) — речка, впадающая в Рейн — 17.
Кель (немец. Kehl) — крепость на правом берегу Рейна — 71.

Кёльн (немец. Köln, франц. Cologne) — 18—20, 34, 83.
Кенже (франц. Quingey) — 261.
Кламар (франц. Clamart) — 247, 309.
Кобленц (немец. Koblenz) — 17—20, 22, 83, 95.
Кольберг (немец. Colberg) — 209.
Коммерси (франц. Commercys) — 50, 51, 58, 233.
Конли (франц. Conlie) — 195, 213, 219, 233.
Конфлан (франц. Conflans) — 62.
Котантен (франц. Cotentin) — полуостров на северо-западе Франции — 254, 268.
Куккоф (немец. Kuhkopf) — холм в окрестностях Кобленца — 18.
Кульмье (франц. Coulmiers) — 177, 185, 214, 259.

Л

Лаваль (франц. Laval) — 254.
Ладон (франц. Ladon) — деревня вблизи г. Монтаржи — 215.
Лан (франц. Laon) — 78, 156, 239.
Лангр (франц. Langres) — 221, 253.
Ландау (немец. Landau) — 17, 26, 27, 95.
Ландреси (франц. Landrecies) — крепость — 87.
Ландштуль (немец. Landstuhl) — 16.
Лаутербург (немец. Lauterburg) — 124.
Ле Брене (франц. Les Brenets) — 262.
Ле Бурже (франц. Le Bourget) — деревня около Парижа — 247, 248.
Ле Веррьер (франц. Les Verrières) — деревня на швейцарской границе — 272.
Лейпциг (немец. Leipzig) — 164.
Ле Ман (франц. Le Mans) — 162, 173, 191, 194, 195, 197, 203, 213, 214, 218—220, 233, 241, 254, 257, 263, 264, 267, 268.
Леопольд (немец. Leopold) — южный форт крепости Раштатта на левом берегу р. Мург — 17.
Ле Шен Пополе (Le Chêne Populeux) — 77, 170.
Лизен или Изель (франц. Lizaine) — небольшая речка вблизи Бельфора — 252, 260.
Лилль (франц. Lille) — 67, 195, 213, 261.
Лион (франц. Lyon) — 5, 45, 74, 122, 173, 184, 206, 252, 257, 261, 266, 268, 271, 272, 280, 322, 325.
Лихтенберг (немец. Lichtenberg) — 87, 88.
Лонгви (франц. Longwy) — 205.
Лонгвиль (франц. Longueville) — деревня в 6 километрах от г. Меца — 61.

- Лонгуйон* (франц. Longuyon) — 53, 70.
Лондон (англ. London) — 70, 252, 279, 281, 306.
Луаньи (франц. Loigny) — деревня в 48 километрах к юго-юго-востоку от г. Шартра — 200.
Луар (франц. Loire) — приток р. Сарты — 218.
Луара (франц. Loire) — река — 47, 74, 85, 86, 122, 135, 156, 162, 179, 195, 203, 206, 215, 216, 218, 224, 233, 234, 241, 254, 268.
Луи (немец. Louis) — северный форт крепости Раштагта, на правом берегу р. Мург — 17.
Люневиль (франц. Luneville) — 33, 44, 57, 58, 239.
Люр (франц. Lure) — 238, 271.
Ля Виллет (франц. La Villette) — квартал в Париже — 257, 303.
Ля Гравель (франц. La Gravelle) — руды в предместье Парижа в Венсенском лесу — 199.
Ля Невиль (франц. La Neuville) — деревня вблизи Стенэ — 70.
Ля Птит Пьер (франц. La Petite Pierre, немец. Lützelstein) — крепость — 26, 87.
Ля Ферте-су-Жуарр (франц. La Ferté-sous-Jouarre) — деревня на р. Марне — 138.
Л'Э (франц. L'Hay) — предместье Парижа — 198.
- М**
- Маас* (немец. Maas, франц. Meuse) — река — 50, 58, 66, 69, 70, 72, 73, 76—81.
Магдебург (немец. Magdebourg) — крепость в Прусской Саксонии, на р. Эльбе — 211.
Маджента (итал. Magenta) — селение в Северной Италии, близ р. Тичино — 28, 34, 102.
Майн (немец. Main) — правый приток р. Рейна — 11, 18, 288.
Майнц (немец. Mainz, франц. Maunse) — 11, 15—19, 22, 29, 83, 95.
Мальзерб (франц. Malesherbes) — 179.
Маннгейм (немец. Mannheim) — 16, 27.
Мантуя (итал. Mantova, франц. Mantua) — 63, 84.
Мариенбург (немец. Marienburg) — 87.
Марна (франц. Marne) — река — 50, 52, 85, 115, 179, 185, 186, 197—200, 202, 228, 236, 248, 256.
Марсаль (франц. Marsal) — крепость — 87.
Марсель (франц. Marseille) — 5, 325.
Марс-ля-Тур (франц. Mars-la-Tour) — деревня в 20 километрах от г. Брие — 50, 52, 58, 62, 64.
Медон (франц. Meudon) — населенный пункт в окрестностях Парижа — 114, 127.
Мезон Блани (франц. Maison Blanche) — населенный пункт в окрестностях Парижа — 248.
Мезьер (франц. Maizières) — деревня вблизи Бон-ля-Роланда — 215.
Мезьер (франц. Mezières) — 53, 67, 73, 74, 76—78, 80, 82, 147, 235, 237, 239, 240, 242, 253.
Мели (франц. Mesly) — деревня в окрестностях Парижа — 199.
Ментана (итал. Mentana) — деревня близ Рима — 174.
Мерта (франц. Meurthe) — река — 33.
Мец (франц. Metz) — 15, 16, 20, 22, 24, 29, 30, 32—35, 37, 40—42, 44, 48—54, 56—58, 60—66, 70—72, 76, 80, 82, 83, 86, 87, 95, 97, 106, 109, 110, 118—120, 122, 124, 134—136, 142—145, 155, 157, 159, 161—164, 166—170, 173, 179, 181, 182, 189, 190, 197, 204, 218, 224, 236, 239, 246, 252, 258, 261, 266, 299.
Мобеж (франц. Maubeuge) — 78, 87.
Мозель (немец. Mosel, франц. Moselle) — левый приток Рейна — 15, 20, 21, 40, 41, 44, 47—50, 54, 58, 61, 63, 77, 144, 161, 169, 258.
Монбельяр (франц. Montbéliard, немец. Mumpelgard) — 124, 257, 271.
Мон Валерьен (франц. Mont Valérien) — форт в окрестностях Парижа — 118, 139, 231, 256.
Монмартр (франц. Montmartre) — квартал Парижа — 114, 303—305, 307.
Монмеди (франц. Montmédy) — 53, 64, 81, 87, 122, 205, 235.
Мон Мели (франц. Mont Mesly) — плоскогорье в окрестностях Парижа — 197, 199.
Моннаэ (франц. Monnaie) — 219.
Монт Аврон (франц. Mont Avron) — плоскогорье в окрестностях Парижа — 228—230, 248, 249.
Монтаржи (франц. Montargis) — 179.
Монтерме (франц. Monthermé) — 79.
Монфермейль (франц. Montfermeil) — высоты в окрестностях Парижа — 229.
Морэ (франц. Morée) — 218.
Музон (франц. Mouson) — 77.
Мулан-Саке (франц. Moulin-Saquet) — деревня в окрестностях Парижа — 309.
Мург (немец. Murg) — приток Рейна — 17.
Мушар (франц. Mouchard) — 261, 272.
Мюнхен (немец. München) — 200.

Н

- Нанси* (франц. Nancy) — 15, 16, 28, 29, 32, 37, 38, 40, 41, 44, 50, 51, 57, 58, 95, 205, 224, 236, 259, 260.
Нант (франц. Nantes) — 254, 267.
Невер (франц. Nevers) — 162, 179, 206, 234, 252, 267.
Невуа (франц. Nevoü) — 216.
Невшатель (франц. Neuchâtel) — 262.
Ней-Брейзах (немец. Neu-Breisach) — 157.
Нейнкирхен (немец. Neunkirchen) — 24.
Нейи-на-Марне (франц. Neuilly-sur-Marne) — предместье Парижа — 200, 248.
Нейштадт (немец. Neustadt) — 27.
Немур (франц. Nemours) — 179.
Нид (немец. Nied) — приток р. Саара — 20, 49.
Ножан (франц. Nogent) — форт в окрестностях Парижа — 199, 230.
Нотр-Дам-д'Оэ (франц. Notre-Dame-d'Oé) — 219.
Нуази (франц. Noisy) — форт в окрестностях Парижа — 230.
Нуар (франц. Nouart) — деревня в 30 километрах от г. Вузье — 77, 80.

О

- Оберштейн* (немец. Oberstein) — 16.
Одер (немец. Oder) — река — 209.
Оксерр (франц. Auxerre) — 162, 179, 236, 239.
Ольмюц (немец. Olmütz) — 34.
Орлеан (франц. Orléans) — 122, 156, 174, 177, 179, 195, 197, 200, 208, 214—216, 218—220.

П

- Палермо* (итал. Palermo, франц. Palerme) — 297.
Панж (франц. Pange) — 49, 52, 58.
Париж (франц. Paris) — 5, 7, 20, 22, 28—30, 34, 41, 45, 47, 49, 51, 54, 55, 59, 63—65, 67, 69—71, 73, 74, 76, 78, 83—87, 93, 96, 99, 114—116, 118—120, 122—124, 126—129, 134—136, 138—143, 145—147, 149—154, 156, 157, 159, 161, 162, 169—171, 177—190, 192, 194—200, 202—206, 215, 217, 221, 222, 224, 228, 230—232, 235—242, 246—250, 252—254, 256, 257, 259, 260, 263, 264, 266, 267, 279, 281, 285, 289, 293—297, 299—309, 312—314, 318, 320—326, 328 — 336.
Патаэ (франц. Pataü) — 200.
Перонна (франц. Péronne) — 235, 236.
Перпигьян (франц. Perpignan) — 124.

- Пирмазенс* (немец. Pirmasens) — 26, 29.
Понт-а-Муссон (франц. Pont-à-Mousson) — 40, 58, 70.
Понтарлье (франц. Pontarlier) — 261, 262, 272.
Пфальцбург (немец. Pfalzburg) — 26, 87, 88, 106, 109, 120, 122, 162, 239, 264.

Р

- Раштатт* (немец. Rastatt) — 17, 83, 95.
Редут де-ля-Фезандри (франц. Redoute de-la-Faisanderie) — в окрестностях Парижа — 199.
Резонвилл (франц. Rezonville) — деревня около Меца — 70.
Реймс (франц. Reims) — 53, 65, 66, 69, 70, 72, 73, 76, 156, 170, 197, 204, 237, 240.
Рейн (немец. Rhein, франц. Rhin) — самая большая река в Германии — 6, 8, 11, 12, 14 — 20, 22, 23, 25, 27, 36, 37, 47, 56, 70, 83, 88, 96, 112, 122, 124, 125, 166, 181, 239, 253.
Ремийи (франц. Remilly) — деревня около Седана — 80, 81.
Ретель (франц. Rethel) — 69, 72, 73, 76—78, 170, 242.
Рим (итал. Roma, франц. Rome) — 298, 307, 330.
Ричмонд (англ. Richmond) — город в штате Вирджиния в САСШ — 151.
Рокуруа (франц. Rocroi) — 78, 240, 253.
Рокур (франц. Raucourt) — 80.
Рони (франц. Rosny) — форт в окрестностях Парижа — 228, 230.
Россель (франц. Rosselle) — приток р. Саара — 42.
Руан (франц. Rouen) — 5, 122, 156, 173, 221, 222, 234, 242, 268, 328.
Ружмон (франц. Rougemont) — 271.
Рэнси (франц. Raincy) — плоскогорье в окрестностях Парижа — 229.
Рюзй (франц. Rueil) — населенный пункт в окрестностях Парижа — 324, 330.

С

- Саар* (немец. Saar) — река — 16, 19, 20, 22, 24, 33, 37.
Саарбрюкен (немец. Saarbrücken) — 19, 20, 22, 29, 30, 32, 38, 39, 159, 166, 239.
Саарбург (немец. Saarburg) — 20, 118.
Сааргемюнд (немец. Saargemünd, франц. Sarreguemines) — 33.
Саарлуи (немец. Saarlouis, франц. Sarrelouis) — 20, 24, 95.
Саверн (франц. Saverne, немец. Zabern) — 28, 32, 33, 40, 41, 44, 57.

Садова (немец. Sadowa) — деревня в Богемии — 7, 34.
Сален (франц. Salins) — 272.
Сан (франц. Sens) — 179.
Сарагосса (испан. Zaragoza, франц. Saragossa) — 151—153.
Севастополь — 84, 106, 116, 143, 149—151, 228—230.
Седан (франц. Sedan) — 78—83, 86, 87, 93, 122, 156, 158, 159, 166, 183, 189, 190, 192, 193, 204, 246, 258, 259, 261, 263, 285, 286, 295, 299.
Семуа (франц. Semoy) — река — 79.
Сена (франц. Seine) — река — 85, 115, 139, 185, 186, 198, 199, 234, 252, 323.
Сен-Брис (франц. Saint-Brice) — 186.
Сен-Ви (франц. Saint-Vith) — 257, 272.
Сен-Дени (франц. Saint-Denis) — 198, 324, 330.
Сен-Жермен (франц. Saint-Germain) — 186, 324, 330.
Сен-Калэ (франц. Saint-Calais) — 218.
Сен-Кантен (франц. Saint-Quentin) — 76, 156, 252, 257.
Сен-Клу (франц. Saint-Cloud) — предместье Парижа — 333.
Сен-Менэу (франц. Saint-Ménéhould) — 51, 65, 72, 73.
Сен-Мийель (франц. Saint-Mihiel) — 70.
Сен-Мор (франц. Saint-Maur) — 64, 76.
Сент-Авольд (франц. Saint-Avold) — деревня в департаменте Мовель — 46, 29, 32, 37, 40.
Сент-Элуа (франц. Saint-Eloi) — форт в окрестностях Парижа — 144.
Сернэ — см. Виллер-Сернэ.
Скарп (франц. Scarpe) — река — 235.
Со (франц. Sceaux) — в 10 километрах от Парижа — 115.
Солье — (франц. Saulieu) — 236.
Сольферино (итал. Solferino) — деревня в провинции Мантуя, к югу от Гардского озера, в 7 километрах от р. Минчио — 46, 34, 102.
Сомма (франц. Somme) — река — 234, 241.
Сона (франц. Saône) — река 122, 184.
Стенэ (франц. Stenay) — 66, 70, 72—74, 77, 81.
Стони (франц. Stonne) — 170.
Страсбург (немец. Strassburg) — 15, 16, 25, 27—29, 33, 35, 37, 41, 71, 87 — 90, 94, 95, 97, 106, 107, 109, 115, 118, 120, 122, 134, 138, 149, 157, 166, 183, 231, 239, 253.
Суассон (франц. Soissons) — 78, 118, 156, 239, 240, 242.
Сюпп (франц. Suipe) — приток р. Эн — 170.
Сюлли (франц. Sully) — 216.

Т

Тионвиль (франц. Thionville, немец. Diedenhofen) — 16, 37, 53, 54, 122, 189, 237, 239, 240, 253.
Толей (франц. Tholey) — 46.
Трир (немец. Trier, франц. Trèves) — 19, 22, 29, 34.
Труа (франц. Troyes) — 51, 118, 179, 205, 234, 236.
Тудела (испан. Tudela) — 152.
Туль (франц. Toul) — 50, 87, 88, 106, 109, 118, 119, 124, 158, 258, 269.
Тур (франц. Tours) — 156, 162, 173, 179, 190, 197, 200, 216, 219, 220, 234, 267.
Тури (франц. Toury) — 177, 178, 180.
Туртерон (франц. Tourteron) — 170.

У

Уайт (англ. Wight) — остров — 254.
Ульм (немец. Ulm) — 17, 63, 83, 95.

Ф

Фезандри — см. Редут.
Филиппвиль (франц. Philippeville) — 78, 87.
Флавины (франц. Flavigny) — 260.
Фонтенуа (франц. Fontenoy) — деревня вблизи г. Туля — 269.
Фонтенэ-о-Роз (франц. Fontenay-aux-Roses) — предместье Парижа — 115.
Форбах (немец. Forbach) — 29, 30, 32, 33, 40—42, 57, 59.
Фраье (франц. Frahier) — 272.
Франкфурт-на-Майне (немец. Frankfurt-am-Main) — 11, 327, 328.
Френ (франц. Fresnes) — 52, 70.
Фридрих (немец. Friedrich) — западный форт крепости Раштатта, на левом берегу р. Мург — 17.
Фруар (франц. Frouard) — 41, 58, 62, 239.

Ц

Цвейбрюкен (немец. Zweibrücken) — город в Пфальце на р. Шварцбахе — 20, 26, 29.

Ч

Чизлхерст (англ. Chiselhurst) — предместье Лондона — 261.

Ш

Шалон-на-Марне (франц. Châlons-sur-Marne) — 46, 33, 44, 46, 49, 51, 53, 54, 57—59, 62, 64, 65, 69, 70, 73, 76, 156, 166, 169.

- Шалон-на-Соне* (франц. Châlons-sur-Saône) — 236.
- Шампаньоль* (франц. Champagnole) — во французском департаменте Юра — 261.
- Шампиньи* (Champigny) — деревня близ Парижа — 200, 248.
- Шарантон* (франц. Charenton) — форт в окрестностях Парижа — 199.
- Шарлевилль* (франц. Charleville) — 253.
- Шарлемон* (франц. Charlemont) — 67, 76, 78.
- Шартр* (франц. Chartres) — 156, 174, 180, 185, 216.
- Шатийон* (франц. Châtillon) — предместье Парижа в 3 километрах от г. Со — 139.
- Шатийон* (Châtillon) — 189, 239, 253, 259, 260.
- Шатоден* (франц. Châteaudun) — 156, 331.
- Шатонеф* (франц. Châteauneuf) — 186, 187.
- Шато-Сален* (франц. Château-Salins) — 118.
- Шато-Тьерри* (франц. Château-Thierry) — 69.
- Шелль* (франц. Chelles) — 198.
- Шельда* (франц. Escaut, немец. Schelde) — река — 47.
- Шенебье* (франц. Chenebier) — 272.
- Шербур* (франц. Cherbourg) — 162, 184, 241, 254, 268, 269.
- Шьер* (франц. Chier) — река — 81.
- Шильтиггейм* (немец. Schiltigheim) — 89.
- Шлеттадт* (немец. Schlettstadt, франц. Schelestadt) — 157.
- Шмон* (франц. Chaumont) — 51, 162, 179, 236, 259.
- Шпихерн* (немец. Spichern, франц. Spickseregen) — деревня в 4 километрах от г. Форбаха — 41, 42, 57, 109, 168, 169.
- Штеттин* (немец. Stettin) — 67, 109.
- Штральзунд* (немец. Stralsund) — 209.
- Шуази* — см. Шуази-ле-Руа.
- Шуази-ле-Руа* (франц. Choisy-le-Roi) — предместье Парижа — 186, 198.

Э

- Эбро* (испан. Ebro, франц. Ebre) — река в Испании — 152.
- Эйфель* (немец. Eifel) — горная возвышенность в прусской Рейнской провинции — 19, 20.
- Эльба* (немец. Elbe) — река — 211.
- Эпернэ* (франц. Epernay) — 73, 156.
- Эпиналь* (франц. Epinal) — 146.
- Эпюизе* (франц. Epuisay) — 218, 219.
- Эренбрейтштейн* (немец. Ehrenbreitstein) — 22.
- Эрикур* (франц. Héricourt) — 257, 258, 271.
- Этамп* (франц. Etampes) — 185.
- Этен* (франц. Etain) — 52, 62.

Ю

- Юлих* (немец. Julich) — 90.
- Юра* (франц. Jura) — горный кряж на границе Франции и Швейцарии — 258, 271.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абсолютная монархия* — 310.
Австрия — 438, 487, 488.
— австро-прусская война — 13, 34, 104, 202.
— австро-прусская война и Наполеон III — 7, 97.
— австро-франко-итальянская война 1859 г. — 102, 110, 202, 456, 457.
— битва при Мадженте — 28, 34, 102.
— при Сольферино — 16, 34, 102.
— при Садовой — 7.
Альянс социалистической демократии — 339, 391—433, 472—480, 492—502, 508, 509, 517, 519—523, 536—649, 705—707.
Англия — 315, 368—370, 392, 427, 469—471.
Армия
— английская — 102, 184.
— австрийская — 102.
— французская — 11, 12, 101—105, 123.
— германская — 13, 14, 23, 24, 36, 103, 130—133, 155, 224—227.
Артиллерия — 88, 90, 102, 103, 115, 149.

В

- Бакунизм и бакунисты* — 377—382, 505—510.
— оценка государства — 403, 418, 432, 519, 547, 548, 589, 591, 627.
— «теория» революции — 550, 551, 598—602, 605, 628, 629, 645.
— отношение к политической борьбе — 399, 479, 497, 556, 559, 560, 564, 577, 658, 659, 668.
— стремление разрушить Интернационал — 377, 379, 380, 382, 395, 419, 424, 426, 432, 479, 480, 501, 509, 514.
— о праве наследования — 374, 399.
— буржуазная теория об уравнении классов — 374, 395, 398, 399, 542.

- связь с буржуазными элементами, полицией и правительствами — 418, 429, 540, 563, 564, 570, 572, 579, 587, 588, 618.
— двурушничество — 367, 401, 415, 473, 476, 493, 496, 497, 542, 543, 595, 619.
— социальная база бакунизма — 401, 584.
См. также «Альянс социалистической демократии».
Бонапартизм и бонапартисты — 75, 275, 288, 300, 312.
См. также Вторая Империя.
Буржуазия — 94, 311, 312, 315, 320, 330, 331.
Буржуазная цивилизация — 329, 330.

В

- Винтовка* — 24, 74, 102, 104, 127.
Война
— национальная — 8, 9, 202, 334.
— гражданская — 142, 293, 295, 299, 301, 304, 319, 320, 324, 331, 333, 334, 351, 483, 550.
— оборонительная — 7—9, 93, 94, 204, 226, 304.
— завоевательная — 7, 8, 93, 94, 204, 222, 227, 275, 427.
— партизанская — 145, 174, 182, 191, 194, 197, 204, 208—212, 214, 217, 221, 269.
— справедливая — 331.
Всеобщее избирательное право в государстве типа Коммуны — 314.
Всеобщая воинская повинность — 111, 113.
Вторая империя — см. Франция.

Г

- Германия* — 7, 13, 14, 95—97, 155, 157, 243—245, 258, 287, 288.
— воссоединение Германии — 31, 36, 59, 95.
— и Пруссия — 31, 59, 97, 288, 455.

— рабочее движение — 469—471.
 См. также Пруссия.
Гражданская война — см. война гражданская.
Государство и его классовая сущность — 310, 311.
 — отмирание государства — 432, 548.

Д

Датская война 1864 г. — 104.
Декабристы — 632.
Диктатура пролетариата — 312, 316, 416, 461, 660, 667, 668.

И

Икарійцы — 562.
Императивные мандаты — 314, 393, 407, 478, 505—510, 549.
Интернационал I — 334, 335, 377, 379—382, 484, 537, 562, 635, 666.
 — основание Интернационала — 339, 457, 666.
 — программа и устав Интернационала — 397, 398, 417, 419—421, 453, 473, 476, 477, 491, 537, 562, 666, 676, 684—702.
 — Генеральный Совет — 378, 380, 400, 419, 533.
 — внешняя политика Интернационала — 5.
 — и Парижская коммуна — 283, 335, 349, 391—393, 490, 519, 520.
 — и франко-прусская война — 5—9, 93—100, 340, 402, 484.
 — и буржуазная реакция — 339—344, 347—350, 356, 359—364, 366, 371—373, 376, 377, 383—388, 393, 450, 486—491.
 — и царское правительство — 387, 388.
 — борьба с бакунистами и бакунизмом — см. бакунизм и бакунисты, Альянс социалистической демократии.

Секции Интернационала:
 — в Австро-Венгрии — 394, 438.
 — в Англии — 9, 373, 427, 440, 530—534, 678.
 — в Бельгии — 222, 223, 282.
 — в Германии — 8, 393, 427, 663.
 — в Голландии — 593, 668.
 — в Ирландии — 440, 441, 669.
 — в Италии — 393, 394.
 — в Испании — 393, 448—451.
 — в САСШ — 427, 434—436, 462—468, 678.
 — в Франции — 6, 7, 393, 677.
 — в Швейцарии — 426—428, 680—682.
Съезды и конференции I Интернационала:
 — Лондонский конгресс — 420, 692.

— Лованнский конгресс — 421.
 — Брюссельский конгресс — 411, 423, 443, 452, 541, 560.
 — Бавельский конгресс — 378, 403, 405, 406, 412, 414, 415, 423, 435, 450, 458, 497, 498, 533, 553, 554, 566, 577.
 — Лондонская конференция 1871 г. — 372, 394, 410, 412, 415, 418, 429, 432, 436, 466, 477, 513, 521, 531, 558, 561, 570, 582, 657—665, 673—699.
 — Гаагский конгресс — 480, 483—502, 505—516, 522, 525, 526, 528, 530—534, 539, 565, 567, 573, 574, 580, 586, 588, 590—592, 668—670, 700—708.
Ирландия и ирландский вопрос — 440, 441, 663, 664.
Испания — 124, 191, 210.
Июньское восстание 1848 г. во Франции — 305, 306, 311, 318, 329, 490, 667.

К

Кавалерия — 20, 22, 33, 42, 44, 57, 58, 64, 102, 104, 123, 147, 157, 204, 205.
Кадровая система — 112, 113.
Классы и классовая борьба — 310, 334, 335, 663.
 — борьба пролетариата с буржуазией — 329, 333, 336, 337.
 — классовая борьба — борьба политическая — 334, 655, 659, 660, 700.
 — экономическая борьба пролетариата — 469—471, 636, 677.
 — клевета как орудие буржуазии в классовой борьбе против пролетариата — 278—282, 338, 342, 347, 348, 356, 359, 360, 362, 363, 374, 376, 383, 384, 386, 390.
 См. также уничтожение классов.
Коммунизм — 317.
Контиты — 406, 654.
Крепости и их значение в войне — 17, 19, 50, 74, 78, 83, 84, 87, 88, 106, 120, 135, 139, 141, 181, 182, 239, 246, 276.
Крестьянство — 318—320, 675, 676.
Крымская война — 84, 102, 103, 106, 116, 151, 167, 202, 228.
Коммуна Парижская — см. Парижская коммуна.

Л

Ландвер — 13, 35, 36, 74, 113, 122, 157, 161, 175, 217, 225, 226, 241.
Ландштурм — 175, 176, 211.
Лассальнцы — 417.

Легитимисты — 300, 323, 327.
Лига мира и свободы — 374, 375, 395, 397, 425, 540—542, 545, 566.

М

Маджента — см. Австрия.
Манифест Коммунистической партии — 460, 461.
Международное Товарищество Рабочих — см. Интернационал I.
Мелкая буржуазия — 318.
Мобили — 35, 46, 64, 114, 126, 235.
«Молодая Россия» — 642, 647.

Н

Нация — 314, 315.
 — национальная борьба и эксплуатация трудящихся — 280, 334.
Национальная гвардия — 46, 126, 127, 136, 146, 302—307, 312, 653.
Национальные границы — 96, 124, 125.

О

Общества сопротивления — см. Профсоюзы.
Оборона в войне — 37, 84—86, 231.
Оккупация — 220, 221.
Орлеанисты — 300, 301, 323, 327.
Осада Сарагоссы — 151.
Осада Севастополя — см. Крымская война.
Оуэнисты — 562.

П

Панславизм — 275, 395, 640, 642.
Парламентаризм — 298, 311, 313.
Парижская коммуна — 283, 293—337, 342, 349, 353, 360, 366, 381, 383, 405, 411, 412, 426, 443, 444, 461, 489, 490, 519, 586, 635, 653—655, 658, 660, 664, 667, 670, 678, 711.
 — и Интернационал — см. Интернационал I.
 — социально-экономические мероприятия Коммуны — 313, 321.
 — ошибки Коммуны — 306—308.
 — и крестьянство — 315, 318—320.
 — поражение Коммуны — 430, 670.
 — Коммуна — правительство рабочего класса — 316, 320, 667.
 — основные черты Коммуны как пролетарского государства — 313—316.
 — опыт и значение Коммуны — 310, 316, 320, 335, 461.
 — и Пруссия — 327, 328, 333, 354.
 — буржуазная реакция и Коммуна — 330, 331, 354, 357, 358.

Партия пролетариата — 416, 417, 432, 513, 514, 532, 562, 658, 660, 677, 700.
 См. также Интернационал I.
Партийная дисциплина — 380.
Пехота — 12, 57, 77, 146, 156.
Политическая деятельность рабочего класса — 374, 394, 415, 416, 531, 543, 558, 570, 660, 661, 677.
Польша — 97, 276, 287, 320.
Помеицики — 310, 311, 320, 322, 327, 328, 335.
Пролетарская революция — 304, 305, 309, 317, 318, 655.
Пролетариат — 331, 334, 350, 416, 562, 635, 670.
Право наследования — см. бакунизм и бакунисты.
Профессиональные союзы — 532, 571, 678, 687, 691, 702.
Промышленные кризисы — 369.
Пруссия — 7, 11, 31, 95, 96, 101—104, 110—112, 131—133, 158, 175, 208, 209, 211, 243, 275, 288, 301, 303, 312.
 — поражение при Иене — 176, 209.
 — австро-прусская война — 7, 13, 33, 134.
 — и Россия — 97, 244, 274, 275, 334.
 — прусская военная система — 25, 97, 104, 110, 130, 155.
 — прусская завоевательная политика и Наполеон III — 7.
 — партизанское движение в Пруссии во время войны с Наполеоном I — 175, 176, 207—212.
 — прусский правительственный «социализм» — 386, 429.

Р

Рабочее движение — 439, 469—471, 686.
Рабочий класс — 305, 317, 379, 382, 398, 425, 428.
Революция — 304, 310, 322, 659, 660, 664, 670.
Россия — 9, 97, 101, 274, 276, 277, 288, 320.
 — революционное движение в России в 60-х годах XIX в. — 595, 596.
 — крестьянская реформа в России — 274.

С

Садова — см. Австрия.
Седан — см. франко-прусская война.
Сектанство в рабочем движении — 416, 417, 562, 673, 691.
Сен-симонисты — 417, 562.
Собственность — 317.
Социализм утопический — 417.

Соединенные Штаты Америки
— война за независимость — 174.
— гражданская война в Америке — 151, 174.

Сольферино — см. Австрия.
Союз коммунистов — 386, 456, 460.
Сторожевое охранение — 248.

Т

Тильзитский мир — 96.
Трэд-юнионы — 392, 423, 443, 657, 692.
Турция — 202, 275.

У

Уничтожение классов — 398, 416, 432, 514, 553, 659, 660, 677, 700, 703.
Устав I Интернационала — см. Интернационал I.
Учредительный манифест I Интернационала — 416, 676.

Ф

Фортификация — 83, 275.
Франко-прусская война — 11—273, 275, 276, 393, 427, 483—485.
— оценка войны — 7, 8, 30, 31, 59.
— I Интернационал и война — 5—9, 93—100, 403.
— военные планы сторон — 11—21, 27, 36.
— поражение французской армии при Седане — 67, 81—83, 159, 166, 189, 246, 250, 259, 263, 286, 287, 295, 402, 484.
— второй этап войны — 93, 172, 194, 204, 243—245, 266—269, 485.
— осада и падение Меца — 142—145, 161, 163—165.

— осада Парижа — 146—149, 182—187, 228—231, 246—249, 294.
— поражение Бурбаки — 259, 261, 270.
— франко-прусская война и Россия — 8, 97.
Франция — 5, 6, 12, 13, 31, 45, 47, 59, 63, 64, 67, 68, 71, 74, 79, 83, 94—99, 101—103, 110, 112, 113, 119, 123, 124, 128, 129, 135, 136, 159, 161, 162, 165, 189, 193, 206, 220, 221, 241, 243, 258, 264, 288, 295, 300, 315, 324, 327, 328.
— революция 1789 г. — 310, 320.
— первая республика — 254.
— первая империя — 99, 310.
— революция 1830 г. — 310.
— революция 1848 г. — 298, 306, 310, 312, 326, 667.
— переворот в декабре 1851 г. — 6, 308.
— вторая империя 7, 23, 29, 36, 37, 93, 97, 98, 105, 136, 142, 165, 167, 170, 246, 273, 280, 298, 301, 304, 310, 318—322, 327, 376, 427, 484.
— революция 4/1 X 1870 г. — 293, 303, 304.
— сентябрьская республика — 98, 293, 300, 303, 326.
— Коммуна — см. Парижская коммуна.
— франко-русский союз — 288.
Фурьеристы — 418, 562.

Ч

Чартизм — 532, 666.

Ю

Юрская федерация — 377, 381, 382, 412, 507, 508, 515, 521, 526, 529, 579, 588, 592, 594, 682.

ПАРИЖ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ. 1870—1871 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Маркс и Ф. Энгельс.

Статьи, корреспонденции, документы Интернационала
1870—1873 гг.

Стр.

Предисловие V

1870 г.

<i>К. Маркс.</i> Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих о войне	5
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — I	11
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — II	15
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — III	19
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — IV	22
<i>Ф. Энгельс.</i> Прусские победы.	27
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — V	32
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — VI	36
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — VII	40
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — VIII	44
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — IX	48
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — X	52
<i>Ф. Энгельс.</i> Кризис войны	56
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XI	61
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XII	65
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XIII	69
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XIV	72
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XV	76
<i>Ф. Энгельс.</i> Французские поражения	80
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XVI	83
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XVII	87
<i>К. Маркс.</i> Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о войне	93
<i>Ф. Энгельс.</i> Расцвет и упадок армий	101
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XVIII	106
<i>Ф. Энгельс.</i> Как разбить пруссаков	110
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XIX	114

	<i>Стр.</i>
<i>Ф. Энгельс.</i> История переговоров	118
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XX	122
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXI	126
<i>Ф. Энгельс.</i> Принципы прусской военной системы	130
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXII	134
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXIII	138
<i>Ф. Энгельс.</i> Судьба Меца	142
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXIV	146
<i>Ф. Энгельс.</i> Сарагосса — Париж	151
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXV	155
<i>Ф. Энгельс.</i> Падение Меца	159
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXVI	163
<i>Ф. Энгельс.</i> Апология императора	165
<i>Ф. Энгельс.</i> Бои во Франции	172
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXVII	177
<i>Ф. Энгельс.</i> Укрепленные столицы	181
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXVIII	185
<i>Ф. Энгельс.</i> Военная обстановка во Франции	189
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXIX	194
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXX	198
<i>Ф. Энгельс.</i> Шансы войны	202
<i>Ф. Энгельс.</i> Прусские партизаны	203
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXXI	213
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXXII	218
<i>Ф. Энгельс.</i> VI конгрессу бельгийских секций Международного Товарищества Рабочих	222
<i>Ф. Энгельс.</i> Положение немцев во Франции	224

1871 г.

<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXXIII	228
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXXIV	233
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXXV	238
<i>К. Маркс.</i> О свободе слова и печати в Германии. Редактору «Daily News»	243
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXXVI	246
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXXVII	252
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXXVIII	256
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XXXIX	259
<i>Ф. Энгельс.</i> Заметки о войне. — XL	262
<i>Ф. Энгельс.</i> Положение дел во Франции с военной точки зрения	266
<i>Ф. Энгельс.</i> Катастрофа Бурбаки	270
<i>Ф. Энгельс.</i> Корреспонденция. Положение дел в России. Редактору «Pall Mall Gazette»	274
<i>К. Маркс.</i> В редакцию «Volksstaat»	278
<i>К. Маркс.</i> Редактору «De Werker» Кунену	280
<i>К. Маркс.</i> Редактору газеты «Times»	281
<i>Ф. Энгельс.</i> [Об антверпенских сигарочниках]	282
<i>Ф. Энгельс.</i> Постановление Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих об исключении Толена	283
<i>Ф. Энгельс.</i> Еще раз «Господин Фогт»	284

	<i>Стр.</i>
<i>К. Маркс.</i> Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. Ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных Штатах	293
I	—
II	302
III	309
IV	324
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Pall Mall Gazette»	338
<i>К. Маркс</i> и <i>Ф. Энгельс.</i> Редактору газеты «Times»	339
<i>Ф. Энгельс.</i> Редактору «Daily News»	341
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Standard»	342
<i>Ф. Энгельс.</i> Редактору «Spectator» (или «Examiner»)	—
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Times»	343
<i>К. Маркс.</i> В редакцию «Neue Freie Presse»	344
<i>Ф. Энгельс.</i> Редактору «Daily News»	345
<i>К. Маркс.</i> Редактору «The Eastern Post»	347
<i>К. Маркс.</i> В редакцию «Pall Mall Gazette»	348
<i>Ф. Энгельс.</i> Корреспонденция в «Volksstaat»	349
<i>К. Маркс.</i> Господин Уошберн, американский посол в Париже. Письмо Генерального Совета Нью-Йоркскому Центральному комитету секций Международного Товарищества Рабочих в Соединенных Штатах	351
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Morning Advertiser»	356
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Standard»	—
<i>К. Маркс</i> и <i>Ф. Энгельс.</i> Редактору «Times»	357
<i>К. Маркс.</i> Редактору «L'Internationale»	359
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Public Opinion»	360
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Le Gaulois»	361
<i>К. Маркс.</i> Редактору «La Vérité»	362
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Evening Standard»	363
<i>К. Маркс.</i> [Об аресте Лафарга]	364
<i>К. Маркс.</i> [Сопроводительное письмо к посланной издательницам «Woodhull and Claflin's Weekly» статье Ж. Маркс.]	365
<i>Ф. Энгельс.</i> Резолюция Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих об исключении Дюрана	366
<i>К. Маркс.</i> Решение Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих от 19 октября 1871 г.	367
<i>Ф. Энгельс.</i> [Корреспонденция из Лондона в газету «Volksstaat».]	368
<i>Ф. Энгельс.</i> Редактору газеты «Eastern Post»	371
<i>К. Маркс</i> [В редакцию «Frankfurter Zeitung»]	373
<i>Ф. Энгельс.</i> Редактору газеты «La Roma del Popolo»	374
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Eastern Post»	376
1872 г.	
<i>Ф. Энгельс.</i> Конгресс в Сонвилле и Интернационал	377
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Eastern Post»	383
<i>К. Маркс.</i> Редактору «Eastern Post»	384
<i>Ф. Энгельс.</i> Редактору «Gazzettino Rosa»	385
<i>К. Маркс</i> и <i>Ф. Энгельс.</i> Заявление Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих [об обыске у Утина]	387

<i>К. Маркс</i>	Мнимые расколы в Интернационале. Негласный циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих 391—433	
	I	391
	II	394
	III	404
	IV	412
	V	424
	VI	426
	VII	430
<i>К. Маркс.</i>	Резолюции Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о расколе в Федерации Соединенных Штатов, принятые на заседаниях от 5 и 12 марта 1872 г.	434
<i>К. Маркс.</i>	Редактору «La Liberté»	437
<i>Ф. Энгельс.</i>	Гражданам делегатам Сарагосского конгресса в Испании	438
<i>Ф. Энгельс.</i>	Конгрессу в Сарагоссе	439
<i>К. Маркс.</i>	Декларация Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. Полицейский террор в Ирландии	440
<i>К. Маркс.</i>	[Листовка Генерального Совета, выпущенная в связи с выступлением Кокрэна против Интернационала.]	442
<i>Ф. Энгельс.</i>	Доклад о Сарагосском конгрессе секций Интернационала в Испании	448
<i>К. Маркс.</i>	Заявление Генерального Совета Международного Товарищества рабочих [относительно «Всемирного федеративного совета»].	452
<i>К. Маркс.</i>	Редактору «Gazzettino Rosa»	455
<i>Ф. Энгельс.</i>	[Резолюция Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих от 18 июня 1872 г. о созыве и порядке дня конгресса в Гааге]	458
<i>К. Маркс</i>	<i>и Ф. Энгельс.</i> [«Манифест Коммунистической партии», немецкое издание 1872 года.] Предисловие.	460
<i>Ф. Энгельс.</i>	Интернационал в Америке	462
<i>К. Маркс.</i>	К бастующим горнорабочим Рурской области	469
<i>Ф. Энгельс.</i>	[О бакунистском «Альянсе».]	472
<i>Ф. Энгельс.</i>	Генеральный Совет. Циркулярное письмо ко всем членам Международного Товарищества Рабочих (проект)	475
<i>Ф. Энгельс.</i>	Генеральный Совет Новой мадридской федерации	481
<i>К. Маркс.</i>	Отчет Генерального Совета пятому ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих, заседавшему в Гааге от 2 до 7 сентября 1872 г.	483
<i>Ф. Энгельс.</i>	Доклад об Альянсе социалистической демократии, представленный Гаагскому конгрессу от имени Генерального Совета	492
<i>К. Маркс.</i>	Редактору «Corsaire».	503
<i>К. Маркс.</i>	Редактору «Daily News»	504
<i>Ф. Энгельс.</i>	Императивные мандаты на Гаагском конгрессе	505
<i>Ф. Энгельс.</i>	[Письмо к Биньями о Гаагском конгрессе.]	511
<i>К. Маркс.</i>	В редакцию «Volksstaat».	517
<i>Ф. Энгельс.</i>	Отчет Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих о положении Товарищества в Испании, Португалии и Италии. I. Испания	519
<i>Ф. Энгельс.</i>	Письмо из Лондона	524
<i>Ф. Энгельс</i>	<i>и К. Маркс.</i> Редактору «The International Herald»	527
<i>Ф. Энгельс.</i>	[О Британском федеральном совете]	530

Стр.

1873 г.

<i>К. Маркс</i> и <i>Ф. Энгельс</i> . Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих	537—649
I. Введение	537
II. Тайный Альянс	540
III. Альянс в Швейцарии	551
IV. Альянс в Испании	566
V. Альянс в Италии	577
VI. Альянс во Франции	585
VII. Альянс после Гаагского конгресса	588
VIII. Альянс в России	594
1. Нечаевский процесс	—
2. Революционный катехизис	622
3. Воззвание Бакунина к офицерам русской армии	629
IX. Заключение	635
X. Добавление к главе Альянс в России	637*
1. Геджра Бакунина	—
2. Панславистский манифест Бакунина	639
3. Бакунин и царь	641

Записи речей Маркса и Энгельса 1870—1872 гг.

{Речи о Парижской коммуне.}	653
1. [<i>Ф. Энгельс</i> . Сообщение о Парижской коммуне.]	—
2. [<i>К. Маркс</i> . Речь о Парижской коммуне.]	655
{Речи на Лондонской конференции 1871 г.}	657
1. [Речь <i>К. Маркса</i> на заседании Лондонской конференции 20 сентября 1871 г. о трэд-юнионах.]	—
2. [План речи <i>Ф. Энгельса</i> на заседании Лондонской конференции 21 сентября 1871 г.]	658
3. [Речь <i>Ф. Энгельса</i> на заседании Лондонской конференции 21 сентября 1871 г. о политическом действии рабочего класса.]	660
4. [Речь <i>К. Маркса</i> на заседании Лондонской конференции 21 сентября 1871 г. о политическом действии рабочего класса.]	662
5. [Речь <i>К. Маркса</i> на заседании Лондонской конференции 22 сентября 1871 г. о положении Международного Товарищества Рабочих в Германии и Ирландии.]	663
6. [Речь <i>К. Маркса</i> на заседании Лондонской конференции 22 сентября 1871 г. о тайных обществах.]	665
{Речь <i>К. Маркса</i> на праздновании 7-летия I Интернационала.]	666
{Речь <i>К. Маркса</i> на митинге в Амстердаме после окончания работ Гаагского конгресса.]	668

Революции Международного Товарищества Рабочих

Революция конференции делегатов Международного Товарищества Рабочих, состоявшейся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г.	673
Общий устав и организационный регламент Международного Товарищества Рабочих	684
Революция общего конгресса, состоявшегося в Гааге от 2 до 7 сентября 1872 г.	700

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стр.

Ж. Маркс. Редактору «Woodhull and Claflin's Weekly» 711

УКАЗАТЕЛИ

<i>Именной указатель</i>	721
<i>Указатель географических названий</i> к статьям Энгельса «Заметки о войне» и к работе Маркса «Гражданская война во Франции»	749
<i>Предметный указатель</i>	756

ИЛЛЮСТРАЦИИ

— Первая страница воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о войне (от 23 июля 1870 г.)	3
— Первая страница второго воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о войне (от 9 сентября 1870 г.)	91
— Титульный лист второго английского издания «Гражданской войны во Франции»	291
— Страница корректуры французского издания «Гражданской войны во Франции»	308—309
— Заглавие газеты «The Eastern Post»	347
— Титульный лист негласного циркуляра Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Мнимые расколы в Интернационале».	389
— Титульный лист брошюры «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих»	535
— Страница рукописи Ф. Энгельса — «План речи на заседании Лондонской конференции 21 сентября 1871 г.»	658—659

КАРТЫ

Театр военных действий франко-прусской войны 1870—1871 гг.
Париж и его окрестности.

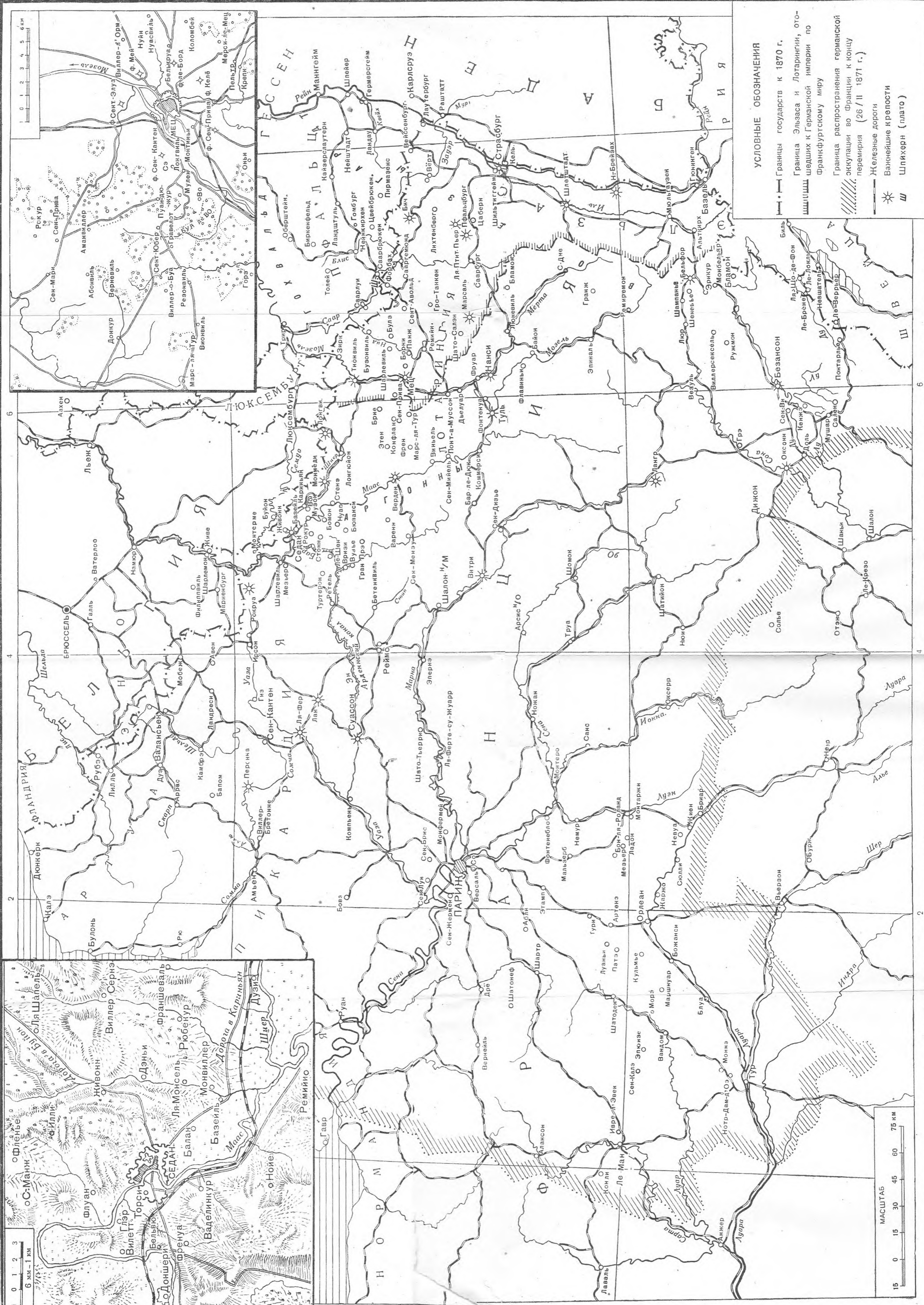
Текст настоящего тома подготовили к печати *И. Г. Викторев* и *И. Ф. Горин*
под руководством *В. В. Адоратского*.

Сдано в производство 19/XI 1939 г. Подписано к печати 31/V—16/IX 1940 г. КЛ/МЭ.
Заказ № 745. Политиздат № 1014. А-31967. Формат бумаги 68×100¹/₁₆. Печ. л. 49
84 400 тип. вв. в 1 бум. л.). Бум. л. 24¹/₂. Тираж 48.000 (1—30 тыс.). Бумага фабрики
* им. Менжинского. Коленкор Шелковской фабрики.

Цена в переплете 6 р. 50 к.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата при ЦК ВКП(б).
Москва Краснопролетарская 16.

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ФРАННО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1870-1871 ГГ.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Границы государств к 1870 г.
- Граница Эльзаса и Лотарингии, отошедших к Германской империи по Франкфуртскому миру
- Граница распространения германской оккупации во Франции к концу перемирия (26 / II 1871 г.)
- Железные дороги
- Важнейшие крепости
- Шпихерн (плато)

МАСШТАБ
15 0 15 30 45 60 75 км